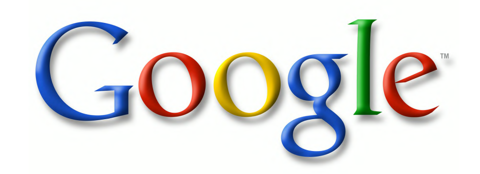


1666

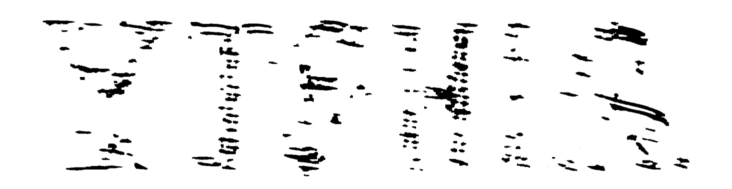
ЧТЕНІЯ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Издано подъ редакціею
А. М. Лазаревскаго

КІЕВЪ.
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1896.

Чтенія
въ Историческомъ Обществѣ
Нестора Лѣтописца.
КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.
КІЕВЪ. 1896.



[illegible]

[illegible]

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

[illegible]

[illegible]

КИЕВЪ.

[illegible]

[illegible]

Печатать разрѣшается.—Предсѣдатель Общества *А. Лазаревскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

XI-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и извлеченія изъ отчета о его состояніи и дѣятельности съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г. и изъ постановленій Совѣта Общества.

Стран.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и извлеченія изъ отчета о его состояніи и дѣятельности съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г. и изъ постановленій Совѣта Общества.

[illegible]

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 12 НОЯБРЯ 1895 г.

Д. чл. Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе о произведенныхъ имъ *«Раскопкахъ въ Крыму лѣтомъ 1895 г.»*.

Въ началѣ доклада лекторъ сообщилъ о своихъ работахъ по срисовкѣ надписей въ христіанской катакомбѣ, найденной въ Керчи зимою текущаго года. Памятникъ этотъ представляетъ полную аналогію той христіанской катакомбѣ, которая была открыта г. Кулаковскимъ въ 1890 г. и снимки съ которой вскорѣ затѣмъ помѣщены были въ «Матеріалахъ», издаваемыхъ Императорской Археологической коммиссіей. На стѣнахъ вновь открытой катакомбы написанъ текстъ 90 псалма и молитва «Святый Боже». По характеру буквъ надпись можно пріурочить къ тому же времени, что и первый памятникъ этого рода, имѣющій точную дату, а именно, 491 годъ нашей эры. Часть надписи въ точномъ воспроизведеніи на калькѣ была демонстрирована собранію.

Затѣмъ Ю. А. Кулаковскій сообщилъ о другой сторонѣ даннаго ему порученія—собиранія матеріаловъ для составленія археологической карты Крыма. Центромъ экскурсій былъ избранъ Симферополь. Предпринимая оттуда поѣздки въ разныхъ направленіяхъ, г. Кулаковскій, вмѣстѣ со своимъ сотрудникомъ, дѣлопроизводителемъ Таврической архивной коммиссіи г. Маркевичемъ, наносилъ на карту большого масштаба (1 верста въ дюймѣ) всѣ курганы и всякаго рода археологическія данныя. Такъ былъ обслѣдованъ районъ отъ Симферополя до моря, къ западу, и до начала горныхъ долинъ къ югу и востоку.

Раскопки, предпринятыя г. Кулаковскимъ, имѣли цѣлью дополнить имѣющіяся уже данныя. Онъ ихъ производилъ на некрополѣ городища, лежащаго надъ Симферополемъ, и въ мѣстности между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Альмы и Качи. Здѣсь раскопано было четыре кургана, въ которыхъ оказались погребенія разныхъ типовъ и разныхъ эпохъ. На одномъ изъ этихъ кургановъ стояла каменная «баба», но, какъ показало изслѣдованіе, безъ отношенія къ совершеннымъ тамъ погребеніямъ.

Типы погребенія попадались при раскопкахъ кургановъ различные. Первый болѣе древній, когда костякъ съ подогнутыми ногами, въ ямѣ, углубленной въ материкѣ и закрытой дубовыми брусьями, иногда окрашенный, лежитъ или на боку или кверху лицомъ; руки протянуты; предметовъ никакихъ. Второй типъ — склепы изъ большихъ плитъ, безъ углубленія въ материкѣ; въ одномъ изъ такихъ склеповъ, вмѣстимостью въ одинъ кубическій аршинъ, два костяка найдены въ сидячемъ положеніи; на лѣвомъ костякѣ найдены были тонкія костяныя пуговицы, а за спиной горшокъ изъ черной глины. Погребеніе обоихъ этихъ типовъ относится ко временамъ доисторическимъ. Въ числѣ могилъ третьяго типа (впускныя могилы) была раскопана гробница съ характерными предметами скиѳскаго происхожденія. Тамъ были найдены бронзовыя массивныя застежки, желѣзный мечъ, наконечникъ копья и полный колчанъ стрѣлъ. Наконецъ, была раскопана еще могила, видимо временъ степныхъ кочевниковъ, гдѣ отыскана длинная кривая сабля и др. предметы.

Далѣе Ю. А. Кулаковскій сообщилъ о посѣщеніи имъ нѣкоторыхъ развалинъ христіанскихъ сооруженій въ горныхъ долинахъ Крыма и пещерныхъ городовъ, причемъ имъ были найдены новыя надписи, которыя онъ и демонстрировалъ собранію.

Въ настоящемъ засѣданіи по произведенной баллотировкѣ избраны въ члены совѣта Общества Нестора *П. В. Голубовскій* и *А. І. Степовичъ.*

Въ почетные члены избранъ графъ *Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ*, а въ дѣйствительные—графъ *Григорій Александровичъ Милорадовичъ.*

II. ЗАСѢДАНІЕ 26-го НОЯБРЯ 1895 г.

а) Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** представилъ разборъ *«Московской лѣтописи»*, напечатанной г. А. Н. Лебедевымъ въ 3-й книгѣ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» за 1895 г. подъ заглавіемъ: «Лѣтописецъ русскій. Продолженіе повѣстей времянныхъ лѣтъ». Рукопись лѣтописи содержитъ изложеніе событій одиннадцати лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго—отъ 1553 по 1563 г. Сравнивая рукопись лѣтописи г. Лебедева съ лѣтописью г. Львова, съ V-мъ томомъ исторіи Татищева и текстомъ г. Преснякова («Царственная книга, ея составъ и происхожденіе») и отмѣчая различія между ними, референтъ пришелъ къ заключенію объ ихъ почти полномъ сходствѣ. Новая часть рукописи заключаетъ въ себѣ извѣстія о событіяхъ съ августа 1560 по февраль 1563 г.; въ ней выдѣляется, напр., разсказъ о сватовствѣ Іоанна IV, между прочимъ и о сватовствѣ его къ сестрѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа, которое не имѣло успѣха, потому что было соединено съ переговорами относительно уступки спорныхъ пограничныхъ городовъ. Далѣе важны подробности о пріѣздѣ въ Москву пословъ константинопольскаго патріарха Іоасафа съ благословенной на царство грамотой и чиномъ царскаго вѣнчанія, а также съ его же «Посланіемъ учительнымъ отъ божественныхъ писаній къ преосвященному Макарію, митрополиту (кіевскому), обличая злославную и пагубную и богомерзкую люторскую ересь», которое (т. е. посланіе) было вызвано церковными нестроеніями въ Западной Руси. Весьма подробно изложено также въ лѣтописи описаніе похода, осады и взятія г. Полоцка и, наконецъ, разсказъ о службѣ князя Дмитрія Вишневецкаго московскому государю. Указанныя подробности въ лѣтописи дѣлаютъ ее однимъ изъ важныхъ источниковъ и для историка Южной Руси [1]).

б) Д. чл. **Вас. Г. Лясворонскій** прочелъ докладъ *«О граверѣ XVII в. Гильомѣ Гондіусѣ и его картографическихъ трудахъ относительно Южной Россіи, произведенныхъ по чертежамъ и планамъ Левассера де-Боплана»*.

Въ русской исторической литературѣ свѣдѣнія объ извѣстномъ въ свое время граверѣ Гильомѣ Гондіусѣ крайне скудны отчасти вслѣд-

[1]) См. № 1 «Кіев. Старины» за 1896 г., стр. 46—50.

ствіе недостаточнаго знакомства съ атласомъ Южной Руси Боплана, изготовленнымъ Гондіусомъ въ своей мастерской; поэтому референтъ поставилъ своей задачей собраніе и сводъ данныхъ, касающихся этого талантливаго художника, труды котораго воспроизводятъ предъ нами далекое прошлое Украины.

Фамилія Гондіусовъ происходитъ изъ Голландіи и первоначально писалась Hondt; позже она стала прибавлять окончаніе *ius*; изъ этой семьи вышло пять даровитыхъ художниковъ: Jost Hondius (1563—1611), его сынъ Heinrich Младшій (1580—1648), отецъ Wilchelm'a (1601—1660); Heinrich Старшій (1573—1610) и Abraham (1638—1695). Генрихъ Гондіусъ Младшій наслѣдовалъ отъ своего отца довольно значительное состояніе, заключавшееся въ граверныхъ мастерскихъ Амстердама и Гаги. Ведя лично дѣло, онъ пріучалъ къ тому же и своего сына Гильома. Въ двадцать съ лишкомъ лѣтъ послѣдній считался лучшимъ художникомъ-граверомъ Голландіи. Въ 1624 году туда прибылъ наслѣдникъ польскаго престола королевичъ Владиславъ, большой любитель искусствъ; ему былъ представленъ, между прочими, и молодой граверъ Гондіусъ. Въ предѣлахъ Польши онъ появляется лишь въ 1634 году, т. е., по избраніи въ короли Владислава IV; до того времени онъ награвировалъ свой собственный портретъ (1625 г.), потомъ портреты герцога Іоанна-Эрнеста Саксонскаго (1630 г.) и эрцгерцогини австрійской Клары-Изабеллы-Евгеніи (1633 г.). Въ Польшѣ мѣстомъ своего поселенія Гондіусъ избралъ г. Данцигъ; одной изъ причинъ переѣзда его сюда могла быть и надежда на полученіе бо́льшаго количества заказовъ, которые на родинѣ расходились между множествомъ бывшихъ тогда въ Голландіи художниковъ; дѣйствительно, Гондіусъ получалъ массу заказовъ на портреты, на изображенія архитектурныхъ зданій, статуй, тріумфальныхъ воротъ (по случаю ожидавшагося торжества коронаціи Владислава IV) и проч. О пребываніи Гондіуса въ г. Данцигѣ мы узнаемъ изъ документа 1641 г., помѣщеннаго г. Гагеномъ (въ г. Кенигсбергѣ) въ газетѣ: «Neue Preusiche Provincial-Blätter» за 1851 г. Документъ содержитъ въ себѣ королевскій приказъ о невзиманіи таможенныхъ пошлинъ съ предметовъ рисованія и гравированія, пріобрѣтаемыхъ Гондіусомъ въ Голландіи. До 1652 г. онъ продолжалъ жить въ Данцигѣ; послѣ того переселился обратно на родину, гдѣ и умеръ въ 1660 году. Изъ множества портретовъ, гравированныхъ въ Польшѣ Гондіусомъ, упомянемъ лишь о

слѣдующихъ: 1) о портретѣ польской принцессы Циціліи-Ренаты; 2) короннаго чашника Адама Казановскаго; 3) о пяти портретахъ польскаго короля Яна-Казимира; 4) о портретѣ молдавскаго господаря Василія Лупуллы; 5) о трехъ портретахъ гетмана Богдана Хмельницкаго; 6) о трехъ портретахъ графа Денгофа; 7) о портретѣ виленскаго воеводы Карла Ходкевича; 8) польской королевы Маріи-Людвиги Ганзаго; 9) гнѣзненскаго бискупа Андрея Лещинскаго и мног. друг. Кромѣ портретовъ, Гондіусомъ была приготовляема по заказу инженера Левассера де-Боплана карта, представляющая всѣ земли Польши, но, за смертью художника, не была имъ окончена; она предназначалась ко 2-му изданію «Description d'Ukraine» Боплана, вышедшему въ свѣтъ въ 1660 г., и явилась потомъ отдѣльно подъ заглавіемъ: «Nova totius Poloniae Magnique Ducatus Prussiae et Lithvaniae, cum suis palatinatibus et confiniis, exacta delineatio per G. Levasseur de-Beauplan, s. regiae m-tis architectum militarem et capitaneum». Объ атласѣ Украины Боплана референтомъ было сдѣлано раньше подробное сообщеніе [1]); напоминая объ этомъ атласѣ, г. Ляскоронскій воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы дать точное и полное заглавіе второго атласа Боплана, изданнаго имъ въ 1650 г., именно: «Delineatio specialis et accurata Ukrainae, cum suis palatinatibus et districtibus provinciisque adjacentibus, bono publico erecta per Guilhelmus Le Vasseur de-Beauplan, architectum militarem et capitaneum, aeri vero ecisa opera et studio Wilhelmi Hondii, s. reg. m-tis Poloniae et Suetiae calcographi privilegiati. Gedani. Anno Domino MDCL». На поляхъ картъ приписано: «Guilhelmus Le Vasser de-Beauplan, s. r. m-tis archit. militaris et capitaneus, mensuravit et delineavit, Wilhelmus Hondius, s. r. m-tis calcographus, sculpsit, cum privilegio s. r. m-tis in triginta annos, Gedani, 1650 a.

Атласъ изданія 1648 г. имѣется въ двухъ экземплярахъ: одинъ хранится въ собраніи графа Bolesława Starczynskiego, въ Подоліи, а другой—въ музеѣ князей Чорторійскихъ.

III. ЗАСѢДАНІЕ 10-го ДЕКАБРЯ 1895 Г.

а) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** въ сообщеніи *«О крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи до Революціи»* провелъ ту мысль, что,

[1]) 15-го октября 1895 г.—См. «Чтенія» кн. X-я, отд. I-й, стр. 37.

вопреки довольно распространенному мнѣнію, земельная собственность французскихъ крестьянъ, не въ примѣръ Англіи, начиная съ XVI в., постепенно увеличивалась и расширялась, при чемъ продажа конфискованныхъ дворянскихъ земель въ значительной степени содѣйствовала росту земельнаго богатства французскаго крестьянства, которое въ этомъ отношеніи весьма успѣшно боролось съ буржуазіей. Вообще установилось мнѣніе, что дворянство и духовенство во Франціи предъ Революціей обладало двумя третями земельныхъ богатствъ Франціи, остальная же треть принадлежала буржуазіи и крестьянамъ. Однако, насколько даютъ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи архивныя данныя, собранныя референтомъ на мѣстѣ, дѣло обстоитъ далеко не такъ: крестьянство, вмѣстѣ съ буржуазіей, въ концѣ XVIII в. обладало доброй половиной всей французской земли.

б) Г. **Предсѣдателемъ** сдѣланъ былъ разборъ соч. «*Д. И. Эварницкаго: Исторія Запорожскихъ козаковъ. Спб. Томъ 1-й. 1892. VII—542 стр. и 22 рисунка. Томъ 2-й. 1895 г. 624 стр. и 1 планъ*». (Напечатанъ въ X-й книгѣ, отд. IV, стр. 3—23).

IV. ЗАСѢДАНІЕ 17-го ДЕКАБРЯ 1895 Г.

а) Г. **Секретарь** изложилъ содержаніе и представилъ выводы новаго труда по археологіи: «*Мегалитическіе памятники Святой Земли». Изслѣдованіе профессора Кіевской Духовной Академіи А. А. Олесницкаго Спб. 1895 г.*» (Напечатано въ X книгѣ, отд. IV, стр. 24—47).

Д. чл. *Ю. А. Кулаковскій* указалъ на неопредѣленность терминологіи, замѣчаемой въ изслѣдованіи проф. Олесницкаго.

Референтъ возразилъ, что къ археологіи вообще нельзя предъявлять строгихъ требованій въ смыслѣ точности и опредѣленности.

б) Поч. гл. **В. В. Антоновичъ** прочелъ докладъ «*О раскопкахъ Ч. В. Хвойка по Кирилловской улицѣ*». Два года тому назадъ, на мѣстѣ нынѣшнихъ раскопокъ, г. Хвойко случайно обнаружилъ присутствіе нѣкоторыхъ интересныхъ предметовъ: найдены были кости мамонта и усмотрѣны два прослойка земли такого древняго происхожденія, какого до сихъ поръ не удавалось наблюдать. Въ настоящее время г. Хвойко нашелъ тамъ же очень важное мѣсто, которое и изслѣдуетъ самымъ тщательнымъ и научнымъ способомъ. Мѣсто это

находится по Кирилловской улицѣ, по лѣвой сторонѣ, и принадлежитъ двумъ домовладѣльцамъ гг. Зивалу и Багрѣеву. Это—нагорная возвышенность, окруженная рвами. Г. Хвойко началъ срѣзывать эту гору сверху, и результатомъ явилось нахожденіе слѣдующихъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ этомъ мѣстѣ стоянки человѣка каменнаго вѣка. Прежде всего былъ открытъ цѣлый слой предметовъ, имѣющихъ въ археологіи названіе кухонныхъ остатковъ. Здѣсь эти остатки представляли собой массу раковинъ молюсковъ, которые очевидно служили пищей для первобытнаго человѣка, благодаря той легкости, съ какой они доставались ему въ добычу. Слой этотъ простирается на 6 саженъ, имѣя въ ширину и глубину по 3 аршина. Здѣсь же найдены звѣриныя кости, ломаныя и расколотыя; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ слѣды нарѣзовъ. Эти кости принадлежали, повидимому, какой-то породѣ быка, дикой свиньи, оленя и бобра. Тутъ-же найдено большое количество черепковъ. На верхушкѣ горы найдены мѣста утоптанныя, со слѣдами золы, которыя, по всей вѣроятности, служили очагами для раскладыванія огня и приготовленія пищи. Далѣе найдены сооруженія, которыя необходимо признать печами. Это небольшія ниши, числомъ 5. Изъ трехъ вполнѣ сохранившихся самая большая достигаетъ въ вышину 1 арш. 3 вершк. и въ длину $1^1/_2$ аршина. Ниши эти представляютъ интересъ по своей конструкціи. Онѣ по стѣнкамъ и на полу выложены глиной иного качества, нежели культурный слой, и, какъ видно изъ осмотра кусковъ этой глины, она была налѣплена на поверхность, утыканную деревянными колышками. Тамъ же попадались камни, связанные глиной. Все это свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой культурности первобытнаго кіевлянина. Въ этихъ печахъ найдены кучи золы и много черепковъ и цѣлыхъ сосудовъ (въ одной печи до 35 экземпляровъ). Судя по тому, что нѣкоторые изъ нихъ являются въ незаконченномъ видѣ, можно съ вѣроятностью предположить, что эти ниши служили гончарными печами. Кромѣ этихъ находокъ, обнаружено много предметовъ, изъ которыхъ 95% представляютъ издѣлія изъ оленьяго рога: топоры, долота, клинья и проч.; нѣкоторые изъ этихъ предметовъ орнаментированы; между ними также попадаются не оконченные; небольшой процентъ представляютъ мелкія издѣлія изъ кости. Найденныя здѣсь-же издѣлія изъ глины дѣлятся на 2 типа: низкой и болѣе высокой культуры. Черепки перваго типа сдѣланы изъ очень

грубой глины, не вся толща ихъ пережжена; черепки второго типа представляютъ нѣкоторое разнообразіе, глина отлично выжжена, въ ней замѣтна примѣсь другихъ веществъ, напримѣръ, перетолченныхъ раковинъ. Орнаментика этихъ черепковъ болѣе разнообразна, попадается и такъ наз. шнуровая орнаментика; горшки имѣютъ ушки и шины. Есть также третій типъ, именно, горшки окрашенные. Вблизи одной изъ печей открыто «погребеніе»: костякъ въ сидячемъ положеніи, небольшой по размѣру и не имѣетъ археологическихъ особенностей; при скелетѣ найдены: горшочекъ, топорикъ, нѣсколько черепковъ и камней, служившихъ, очевидно, для полированія предметовъ. Сличеніе этой находки съ другими заставляетъ выдѣлить ее изъ числа находокъ въ бассейнѣ р. Днѣпра. Камень здѣсь уже вытѣсняется издѣліями изъ рога и кости, что указываетъ уже на болѣе высокую культуру. Можно установить аналогію между этой раскопкой и раскопками, произведенными въ области рѣкъ Волги, Камы и Оки и извѣстными въ наукѣ подъ именемъ «костныхъ городищъ».—Найденный же въ единственной гробницѣ горшочекъ съ остатками охры позволяетъ причислить данное погребеніе къ типу такъ наз. «костяковъ съ крашеными черепами», типу, хорошо извѣстному въ южно-русской области. Это обстоятельство даетъ право заключить, что стоянка, слѣды которой найдены г. Хвойкомъ, относится къ концу каменнаго вѣка и граничитъ со временемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «скиѳскаго періода».

При этомъ сообщеніи проф. В. Б. Антоновичъ демонстрировалъ образцы найденныхъ предметовъ, планы и чертежи раскопки, а также эскизъ художника Свѣтославскаго, который, слѣдя съ интересомъ за раскопками г. Хвойко, на основаніи точнаго изученія собраннаго матеріала, возсоздалъ цѣльную картину, изображающую стоянку семьи кіевлянина конца каменнаго періода.

Затѣмъ г. **Предсѣдатель** сдѣлалъ краткое сообщеніе «*О кладѣ, найденномъ близъ села Пилявы (Каневскаго уѣзда)*», на берегу р. Росавы. Мальчикъ, разоряя гнѣзда рѣчныхъ ласточекъ-щуровъ, находящихся въ большомъ количествѣ на обрывистомъ берегу Росавы, вытащилъ изъ одного гнѣзда 6 старыхъ гривенъ и нѣсколько серебряныхъ браслетовъ, которые предсѣдатель и демонстрировалъ, при чемъ просилъ В. Б. Антоновича дать свое заключеніе объ этихъ предметахъ. По словамъ В. Б. Антоновича, предметы эти носятъ на себѣ весьма типическіе признаки, по которымъ и могутъ быть отнесены

къ великокняжескому періоду, и хотя подобные предметы употреблялись въ XIII вѣкѣ, но встрѣчаются изрѣдка и раньше этого времени.

V. ЗАСѢДАНІЕ 14-го ЯНВАРЯ 1896 Г.

а) Д. чл. **А. I. Степовичъ** помянулъ «*Двѣ славянскія утраты*»[1]). 1895 годъ, сказалъ докладчикъ, унесъ въ могилу двухъ выдающихся славянскихъ писателей и сверстниковъ: сербскаго Любомира Ненадовича и болгарскаго Петра Славейкова. Значеніе этихъ лицъ неодинаково, тѣмъ не менѣе утрата каждаго изъ нихъ тяжело отзывается на ихъ небогатыхъ силами родныхъ литературахъ. Кончина Петра Славейкова для всего славянскаго міра представляется особенно ощутительной и тяжелой утратой. Въ эпоху болгарскаго возрожденія этотъ неутомимый дѣятель игралъ выдающуюся, какъ политическую, такъ и общественную, роль, и, въ этомъ отношеніи, его заслуги предъ родной страной имѣютъ громадное значеніе. Полувѣковая-же литературная дѣятельность его можетъ быть вполнѣ оцѣнена только въ будущемъ. Свѣдѣнія о жизни великаго болгарина докладчикъ заимствовалъ изъ автобіографіи его, напечатанной въ ежемѣсячникѣ «Болгарски Прѣгледъ» (1895 г. кн. 9—10), а также изъ статьи г. Бобчева въ ежемѣсячникѣ «Българска Сбирка» (1895 г. кн. 7).

Славейковъ родился въ 1827 г. въ г. Тырновѣ, въ небогатой крестьянской семьѣ и съ самаго ранняго дѣтства сталъ постигать всѣ ужасы турецкаго режима, а также греческихъ церковно-іерархическихъ притѣсненій. Школьное образованіе, вслѣдствіе бѣдности родителей, пришлось ребенку начать при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ: крайняя нужда заставила его учиться «кое-какъ, на мѣдные гроши»; и однако-же, не взирая на это, молодой школяръ, выучившись церковно-славянскому чтенію, вскорѣ перечелъ всѣ церковно-славянскія книги, бывшія въ его распоряженіи, и, съ теченіемъ времени, поступилъ сначала въ греческое, а потомъ турецкое училище, но изъ того и другого былъ взятъ своими родителями изъ боязни, «чтобы онъ не отурчился или не огречился»; достигши 17 лѣтъ, Славейковъ сдѣлался учителемъ. Приблизительно около этого-же времени онъ сталъ сочинять на церковно-славянскомъ языкѣ стихи и, въ подражаніе плачу Іереміи, написалъ «Плачъ на Тырново» и нѣсколько стихотвореній на подобіе народныхъ пѣсенъ. Къ сожалѣнію, на начинающаго поэта

---

[1]) См. Отчетъ Кіев. Отд. Славян. благотворит. Комитета за 1895 г. Кіевъ. 1896.

посыпался цѣлый рядъ разныхъ неудачъ и гоненій. Вслѣдствіе преслѣдованій со стороны греческихъ духовныхъ властей, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ педагогической дѣятельности, поселился у своего отца и сталъ заниматься торговлей. Но этотъ родъ дѣятельности не могъ удовлетворить запросамъ кипучей натуры Славейкова и потому-то, при первомъ-же представившемся случаѣ, онъ вновь взялся за учительство и, кромѣ этого, сталъ сотрудничать въ «Цареградскомъ вѣстникѣ». Въ 1853 г. Славейковъ женился и, благодаря улучшенію своего матеріальнаго положенія, напечаталъ нѣсколько своихъ литературныхъ произведеній; переселившись вскорѣ послѣ этого въ Цареградъ въ качествѣ представителя «по церковному греко-болгарскому вопросу», сталъ издавать сатирическую газету «Гайда» (волынка); когда-же изданіе прекратилось, онъ затѣялъ новое «Македонія», съ помощью котораго хотѣлъ пробудить національное чувство македонскихъ болгаръ. Эта попытка встрѣтила мало сочувствія у турецкихъ властей, и онъ вынужденъ былъ продать свою типографію и прекратить изданіе. Впрочемъ, Славейковъ принялся за новыя изданія, какъ, напримѣръ, французско-болгарской газеты «Діогенъ» и проч. Издательская дѣятельность въ концѣ концовъ привела его къ необходимости добывать средства къ жизни учительствомъ. Будучи учителемъ въ Цареградѣ, онъ участвовалъ въ изданіяхъ «День», «Право» и пр., но, къ немалому огорченію друзей болгарской свободы, вынужденъ былъ переселиться въ Ески-Загру, откуда бѣжалъ въ Адріанополь, гдѣ едва не былъ повѣшенъ. Спасшись отъ висѣлицы, послѣ русско-турецкой войны, въ которой онъ оказалъ русскимъ войскамъ много цѣнныхъ услугъ и былъ назначаемъ на разныя временныя должности, попалъ въ члены тырновскаго народнаго собранія и принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи болгарской конституціи. Кромѣ этого издавалъ сатирическій листокъ «Остенъ» и газету «Цѣлокупна Болгарія»; участвовалъ, вмѣстѣ съ Каравеловымъ, въ сплоченіи либеральной партіи, былъ избранъ въ предсѣдатели палаты и, наконецъ, попалъ въ министры сначала народнаго просвѣщенія, а потомъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ-же переворота 1881 г. Славейковъ опять превратился въ скромнаго сельскаго учителя, подвергся, вмѣстѣ съ Цанковымъ, преслѣдованію со стороны Стамбулова, но не переставалъ «воевать» съ политическими противниками своей партіи и съ этой цѣлью уже подъ конецъ своей жизни

издавалъ весьма популярную газету «Тырновская конституція». Кромѣ многочисленныхъ полемическихъ статей и политическихъ трактатовъ, Славейковымъ изданъ весьма цѣнный сборникъ «болгарскихъ притчъ, пословицъ и пр.». Въ 1888 г. Славейкова поразилъ ударъ, происшедшій, по сообщенію «Болгарской сбирки», вслѣдствіе душевной угнетенности и вообще тяжелыхъ условій политической и общественной жизни страны. Докладчикъ закончилъ свое сообщеніе указаніемъ на тотъ фактъ, что пѣсни Славейкова и вообще его литературная дѣятельность создала новый періодъ въ болгарской словесности, патріотизмъ-же его и неподкупная честность являлись призывнымъ знаменемъ для лучшихъ людей страны. Нѣсколькихъ дней не дожилъ славный болгаринъ и великій славянинъ до празднованія 50-лѣтія общественной и писательской дѣятельности, предположеннаго всей благодарной Болгаріей: 1 іюля 1895 г. маститый старецъ скончался, оплакиваемый всей страной! Для образца поэзіи Славейкова докладчикъ прочелъ извѣстное его прекрасное стихотвореніе «Не поется много» (Не пѣе ми се) въ русскомъ переводѣ г. Берга.

Что-же касается сербскаго писателя Ненадовича, то его пятидесяти-двухъ-лѣтняя литературная дѣятельность создала ему почетную и вполнѣ заслуженную извѣстность въ Сербіи. Покойный началъ свою литературную дѣятельность въ молодые годы, и уже въ 1843 г. его произведенія встрѣчаются въ «Подунавкѣ». Въ 1850—57 гг. онъ руководилъ повременнымъ изданіемъ «Шумадинка», въ 15-мъ же выпускѣ «Гласа» (издан. сербской академіей) помѣстилъ свою извѣстную работу «О вліяніи поэзіи на человѣчество». Самою же большою извѣстностью пользуются его письма изъ Германіи, о черногорцахъ и проч., отличающіяся большой наблюдательностью и юморомъ. Кромѣ этого, Ненадовичемъ было написано много стихотвореній, пользующихся большимъ успѣхомъ у сербской публики. Поэтическіе труды Ненадовича, по мнѣнію докладчика, не отличаются самобытностью и вообще уступаютъ въ художественномъ отношеніи произведеніямъ такихъ поэтовъ, какъ Бранко Радичевичъ, Говановичъ, Якшичъ и Лазарь Костичъ. Одно изъ стихотвореній покойнаго поэта въ русскомъ переводѣ было прочтено докладчикомъ.

Ненадовичъ, сынъ извѣстнаго сербскаго протоіерея «Прота Матея», крупнаго дѣятеля во время начальныхъ сербскихъ войнъ за освобожденіе; его «Мемоари» были изданы сыномъ въ 1867 г. (О. М. Не-

надовичѣ см. хотя «Полемикъ» Миличевича); онъ родился въ 1826 г., первоначальное образованіе получилъ въ бѣлградской гимназіи, а затѣмъ слушалъ университетскія лекціи въ Прагѣ, Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Женевѣ и Парижѣ. По окончаніи образованія былъ профессоромъ Бѣлградской гимназіи, затѣмъ предпринялъ путешествіе по Италіи, Англіи и проч. По возвращеніи на родину, былъ зачисленъ въ посольство въ Цареградѣ, откуда переведенъ на весьма отвѣтственную должность при сербскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которую занималъ до 1868 г. Въ 1879-же году онъ получилъ приглашеніе занять постъ министра народнаго просвѣщенія въ Черногоріи, но отъ этого предложенія по болѣзни отказался. Онъ умеръ 21 января 1895 г., оплакиваемый всѣмъ сербскимъ народомъ.

б) г. Секретарь прочелъ рефератъ отсутствующаго д. чл. **Н. Н. Оглоблина**: «*Расходная книга Кіевской Приказной Избы 1675 г.*». (Напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избранъ *Евгеній Васильевичъ Аничковъ*.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 28-го ЯНВАРЯ 1896 г.

а) Д. чл. **А. В. Стороженко** представилъ «*Сводъ данныхъ о Янѣ Оришовскомъ, запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія*». Вопросъ о такъ-называемой реформѣ Запорожскаго козачества при королѣ Стефанѣ Баторіи (1576—1586 гг.) считается однимъ изъ загадочныхъ. Мы не имѣемъ достаточнаго количества твердыхъ данныхъ, чтобы окончательно рѣшить его въ ту или другую сторону. Несомнѣнно только то, что большія войны Баторія съ Москвою требовали большихъ военныхъ силъ и для нихъ нельзя было довольствоваться стариннымъ способомъ «посполитаго рушенья», а нужны были регулярныя войска. Баторій всюду пользовался матеріаломъ для такихъ войскъ и въ томъ числѣ остановился на мысли утилизировать низовыхъ козаковъ, живущихъ на днѣпровскихъ островахъ (запорожцевъ). Однимъ изъ главныхъ агентовъ короля для сношеній съ ними и былъ Янъ Оришовскій. Онъ былъ родомъ изъ Познани и въ числѣ лучшихъ шляхтичей состоялъ однимъ изъ «посыльничьихъ», которымъ король давалъ различныя порученія, въ родѣ отправ-

ленія писемъ къ воеводамъ, осмотровъ имѣній и т. д. Въ 1577 г. Оришовскій, успѣвшій уже заслужить расположеніе короля, проѣхалъ и къ запорожцамъ. Когда началась въ 1579 году война съ Москвою, сформированъ былъ отрядъ запорожскихъ козаковъ подъ начальствомъ князя Михаила Вишневецкаго, при чемъ Янъ Оришовскій оказался его заступающимъ, такъ какъ Вишневецкій на дѣлѣ имъ не командовалъ. Отрядъ этотъ участвовалъ во всѣхъ походахъ противъ Москвы, при чемъ Янъ Оришовскій въ современныхъ документахъ именовался гетманомъ. Въ походѣ 1581 г. подъ Псковъ Оришовскій, повидимому, лично не участвовалъ. Въ дневникѣ Піотровскаго есть указаніе, что въ 1581 г. онъ былъ среди запорожцевъ и доносилъ королю обо всемъ тамъ происходившемъ. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о томъ, что дѣлалъ Янъ Оришовскій въ послѣдующіе годы до 1586 г. Въ 1587 году онъ участвовалъ въ избирательномъ сеймѣ, какъ представитель запорожскихъ козаковъ. Затѣмъ, изъ одного универсала видно, что Оришовскій современемъ потерялъ свое значеніе на Запорожьѣ и долженъ былъ снова вернуться на королевскую службу въ качествѣ «поручника» при черкасскомъ старостѣ. Съ тѣхъ поръ имя гетмана запорожскаго Яна Оришовскаго не упоминается болѣе въ оффиціальныхъ документахъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые до сихъ поръ открыты.

б) Г-мъ **Предсѣдателемъ** были сообщены *«Свѣдѣнія о пребываніи князя Іереміи Вишневецкаго въ Лѣвобережной Украинѣ и уходѣ его оттуда»*. Родъ князей Вишневецкихъ сталъ извѣстенъ съ конца XV в. Позже, именно въ половинѣ XVI в., изъ ихъ семьи выдѣляется Дмитрій, воевавшій Турцію въ союзѣ съ козаками. Послѣ Дмитрія болѣе извѣстенъ Михаилъ Александровичъ, подчинившій Посулье своему вліянію; юридич. его обладателемъ Мих. Ал-чъ сталъ лишь по опредѣленію сейма въ 1590 г. Онъ построилъ сначала Лубны, иначе Александровъ, и Пирятинъ, иначе Михайловъ; въ 1603 г. Лубны окружены уже селами; умеръ Михаилъ В-ій въ 1616 году: послѣ его смерти женѣ его Раинѣ Могилянкѣ достались, кромѣ замка Лубенъ съ хуторами: Прилуки, Лукомль. Буромль, Жовнинъ, Снятинъ. Переволочна, Александровка, Многая. Сенча, Хороль и м. Замостье, иначе Гусинцы, Краснобережье, Ситовичи, Лохвица, Старое и Новое Руменское (Роменъ). Такимъ образомъ, въ теченіе 30 лѣтъ В-іе населили берега Сулы отъ ея устья до г. Роменъ и берега Удая до

г. Прилукъ. Населеніе шло сюда не съ сѣвера; есть указанія, что колонизація двигалась изъ Холмщины; Подолія же была главнымъ источникомъ теченія колонистовъ, на что́ указываютъ сходныя названія подол. и полтав. мѣстъ поселенія. По случаю вдовства Раины и дѣтства Іереміи имѣніями управлялъ опекунъ—дядя Юрій, а по смерти его Константинъ Константиновичъ В-ій, родной братъ Дмитрія Байды (?); въ 1621 г., онъ разрѣшаетъ основаніе Слѣпород. монастыря и подтверждаетъ акты данные Раиной Горскому, Густынскому и Ладинскому монастырямъ; за Горскимъ монастыремъ онъ утверждаетъ право на Ольшан. грунты даже въ 1630 г., при чемъ молодой Іеремія именуется уже овруч. старостой. Когда послѣдній вступилъ въ распоряженіе своими имѣніями, неизвѣстно, но на родину онъ вернулся въ 1632 г. по окончаніи ученія въ львов. іезуитской школѣ и послѣ заграничн. путешествія съ той же цѣлью, имѣя около 20 лѣтъ; въ это время онъ посѣтилъ и свои заднѣпровскія имѣнія, потому что тогда началась война съ Москвой, въ которой Іеремія обнаружилъ особенную энергію. Въ 1636 г. Іеремія жилъ въ Лубенщинѣ, которая и была укрѣплена за нимъ; въ 1638 г. онъ принимаетъ участіе въ усмиреніи возстанія Гуни и Остраницы; напуганное имъ населеніе уходило въ Путивль, куда переселилось нѣсколько тысячъ душъ. Далѣе референтъ разсматриваетъ по даннымъ люстрацій состояніе городовъ и ихъ населенія и приходитъ къ выводу, что всѣ они основались на старыхъ городищахъ, населеніе ихъ было не многочисленно, ибо вслѣдствіе козачьихъ возстаній многіе разошлись. Свѣдѣнія о пребываніи Іереміи В. въ Лѣвобережной Украинѣ отрывочны и сбивчивы. Цѣли поселенія Іереміи за Днѣпромъ были экономическія, а не религіозныя; они состояли въ отобраніи захваченныхъ имѣній и въ устройствѣ и расширеніи ихъ вообще. Такъ Іеремія возвращаетъ себѣ захваченный Калиновскимъ г. Роменъ, Гадячъ; онъ принимаетъ мѣры и къ возвращенію бѣглыхъ своихъ крестьянъ; мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Іереміей Лубенщины новыми слободами и объ увеличеніи населенія въ городахъ; но объ успѣхѣ его колонизаціонной дѣятельности свидѣтельствуетъ, во 1-хъ, списокъ городовъ, изданный г. Пржездѣцкимъ, хотя онъ и возбуждаетъ сомнѣніе относительно того, что въ немъ помѣщены города, не принадлежавшіе В-мъ, а, во 2-хъ, также и «реестра́» войска Запорожскаго. Мы не имѣемъ, въ свою очередь, достаточныхъ свѣдѣній и о частной жизни В-аго. По діаріушу Машкевича

Іеремія ходилъ въ Запорожье и противъ татаръ; ѣздилъ на крестины въ Сенчу къ одному своему управляющему и на похороны другого. Съ наступленіемъ войны Б. Хмельницкаго В-ій, не подозрѣвая важности факта, велъ переписку съ путивл. воеводой о возвратѣ бѣглыхъ. При первыхъ извѣстіяхъ о пораженіи польскихъ войскъ при Желтыхъ Водахъ и Княжихъ Байракахъ, В-ій приготовился со своимъ отрядомъ переправиться на встрѣчу Б. Хмельницкому у Переяслава, но козаки потопили всѣ паромы. В-ій рѣшилъ идти на Черниговъ, а оттуда на Любечъ и Брагинъ. На пути его догнали посланцы Б. Хмельницкаго и вручили письмо отъ гетмана. В-ій велѣлъ ихъ казнить. Видя вокругъ себя начинавшійся мятежъ, В-ій отправился въ Лубны, забралъ все, что можно было забрать, и съ 3000 чел. своего отряда, переправившись черезъ р. Свидовецъ, пошелъ къ Любечу; здѣсь за нимъ погнались было козаки, и В-ій находился въ большой опасности.

Послѣ ухода В-аго имѣнія его были разорены его-же крестьянами, по показанію польск. источниковъ, и, совмѣстно съ козаками, по показанію москов. пословъ.

Въ настоящемъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены протоіерей *Евфимъ Осиповичъ Сѣцинскій* и князь *Александръ Васильевичъ Дабижа.*

VII. ЗАСѢДАНІЕ 10-го ФЕВРАЛЯ 1896 г.

а) Д. чл. **Н. П. Василенко** въ рефератѣ своемъ: «*Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи XVIII вѣка*», разсмотрѣлъ данныя для исторіи Малороссіи, заключающіяся въ 55, 56, 63, 69, 79, 84 и 94 томахъ «Сборника Император. Русскаго Историческаго Общества», гдѣ напечатаны означенные протоколы.

Малороссійскія дѣла вѣдались сначала въ Сенатѣ; но указомъ 18 августа 1727 года они были перенесены въ Верховый Тайный Совѣтъ, и съ этого времени по-преимуществу протоколы послѣдняго заключаютъ въ себѣ немало данныхъ, съ одной стороны, для характеристики отношеній Петербургскаго правительства къ Малороссіи послѣ смерти Петра I, съ другой, для выясненія отдѣльныхъ фактовъ малорусской исторіи первой половины XVIII вѣка, въ отрывочномъ видѣ уже извѣстныхъ въ русской исторической литературѣ. Даже въ

одно изъ первыхъ засѣданій по учрежденіи Совѣта, 11 февраля 1726 года, члены его, разсуждая о турецкихъ и персидскихъ дѣлахъ, остановились и на дѣлахъ малорусскихъ: было предложено для успокоенія умовъ выбрать гетмана, сложить наложенныя въ царствованіе Петра I подати и предоставить суды исключительно малороссіянамъ съ правомъ апелляціи въ Малороссійскую коллегію. Но предложеніе это не было приведено въ исполненіе, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, настойчивости графа Толстого, который указывалъ на стремленіе Петра I Малороссію «къ рукамъ прибрать». Въ мартѣ того же года члены Совѣта разсуждали объ отпускѣ домой малороссійской старшины, задержанной въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ Полуботкомъ; былъ отпущенъ и Даніилъ Апостолъ, при чемъ съ него была взята подписка въ вѣрности, но оставленъ въ видѣ заложника одинъ изъ его сыновей, именно, Петръ; Яковъ Лизогубъ, Иванъ Чарнышъ и Василій Жураховскій были оставлены также въ Петербургѣ; по этому поводу подтвержденъ былъ прежній указъ побуждать малороссійскую старшину къ постройкѣ домовъ въ С.-Петербургѣ. Сынъ Апостола оставался заложникомъ до царствованія Анны Ивановны, хотя ему жилось въ общемъ должно быть легко и свободно, сначала, благодаря его близости къ семьѣ Меньшикова, а затѣмъ, съ паденіемъ послѣдняго, благодаря тому довѣрію, которое пріобрѣлъ къ себѣ отецъ его Даніилъ Апостолъ, избранный въ малороссійскіе гетманы. Во время коронаціи Петра II, въ 1728 году, прибывшій въ Москву гетманъ выхлопоталъ у юнаго императора для сына лубенское полковничество; но его все-таки не отпустили изъ Москвы, и онъ считался полковникомъ, не живя въ своемъ полковомъ городѣ. Только лѣтомъ 1730 года Петръ Апостолъ былъ отпущенъ въ Малороссію и оставался на урядѣ до 1757 года.

Въ засѣданіи Совѣта 11 февраля 1726 года былъ рѣшенъ вопросъ о сборахъ съ Малороссійскаго народа, установленныхъ, по предложенію президента Малороссійской коллегіи Вельяминова въ 1723 году: взиманіе ихъ было пріостановлено впредь до выясненія вопроса, сколько каждаго изъ сборовъ взымается въ отдѣльности. Не согласился В. Т. Совѣтъ и на обложеніе новыми налогами торговцевъ-мѣщанъ и великороссійскихъ владѣльцевъ, ничего не платящихъ въ казну, а между тѣмъ имѣющихъ въ своемъ пользованіи многія доходныя статьи. В. Т. Совѣтъ рѣшалъ затѣмъ вопросы и относительно лучшаго устройства Малороссійской коллегіи. Непремѣнными членами ея были назначены:

вице-президентомъ Афанасій Арсеньевъ, совѣтниками — полковникъ Петръ Кошелевъ, майоръ Андрей Колычевъ и нѣжинскій комендантъ Филиппъ Толбухинъ. Ходатайство коллегіи о переводѣ ея изъ Глухова въ одинъ изъ болѣе центральныхъ городовъ Малороссіи, въ Нѣжинъ или Прилуки, было оставлено безъ послѣдствій. Такъ какъ у коллегіи не было подходящаго помѣщенія, а у членовъ ея сносныхъ квартиръ, то, по доношенію Вельяминова, В. Т. Совѣтъ постановилъ потребовать отъ президента коллегіи точную смѣту, что можетъ стоить постройка особыхъ домовъ для помѣщенія коллегіи и ея членовъ. Предложеніе коллегіи замѣнить въ Малороссіи употребленіе простой бумаги при сдѣлкахъ гербовою было оставлено В. Т. Совѣтомъ безъ послѣдствій. Въ отношеніи бѣглыхъ на Малороссію былъ распространенъ указъ Петра отъ 1723 года, дѣйствовавшій въ Великороссіи, по которому повелѣвалось бѣглыхъ, безъ различія ихъ происхожденія, наказывать батогами. Что касается выбора малороссійской старшины, то В. Т. Совѣтъ подтвердилъ указъ 1715 года. Когда нѣтъ гетмана, кандидатовъ должна выбирать Малороссійская коллегія, по совѣту съ генеральною войсковою канцеляріею, и затѣмъ представлять ихъ въ Сенатъ. Постановленіе В. Т. Совѣта, состоявшееся въ 1726 году и заключавшее въ себѣ отмѣну налоговъ, введеныхъ указомъ Петра I, не было приведено въ исполненіе, раньше чѣмъ Малороссійская коллегія не прислала свѣдѣній о томъ, какіе вообще доходы, сборы и расходы существуютъ въ Малороссіи. Изъ этихъ свѣдѣній мы видимъ, что въ 1724 году разныхъ сборовъ въ Малороссіи поступило 72,128 р. 24$^3/_4$ к.; въ числѣ ихъ были: покуховное и скатное съ вина—22,284 р. 78$^1/_4$ коп.; отъ продажи вина поведернаго—888 р. 22$^1/_2$ коп.; покуховнаго и скатнаго съ десятины—1210 руб.; съ винокуренныхъ заводовъ—8,094 руб. 38 коп.; съ пчелъ 3,145 руб. 88 коп.; табачная десятина 1.241 руб. 9$^1/_2$ коп.; съ мельницъ 1,004 руб. 26 коп.; сборъ съ купцовъ за ярмарки и торги 4,367 руб. 5 коп.; вѣсовыхъ съ пуда товаровъ—1,094 руб. 29 коп.; налогъ на пивоваровъ (броваровъ)—248 руб. 83 коп.; съ вышинкованнаго волошскаго и вишневаго вина 258 руб. 63 коп.; съ мостовъ, перевозовъ и гребель 6710 руб. 83 коп.; индуктныхъ (ввозныхъ) пошлинъ 18,697 руб. 62 коп.; съ откупныхъ статей 1495 р. 20$^1/_2$ коп.; со свадебъ выводныхъ—124 руб. 72 коп.; съ мясниковъ и чиншевыхъ, также за увольненіе городовыхъ мѣщанъ годоваго платежа 261 р. 50 коп. Съ купцовъ, ѣздящихъ заграницу, сборъ съ возовъ и воловъ—

60 р. 10 коп.; съ полковыхъ сѣнокосовъ, отдаваемыхъ въ наемъ, 4 р. 72 коп.; съ шинкарей, торгующихъ брагою, съ калачницъ и годоваго съ ратушныхъ селъ—19 р. 40 коп.; съ торговой ратушной бани—836 руб. 48 коп.; наконецъ, съ рыбныхъ довель и за проданную рыбу 30 руб. 25 коп. Доходы эти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 14,372 руб. 61½ коп. шли въ скарбъ войсковой; 30,079 руб. 88¼ коп. — на гетмана; 48 р. 7½ коп. — на генеральную старшину; 224 р. 18 коп.—на генеральнаго писаря и генеральную канцелярію; 15,633 руб. 9¾ коп.—на полковниковъ и полковую старшину; 103 руб. 5 коп.—въ полковой скарбъ и на полковую артиллерію; 245 р. 82½ коп.—на сотенную и городовую старшину; 22 руб. 22 коп.—на бунчуковыхъ товарищей; 7,251 руб. 84¼ коп.—на ратуши; 3,393 руб. 80 коп.—на монастыри и церкви; 753 руб. 61 коп.—на великороссійскихъ владѣльцевъ. Сверхъ этого въ казну поступило не собиравшихся до указа 1723 года со вдовы гетмана Скоропадской, генеральной старшины и пр.—42,366 руб. 95¼ коп., а всего денежные доходы опредѣлялись такимъ образомъ въ 114,495 руб. 20 коп. Доходы, впрочемъ, этимъ не ограничивались: съ мельницъ они шли натурой; съ торговъ сыпучими тѣлами бралось покошевное, при чемъ количество этихъ доходовъ простиралось до 30,578 четв. 4 четвериковъ. Въ 1725 году доходы простирались до 98,559 руб. 20½ коп. деньгами; 24,068 четв. 1½ четверк. хлѣбомъ; 19 пуд. 16 ф. меду; 120 пуд. 32½ ф. соли; 56 пуд. табаку; 869 ведеръ 13 квартъ вина простого; 48 ведеръ масла конопляннаго. Въ 1726 году деньгами было собрано 92,391 руб. 35⅛ коп.; хлѣбомъ 1955 четв. 6½ четверк.; меду въ сборѣ не было; соли 156 пуд. 24 фунт.; табаку 72 пуд. 4 ф.; вина 769 вед. ½ кв.; масла 8 вед. 7 кв. Получивъ свѣдѣнія о малороссійскихъ доходахъ и соображенія коллегіи о томъ, какія изъ сборовъ можно уничтожить, В. Т. Совѣтъ занялся обсужденіемъ вопроса объ уменьшеніи сборовъ съ малороссіянъ вообще, и 12 мая 1727 года былъ изданъ указъ, которымъ еще разъ повелѣвалось отмѣнить всѣ сборы, установленные указомъ 1723 года, а собирать тѣ, которые существовали по пунктамъ Богдана Хмельницкаго; тогда же былъ рѣшенъ В. Т. Совѣтомъ и другой важный вопросъ—великороссіянамъ было запрещено покупать земли въ Малороссіи.—Въ заключеніе референтъ указалъ, что приведенныя имъ факты отнюдь не исчерпываютъ содержанія напечатанныхъ до сихъ поръ «протоколовъ В. Т.

Совѣта». Они содержатъ, напримѣръ, важныя данныя о посылкѣ козаковъ къ крѣпости св. Креста, о тѣхъ страшныхъ потеряхъ, какія терпѣло малорусское войско въ людяхъ и которыя побудили великорусское правительство замѣнить козацкіе полки денежными сборами съ козаковъ; о постояхъ великороссійскихъ полковъ въ Малороссіи и проч. Протоколы заключаютъ въ себѣ затѣмъ и нѣкоторыя данныя для исторіи внутренняго управленія Малороссіи. Такъ мы находимъ здѣсь исторію назначенія Милорадовича гадячскимъ полковникомъ; свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ стародубскаго полковника изъ великороссіянъ Пашкова, остававшіяся до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, а потому и значительно дополняющія скудныя данныя, сообщенныя объ этомъ полковникѣ А. М. Лазаревскимъ въ первомъ томѣ его «Описанія старой Малороссіи».

б) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** прочелъ докладъ *«О попыткахъ въ Англіи сохранить общинныя земли, сдѣланныхъ въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія»*. Если въ Англіи, въ XIV столѣтіи, напр., около $^1/_3$ земельнаго пространства составляли общинныя земли, то къ 60-мъ годамъ нашего столѣтія такихъ земель оказалось не болѣе $2^1/_4$ милліоновъ акровъ. Историческій процессъ такого уничтоженія общинныхъ земель своевременно былъ изложенъ лекторомъ. Въ настоящемъ засѣданіи И. В. Лучицкій остановился преимущественно на томъ способѣ уничтоженія такихъ земель, который обусловленъ былъ стариннымъ правомъ лордовъ заграждать, съ разрѣшенія парламента, различныя пустопорожнія земли; правомъ этимъ лорды сильно злоупотребляли въ теченіе 600 лѣтъ, руководствуясь различными старинными декретами и статутами королей, такъ какъ одну изъ характерныхъ особенностей Англіи составляетъ сильное значеніе различныхъ анахронистическихъ законоположеній. Но въ половинѣ текущаго столѣтія общественное мнѣніе начало сильно возмущаться этими захватами лендлордовъ и ихъ желѣзными рѣшетками, которыми они окружали различныя общественныя земли на основаніи сомнительныхъ своихъ правъ и попустительства парламента Въ агитаціи противъ этого приняли участіе такіе дѣятели, какъ Джонъ Стюартъ Милль. Образовалось цѣлое «общество охраненія общинныхъ земель», которое воздѣйствовало на парламентъ и вчинало различные иски, иногда съ большимъ остроуміемъ, чтобы парализовать захваты лордовъ. Послѣдовали, наконецъ, и парламентскіе акты соотвѣтственнаго значенія, и, мало по

малу, англичане добились въ 1893 г. отмѣны тѣхъ законодательныхъ архаическихъ статутовъ, которыми столь долго злоупотребляли крупные землевладѣльцы.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 25-го ФЕВРАЛЯ 1896 г.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій** охарактеризовалъ *«Аѳанасія Заруцкаго, малорусскаго панегериста конца XVII и начала XVIII в.»*. При самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ произведеніями южнорусской литературы XVI—XVII ст., какъ печатными, такъ и рукописными, изслѣдователь невольно поражается чрезвычайнымъ обиліемъ въ ней панегириковъ самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ въ стихахъ и прозѣ. Панегиризмъ господствовалъ тогда въ цѣлой Европѣ, въ особенности въ Польшѣ, откуда онъ перешелъ и въ Западную Русь и весьма долгое время удерживался. Явленіе это, по мнѣнію автора, слѣдуетъ всецѣло приписать вліянію тогдашней схоластической науки и школы, созданной по польскому образцу и надолго сдѣлавшейся проводникомъ уродливыхъ ультра-шляхетскихъ понятій и вкусовъ. Первенцемъ этого рода литературы надобно, кажется, считать «Просфониму», т. е., привѣтъ митрополиту Михаилу Рагозѣ, сочиненный учениками братской Львовской школы стихами и прозой, на славянскомъ и греческомъ языкахъ, и напечатанный во Львовѣ въ 1591 г. Въ Кіево-Могилянской коллегіи не мало потрачено силъ ея сыновъ на всякіе «Вѣзерунки цнотъ», «Имфологіи», «Евхаристіоны альбо вдячности», «Евфоніи веселобрмячіи», «Мнемозины» et tutti quanti; до 30-хъ годовъ XVII в., по крайней мѣрѣ по языку, панегирики не были чужды народности, но съ того времени языкомъ ихъ становится языкъ польскій и отчасти латинскій. Наиболѣе громкой извѣстностью между малороссійскими панегеристами пользовался Стефанъ Яворскій, удостоившійся почетнаго званія «лавроноснаго піиты (poëta laureatus). Въ связи съ развитіемъ спеціально панегирической литературы въ остальной малорусской печати конца XVII в. царитъ то же всеобщее стремленіе кого-нибудь прославить, кому-нибудь воскурить «мглистый ѳиміамъ». Почти каждая книга кому-нибудь посвящается; при типографіяхъ заводятся особые словесныхъ дѣлъ мастера, снабжающіе изданія (даже церковныхъ книгъ) искусными «дедикаціями», «конклюзіями», и «афикціями». Это повальное панегирическое повѣтріе служило едва-ли не

главной причиной литературнаго вѣковаго безплодія. На литературное искусство смотрѣли какъ на пустую забаву, годную лишь для того, чтобы потѣшить людское тщеславіе. Если корифеи учености не стыдились тѣшить панское тщеславіе, то какою угодливостью и пресмыкательствомъ должны были прокладывать путь въ жизни менѣе даровитые писатели, научившіеся лишь искусству слагать вирши и oраціи, конклюзіи и дедикаціи; такихъ литераторовъ развелось въ тѣ времена въ Малороссіи превеликое множество; біографію одного изъ нихъ, въ видѣ иллюстраціи, и приводитъ референтъ, именно Аѳанасія Заруцкаго. Родиной его былъ Глуховъ; отецъ его былъ новгородъ-сѣверскимъ протопопомъ и далъ своему сыну хорошее образованіе. Аѳанасій Заруцкій, прежде чѣмъ избрать опредѣленный родъ общественной дѣятельности, задумалъ пріобрѣсти славу на литературномъ поприщѣ; онъ сочинилъ какую-то «книжицу» и представилъ ее на одобреніе мѣстному архіепископу Лазарю Барановичу; послѣдній похвалилъ сочиненіе и посовѣтовалъ автору лично представить его гетману, къ которому онъ, съ своей стороны, написалъ рекомендательное письмо. Гетману также понравились произведенія Заруцкаго, и онъ имѣлъ намѣреніе написать о немъ князю Голицыну и ходатайствовать о награжденіи автора «селомъ»; но обстоятельства вскорѣ измѣнились, и могущественный вельможа лишился своего званія и богатства. Потерпѣвъ неудачу на литературномъ поприщѣ, Заруцкій женился на дочери богатаго новгородъ-сѣверскаго мѣщанина Пригары и взялъ за нею въ приданое земельныя угодья, заселилъ ихъ и вскорѣ сдѣлался состоятельнымъ человѣкомъ; по смерти отца онъ занялъ его мѣсто и въ проповѣдничествѣ сталъ примѣнять свой талантъ и ученость; 12 ноября 1708 г., въ Глуховѣ, послѣ произнесенія анаѳемы Мазепѣ, Заруцкій, въ присутствіи государя, ново-избраннаго гетмана Ив. Скоропадскаго и друг., говорилъ проповѣдь, въ которой краснорѣчиво изобразилъ измѣнническія дѣла Мазепы и оправдывалъ наложенное на него церковное проклятіе. Проповѣдь понравилась царю, и на другой же день Заруцкій получилъ царскую грамоту, которою подтверждались права на принадлежащія ему земли; вслѣдъ за тѣмъ ему была пожалована гетманомъ слобода Ковпинка. Однако, по старой привычкѣ, онъ и теперь думалъ поддержать царское къ себѣ благоволеніе именно литературнымъ трудомъ — и засѣлъ за работу. Цѣлыхъ восемь лѣтъ онъ корпѣлъ надъ ней и въ 1717 г.

представилъ на царское воззрѣніе свою книгу съ витіеватымъ заглавіемъ: «Хлѣбъ ангельскій, на крестномъ жертовницѣ испеченный». Это ничто иное, какъ богословское экзегетическое сочиненіе, заключающее въ себѣ толкованіе на евангеліе Іоанна; но цѣнность книги, по замыслу автора, состояла не столько въ толкованіяхъ, сколько въ «дедикаціяхъ», рисункахъ и виршахъ, какими онъ въ обиліи снабдилъ и украсилъ книгу; неизвѣстно, была ли книга поднесена лично царю авторомъ или передана Скоропадскимъ; но расплачиваться пришлось гетману, который далъ Аѳанасію Заруцкому на село Знобу универсалъ, подтвержденный царемъ въ томъ же 1718 году. Въ 1720 г. Заруцкій умеръ и погребенъ въ Соборной Успенской церкви въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Вотъ и вся несложная біографія писателя, не оставившаго въ литературѣ никакого слѣда, а между тѣмъ добившагося путемъ сочинительства извѣстности и богатства. Въ его лицѣ мы имѣемъ типичнаго представителя цѣлаго сонма тогдашнихъ писателей-карьеристовъ, литературныхъ искателей, своего рода «пресмыкающихся». Въ этомъ отношеніи личность Аѳанасія Заруцкаго только и заслуживаетъ вниманія историка.

б) Д. чл. **Н. П. Василенко** въ настоящемъ сообщеніи [1]) подвергъ обстоятельному разбору статью В. А. Мякотина: «Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 году», напечатанную въ «Сборникѣ», изданномъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго и Н. И. Карѣева (Спб. 1895 г.).

Разсматривая статью г. Мякотина, референтъ прежде всего остановился на самомъ матеріалѣ—Румянцевской описи—и указалъ на его свойства, препятствовавшія точнымъ вычисленіямъ по тѣмъ вопросамъ, которые ставилъ себѣ авторъ. Референтъ напомнилъ при этомъ и о другихъ изслѣдователяхъ (Лазаревскій, Лучицкій, Багалѣй, Червинскій, Шликевичъ), которые пользовались описью для своихъ работъ. Авторъ разсматриваемаго референтомъ труда ограничивается только воспроизведеніемъ картины крестьянскаго землевладѣнія на небольшомъ пространствѣ Полтав. уѣзда, какой она представлялась въ 1767 г.: поэтому онъ указываетъ на количество земли, принадлежавшей крестьянамъ разныхъ наименованій, и, въ частности, на раз-

[1]) См. «Кіев. Стар.» за 1896 г., № 3.

мѣры отдѣльныхъ хозяйствъ, число головъ рабочаго и нерабочаго скота и величину платежей и повинностей; прослѣдивъ далѣе пріемы изслѣдованія г. Мякотина и приведя итогъ его вычисленій, референтъ цитуетъ выводы, которые авторъ выражаетъ въ такой «грубо-отчетливой формѣ: треть крестьянскаго населенія не располагала средствами самостоятельнаго хозяйства, половина его въ смыслѣ размѣра этихъ средствъ составляла среднюю группу, а остальная часть распредѣлялась между бѣдными и богатыми хозяйствами, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ первыхъ; въ самой средней группѣ наиболѣе видную часть ея представляли, наконецъ, хозяйства съ наименьшими средствами. Эта общая картина значительно, впрочемъ, разнообразится, смотря по тому, съ какого рода владѣніями имѣемъ дѣло. Въ порядкѣ постепеннаго уменьшенія хозяйственныхъ средствъ крестьянъ владѣнія эти могутъ быть расположены слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто займутъ ранговыя имѣнія, гдѣ хозяйство посполитыхъ стояло на наиболѣе высокой ступени обезпеченности, затѣмъ частновладѣльческія крупныя имѣнія, потомъ магистратскія, за ними монастырскія и, наконецъ, мелкія частновладѣльческія, въ которыхъ положеніе посполитыхъ представлялось въ наиболѣе мрачномъ свѣтѣ». Выводы свои однако авторъ не находитъ возможнымъ распространять на всю Малороссію, такъ какъ они относятся лишь къ 1/10 части бывшей гетманщины, и не считаетъ своего изслѣдованія полнымъ, такъ какъ оно не касается другихъ сторонъ экономической жизни. Референтъ въ этомъ случаѣ соглашается съ авторомъ, находя, впрочемъ, нѣкоторое суженіе имъ значенія своихъ выводовъ, и ставитъ вопросъ о качествѣ цифровыхъ данныхъ, которыми располагалъ авторъ, полагая, что отвѣтъ на него должно дать, конечно, ближайшее критическое изученіе Румянцев. описи, какъ историч. матеріала. Съ своей стороны, референтъ приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ необходимость осторожнаго отношенія къ описи, а также указываетъ на тѣ вопросы, которые требуютъ изслѣдованія по даннымъ этой описи.

IX. ЗАСѢДАНІЕ 7-го АПРѢЛЯ 1896 г.

а) Д. чл. **И. М. Каманинъ**, по случаю смерти проф. С.-Петербургскаго университета *С. А. Бершадскаго*, бывшаго также членовъ Общества Нестора-лѣтописца, изложилъ «*Результаты его работъ*

по еврейскому вопросу» [1]). Сообщивъ предварительно краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ и указавъ на его работы по исторіи права и по еврейскому вопросу, референтъ обратилъ все вниманіе на послѣднія, особенно же на его главнѣйшій трудъ—«Литовскіе евреи»—представляющій исторію ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи (1388—1569 гг.). Изслѣдуя причины зарожденія и развитія еврейской консолидаціи, С. А. Б-ій, на основаніи обширнаго архивнаго матеріала, отчасти изданнаго имъ, въ видѣ приложенія къ изслѣдованію въ двухъ томахъ, пришелъ къ выводу, что до Люблинской уніи, когда существовала въ Литовско-русскомъ государствѣ равноправность, свобода совѣсти и личная неприкосновенность, евреи начинають сливаться съ остальнымъ населеніемъ; послѣ Люблинской уніи, когда стала господствовать шляхта, общество распалось на сословія, и евреи должны были примкнуть къ городскому населенію и заняться промыслами и торговлей, что привело ихъ къ борьбѣ съ мѣщанствомъ, которая и изображена въ другомъ трудѣ С. А.—«Исторіи Виленской еврейской общины», а затѣмъ въ исторіи Львовской и Люблинской общинъ. Для характеристики отдѣльныхъ личностей изъ среды евреевъ С. А. изобразилъ дѣятельность земскаго подскарбія Абрама Іозефовича, который, по отзыву короля, «неустанно старался служить благу и своего государя, и великаго княжества Литовскаго», жертвуя личными выгодами. Въ братѣ Абрама Михелѣ авторъ представилъ типъ откупщика таможенныхъ пошлинъ, заботящагося лишь о своихъ личныхъ интересахъ и не пользовавшагося даже своимъ правомъ, какъ «старѣйшины», для выгодъ еврейства; наоборотъ, въ Шаулѣ Юдичѣ Валѣ мы видимъ другой типъ откупщика, который своимъ вліяніемъ старается облегчить въ экономическомъ отношеніи положеніе бѣдной еврейской массы, а эта послѣдняя выражаетъ оцѣнку его ходатайства и успѣховъ въ созданіи легенды объ избраніи Валя въ польскіе короли. Изучая положеніе евреевъ послѣ раздѣловъ Польши по законодательному памятнику 1804 г., С. А. пришелъ къ заключенію, что положеніе о евреяхъ этого года представляетъ собою дословный переводъ одного изъ польскихъ проектовъ по этому же вопросу; сила кагала не только не была ослаблена, но, напротивъ, увеличена, особенно въ положеніи 1835 г. Въ заклю-

---

[1]) „Кіев. Стар.“, май, 1896 г.

ченіе референтъ указалъ на второстепенные труды С. А. Б-аго по еврейскому вопросу и на изслѣдованія по исторіи литовско-русскаго права.

По предложенію г. Предсѣдателя, память С. А. Бершадскаго была почтена вставаніемъ.

б) Поч. чл. **В. В. Антоновичъ** представилъ разборъ *«Трудовъ Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета»* [1]), вообще, и, въ частности, VII тома ихъ, вышедшаго въ текущемъ году. Комитетъ основанъ въ 1865 г. епископомъ Леонтіемъ и съ тѣхъ поръ много потрудился для собиранія историческаго и статистическаго матеріала и для научной его разработки съ цѣлію выясненія исторической судьбы Подоліи. Успѣхи комитета обусловливались, «съ одной стороны, просвѣщеннымъ покровительствомъ цѣлаго ряда іерарховъ: Леонтія, Ѳеогноста, Іустина, Доната и особенно внимательною заботливостью о ходѣ научныхъ занятій комитета нынѣ управляющаго Подольской епархіей преосвященнаго Димитрія; съ другой стороны, участіемъ въ комитетѣ лицъ, обладающихъ серьезной научной подготовкой и искренней любовью къ исторической наукѣ, какъ гг. Симашкевичъ, Яворовскій, Сѣцинскій и друг. Принявъ мѣры путемъ привлеченія священниковъ къ собиранію нужныхъ свѣдѣній, комитетъ въ 1876 г. постановилъ печатать ихъ въ своихъ «Трудахъ»; до сихъ поръ издано семь томовъ; въ нихъ выдаются работы: свящ. Симашкевича «Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи» (т. I), «Опись церковно-богослужебныхъ книгъ, принадлежащихъ Комитету», весьма тщательно составленная Т. Бѣленькимъ (т. I), «Историческій очеркъ уніи въ Брацлавщинѣ» (т. III) и «Матеріалы для исторіи уніи» (т. V), редактированные г. Яворовскимъ, «Очеркъ исторіи Подольскихъ армянъ» протоіерея Дороновича (т. II); «Современная статистика Подольской епархіи за 1891 г. и 1892 г.» (т. VI), составленная Греченкомъ, и прекрасная монографія свящ. Сѣцинскаго: «Матеріалы для исторіи монастырей Подольской епархіи» (т. V). Разсмотрѣвъ затѣмъ пріемы изслѣдованія о. Сѣцинскаго и принятую имъ систему расположенія матеріала, референтъ высказалъ мнѣніе, что этотъ трудъ представляетъ собою весьма цѣнный вкладъ въ историческую литературу, и заключилъ пожеланіемъ видѣть продолженіе этого труда.

---

[1]) „Кіев. Стар“, май, 1896 г.

Въ дѣйствительные члены Общества избраны *Георгій Ивановичъ Челпановъ* и *Василій Николаевичъ Стороженъ*.

X. ЗАСѢДАНІЕ 28-го АПРѢЛЯ 1896 г.

а) Г. Секретаремъ были прочтены, за отсутствіемъ самихъ авторовъ, рефераты:

α) Поч. чл. **А. С. Павлова**: «*Догадка о происхожденіи древне-русскаго преданія, которое называетъ перваго русскаго митрополита Михаиломъ Сиринымъ*» (напечатанъ во II-мъ отд. настоящей книги).

β) Поч. чл. О. П. Г. **Лебединцева**: «*Примѣчанія къ „Догадкѣ“ А. С. Павлова*» (напечатаны во II-мъ отд. настоящей книги).

б) Д. чл. О. И. Левицкій сообщилъ содержаніе «*Панегирика 1728 г.*», предложеннаго д. чл. **А. И. Соболевскимъ** для напечатанія въ настоящей книгѣ (см. III-й отдѣлъ).

в) Г. **Предсѣдатель** прочелъ свой докладъ: «*О первой попыткѣ написать исторію Кіевской академіи*» (см. III-й отд. настоящей книги).

XI. ЗАСѢДАНІЕ 5-го ОКТЯБРЯ 1896 г.

Въ настоящемъ засѣданіи, на основаніи ст. 28 «Устава», были произведены выборы на предстоящее трехлѣтіе всѣхъ должностныхъ лицъ Общества, на мѣсто выбывающихъ.

По произведенной баллотировкѣ избраны: 1) въ предсѣдатели—*В. Б. Антоновичъ*, 2) въ товарищи предсѣдателя—*А. М. Лазаревскій*, 3) въ секретари—*М. Н. Ясинскій*, 4) въ казначеи—*Ѳ. Я. Фортинскій*, 5) въ библіотекари и помощники секретаря—*И. М. Каманинъ*.

XII. ЗАСѢДАНІЕ 20-го ОКТЯБРЯ 1896 г.

Г. Предсѣдатель открылъ засѣданіе поминкой по скончавшемся д. чл. Общества Нестора *К. Б. Газенвинкель*, память котораго была почтена вставаніемъ.

За тѣмъ было приступлено къ чтенію рефератовъ.

а) Д. чл. **И. М. Каманинъ** сообщилъ біографическія данныя «*О чигиринскомъ подстаростѣ Данилѣ Чаплицкомъ*» и его отношеніяхъ къ Богдану Хмельницкому.

Личность Чаплицкаго, ничтожная сама по себѣ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя, благодаря тому лишь, что Хмельницкій неоднократно указываетъ на него, какъ на главнаго виновника начавшагося съ 1648 г. «кровопролитія». Происхожденіе Ч-аго неизвѣстно; имя и фамилія его въ «Гербовникѣ» Несѣцкаго пишется: «Данило Чаплицкій», что подтверждается и данными актовыхъ книгъ Центральнаго Архива (при Университетѣ); въ письмахъ, мемуарахъ и проч. онъ неправильно называется Чаплинскимъ. Фамилія Чаплинскихъ была туземная волынская; имъ принадлежало с. Миловша; изъ членовъ ея извѣстенъ Рафалъ—волынскій подвоевода, а потомъ таборовскій староста, Янъ—луцкій бургграбій и Криштофъ—товарищъ повѣтовой хоругви; фамилія Чаплицкихъ жила въ Брацлавщинѣ; имъ принадлежало с. Юрковцы; изъ членовъ этой фамиліи въ актахъ встрѣчается Матеушъ. писарь винницкаго грод. суда, быть можетъ родственникъ Данила Ч-го. Послѣдній въ должности чигиринскаго подстаросты является около 1639—40 г.; съ началомъ войнъ Хмельницкаго онъ становится ротмистромъ надворной волошской хоругви въ полку своего господина корон. хорунжаго Александра Конецпольскаго; въ Желтоводской битвѣ Ч-ій не участвовалъ, но въ Корсунской участіе его весьма вѣроятно; въ Пилявецкой же, Збаражской и Берестечской подтверждается лѣтописными и документальными данными; съ конца 1651 г. слѣдъ Ч-го теряется, и ротмистромъ надворной хоругви Конецпольскаго мы встрѣчаемъ въ началѣ 1653 г. другое лицо; въ этотъ промежутокъ времени и могла случиться его смерть; разсказъ лѣтописи Самуила Величка о поимкѣ и казни Ч-го Хмельницкимъ—чистѣйшій вымыселъ; равно и разсказъ о столкновеніи Х-го съ Ч-мъ преувеличенъ и пріукрашенъ фантазіей; изъ источниковъ этого разсказа болѣе достовѣрный—письма самаго Х-го къ Потоцкому, Конецпольскому, Шембергу и Барабашу; въ нихъ Х-ій обвиняетъ Ч-го въ насиліяхъ вообще надъ крестьянами и священниками; по отношенію же къ себѣ, въ отнятіи хутора Субботова и арестѣ; романическая подкладка совершенно устранена, какъ и жестокое будто бы наказаніе сына; но если обвиненія Х-го и имѣли какой-либо дѣйствительный фактъ въ основаніи, то въ письмахъ они несомнѣнно преувеличены изъ желанія гетмана дать болѣе основательную причину своего возстанія, что и подтверждается тѣмъ, 1, что потеря хутора, при большихъ земельныхъ владѣніяхъ Х-го, не была для него разорительна; захватъ сдѣланъ Ч-мъ по распоряженію Ко-

нецпольскаго и былъ явленіемъ обычнымъ для своего времени; 2, что въ письмахъ Х-го есть указанія на старую дружбу его съ Ч-мъ; 3, что Х-ій, имѣвшій возможность получить удовлетвореніе за обиды Ч-го, не настаивалъ на этомъ, какъ не принималъ мѣръ и къ поимкѣ своего мнимаго врага, и что 4, Ч-ій, находясь въ войскѣ не только не подвергался нареканіямъ и упрекамъ, но, напротивъ, пользовался даже нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны поляковъ; такимъ образомъ имя его служитъ лишь средствомъ закрыть собою истинныя причины возстанія, средствомъ, выгоднымъ для обѣихъ сторонъ, благодаря чему басня о Чаплицкомъ распространяется и среди польскаго общества и среди малорусскаго, какъ удобный поводъ замолчать дѣйствительность.

б) Д. чл. **Вас. Г. Ляскоронскій** представилъ описаніе «*Иностранныхъ картъ и атласовъ XVI и XVII вв., заключающихъ въ себѣ данныя для исторіи Южной Руси*». Указавъ на значеніе картъ и атласовъ, какъ источниковъ для яснаго и точнаго представленія географіи и топографіи страны, источниковъ, которые, къ сожалѣнію, по большей части игнорируются нашими изслѣдователями, референтъ отмѣтилъ иностранныя изданія, какія онъ встрѣтилъ, при своей заграничной поѣздкѣ лѣтомъ этого года, въ государственномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ, въ Парижской національной библіотекѣ и въ библіотекѣ Парижскаго географическаго общества.

Въ Кенигсбергѣ оказались слѣдующія карты: «Nova totius terrarum orbis geographiae ac hidrografica tabula. Auctore Henr. Hondio. 1630». На картахъ Польши и Венгріи здѣсь означены важнѣйшіе города на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Карта Henri Hondii, Amstelodami, 1633: «Carta Russiae cum confinibus».

Карта «Lithvania», гдѣ показаны лѣса по теченію рѣкъ.

«Regnum Hungariae per Sansonium, geographum regis ordinarium».

«Regni Poloniae et Ducatus Lithvaniae, Vohhiniae, Padoliae, Ukrainae, Prussiae, Livoniae et Curlandiae descriptio, emendata per Johannem de Koni».

«Moschoviae pars australis, auctore Isaaco Massa».

«Never atlas. Amstelodami. Apud, Johannem Jansonium. Anno 1638». Въ немъ «Novissima Russiae tabula, auctore Isaaco Massa».

«Magni Ducatus Lithvaniae caeterarumque regionum, illi adjacentium, exacta descriptio ill-mi prin-is ac. d-ni Nicola Christophor Radziwil. D. G.»

«Ampliissima Ukrainae regio, palatinatus Kijoviensem et Braclaviensem complectens, cum adjacentibus provinciis, juxta recentissimam designationen, aeri incisa arte et sumptibus Tobiae Conradi Lotteri, geographi Augustae. Vindel».

«Delineatio generalis camporum desertorum, vulgo Ukraina, cum adjacentibus provinciis, bono publico erecta per Guilhelmum Le Vasseur de-Beauplan. s. r. m-tis architectum militarem et capitaneum» (по каталогу № 720). Изъ приписки автора къ своей картѣ видно, что, кромѣ изданнаго имъ атласа, онъ работалъ еще надъ составленіемъ особой большой карты Украины, которая должна была вчетверо превосходить изданную и изображать отдѣльныя области.

Въ Парижской національной библіотекѣ референтомъ найдены такія же карты Боплана, какъ и въ Кенигсбергѣ, при чемъ одна изъ нихъ была раскрашена.

Изъ атласовъ здѣсь наиболѣе интересными оказались:

«Iudoc'a Hondius'a: «Nova Europae descriptio, auctore I. Hondio. N. Picart excudit Ven. et corigé des melieurs esprit du temps. 1644.» Въ этомъ атласѣ заслуживаетъ вниманія венеціанская карта 1570 г., сдѣланная весьма несовершенно и съ большими неправильностями; въ этомъ же атласѣ находится карта 1569 г.: «Partis Sarmatiae Europeae, quae Sigismundo-Augusto, regi Poloniae potentissimo, subiaci, nova descriptio».

«Dil regno di Polonia, dell. acc-mo m. p. Giacomo Gastaldo Piemontese. In Venetia l'anno MDLXVII (1567)».

«Nova descriptione de la Moscova per le-cote M. Giacomo Gastoldo Piemontese cosmographo. In Venetia. Anno MDLXIIII (1565)».

«La descriptione della prima parte dell' Asia con i nomi antichi et moderni Di Jocopo Gastoldi Piemontese cosmographo (XVI в.)»; на картѣ находится изображеніе и Южной Россіи, изъ городовъ которой обозначены Ромны и Лубны, кромѣ извѣстныхъ болѣе древнихъ, какъ Кіевъ, Вышгородъ, Каневъ, Черкассы и друг.

Въ знаменитой космографіи Себастьяна Мюнстера, озаглавленной: «Seb. Münster, Cosmographia zu Basél durch Henrichum patri

anno MDXLIIII (1544)», есть также нѣсколько картъ, касающихся юга Россіи.

Карта Россіи, изданная въ 1632 г. Николаемъ Фишеромъ (Nicolas Janssen Vischer), была переиздана потомъ Яковомъ Сандрартомъ подъ заглавіемъ: «Moscoviae, seu Russiae Magnae, generalis tabula, qua Lapponia, Norvegia, Suecia, Dania, Polonia, maximaeque partes Germaniae, Tartariae, Turciae, imperii aliaeque regiones adjacentes, simul ostenduntur, de novo correcta et edita per Jacobum Landrart, chalcographum Noribergensem».

Карта Исаака Массы: «Novissima Russiae tabula. Auctore Isaaco Massa. 1612» (См. у Аделунга, стр. 74). Здѣсь у верховья Конскихъ Водъ показано не мало городовъ, такъ же какъ и по берегамъ Азовскаго моря.

«Atlas Caronelli et autres (1688)» содержитъ въ себѣ карту «Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithvaniae, Volhiniae, Podoliae, Prussiae et Curlandiae descriptio emendata per I. Dankerts. Amstelodami. Cum privilegio ordinum Hollandiae et West-Frisiae» (вѣроятно 1632—8 г.).

Въ дополненіяхъ къ атласу Гондіуса (1644 г.) мы находимъ одну карту Даніи, Швеціи, Польши, Венгріи, а другую подъ заглавіемъ: «Typus generalis Ukrainae, sive palatinatum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis terras, nova declinatione exhibens».

Въ атласѣ Фридриха де-Вита также есть нѣсколько картъ, относящихся къ Южной Россіи: карта Азіи и Восточной Европы, карта Польши, Литвы, Волыни, Подоліи, Украины и проч. и карта Россіи («Tabula Russiae, vulgo Moscoviae»); они подробно изображаютъ теченіе р. Днѣпра и его притоковъ съ расположенными на нихъ городами [1]).

Въ Парижскомъ географическомъ обществѣ г. Лясоронскій обратилъ вниманіе на карту Герарди Меркатора († 1594 г.): «Atlas, sive cosmographia, medicitationes de fabrica mundi et fabricati figura auctus! Ed. 4-ta, sumptibus et tipis aneis Judoci Hondij: Amstelodami, an. D. 1619». Его же другой атласъ: «Atlas minor Gerardi Mercatoris a J. Hondio plurimis aneis tabulis auctus atque illustratus. Aznheimii apud Joannem Jansonii, 1621».

---

[1]) Кромѣ того въ Париж. національ. библіотекѣ имѣются карты, изданные Жайльотомъ (1695), Делилемъ (1714), Шейтеромъ (конца XVII в.) и друг.

Большой интерессъ представляетъ атласъ Блеу (Blaeu), изд. 1644 г., въ который входятъ болѣе древнія карты, напр.: «Taurica Chersonesus, nostra aetate Przecopica et Cazaria dicitur»; карта «Magni Ducatus Lithvaniae caeterarumque regionum, illi adjacentium, exacta descriptio illis-mi ac. excel-mi principis et duci D. Nicolai Christophori Radzivil, D. G. Olycae ac in Nieswic, ducis S. Rom. Imperii, principis in Szyłowiec ac Mir. comitis et s. Sepulchri Hierosolymitani militis, et opera, cura et impensis facta ac in lucem edita. Amstelodami. Excudebat Guillelmus Jansonius sub signo Solarij deaurati. Anno 1613». Между прочимъ здѣсь есть изображенія замковъ гг. Пирятина и Лубенъ [1]).

Есть еще карты Янсона 1631 и 1639 гг.; послѣдняя озаглавлена: «Nouveau theatre du monde, ou nouvel atlas, comprenant les tables et description de toutes les regions de la terre, divisé en trois tomes. Amsterdam, czez Jan Janson. 1639».

Атласъ 1659 г. Петра Шенка имѣетъ такое заглавіе: «Atlas contractus, sive mapparum geographicarum Sansoniarum auctarum et correctarum nova congeries. Ex formis Petri Schenck. Amstelodami. Cum priv. ord. Holl. et West-Frisiae».

Наконецъ «Atlas generale du Monde, designée par s-r Sanson d'Abbebille, geographe ordinaire de Sa Majesté, A Paris, czez P. Mariette S. Jacques à l'Esperance, 1651».

Изъ разсмотрѣнія иностранныхъ атласовъ XVI и XVII вв., референтъ пришелъ къ заключенію, что лѣвобережный Днѣпровской край гораздо раньше козацкихъ войнъ былъ уже значительно заселенъ и имѣлъ укрѣпленные города и мѣстечка, существовавшіе, должно думать, испоконъ вѣковъ, а не основанные, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, послѣ козацкихъ войнъ (напр. Лубны, Ромны, Пирятинъ, Лукомль, Горошинъ, Зиньковъ, Гадячъ, Глинскъ, Голтва, Полтава, Переволочна и друг.).

в) Г. **Предсѣдатель** представилъ «*Отчетъ о трудахъ X-го археологич. съѣзда, бывшаго въ г. Ригѣ съ 1-го по 15-е августа текущаго года*». Указавъ на важность и значеніе подготовительныхъ къ съѣзду работъ: карты и археологической библіографіи Прибалтійскаго края,

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что гг. Пирятинъ и Лубны помѣщены уже на картѣ Ѳед. Борисовича, изготовленной въ 1599 г.

карты могильныхъ раскопокъ въ краѣ, выставки и ея каталога, а также латышской этнографической выставки, и отмѣтивъ число членовъ (622), засѣданій (33) и рефератовъ (103), онъ перешелъ къ обзору трехъ группъ рефератовъ; къ первой отнесены имъ такіе рефераты, которые затрогиваютъ вопросы археологической науки и состояніе ея въ Прибалтійскомъ краѣ, именно: 1) проф. *Р. Гаусмана:* «Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее 50-лѣтіе». Того же вопроса коснулся и баронъ *Г. Бруйнингкъ*, представившій «Обзоръ развитія ученыхъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ». *А. Билленштейнъ* сообщилъ «О древне-латышскихъ городищахъ» и «О деревянномъ вѣкѣ латышей», сопровождающемъ другіе вѣка; *Р. Вирховъ*—«О древнѣйшихъ жителяхъ Сѣверной Европы и особенно Ливоніи»; *Р. Гаусманнъ*—«О разныхъ типахъ ливонскихъ могильниковъ» и *Ѳ. В. Покровскій*—«Объ изслѣдованіи кургановъ на литовско-русскихъ окраинахъ».

Вторую группу составляли рефераты, касавшіеся территоріи Южной Руси: *Ѳ. Г. Мищенка:* «Извѣстія Геродота о внѣ-скиѳскихъ земляхъ Россіи»; *Н. Е. Бранденбурга*: «Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ, вмѣстѣ съ покойниками, погребены остовы убитыхъ лошадей»; *В. К. Мальмберга*: «О времени и мѣстѣ происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ Южной Россіи»; *В. Б. Антоновича*: «О памятникахъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ», и «О группировкѣ городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра» и *Ю. А. Кулаковскаго*: «О раскопкахъ крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.». Говоря о рефератахъ, касавшихся собственно южно-русской археологіи, докладчикъ упомянулъ и о двухъ, касавшихся болѣе поздняго періода южно-русской исторіи, рефератахъ: *Д. И. Багалѣя*: «О магдебургскомъ правѣ въ городахъ Лѣвобережной Украины», и *М. П. Истомина:* «Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ».

Наконецъ, третяя группа рефератовъ имѣла предметомъ общіе вопросы археологіи: *Н. Ѳ. Кащенка*: «Объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта»; г. *Гремплера*: «О рисункахъ на доисторическихъ сосудахъ»; г. *Гакмана*: «О бронзовомъ вѣкѣ Финляндіи»; *П. Н. Милюкова*: «Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.»; *А. И. Черепнина:* «О рязанско-окскихъ могильникахъ

и преимущественно о находимыхъ въ нихъ женскихъ украшеніяхъ», и *Д. Н. Анучина*: «О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ Средней и Западной Россіи».

г) Г. **Секретарь** дополнилъ отчетъ г. Предсѣдателя объ археологич. съѣздѣ въ Ригѣ, сдѣлавъ сообщеніе о рефератахъ, касавшихся быта домашняго, общественнаго, юридическаго и военнаго. Изъ нихъ выдающимися онъ находитъ рефераты: *А. Я. Ефименко*: «Объ архаическихъ формахъ землевладѣнія у Германцевъ и у Славянъ»; *М. А. Дьяконова*: «О монастырскихъ дѣтенышахъ въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII вв.»; *Д. И. Багалѣя*: «О магдебургскомъ правѣ въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи»; *М. П. Истомина*: «Объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 г.». Наконецъ, онъ упомянулъ и о другихъ рефератахъ того же отдѣленія: о рефератѣ *Ѳ. Р. фонъ-Штерна*. «О торговыхъ путяхъ ганзеатовъ въ Великій-Новгородъ»; *А. И. Маркевича*: «О русскомъ городѣ Ригѣ на Дону въ XVII в.»; *С. Е. Звѣрева*: «О слѣдахъ христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ», и *Я. И. Лудмера*: «О русской и нѣмецкой генеалогической литературѣ» [1]).

При этомъ референтъ указалъ на то, что наши археологическіе съѣзды не ограничиваются одной археологіей, даже въ широкомъ смыслѣ этого слова, но стараются способствовать разработкѣ по возможности всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ обширной русской исторической науки (со всѣми вспомогательными къ ней науками) и, благодаря такой широкой постановкѣ дѣла, начинаютъ привлекать къ участію въ нихъ не только историковъ всѣхъ оттѣнковъ, но и юристовъ; поэтому, для большей точности слѣдовало бы переименовать ихъ изъ археологическихъ въ историческіе. Въ заключеніе онъ обратилъ вниманіе на столь большое разнообразіе рефератовъ не только по содержанію, но и по эпохамъ и мѣстностямъ, къ какимъ они относились, что о какихъ-либо обобщеніяхъ и выводахъ не можетъ быть и рѣчи.

---

[1]) Большое количество вышеназванныхъ рефератовъ не позволяетъ въ виду ограниченности мѣста въ настоящемъ отдѣлѣ, сдѣлать изложеніе ихъ содержанія, которое читатели найдутъ въ «Извѣстіяхъ X-го Археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1—15 августа 1896 г.»—Рига. 1896.

Въ настоящемъ засѣданіи въ члены Ревизіонной коммиссіи для повѣрки кассы и библіотеки Общества избраны единогласно. *Ю. А. Кулаковскій*, *Н. В. Стороженко* и *В. И. Щербина*.

XIII. ЗАСѢДАНІЕ 27-го ОКТЯБРЯ 1896 г.

Въ состоявшемся въ залѣ торжественныхъ собраній Университета св. Владиміра настоящемъ годичномъ засѣданіи Общества, въ день памяти преподоб. Нестора-лѣтописца, г. Секретаремъ былъ доложенъ *«Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г.»* (извлеченіе изъ Отчета см. ниже).

За тѣмъ, д. чл. **О. И. Левицкимъ** была прочтена рѣчь *«О Брестской церковной уніи 1596 г.»*.

Лекторъ началъ съ указанія на то, что въ нынѣшнемъ году истекаетъ триста лѣтъ со дня провозглашенія церковной уніи и Брестскаго собора, происходившаго въ октябрѣ 1596 г. и имѣвшаго столь важное значеніе для исторіи Западной и Южной Руси. Унія въ настоящее время не существуетъ болѣе въ предѣлахъ Россіи, хотя прошелъ всего только 21 годъ съ тѣхъ поръ, какъ были возсоединены послѣдніе уніаты Сѣдлецкой и Люблинской губ. Унія представляетъ собою зло, изъ-за котораго было пролито столько слезъ и крови, которое оставило неизгладимые слѣды въ литературѣ, искусствѣ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ Руси, а потому вопросъ о томъ, чѣмъ была собственно унія и какія событія вызвали ея возникновеніе, есть вопросъ въ высокой степени интересный. Докладчикъ не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ историковъ, которые считаютъ унію исключительно дѣломъ іезуитовъ и польскаго правительства, надѣявшагося путемъ религіознымъ достичь объединенія Руси. Мысль объ объединеніи церквей возникла еще задолго до 1596 г.: короли Казиміръ и Александръ пытались создать унію, но попытки эти оказались тщетными; и тѣмъ не менѣе то, чего не удалось осуществить гораздо болѣе даровитымъ монархамъ, легко и безъ особенныхъ усилій осуществилъ Сигизмундъ III. Нельзя не замѣтить, что во второй половинѣ XVI в. католицизмъ въ Польшѣ, переживъ только-что жестокую борьбу съ вторгшимся въ это государство съ запада протестантизмомъ, былъ слабѣе, чѣмъ при

вышеупомянутыхъ короляхъ. Такимъ образомъ, унія не могла быть совершена волею однихъ іезуитовъ и польскаго правительства, которое къ тому же никогда не было достаточно могущественнымъ, но причины ея кроются, прежде всего, въ глубокомъ разладѣ, существовавшемъ въ это время между іерархами и мирянами православной церкви Южной Россіи.

Обращаясь къ причинамъ этого разлада, докладчикъ указалъ, что, благодаря сближенію съ Польшей, внутренній строй западно-русскаго общества въ полов. XVI в. подвергся измѣненіямъ. Здѣшняя знать, стремясь во всемъ сравняться съ польскими шляхтичами, начала жить болѣе широко; но вскорѣ оказалось, что средства ея не отвѣчаютъ требованіямъ новой жизни. Знатные роды переживали тяжелый экономическій кризисъ, и взоры ихъ устремились невольно на богатыя монастырскія и епархіальныя имѣнія; знать начинаетъ добиваться сановъ епископскихъ и архимандричьихъ. До половины XVI ст. въ южно-русской православной церкви господствовало выборное начало: духовные сановники избирались не однимъ только духовенствомъ, но при участіи князей, бояръ и всего людства, при чемъ міряне принимали вообще широкое участіе въ дѣлахъ церкви, состояли даже членами духовныхъ и церковныхъ судовъ. Избирательная система представляла собою сильный тормазъ для знати, желавшей достигнуть духовныхъ сановъ съ цѣлью воспользоваться церковнымъ имуществомъ, а потому они стараются уничтожить древній порядокъ, стараются получить декреты короля, предоставляющіе имъ должности церковныхъ сановниковъ противъ воли и желанія мірянъ. Захвативъ въ свои руки церковныя имущества, недостойные іерархи заботятся лишь объ обогащеніи себя и своихъ семействъ, раздаютъ церковныя земли своимъ дѣтямъ и родственникамъ, налагаютъ особыя подати на низшее духовенство и, въ случаѣ отказа со стороны послѣдняго платить дань, закрываютъ церкви, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдаютъ ихъ въ аренду. Духовные сановники нерѣдко оказывались людьми съ самымъ дурнымъ прошлымъ, виновными и въ разбояхъ, и въ убійствахъ, и въ изнасилованіяхъ.

Въ этотъ періодъ разложенія западно-русской церкви опорою православія явилось православное мѣщанство, хранившее преданія прежняго соборнаго ея строя. Мѣщанскія общества, пользовавшіяся въ большинствѣ городовъ магдебургскимъ правомъ, сохранили за

собою право завѣдыванія своими церквами и выбора духовенства, горячо отстаивая это право. Необходимо замѣтить, что мѣщанство такихъ городовъ, какъ Львовъ, Вильна и др., было достаточно образовано по своему времени, благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ заграничными городами и частымъ поѣздкамъ заграницу. Мѣщанство это отличалось въ то-же время полнымъ консерватизмомъ въ дѣлахъ вѣры и привязанностью къ старымъ обычаямъ, благодаря чему, несмотря на свои частыя сношенія съ заграницей, гдѣ въ это время господствовала реформація, примѣры перехода въ протестантизмъ мѣщанъ были крайне рѣдки.

Западно-русское мѣщанство и его церковныя братства приняли на себя починъ въ дѣлѣ преобразованія церкви. Воспользовавшись пребываніемъ во Львовѣ антіохійскаго патріарха Іоакима, мѣщане представили на его утвержденіе проектъ новой организаціи братствъ. По этому проекту, братства изъ учрежденій мѣщанскихъ превращаются во всесословныя учрежденія, въ которыхъ могутъ принимать участіе и дворяне, и мѣщане, и посполитые. Братства служатъ пользѣ и интересамъ церкви, устраиваютъ училища, больницы, открываютъ типографіи, имъ принадлежитъ право контроля за дѣйствіями духовенства и даже архіереевъ. Антіохійскій патріархъ утвердилъ проектъ и предоставилъ братствамъ широкія права, константинопольскій-же патріархъ Іеремія впослѣдствіи предоставилъ братствамъ ставропигію; пользуясь всѣми этими правами, предоставленными имъ патріархами, братства, составлявшія одинъ общій союзъ, поддерживаемыя дворянствомъ, стремятся къ обузданію архіереевъ и къ возстановленію древняго церковнаго благоустройства.

И вотъ, между братствами, стоящими за выборное начало при выборѣ духовныхъ сановниковъ и за принципъ широкаго участія міранъ въ дѣлахъ церкви, и епископами, домогающимися полнаго невмѣшательства въ дѣла церкви мирянъ и полнаго послушанія съ ихъ стороны, то есть, стоявшими за принципъ, проповѣдуемый римско-католическою церковью, происходитъ борьба, принимавшая часто самый острый характеръ, при чемъ нерѣдко доходило и до вооруженныхъ нападеній. Весьма возможно, по мнѣнію докладчика, что если-бы епископы въ своей борьбѣ съ міряնами не нашли поддержки извнѣ, то они примирились-бы съ обстоятельствами, уступили требованіямъ братствъ и въ такомъ случаѣ преобразовательное движеніе

въ западно-русской церкви совершилось бы спокойно, безъ потрясеній; но ихъ поддержали іезуиты, съ притворнымъ участіемъ писавшіе тогда объ угнетенномъ якобы положеніи православнаго духовенства, порабощеннаго мірянами, и предлагавшіе выходъ изъ этого положенія въ уніи съ римскою церковью. Когда борьба съ братствами обострилась до послѣдней степени, западно-русскіе архіереи въ порывѣ отчаянія ухватились за это средство и пошли договариваться съ польскимъ правительствомъ о цѣнѣ своего предательства.

Такимъ образомъ, по мнѣнію докладчика, главной причиной уніи послужилъ разладъ, существовавшій между западно-русскими іерархами и народомъ и закончившійся отложеніемъ первыхъ отъ православной церкви; но народъ не измѣнилъ своей вѣрѣ, и унія въ теченіе двухъ вѣковъ существовала и распространялась лишь путемъ насилій и благодаря поддержкѣ польскаго правительства.

Рѣчь закончена была обзоромъ важнѣйшихъ политическихъ сочиненій, написанныхъ противниками и приверженцами уніи, при чемъ въ первыхъ сочиненіяхъ доказывается необходимость широкаго участія міранъ въ дѣлахъ церкви, а во вторыхъ—принципъ полнаго повиновенія и послушанія пасомыхъ своимъ пастырямъ.

Извлеченіе изъ постановленій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г.

Въ теченіе истекшаго года Совѣтъ Общества Нестора-лѣтописца имѣлъ пять засѣданій (3-го и 20-го января, 20-го марта, 11-го мая и 17-го октября).

Кромѣ рѣшенія обычныхъ текущихъ дѣлъ, Совѣтъ Общества слушалъ заявленіе г. Предсѣдателя о пожертвованіи неизвѣстнымъ лицемъ на нужды Общества 1000 руб., расходъ которыхъ предоставленъ имъ на усмотрѣніе его, Предсѣдателя. Совѣтъ постановилъ выразить благодарность жертвователю (засѣданіе 3-го января).

Тогда же г. Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе вопросъ объ открытіи публичныхъ лекцій, по-преимуществу, о г. Кіевѣ.

Предложеніе это было принято и избрана коммиссія для разработки проекта о лекціяхъ. Въ нее вошли, кромѣ гг. Предсѣдателя и Секретаря, поч. члены Н. П. Дашкевичъ и И. В. Лучицкій и д. чл. П. В. Голубовскій.

Въ засѣданіи Совѣта 20-го января была доложена записка г. Предсѣдателя слѣдующаго содержанія:

«Сообщивъ въ засѣданіи 3-го сего января о пожертвованіи лицемъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, *одной тысячи рублей* на нужды нашего Общества, съ правомъ расходованія ихъ по моему усмотрѣнію, и передавъ таковыя деньги въ кассу Общества, нынѣ имѣю честь заявить, что означенныя деньги я желаю обратить въ фондъ, проценты съ котораго были бы расходуемы на распространеніе знаній по исторіи города Кіева и его памятниковъ, ограничивая таковую XVIII вѣкомъ. Распространеніе знаній по означенному предмету я предполагаю какъ путемъ публичныхъ лекцій, открываемыхъ нашимъ Обществомъ, такъ равно поощреніемъ къ написанію и изданіемъ монографій и отдѣль-

ныхъ очерковъ по тому же предмету, изложенныхъ общедоступно и научно. Въ какомъ порядкѣ могутъ быть расходуемы на указанный предметъ проценты съ пожертвованнаго капитала, ежегодно или по накопленіи ихъ до извѣстной суммы, все сіе предоставляю на усмотрѣніе Совѣта Общества».

«Заявленіе свое дополняю слѣдующимъ исключеніемъ: если въ текущемъ (т. е. весеннемъ) полугодіи 1896 г. будутъ открыты нашимъ Обществомъ публичныя лекціи по исторіи г. Кіева и его памятниковъ, то на пріобрѣтеніе права литературной собственности Обществомъ на эти лекціи я назначаю до 300 рублей изъ капитала съ тѣмъ, чтобы лекціи были изданы отдѣльно на деньги, полученныя отъ входной платы, и съ тѣмъ, чтобы могущій явиться отъ продажи книжекъ лекцій чистый приходъ былъ присоединенъ къ указанному выше фонду».

Въ этомъ же засѣданіи Совѣта слушался докладъ коммиссіи по вопросу о лекціяхъ.

Она пришла къ рѣшенію: а) открыть чтеніе платныхъ публичныхъ лекцій о г. Кіевѣ на слѣдующія темы: 1) геологія г. Кіева, 2) топографія и археологія г. Кіева до Владиміра св. и послѣ него, 3) древніе памятники искусства г. Кіева, 4) просвѣтительное значеніе г. Кіева въ XVII и XVIII вв.

б) Пригласить лекторами проф. П. Я. Армашевскаго и поч. чл. В. Б. Антоновича.

в) Прочитанныя лекціи напечатать особымъ изданіемъ, которое обратить въ собственность Общества.

г) Лекторовъ вознаградить полистнымъ гонораромъ изъ суммы (1000 руб.), пожертвованной неизвѣстнымъ лицемъ на нужды Общества.

д) Сумму, вырученную отъ продажи входныхъ на лекціи билетовъ, назначить на печатаніе лекцій.

Въ засѣданіи 20-го марта Совѣтъ постановилъ открыть въ осеннемъ полугодіи 1896 г. рядъ систематическихъ публичныхъ лекцій по слѣдующимъ отдѣламъ исторіи и словесности: а) по древней всеобщей исторіи, б) по средней исторіи, в) по новой исторіи, г) по русской исторіи и д) по исторіи всеобщей и русской литературы. Для выработки программы этихъ лекцій избрана коммиссія изъ слѣдующихъ членовъ: А. М. Лазаревскаго, В. З. Завитневича, Н. П. Дашкевича, И. В. Лучицкаго, П. В. Голубовскаго, Н. М. Бубнова, Ѳ. Я. Фортинскаго, Е. В. Аничкова, П. В. Владимірова и В. П. Науменка.

Въ засѣданіи Совѣта 11-го мая постановлено было избрать коммиссію для организаціи вообще дѣла публичныхъ лекцій.

Три первыя публичныя лекціи (проф. П. Я. Армашевскаго и В. Б. Антоновича) дали, по докладу г. Предсѣдателя, сбора за входные билеты 371 руб. 5 коп., изъ коихъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по устройству этихъ лекцій, въ кассу Общества поступило 314 р. 80.

Въ этомъ же засѣданіи было сдѣлано постановленіе относительно участія Общества Нестора въ трудахъ X-го археологич. съѣзда въ г. Ригѣ, пригласивъ быть депутатами на съѣздѣ отъ Общества членовъ В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова, Т. Д. Флоринскаго, Ю. А. Кулаковскаго, П. В. Владимірова, М. Н. Ясинскаго, А. Н. Ясинскаго и В. З. Завитневича.

Въ засѣданіи 17-го октября г. Предсѣдатель, сообщивъ о разрѣшеніи Обществу Нестора со стороны г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа и г. Кіевскаго Губернатора открыть въ осеннемъ полугодіи 1896 г. публичныя платныя лекціи въ аудиторіяхъ Университета, заявилъ о необходимости опредѣлить отношенія нынѣ дѣйствующей Лекціонной коммиссіи къ Совѣту Общества.

Въ отвѣтъ на это заявленіе И. В. Лучицкій, какъ предсѣдатель Лекціонной коммиссіи, представилъ два протокола постановленій послѣдней о распорядкѣ публичныхъ чтеній и способѣ распредѣленія между лекторами гонорара, имѣющаго остаться за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по устройству публичныхъ лекцій.

Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ Общества избралъ въ члены Редакціоннаго комитета *В. С. Иконникова.*

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г.

I. *Численный составъ Общества Нестора-лѣтописца.*

Къ 27-му октября 1895 г. Общество состояло изъ 24 почетныхъ и 108 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года избрано семь новыхъ членовъ: одинъ почетный и 6 дѣйствительныхъ.

Изъ означеннаго числа членовъ въ тотъ же періодъ времени выбыло за смертью два дѣйствительныхъ члена.

Такимъ образомъ, къ 27-му октября 1896 г. Общество состоитъ изъ 137 членовъ: 25 почетныхъ и 112 дѣйствительныхъ.

II. *Библіотека Общества.*

А) Въ *Библіотекѣ* Общества Нестора-лѣтописца къ 27 октября 1895 г. находилось на лицо 1234 названія въ 2505 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года поступило 342 названія въ 694 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ, къ 27 октября 1896 г. имѣется 1576 названій въ 3199 томахъ и брошюрахъ.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* къ 27-му октября 1895 г. имѣлось: а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ съ рукописей—2 и рукописныхъ книгъ—6.

Въ теченіе года поступило а) древнихъ рукописныхъ книгъ—5; б) отдѣльныхъ документовъ—2 связки и в) рукописныхъ сочиненій текущаго вѣка—7 книгъ.

Такимъ образомъ, къ 27-му октября 1896 г. состоитъ на лицо: а) древнихъ рукописныхъ книгъ—11; б) фотографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей — 2; в) отдѣльныхъ документовъ — 2 связки (присоединяя къ нимъ и бывшіе прежде 11 документовъ) и г) рукописныхъ сочиненій текущаго столѣтія—7 книгъ.

Наибольшее количество книгъ въ отчетномъ году, благодаря ходатайству бывшаго предсѣдателемъ Общества поч. чл. А. М. Лазаревскаго, поступило отъ Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и отъ редакцій многихъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей, а также и отъ самаго А. М. Лазаревскаго; рукописи же поступили отъ А. М. Лазаревскаго, Т. Д. Флоринскаго, г. Иванова и г. Славинскаго.

В) *Изданій Общества Нестора*, по продажѣ ихъ, разсылкѣ членамъ и высылкѣ въ обмѣнъ на изданія другихъ учрежденій и обществъ, къ 27 октября 1896 г. осталось:

а) «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца»: книги I—34, кн. II—109, кн. III—30, кн. IV—179, кн. V—199, кн. VI—207, кн. VII — 219, кн. VIII — 216, кн. IX — 241, и кн. X — 207 экземпляровъ.

б) «Трудовъ III-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г.»—51 экземпл. (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) «Указателя выставки III-го археологическаго съѣзда»—152 экз.

г) «Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси»—276 экз.

д) «Поминки по А. А. Котляревскомъ»—88 экз. и

е) «Сулимовскаго архива», изданнаго поч. чл. А. М. Лазаревскимъ,—168 экземпляровъ.

III. *Денежныя средства Общества:*

Суммы Общества Нестора-лѣтописца находились съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г. въ слѣдующемъ движеніи:

Къ 27 октября 1895 г. оставалось . . . . . 415 р. — к.

Въ теченіе года поступило:

1) Изъ Государств. казначейства . . 800 р. —

2) Членскихъ взносовъ всего лишь . 185 р. —

3) Отъ продажи изданій Общества . 64 р. —

4) % по тек. счету . . . . . 9 р. 78 к.

5) Отъ публичныхъ лекцій о г. Кіевѣ поч. чл. В. Б. Антоновича и проф. П. Я. Армашевскаго . . . . 314 р. 80 к.

6) Пожертвованіе отъ неизвѣстнаго лица. . . . . 1000 р. —

Итого 2788 р. 58 к.

Израсходовано въ теченіе года:

1) На изданіе X-й книги «Чтеній» . 396 р. 40 к.

2) На устройство засѣданій . . . 48 р. —

3) На канцеляр. расходы . . . . 89 р. 32 к.

4) На библіотеку (сооруженіе полокъ и переплетъ книгъ) 47 р. 80 к.

5) На прислугу 40 р. —

Итого 621 р. 52 к.

Къ 27-му октября 1896 г. остается въ наличности 2167 р. 6 к.

Избранная въ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца 20-го октября **Ревизіонная коммиссія**, въ составѣ членовъ: *Ю. А. Кулаковскаго*, *Н. В. Стороженка* и *В. И. Щербины*, произвела, въ засѣданіи своемъ 26-го октября, повѣрку кассы и библіотеки и нашла оборотъ суммъ Общества въ періодъ $189^5/_6$ г. строго правильнымъ и точнымъ, а состояніе его библіотеки въ полной исправности и совершенномъ порядкѣ.

Отдѣлъ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

«Расходная книга» Кіевской приказной избы за 1675—76 гг.

Среди документовъ Сибирскаго приказа (въ Московскомъ архивѣ м—ва юстиціи) случайно сохранилась «расходная книга» Кіевской приказной избы, содержащая записи по расходу денегъ, хлѣба и соли за последнюю треть 1675 г. и за первую 1676 г. Этотъ довольно цѣнный для бытовой исторіи Кіева документъ хранится въ отдѣлѣ *книгъ* подъ *№ 598* и состоитъ изъ 238 листовъ. Книга нѣсколько пострадала отъ времени—не сохранилось начальныхъ и конечныхъ листовъ ея.

Документъ состоитъ изъ 2 частей: 1) книги денежныхъ расходовъ (лл. 1—164, безъ начала) и 2) «книги расходной... хлѣбнымъ запасамъ и соли» (лл. 165—238, безъ конца). Вторую часть оставляю безъ вниманія, такъ какъ она содержитъ однообразныя записи о выдачѣ хлѣба и соли ратнымъ людямъ, т. е., имѣетъ спеціальный интересъ для исторіи организаціи военнаго хозяйства въ XVII в. Но первая часть, и особенно записи о «неокладныхъ» денежныхъ расходахъ, имѣетъ общій интересъ, какъ бытовой матеріалъ для исторіи Кіева въ концѣ 1675 г. и началѣ 1676 г. Извлекаю отсюда всѣ болѣе или менѣе любопытныя данныя, располагая ихъ въ нѣкоторой системѣ.

Но предварительно—нѣсколько общихъ замѣчаній. Денежные расходы московскаго управленія Кіевомъ стали очень велики для того времени: въ октябрѣ 1675 г. израсходовано 1402 р. 9 алтынъ 4 денги, въ ноябрѣ 1142 р. (алтыны и деньги отбрасываю), въ декабрѣ 908 р. Въ январѣ 1676 г., когда происходила выдача полугодоваго жалованья ратнымъ людямъ, расходъ возросъ до 8395 р. Въ февралѣ, по той же причинѣ, расходъ былъ немногимъ меньше—6568 р. Въ мартѣ уже нормальный расходъ—1715 р. Итого, за 6 мѣсяцевъ израсходовано 20130 р. Переводя эту сумму на современ-

ный счетъ по самой минимальной оцѣнкѣ (увеличивая сумму только въ 10 разъ), получимъ, что Кіевъ обошелся за полугодіе государевой казнѣ болѣе 200 тыс. Но это расходъ только наличныхъ денегъ въ Кіевѣ, а московскій расходъ по передвиженію войскъ, изготовленію разныхъ воинскихъ припасовъ (пороха, свинца, оружія) и проч., необходимо считать въ такую же сумму, если не больше. Такимъ образомъ, содержаніе Кіева обходилось Москвѣ около полумилліона въ полугодіе, т. е., послѣ Москвы Кіевъ былъ самою тяжелою расходною статьею для государовой казны и тѣмъ болѣе, что доходы съ Кіева врядъ ли покрывали и десятую долю расходовъ на него.

Записи книги начинаются съ 9 октября и оканчиваются послѣдними числами марта. Записи велись подьячими приказной избы и составлялись въ двухъ формахъ: 1) «по *выпискѣ*, за помѣтою» такого-то дьяка, или 2) «по *приказу* боярина и воеводы»... Первая форма говоритъ, что для разрѣшенія даннаго расхода въ приказной избѣ была составлена «докладная выписка» и поднесена присутствію избы, т. е., воеводѣ и его товарищамъ. Разрѣшеніе присутствія вносилось дьякомъ въ «помѣту» на доклады. Такая процедура наблюдается при выдачѣ всѣхъ «окладныхъ» расходовъ (на жалованье ратнымъ людямъ и др.) и нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ «неокладныхъ» расходовъ. Но мелкіе неокладные расходы велись по единоличному устному «приказу» старшаго воеводы.

Перехожу къ извлеченіямъ изъ денежной расходной книги, обращая преимущественное вниманіе на бытовыя подробности.

I.

Воевода, его товарищи и дьяки. — Подьячіе. — «Вѣстовщики». — Расходы приказной избы на бумагу, свѣчи, сундуки, переплетъ и пр.—Починка укрѣпленія около Кіевскихъ и Михайловскихъ воротъ.—Изготовленіе въ Кіевѣ карабиновъ, пистолей и пр.— Литье пушекъ.—«Гранатное дѣло».—Селитра.—Полки стрѣлецкіе, рейтарскіе, салдацкіе и драгунскіе.—«Инженерское и подкопное дѣло».—Покупка хлѣба для войскъ.— Лекаря и «цырулики».

Изъ кіевскихъ мѣстныхъ властей за 1675—76 гг. случайно упоминается имя одного *бурмистра* Яна *Настича;* онъ торговалъ лѣсомъ и др. предметами, и у него было куплено на 5 р. дубовыхъ бревенъ «на пушечные станки».

Но московскія власти Кіева могутъ быть представлены по расходной книгѣ въ полномъ составѣ: воеводою въ разсматриваемое время былъ бояринъ кн. Юрій Петровичъ *Трубецкой*, его товарищами—окольничій кн. Данило Степановичъ *Великого-Гагинъ* и стольникъ Өедоръ Ивановичъ *Колтовской*, да два дьяка—Тимофей *Безсоновъ* и Иванъ *Калитинъ*. Такой усиленный составъ воеводскаго управленія, существовавшій въ очень немногихъ городахъ Московскаго государства (Новгородѣ, Бѣлгородѣ, Казани и Тобольскѣ), да и то не всегда, ясно говоритъ о крупной роли Кіева въ описываемое время.

Выдающееся положеніе старшаго кіевскаго воеводы можно отмѣтить напр. такимъ фактомъ изъ его обстановки: бояринъ всегда выѣзжалъ и выходилъ со своего воеводскаго двора въ сопровожденіи отряда въ 21 человѣкъ, «которые ходятъ *съ протазаномъ* за бояриномъ и воеводою за кн. Ю. П. Трубецкимъ». Это были выборные люди изъ разныхъ стрѣлецкихъ «приказовъ». Въ мартѣ выдано имъ по 8 алтынъ 2 деньги человѣку—«для ихъ скудости и за ихъ волокиту» (это выдача сверхъ ихъ постояннаго жалованья).

О крупномъ значеніи Кіева говоритъ и усиленный составъ подьячихъ приказной избы, рѣдкій даже для вышеуказанныхъ центральныхъ городовъ Московскаго государства. Расходная книга приводитъ имена 14 подьячихъ, но ихъ было несомнѣнно больше. Въ спискѣ подьячихъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе трое *Сусловыхъ*: Осипъ (къ его годовому окладу въ 10 р. въ октябрѣ прибавлено 3. р.), Тимофей и Поликарпъ. Это—довольно извѣстная въ концѣ XVII в. въ Кіевѣ подьяческая фамилія, выдѣлившая также изъ себя дѣятельнаго политическаго тайнаго агента и «вѣстовщика» Михаила Суслова [1]). Затѣмъ въ Кіевской приказной избѣ сидѣли—два *Налетовыхъ:* Тимофей (къ его 10 рублевому окладу придано въ октябрѣ 2 р.) и Матвѣй; двое *Наковальниныхъ:* Өедоръ и Евсевій (къ 4 р. придано 2 р.) и двое *Соловковыхъ:* Дмитрій (къ 10 р. придано 2 р.) и Иванъ. Остальные подьячіе: Иванъ *Калачниковъ* (къ 13 р. придано 2 р.), Илья *Дюкаревъ*, Романъ Павловъ, Иванъ Андреевъ и Василій Соколовъ.

При приказной же избѣ состояло нѣсколько *«вѣстовщиковъ»* какъ постоянныхъ, спеціально служившихъ дѣлу политическаго шпіон-

---

[1]) См. мою статью: «Михаилъ Сусловъ», въ «Ист. Вѣстникѣ», 1895, № 7, с. 136 и слѣд.

ства, такъ и добровольцевъ. Во главѣ первыхъ стоялъ извѣстный Михаилъ *Сусловъ*. Въ расходной книгѣ встрѣчаемъ запись о посылкѣ его 9 генваря въ *Бѣлую Церковь*, съ «листами» отъ воеводы къ тамошнимъ польскимъ властямъ. На эту поѣздку выданъ Суслову 1 рубль.

Въ записи М. Сусловъ названъ «*кіевскимъ жителемъ*». Изъ его позднѣйшей челобитной [1]) мы знаемъ, что съ 1669 г. (когда началась его лазутческая служба) до 1686 г. онъ не числился на государевой службѣ и постояннаго жалованья не получалъ. Только въ 1686 г. Сусловъ «написанъ по Стародубу», съ годовымъ окладомъ въ 15 р.

Кромѣ М. Суслова, изба имѣла еще 4 вѣстовщиковъ изъ «кіевскихъ жителей»: Степана *Долгаго*, Ѳедора Иванова, Тимофея Ѳедорова и Ярошa (Ерошa) *Миляева*. Послѣдній названъ «жителемъ *Печерскаго* местечка». Великорусскія окончанія фамилій трехъ послѣднихъ вѣстовщиковъ не могутъ служить доказательствомъ великорусскаго происхожденія этихъ лицъ: московскіе документы того времени почти всегда или передѣлывали малорусскія фамиліи на московскій ладъ, или замѣняли мѣстныя прозвища обычнымъ въ Московскомъ государствѣ отчествомъ.

Кіевскій житель Степанъ Долгой два раза былъ посылаемъ «въ городы *Дорошенкова владѣнья* для провѣдыванія вѣстей»—въ декабрѣ и мартѣ. Мартовскую поѣздку онъ совершилъ вмѣстѣ съ другимъ лазутчикомъ Ярошомъ Миляевымъ. Раньше этой посылки (18 марта) Ярошъ отдѣльно ѣздилъ (8 марта) въ Дорошенковы владѣнья. Долгой и Миляевъ за каждую посылку получили по 1 рублю.

Въ тѣже Дорошенковы владѣнья 23 генваря ѣздили лазутчики—кіевскіе жители Ѳедоръ Ивановъ и Тимофей Ѳедоровъ, получившіе на дорогу по 20 алтынъ каждый.

Кромѣ этихъ кіевскихъ жителей, лазутчикомъ состоялъ при избѣ «кіевскаго полку рейтаръ» Иванъ Ивановъ; въ октябрѣ онъ ѣздилъ въ *Чигиринъ* «для провѣдыванья вѣстей», а въ ноябрѣ «въ городы Дорошенкова владѣнья». За первую посылку онъ получилъ «въ дорогу, на кормъ» 1 рубль, а за вторую 16 алтынъ 4 деньги.

Изъ добровольцевъ — шпіоновъ встрѣчаемъ извѣстнаго *Гоголевскаго попа Исакія* Васильева и сына его Василія. Въ февралѣ выдано

---

[1]) Ibid., 140.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1895 г. по 27-е октября 1896 г.

I. *Численный составъ Общества Нестора-лѣтописца.*

Къ 27-му октября 1895 г. Общество состояло изъ 24 почетныхъ и 108 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года избрано семь новыхъ членовъ: одинъ почетный и 6 дѣйствительныхъ.

Изъ означеннаго числа членовъ въ тотъ же періодъ времени выбыло за смертью два дѣйствительныхъ члена.

Такимъ образомъ, къ 27-му октября 1896 г. Общество состоитъ изъ 137 членовъ: 25 почетныхъ и 112 дѣйствительныхъ.

II. *Библіотека Общества.*

А) Въ *Библіотекѣ* Общества Нестора-лѣтописца къ 27 октября 1895 г. находилось на лицо 1234 названія въ 2505 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года поступило 342 названія въ 694 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ, къ 27 октября 1896 г. имѣется 1576 названій въ 3199 томахъ и брошюрахъ.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* къ 27-му октября 1895 г. имѣлось: а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ съ рукописей—2 и рукописныхъ книгъ—6.

10 рублей, затѣмъ 3 тысячи за 7 р. 16 алт. 4 деньги, снова 4 тыс. за 10 р. и т. д.

Любопытны двѣ записи о *переплетѣ* книгъ приказной избы: 1) жителю Печерскаго мѣстечка «переплетчику» Прохору Данилову дано 13 алтынъ 2 деньги за переплетъ книгъ (количество ихъ не указано). 2) У «кіевскаго жителя *кожемяки*» Романа Иванова куплено за 18 алт. 2 деньги «двѣ кожи *козлиныхъ красныхъ*» на «покрышку къ книгамъ».

Воскъ на печати покупался какъ у кіевлянъ, такъ и у москвичей. Напр. у кіевскаго мѣщанина Демки Филонова куплено 4 фунта воску за 16 алт. 4 деньги; у одного стрѣльца взяли 1 ф. воску «на черныя печати» за 3 алт. 2 деньги и т. д.

Нерѣдко покупались въ приказную избу липовые и др. *сундуки*— «*на письма*», т. е. для храненія въ нихъ документовъ архива и текущаго дѣлопроизводства. Сундуки постоянно дѣлалъ для избы «кіевской житель Мосѣйко Ивановъ *столяръ*». За липовый сундукъ онъ взялъ 16 алт. 4 деньги, за два другихъ сундука (какого дерева — не сказано) 26 алт. 4 деньги и 16 алт. 4 деньги. Онъ же, Мосѣйко, сдѣлалъ въ избу липовый *столъ* за 16 алтынъ 4 деньги.

Упоминается еще одинъ расходъ по приказной избѣ: за вставку стекла въ «большой *фонарь*» избы дано 3 алтына 2 деньги. Висѣлъ ли этотъ фонарь предъ входомъ въ приказную избу, или гдѣ либо внутри ея—неизвѣстно.

Одна запись расходной книги говоритъ, что при избѣ состояли 4 «*заплечныхъ мастера*»: Семенъ Чекушинъ съ товарищи. Въ мартѣ дано имъ «для ихъ скудости» 16 алтынъ 4 деньги.

Приказною избою непосредственно завѣдывали дьяки Т. Безсоновъ и И. Калитинъ, а дѣятельность воеводы и его товарищей была направлена, главнымъ образомъ, на организацію кіевской крѣпости и ея гарнизона. Въ разсматриваемое время въ кіевской крѣпости не происходило никакихъ крупныхъ передѣлокъ, и расходная книга говоритъ только объ одной мелкой починкѣ, именно: 18 ноября выдано 4 рубля 16-ти «розныхъ полковъ и приказовъ драгунамъ и салдатамъ и стрѣльцамъ, которые работаютъ у городового *выводу* подлѣ *Кіевскихъ воротъ* на правой сторонѣ». Упоминается еще одна недавняя работа на укрѣпленіяхъ: это — «*новыя Михайловскія ворота*», къ «подъемному мосту» которыхъ былъ купленъ *канатъ* (длина неизвѣстна)

за 6 алт. 4 деньги. Говорится также о покупкѣ 20 «*лычныхъ веревокъ*», за 26 алт. 4 деньги, для какого-то другого «подъемного моста». Запись эта относится къ ноябрю, когда шли работы около Кіевскихъ воротъ: вѣроятно, что здѣсь же дѣлался и новый подъемный мостъ, для котораго понадобились веревки, купленныя у «драгунскаго строя полковника и *инженера* Миколая *Ѳанцалина*».

Гораздо чаще встрѣчаются записи объ изготовленіи разнаго оружія и военныхъ припасовъ. Такъ, ежемѣсячно выдавался «поденной кормъ» (по 6 денегъ человѣку на день) 6 «кіевскимъ жителямъ *слюсарямъ*, которые работаютъ — дѣлаютъ государево ружье: *корабины* и *пистоли*»—Ивану *Плющенкѣ*, Михаилу и Ермолаю Сафоновымъ и др. Но этимъ дѣломъ больше занимались московскіе ратные люди, напр.: «салдацкого строю поручикъ» Яганъ *Еденбакъ* «сдѣлалъ вновь государевыхъ 35 карабиновъ, по уговору» дано за работу 5 р. 16 алт. 4 деньги; 12 московскихъ стрѣльцовъ—плотниковъ «работаютъ въ оружейномъ анбарѣ *пушечные станки* и колеса»: выдано имъ «для починки топоровъ и всякой плотничей снасти» по 8 алт. 2 деньги человѣку. Дубовыя бревна для пушечныхъ станковъ куплены за 5 р. За два воза *угля* «для оковъ пушечныхъ станковъ» дано 13 алт. 2 деньги.

Любопытна запись о расходахъ на *литье пушки*, которое производилъ «кіевскій житель *пушечной мастеръ*» Иванъ *Степановъ*, получившій въ началѣ работы—«за ево работу, что онъ льетъ пушку, для ево скудости, взачотъ» 4 рубля, а по окончаніи работы еще 1 рубль. Работа тянулась болѣе 3 мѣсяцевъ. Пушка была отлита «изъ старыхъ худыхъ пушекъ» вѣсомъ въ 100 пудовъ, а длиною въ $1^1/_2$ сажени. На литье этой пушки были куплены слѣд. припасы: $1^1/_2$ пуда *говяжья сала* на 1 р., 4 *полтя ветчины* 2 р. 13 алт. 2 деньги, 180 *яицъ* 16 алт. 4 ден., 10 пудовъ *желѣза* 7 р. 16 алт. 4 д., 50 *локтей* желѣзной *проволоки* 6 алт. 4 ден., 1 пудъ *мѣдной* проволоки 8 р., 1 пудъ *воску* 4 р. 13 алт. 2 ден., *полгарца конопляного масла* 2 алт. 2 ден., возъ *сѣна* 2 алт. 4 ден., 2 воза угля 13 алт. 2 ден., возъ *коровьей шерсти* 15 алтынъ; всего израсходовано 25 рублей. Деньги выданы, для передачи мастеру Ив. Степанову, московскому стрѣлецкому сотнику Ивану *Шпаньеву*, который «вѣдаетъ зелейные погребы и оружейные онбары и пушки» въ Кіевѣ.

Производилось въ Кіевѣ и «*гранатное дѣло*», на чтó намекаетъ запись о покупкѣ у кіевскаго жителя Θедора Иванова 4 пудовъ *смолы* (по 1 рублю пудъ) именно «на гранатное дѣло». Велось и пороховое дѣло, о чемъ говоритъ запись о покупкѣ у кіевскаго мѣщанина Ивана Гордѣева 40 пудовъ 8 гривенокъ «*селитры нелитрованной*», по 2 р. за пудъ; всего на 80 р. 23 алт. 1 деньгу.

Все это требовалось для значительнаго количества московскихъ войскъ, стоявшихъ въ Кіевѣ. Всего болѣе здѣсь было *стрѣльцовъ* слѣдующихъ 11 московскихъ (и частію изъ другихъ городовъ — Путивля и др.) «приказовъ», состоявшихъ подъ командою «головъ»: Авксентья *Писарева*, Петра *Остафьева*, Ивана *Елагина*, Ивана *Ендогурова*, Григорья *Салова*, Ермогена *Вешнякова*, Богдана *Пыжова*, Ивана *Зубова*, Михаила *Уварова*, Луки *Изъединова* и Алексѣя *Жукова*. Въ ноябрѣ 1675 г. приказы Жукова и Пыжова отпущены въ Москву, причемъ 11 «сотникамъ» этихъ приказовъ выдано на дорогу по 1 рублю.

Чтобы показать численный составъ стрѣлецкихъ приказовъ, остановлюсь на генварской записи о выдачѣ годоваго жалованья за 183 годъ начальнымъ и рядовымъ людямъ приказовъ И. Зубова, М. Уварова, Л. Изъединова и И. Елагина. Этимъ 4 «головамъ московскихъ стрѣльцовъ» выдано по 45 р. человѣку, ихъ 4 «полуголовамъ» (Григорью *Салову*, Θедору *Брянчанинову*, Тимофею *Горяинову* и Якову *Рыкачеву*) по $22^1/_2$ р.; 25 сотникамъ (8 сотниковъ въ 1-мъ приказѣ, 6 во 2-мъ, 6 въ 3-мъ и 7 въ 4-мъ) по 12 р.; 44 пятидесятникамъ (13, 11, 9, 11) по $3^1/_2$ р.; 183 десятникамъ (50, 47, 38, 48) по 3 р. и 1976 рядовымъ стрѣльцамъ (528, 514, 412, 522) по $2^1/_2$ рубля. Всего 2236 стрѣльцамъ 4 приказовъ выдано годоваго жалованья 5937 р. 13 алт. 4 деньги.

Составъ другихъ стрѣлецкихъ приказовъ былъ еще меньше: въ одномъ (съ начальными людьми) было всего 261 человѣкъ, въ другомъ 117 чел., въ слѣдующихъ 446 чел., 173 чел. и т. д.

Затѣмъ въ Кіевѣ стояли: 1) 2 «*рейтарскихъ* полка» — «старый Кіевскій полкъ» полковника Ягана *Иваницкаго* и полкъ полков[illegible] Ивана *Шепелева*. 2) 2 «*салдатскаго* строя» полка—полковника [illegible] *Θамендина* (1 подполковникъ, 3 капитана, 4 поручика и 27[illegible] выхъ) и полковника Θедора *Мейера* (1 подполковникъ, [illegible] 3 поручика и 222 рядовыхъ). 3) «*Драгунскаго* строя» [illegible]

ковника и инженера» Миколая *Фанзалена.* 4) Отрядъ «*инженерскаго* и *подкопнаго дѣла* моеора» Юрья *Лима*, съ 2 прапорщиками.

Кромѣ жалованья ратнымъ людямъ, очень крупный расходъ шелъ на покупку для нихъ *хлѣбныхъ* припасовъ. Покупкою хлѣба завѣдывалъ вышеупомянутый «выборный цѣловальникъ» Данило Ермолинъ съ 5 товарищи. Въ октябрѣ ему выдано «на хлѣбную покупку, на кормъ ратнымъ людямъ» 200 р., въ ноябрѣ—260 р., 100 р., 64 р., въ декабрѣ—64 р., 500 р. (30 декабря), въ генварѣ—347 р. (1 числа), 100 р., 80 р., 465 р., въ февралѣ 200 р. и т. д. Въ мартѣ между прочимъ дано 100 *золотыхъ* червонныхъ, *по торговой цѣнѣ* по 40 алтынъ золотой... итого 120 рублевъ».

Любопытна одна запись, говорящая о цѣнѣ *ржи* въ Кіевѣ: 13 января рейтарскій поручикъ Петръ *Корсаковъ* повезъ въ *Каневъ*, къ воеводѣ стольнику кн. Михаилу *Волконскому*, 730 «*золотыхъ* червонныхъ» («по рублю по 10 алтынъ за золотой«), ассигнованныхъ на покупку ржи для стоявшихъ въ Каневѣ стрѣлецкихъ приказовъ Александра *Карандѣева* и Максима *Лупандина* (въ составѣ 1689 человѣкъ). Кн. Волконской долженъ былъ купить 1266 четей (четвертей) и 6 четвериковъ ржи «по *кіевской цѣнѣ*—по 25 алтынъ на четь». Этотъ хлѣбъ назначался на прокормленіе стрѣльцовъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ.

При войскахъ кіевскаго гарнизона состоялъ «Оптекарского приказу *лекарь*» Алексѣй *Бединской*, о которомъ встрѣчаемъ слѣдующія записи въ расходной книгѣ: 1) въ октябрѣ выданъ ему 1 рубль «для его скудости»; 2) въ мартѣ выдана ему половина годоваго кормоваго жалованья—14 р. 16 алт. 4 деньги, «за ево работу лечебную *раненыхъ* и *больныхъ* ратныхъ людей»; 3) тогда же выдано ему 20 алт., «что онъ купилъ на свои деньги лекарство — 6 золотниковъ *листу александрѣйского*» и «3 золотника *екстрату полынного*».

Кромѣ лекаря Алексѣя Бединскаго, леченіемъ ратныхъ людей занимались еще «кіевскіе жители—*цырулики*» Максимъ Михайловъ и Климъ Прокофьевъ. Михайлову 6 февраля выдано «къ прежней дачѣ къ 5 рублямъ 5 рублевъ же», за леченіе 29 ратныхъ людей, раненыхъ подъ *Паволочью*; въ мартѣ выданъ ему 1 рубль «за лечьбу» одного салдата. Климъ Прокофьевъ 14 января получилъ «къ прежнему въ прибавку 10 рублевъ, за ево работу и за лекарство, что онъ *вылечилъ*» 43 стрѣльцовъ, раненыхъ подъ Паволочью.

Выдавались деньги и на леченіе государевыхъ *лошадей*, напр. выдано 6 алтынъ 4 деньги стрѣлецкаго приказа Луки Изъединова «пятисотному» Ивану Герасимову—«на лекарство государевымъ лошадямъ».

На каждое *погребеніе* рядовыхъ стрѣльцовъ, рейтаръ и др. обязательно выдавалось изъ приказной избы по 6 алтынъ 4 деньги. Иногда на казенный счетъ хоронились и начальные люди; напр., на погребеніе стрѣлецкаго сотника Константина *Подымова*, умершаго отъ полученныхъ подъ Паволочью ранъ, выдано 10 рублей.

Встрѣчается одинъ случай выдачи 10 рублей «новокрещеному рейтару Никифору *Сливинскому*, *за крещеніе* Православные Христіанскіе вѣры».

II.

Сношенія кіевскихъ воеводъ съ Польшею: пребываніе въ Кіевѣ польскихъ пословъ Друшкѣевича и Поцѣя, а потомъ Кладницкаго; сношенія съ польскимъ королемъ, коронными и литовскимъ гетманами, съ бѣлоцерковскимъ комендантомъ, дымерскимъ полковникомъ и др. — Митрополиты Паисій Газскій и Арсеній Струменскій. — Сербскій попъ Евстратій. — Выходцы изъ полону.

Кромѣ военнаго дѣла, немало заботъ причиняли кіевскимъ воеводамъ дипломатическія сношенія съ Польшею—какъ съ центральнымъ ея правительствомъ, такъ и съ мѣстными порубежными властями. Прибыли 2 ноября отъ «королевскаго величества *послы*, съ вѣстью»—«корунного войска стольникъ и полковникъ» Станиславъ *Друшкѣевичъ* и «литовскаго войска судья» панъ Леонардъ *Поцѣй*, съ 8 товарищами. Корму имъ положено по 1 р. на день. Долго-ли они пробыли—не видно. Но въ записи подъ 8 ноября записанъ новый пріѣздъ Друшкѣевича и Поцѣя въ качествѣ «пословъ» отъ польскаго короля съ «грамотами» къ московскому государю и съ «листами» къ кіевскому воеводѣ отъ «короннаго гетмана» кн. Дмитрія *Вишневецкаго* и отъ «литовскаго гетмана» Михаила *Паца*. На этотъ разъ послы прибыли съ громадною свитою: 20 «товарищей» изъ «корунняго войска» и 18 изъ «литовскаго войска», да 98 «челядниковъ» этихъ товарищей, не считая челядниковъ самихъ пословъ, число которыхъ не указано. Содержаніе посольства стоило большихъ денегъ: посламъ съ ихъ челядниками выдавали каждому по 3 р. на день, товарищамъ по 3 алтына 2 деньги, ихъ челядникамъ по 4 деньги на день, да на 213

лошадей по 6 денегъ на день. Всего выдано на первые 6 дней 122 р. 21 алт. 2 деньги.

Въ день пріѣзда посольства отправленъ въ Москву «гонецъ» (стрѣлецъ), которому выданъ на дорогу 1 рубль. Посольство долго прожило въ Кіевѣ, ожидая отвѣта изъ Москвы. Въ ноябрѣ 5 разъ выдавалось имъ кормовое жалованье, каждый разъ на 3 дня, въ размѣрѣ 61 р. 10 алт. 4 денегъ, да въ декабрѣ 2 раза, въ томъ же размѣрѣ. Послѣдняя запись отъ 4 декабря, а вслѣдъ затѣмъ посольство уѣхало обратно изъ Кіева, обойдясь кіевской казнѣ около 560 рублей.

Въ мартѣ былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ Москву «польской посланникъ» Александръ *Кладницкой*, съ свитою въ 50 человѣкъ. Онъ прожилъ въ Кіевѣ только 3 дня и обошелся казнѣ всего въ 18 р. 24 алтына. Въ эту сумму входила и стоимость ежедневно выдававшихся послу «2 квартъ *вина* двойного, по 4 алтына кварта».

Въ декабрѣ проѣзжалъ черезъ Кіевъ гонецъ отъ польскаго короля съ «листомъ» къ государю. Гонцу со свитою въ 10 человѣкъ дано 2 р. 26 алт. 4 деньги.

Далѣе идутъ личныя сношенія кіевскихъ воеводъ съ польскимъ королемъ и разными польскими властями. Въ январѣ пріѣзжалъ полковникъ Самойло *Кмитичь*, съ «листами» отъ короля и отъ литовскаго гетмана кн. Михаила-Казиміра *Радивила*. Раньше, въ декабрѣ была присылка изъ *Немирова*, отъ короннаго гетмана кн. Дм. *Вишневецкаго*; 9 посланнымъ князя выдано корму 3 р. 20 алтынъ.

Особенно часты были сношенія съ ближайшими сосѣдями кіевскихъ воеводъ — съ *бѣлоцерковскимъ* камендантомъ *Рапомъ*, *дымерскимъ* полковникомъ Станиславомъ *Лазинскимъ* и др. Первая посылка отъ Рапа была въ октябрѣ, когда пріѣзжавшему отъ него поручику съ 5 товарищами выдавали по 13 алтынъ 2 деньги на день; 21 ноября прибылъ отъ Рапа съ «листомъ» шляхтичь Павелъ *Суходольской*, съ 3 товарищи: получали они по 8 алт. 2 деньги на день; 5 декабря пріѣзжалъ изъ Бѣлой Церкви съ листами поручикъ Александръ *Волховской*: ему дано на кормъ 2 рубля. Въ генварѣ и февралѣ было еще по одной посылкѣ отъ бѣлоцерковскаго коменданта.

Сношенія съ дымерскимъ полковникомъ въ описываемое время начались пріѣздомъ въ Кіевъ самого Лазинскаго, для личныхъ объясненій съ воеводами ради «дѣлъ великого государя». Полковникъ

прибылъ 3 ноября и прожилъ въ Кіевѣ 3 дня. Его сопровождали 15 «товарищей» и 5 «челядниковъ». «На кормъ» полковнику съ его челядниками выдавали по 26 алтынъ 4 деньги, а товарищамъ по 3 алт. 2 деньги на день.

27 ноября прибылъ съ «листомъ» отъ Лазинскаго дымерской «судья» Янъ *Косовичь*, съ 8 товарищами и челядниками: давали корму по 26 алт. 4 деньги на день; 11 декабря прибылъ отъ Лазинскаго изъ *Черногородки* Яковъ *Невельской*, съ 6 товарищами и челядниками,—получилъ на кормъ 1 р. 20 алтынъ. Послѣдняя посылка изъ Дымера была 17 декабря.

Въ декабрѣ завязались сношенія съ «корунннымъ хорунжимъ» Николаемъ *Синявскимъ*, находившимся въ *Трипольѣ*. Въ декабрѣ было отъ него 2 посылки (въ первую—2 казакамъ дано 6 алт. 4 деньги) и въ февралѣ одна.

Въ декабрѣ была одна посилка изъ *Мотовиловки* съ листомъ отъ воеводы Андрея *Потоцкаго*.

1 декабря выдано корму 4 р. 26 алт. 4 деньги *львовскому* жителю гречанину Кирьяку *Исаеву*, «которой посланъ изо Львова къ Москвѣ для дѣлъ великого государя». Съ Исаевымъ было 5 челядниковъ.

Изъ *греческихъ выходцевъ* во все описываемое время (съ октября 1675 г. по мартъ 1676 г.) проживали въ Кіевѣ два митрополита *Арсеній Струменскій* и *Паисій Газскій*. Оба митрополита упоминаются постоянно въ тѣхъ записяхъ расходной книги, которыя говорятъ о расходѣ денегъ на служеніе молебновъ въ царскіе дни. Въ этихъ записяхъ (см. ниже) Паисій и Арсеній стоятъ выше архимандрита Иннокентія *Гизеля* и остального кіевскаго духовенства, и получаютъ самую высшую денежную дачу за молебны. Арсеній только эти дачи и получалъ, но Паисій, кромѣ того, ежемѣсячно получалъ еще «кормовыя деньги» на себя и своихъ «причетниковъ» и «служекъ». Именно послѣднимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и объясняется отсутствіе записей о выдачѣ корма Арсенію, т. е. послѣдній проживалъ въ Кіевѣ одинъ, безъ свиты, а Паисій имѣлъ свиту въ нѣсколько человѣкъ. Паисію выдавали кормовыхъ денегъ по 20 алтынъ на день, большою частію на недѣлю впередъ, а иногда на 2—3 недѣли сразу.

Въ мартѣ былъ проѣздомъ въ Кіевѣ «*Сербскіе* земли *Михайловского* монастыря черной попъ *Евстратій*», которому дано «милостыни денегъ рубль».

Нерѣдки въ расходной книгѣ записи о выдачѣ денегъ *полоненикамъ*—выходцамъ изъ турецкаго полону. Отмѣчаю нѣкоторые случаи: 1) «выходцу изъ полону, которой вышелъ *изъ Еросалима, почепцу*» Лукѣ Прокофьеву *Прокудину* данъ 1 рубль. 2) «Выходцу изъ полону (откуда именно—не сказано) иноземцу рейтару Өедору Спиридонову» дано 16 алт. 4 деньги. 3) Двумъ выходцамъ *харьковскимъ* казакамъ дано по столько же. 4) Одному рейтару дано 6 алт. 4 деньги и 4 *черкасамъ* по 3 алт. 2 деньги. Одинъ черкашенинъ былъ изъ города *Стеблева*, а трое изъ *Миргорода*. 5) «Добренцу» (изъ города *Добраго Городища*) Лаврентью Митрофанову дано 16 алтынъ 4 деньги.

Выходцамъ полякамъ выдавались деньги только въ томъ случаѣ, если они приносили политическія и др. «вѣсти», напр.: 1) «выходцу изъ полону поляку корунного войска товарищу Яну *Топескому*, для ево скудости, что онъ *сказывалъ вѣсти*», данъ 1 рубль. 2) 3 выходцамъ полякамъ, за вѣсти же, дано 13 алт. 2 деньги.

Любопытна запись о полоненикѣ рейтарскомъ поручикѣ Иванѣ Өедоровѣ *Недовѣсковѣ*: ему были куплены *рубашка* и *портки* за 7 алт. 2 ден., *сапоги* за 6 алт. 4 ден., *шапка* за 3 алтына; 8 марта ему же дано 16 алт. 4 деньги «на обдѣлку каөтана, и для ево скудости, и за полонное терпѣнье».

III.

Кіевское духовенство: настоятели монастырей. — Составъ печерской и никольской братіи. — Приходскіе протопопы, попы и дьяконы. — Полковые попы. — Молебны въ царскіе дни и другіе праздники. — Пріѣзды духовенства къ воеводамъ. — Поѣздки воеводъ по монастырямъ.—Разныя денежныя выдачи духовенству.

Въ расходной книгѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя данныя о кіевскомъ духовенствѣ того времени. Во главѣ духовенства книга всегда ставитъ архимандрита Печерскаго монастыря Иннокентія *Гизеля*. Затѣмъ идутъ *игумены* монастырей — Михайловскаго *Өеодосій*, Выдубецкаго *Өеодосій*, Кирилловскаго *Мелетій*, Никольскаго *Германъ*, Братскаго *Сильвестръ*, Межигорскаго *Өеодосій* и намѣстникъ Софійскаго монастыря *Варлаамъ*. Упоминаются еще намѣстники Михайловскаго, Братскаго, Никольскаго и Печерскаго монастырей.

По одной записи можно опредѣлить составъ братіи *Печерскаго* монастыря. Кромѣ архимандрита и намѣстника, братія состояла изъ

2 «соборныхъ старцевъ», «соборнаго дьякона», 20 «черныхъ поповъ» и «черныхъ дьяконовъ» и 20 «старцовъ». Недостаетъ здѣсь только количества «служекъ».—Въ *Пустынномъ* Никольскомъ монастырѣ находились: игуменъ, намѣстникъ, 2 «уставника», 18 поповъ и дьяконовъ. Количество старцевъ и служекъ неизвѣстно.

Во главѣ бѣлаго духовенства стояли два *протопопа—Десятинной* церкви и «Нижняго города соборной протопопъ». Сохранились имена причта Десятинной церкви—по случаю покупки у нихъ «сыченаго *меду*» на государевъ кружечной дворъ: у протопопа Василья Дмитреева куплено 160 гарнцевъ меду, у попа Самойла Давыдова 317½ гарнцевъ, у дьякона Михаила Яковлева 342½ гарнца. Но усерднѣе ихъ занимался пчеловодствомъ *Троицкой* церкви попъ Анисимъ Осиповъ: у него куплено 895 гарнцевъ меду. За гарнецъ платили по 1 алтыну 2 деньги. Всего куплено меду на 68 рублей 20 алтынъ.

Имена остальныхъ *поповъ* и *дьяконовъ* «приходскихъ церквей» неизвѣстны, но количество ихъ указано въ одной записи — 20 человѣкъ. Изъ низшаго причта приходскихъ церквей упомянутъ однажды «дьякъ» Десятинной церкви Андрей Самойловъ (не сынъ-ли попа Самойлы?..), которому въ ноябрѣ дано 16 алт. 4 деньги — «для ево самые скудости, на шубу». Въ Софійскомъ монастырѣ упоминаются 1 пономарь, 1 звонарь и нѣсколько *«вспѣвакъ»* (сколько именно—не сказано).

Въ описываемое время появилось въ Кіевѣ и московское духовенство въ лицѣ 3 *«полковыхъ* поповъ» кіевскаго гарнизона. Одному изъ нихъ—«полковому попу, которой служитъ *у Образа Живоноснаго Источника*, Володимеру Акинфьеву», выдано въ февралѣ за эту службу 10 рублей. Если не ошибаюсь, здѣсь разумѣется такъ называемый нынѣ Нижній Владимірскій памятникъ, съ часовнею и колодцемъ. Часовня и колодецъ, очевидно, были здѣсь и въ XVII вѣкѣ.

Изъ церковныхъ церемоній того времени любопытны данныя о служеніи *молебновъ* въ царскіе дни въ *Софійскомъ* монастырѣ. Молебны обставлялись очень торжественно, съ участіемъ всего высшаго духовенства. Всѣмъ участникамъ обязательно выдавалось «государево денежное жалованье». Первая запись говоритъ о служеніи молебна 24 ноября—«на имянины» царевны Екатерины Алексѣевны. За молебенъ дано: газскому и струменскому митрополитамъ и печерскому архи-

мандриту по 2 рубля, михайловскому игумену 1 р. 16 алт. 4 деньги, остальнымъ 5 игуменамъ и софійскому намѣстнику по 1 рублю, 3 другимъ намѣстникамъ и 1 соборному старцу по 16 алт. 4 деньги, десятинному «протопопу съ соборяны» 1 р., «Нижняго города соборному протопопу» 16 алт. 4 деньги, печерскому соборному дьякону 6 алт. 4 ден., 12 дьяконамъ разныхъ монастырей по 3 алт. 2 ден., 3 «полковымъ попамъ» 1 р. 16 алт. 4 ден., 20 попамъ и дьяконамъ приходскихъ церквей по 3 алт. 2 ден., софійскимъ пономарю и звонарю 6 алт. 4 ден., «на *два крылоса*» 1 р., да отдѣльно «*вспѣвакамъ* (т. е. солистамъ?..) рубль», наконецъ—«*нищимъ* на милостыню и въ *тюрьму*» 1 рубль. Всего выдано за молебенъ 24 ноября 24 р. 20 алтынъ.

Второй царскій молебенъ былъ 12 января — именины великой княжны Татьяны Алексѣевны, когда также «служили молебенъ въ Софійскомъ монастырѣ въ соборной церкви» оба греческихъ митрополита, архимандритъ Гизель, игумены, протопопы, попы и проч. Первые трое получили опять по 2 р., михайловскій игуменъ $1^1/_2$ р., остальные игумены по 1 р. и т. д.—какъ за молебенъ 24 ноября. Но общій итогъ вышелъ нѣсколько меньше—23 р. 3 алт. 2 деньги.

26 генваря былъ молебенъ въ Софійскомъ монастырѣ по случаю именинъ царевны Марьи Алексѣевны: выдано духовенству 24 р. 20 алтынъ. За молебенъ 1 марта—именины царевны Евдокіи Алексѣевны, выдано 25 р. 1 алт. 4 ден. На царскіе именины—17 марта, произведена усиленная денежная дача духовенству, служившему молебенъ въ Софійскомъ монастырѣ: 2 греческимъ митрополитамъ и о. Гизелю дано по 3 р., михайловскому игумену Ѳеодосію 2 р., кирилловскому и др. игуменамъ по $1^1/_2$ р. и т. д. Всего роздано 43 р. 3 алтына 2 ден.

По большимъ церковнымъ праздникамъ духовенство собиралось съ поздравленіемъ у воеводъ и получало за то денежную дачу. Такъ, 25 декабря «пріѣзжали въ Кіевъ (т. е. въ «верхній городъ», гдѣ жили воеводы) о здравіи великого государя царя... Бога молить и *поздоровлять* (съ) праздникомъ Рождествомъ Христовымъ» архимандритъ Гизель, игумены и намѣстники монастырей, приходскіе протопопы, попы и дьяконы. Всѣмъ имъ «роздано» изъ государевой казны: у боярина кн. Ю. П. Трубецкаго дано 35 р., у окольничаго кн. Д. С. Великого-Гагина 7 р., у стольника Ѳ. И. Колтовскаго 6 р., у дьяковъ Т. Безсонова и И. Калитина по 6 р.; всего дано духовенству 60 р.

Изъ государевой же казны оплачивались и поѣздки воеводъ на богомолье по кіевскимъ монастырямъ. Напр. 17 генваря бояринъ кн. Трубецкой съ товарищи «ѣздили» въ Никольской Пустынной монастырь «пѣть молебенъ о государскомъ многолѣтномъ здравіи», за что дали игумену Герману съ братіей 5 р. 31 алт. 2 деньги, въ томъ числѣ—игумену 2 р., намѣстнику 1 р. и т. д., на свѣчи и нищимъ по 2 алт. 2 деньги.

11 февраля бояринъ съ товарищи ѣздили въ Печерскій монастырь—также «пѣть молебенъ» о царскомъ здравіи и дали: о. Гизелю 1 р., намѣстнику и 2 соборнымъ старцамъ по полтинѣ, соборному дьякону 10 алтынъ, 20 чернымъ попамъ и дьяконамъ по гривнѣ и т. д., всего 8 р. 3 алт. 4 ден. Въ томъ числѣ: «въ *обѣихъ пещерахъ святымъ* положено» 24 алт. 4 ден., «да двумъ человѣкомъ старцомъ, которые *водятъ* въ пещерахъ—рубль».

Изъ другихъ денежныхъ выдачъ духовенству можно отмѣтить слѣдующія: 1) въ февралѣ выдано 16 алт. 4 деньги «Братского монастыря старцу *Львовского* монастыря бывшему *игумену Арсенію* Герасимову, на милостыню». 2) *Фроловскаго* женскаго монастыря старицамъ Евдокіи и Евгеніи дано однажды 6 алт. 4 деньги—«для ихъ скудости, на милостыню».

IV.

Цѣны на разные предметы: на желѣзо, стекло, изразцы, матеріи, пеньку.—Стоимость байдаковъ. — Расходы на вина. — Посылка ко двору волошскихъ орѣховъ.—Расходы на почтовый дворъ.

Раньше уже была отмѣчена стоимость въ Кіевѣ въ описываемое время разныхъ предметовъ житейскаго обихода. Выписываю изъ расходной книги еще нѣсколько любопытныхъ цифръ этого рода.

Цѣны на *желѣзо* и издѣлія изъ него: 1) у кіевскаго мѣщанина Захара *Тадрины* куплено 2 пуда «*шиннаго* желѣза», по 26 алт. 4 деньги за пудъ. Въ другомъ случаѣ за пудъ того же шиннаго желѣза дано по 25 алтынъ. 2) У кіевскаго жителя кузнеца Ивана Остафьева куплено за 16 алт. 4 ден. 450 «*тесовыхъ гвоздей*» для «государева двора, гдѣ стоитъ бояринъ и воевода». 3) У другого кіевскаго кузнеца Гаврилы Кондратьева купленъ за 7 алтынъ «*замокъ* къ большой тюрьмѣ».

Цѣны на *«шкло»*: 1) «кіевскому жителю *шкляру»* Кондрату Яковлеву, за «большую *окончину»*, которую «сдѣлалъ онъ къ образу Пречистыя Богородицы, Антонія и Θеодосія Печерскихъ чюдотворцевъ, которой поставленъ въ *Печерскихъ воротахъ* на башнѣ—и за ту работу, и за шкло, и за олово» дано 20 алтынъ. 2) «Окончиннику» московскому стрѣльцу Никитѣ Алексѣеву «за 8 окончинъ новыхъ въ деревѣ» (на дворъ дьяка Ив. Калитина) дано 8 гривенъ. 3) Ему же дано 10 алтынъ за 2 окончины «къ кіевскимъ воротамъ въ *караульню*, гдѣ стоятъ сотники». 4) Другому «окончиннику» стрѣльцу Ивану Карпову, за 3 «окончины большихъ», дано 20 алтынъ.

Любопытны цѣны на разноцвѣтные *изразцы* («образцы»), которые работались въ Кіевѣ: 1) куплено на воеводскій дворъ «въ столовую свитлицу 160 образцовъ *осиновоiо цвѣту»* у жителя Печерскаго мѣстечка Ермолая Степанова, по 1 алтыну за изразецъ, итого 4 р. 26 алт. 4 ден. На ту же печную работу въ воеводской «столовой горницѣ» куплено ½ фунта *сурику* на 8 алтынъ 2 ден. 2) У того же мастера Е. Степанова за 3 рубля куплено 100 «образцовъ *малеванныхъ»*, для «государева двора», гдѣ стоитъ дьякъ И. Калитинъ. 3) Для того же двора куплено у кіевскихъ жителей «печниковъ» Алексѣя Григорьева съ товарищи «30 образцовъ *бѣлыхъ*, по *осмаку* за образецъ». Имъ же дано «за *печную* работу» 16 алт. 4 ден. Всего израсходовано на эту печь 23 алт. 2 деньги. 4) У кіевскаго жителя Леска Григорьева куплено на «государевъ дворъ», гдѣ стоятъ начальные ратные люди, «на печь 150 образцовъ, денегъ ему за тѣ *изразцы»* дано 1 р. 16 алт. 4 деньги, да «за печную работу» 20 алтынъ.

Цѣны на матеріи: 1) кіевскому мѣщанину Яну *Настичу* выдано 1 р. 6 а. 4 д. за купленный у него 1 аршинъ «*таоты* алой, *струйчатой»*, которою была «покрыта великого государя грамота», отправленная 4 декабря къ польскому королю съ королевскими послами Друшкѣевичемъ и Поцѣемъ. 2) 12 января отправлена другая грамота къ польскому королю, и для нея купленъ у кіевскаго жителя Григорья *Сасимова* 1 аршинъ простой «алой таоты» за 13 алт. 2 деньги. 3) За 3 аршина *крашенины* заплочено 3 алтына.

Цѣны *пеньки*: у кіевскаго мѣщанина Осипа *Скороджина* куплено 220 пудовъ, по 15 алтынъ за пудъ, итого 99 р.

Цѣны *байдаковъ:* «для перевозу на паромъ» куплено 2 байдака— одинъ у москвитина Аврама Гаврилова, другой у кіевскаго мѣщанина Филипа *Камисара;* за первый дано 20 рублей, а за второй—25 р.

Въ Кіевѣ находился «государевъ *кружечной* дворъ», гдѣ продавалось вино, пиво и медъ. Головѣ этого двора Гаврилу Калачникову часто выдавались изъ казны деньги «на винную покупку», напр. 27 января выдано ему «100 золотыхъ червонныхъ» («цѣною по рублю по 8 алт. по 2 деньги» за золотой, «итого 125 рублей»), въ февралѣ выдано болѣе 140 р. и т. д. Изъ записей однако не видно— гдѣ и у кого онъ покупалъ вино т. е. водку) и почемъ перепродавалъ на кружечномъ дворѣ. Но изъ одной записи видна стоимость вина въ Кіевѣ: 2 марта, кіевскому казаку Роману Савельеву дано 10 алтынъ «*за ведро вина*, которое взято у него подъ Паволочью и роздано ратнымъ людямъ раненымъ».. Медъ, какъ мы знаемъ, покупался у причта Десятинной и Троицкой церквей. «Для продажного меду и былъ купленъ за 6 рублей *дворъ* одной вдовы и отданъ головѣ кружечнаго двора.

Любопытна запись о покупкѣ «*волоскихъ орѣховъ*» и посылкѣ ихъ ко двору московскаго государя: 31 октября, по грамотѣ изъ приказа Малыя Россіи, «куплено въ Кіевѣ на его великого государя обиходъ 20 тысячь волоскихъ орѣховъ сухихъ Печерскаго мѣстечка у жителя у Антона Гаврилова»: за 10 тыс. орѣховъ дано 3 рубля— по 10 алтынъ за тысячу, за высшій сортъ—за 10 тысячь 4 р., по 13 алт. 2 деньги за тысячу, всего 7 рублей. «Да подъ тѣ орѣхи куплена *тѣлега* съ крышкою» за 8 гривенъ. Орѣхи повезъ въ Москву сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Родіонъ *Черкизовъ*, которому дано на дорогу 2 рубля.

Отмѣчаю еще расходы по *почтовому двору:* 1) у кіевскаго жителя Мартына Ѳедотова куплено 10 «*обротей*», 10 *возжей* и 7 «*припряжей*», за все дано 16 алтынъ 4 деньги. 2) 14 ноября отправленъ до *Нѣжина*, «съ *нѣмецкимъ попомъ Маистромъ*», «почтовой гонецъ» Моисей Свіяжевъ, которому выдано 16 алт. 4 деньги на кормъ 5 «государевымъ лошадямъ». Маистръ направлялся въ Москву. 3) У кіевскаго жителя Мартына Иванова куплено *5 саней*, по 6 алт. 4 деньги за сани, всего дано 1 рубль. Въ другомъ случаѣ за одни сани дано 5 алт. 2 деньги, а за другія сани 10 алтынъ. 4) За гнѣ-

дого *мерина* 8 лѣтъ дано 4 р. 17 а. 2 д., за саврасаго мерина 9 лѣтъ 7 рублей и т. п.

Изъ всѣхъ этихъ записей несомнѣнно, что для торговыхъ и промышленныхъ кіевлянъ пребываніе въ Кіевѣ московскихъ войскъ было очень выгодно. Почти всѣ громадные расходы московской администраціи по содержанію войскъ и управленію оставались, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ и шли въ пользу его кореннаго населенія. Ростъ Кіева въ матеріальномъ отношеніи значительно поднялся со времени подчиненія его Москвѣ.

Н. Оглоблинъ.

Догадка о происхожденіи древне-русскаго преданія, которое называетъ перваго русскаго митрополита Михаиломъ Сириномъ.

Въ X-й книжкѣ «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца» помѣщена статья: «Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII вѣка Михаилѣ». Въ этой статьѣ, подписанной иниціалами П. Л., между прочимъ, сведены мнѣнія по вопросу о дѣйствительномъ существованіи другого русскаго митрополита Михаила, который въ извѣстномъ лѣтописномъ сводѣ XVI вѣка, въ т. наз. Степенной книгѣ, представляется первымъ русскимъ митрополитомъ, современникомъ св. Владиміра (стр. 7—13). Сущность мнѣній, доселѣ высказанныхъ по этому послѣднему вопросу, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) рядъ русскихъ митрополитовъ несомнѣнно начинается съ Леона, или Леонтія, названнаго въ источникѣ вполнѣ достовѣрномъ—въ первой Новгородской лѣтописи; но 2) въ этой лѣтописи извѣстіе о митрополитѣ Леонѣ впослѣдствіи (не позже XIII в.) было искажено прибавкой, будто онъ присланъ былъ на Русь патріархомъ Фотіемъ, умершимъ за 100 лѣтъ до крещенія Владиміра; 3) имя митрополита Михаила, вмѣсто Леонтія, явилось въ Степенной книгѣ просто по недоразумѣнію составителя этого лѣтописнаго свода. А недоразумѣніе, по остроумному объясненію профессора Е. Е. Голубинскаго, произошло такимъ образомъ: нашимъ предкамъ, повидимому, извѣстно было въ славянскомъ переводѣ окружное посланіе патріарха Фотія (о заблужденіяхъ латинянъ). Въ этомъ посланіи, между прочимъ, сообщается извѣстіе о современномъ Фотію крещеніи Руссовъ, которые, по словамъ патріарха, до такой степени показали себя преданными христіанской вѣрѣ, что приняли къ себѣ епископа. Греческіе лѣтописцы, замѣчаетъ по поводу этого извѣстія проф. Голубинскій, не

называютъ по имени епископа, присланнаго Фотіемъ къ современнымъ ему Руссамъ, но въ самихъ славянскихъ сказаніяхъ, ссылающихся на Зонару и Куропалата или Скилицу, *не знаемъ—на какомъ основаніи*, онъ названъ митрополитомъ Михаиломъ. Затѣмъ, приведя подлинныя слова Густынской лѣтописи объ этомъ митрополитѣ, проф. Голубинскій замѣчаетъ: въ этомъ сказаніи «ясно говорится, что митрополитъ Михаилъ былъ присланъ Русскимъ отъ патріарха Фотія не при Владимірѣ, а гораздо ранѣе; но составитель Степенной книги предпочелъ вѣрить Новгородской лѣтописи и памятникамъ, ее повторяющимъ (между прочимъ, уставу Владиміра), т. е. приписалъ присылку перваго митрополита на Русь, при св. Владимірѣ, патріарху Фотію, но назвалъ этого митрополита, по другому источнику, Михаиломъ, а не Леономъ [1]). Какой же это источникъ? Конечно, не Густинская лѣтопись, которая почти на цѣлое столѣтіе моложе Степенной книги [2]). Притомъ же въ этой лѣтописи митрополитъ Михаилъ, присланный на Русь патріархомъ Фотіемъ, ясно отличается отъ митрополита Михаила, присланнаго къ намъ при св. Владимірѣ другимъ патріархомъ—Николаемъ (Хрисовергомъ) [3]). Такимъ образомъ приведенныя соображенія почтеннаго историка нашей церкви хотя достаточно объясняютъ происхожденіе анахронизма Новгородской и другихъ лѣтописей, представляющихъ патріарха Фотія современникомъ св. Владиміра, но, по прямому заявленію самого автора, ничего не даютъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи и первоначальномъ письменномъ источникѣ преданія, на основаніи котораго Степенная книга, Густынская лѣтопись и другіе памятники называютъ перваго русскаго митрополита (при Владимірѣ) Михаиломъ. Предлагаемъ нижеслѣдующую догадку въ разрѣшеніе этого вопроса.

Въ начальной лѣтописи подъ 988 годомъ помѣщенъ текстъ исповѣданія вѣры, будто бы преподаннаго Владиміру, при его крещеніи въ Корсуни, тамошнимъ епископомъ, котораго лѣтопись не называетъ по имени. Авторъ этого исповѣданія теперь извѣстенъ: это—***Михаилъ*** синкеллъ [4]), пресвитеръ *іерусалимскій*. Но онъ, безъ

---

[1]) Голубинскій, Исторія рус. церкви, т. I, полов. 1, стр. 243—244.

[2]) Полн. собр лѣтоп, т. II, стр. 232 (предисловіе издателей).

[3]) Тамъ же, стр. 256; ср. стр 254 (подъ 987 г.).

[4]) Михаилъ синкеллъ былъ современникомъ Ѳеодора Студита и сподвижникомъ его въ борьбѣ за иконопочитаніе въ правленіе императора Ѳеофила (829—842). Со-

сомнѣнія, былъ извѣстенъ и нашимъ книжнымъ предкамъ, такъ какъ его исповѣданіе вѣры въ томъ же самомъ славянскомъ переводѣ, въ какомъ оно читается въ лѣтописи, находится и въ Изборникѣ Святослава 1073 года съ точнымъ обозначеніемъ имени своего автора: «Михаила сунькела иероусалимьскааго написание о правѣй вѣрѣ» (л. 20). Когда замѣчено было тожество этого «написанія» съ исповѣданіемъ вѣры, помѣщеннымъ въ лѣтописи, тогда естественно было придти къ мысли, что Михаилъ синкеллъ есть одно лицо съ іерархомъ, крестившимъ князя Владиміра и научившимъ его правой вѣрѣ. А какъ уже во времена начальнаго кіевскаго лѣтописца ходили разныя преданія о мѣстѣ крещенія Владиміра: по однимъ онъ крестился въ Корсуни (чему вѣритъ лѣтописецъ), по другимъ—въ Кіевѣ, по третьимъ—въ Васильевѣ,—то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ представленіяхъ лицъ, которыя держались двухъ послѣднихъ преданій, Михаилъ, бывшій синкеллъ іерусалимскій, обратился въ перваго русскаго митрополита, кристителя князя Владиміра и всей Кіевской Руси. Нашей догадкѣ до нѣкоторой степени благопріятствуетъ и то загадочное обстоятельство, что Михаилъ синкеллъ *іерусалимскій* въ русскомъ преданіи получилъ прозваніе *Сирина* (т. е. Сирійца): Сирія и Палестина—смежныя страны и обѣ находились тогда подъ властію багдадскихъ халифовъ (въ Сиріи). Поэтому и уроженецъ іерусалимскій, каковымъ былъ Михаилъ синкеллъ, по прямому свидѣтельству его жизнеописанія (какъ исповѣдникъ иконопочитанія онъ причисленъ восточною церковію къ лику святыхъ) [1]), могъ на языкѣ нашихъ предковъ получить прозваніе *Сирина* [2]).

Установляемая нами генетическая связь преданія о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ съ помѣщеннымъ въ начальной лѣтописи исповѣданіемъ вѣры, какое будто бы преподано было Владиміру его

хранилось и письмо св. Феодора къ Михаилу, синкеллу іерусалимскому (Migne, «Patrol. graec.», t. 99, p. 1640 и слѣд.).

[1]) Греческій текстъ житія Михаила синкелла въ одномъ спискѣ XI вѣка начинается словами: Οὗτος ὑπῆρχε μὲν γέννημα καὶ θρέμμα τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ. См. Пападопуло Керамевса, Каталогъ греч. рукописей Іерусалимской патріаршей библіотеки, т. II, стр. 319.

[2]) «Это, вѣроятно, съ какого нибудь повода, котораго однако въ настоящее время не можемъ указать», замѣчаетъ проф. Голубинскій по поводу этого загадочнаго прозванія (въ цитов. соч. стр. 245, прим. 1).

крестителями, нигдѣ не выступаетъ съ такою ясностію, какъ въ южно-русской редакціи памятника, извѣстнаго подъ именемъ церковнаго устава св. Владиміра. Въ этой редакціи мы читаемъ: «Се аз князь Владимир,..... пріем святое крещеніе, просвѣщен бых душею и тѣлом,... и прославих Бога, яко сподоби мя пріяти таковую благодать преосвященным митрополитом Михаилом, и взях его перваго митрополита,..... с нимьже крестихъ всю Рускую землю. Потом же сказа ми вся митрополитъ, еже о христіанской вѣрѣ, и како святіи отцы утвердиша вѣру на всѣх соборех» [1]). Послѣднія слова прямо указываютъ на лѣтопись, какъ на свой источникъ: въ нихъ содержится сокращенное изложеніе сказанія о семи вселенскихъ соборахъ, которымъ оканчивается упомянутое исповѣданіе вѣры. Но когда произошла занимающая насъ редакція Владимірова устава? Ближайшее основаніе для рѣшенія этого вопроса даютъ двѣ рукописныя южно-русскія Кормчія, въ которыхъ находятся старшіе списки этой редакціи. Правда, сами эти Кормчія по письму принадлежатъ XVI вѣку; но въ нихъ сохранилось послѣсловіе ихъ оригинала, написаннаго въ 1286 году для волынскаго князя Владиміра Васильковича [2]). Въ той и другой Кормчей находится по два одинаковыхъ списка Владимірова устава: одинъ помѣщенъ вслѣдъ за правилами седьмаго вселенскаго собора и составляетъ 16-ю главу всей книги, другой стоитъ почти въ самомъ концѣ, послѣ упомянутаго послѣсловія Кормчей 1286 года, и въ счетъ главъ не входитъ [3]). Уже такое положеніе обоихъ списковъ даетъ ясно видѣть, что первый изъ нихъ принадлежалъ къ составу подлинной Кормчей Владиміра Васильковича, а послѣдній есть прибавленіе позднѣйшихъ переписчиковъ этой Кормчей, вѣроятно снимавшихъ уже копіи съ копій. Такимъ образомъ происхожденіе южно-русской редакціи Владимірова устава и, значитъ, старшее письменное свидѣтельство о существованіи у насъ преданія, по которому первымъ русскимъ митрополитомъ считался Михаилъ, съ достаточною вѣроятно-

---

[1]) Эта редакція Владимірова устава напечатана въ Исторіи Рус. церкви преосв. Макарія, т. I, изд. 2, стр. 282 - 284.

[2]) Подробности объ этихъ Кормчихъ и ихъ оригиналѣ см. въ моемъ сочиненіи: «Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго права». Москва, 1892, стр. 131 и слѣд.

[3]) Всѣхъ главъ въ обѣихъ Кормчихъ считается 68. За послѣднею стоитъ вышеупомянутое послѣсловіе Кормчей 1286 года.

стію можетъ быть относимо къ первой половинѣ XIII вѣка. Еще до появленія Степенной книги, это преданіе въ сѣверно-русскихъ хронографахъ соединено было съ извѣстіемъ Новгородской лѣтописи о Леонтіи, какъ первомъ русскомъ митрополитѣ, и противорѣчіе свидѣтельствъ того и другого источника устранено было такъ, что митрополитъ Михаилъ поставленъ на первое мѣсто, а Леонтій—на второе. О первомъ хронографы говорятъ подъ 988 годомъ, а о второмъ—подъ 991-мъ, повторяя при этомъ извѣстный анахронизмъ своего источника: «Въ лѣто 6499 взя Владимиръ *у патріарха Ѳотія* митрополита Кіеву Леонтія [1])».

А. Павловъ.

[1]) См. А. Попова, Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. Москва, 1869, стр. 9.

Примѣчанія къ „Догадкѣ“ А. С. Павлова.

Извѣстный канонистъ, профессоръ А. С. Павловъ, удостоивъ своимъ вниманіемъ помѣщенную въ X книжкѣ «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца» мою статью подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII вѣка Михаилѣ», соблаговолилъ предложить нашему Ист. Обществу дополненіе къ этой статьѣ подъ заглавіемъ: «Догадка о происхожденіи древле-русскаго преданія, которое называетъ перваго русскаго митрополита Михаиломъ Сиринымъ».

Въ видахъ большаго приближенія къ истинѣ въ вопросѣ объ имени перваго кіевскаго митрополита, неупомянутомъ въ начальной лѣтописи преподоб. Нестора, считаю не излишнимъ представить Обществу преподобнаго Нестора-лѣтописца еще нѣкоторыя свои примѣчанія частію въ дополненіе, а отчасти въ разъясненіе статьи многоуважаемаго ученаго А. С. Павлова, которую онъ скромно называетъ только «Догадкой». Древнѣйшія свидѣтельства о крещеніи князя Владиміра въ Корсунѣ и крещеніи потомъ кіевлянъ въ Кіевѣ заключаются: 1) въ житіи князя Владиміра, 2) въ Похвалѣ равноапостольному князю Владиміру и въ житіи его—мниха Іакова въ спискѣ XVI вѣка, но въ которомъ тексты св. писанія приведены по какому то древнему намъ неизвѣстному переводу, и 3) въ начальной нашей лѣтописи по спискамъ Ипатскому и Лаврентьевскому. Но ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается объ участіи какого нибудь митрополита въ крещеніи кн. Владиміра и кіевлянъ.

1) *Въ житіи св. Владиміра* говорится: «Епископъ же съ *попы* Корсунскими и съ *попы* царицины, огласивши, крестиша и (кн. Владиміра) въ церкви св. Іакова въ Корсунѣ градѣ... А по семъ поимъ

Царицю и попы Корсунскія,... вшедъ въ Кіевъ... на утрѣя же изыде Володимеръ съ *попы* Царицины и съ Корсунскими (на Почайну рѣку)... а *попы* на брезѣ молитвоваху».

2) *Въ похвалѣ св. Владиміру* читается: «Владиміръ князь, крестився самъ, чада своя и всю землю Русскую крести отъ конца до конца».

3) *Въ Лѣтописи по Ипатскому списку* сказано: «Епископъ Корсунскій съ попы царицины, огласивъ и, и крести Владиміра; крестися же въ св. Софіи, на мѣстѣ, идѣже торгъ дѣютъ Корсуняне»... «И крещену бывшу Владиміру въ Корсуни, *предаша ему вѣру крестьянскую*, рекуще сице: Да не прельстятъ тебе нѣцыи отъ еретикъ, но вѣруй, сице глаголя: Вѣрую во единаго Бога» и проч... «Володимеръ же, поимъ царицю и Настаса и попы Корсунскы... прииде Кыеву. На утрѣя же изииде Володимеръ съ попы царицины и корсунскымы на Днѣпръ и снидеся бещисла людии.... поповѣ же стояща, молитвы творяху».

Въ Лѣтописи по Лаврентьевскому списку читается тоже, что и въ Ипатскомъ спискѣ дословно и съ тѣмъ же изложеніемъ преподанной Владиміру христіанской вѣры. Разность только въ томъ, что крещеніе Владиміра совершено по этой лѣтописи въ церкви св. *Василія*, а не св. Софіи».

Такимъ образомъ изъ житія кн. Владиміра, изъ Похвалы ему и изъ лѣтописей по Ипатскому и Лаврентьевскому спискамъ видно только, что 1) Владиміръ крещенъ корсунскимъ епископомъ съ попы и при этомъ преподано ему краткое наставленіе въ христіанской вѣрѣ, и кіевляне крещены въ Кіевѣ прибывшими изъ Корсуня корсунскими и царициными священниками; 2) наставленіе въ вѣрѣ христіанской не только преподано князю изустно, но и вручено на хартіи, вошедшей въ лѣтопись нашу.

Умолчанное въ начальной лѣтописи имя автора *написанія о правой вѣрѣ* не было однако безъизвѣстнымъ у насъ, какъ видно изъ Изборника кіево-черниговскаго князя Святослава, въ которомъ помѣщено это написаніе подъ такимъ заглавіемъ: «*Михаила синкела, пресвитера иерусалимскаго написаніе о правой вѣрѣ*,» какъ указываетъ г. Павловъ и какъ заявлено о семъ еще въ 1856 г. академикомъ Сухомлиновымъ въ его сочиненіи «о Русской лѣтописи». Но при неизвѣстности имени корсунскаго епископа, совершившаго кре-

щеніе Владиміра, у насъ въ Россіи давно могъ родиться вопросъ, не былъ ли іерусалимскій пресвитеръ Михаилъ уже корсунскимъ епископомъ во время крещенія Владиміра, а слѣдовательно и крестителемъ сего князя? Митрополитамъ кіевскимъ XI вѣка, которые, за исключеніемъ Иларіона, всѣ были греки, безъ сомнѣнія было извѣстно имя епископа, которымъ крещенъ Владиміръ и, при живомъ общеніи въ то время Русской церкви съ греками, возникшее недоразумѣніе о крестителѣ св. Владиміра и авторѣ написанія правой вѣры легко могло быть исправлено, такъ какъ существовало уже у грековъ житіе пресвитера іерусалимской церкви Михаила, скончавшагося въ 835 г. въ томъ же санѣ пресвитера. Совсѣмъ иное разсужденіе могло быть по сему предмету спустя 3—4 вѣка въ Московской митрополіи, когда прервано было ею всякое общеніе съ греческою церковью, когда о крещеніи Владиміра и Русскаго народа оставалось извѣстнымъ лишь то, что уцѣлѣло въ русскихъ лѣтописяхъ писанныхъ простецами-хронографами, которые говорили, что они и безъ наукъ православны, и когда греческія книги были недоступны даже нашимъ іерархамъ. И вотъ съ такимъ недоумѣннымъ вопросомъ встрѣчается въ началѣ XVI вѣка переписчикъ устава св. Владиміра, приложеннаго къ южнорусской Кормчей, писанной въ 1286 году для волынскаго князя Владиміра Васильковича. Хотя въ современномъ этому князю пергаменномъ спискѣ устава св. Владиміра, приложенномъ къ Кормчей Новгородско-Софійскаго собора читалось такъ: «Се азъ, князь Володиміръ, воспріялъ есмь крещеніе отъ греческаго царя и отъ патріарха Фотія Царьградскаго и взяхъ перваго митрополита *Леона* Кыеву, иже крести всю землю Русскую св. крещеньемъ», и хотя эта Кормчая съ приложенными къ ней уставомъ имѣла бо́льшее значеніе, чѣмъ упомянутая выше южно-русская лѣтопись, такъ какъ первая изъ нихъ была «написана по повелѣнію новгородскаго князя Димитрія (сына св. Александра Невскаго † 1294 г.), а отозваніемъ боголюбиваго архіепископа Новгородскаго Климента (1276—1290 г.) и положена была въ церкви св. Софіи на почитаніе священникомъ и діакономъ и на поученіе крестьяномъ»; но весьма могло быть, что переписчикъ южно-русской Кормчей никогда не бывалъ въ Новгородѣ и не слыхалъ о существованіи пергаменнаго устава св. Владиміра въ Новгородской Софіи, а подъ руками у него былъ только Изборникъ Святослава, занесенный въ Москву изъ Чернигова и очутившійся въ

послѣдствіи въ Воскресенскомъ монастырѣ, называемомъ Новый Іерусалимъ, и вотъ нашъ переписчикъ, мнившій себя въ правѣ быть и справщикомъ переписываемыхъ имъ книгъ, домыслился, что если преподанное князю Владиміру при крещеніи написаніе о правой вѣрѣ составлено Михаиломъ пресвитеромъ, то, по всей вѣроятности, онъ же будучи уже въ святительскомъ санѣ, былъ и крестителемъ кн. Владиміра и всей земли Русской, и потому въ предисловіи къ уставу св. Владиміра переписчикъ, самъ или съ соизволенія высшаго лица, рѣшился замѣнить въ своемъ спискѣ имя митрополита *Леона* именемъ митрополита *Михаила*, написавъ: «Се азъ, князь Владимиръ, нареченъ во святомъ крещеніи Василій, пріемъ св. крещеніе, просвѣщенъ быхъ душею и тѣломъ, ...и прославихъ Бога, яко сподоби мя пріяти таковую благодать преосвященнымъ митрополитомъ *Михаиломъ*.... При этомъ онъ добавилъ отъ себя на основаніи текста лѣтописи, «Потомъ же сказа ми вся митрополитъ, еже о христіанской вѣрѣ и како святіи отцы утвердиша вѣру на соборехъ» [1]). Особенности этой новой редакціи очень замѣтны, если сличить ее съ редакціей Новгородско-Софійской; здѣсь сказано проще и короче: «Се азъ, князь Владимiръ,... воспріяхъ есмь крещеніе отъ греческаго царя и отъ Фотія, патріарха Цареградскаго... и взяхъ перваго митрополита *Леона* Кыеву, иже крести всю землю Руськую св. крещеніемъ,« и только. 2) О наставленіи Владиміра митрополитомъ въ христ. вѣрѣ въ Новгород. пергам. спискѣ устава св. Владиміра не упоминается, какъ нѣтъ упоминанія о семъ во всѣхъ прочихъ редакціяхъ сего устава—пространныхъ и краткихъ, болѣе древнихъ. Редакція устава св. Владиміра, съ замѣной имени митрополита Леонтія именемъ митрополита *Михаила*, приняты также въ Стоглавникѣ (XVI в.) и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ сего устава, составляющихъ въ общемъ меньшинство.

Больше всего воспользовался этой поправкой составитель *Степенной книги*. Увѣровавъ въ истинность таковой поправки, появившейся и въ спискѣ устава св. Владиміра, принадлежавшемъ московскому митрополиту Іоасафу (низложенному съ каѳедры въ 1512 г., а умершему въ 1552 г.), онъ въ своемъ разсказѣ о введеніи христіанства въ Россіи при св. Владимірѣ не только называетъ Михаила первымъ ми-

[1]) Сред. редакція устава св. Владиміра. Исторія Рус. церкви м. Макарія. Т. I, стр. 282.

трополитомъ кіевскимъ, но и *Сиринымъ*, или Сирійцемъ, по происхожденію, и ему приписываетъ низверженіе идоловъ въ Кіевѣ и крещеніе кіевлянъ вопреки свидѣтельству лѣтописи и житія св. Владиміра, «попы греческими и царицыними.» Кромѣ того, Степ. книга присочиняетъ еще извѣстіе о созваніи въ Константинополѣ собора для избранія Михаила митрополитомъ; присовокупляетъ къ нему 6 епископовъ, якобы прибывшихъ съ нимъ въ Корсунь «съ чиновники и причетники,» хотя не знаетъ ни именъ этихъ епископовъ, ни ихъ каѳедръ, говоритъ о встрѣчѣ митрополита Владиміромъ въ Корсуни и, наконецъ, по прибытіи въ Кіевъ и по крещеніи Кіевлянъ, заставляетъ этого владыку путешествовать вскорѣ, чуть не зимой съ 2 епископами въ Суздальскую землю, а съ 6-ю епископами въ Новгородскую землю для крещенія народа, въ явное противорѣчіе Новгородской лѣтописи, которая крещеніе Новгорода приписываетъ первому своему епископу Іоакиму Корсунянину, прибывшему съ митрополитомъ Леонтіемъ въ Кіевъ въ 991 г., а потомъ въ Новгородъ съ Добрынею, дядей св. Владиміра.

Степенная книга, однако, не отрицаетъ прибытія къ намъ и митрополита Леонтія, но полагаетъ это въ 991 году и притомъ не отъ п. Фотія, а отъ п. Николая Хрисоверха (какъ и дѣйствительно было), съ Іоакимомъ Корсуняниномъ и съ другими епископами, извѣстными уже по имени, изъ коихъ Іоакиму дана еписк. каѳедра въ Новгородѣ, Неофиту въ Черниговѣ, Ѳеодору въ Ростовѣ и Стефану на Волыни—во Владимірѣ, что́ совершенно согласно съ Новгородскою лѣтописью, но Степ. книга считаетъ Леонтія вторымъ митрополитомъ кіевскимъ, а Михаила первымъ. *Никоновская* лѣтопись, составленная въ 1558 г., почти буквально повторяетъ разсказъ Степенной книги о прибытіи къ намъ первыхъ двухъ митрополитовъ, но отъ одного и того же патріарха Фотія. За тѣмъ уже, ничтоже сумняся, онѣ поставляютъ Михаила первымъ кіевскимъ митрополитомъ. Синодики и катологи нашихъ митрополитовъ, изъ коихъ впрочемъ первые не раньше XV вѣка, а послѣдніе принадлежатъ даже 1-й половинѣ XVII вѣка.

На основаніи вышеприписаннаго мы полагаемъ, что догадка г. Павлова о генетической связи имени Михаила, синкелла, пресвитера Іерусалимской церкви въ надписи надъ написаніемъ о правой вѣрѣ, преподанномъ св. Владиміру въ Корсунѣ,—вошедшемъ въ Изборникъ

Святослава,—съ именемъ Михаила, перваго митрополита кіевскаго, появившемся въ уставѣ св. Владиміра при южно-русской Кормчей конца XIII вѣка, по списку вѣка XVI, совершенно вѣрно и нельзя не поблагодарить автора за указаніе этой связи, но замѣну здѣсь имени м. Леонтія именемъ м. Михаила нужно отнести не къ XIII вѣку, а къ XVI, въ которомъ вновь переписана южно-русская Кормчая XIII вѣка, съ вошедшимъ въ нее уставомъ св. Владиміра, по всей вѣроятности въ Москвѣ, когда тудаже перенесенъ былъ изъ Чернигова и Изборникъ Святослава, очутившійся впослѣдствіи въ Воскресенскомъ подмосковномъ монастырѣ, называемомъ «Новый Іерусалимъ», гдѣ имъ пользовался, вѣроятно, патріархъ Никонъ.

Но нельзя отрицать и того, что на замѣну имени перваго русскаго митрополита Леонтія именемъ Михаила могло вліять и смѣшеніе крещенія кіевлянъ, бывшаго при русскомъ князѣ Владимірѣ и греческомъ императорѣ Василіѣ болгаробойцѣ, съ крещеніемъ тѣхъ же руссовъ кіевскихъ, бывшемъ за 100 лѣтъ предъ тѣмъ при патріархѣ Фотіѣ и императорѣ греческомъ Василіѣ Македонянинѣ, именно въ 865 году. Хотя ни Фотій въ своемъ окружномъ посланіи, ни Константинъ Багрянородный, ни хроники X, XI и XII вѣка, говоря объ этомъ событіи, не называютъ имени епископа, посланнаго п. Фотіемъ для крещенія Руссовъ, но оно стало извѣстнымъ у насъ въ концѣ XIV вѣка изъ хроники Григорія Амартола въ сербскомъ переводѣ, принесенной къ намъ, вѣроятно, при митрополитѣ Кипріанѣ, родомъ Сербѣ. У Амартола о крещеніи Руссовъ при п. Фотіѣ и императорѣ Василіѣ І-мъ не говорится, какъ равно нѣтъ объ этомъ крещеніи и въ нашей начальной лѣтописи, авторъ которой пользовался Амартоломъ; тотъ и другой расказываютъ только о нападеніи Руссовъ на Константинополь въ 862 году. Но въ сербскомъ переводѣ Амартола къ этому сказанію прибавлено повѣствованіе не только о послѣдовавшемъ послѣ того крещеніи Руссовъ по ихъ просьбѣ, и о чудѣ совершенномъ предъ тѣмъ епископомъ, посланнымъ отъ п. Фотія для крещенія Руссовъ, но и епископъ этотъ названъ «Михаиломъ» Такому сказанію, основанному на свидѣтельствѣ патр. Фотія и Константина Багрянороднаго, внука императора Василія І-го, конечно должны были у насъ вѣрить, а вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрили и имени епископа Михаила, совершившаго крещеніе Руссовъ, а тожество именъ двухъ императоровъ Василія IX вѣка и Василія X вѣка могло повести уже

къ смѣшенію двухъ хотя отдаленныхъ событій, но пріуроченныхъ къ имени того же патріарха Фотія, и къ усвоенію одному и тому же епископу Михаилу, названному митрополитомъ, двукратнаго крещенія Руссовъ въ 865 и въ 988 годахъ. Какъ бы въ соотвѣтствіе двумъ императорамъ Василіямъ, Никоновская лѣтопись, имѣвшая подъ рукою греческіе хронографы IX—XII вѣковъ, называетъ Михаилами обоихъ первыхъ кіевскихъ митрополитовъ и считаетъ ихъ обоихъ взятыми отъ того же патріарха Фотія, котораго имя, какъ видно, было еще очень памятно въ древней Руси въ XVI вѣкѣ, чѣмъ можно объяснить также и то, почему Новгородскій лѣтописецъ, близкій къ крещенію Руси при Владимірѣ, говоритъ о прибытіи къ нимъ митрополита Леонтія отъ патріарха Фотія.

Съ мнѣніемъ г. Павлова о происхожденіи приписаннаго митрополиту Михаилу прозванія «Сиринъ», или, что тоже, *Сиріецъ*, трудно согласиться. Г. Павловъ поясняетъ, что уроженецъ іерусалимскій какимъ былъ пресвитеръ Михаилъ, могъ получить прозваніе Сирина отъ смежности Сиріи съ Палестиной, которыя обѣ были подъ властію калифовъ; но едва ли послѣднее было извѣстно нашимъ переписчикамъ XVI вѣка, когда этими странами калифы уже не владѣли; да едва ли возможно и то, что уроженца и воспитанника одной области сочли уроженцемъ другой смежной потому только, что она смежная. Полагаемъ, что синкеллъ превратился въ Сирина у насъ скорѣе отъ незнанія, чтó значитъ греческое слово «синкеллъ», при желаніи разгадать значеніе этого слова русскимъ переписчикомъ. Такъ какъ гласная *и* въ первомъ слогѣ слова *синкеллъ* начертано въ формѣ буквы ипсилонъ Υ съ загибомъ вправо вверху длинной черты, то нашъ грамотѣй нашелъ возможнымъ расчленить Υ на двѣ буквы *і* и *р*, а слѣдующую букву N признать за *и*, отчего у него и вышло, вмѣсто синкеллъ, Сиринъ, чтó и внесено въ текстъ.

Протоіерей П. Лебединцевъ.

Историческіе очерки Полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв.[1]

При первомъ образованіи полкового управленія въ Малороссіи въ 1649 г., Лубенщина была раздѣлена между двумя полками: сотни Лубенская, Сенчанская, Лохвицкая, Глинская, Роменская и Константиновская вошли въ составъ Миргородскаго полка, а сотни—Оржицкая, Яблуновская, Пирятинская, Чернусская, Городисская и Куренская—въ составъ полка Крапивянскаго. Лубны не могли быть назначены въ это время полковымъ центромъ, вѣроятно, по какимъ-нибудь частнымъ причинамъ, въ родѣ того, что можетъ быть Джеджелѣю, первому Крапивянскому полковнику, удобнѣе былъ для жительства городокъ Крапивна, чѣмъ Лубны, какъ позже полковнику Андрею Марковичу, фактически перенесшему центръ полкового управленія изъ Лубенъ въ Роменъ, послѣдній былъ удобнѣе по его личнымъ хозяйскимъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ, въ полов. XVII в. Лубны были уже настоящимъ городомъ, въ которомъ имѣлся магистратъ, съ войтомъ, бурмистрами и «мѣйскимъ« писаремъ, и который былъ настолько населенъ, что изъ одного его городскаго населенія составилась особая Лубенская сотня[2]). Поэтому уже въ 1658 г. въ Лубнахъ образуется полковой центръ, при чемъ въ полковой Лубенскій округъ входять названныя раньше двѣнадцать сотенъ. Впослѣдствіи границы полка нѣсколько измѣнились, когда включены были въ составъ Лубенскаго полка вновь образованныя сотни—Чигриндубровская (или Жовнинская) Горошинская, Лукомская, Снѣтинская, Хмѣловская и Смѣлянская.

---

[1]) Предисловіемъ къ настоящимъ очеркамъ можетъ служить наша статья: *Лубенщина и князья Вишневецкіе*, напечатанная въ №№ 1, 2 и 3 «Кіев. Стар.» за 1896 г.

[2]) Реестра В. Запор., изд. Водянскимъ, стр. 268.

Урядъ Лубенскаго полковничества занимали въ XVII в. слѣдующія лица:

Швецъ Павелъ (1658). **Засядко Яковъ** (1659, 1660). **Шамлицкій Степанъ** (1660, 1661, 1663). **Пырскій Андрей** (1662, 1663). **Вербицкій Игнатъ Яковлевичъ** (1663). **Гамалѣя Григорій Михайловичъ** (1665, 1668, 1669, 1687—88). **Щербакъ Богданъ Васильевичъ** (1666, 1667). **Плисъ Филиппъ** (1669). **Нестеренко Андрей Корнѣевичъ** (1672). **Михайло Степановъ** (1672). **Сербинъ Иванъ Федоровичъ** (1672, 1675, 1676). **Илляшенко Максимъ** (1676—1687). **Головченко Якимъ** (ок. 1688). **Свѣчка Леонтій Назаровичъ** (1688—1699). Въ этомъ спискѣ Лубенскихъ полковниковъ прежде всего нужно отдѣлить мѣстныхъ людей отъ чужихъ, получившихъ Лубенское полковничество помимо воли и желанія полчанъ. Къ числу мѣстныхъ людей принадлежали первые пять полковниковъ и затѣмъ—Плисъ, Илляшенко и Свѣчка.—Гамалѣя, Щербакъ, Нестеренко, Сербинъ и Головченко были люди чужіе полку.

Для ближайшаго ознакомленія съ тѣми людьми, которые руководили общественными дѣлами въ лѣвобережной Малороссіи вслѣдъ за изгнаніемъ отсюда поляковъ, любопытно опредѣлить, что̀ были за люди эти полковники и изъ какой среды были выбраны они на полковничій урядъ?—Прежде всего скажемъ о первыхъ пяти изъ нихъ, которые, такъ сказать, установляли полковничью власть въ Лубенщинѣ. Всѣ они прежде всего были люди неграмотные, что, какъ видно, не мѣшало имъ главенствовать надъ населеніемъ цѣлой полковой области, равнявшейся теперешнимъ нѣсколькимъ уѣздамъ. Отчего же это происходило?—Нужно думать, что вслѣдствіе отсутствія грамотныхъ людей, т. е., что въ тогдашней Лубенщинѣ вовсе не имѣлось элемента, хотя бы приближавшагося къ тому, что мы называемъ теперь интелигенціей. Элементъ этотъ вообще былъ слабъ въ южной (степной) лѣвобережной Малороссіи во все продолженіе XVII в. Въ первой половинѣ этого вѣка онъ восполнялся отчасти правобережною «шляхтою» [1]), занимавшею разнаго рода служебныя положенія въ панскихъ маетностяхъ, при чемъ случалось, что въ одномъ мѣстечкѣ одновре-

[1]) Можно думать, что, кромѣ католиковъ, въ средѣ ея былъ и мѣстный элементъ—тогдашніе уніаты.

менно находилось по четыре такихъ «пана» (К. Ст., 1896 г., № 2, стр. 225). «Паны» эти, вѣроятно, были поляки, и они-то составляли въ южной тогдашней Малороссіи такъ называемый высшій слой общества. Но поляки вслѣдъ за первыми побѣдами Хмельницкаго изчезли изъ Малороссіи и въ какой-нибудь Лубенщинѣ первые ряды въ обществѣ заняли зажиточные горожане-торговцы (собственно *мѣщане*, отъ слова «мѣсто»—въ смыслѣ торговаго центра), отличавшіеся отъ общей массы сельскаго населенія лишь болѣе цѣнною одеждою да нѣкоторымъ большимъ просторомъ своихъ жилищъ. При такомъ положеніи дѣлъ бывалый человѣкъ, хотя бы и изъ чужеземцевъ, являлся находкою, при чемъ для примѣра можно указать на сосѣднюю съ Лубенщиной Миргородщину, гдѣ въ теченіе девяти лѣтъ (1659—1668) изъ перваго времени послѣ изгнанія поляковъ, мы видимъ трехъ полковниковъ изъ чужеземцевъ: Павла Апостола (1659), Демьяна Постоленка (1664—1666) и Григорія Апостола (1668). Въ Лубенщинѣ для занятія полковничьяго уряда чужихъ бывалыхъ людей не нашлось и потому приходилось ставить ихъ изъ мѣстныхъ людей. Вотъ мы и видимъ, что въ первые пять лѣтъ послѣ образованія Лубенскаго полка полковничій въ немъ урядъ занимаютъ пять человѣкъ изъ мѣстнаго люда и всѣ пять—неграмотныхъ: Швецъ, Засядко, Шамлицкій, Пырскій, Вербицкій. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ слѣдовъ, которые бы указывали, что тотъ или другой изъ нихъ чѣмъ-нибудь да выдѣлялся изъ массы, къ которой они принадлежали и съ которою они, значитъ, совершенно сливались....

О **Швецѣ** единственное упоминаніе находимъ у Величка (I, 328), который, разсказывая о разореніи въ 1659 г. Лубенъ Ромодановскимъ, говоритъ что когда послѣдній, ограбивъ Миргородъ, направился къ Лубнамъ, то «полковникъ Павло Швецъ зо всѣми лубенцями своими о такихъ къ себѣ частяхъ провѣдавши а иле будучи партизантами Выговскаго,—зъ имѣніями своими, якъ мога забравшимися, війшли прочь зъ Лубень и врознь, куда очи, розволоклися, самое въ Лубняхъ покинувши убожество....» Затѣмъ изъ того же разсказа видимъ, что плохо пришлось Лубенскому «убожеству», когда полковникъ оставилъ Лубны: «спалилъ ихъ Ромодановскій до щенту, кромѣ единой св. Троицкой церкви....» Думать нужно, что послѣ этого лубенцы пожелали замѣнить Швеца другимъ, которымъ оказался **Засядко**. Пробывъ на полковничествѣ годъ или немного больше, Засядко долженъ

былъ уступить урядъ этотъ снова другому, конечно вслѣдствіе той же своей малопригодности—нести такой важный урядъ. Малопригодность Засядка къ полковничеству хорошо видна изъ того факта, что лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ полковничества Засядка занималъ подчиненный сотнику урядъ — Лубенскаго городоваго атамана (1675 — 77)[1]). Засядка замѣнилъ **Шамлицкій**, который былъ поставленъ полковникомъ изъ городовыхъ атамановъ, изъ чего, между прочимъ, ясно видно, что персоналъ тогдашней лубенской полковой старшины (обозный судья, писарь, есаулы, хорунжіе) былъ настолько бѣденъ, что въ немъ не нашлось годнаго къ полковничеству человѣка.... Пробывъ на полковничествѣ года два, Шамлицкій былъ смѣненъ. Объ этомъ полковникѣ сохранилось интересное свѣдѣніе, что когда послѣ смѣщенія Выговскаго поставленъ былъ гетманомъ Юрій Хмельницкій,— отъ котораго Малороссія никакихъ улучшеній въ своемъ устроеніи ожидать не могла,—то лубенцы, смущаясь ничтожествомъ новаго властителя, не хотѣли приставать къ нему: «а Лубенскій полковникъ Шамлицкій и ево полку началные люди и козаки, и чернь шатаютца и говорятъ— хто де будетъ силенъ, того де и мы...» [2]) На основаніи сего свѣдѣнія можно думать, что Шамлицкій никакого значенія въ полку не имѣлъ, вполнѣ подчиняясь шатанію толпы... Шамлицкій былъ замѣненъ **Пырскимъ**, вѣроятно сыномъ Федора Пырскаго, состоявшаго при полякахъ въ числѣ Лубенскаго «товариства войска Запорожского» (Кіев. Стар. 1896, № 2, стр. 223). Пырскій пробылъ на полковничествѣ тоже года два и былъ смѣщенъ уже не полчанами, а Сомкомъ, который въ это время (1663 г.) очень старался о составленіи себѣ партіи, на которую могъ бы опереться при исканіи гетманства. Смѣщеніе Пырскаго Сомкомъ опять таки указываетъ, что и этотъ полковникъ никакимъ значеніемъ среди своихъ полчанъ не пользовался. На мѣсто Пырскаго Сомко устроилъ полковникомъ снова Шамлицкаго [3]). Но когда Брюховецкій, неожиданно для Малороссіи, былъ поставленъ гетманомъ, то и Сомко и Шамлицкій «сначала заключены были въ оковы», а потомъ казнены въ Борзнѣ 18 сентября[4]). Полковникомъ

---

[1]) Книга актовъ Мгарск. м—ря. Въ 1659 г. о Засядкѣ говорится, какъ о «старомъ запорожскомъ козакѣ». Акты ю. з. Россіи, VIII, 202.

[2]) Памятники, изд. Кіев. Арх. Ком., IV, отд. 3-е, стр. 69.

[3]) Акты Ю. З. Р., VII, 358.

[4]) Черниг. Губ. Вѣд. 1858 г., № 25.

былъ поставленъ **Игнатъ Яковлевичъ Вербицкій**, пробывшій на этомъ урядѣ года два, что было рѣдкимъ фактомъ при Брюховецкомъ, который, ставъ гетманомъ, смѣнилъ почти всѣхъ полковниковъ изъ мѣстныхъ людей, замѣнивъ ихъ своими людьми, взятыми изъ «голоты». Вербицкій однакожъ удержался и оставался полковникомъ повидимому до смерти. Онъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Савватій, постригся монахомъ въ Мгарскомъ монастырѣ и былъ одно время его намѣстникомъ. Записывая въ 1699 году на эту обитель свое имѣніе, Савватій разсказываетъ, между прочимъ, и о семьѣ своего отца: «я, іеромонахъ Савватій Вербицкій, законникъ и постриженецъ м—ря Мгарского, вѣдомо чиню нынѣшнимъ и будучимъ на потимъ, а особливо брату моему рожоному меншому Ивану Вербицкому..., моимъ доброволнимъ записомъ, ижъ я, будучи четвертымъ поссессоромъ добръ лежачихъ родителскихъ, небожчика Ігнатія Вербицкаго, родича милого моего, и небожчки Параскевіи Вербицкой, милой матки моей, межи братами моими родними, небожчиками Андреемъ и Мойсеемъ Вербицкими и симъ Иваномъ, въ чомъ-любо то братъ мой меншій Иванъ[1]), безъ битности моей въ сихъ краяхъ, бымъ мешкалъ на Москвѣ, при смерти матки нашой небожчицѣ Вербицкой, по хотѣнію своему, тестаментъ казавши писати, зъ греблѣ Березотоцкой и грунтовъ, до ней належачихъ, найменшой части не казалъ на мене и брата моего небожчика Андрея положити, албо написати, и ку тому надѣючися вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ обители святой Мгарской (быти?), где волоси голови моей положивши, габѣтъ иноческій законній приняломъ, прето до той св. обители часть гребли Березотоцкой на рѣцѣ Сулѣ, гдѣ рѣка Удай въ Сулу рѣку упадаетъ, и на рѣчцѣ Березоточѣ найдуючой ся, на мене, яко наслѣдника, и на небожчика Андрея Вербицкого, брата моего родного, другую часть той же греблѣ належачій и спадаючій, вѣчними часи легую и записую»...[2]).

Послѣ Вербицкаго Лубенскимъ полковникомъ поставленъ былъ правобережный человѣкъ **Григорій Гамалѣя**. Это былъ типъ шатавшихся тогда по Украйнѣ расторопныхъ людей, которые предлагали

---

[1]) Повидимому, этотъ Иванъ Вербицкій въ 1670 г. былъ полковникомъ одного изъ охотницкихъ полковъ и держалъ руку Дорошенка. Акты Ю. и З. Р, IX, 185.

[2]) Акты Мгарскаго м—ря, л. 186.

свои воинскія услуги тому, отъ кого могли ожидать большихъ выгодъ. Гамалѣя былъ выходецъ изъ Подоліи, при чемъ первое его появленіе на лѣвомъ берегу онъ, въ своемъ родословіи, относитъ ко времени Б. Хмельницкаго, при которомъ онъ будто бы получилъ уже и с. Хоружевку (см. это село въ Роменской сотнѣ); вѣрно ли это извѣстіе—не знаемъ, но потомки Гамалѣи въ к. XVIII в. разсказывали, что они происходятъ «отъ древняго *польскаго* шляхетнаго рода Высоцкихъ», жившаго де въ Летичевскомъ повѣтѣ, при чемъ объясняли, что *Гамалѣями* Высоцкіе стали прозываться послѣ того, когда Григорій Высоцкій былъ посланъ Б. Хмельницкимъ къ турецкому султану, при чемъ послѣдній де, увидѣвъ гетманскаго посланца, отличавшагося громаднымъ ростомъ, назвалъ его *Гамалѣемъ* «что, по увѣренію знающихъ турецкій языкъ, значитъ великого возрастомъ». Въ этомъ преданіи, во всякомъ случаѣ, есть частица правды, состоящая въ томъ, что Гамалѣя былъ посылаемъ въ Цареградъ, но только Брюховецкимъ [1]). Но посылка его туда Б. Хмельницкимъ—сомнительна, хотя несомнѣнно, что Гамалѣя былъ человѣкъ, очень расторопный и ловкій... Эта расторопность и дала ему возможность получить Пирятинское сотничество уже въ 1663 г. А когда сталъ гетманомъ искатель приключеній Брюховецкій, то Гамалѣя сразу былъ имъ оцѣненъ и возведенъ на урядъ Лубенскаго полковничества. Первымъ дѣломъ новаго полковника былъ походъ противъ гетманскаго соперника Тетери, находившагося съ поляками въ Корсунѣ, откуда Гамалѣя и прогналъ его въ Польшу [2]). Послѣ этого Брюховецкій бралъ Гамалѣю съ собой въ Москву, гдѣ онъ былъ пожалованъ дворянствомъ и двумя селами (Хоружевкою и Хицями). Но эта милость продолжалась не долго. Вернувшись изъ Москвы позже своихъ полковниковъ, Брюховецкій услыхалъ дома, что Гамалѣя сносится съ его соперникомъ Дорошенкомъ и принялъ мѣры, чтобы такой расторопный полковникъ не перешелъ къ этому сопернику. Поэтому, когда Гамалѣя поѣхалъ въ Гадячъ къ возвратившемуся изъ Москвы, съ молодою женою, гетману, «зъ належитымъ» привѣтствіемъ его малженства и повороту зъ Москвы, то былъ «вдячне» принятъ гетманомъ, который «черезъ

---

[1]) О происхожд. Гамалѣи см. дѣло о родѣ Гамалѣевъ въ Черниг. двор. архивѣ, а о посольствѣ въ Турцію—Самовид, 51.

[2]) Величко, II, 88.

тотъ день гулялъ съ нимъ коварно, а у вечоръ ковати его велѣвши и за варту отдавши, держалъ болше року въ Гадячомъ подъ крѣпкою сторожею, маючи подобно на него подзоръ о нѣякуюсь листовную зъ Дорошенкомъ корреспонденцію» [1]). На мѣсто Гамалѣи Брюховецкій тогда же назначилъ Лубенскимъ полковникомъ генеральнаго эсаула **Щербака**; [2]) это былъ старый козакъ, принимавшій, повидимому, ближайшее участіе уже въ войнѣ Б. Хмельницкаго съ поляками, въ числѣ его полковниковъ [3]). Пробылъ Щербакъ полковникомъ, повидимому, до смерти Брюховецкаго, хотя въ тоже время и съ Гамалѣемъ Брюховецкій примирился, такъ какъ, по свидѣтельству Самовидца, въ 1668 г., Гамалѣя ѣздилъ отъ Брюховецкаго посланцомъ къ султану въ Цареградъ для переговоровъ о принятіи лѣвобережной Украины подъ его протекцію. Это было время, когда Брюховецкій задумалъ отложиться отъ Москвы. Затѣянная имъ смута кончилась его смертью.— Послѣ Брюховецкаго явилось два претендента на булаву, Дорошенко и Многогрѣшный, и Малороссія—заволновалась; заволновалась и Лубенщина. Едва ли не въ этотъ моментъ Щербакъ замѣненъ былъ другимъ лицомъ. Преемникомъ его, повидимому, хотѣлъ стать тотъ же Гамалѣя, но такъ какъ онъ присталъ къ Дорошенку, а лубенцы были на сторонѣ Многогрѣшнаго, то вмѣсто Щербака выбранъ былъ полковникомъ **Филиппъ Плисъ** [4]). Многогрѣшный жаловался запорожцамъ, что «безбожный и добра не любящій» Гамалѣя прельщенъ Дорошенкомъ — дружбою и старшинствомъ себѣ врученнымъ; старшинство заключалось въ томъ, что Гамалѣя сдѣланъ былъ полковникомъ одного изъ «охотныхъ» полковъ, при чемъ Дорошенко поручилъ ему занять Роменъ, повидимому, съ цѣлію повліять отсюда на Лубенскихъ полчанъ и, если можно, переманить ихъ на сторону Дорошенка [5]). Но лубенцы негодовали на Гамалѣю за то, что онъ, будучи у Дорошенка въ Корсунѣ на урядѣ, «присягалъ турскому салтану и салтанскій кафтанъ (присланный къ Дорошенку)

---

[1]) Величко, II, 96.

[2]) Акты Ю. З. Р, VI, 127.

[3]) Т. ж., VIII, 283. Здѣсь онъ названъ полковникомъ (Новгородсѣверскимъ?) Богданомъ Щебоченкомъ, но документъ писанъ великороссомъ и потому прозвище искажено.

[4]) Акты Ю. З. Р., VIII, 202.

[5]) Т. ж., 80, 176 и 202.

и листъ цѣловалъ»…. Дорошенко однакожъ не терялъ надежды воздѣйствовать на Лубенщину черезъ Гамалѣю и поручилъ послѣднему приблизиться къ Лубнамъ, занявши Миргородъ, и отсюда повести интригу. Спустя нѣкоторое время Лубенщина дѣйствительно подчинилась Гамалѣѣ, такъ какъ Дорошенко называетъ послѣдняго полковникомъ Лубенскимъ [1]). Повидимому, Дорошенко возлагалъ на Гамалѣю большія надежды въ дѣлѣ подчиненія своей власти лѣвобережной Малороссіи, такъ какъ вслѣдъ засимъ поручилъ ему начальство надъ тремя полками—Лубенскимъ, Миргородскимъ и Полтавскимъ—и, въ соединеніи съ татарами, послалъ его занять Роменщину. Сюда и направился противъ него Многогрѣшный, намѣреваясь уничтожить послѣднихъ на лѣвомъ берегу партизановъ Дорошенка. Это Многогрѣшному удалось, какъ кажется, потому только, что лубенцы въ это время уже убѣдились въ крайнемъ легкомысліи Дорошенка, надѣявшагося подчинить лѣвобережную Малороссію, оставаясь за Днѣпромъ [2]). Приставшая къ Многогрѣшному Лубенщина, повидимому, снова признала своимъ полковникомъ Плиса, хотя и Гамалѣя продолжалъ именоваться Лубенскимъ полковникомъ [3]). Засимъ Дорошенко выслалъ на лѣвый берегъ своего наказнаго Якова Лизогуба, который обратился къ Лубенцамъ съ длиннымъ посланіемъ, подписаннымъ сторонниками Дорошенка, въ томъ числѣ и «полковникомъ Лубенскимъ» Гамалѣею. Перезывая на свою сторону лубенцевъ, партизаны Дорошенка выхваляли заслуги послѣдняго, заключавшіяся де въ томъ, что этотъ гетманъ «обоихъ сторонъ Днѣпра всѣхъ украйныхъ жителей и войско Запорожское въ совершенное и пожелаемое братолюбіе и *единство* привелъ было, такъ что *всѣ о томъ единствѣ тѣшилисъ*»… Что, однакожъ затѣмъ снова начало приходить разрозненіе городовъ и все то идетъ отъ врага лукаваго, не желающаго добра «народу украйному». Не надобно, продолжаетъ посланіе, спускаться на то никому, что чужестранные народы нашихъ лакомыхъ на уряды людей утѣшаютъ старѣйшинствами войсковыми и многой милости обѣщаніемъ къ себѣ привлекаютъ: все то на народъ нашъ — одно тайное лукавство…. Пусть монархъ московскій, король польскій, яко монархи христіан-

---

[1]) Т. ж., VIII, 245 и IX, 70.
[2]) Акты Ю. З. Россіи, IX, 70—81.
[3]) Т. ж., 124, 126.

скіе, будутъ себѣ здоровы, а вамъ съ нами для чего розниться? Оба эти монарха стараются объ успокоеніи своихъ государствъ; о томъ же нужно и намъ стараться, и мы должны единокупно радѣть объ укрѣпленіи своихъ вольностей и о спокойствіи отчизны. Тутъ-то намъ и является добрымъ «приводцемъ» гетманъ Петро Дорошенко, который не о чемъ иномъ заботится, какъ о только, чтобъ никогда раздвоена и разрознена не была Украина [1])…. Такъ писалъ Лизогубъ лубенцамъ, повидимому, придавая склоненію ихъ на свою сторону особое значеніе, при чемъ можно добавить, что лубенцы, какъ и вся Украина, желали и сами указываемаго «единства», но не надѣялись на его осуществленіе при руководствѣ Дорошенка, который велъ это дѣло безъ всякой энергіи. Лубенцы разсуждали при этомъ практически, что нельзя ожидать успѣха въ дѣлѣ объединенія народа «Украиннаго», когда Дорошенко уклоняется отъ личнаго руководительства этимъ дѣломъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ во всякомъ случаѣ народнаго самосознанія было гораздо больше, чѣмъ на правомъ, и гдѣ слѣдовательно поэтому и нужно было пребывать тому, кто такъ много говорилъ о своемъ желаніи соединить оба берега Днѣпра. Поэтому лубенцы не пристали къ Дорошенку, хотя и къ противнику его относились «такъ и сякъ» [2]). Почему Лубенцы имѣли такое значеніе въ глазахъ Дорошенка, это обстоятельство должно быть, повидимому, объяснено тѣмъ, что Лубенщиной оченъ интересовался Гамалѣя, а послѣднимъ, въ свою очередь, очень интересовался Дорошенко, видя въ этомъ полковникѣ способнѣйшого своего адепта въ лѣвобережной Украинѣ. Но когда здѣсь одержалъ верхъ Многогрѣшный, то въ Лубнахъ полковникомъ поставленъ былъ **Иванъ Сербинъ** [3]). Повидимому, это былъ выходецъ изъ Сербіи, прибывшій въ Малороссію съ отрядомъ сербовъ («сербянъ») при Выговскомъ, который и воспользовался ими въ своей борьбѣ съ Пушкаремъ. Въ 1658 г. Сербинъ называется уже Браиловскимъ полковникомъ [4]). Получивъ полковничій перначъ изъ рукъ Многогрѣшнаго, Сербинъ, желая оправдать довѣріе гетмана, ревниво оберегалъ побережье Днѣпра въ

[1]) Т. ж., IX, 181—185.
[2]) Т. ж., 1S8.
[3]) Т. ж., 264.
[4]) Т. ж., IV, 91 -159.

своемъ полку отъ вторженія Дорошенка и Ю. Хмельницкаго [1]). Сербинъ продержался полковникомъ до 1672 г., когда былъ смѣненъ въ числѣ другихъ «старыхъ» полковниковъ, которыхъ Многогрѣшный замѣнилъ преимущественно своею роднею и «иншими конфидентами» [2]). На мѣсто Сербина былъ назначенъ гетманскій зять **Нестеренко**, но пробылъ онъ не долго на урядѣ, такъ какъ осенью того же года Многогрѣшный былъ низложенъ. На мѣсто Нестеренка назначенъ былъ—низложившею гетмана старшиною—какой-то **Михайло Степановъ** [3]). Можетъ быть это былъ Михаилъ Кіяшка, человѣкъ бездомный, готовый служить гдѣ выгоднѣе и бывшій передъ симъ полковникомъ Миргородскимъ. Послѣ низложенія Многогрѣшнаго Миргородскимъ полковникомъ видится Иванъ Дубяга, который м. б. былъ поставленъ изъ людей мѣстныхъ, вслѣдствіе чего Кіяшкѣ нужно было здѣсь уступить и взять другой, сосѣдній полковничій урядъ. Впрочемъ, это лишь наша догадка. Полковничество этого Михайла продолжалось недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ на статьяхъ Самойловича Лубенскимъ полковникомъ видится снова *Иванъ Сербинъ*. Есть извѣстіе, что Сербинъ въ это время сталъ зятемъ извѣстнаго Сѣрка [4]), почему быть можетъ, что Самойловичъ при поставленіи Сербина, имѣлъ въ виду задобрить тестя, имѣвшаго такое значеніе на Запорожьи.—На сей разъ Сербинъ оставался полковникомъ, повидимому, не менѣе четырехъ лѣтъ, такъ какъ онъ упоминается полковникомъ еще и въ 1676 г. [5]). Не раньше 1677 г. Сербина замѣнилъ Роменскій сотникъ **Максимъ Илляшенко**. Это былъ козакъ родомъ изъ с. Коровинецъ и козакъ настолько богатый, что на одной изъ его дочерей былъ женатъ родной племянникъ гетмана Самойловича, будущій гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого свойства Илляшенко сначала поставленъ былъ Роменскимъ сотникомъ, а потомъ и Лубенскимъ полковникомъ. На послѣднемъ урядѣ онъ пробылъ до конца гетманства Самойловича. Мы имѣли подъ руками бумаги Илляшенковыхъ наслѣдниковъ, спо-

---

[1]) Т. ж., IX, 263.
[2]) Т. ж., 688.
[3]) Т. ж., IX, 850.
[4]) Т. ж., IX, 893.
[5]) Въ актѣ 1676 г. мы видимъ лубенскаго полковника Ивана Федоровича. Несомнѣнно это и былъ Сербинъ. Акты Мгарск. м—ря, л. 96.

рившихъ о наслѣдствѣ полковника; изъ этихъ бумагъ прежде всего видно, что Илляшенко оставаясь полковникомъ болѣе десяти лѣтъ, маетностей не нажилъ... Это былъ во всякомъ случаѣ рѣдкій примѣръ, чтобы близкій свойственникъ гетмана, располагающій при томъ огромною властью, ничего не нажилъ и ничего не выпросилъ... Низложенъ былъ Илляшенко, вмѣстѣ со своимъ патрономъ,—на Коломакѣ. Однакожъ Илляшенко былъ настолько популяренъ въ «войскѣ», что Мазепа, преслѣдуя его зятя Михайла Самойловича, Илляшенка нашелъ нужнымъ наградить маетностью и далъ ему въ 1689 г. родное его село Коровинцы, пояснивъ въ универсалѣ, что награждается бывшій Лубенскій полковникъ за его службу подъ Чигириномъ, т. е. за службу 1672 г. [1]).

На мѣсто Илляшенка поставленъ былъ тамъ же, на Коломакѣ, уже извѣстный намъ **Григорій Гамалѣя**, который, находясь въ это время при гетманѣ въ числѣ «значного товариства войскового», принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ старшины противъ Самойловича.—Оставшись сторонникомъ Дорошенка и послѣ утвержденія на гетманствѣ Многогрѣшнаго, Гамалѣя долженъ былъ покинуть лѣвобережную Украину и затѣмъ находился при Дорошенкѣ до 1675 г., при чемъ пользовался у послѣдняго такимъ значеніемъ, что бывалъ и наказнымъ его [2]). Только въ 1675 г. Гамалѣя оставилъ этого своего патрона, убѣдившись конечно въ полной безуспѣшности всѣхъ его начинаній, и снова вернулся на лѣвый берегъ, гдѣ у него оставались связи отъ прежняго тутъ пребыванія. На этотъ разъ Гамалѣя привелъ сюда съ собою и младшаго брата Андрея [3]). Мы уже видѣли, что въ поѣздку Гамалѣя съ Брюховецкимъ въ Москву, ему были пожалованы два села Хоружевка и Хитци (на Сулѣ). Нѣтъ свѣдѣній о томъ—осуществлялъ ли Гамалѣя право свое на эти маетности, такъ какъ вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Москвы онъ былъ лишенъ полковничества, а затѣмъ перешелъ на правый берегъ Днѣпра къ Дорошенку. Кажется, что Хитцями Гамалѣя вовсѣ не владѣлъ, а Хоружевкою сталъ владѣть уже при Мазепѣ. На лѣвомъ берегу Га-

[1]) Свѣдѣнія о потомствѣ Илляшенка и портретъ этого полковника, сохранившійся у его потомковъ—Полетикъ, см. въ Кіев. Стар. 1891 г., № 1.

[2]) Акты Ю. З. Р., IX, 185, 611. X, 65, 123, 493, 516 и т. д. Въ 1674 г. Гамалѣя одно время былъ и наказнымъ Дорошенка (стр. 660—662).

[3]) Акты Ю. З. Р., XII, 349, 403.

малѣя оселился, повидимому, въ Лохвицѣ, купивъ тутъ и поблизу нѣсколько грунтовъ. Здѣсь онъ ждалъ случая опять попасть въ старшину и дождался... Получивъ на Коломакѣ полковничество, потому что Мазепѣ нужно было отблагодарить стараго полковника за его помощь въ низложеніи Самойловича, Гамалѣя однакожъ не долго оставался на этомъ урядѣ. Вѣроятнѣе всего, что Мазепа не нашелъ въ немъ достаточной покорности и угодливости своимъ хотѣніямъ, при чемъ Гамалѣю тѣмъ легче было лишить уряда, что онъ не имѣлъ никакихъ родственныхъ связей съ вліятельною старшиною. Однакожъ и послѣ отставки Мазепа ласкалъ Гамалѣю, видя, значитъ, въ немъ человѣка, имѣвшаго голосъ въ обществѣ; такъ, въ январѣ 1689 г., гетманъ утвердилъ за нимъ с. Хоружевку и «вновь далъ» с. Бодакву и мельницы на Хрулевской греблѣ, а въ мартѣ 1690 г. отдалъ и сельцо Хрули съ людьми, тяглыми [1]).

Умеръ Гамалѣя въ 1702 г., при чемъ смерть его была отмѣчена и Павломъ Полуботкомъ: «Гамаль Гришко умеръ» (1702 г.)—записано въ лѣтописныхъ замѣткахъ послѣдняго [2]). «Памятаючи, жебъ смертная квота зненацка отъ свѣта его не розлучила», Гамалѣя еще въ 1694 г. написалъ свое завѣщаніе, при чемъ относительно «тѣла», просилъ свою жену, чтобы оно было «поховано» при храмѣ Рождества Богородицы (въ Лохвицѣ), добавивъ—«що тежъ она, малжонка моя, будетъ вѣдати, якъ за душу мою до св. мѣстъ и церквей Лохвицкихъ легацію отдати». Будучи бездѣтенъ, Гамалѣя все свое имѣніе завѣщалъ женѣ. «Ащо якъ много есть набытковъ, которыхъ презъ килкадесять лѣтъ зъ милою моею малжонкою нажили, всѣ ей до шафованя подаю... Тутъ же докладаю, кгди дастъ Богъ моей малжонцѣ, по смерти моей, килка часий вѣка сего прожити, въ тотъ часъ, на кончинѣ своей, мѣетъ тестаментомъ ствердити, кому що подлугъ волѣ своей, а наибарзѣй тому, кто еи будетъ шановати, легацію чинити позволяю». Полученныя вдовою имѣнія были настолько цѣнны, что за нею стали ухаживать свои и чужіе, съ цѣлью заслужить это наслѣдство. Прежде всѣхъ этой цѣли, казалось, достигъ Мгарскій игуменъ Филаретъ Кощаковскій, такъ какъ первое свое завѣщаніе старая полковница написала въ пользу «Мгарской обители»,

[1]) Копіи универсаловъ въ б—кѣ Михайловскаго монастыря, въ книгѣ *Копіи*, л. 86 и слѣд.

[2]) Дневникъ Як. Марковича, изд. Кіев. Стар., I, 4

отдаливши при этомъ отъ наслѣдства всѣхъ своихъ «кревныхъ». Но когда Кощаковскій умеръ, то къ вдовѣ снова обратились ея «кревные», вѣроятно, убѣждая старуху, что Мгарская обитель и безъ того богата и что Гамалѣевское наслѣдство слѣдуетъ отдать Гамалѣямъ же. Ближайшимъ «кревнымъ» старой полковницы въ это время былъ Михаилъ Андреевичъ Гамалѣя, родной племянникъ Григорія Гамалѣи и бывшій Лохвицкій сотникъ; но это уже былъ старикъ, жившій въ Лохвицѣ на покоѣ; лично онъ могъ уже и не интересоваться наслѣдствомъ дяди, но у него было много сыновей, которымъ оно очень годилось. Своимъ наслѣдникомъ изъ «кревныхъ» вдова выбрала Ивана Михайловича Гамалѣю; но монахи не дремали, и на этотъ разъ уже не Мгарская обитель, а «Михайловскіе отцы», т. е. Кіевскій Михайловскій м-рь. Избранный въ 1711 г. игуменомъ этого м-ря Іоанникій Сенютовичъ тогда же обратился съ письмомъ къ вдовѣ, совѣтуя ей сдѣлать «легацію» въ пользу Михайловскаго м-ря. Въ ноябрѣ 1711 г. Гамалѣиха отвѣчала, не отвергая возможности исполнить просьбу игумена, но указывала на неудобство момента для составленія такой легаціи: «сего времени не можетъ сіе стати; кгди жъ що мѣю моего убожества,—все не на версѣ зостаетъ, а то ради неспокойного теперъ поводячогося часу.... Мушу зъ моимъ убожествомъ не на явцѣ держатися» [1].... Этими словами полковница хотѣла сказать, что въ то тревожное время, когда правительство заканчивало счеты съ сторонниками Мазепы, неудобно было вести рѣчь о маетностяхъ, права на которыя утверждались универсалами этого самаго гетмана... Сенютовичъ подождалъ пока Мазепинское дѣло было призабыто и снова сталъ убѣждать Гамалѣиху отдать мужнины маетности Михайловскому м-рю, не смотря на то, что онъ, Сенютовичъ, въ то время былъ уже «Печерскимъ» архимандритомъ.—Хлопоталъ онъ о Михайловскомъ м-рѣ, конечно, находя, что Лавра уже достаточно богата... На этотъ разъ Сенютовичъ повелъ дѣло такъ, что самъ гетманъ явился его помощникомъ. Гамалѣиха получила «рейментарское писаніе» Скоропадского, указывавшее вдовѣ на бо̀льшую полезность отдачи маетностей монастырю, чѣмъ родичамъ; тоже совѣтовалъ старухѣ и митрополитъ Кроковскій. Вдова сдалась на такіе «благоразумныя разсужденія высокоповажныхъ особъ» и большую часть имѣній записала

---

[1]) «Копіи» въ б—кѣ Михайл. м-ря, л. 103.

Михайловскому монастырю, оставивъ, впрочемъ, часть и Ивану Гамалѣѣ, какъ это видно изъ завѣщанія, по которому часть водяныхъ мельницъ при с. Хруляхъ, въ сотнѣ Сенчанской, на р. Сулѣ, село Хрули съ людьми, съ дворцемъ (т. е. усадьбою) и со всѣми полями и х. Ведкаловка, подъ Коноваломъ, завѣщаны Михайловскому монастырю; другая часть Хрулевскихъ мельницъ, «садъ подъ Христиновкою и слободка съ людьми тамъ же поселенная—завѣщаны «внуку» Ивану Михайловичу Гамалѣѣ. Завѣщаніе писано въ Печерской лаврѣ, какъ это видно по свидѣтелямъ, подписавшимъ завѣщаніе: іеромонахъ Модестъ Ильницкій, намѣстникъ Печерскій, іеромонахъ Евстратій», архіерей, схимонахъ Феодоръ, митрополитъ Сибирскій, и наконецъ, Лохвицкій сотникъ Степанъ Пестичъ, подписавшій завѣщаніе безъ указанія Лохвицкаго уряда, которому было бы явлено это завѣщаніе, изъ чего видно, что подпись Пестича явилась уже послѣ. Кромѣ того на завѣщаніи имѣется такая приписка: «вкладъ благодѣтелки похваляя и прошенію отцевъ Михайловскихъ довлетворя, руку мою подписахъ Іоасафъ Краковскій, митрополитъ Кіевскій» [1]). Такимъ образомъ, благодаря Сенютовичу «Михайловскіе отцы» получили цѣнный вкладъ въ свою имущественную сокровищницу. Вслѣдъ за симъ старая полковница умерла (1714 г.), но ея наслѣдники долго еще не могли успокоиться, упустивъ изъ рукъ такое богатство. Интересно, что черезъ *сорокъ лѣтъ* послѣ смерти вдовы полковника тотъ же Иванъ Михайловичъ все еще надѣялся на возможность вернуть дѣдовскія маетности; въ 1754 г. онъ передалъ право свое на отысканіе этого наслѣдства (по «улиточной записи») сыновьямъ своимъ Ивану и Андрею, которые и подали въ 1759 г. прошеніе гетману Разумовскому, гдѣ, разсказавъ всѣ происки монаховъ, просили объ уничтоженіи посмертной воли своей прабабы. Но, разумѣется, поздно уже было объ этомъ хлопотать [2])...

Преемникомъ Гамалѣи былъ **Головченко**, прежній Черкасскій полковникъ (1669 г.), перешедшій потомъ, послѣ разоренія Чигирина, на лѣвый берегъ и служившій здѣсь у Самойловича «дворяниномъ» [3]). Лубенскимъ полковникомъ Головченко не пробылъ и года. На мѣсто

---

[1]) Завѣщанія Григорія Гамалѣи и жены его Марьи Васильевны взяты нами изъ книги «Копіи актовъ», наход. въ б—кѣ Михайловск. м—ря.

[2]) Бумаги Кіев. Центр. Арх., перед. изъ Кіев. Губ. Правл.

[3]) Акты Ю. З. Р., IX, 132 и XIII, 682 и слѣд.

его былъ назначенъ **Лукьянъ Свѣчка**, который въ первый разъ встрѣчается въ 1672 г., въ числѣ лицъ подписавшихъ «статьи» Самойловича, гдѣ онъ значится—«Левко Свѣчка, судья». Затѣмъ, лѣтъ черезъ десять видимъ его уже въ числѣ полковыхъ есауловъ; изъ есауловъ же въ 1688 г. Свѣчка поставленъ былъ полковникомъ... Такой необычный для тогдашняго времени скачокъ трудно объяснить, если только тутъ не имѣла мѣста симонія: Свѣчка былъ человѣкъ денежный, а Мазепа любилъ деньги. Пробывъ на полковничествѣ до своей смерти въ 1699 г., Свѣчка за десять лѣтъ нажилъ обширныя земельныя маетности, захвативъ десятки верстъ земель въ настоящемъ Пирятинскомъ уѣздѣ. Свѣчка первый положилъ въ Лубенскомъ полку начало захвату старшиною общественныхъ земель. А дѣлалъ Свѣчка это, напр., такимъ образомъ: когда въ 1689 г. удалось ему возвратить въ составъ Пирятинской сотни часть земель Лубенскаго полка, захваченныхъ Переяславскимъ полковникомъ Полуботкомъ, то за хлопоты поэтому дѣлу Свѣчка получилъ отъ Пирятинскихъ сотнянъ цѣнную благодарность, состоявшую изъ части этой же возвращенной земли. Въ написанномъ по этому случаю актѣ читаемъ: «Мы, Петръ Барщевскій, протопопъ Пирятинскій, Андрей Гладкій, сотникъ, *и друг. чины пирятинской сотни*, прійдя съ поклономъ къ своему полковнику Леонтію Свѣчкѣ, чтобы поблагодарить его за хлопоты, благодаря которымъ онъ отстоялъ степь за Сухою Оржицею... И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковнику, что вольно ему взять себѣ *какую хочетъ степь* для сѣнокошенія и онъ, полковникъ, не желая ничего брать даромъ, далъ 200 талеровъ за Сухую Оржицу, начавъ отъ шляху, который идетъ на с. Коломійцы, у вершины Сух. Оржицы съ принадлежащими къ ней *пологами*[1]) и за селище Малютинское, гдѣ онъ имѣетъ право и людей поселить...»[2]). По одному этому акту Свѣчка пріобрѣталъ десятки верстъ побережьевъ Сухой Оржицы въ предѣлахъ теперешняго Пирятинскаго уѣзда, которыя тогда почти вовсе не были еще заселены. Раньше передъ этимъ Свѣчка получилъ отъ Мазепы универсалъ на два села—Давыдовку и Деймановку и на два хутора Коломійцы и Короваи. Обезпечивъ себя двумя актами, въ которыхъ граница пріобрѣтенныхъ земель не могли быть указаны по ихъ неизвѣстности, Свѣчка

[1]) «Пологами» въ западн. части Полт. губ. называются низкія побережья рѣкъ, то что въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи зовутъ «оболоньями», «подолами».

[2]) См. Кіевск. Стар. 1882 г., Іюнь.

сталъ селить на этихъ земляхъ слободы, изъ которыхъ возникли затѣмъ села—Малютинцы, Городище, Короваи, Каевка и разные хутора. Наживъ такія богатства, Свѣчка, по замѣчанію Мазепы, пересталъ ревновать о службѣ. Когда въ 1696 г. гетманъ послалъ его освобождать Голтву отъ татарскаго нападенія, то въ отвѣтъ получилъ отъ Лубенскаго полковника донесеніе объ «оборотахъ» непріятеля «по чужимъ повѣстямъ». Укоряя Свѣчку за такое его не «рыцарское» поведеніе, Мазепа сдѣлалъ на служебномъ къ нему объ этомъ письмѣ слѣдующую любопытную приписку: «Знати, же велми, ваша милость, памятаешъ евангельское слово и тому прилѣжно послѣдуешъ: «идѣ же есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша». Домышляемся мы, же много, в. м-ть, животныхъ своихъ въ Лубняхъ зложилъ сокровищъ, а при нихъ и душу свою увязуешъ такъ моцно, же не хочется вашей м-ти и на такую пилную монаршую ку оборонѣ отчизны ити службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки передъ нами въ той мѣрѣ вынаходишъ. А такъ мы вашей м-ти упевняемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ за нашимъ до Лубенъ прибытемъ устережемо и додержимъ в. м-ти въ цѣлости, тилко по правдѣ ознайми, гдѣ що зложено, а иди, в. м-ть, безъ сумнителства туда, гдѣ указъ нашъ гетманскій повелѣваетъ» [1]). Изъ этой приписки видно, что Мазепѣ хорошо было извѣстно о значительномъ накопленіи у Лубенскаго полковника «сокровищъ», которыми однакожъ скупой полковникъ, какъ видно, не дѣлился съ гетманомъ и тѣмъ вызывалъ гетманскіе упреки.... Умеръ Леонтій Свѣчка въ 1699 г., распредѣливъ свои имѣнія по завѣщанію между тремя сыновьями, при чемъ старшему Василію назначилъ: «хуторъ надъ р. Оржицею, прозываемый Городище, со всѣми угодьями ажъ внизъ Корнѣевки, людей въ Корнѣевцѣ и Городищѣ новоосаженныхъ и с. Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были люди въ с. Малютинцахъ осаженные и с. Давыдовка. Третьему сыну Ивану отецъ завѣщалъ хуторъ въ с. Короваяхъ съ людьми въ немъ осаженными и с. Деймановку. Наконецъ, невыданнымъ замужъ дочерямъ, «дѣвчатамъ Любцѣ и Ганнусѣ» и женѣ Домникіи Свѣчка завѣщалъ разную движимость. По смерти отца старшіе два его сына, Василій и Лукьянъ, (младшій Иванъ—умеръ), продолжали увеличивать свои земельныя богатства, причемъ Лукьянъ особенно прославился своими насиліями среди Пи-

[1]) Акты Запад. Россіи, V, 278.

рятинскихъ сотнянъ. Объ этихъ насиліяхъ не разъ будемъ упоминать при описаніи отдѣльныхъ поселеній. Такими же насиліями извѣстенъ былъ и внукъ полковника—Иванъ Васильевичъ Свѣчка, отъ котораго особенно страдали козаки с. Антоновки, доставшейся на часть Ивана. Этотъ Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и его имѣнія перешли къ его двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была за Николаемъ Юркевичемъ, а другая за Ильей Александровичемъ. Бездѣтнымъ умеръ и Лукьянъ Свѣчка, и его наслѣдство перешло къ двумъ его зятьямъ—Якову Гамалѣѣ и Андрею Вакуловичу. Мужское потомство Свѣчекъ пошло отъ Степана Васильевича Свѣчки, у внука котораго Петра Алексѣевича, въ к. XVIII в., было болѣе 4000 крест. въ сс. Городищѣ, Короваяхъ, Корнѣевкѣ, Петровкѣ, Каевкѣ, Селякахъ и разныхъ хуторахъ.

Окончивъ съ полковниками XVII в., переходимъ къ небольшому ряду полковниковъ XVIII в. Этими полковниками были: **Зеленскій Дмитрій,** (1708), **Савичъ Василій,** (1710—1714), **Марковичъ Андрей,** (1714—1727), **Апостолъ Петръ Даниловичъ,** (1728—1757), **Кулябка Иванъ Петровичъ,** (1757—1770) и **Максимовичъ Степанъ Петровичъ,** (1770—1781). **Зеленскій** назначенъ былъ полковникомъ, повидимому, вслѣдъ за смертью Свѣчки, но свѣдѣній о немъ почти не сохранилось. Вѣроятно, это былъ выходецъ съ праваго берега Днѣпра, такъ какъ никакого родства на лѣвомъ берегу у него не видно. Здѣсь онъ только женился на дочери Федора Ивановича Сулимы (сына казненнаго въ 1635 г. Запорожскаго гетмана), на двухъ другихъ дочеряхъ котораго были женаты—гетманичъ Семенъ Самойловичъ и Дмитрій Максимовичъ, будущій генер. есаулъ [1]). Зеленскій былъ настолько отличенъ Мазепою, что получилъ полковничество, не занимая передъ тѣмъ никакого уряда, а вѣроятно лишь находясь въ числѣ гетманскихъ «дворянъ». Чѣмъ заслужилъ такое отличіе Зеленскій—не знаемъ; можетъ быть умѣніемъ угодить, но не богатствомъ, котораго у него не было. Мазепа настолько отличалъ Зеленскаго, что наградилъ его богатыми маетностями, давъ ему въ Лубенскомъ же полку м. Константиновъ, съ окружавшими его землями, на которыхъ частью уже были поселенія (В. Будки, Курманы), а частью селилъ слободы самъ Зеленскій. Отдача въ «державу» сотенного городка, какимъ былъ Константиновъ, тоже указываетъ на

---

[1]) Мотыжинскій Арх., 9, 10.

особую пріязнь Мазепы къ Зеленскому. Кромѣ того, Зеленскій, повидимому, самолично отдѣлилъ себѣ въ ранговое пользованіе Буромлю, Александровку и Луку. Но всѣ сіи блага фортуны погибли, когда въ 1708 г. Зеленскій пошелъ за Мазепою въ его шведскую авантюру; въ этой авантюрѣ Зеленскій гдѣ-то и изчезъ. Жена его однакожъ была захвачена и приговорена къ ссылкѣ, но оставалась въ Глуховѣ еще и въ 1712 г., когда Скоропадскій писалъ о ней Головкину, что «жена Зеленскаго для настоящей болѣзни, дряхлости и убожества, же нѣякихъ не имѣетъ пожитковъ, нѣ людей, нѣ коней, на чомъ бы ей и зачимъ ѣхать къ Москвѣ, также до указу царского величества тутъ оставлена...»[1]. Нищета вдовы Зеленскаго объясняется тѣмъ, что всѣ мужчины маетности были тогда же отобраны и отданы, въ 1711 г., Скоропадскимъ Головкину, при чемъ изъ этого одного факта видно, какъ цѣнны были имѣнія Зеленскаго.

Преемникъ Зеленскому назначенъ былъ только въ 1710 г. въ лицѣ **Василія Савича**; это былъ сынъ стараго Лубенскаго обознаго Саввы Кириллова, прозвище котораго не сохранилось. Этого Савву на Лубенскомъ обозничествѣ видимъ уже въ 1672 г., а въ 1675 г. Савва Кирилловъ одновременно занималъ уряды обознаго и судьи,— случай только разъ намъ и встрѣтившійся и могущій быть объясненнымъ только бѣдностью того мѣстнаго персонала, изъ котораго набиралась полковая старшина. Савва Кирилловъ былъ женатъ на какой-то Татьянѣ Гиркаловнѣ, которая послѣ его смерти вышла вторично замужъ за Андрея Яковлева, (прозвище котораго тоже не сохранилось), занимавшаго въ восьмидесятыхъ годахъ XVII в. полковые уряды судьи и обознаго. Андрей Яковлевъ дѣтей не имѣлъ и имѣнія свои оставилъ частью брату Артему Яковлеву, а частью вдовѣ. Наслѣдство вотчима дало возможность и Василію Савичу поправить свое благосостояніе, такъ какъ у отца его никакихъ маетностей не было, а вотчимъ оставилъ с. Хорошки.—Василія Савича въ первый разъ встрѣчаемъ въ 1699 г. на урядѣ полковаго есаула, а въ 1702 г. онъ былъ полковымъ сотникомъ. Сотникомъ Савичъ оставался, повидимому, и въ 1708 г., когда по случаю измѣны Зеленскаго Лубенскій полкъ остался безъ полковника. Въ это время Савичъ успѣлъ чѣмъ то отличиться и въ 1710 г. назначенъ былъ полковникомъ.

---

[1]) Источники Малорос. истор., собр. Д. Бант.-Ком., II, 268.

На этомъ урядѣ онъ пробылъ всего четыре года, наживъ за это время два села, Ходолѣевку и Карпиловку, и огромную степь—Строкачи. Карпиловка дана была Савичу по универсалу 15 мая 1714 г.—«п. Василій Савичъ, полковн. Луб-ій, купивши млины на греблѣ Карпиловской и прочіе грунта, по небожчику Сіемашку [1]) позосталіе, просилъ насъ о надане сельца Карпиловки, яко къ тимъ грунтамъ прилеглого», что гетманомъ и было исполнено, при чемъ Карпиловка отдана была «въ зуполное владеніе», съ позволеніемъ «людей тамошнихъ тяглыхъ до належитого себѣ употребляти послушенства и повинности». Этотъ универсалъ данъ былъ Савичу незадолго до его отставки, послѣдовавшей будто бы по желанію самого Савича, какъ говорится въ универсалѣ того же 1714 г., которымъ на мѣсто Савича назначался шуринъ Скоропадскаго—Марковичъ. «Лубенскій полковникъ п. Василій Савичъ, прибывъ въ Глуховъ, сложилъ съ себя урядъ полковничества *по слабости здоровья*, а на мѣсто его, по монаршему благоволенію, назначенъ п. Андрей Марковичъ, швагеръ нашъ, при чемъ и полковая старшина съ рядовымъ товариствомъ, прибывшіе въ Глуховъ, также просили о немъ, швагрѣ нашемъ».... Можно догадываться, что болѣзнь Савича здѣсь явилась лишь потому, что мѣсто его потребовалось для человѣка очень близкаго къ гетману; а можетъ быть за Савичемъ были и какіе-нибудь грѣхи, дававшіе Скоропадскому возможность потребовать отъ него отставки. Василь Савичъ скоро и умеръ, оставивъ вдову съ двумя малолѣтними сыновьями Петромъ и Василіемъ. Достатки у вдовы были хорошіе: три села и огромная степь, въ это время лишь заселявшаяся. Сыновья полковника въ 1735 г. были уже бунчуковыми товарищами, но еще неженатыми. Старшему сыну мать задумала было высватать дочь Семена Лизогуба (зятя гетмана Скоропадскаго), но послѣднему сватовство это показалось маложелательнымъ, и онъ, черезъ близкихъ людей, передалъ полковницѣ, что дочь его еще молода, почему о сватовствѣ ея трудно еще и говорить. Однакожъ, вмѣстѣ съ такимъ отвѣтомъ, Лизогубъ поручалъ одному изъ своихъ зятей—собрать вѣрныя свѣдѣнія о достаткахъ сыновей полковника и о томъ—какую часть отдѣлила мать *младшему сыну* Василію, при чемъ Лизогубъ добавлялъ, что относительно этого меньшаго Савича можно еще по-

[1]) Увесь Сѣмашко—сотникъ Переяславскій въ 1684—87 гг.

думать, но что во всякомъ случаѣ нужно подождать года-полтора, да и то при условіи, если мать подѣлитъ своихъ сыновей, чтобы можно было судить, что именно достанется младшему Савичу. Очень оскорбилась старая полковница, услыхавъ такой отвѣтъ. Во первыхъ, обидилась она, что Лизогубъ почему то пренебрегаетъ старшимъ ея сыномъ. «Усмотрѣлъ ли Лизогубъ за нимъ какой подзоръ, спрашивала Савичка, или услыхалъ отъ кого какое-нибудь худое о немъ объясненіе»? Оба сына ея, говорила полковница, «безподзорны» и оба «въ чести своей обрѣтаются». При чемъ также нельзя упрекнуть старшаго сына и въ «престарѣлости», такъ какъ онъ только однимъ годомъ старше младшаго. Относительно раздѣла полковница передавала Лизогубу, что сыновья ея—«единоотечніе и матерніе» и что такъ какъ другихъ сыновей, кромѣ этихъ двухъ, у нея нѣтъ, то всѣ маетности будутъ подѣлены между ими двумя поровну. Поэтому нечего и спрашивать—какая часть имѣній будетъ отдѣлена на младшаго, тѣмъ болѣе, что «во всякихъ и большихъ домахъ» сыновьямъ неженатымъ выдѣлъ не производится («не бываютъ отвѣновани»), а при томъ случается, что и женатому сыну приходится «терпѣть», если живъ отецъ и мать, а особенно, если приходится жить съ ними вмѣстѣ. Да къ тому же это новый былъ бы «образецъ» въ Малороссіи, если бы неженатые сыновья, живущіе при родителяхъ, надѣлялись маетностями, чтó было бы въ явную обиду родителямъ».—Передавая Лизогубу этотъ любопытный свой отвѣтъ, полковница еще добавляла, что она при этомъ никакъ ненамѣрена, «противно общенародному обычаю», женить младшаго сына раньше старшаго. Въ заключеніе Савичка писала своему родичу, что если онъ увидитъ, что Лизогубъ «такого пріятельства завести не намѣренъ», то пусть онъ поѣдетъ къ другому Лизогубу, Якову, въ то время генеральному обозному, и посватаетъ его вторую дочь, если старшая уже сговорена за Турковскаго [1]). Не знаемъ—чѣмъ кончилось это сватовство, обстоятельства котораго сохранили для насъ любопытныя черты семейнаго быта въ старой Малороссіи. Старшій братъ Петръ не считался желательнымъ женихомъ можетъ быть по тому, что изъ него и тогда уже нельзя было ожидать хорошаго «хозяина» за ту наклонность къ расточенію отцовскаго наслѣдства, которая позже выразилась тѣмъ, что все это на-

[1]) Сулим. Арх, 75-77.

слѣдство было братьями Савичами продано извѣстному придворному бандуристу Григорію Любитку. Сначала Савичи продали ему Хоронки и Пулинцы за 1500 р., а въ 1753 г. продали и Худолѣевку съ Строкачами за 2600 р. Послѣ этого оба Савича гдѣ-то изчезаютъ. Кромѣ сыновей у полковника Савича было двѣ дочери Евдокія и Парасковья. Старшая была замужемъ за сыномъ полковника Михайла Миклашевскаго, Иваномъ, который пожилъ зъ женой съ годъ, отправился въ извѣстный Гилянскій походъ. Вернувшись послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтняго отсутствія, Миклашевскій увидѣлъ, что «честь дома его была нарушена». Оказалось, что Евдокія родила одно дитя безъ бытности мужа, а другое—вслѣдъ за его возвращеніемъ. Такой «надежъ» молодой жены «пришелъ во всенародное извѣстіе», и Миклашевскій отославъ ее къ матери, сталъ было хлопотать о разводѣ, но его не добился. По смерти Миклашевскаго, ок. 1740 г., вдова его вышла вторично замужъ за Стародубскаго полковаго писаря Петрункевича [1]). Другая дочь Савича Парасковья вышла замужъ въ 1729 г. за Семена Ивановича Сулиму, тогда сотника Барышевскаго, а вслѣдствіи—Переяславского полковника [2]).

Преемникомъ Савича былъ **Андрей Марковичъ.** Происхожденіе его разсказано подробно въ другомъ мѣстѣ [3]); тамъ мы видѣли уже, при какихъ обстоятельствахъ Марковичъ получилъ Лубенское полковничество. Въ универсалѣ было сказано, что этотъ урядъ дается ему «по монаршему благоволенію», а въ слѣдующемъ, 1715 г. Марковичъ получилъ еще и особую царскую грамоту, утверждавшую за нимъ полковничество. Царская грамота съ одной стороны, а съ другой близкое свойство съ гетманомъ и дружба съ сестрою-гетманшею, сильно вліявшею на мужа, дѣлали положеніе Марковича исключительнымъ. Онъ имъ и пользовался. Прежде всего Марковичъ самовольно замѣнилъ полковой городъ Лубны—Ромномъ, гдѣ ему жить было удобнѣе по близости къ Глухову и къ маетностямъ, расположенныхъ въ Нѣжинскомъ и Стародубскомъ полкахъ. Затѣмъ, Марковичъ фактически прекратилъ всякую дѣятельность полковой старшины.

---

[1]) Подробнѣе—Опис. Стар. Малорос., I, 98 и слѣд.

[2]) Судим. Арх., 57. Къ этой же книгѣ приложенъ и фототипный портретъ Прасковьи Васильевны, подлинникъ котораго принадлежитъ А. А. Войцеховичу и находится въ с. Сулимовкѣ, Переясл. у.

[3]) Опис. Стар. Малор., II, 419—422.

Кромѣ того, Марковичъ позволялъ себѣ, какъ увидимъ ниже, раздачу маетностей своимъ благопріятелямъ изъ полковой старшины, противъ каковой раздачи гетманъ Скоропадскій, повидимому, и не думалъ возражать... Словомъ, Марковичъ правилъ полкомъ съ бо̀льшимъ самоволіемъ, чѣмъ Галаганъ и М. Милорадовичъ, которые почти не признавали гетманской власти.... Потерпѣвъ четыре года такой произволъ, полковая старшина рѣшилась было протестовать противъ насилій своего полковника, «но когда Марковичъ о томъ провѣдалъ и объявилъ гетману, заразъ помянутую старшину, вмѣнивши за бунтовщиковъ, съ походу отъ службы завернено и предано за крѣпкій караулъ Федору Протасьеву, потомъ нещадно бито кіями и уряды такожъ и маетности у нихъ поотбирано, съ крайнимъ прочаго имѣнія разореніемъ [1])». Это извѣстіе указываетъ—до чего безправно могъ распоряжаться Марковичъ въ своемъ полку при Скоропадскомъ; но тѣ же отношенія Марковича къ полчанамъ продолжались и по смерти зятя, такъ какъ наказнымъ (временнымъ) гетманомъ сталъ Полуботокъ, на дочери котораго женатъ былъ старшій сынъ полковника Марковича. О продолжавшихся насиліяхъ послѣдняго сохранилось, напр., такое извѣстіе: козакъ Лукомской сотни Кость Шишенко, въ концѣ 1722 г., жаловался Полуботку, что за украденнаго младшимъ его братомъ ягненка, Марковичъ «заграбилъ» у него, Костя, *полтораста овецъ* и лѣсъ его срубилъ, а п. судья (Андрей Жуковскій) взялъ воловъ—7, коровъ—7, «клячъ» (лошадей рабочихъ)—5, коней верховыхъ—2, денегъ—10 талеровъ, и сотникъ Лукомскій (Кодинецъ, изъ «служителей» Марковича) взялъ копъ 10 (денегъ) и лѣсъ срубилъ [2]). Получивъ эту жалобу въ тревожное время, когда подобныя жалобы только подтверждали донесенія царю Вельяминова—о полномъ безправіи народа, Полуботокъ тѣмъ не менѣе понималъ, что *судъ* надъ подобными Марковичу старшинами—невозможенъ, уже потому что и суда такого въ Малороссіи не было, чтобы могъ судить полковника... Поэтому Полуботокъ, въ отвѣтъ на жалобу Шишенка, могъ только послать Марковичу «листъ», чтобы тотъ *приказалъ* все заграбленное у Шишенка возвратить послѣднему и «во всемъ, безъ большой турбаціи, успокоить послѣдняго». Разумѣется этотъ «листъ»

---

[1]) Русск. Арх. 1864 г., стр. 494

[2]) Дневной журналъ (діаріушъ) генер. канцеляріи, рукопись.

могъ воздѣйствовать на Марковича только изъ боязни, что [illegible] такая жалоба будетъ направлена въ грозную коллегію Вельямина. Не одними, впрочемъ, насиліями надъ полчанами обращалъ на себя вниманіе Марковичъ; служебное свое положеніе онъ тоже устраивалъ внѣ всякихъ войсковыхъ обычаевъ. Такъ, мы видимъ, что когда въ нач. 1721 г., Андрей Марковичъ назначенъ былъ командиромъ посланнаго въ Ладогу на работы отряда, то на время его отсутствія наказнымъ полковникомъ, вопреки старымъ козацкимъ обычаямъ, былъ гетманомъ назначенъ не кто либо изъ полковой старшины, а двадцатипятилѣтній сынъ полковника, Яковъ, за которымъ и службъ еще никакихъ не было. Фактъ этотъ, попиравшій старые порядки ради гетманскаго свойства, возбудилъ всю старшину въ Малороссіи противъ Марковичей. Еще болѣе удивилась гетманщина, когда такой случай повторился уже по смерти Скоропадскаго: въ 1723 г. Андрей Марковичъ пошелъ, по царскому указу, въ Дербентскій походъ, а «правленіе полка» снова поручено было тому же Якову Марковичу. Такое распоряженіе и на сей разъ исходило отъ гетмана (наказнаго), и этимъ гетманомъ былъ тесть молодого Марковича, приславшій вмѣстѣ съ порученіемъ «правленія полка» и наставленіе зятю—какъ вести себя, въ виду, конечно, того же неудовольствія Лубенской полковой старшины, которое необходимо должно было проявиться и на сей разъ послѣ такого необычнаго и пристрастнаго со стороны Полуботка распоряженія. На сей разъ такое распоряженіе вызвало протестъ уже и со стороны старшины первостепенной. Протестъ былъ заявленъ впрочемъ только по отбытіи Полуботка, лѣтомъ 1723 г., въ Петербургъ, когда всѣ малороссійскіе полки, по особому царскому указу, выступили подъ начальствомъ кн. Голицына въ походъ къ Буцкому Броду. На этомъ походѣ, генеральная старшина (Жураковскій и Лизогубъ,) ѣхавшая къ Голицыну въ Ахтырку, встрѣтила у Коломака, полковниковъ (Апостола, Галагана, Милорадовича) и остановилась, чтобы посовѣтоваться—о чемъ нужно просить Голицына въ виду разныхъ тягостныхъ распоряженій Вельяминова. Собравшись въ палаткѣ у Апостола, старшина, совѣтуясь о «нуждахъ общенародныхъ», между прочимъ разсуждала и о *«какихъ то жидахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссіи»*, а также о неудовольствіяхъ, возникшихъ въ Лубенскомъ полку между полчанами и наказнымъ полковникомъ Як. Марковичемъ, за то, что послѣдній нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ

окованныхъ на арматы,...[1]) Подъ именемъ «новокрещенныхъ жидовъ» здѣсь разумѣются Марковичи, такъ какъ отецъ Лубенскаго полковника Маркъ Аврамовъ, по еще живому тогда преданію, былъ выкрещенный еврей.—Старшина негодовала противъ полковника Марковича, который своими происками умѣлъ добиваться исключительнаго положенія.... А когда послѣ этихъ разговоровъ Жураковскій съ Лизогубомъ прибыли въ Ахтырку и здѣсь, представляя Голицыну разныя свои ходатайства, между прочимъ упомянули и о Яковѣ Марковичѣ, «который завѣдываетъ полкомъ какъ бы отцовскимъ имѣніемъ», то Голицынъ вполнѣ согласился съ неправильностью такого распоряженія, добавивъ, что дѣйствительно было бы странно, если бы, напр., Ахтырскій полковникъ куда нибудь уѣзжая, урядъ свой поручилъ бы сыну, минуя полковую старшину... Но кн. Голицынъ былъ слишкомъ мягкій человѣкъ, чтобы отмѣнить неправильное распоряженіе Полуботка и поручить Лубенское «наказничество» кому либо изъ Лубенской полковой старшины. Мягкость Голицына была такова, что когда черезъ нѣсколько дней послѣ разговоровъ съ Жураковскимъ и Лизогубомъ, къ нему, Голицыну, обратился заслуженный Сенецкій сотникъ Криштофовичъ съ жалобою на своего наказнаго полковника (т. е. Як. Марковича) «за посаженне его на армату», то Голицынъ въ отвѣтъ—только посовѣтовалъ помириться («казалъ помиритись»). Словомъ и протестъ первостепенной старшины не имѣлъ никакихъ результатовъ, тѣмъ болѣе что и «наказный полковникъ» не дремалъ и съ свойственною ему ловкостью скоро обошелъ тогдашняго «главнаго командира» всѣхъ малороссійскихъ полковъ, т. е. того же Голицына. Прибывъ вслѣдъ за генер. старшиною въ Ахтырку, Марковичъ умудрился немедленно получить отъ Голицына приглашеніе къ обѣду, при чемъ успѣлъ поговорить съ нимъ наединѣ о «своей нуждѣ», а Голицынъ, прощаясь съ нимъ, «милостиво его отпустилъ»[2]). Безконтрольно правилъ Як. Марковичъ полкомъ до возвращенія отца въ январѣ 1725 г. Въ это время онъ отбылъ грозную ревизію малорусской старшины, произведенную, въ к. 1723 г. и нач. 1724 г., Румянцевымъ по царскому указу. Не смотря на множество лицъ, обиженныхъ Маркови-

---

[1]) Такъ записано въ оффиціальномъ журналѣ генер. канцеляріи. См. Рус. Архивъ 1880 г., I, 191.

[2]) См. Дневникъ Як. Марковича, изд. Кіевской Стар., т. I, 40—41.

чѣмъ, молодой «наказный» умѣлъ обойти и Румянцева, который уѣхалъ вполнѣ къ нему расположенный. Затѣмъ, когда смерть Петра В. нѣсколько умалила то напряженное состояніе Малороссіи, которое послѣдовало вслѣдъ за учрежденіемъ въ ней Вельяминовской коллегіи, Андрей Марковичъ уже спокойно продолжалъ править полкомъ, а слѣдовательно и наживаться. Но съ паденіемъ Толстыхъ (по интригамъ Меншикова) обстоятельства перемѣнились. Въ маѣ 1727 г. отставленъ былъ Толстой, зять гетманши Скоропадской, отъ Нѣжинскаго полковничества, а въ іюнѣ стали въ Глуховѣ поговаривать и объ отставкѣ Андрея Марковича. Дѣйствительно, пріѣхавшій въ Глуховъ изъ Петербурга, осенью 1727 г., Наумовъ привезъ съ собою и указъ объ увольненіи Марковича отъ полковничества. Указъ объ отставкѣ состоялся въ верховномъ совѣтѣ 24 іюня 1727 г., но его придержали въ Москвѣ до посылки въ Глуховъ сенатора Наумова, ѣхавшаго въ Малороссію для подготовленія старшины къ избранію Апостола въ гетманы[1]). Отставка Марковича рѣшена была всемогущимъ Меншиковымъ, случайно вспомнившимъ о братѣ гетманши Скоропадской, попавшей въ немилость временщика только за свойство съ Толстыми. При назначеніи Наумова министромъ въ Малороссію, для него составили въ иностранной коллегіи особую инструкцію, которую предварительно представили на просмотръ Меншикова и его свѣтлость— «въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей, дополнить велѣлъ: *кромѣ жидовъ*, добавивъ, что шуринъ гетмана Скоропадскаго—изъ жидовъ и много отъ него въ полку его тягости,—такъ лучше его отставить» [2]). Такъ случайно рѣшена была отставка Марковича, о «тягостяхъ» котораго въ полку Меншиковъ, какъ видно, хорошо зналъ и прежде. Можетъ быть впрочемъ, что отставкою Марковича Меншиковъ хотѣлъ сдѣлать любезность предназначенному въ гетманы Апостолу, вражда котораго противъ вдовы Скоропадскаго была извѣстна и въ Москвѣ. Въ указѣ верховнаго совѣта было сказано: «отлучить отъ полка полковника Лубенскаго Андрея Марковича и освидѣтельствовать о поступкахъ его въ бытность его при томъ полку и о тягостяхъ тому полку отъ него бывшихъ». Къ этому указу Наумовъ добавилъ и свое распоряженіе—«дабы всякъ

[1]) Архивъ правит. Сената, Баранова, I, №№ 2352 и 2460.

[2]) Соловьевъ, XIX, 131.

на Марковича жалобы за обиды, имъ оказанныя, заносилъ, не посягая и не закрывая»[1]. Жалобщиковъ явилось множество, во главѣ ихъ стояла Лубенская старшина, подавшая Наумову пространное перечисленіе своихъ обидъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ открытъ былъ Лубенскій полкъ, гласила жалоба старшины, на чинъ полковничій выбирались вольными голосами люди достойные изъ своихъ полчанъ и никогда не бывало отъ нихъ народу отягощенія; а когда промоторствомъ гетмана Скоропадскаго произведенъ въ чинъ Лубенскаго полковничества чужой человѣкъ, шуринъ гетмана, Андрей Марковичъ, тогда не только нынѣшнихъ временъ никѣмъ неслыханныя, но и за державы лядской (но и во время владычества поляковъ) и за жидовскаго тогдашняго арендаторства едва ли творились таковыя тягости, налоги и обиды, какія чинились отъ него, Марковича, въ полку всему народу, который отъ того обнищалъ и разоренъ, а Марковичъ за недолгое время обогатился». Засимъ Лубенская старшина чтобы не быть голословною, перечислила тѣ тягости, которыя чинилъ Марковичъ полчанамъ, причемъ наиболѣе характерныя были слѣдующія: когда Марковичъ наѣхалъ въ полкъ и сталъ заводить себѣ хутора, мельницы и фольварки, то не довольствуясь на чинъ полковника опредѣленными и другими прежде того чина отъ гетмана Скоропадскаго полученными маетностями, принуждалъ всего полку, козаковъ и крестьянъ, исполнять свои частныя работы—гатить плотины (при устройствѣ водяныхъ мельницъ), возить дерево на постройки, пахать землю, косить сѣно, жать хлѣбъ.... А грунты, на которыхъ Марковичъ заводилъ мельницы, хутора и фольварки—все чужіе, при чемъ хотя нѣкоторые изъ нихъ и считаются купленными, но—или насильною куплею или подложными способами, а многіе и просто были отняты у хозяевъ.—Купцамъ, которые воловъ гоняли въ Силезію для продажи, Марковичъ насильно поручалъ, тоже для продажи, свои волы плохіе, а бралъ за нихъ цѣну, какъ за самыхъ лучшихъ.—За малые и большіе проступки полчанъ Марковичъ обтяжалъ ихъ безмѣрными взятками, хотя самъ почти никогда и не судилъ тѣхъ проступковъ, сдавая весь судъ на старшину, которой и правленіе полковое поручилъ, такъ какъ самъ постоянно занятъ былъ своими домашними дѣлами и разъѣздами по хуторамъ и маетностямъ.—На мѣсто отлучавшихся въ походы сотниковъ, ставилъ наказными

---

[1]) Дневникъ Як. Марковича, изд. Кіевск. Ст., II, 17.

своихъ слугъ и тѣ слуги многія обиды чинили людямъ отнятіемъ грунтовъ и другими взятками.—Недовольствуясь маетностями, опредѣленными на чинъ полковника и другими, прежде полученными отъ гетмана, Марковичъ завладѣлъ частью г. Ромна, называемою Засулье, выпросивъ на послѣднее универсалъ, какъ на село, а Засулье—не село, но Роменскіе фольварки. Да сверхъ того Марковичъ завладѣлъ въ своемъ полку Мойсеевкой, Нарожьемъ и Кулажинцами, безъ универсала гетманского и безъ грамоты монаршей.

Въ жалобѣ полковой старшины сообщались общія черты насилій Марковича. Подробности описаны были въ частныхъ жалобахъ, которыхъ множество было подано Наумову. Изъ ихъ перечня приводимъ нѣкоторыя. Полковаго обознаго Павла Мартоса—во многихъ обидахъ отнятіемъ грунтовъ и прочимъ ему починенныхъ.—Города Лубенъ обывателей—за напрасное отнятіе поля ихъ прозываемаго *Ближніе Пологи.*—Евдокіи Троцкой, Семена Максимовича, сотника Чорнусскаго, и протчихъ мельниковъ о самовольномъ построеніи млина на греблѣ Куренской, безъ соизволенія ихъ, и объ обидѣ немалой отъ того имъ учинившейся и о работахъ на его, Марковича, по принужденію чиненныхъ.—Города Ромна съ предмѣстья Засулья козаковъ, что онъ, Марковичъ подложно выправилъ грамоту монаршую на оное Засулье, написавши оное селомъ, а то Засулье есть часть города, изстари къ г. Ромну надлежало, и поработилъ ихъ 170 человѣкъ наравнѣ съ посполитыми, и тѣми (Засульскими козаками) въ своемъ хуторѣ разныя работы производилъ, канавы рѣзалъ, гребли сыпалъ, мельницы строилъ, и такими работами многія починилъ имъ обиды....[1]).

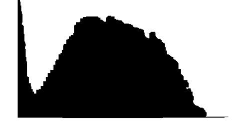
---

[1]) Кромѣ множества жалобъ, съ указаніемъ на отдѣльные случаи насилій Марковича, были еще поданы «полковой Лубенской старшины сотниковъ, атаманнѣ и знатн. войскового того полку товариства двѣ челобитніе о многихъ его, Марковичевыхъ, въ полку Лубенскомъ показанныхъ обидахъ и здирствахъ зъ прошеніемъ, чтобъ, по прежнимъ войсковымь правамъ, повелѣно было выбрать въ полковники волними голосами, и зъ прилогомъ на него Марковича 32-хъ пунктовъ, въ которыхъ выражено: 1) О браніи на ярмаркахъ излишнихъ и небивалихъ зъ людей взятковъ. 2) О уставленномъ зборѣ на особу свою зъ казановъ (винокуренныхъ). 3) Изъ мѣщанъ и посполитихъ людей—десятини пчоляной. 4) О отягощеніи въ причини тихъ вимишленнихъ отъ него зборовъ за битія коллегіи на всю Малую Россію бившомъ, что милостивимъ его величества указомъ одставлено. 5) О взиманомъ на его, Марковича, въ сотнѣ Чигириндубровской покуховномъ збору зверхъ указного. 6) О накиданіи горѣлокъ. 7) О забраню порцій и рацій зъ маетностей своихъ, консистентамъ належнихъ, на дворовой свой обиходъ. 8) О забраню зъ маетностей своихъ на себе

Какъ видимъ, Марковичъ, пользуясь съ одной стороны полнымъ благорасположеніемъ гетмана, а съ другой стороны—умѣніемъ задобривать вліятельныхъ людей, могъ безнаказанно чинить всяческія насилія надъ своими полчанами. Тринадцать лѣтъ правилъ Марковичъ своимъ полкомъ, повидимому, не опасаясь надзора даже такихъ лицъ какъ Вельяминовъ, пока случайное обстоятельство не заставило Меншикова вспомнить о еврейскомъ происхожденіи Марковича и это обстоятельство лишило наконецъ послѣдняго продолжать тѣ насилія, къ которымъ, повидимому, Лубенскій полкъ сталъ было привыкать, нигдѣ не находя защиты...

Указъ верховнаго совѣта гласилъ о слѣдствіи и, повидимому, Марковичу приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что поставленный, осенью

четвертнихъ грошей. 9) О забраню въ маетность Маркевичеву Овдукулле зъ полку Лубенского, въ прошломъ 1720 г., провіантового борошна. 10) О забраню на себе церковнихъ покуховнихъ изъ скарбу войскового 539 р. денегъ. 11) О накиданю на козаковъ и посполитихъ людей ратушнихъ селъ—пряжива и другихъ вымысловъ. 12) О займаню гребель себѣ козаками и посполитими—всѣмъ полкомъ. 13) О порубцѣ чужихъ многихъ лѣсовъ. 14) О построеннихъ хуторахъ и млинахъ на чужихъ грунтахъ, насилно отнятихъ. 15) О накиданю воловъ своихъ купцамъ въ Gданскъ для продажи. 16) О запрещеніи полчанамъ продажи табаку поколби не продался его, Марковичемъ, табакъ. 17) О употребленіи сторожовъ поліовихъ къ приватнимъ своимъ посилкамъ. 18) Объ отправленіи въ Сулакъ, при своихъ запасахъ, козаковъ, которіи доселѣ не возвратилися. 19) О принужденіи во взятіи поступнихъ отъ мелниковъ писемъ на греблѣ Роменскую, Лубенскую и прочіе. 20) О употребленіи ремесниковъ къ приватной своей роботѣ безплатно. 21) О найманю почты для его приватнихъ посилокъ. 22) О взяткахъ великихъ имѣній у полчанъ. 23) О отнятю грунтовъ и о взяткахъ чрезъ Якова сина и слугъ его, Марковичевихъ, которіи въ небитность его въ полку и въ сотняхъ оставлени били на урядахъ. 24) О накладаню на маетности Марковичеви порцій и рацій съ потачкою и въ обидою людскою. 25) О посилцѣ къ Москвѣ для продажи своихъ овецъ въ пристави—козаковъ. 26) О завладѣніи неслушне въ городѣ Ромнѣ Засулля, фолварковъ Роменскихъ, по подступномъ чолобитю. 27) О неуплаченю денегъ покуховнихъ, собою забраннихъ. 28) О строеніи козаками, которіе определени били для роботи къ крѣпости Печерской, ему, Марковичу, коло двора своего провалля и на болотѣ ставу, которое тими жъ рѣзалъ козаками. 29) О строеніи въ людскихъ лѣсовъ стаень для воловъ корминихъ Марковичовихъ, которихъ доирали козаки. 30) О придаваню козаковъ до стадъ Марковичевихъ зъ оружемъ. 31) О стойцѣ по 5 человѣкъ козаковъ въ хуторахъ отправованной, которіе козаки доили и стригли овецъ Марковичовихъ. 32) О завладѣніи Яковомъ Марковичемъ въ сотнѣ Пирятинской неналежне селомъ Перервинцами по универсалу отца своего и о построеніи сотнѣ Лукомской на чужой землѣ козаками Горошинскими хутора и о осаженю слободи и опринужденіи козаковъ сотеннихъ себѣ оратъ». (*Арх. Генер. Канцелярія, по Черниг. описи № 3938*).



1727 г., новый гетманъ радъ былъ случаю отмстить сестрѣ Марковича, гетманшѣ Скоропадской, за отнятіе богатыхъ имѣній у зятя его Горленка[1]. Но Марковичи, и отецъ-полковникъ и старшій сынъ его Яковъ, были люди очень ловкіе... Два мѣсяца, осенью 1727 г., хлопотали они—съ какой бы стороны подойти къ Наумову и, наконецъ, повидимому, склонили министра на свою сторону. Въ дневникѣ Як. Марковича 18 ноября записано: «Сегодня у министра учинилось опредѣленіе—чолобитныхъ на родителя съ другихъ полковъ, кромѣ Лубенскаго, не принимать...» Слѣдуетъ думать, что въ этомъ снисхожденіи имѣло значеніе и случившееся за мѣсяцъ передъ тѣмъ паденіе Меншикова. Послѣ этого событія Марковичи рѣшили ѣхать въ Москву и лично тамъ хлопотать объ избавленіи отъ слѣдствія и суда... Болѣе года хлопотали Марковичи въ Москвѣ, поднося разнымъ вліятельнымъ лицамъ «червонцы въ письмахъ», и наконецъ въ мартѣ 1729 г. состоялось рѣшеніе иностранной коллегіи, въ которомъ относительно насилій Марковича было сказано: «О тягостяхъ полчанамъ, чинившихся въ работахъ и взяткахъ, буде оно было, а по сказкамъ старшинскимъ прежде запретительнаго указа[2], *того ради сіе оставляется*». Затѣмъ по шести пунктамъ (о взятыхъ церковныхъ деньгахъ, о купцахъ, гонявшихъ воловъ въ Данцигъ и проч.) найдено было нужнымъ собрать дополнительныя свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впослѣдствіи. По одному только обстоятельству Марковичъ и понесъ уронъ: рѣшено было отобрать отъ него Засулье, какъ «находившееся въ вѣдомствѣ Роменской городовой старшины». Въ дополненіе къ этому рѣшенію Марковичу дали еще и урядъ—генеральнаго подскарбія, связанный съ полученіемъ «ранговыхъ» маетностей. Освободившись отъ суда, Марковичи наконецъ покинули (въ маѣ 1727 г.) Москву. Между тѣмъ вѣсть о такомъ удачномъ для Марковича исходѣ суда дошла и до Малороссіи; несправедливость рѣшенія, по которому за свои насилія Марковичъ былъ не оправданъ, а просто отъ суда освобожденъ посредствомъ канцелярскихъ ухищреній, возбудила ужасное негодованіе у Лубенской старшины, которою руководилъ обозный Мартосъ, самъ натерпѣвшійся отъ Марковича едва-ли не больше всѣхъ. Негодовалъ

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г., I, 255.

[2]) Дневн. Як. Марковича, изд. Кіевск. Стар., II, 295. Подъ запретительнымъ указомъ здѣсь, повидимому, слѣдуетъ разумѣть, указъ 1722 г. объ учрежденіи Вельяминовской коллегіи.

и Апостолъ. Въ Малороссіи распространились слухи, что гетманъ похваляется собравши Лубенскій полкъ, встрѣтить Марковича на дорогѣ изъ Москвы въ Малороссію и—«не допуская до Глухова,—*уходить*» (т. е. убить). Вѣсть эта встрѣтила возвращающихся Марковичей, а въ Болховѣ ихъ настигъ нарочно посланный изъ дому слуга съ этимъ извѣстіемъ, при чемъ добавилъ, что кромѣ того «обозный Лубенск. Мартосъ, согласился съ значковыми того полку,—якимъ либо образомъ убить родителя», какъ записано въ Дневникѣ Як. Марковича (I, 303).—Всѣ эти похвалки кончились ничѣмъ и Андрей Марковичъ продолжалъ послѣ этого жить и наживаться до своей смерти въ 1747 г., при чемъ послѣдніе семь лѣтъ онъ прожилъ въ Гадяцкой своей слободѣ Погарщинѣ, послѣ отставки съ «чиномъ» генер. обозанаго[1]).

Преемникомъ Марковича по Лубенскому полковничеству былъ второй сынъ гетмана **Петръ Апостолъ**, извѣстный тѣмъ, что случайно получилъ такое образованіе, какого никто изъ современной ему старшины не имѣлъ. Случай заключался въ слѣдующемъ. По сообщенію Антоновскаго, одного изъ малорусскихъ историковъ к. XVIII в., Петръ Апостолъ въ молодости «взятъ былъ ко двору императорскому и находился при князѣ Меншиковѣ[2])». Другихъ подробностей при этомъ не сообщается, то ихъ можно почти безошибочно восполнить, зная обстоятельства жизни Апостола-гетмана. Повидимому, Петръ Апостолъ взятъ былъ въ Петербургъ въ качествѣ *заложника*, когда правительство заканчивая счеты по Мазепинскому дѣлу, нашло нужнымъ принять нѣкоторую осторожность и по отношенію къ Миргородскому полковнику Данилу Апостолу. Послѣдній, какъ извѣстно, принималъ горячее участіе въ мечтаніяхъ Мазепы и безъ раздумья пошелъ за послѣднимъ въ его шведскую авантюру, но шаткость послѣдней Апостолъ же и увидѣлъ едва ли не раньше другихъ своихъ собратовъ. Пошелъ Апостолъ за Мазепою изъ Батурина 21 октября, а чрезъ мѣсяцъ 21 ноября, онъ уже просилъ новоизбраннаго гетмана Скоропадскаго о предстательствѣ предъ царемъ за свой уходъ съ Мазепою, будто бы «усиловне» забравшимъ его съ собою, почему Апостолъ и не могъ де «противиться его измѣнѣ»[3]). Въ то же время Апостолъ и Мазепу

---

[1]) Перечень нажитыхъ имѣній и распредѣленіе ихъ между наслѣдниками Андрея Марковича см. Кіевск. Ст. 1884 г., № 1, «Марковичи».

[2]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., іюль—августъ, стр. 100 и слѣд.

[3]) Т. ж., 102.

убѣдилъ—отпустить его къ царю для переговоровъ о помилованіи согрѣшившихъ—и полковника и гетмана... Оставивъ при такихъ обстоятельствахъ Мазепу, Апостолъ повинился предъ царемъ въ своемъ будто бы невольномъ уходѣ къ шведамъ и затѣмъ ревностно служилъ царю полковничью службу до пораженія Карла XII подъ Полтавой. А когда шведы изъ Малороссіи были изгнаны и когда правительство стало судить Мазепиныхъ сторонниковъ, Апостолъ настолько уже былъ обѣленъ своей службой послѣ оставленія Мазепы, что у правительства неосталось осязательныхъ причинъ для привлеченія его къ суду и оно ограничилось лишь одною предосторожностью—взятіемъ полковничьяго сына въ заложники... Такъ объясняемъ мы извѣстіе Антоновскаго о взятіи Петра Апостола «ко двору монаршему» и о порученіи его въ надзоръ Меншикову. Долго ли оставался юный Апостолъ заложникомъ мы не знаемъ, но можно думать, что онъ провелъ при Меншиковѣ всю свою юность, потому что вернулся онъ въ Малороссію съ основательнымъ знаніемъ трехъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго, какъ это видно изъ сохранившагося его дневника[1]). Можно догадываться, что своимъ образованіемъ Петръ Апостолъ всецѣло обязанъ Меншикову, который воспитывая въ это время своего сына, приблизилъ къ послѣднему въ качествѣ товарища, для большей охоты этого сына къ ученію, юнаго заложника. Освобожденъ отъ заложничества Петръ Апостолъ могъ быть послѣ того, какъ въ к. 1723 г. былъ вызванъ въ Петербургъ его отецъ вмѣстѣ съ другою старшиною, замѣшанною въ дѣлѣ Полуботка.—Относительно этой старшины какъ извѣстно состоялось въ февралѣ 1725 г. рѣшеніе, по которому арестованная старшина была освобождена, при чемъ большинству ея назначено было жить въ Петербургѣ; къ этому большинству принадлежалъ и Миргородскій полковникъ Апостолъ. Семья его оставалась въ Малороссіи. Тамъ жилъ и Петръ Апостолъ, въ это время уже женатый. Между тѣмъ жившій въ Петербургѣ уже болѣе двухъ лѣтъ старый Апостолъ, соскучившись по родинѣ и семьѣ, началъ хлопотать у всесильнаго Меншикова о своемъ отпускѣ домой. Для большаго успѣха въ этихъ хлопотахъ старый Апостолъ выписалъ къ себѣ въ Петербургъ сына Петра, ко-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1894 г, ноябрь, стр. 301 и 1895 г., іюль – августъ, стр. 100—155.

торый, повидимому, долженъ былъ остаться въ столицѣ вмѣсто отца, когда послѣднему дозволенъ будетъ отъѣздъ на родину. Все это дѣлалось съ вѣдома и по разрѣшенію Меншикова. Сохранившійся за это время дневникъ Петра Апостола показываетъ, что онъ былъ своимъ человѣкомъ у временщика. Вѣроятно, это обстоятельство имѣло вліяніе и на успѣхъ въ хлопотахъ стараго Апостола о возвращеніи на родину, куда онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ маѣ 1726 г.

Удержанный въ Москвѣ, вмѣсто отца, Петръ Апостолъ оставался при «дворѣ» Меншикова до его паденія, а затѣмъ жилъ въ Петербургѣ. Въ январѣ 1728 г. онъ переѣхалъ въ Москву, куда черезъ мѣсяцъ прибылъ, къ готовившейся коронаціи, и его отецъ, незадолго передъ тѣмъ поставленный въ гетманы. Повидимому, въ это время и рѣшено было хлопотать у юнаго императора о назначеніи Петра Апостола Лубенскимъ полковникомъ. Намѣреніе исполнилось скоро и прочно, какъ видно изъ дневника Марковича, записавшаго, что 7 апрѣля государь обѣдалъ у гетмана, гдѣ пожаловалъ сына гетманскаго Петра Апостола въ полковники Лубенскіе, «къ чому заговаривалъ нѣкоторій камеръ-юнкеръ Алепли, бывшій въ кухмистрахъ при покойномъ господару Волоскомъ» [1]) (II, 209, 221). Однакожъ и послѣ этого назначенія правительство не нашло возможнымъ отпустить Петра Апостола въ Малороссію и онъ оставался въ Петербургѣ до лѣта 1730 г., когда, уже въ царствованіе императрицы Анны, ему позволено было наконецъ уѣхать въ Малороссію и вступить въ управленіе Лубенскимъ полкомъ.

Женатъ былъ Петръ Апостолъ на смолянкѣ Храповицкой, которую высватали ему конечно тоже смоляне Корсаки, на одной изъ которыхъ женатъ былъ старшій сынъ гетмана Иванъ. Семнадцать лѣтъ правилъ Петръ Апостолъ Лубенскимъ полкомъ и за все это время мы не встрѣтили *ни одной на него жалобы* въ томъ множествѣ Малорусскихъ архивныхъ бумагъ, которыя намъ пришлось пересмотрѣть десятками лѣтъ. Слѣдуетъ полагать, что это не одна случайность и что А-лъ по личному своему характеру былъ нестяжателенъ и довольствовался тѣмъ, что отецъ ему оставилъ, владѣя кромѣ того еще и ранговыми маетностями. Личность А-ла извѣстна намъ только по его дневнику.

---

[1]) Объ этомъ Алепли, землякѣ Апостоловъ по Молдавіи, см. въ Дневникѣ Петра Апостола. К. Ст. 1895 г., № 7—8.

писанному слишкомъ отрывочно и дающему матеріалъ лишь для знакомства съ степенью его образованности; сохранилось еще одно его письмо, писанное въ 1743 г. къ Якову Марковичу, указывающее, что и живя въ Малороссіи А-лъ не покидалъ *чтенія*, при чемъ читалъ какъ книги тогдашней обиходной литературы, такъ и газеты съ журналами [1]). Извѣстно, что А-лъ продолжалъ веденіе своего дневника и во время своего полковничества, но къ сожалѣнію памятникъ этотъ до сихъ поръ не только не изданъ, но и не описанъ [2]). Смѣщенъ былъ А-лъ съ полковничества, когда это мѣсто было выпрошено у императрицы, въ 1757 г., Петербургскимъ архіепископомъ Сильвестромъ Кулябкою для своего брата Ивана, сына родной сестры Петра А-ла, Анны Даниловны. А-лъ былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ бригадира и, какъ кажется, скоро затѣмъ и умеръ, успѣвъ впрочемъ женить единственнаго своего сына Данила на гетманской племянницѣ Маринѣ Будлянской. Кромѣ сына, у Петра А-ла было двѣ дочери, Софья и Елена, обѣ вышедшія замужъ за великороссіянъ, первая— за кн. Петра Долгорукова, а вторая—за Матвѣя Артамоновича Муравьева. Послѣдній, не получивъ согласія А-ла на бракъ съ его дочерью, тайно повѣнчался съ ней, за что этой своей дочери А-лъ не далъ приданаго [3]). Внукомъ Петра Михайломъ Даниловичемъ закончилось мужское поколѣніе Апостоловъ. Имѣнія его (м. Хомутецъ и с. Поповка съ слоб. Клюшниковою, въ которыхъ по ревизіи 1782 г. было болѣе 8000 крест. об. п.) перешли къ Муравьевымъ [4]).

Отъ Петра Апостола полковничій урядъ перешелъ къ тогдашнему обозному, которымъ былъ **Иванъ Петровичъ Кулябка**, родной братъ Петербургскаго архіепископа Сильвестра.

Кулябки были стародавніе Лубенцы; въ пол. XVII в. одинъ изъ нихъ былъ Лубенскимъ протопопомъ, а другой—Лубенскимъ «арен-

---

[1]) См. письмо А-ла къ Марковичу, Украинск. Журн. 1824 г. № 21, стр. 184.

[2]) Хранится этотъ дневникъ, говорятъ, у Лубенскихъ Алексѣевыхъ, происходящихъ по женской линіи отъ Апостоловъ.

[3]) Русск. Стар. 1873 г., 107. Братья Муравьевы-декабристы были родные внуки Елены Петровны Апостолъ.

[4]) Одинъ изъ Муравьевыхъ-декабристовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, что внукъ Петра А-ла—Михайло Даниловичъ, «какъ-бы въ вознагражденіе за то, что бабка его (Елена Петровна) лишена была приданаго отцомъ своимъ, исходатайствовалъ у государя, въ 1800 г., вмѣстѣ съ фамиліей «Апостолъ», родовое свое имѣніе двоюродному брату своему Ивану Матвѣевичу», (т. е. сыну Матвѣя Арт[illegible]вича). Русск. Стар. 1873 г., 654.

даремъ», т. е. откупщикомъ продажи вина, табаку... «Арендарь» Кулябка былъ настолько видный «мѣщанинъ» въ Лубнахъ, что могъ сыну высватать дочь будущаго гетмана, а въ то время Миргородскаго полковника Апостола, человѣка и богатаго, и родовитаго. Вотъ у этого Петра Кулябки, впослѣдствіи гетманскаго зятя, было три сына Петръ, Семенъ и Иванъ; средній Семенъ, послѣ ученія въ Кіевской академіи и съ согласія отца и дѣда Апостола, пошелъ въ монахи и, благодаря своей родовитости и способностямъ, выдвинулся въ число замѣтныхъ черноризцевъ, былъ ректоромъ Кіевской академіи, а затѣмъ сталъ и Петербургскимъ архіепископомъ. Старшій Петръ и младшій Иванъ служили въ «Войскѣ» и послѣдовательно одинъ за другимъ занимали урядъ полковаго Лубенскаго сотника. Иванъ Петровичъ видимо тоже учился въ Кіевской академіи, такъ какъ былъ человѣкъ книжный; пользуясь протекціей брата-архіерея, онъ изъ сотниковъ сталъ сначала полковымъ обознымъ, а потомъ и Лубенскимъ полковникомъ. Въ 1730 г. Иванъ К-ка женился на внучкѣ Барышевскаго протопопа Григорія Максимовича и получилъ въ приданое въ Переяславскомъ полку с. Ерковцы, на которое выпросилъ у гетмана-дѣда и универсалъ, — «яко въ приданое ему за женою доставшееся». Получивъ обозничество, К-ка получилъ прибавку и къ маетностямъ, какъ видно изъ универсала Разумовскаго: «обозный полковой К-ка, представляя о своихъ службахъ и яко чрезъ оныя остался въ скудости и въ содержаніи дому своего, а найпаче въ снабдѣніи дѣтей своихъ, изъ которыхъ три сына отправлены отъ него въ 1750 г. въ иностранныя училища и находятся въ Виттенбергѣ, а три меньшіе въ Кіевѣ латинскаго и нѣмецкаго языка обучаются, да еще два меньшихъ его сына поспѣваютъ также къ обученію, имѣетъ недостатокъ, просилъ о пожалованіи ему изъ свободныхъ войсковыхъ деревень до 50-ти дворовъ; и мы, гетманъ, опредѣляемъ ему, Ив. К-кѣ, въ вѣчное владѣніе, изъ свободныхъ войсковыхъ маетностей въ полку Лубенскомъ, въ сотняхъ Лукомской, с. Березняки, да въ полковой — сс. Засулье, Высш. Булатецъ и Губское». Полковничій урядъ К-ка получилъ по особому предстательству брата его Сильвестра, Петербургскаго архіепископа[1]), такъ какъ назначеніе это состоялось по именному указу

[1]) «Объ архіереи (Силивестрѣ Кулябкѣ) въ Петербургѣ нуждѣ не просятъ Бога,— [illegible] молитъ за его (т. е. за Сильвестра К-ку) умолитъ (Бога), что намъ такого

императрицы: «Пожаловали мы, сказано въ указѣ, въ полковники въ Лубенскій полкъ обозн. полк. Ивана К-ку, съ принадлежащими на тотъ рангъ деревнями и другими угодьями, а полковника Петра Апостола, за его долговременную и вѣрную службу, изъ особливой нашей монаршей милости жалуемъ въ бригадиры и за старостью отъ всѣхъ службъ отставить».

Современникъ называетъ Ивана К-ку «вертопрахомъ» и «вѣтрогономъ» [1]). Правда, этотъ современникъ былъ подначальнымъ К-ки и, кромѣ того, скромностью въ выраженіяхъ не стѣснялся, но тѣмъ не менѣе это былъ голосъ изъ тогдашняго общества который поэтому и нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ Кулябки. Слѣдуетъ только объяснить—въ какомъ отношеніи К-ка могъ заслужить названіе легкомысленнаго человѣка. Для этого у насъ имѣются нѣкорые факты и при томъ очень интересные, особенно для знакомства съ общественнымъ Малорусскимъ бытомъ полов. XVIII в.—Черезъ годъ послѣ своего назначенія полковникомъ, К-ка написалъ гетману (въ октябрѣ 1758 г.) слѣдующую любопытную бумагу: «изъ многихъ сотенъ моего полка сотники съ сотенною старшиною доносятъ мнѣ, что ощущается большой недостатокъ при замѣщеніи тѣхъ сотенныхъ урядовъ, на которые почти необходимо требуются грамотные люди, напр. сотенные комисары [2]), вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ сотняхъ не только есауловъ и хоружихъ нельзя найти грамотныхъ, но даже и на должности сотенныхъ атамановъ не находится таковыхъ; поэтому и бываетъ, что при назначеніи въ походы опредѣляются сотенными командирами люди неграмотные, а такіе командиры не только «козаковъ исправить, но и самихъ себя исправными оказать не могутъ, вѣжести къ тому не имѣя». И за этихъ командировъ полковой канцеляріи приходится терпѣть «поношенія и укоризны». Вслѣдствіе сихъ обстоятельствъ и изыскивая улучшенія въ службѣ, «разсудилъ» я въ своемъ полку переписать всѣхъ дѣтей-мальчиковъ «выборныхъ» козаковъ и болѣе состоятельныхъ изъ «подпомощниковъ» [3]), возраста отъ 12 до 15 лѣтъ

полководца сходатайствовалъ», пишетъ одинъ Лубенскій полчанинъ въ янв. 1759 г. Частн. Переп. Г. А. Полетики, (Кіевъ. 1895), стр. 108. См. также ниже—втор. полк. сотня, *с. Засулье*.

[1]) Тамъ же. стр. 102—103.

[2]) Сотенные комисары главнымъ образомъ собирали «консистенскія дачи», т. е. провіантъ для квартировавшаго въ Малороссіи Великорусскаго войска.

[3]) О раздѣленіи козаковъ на *выборныхъ* и *подпомощниковъ* см. Кіевск. Ст. 1896 г. № 6, стр. 86.

и затѣмъ выбравъ изъ нихъ «способнѣйшихъ къ наукѣ», «отдать ихъ въ школы своихъ же приходовъ, для изобученія ихъ грамотѣ». Выучившіеся изъ этихъ мальчиковъ будутъ годны для опредѣленія ихъ въ сотенныя правленія и въ полковую канцелярію, къ сотеннымъ дѣламъ; а затѣмъ изъ нихъ же можно будетъ наставлять атамановъ, писарей, есауловъ и хоружихъ сотенныхъ. А тогда и въ комисарахъ сотенныхъ недостатка не будетъ, и будетъ кого наряжать въ походы за сотенныхъ старшинъ. Тѣхъ же мальчиковъ, которые окажутся неспособными къ обученію грамотѣ или же окажутся «въ лѣтахъ перерослыми», тѣхъ слѣдуетъ «заобыкать экзерциціями» какъ къ военной и артилерійской такъ и къ другой войсковой службѣ, и если эти занятія покажутся мальчикамъ сначала и трудными, то за то, когда прійдутъ они въ возрастъ, то почувствуютъ всю для себя пользу отъ этихъ занятій. При этомъ тѣхъ изъ мальчиковъ, которые «экзерцитоваться будутъ въ принадлежащемъ къ войсковой службѣ порядкѣ», слѣдуетъ поручить надзору сотенныхъ старшинъ и другихъ урядниковъ изъ козаковъ, назначивъ каждому изъ нихъ по 24 мальчика. И сколько будетъ выбрано козачьихъ дѣтей въ школьную и особо въ военную «экзерцицію», о томъ, послѣ утвержденія вашею ясневельможностью сего предположенія, мною будетъ представлена вѣдомость, какъ равно буду я «репортовать» и объ успѣхѣ моего «проэкта», надъ приведеніемъ котораго въ «добрый порядокъ» я буду лично стараться. Нынѣ же представляя о семъ вашей ясн-ти, испрашиваю въ «резолюцію ордера», такъ какъ самъ не рѣшаюсь привести въ исполненіе своего «постановленія», опасаясь «бываемаго въ простомъ народѣ легкомысленнаго пустословія и нареканія—когда что либо вводится, чего прежде не бывало».

«Проектъ» Кулябки гетманъ или его совѣтники настолько одобрили, что рекомендовали и всѣмъ остальнымъ полковникамъ по возможности сдѣлать то же самое, добавляя, что «дабы изъ такова учрежденія ожидаемой могъ быть успѣхъ, сего надлежить въ селахъ смотрѣть атаманамъ, а надъ оными сотникамъ и сотеннымъ старшинамъ, а надъ всѣми ими—гг. полковникамъ и полковой старшинѣ, *имѣя сіе всегда в незабвеніи*». Не знаемъ что̀ сдѣлано было по этому распоряженію другими полковниками, но К-ка ревностно принялся за осуществленіе своего проекта. Въ маѣ 1760 г. онъ писалъ гетману: «*еще до полученія апробаціи* на мое представленіе, мною было предложено во

всѣ сотни Лубенскаго полка выбрать «понятнѣйшихъ къ изобученію грамоты» мальчиковъ возраста отъ 12 до 15 лѣтъ и отдать ихъ въ школы. Поэтому распоряженію получено было мною донесеніе отъ 13-ти сотниковъ, что ими выбрано и отдано въ школы до 1300 мальчиковъ, а отъ 5-ти, что мальчики еще выбираются. Обучаться же тѣ дѣти, «по мнѣнію моему» должны такимъ порядкомъ: 1) ученіе должно начинаться съ букварей и «часловцовъ», а «какъ распознають литеры и слоги гораздъ, то чтобъ ученикамъ недокучно было надъ книжками сидѣть», слѣдуетъ: до обѣда обучать грамотѣ, а послѣ обѣда—«навыкать помалу» писать. 2) Въ тоже время слѣдуетъ искать людей, умѣющихъ хотя отчасти «счисленіе на бумагѣ» и опредѣлить ихъ къ ученикамъ, чтобы хотя немного обучить ихъ тому «счисленію». 3) Велѣть ученикамъ по воскресеньямъ и праздникамъ ходить въ церковь и учиться тамъ пѣнію, при чемъ слѣдуетъ «примѣчать» тѣхъ, которые будутъ имѣть лучшіе голоса, чтобы изъ нихъ выбирать въ пѣвчіе къ царскому двору или «къ дому» вашей ясн-ти. 4) Непонятливыхъ къ ученію приказать атаманамъ собирать по воскресеньямъ и по праздникамъ въ одно мѣсто и обучать воинской и артиллерійской экзерциціи, а какой именно — сначала нужно научить этихъ самихъ атамановъ здѣсь (т. е. въ Лубнахъ), подъ личнымъ моимъ смотрѣніемъ и затѣмъ разослать ихъ по сотнямъ, чтобы такъ обучали и дѣтей, «и какъ нѣсколько обучатъ, то тѣ и другихъ будутъ обучать, и такъ всегда одни другихъ имѣютъ экзерцѣтовать». 5) Такъ какъ при такихъ экзерциціяхъ дѣти ружьями дѣйствовать не могутъ, то по ихъ малолѣтству и употреблять его имъ не слѣдуетъ, чтобы не причинили другъ другу какого вреда, то нужно подѣлать имъ деревяныя сабли и «ратища» съ нашитыми «на концѣ вомѣсто копіовъ волнянними (изъ шерсти) булавками», и «деревка» вмѣсто ружья, подобно какъ это дѣлается для обученія дѣтей гарнизонныхъ солдатъ. 6) Исполненіе распоряженія объ обученіи однихъ дѣтей грамотѣ, а другихъ— «экзерциціямъ», возложить въ селахъ—на атамановъ, сотниковъ и сотенную старшину, при чемъ объ успѣхѣ въ занятіяхъ атамановъ должны доносить сотникамъ, а сотники въ полковую канцелярію. Такимъ образомъ дѣти исподоволь обучатся «воинскимъ экзерциціямъ» и когда прійдетъ время вступить имъ въ дѣйствительную службу, тогда ясно видно будетъ преимущество обученныхъ передъ необученными и первые въ военныхъ дѣйствіяхъ будутъ и болѣе исправными и болѣе «вѣжливыми»,

а отъ того получится похвала не только «отечеству Малороссійскому но устранятся отъ комендующихъ генералитетовъ на Малороссійскихъ козаковъ нареканія и бываемыя къ высшимъ командамъ о негодности козачьей представленія....» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что возбужденный К-кою вопросъ объ обученіи козачьихъ дѣтей грамотѣ и военнымъ «экзерциціямъ» былъ однимъ изъ насущныхъ вопросовъ для «Малороссійскаго отечества» пол. XVIII в., такъ какъ только подобными мѣрами можно было сколько нибудь оживить тогдашнее угнетенное положеніе народа, отъ котораго старшина требовала не исправности въ исполненіи общественныхъ обязанностей, а только себѣ подачекъ... Грамотность народа и его подготовка къ военной службѣ въ разсчеты старшины входить не могла. Въ виду этихъ обстоятельствъ предложенный К-кою «проектъ» даетъ ему право на память въ исторіи его родины [2]). Это былъ человѣкъ образованный и цѣнившій плоды образованія. Этимъ объясняется и забота К-ки объ образованіи своихъ сыновей, для которыхъ Кіевскую академію онъ не считалъ конечною цѣлью ученія, а искалъ высшаго образованія въ заграничныхъ университетахъ.

Образованіе К-ки не ограничивалось, по тогдашнему времени, знакомствомъ съ богословскою и лѣтописною литературою; какъ видно, онъ былъ настолько образованъ, что ему знакома была литература, напр., описанія и украшенія садовъ...

---

[1]) Въ 1736 г. Минихъ писалъ въ Спб., что изъ 12730 Малороссійскихъ козаковъ, выступившихъ въ Крымскій походъ, половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ, при чемъ они «отчасти плохолюдны, отчасти худоконны» и большую часть ихъ, говоритъ Минихъ, мы принуждены возить съ собою *какъ нищей, которыя напрасно только хлѣбъ ядятъ...»* Соловьевъ, XX, 98.

[2]) Пока К-ка оставался полковникомъ онъ, какъ видно, не охладѣвалъ къ возбужденному имъ вопросу, что можно видѣть изъ двухъ вѣдомостей, представленныхъ имъ гетману. Въ первой вѣдомости, составленной 8 ноября 1760 г., на основаніи «репортовъ» сотенной старшины, обозначено число учащихся по сотнямъ грамотѣ: всѣхъ числомъ—1624, при чемъ наибольшее число учащихся показано въ сотняхъ: Хмѣловской (216), Смѣлянской (174), Роменской (134), Лохвицкой (128), Чорнусской (123) и наименьше: въ Городисской (21), Глинской и Жовнинской (по 56), Горошинской (61) и т. д. Во второй вѣдомости, составленной черезъ два года послѣ первой (дек. 1762 г.), показано общее количество въ полку «обучающихся письменой грамотѣ козачьихъ дѣтей и какое число уже прошли ученіе». Въ вѣдомости значится восемь рубрикъ: «грамотниковъ»—545, «часловниковъ»—384, «псалтырниковъ»—390, «октоишниковъ»—24, «ирмолойниковъ»—2, «читать обучающихся»—375, «листовъ (?) обучающихся»—5 и «обучившихся»—61.

Въ 1760 г. Разумовскій задумалъ устроить себѣ гдѣ нибудь въ Малороссіи *собственное* жилье, такъ какъ Батуринъ, гдѣ онъ жилъ, былъ имѣніемъ только *гетманскимъ*, т. е. принадлежавшимъ не Разумовскому, а его рангу. Для устройства собственнаго «дворца», т. е. усадьбы, Разумовскій выбралъ въ Переяславскомъ полку м. Яготинъ, красиво расположенный по берегу Супоя. Яготинъ, т. е. крестьянская его часть, принадлежалъ въ это время Вас. Танскому, у котораго гетманъ и купилъ это облюбованное имъ мѣсто. Рѣшивъ устроить себѣ здѣсь «дворецъ», Разумовскій тогда же озаботился и разведеніемъ около «дворца» сада. Интересно, что устройство сада поручено было гетманомъ не какому нибудь *нѣмцу*, съ которыми онъ былъ достаточно знакомъ [1]), а Лубенскому полковнику Кулябкѣ... Правда, какъ разъ въ это время на Кулябку возложено было производство «слѣдствія о свободныхъ въ полку Переяславскомъ степахъ», но конечно не этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить порученіе К-кѣ объ устройствѣ Яготинскаго сада, а спеціальными его по этому предмету свѣдѣніями... Приводимъ здѣсь три отрывка изъ переписки о заведеніи этого сада.

Въ іюлѣ 1761 г. Кулябка доносилъ Разумовскому: «Имѣю я отъ в. ясн-ти приказъ, чтобъ, зъ войсков. тов. Карпѣкою, при новозаводячемся здѣсь, въ Яготинѣ, окопѣ, насадить дички и плодородніе дерева, такожъ шолковицѣ, а какимъ оное учинить порядкомъ, на то имѣю я въ себе печатніе книги, которие присемъ къ високому в. ясн-ти благоразсмотрѣнію посилаю. А особливо намѣреваю я при томъ же окопѣ, посерединѣ оного ворота, а по сторонамъ неболшіе фортки подѣлать, о якихъ тожъ особенную книгу при семъ посилаю. Покорнѣйше прошу в. ясн-ти по разсмотрѣніи онихъ книгъ, какимъ порядкомъ показанние дички и плодородніе дерева, а особливо шелковицѣ насадить и ворота съ фортками подѣлать, такожъ какое мѣсто на цвѣтники оставить, о всемъ томъ приказать отмѣтку учинить и ко мнѣ предложить, съ обратною присилкою книгъ, не оставить...» На это обращеніе отвѣчалъ, по порученію гетмана, тогдашній генер. писарь В. Г. Туманскій: «На представленіе ваше о Яготинскомъ саду его с-во графъ ясн-ый гетманъ и кав. соизволилъ мнѣ приказать къ вамъ отписать зъ тѣмъ, что въ ономъ саду разсаживать дички и плодород-

---

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, II, 301.

ніе дерева и шолковицѣ по своему разсмотрѣнію приказалибъ, толко прямими и широкими линеями, а какъ оному саду впредь быть,—о томъ можетъ учиненъ быть планъ повремени, и дерева въ томъ саду сей осени насаженніе, когда прійдется, и послѣ въ своихъ мѣстахъ разсажени быть могутъ. Для цвѣтниковъ мѣста оставлять ненадобно«.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ к. іюля того же 1761 г., К-ка пишетъ къ Туманскому: «при семъ особо прошу его с-ству доложить, что пущено мною въ здѣшній Яготинскій островъ живихъ кроликовъ паръ до 80-ти.... Прошу и сіе доложить, что я для лучшого украшенія и проспекту зачалъ отдѣловать по угламъ (сада) батареи, съ которихъ весма проспектъ виденъ будетъ во всѣ сторони, а особливо на рѣку...» Кромѣ заведенія сада, К-кѣ же было поручено и устройство, около Яготина, чрезъ Супой, «на главномъ трактѣ», плотины.—Какъ видно, онъ пользовался репутаціей искусника, могшаго замѣнять техниковъ.

Въ семейной своей жизни К-ка терпѣлъ неудачи; одною изъ причинъ послѣднихъ, можетъ быть, и было то легкомысліе, въ которомъ его обвиняли современники. Потерявъ первую свою жену, К-ка задумалъ жениться на вдовѣ Лохвицкаго сотника Коченовскаго; послѣдняя было и согласилась на этотъ бракъ, но въ назначенный срокъ для вѣнчанья — уѣхала къ своему дѣверу и тамъ обвѣнчалась съ другимъ. Степанъ Полетика такъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ, въ письмѣ къ брату Григорію Андреевичу: «не пропущаю за куріозъ донесть, что *его шатость* [1]) засваталъ былъ умершого Лохвицкого сотника Коченовского жену за себя и сего генваря 14 дня (1759 г.), великолѣпною и 16-тилѣтъ птиметру приличною церемоніей и щеголствомъ, пріѣхалъ былъ для полученія своего желанія въ Лохвицу, гдѣ въ еи домѣ, въ избахъ, приборъ засталъ, еи-же не получилъ, которая уѣхавши къ дѣверу своему маіору Коченовскому, въ Парафѣевку, повѣнчалась съ компанейскимъ полковникомъ Игнатіемъ Чеснокомъ. Его же шатость съ превеликимъ стыдомъ и его спутники въ Лубны возвратились» [2])... Вѣроятно этимъ бракомъ К-ка хотѣлъ поправить имущественныя дѣла, которыя были очень разстроены и какъ кажется, главнымъ образомъ отъ мотовства его старшихъ сыно-

---

[1]) Такой титулъ даетъ Полетика К-кѣ, намекая на его легкомысліе, такъ какъ шатость значитъ—непостоянство, шатаніе.

[2]) Частн. Переписка Гр. Андр. Полетики, изд. К. Стар., стр. 103.

вей. Въ одной его бумагѣ, писанной въ 1762 г., читаемъ: «всѣмъ извѣстно есть, что я по причинѣ трехъ сыновъ моихъ Ивана, Григорія и Данила, въ иностранныхъ государствахъ для пользы отечества и чести фамиліи находившихся, по ихъ самовольству, въ долги такіе пришелъ, что не только оныхъ материнскія недвижимія имѣнія въ полку Переяславскомъ имѣючіяся, съ согласія покойной оныхъ же матки, а моей первой жены, на уплатку спродать мусилъ (долженъ былъ), но и за возвращеніемъ уже въ отечество, когда въ службу отданы, не мало долговъ своимъ легкомысленнымъ самовольствомъ и другими случаями прибавили, для которыхъ уплатку принужденъ и собственные мои дѣдизные и отческіе грунта продавать»... Очень можетъ быть, что разстройство экономическихъ дѣлъ заставляло К-ку грѣшить наравнѣ съ остальною старшиною, захватывая и присвоивая земли своихъ полчанъ по одному праву сильнаго.—Ниже мы увидимъ (с. Засулье—полк. сотни), что Лубенцы публично обвиняли К-ку за захватъ принадлежавшихъ г. Лубнамъ земель; затѣмъ жалуются и козаки с. Шершневки (см. ниже), что полковникъ ихъ К-ка поотнималъ у нихъ ихъ земли «издревле козачія»... Однимъ словомъ мы видимъ, что К-ка не былъ свободенъ отъ тѣхъ грѣховъ, которыми грѣшна была чуть не поголовно вся современная ему старшина. Уже при Румянцовѣ, Кулябку на полковничествѣ смѣнилъ **Степанъ Петровичъ Максимовичъ**—сынъ Снѣтинскаго сотника, о которомъ будетъ говорено ниже. О Максимовичѣ мы знаемъ лишь то, что онъ учился въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, служилъ затѣмъ въ военной службѣ и поставленъ былъ на Лубенское полковничество, конечно, распоряженіемъ Румянцова. Въ турецкую войну М-чъ настолько отличился, что получилъ орденъ Георгія третьей степени. М-чемъ Лубенское полковничество и закончилось.

Переходя къ остальной полковой старшинѣ, перечисляемъ ряды лицъ, занимавшихъ каждый урядъ отдѣльно.

Обозные. Леценко Устимъ (1660). Кириловъ Савва (1672—675). Стеблювецъ Иванъ (1676). Цюпченко Павелъ Яковлевичъ (1677). Чернявскій Григорій (?) (1683). Яковлевъ Андрей (1681—684). Сохацкій Иванъ (въ 80-хъ гг.), зять полковника Илляшенка. Глуховецъ Дмитрій (1688 — 699). Заборовскій Иванъ Тимофеевичъ (1705 - 709). Мартосъ Павелъ Васильевичъ (1714—737). Кулябка Иванъ Петровичъ (1737—757). Марковичъ Иванъ Андреевичъ (1758—760). Кулябка Василій Григорьевичъ (1762). Петровскій Филиппъ (1764—765). Шостакъ Андрей (1776—777). Кулябка Павелъ Ивановичъ (1774—779).

Почти всѣ эти лица поставлены были обозными изъ низшей полковой старшины и никакой памяти о себѣ не оставили, если не владѣли маетностями или не занимали вліятельныхъ сотничьихъ урядовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ о нихъ будемъ говорить ниже. Нѣкоторые изъ названныхъ обозныхъ получили свои уряды благодаря протекціи вліятельныхъ родичей, иногда не занимая передъ тѣмъ никакихъ урядовъ. Такъ, напр., обозный Сохацкій, не занимая никакого уряда, поставленъ былъ сразу обознымъ, конечно благодаря лишь тому обстоятельству, что былъ женатъ на дочери полковника Илляшенка. Также точно по протекціи родичей, безъ постепенности въ службѣ, получили урядъ обозничества—Иванъ Марковичъ и Кулябка.

Судьи. **Ворона Петръ** (1660). **Свѣчка Леонтій Назаровичъ** (1672). **Стеблевецъ Иванъ** (1677). **Яковлевъ Андрей** (1682—691). **Панкевичъ Матьяшъ** (1682—686). **Кичкаровскій Леонтій** (1690—712). **Мартосъ Мартынъ Васильевичъ** (1699—705). **Троцкій Максимъ** (1710—719). **Жуковскій Андрей Михайловичъ** (1719). **Максимовичъ Семенъ** (1734). **Павловскій Андрей** (1750). **Стефановичъ Василій** (1751—773). **Луньяновичъ Петръ** (1774). **Ковалевскій Григорій** (1774—779).

Изъ этихъ лицъ обращаетъ на себя вниманіе Панкевичъ, который при Брюховецкомъ былъ Ирклѣевскимъ полковникомъ; затѣмъ, по доносу Брюховецкаго же, сосланъ былъ, въ числѣ другихъ, въ Сибирь, откуда возвращенъ, по предстательству Многогрѣшнаго, въ 1670 г. [1]) Какъ попалъ Панкевичъ въ Лубенскіе судьи, будучи, повидимому, человѣкомъ для полка чужимъ—свѣдѣній нѣтъ.

Писари. **Тризна Фома** (1672). **Билимъ Федоръ Васильевичъ** (1672—687). **Теодоровичъ Яковъ** (ок. 1680). **Кичкаровскій Леонтій** (1688—690). **Троцкій Максимъ** (1698—704). **Кулябка Григорій Федоровичъ** (1710). **Степанъ Савицкій** (1716—729). **Шкляревичъ Афанасій** (1744—750). **Дергай** (?) **Федоръ** (1753). **Стефановъ Андрей** (1752—758). **Столповскій Семенъ** (ок. 1760). **Корнѣевичъ Яковъ** (1762—767). **Ковалевскій Григорій** (1768—773). **Луньяновичъ Петръ** (1773—775). **Кондратковскій Василій** (1774—779).

Въ числѣ старшины, сосланной въ Сибирь по доносу Брюховецкаго былъ и Фома Тризна. По ходатайству Многогрѣшнаго, онъ былъ оттуда возвращенъ въ 1670 г., при чемъ въ спискѣ возвращенныхъ «неволниковъ» Тризна показанъ—Переяславскимъ писаремъ [2]),

---

[1]) Акты Ю. З. Россіи, VIII, 54 и IX, 240.

[2]) Т. ж. и Дополн. къ акт. историч., VI, 75.

но кажется это ошибка; повидимому, и до ссылки онъ былъ Лубенскимъ писаремъ [1]).

Есаулы. **Михайловичъ Янушъ (1667). Лещенко Яковъ (1672). Бурый Никита (1672). Севрюкъ Григорій (1676). Свѣчка Леонтій (1683—688). Додука Григорій (1688). Таволга Григорій Никифоровичъ (1688—707). Христичъ Яковъ (1688, 1691—695). Савичъ Василій (1699—700). Петровскій Андрей (1709—712). Яковлевичъ Иванъ (1719). Павловъ Иванъ (1722—729 [2]). Остаповичъ Семенъ (1722—726). Троцкій Петръ Максимовичъ (1731). Корсунъ Степанъ (1732—739). Рвачевскій Родіонъ (1746—767). Прима Семенъ (1749—750). Максимовичъ Якимъ Семеновичъ (1767). Ильченко Андрей (1769). Григоровичъ Өедоръ (1773). Криштофовичъ Михайло (1779). Манжосъ Иванъ (1779).**

Хоружіе. **Гадученко (Гадучицкій) Матвѣй (1672). Сѣмашко Власъ (1688—691). Вареница Григорій (1693). Ярмоленко Григорій (1699). Ярмоленко Өедоръ (1698—703). Кривокобыльскій Степанъ (1715). Корсунъ Степанъ (1716—720). Слюзъ Семенъ (1732). Столповскій Семенъ (1738). Рвачевскій Родіонъ (1739—746). Жуковскій Иванъ (1746—753). Манжосъ Григорій (1738—749). Максимовичъ Өедоръ (1752—755). Огроновичъ Павелъ (1759). Лукьяновичъ Петръ (1763—765). Хильчевскій Өедоръ (1767). Скаржинскій Иванъ Михайловичъ (1773).**

Изъ приведеннаго перечня, между прочимъ, видно, что въ Лубенскомъ полку, при Румянцовѣ, какъ обозныхъ, такъ и судей и

---

[1]) Такъ слѣдуетъ думать на основаніи слѣдующаго универсала Самойловича: «.... поневажъ Плисъ набожчикъ, житель Лубенскій, запомнѣвши такъ боязни божой, яко и права на виступнихъ сурово описанного, всѣ добра (имѣнія) п. Өоми Тризни, писара Лубенского, ажъ до и наименшой рѣчи, зъ подручними себѣ, зрабовалъ (разграбилъ) и зрабовавши въ пожиткованье своеволной купѣ помененіе добра позволилъ разобрати, где за внесенемъ до насъ плачливоѣ п. Өоми Тризни прозби для подисканя правнимъ поступкомъ добръ своѣхъ, зацнихъ особъ въ Лубнѣ на тую справу депутовалисмо, т. е. п. Самойла Завацкого и п. Андрея Василіевича, писара судейского, которіѣ то, ведлугъ артикуловъ правнихъ послѣдуючи святой справедливости, въ нагороду зрабованихъ презъ помененного Плиса всѣхъ добръ до щенту п. Өоми Тризни правнимъ поступкомъ всѣ кгрунта Плисовские въ Лубняхъ лежачие и рухомие речи (движимость), тактежъ дворъ зо всѣми будинками и зъ лисами и синожатми, озерами, ѣзами, зъ полями и садами, такъ по той сторонѣ Сули рѣки, яко и по сей сторонѣ будучими, п. Өомѣ Тризнѣ въ вѣчную поссесию... присудили и подали. Прето и ми охотне таковому суду и праву стосуючися, всѣ вишъпомененіе добра Плисовскіе декретомъ правнимъ п. Өомѣ Тризнѣ... повагою власти нашее умоцняемо (утверждаемъ)...» (*Съ подлинника, писаннаго въ Батуринѣ 1672 г., 22 іюля*).

[2]) Иванъ Павловъ владѣя с. Гонцами, звался также и *Гонцевскимъ*. Вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по уряду—Корсуномъ, онъ былъ убитъ въ 1739 г., въ Крымскомъ походѣ.

писарей—бывало иногда по два одновременно, при чемъ эти урядники вмѣстѣ подписывали и дѣловыя бумаги, какъ это встрѣтилось относительно обозныхъ Шостака и Павла Кулябки и писарей—Лукьяновича и Кондратковскаго. Подвое судей вмѣстѣ—тоже встрѣчаемъ въ этомъ полку, какъ въ XVII в., такъ, кажется и при Румянцовѣ.—Есауловъ—и хоружихъ, какъ извѣстно, почти всегда бывало подва вмѣстѣ.

Географическій очеркъ Лубенскаго полка. Лубенскій полкъ занималъ берега Сулы, начиная отъ ея впаденія въ Днѣпръ и затѣмъ вверхъ по ея теченію до устья рч. Хуси и даже нѣсколько далѣе—до границы Слободской Украины, при чемъ на лѣвомъ берегу—поселенія этого полки тянулись только по Сулѣ, а на правомъ берегу—удалялись отъ Сулы по ея притокамъ. Почти не имѣя притоковъ слѣва (кромѣ незначительныхъ—Артополоти и Бодаквы), Сула съ правой стороны имѣетъ ихъ нѣсколько. Начиная съ низовьевъ, она принимаетъ: 1) *Оржицу*, образующуюся изъ трехъ рѣчекъ,—двухъ *Оржицъ—Сырой* и *Гнилой* и *Чумгака*, 2) *Слѣпородъ*, 3) *Ольшанку*, 4) *Удай*, принимающій въ себя рч. *Многой* съ его притокомъ—*Артополотью*, 5) *Лохвицу* съ ея притокомъ *Глинною*, 6) *Олаву* съ ея притокомъ *Рашевкою*, 7) *Роменъ*, 8) *Хмѣловку*, 9) *Кишкинъ* и *Гуску* (*Хусь*). Относительно послѣднихъ трехъ рѣчекъ слѣдуетъ впрочемъ сказать, что теперь трудно опредѣлить составляютъ ли онѣ всѣ три—притоки Сулы или же притокомъ послѣдней есть одна Хусь, а Кишкинъ и Хмѣловка составляли притоки уже Хуси. Въ другомъ мѣстѣ [1]) было сказано о характерѣ Посулья и о тѣхъ защитныхъ его мѣстностяхъ, въ которыхъ извѣстны здѣсь поселенія уже съ XII в. Впрочемъ, по общему характеру мѣстности Лубенскаго полка онъ принадлежалъ къ числу *степныхъ* полковъ, въ которыхъ лѣса встрѣчаются почти исключительно лишь по рѣчнымъ долинамъ; въ Лубенскомъ полку такіе лѣса имѣются по побережьямъ Сулы, Удая, Ромна..., но этихъ лѣсовъ было недостаточно и для мѣстнаго потребленія. Лубенская старшина, отвѣчая въ 1779 г. на запросъ Румянцова относительно количества у нихъ лѣсовъ, писала: «касательно Лубенского полка, то болѣе здѣсь *степныя мѣста*, а лѣсовъ не вездѣ достаточно, такъ что обыватели безъ заимства покупкою отъ Днѣпра плотового лѣсу и для необходимого себѣ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1896 г., январь, *Лубенщина*.

строенія обойтись всячески не состоятельны» [1]). Тѣмъ не менѣе территорія Лубенскаго полка привлекла въ XVII в. значительное населеніе, которое находило тутъ плодородную почву, на которой и хлѣбопашество, и луговодство—давали обильные урожаи, при чемъ немало было здѣсь и удобныхъ мѣстъ для устройства водяныхъ мельницъ, даже и на малыхъ рѣчкахъ, нынѣ почти изчезнувшихъ, коихъ названія будутъ указаны при дальнѣйшемъ перечнѣ населенныхъ мѣстъ.

Дѣленіе Лубенскаго полка на сотни. Мы уже видѣли, что при образованіи Хмельницкимъ полковъ, территорія Лубенскаго полка была раздѣлена между полками Миргородскимъ и Крапивянскимъ, но съ 1654 г. образовался самостоятельный Лубенскій полкъ, при чемъ въ немъ были слѣдующія сотни: полковая, Лукомская, Чигриндубровская, Пирятинская, Яблуновская, Чорнусская, Городисская, Лохвицкая, Сенецкая, Глинская, Роменская, Смѣлянская и Константиновская. Затѣмъ, въ XVII в. выдѣлена была новая сотня—Снѣтинская, а ок. пол. XVIII в. явились сотни: Горошинская (изъ части Лукомской сотни) а Хмѣловская (изъ части Смѣлянской сотни) и раздѣлены были на двѣ сотни: полковая, Пирятинская и Лохвицкая, а къ полов. XVIII в.—раздѣлена была на двѣ—сотня Сенецкая, явилась третья Лохвицкая сотня (Янишпольская) и кромѣ того были образованы сотни—Жовнинская и Куренская. Вѣроятно, существовали и другія сотни, такъ какъ, напр., въ актѣ 1654 г. встрѣчается сотникъ *Вязовецкій*. (См. с. Вязовецъ). При учрежденіи намѣстничествъ въ Лубенскомъ полку было 23 сотни [2]). Настоящее описаніе полка расположено по дѣленію его, существовавшему въ половинѣ XVIII в., когда въ полку были слѣдующія шестнадцать сотенъ: *двѣ полковыхъ, Лукомская, Горошинская, Чигриндубровская, Яблуновская, Пирятинская, Городищенская* (*Городисская*), *Чорнусская, Снѣтинская, Сенчанская* (*Сенецкая*), *Лохвицкая, Глинская, Роменская, Хмѣловская* и *Смѣлянская* [3]).

Полковой городъ Лубны возникъ въ к. XVI в. на мѣстѣ древнерусскаго городка *Лубно*, извѣстнаго по лѣтописи съ XII в. Горо-

---

[1]) Сводъ мнѣній Малорусской старшины по вопросу объ уменьшеніи винокуренія. *Рукопись*.

[2]) Опис. Черниг. Намѣстн., Шафонскаго, 78.

[3]) Въ такомъ количествѣ показаны сотни въ ревизской книгѣ Лубенскаго полка за 1740 г.

докъ расположенъ былъ на высокой горѣ, у которой съ одной стороны протекала Сула. Запустѣвшій послѣ татарскаго разоренія *Лубно* былъ отновленъ въ 1589 г. при Александрѣ Вишневецкомъ, почему былъ названъ *Александровомъ*. Черезъ 30-ть лѣтъ послѣ своего поселенія Александровъ былъ уже достаточно населенъ: вдова Михаила Вишневецкаго, жалуясь въ 1618 г. на брата своего мужа за отнятіе имѣній, называетъ при этомъ—*Stare i Nowe Łubnie, Alexandrow zwane*, а по акту 1628 г. въ этихъ Лубнахъ показано: дымовъ рыночныхъ—18, уличныхъ—8, предмѣстныхъ—40 и убогихъ хижинъ (тоже предмѣстныхъ?)—80. Изъ этихъ свѣдѣній можно заключить, что отновлено было старое *городище*, за которымъ и осталось названіе *Лубна*, а около этого *Лубно* возникъ другой городъ (предмѣстный),—*новые* Лубны,—который былъ названъ *Александровомъ (Nowe Łubnie, Alexandrow zwane* [1]). *Старые Лубны* состояли изъ рынка (*мѣста*) и прымыкавшихъ къ нему улицъ, при чемъ 18 домовъ находились на рыночной площади, а 8 расположены были въ улицахъ. Рынокъ и прилегавшія къ нему улицы составляли *замокъ*, расположенный на горѣ, на мѣстѣ древне-русскаго городка, почему эта часть города и названа *Старыми Лубнами*. Остальные 120-ть домовъ размѣщались на *предмѣстьяхъ*, т. е. вокругъ замковой горы, составляя поселеніе, свѣжее на *новомъ* мѣстѣ. Для защиты отновленнаго города, отъ татарскихъ набѣговъ кромѣ природныхъ укрѣпленій, *замокъ* его снабженъ былъ *арматами* и *гаковницами*. Есть извѣстіе, что Михаилъ Вишневецкій доставилъ въ Лубны изъ Овруча — 43 гаковницы, а арматы составляли необходимую тогдашнихъ замковъ принадлежность [2]). Гарнизонъ Лубенскаго замка составляли *козаки*, которыми начальствовалъ особый «атаманъ войска Запорожского Лубенскій», какъ

---

[1]) Раздѣленіе отновленнаго города на двѣ части.— Лубны и Александровъ,—хорошо видно изъ «листа» Константина Вишневецкаго о позволеніи построить Мгарскій м-рь, 1622 г., гдѣ указывается, что мѣсто для м-ря отводится въ полумилѣ отъ *Лубновъ*, а самый «листъ» пишется въ *Александровѣ*, при чемъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что это былъ не городъ, а одно изъ Лубенскихъ селъ. См. Кіевск. Стар., 1896 г., февр., 210.

[2]) Кіевск. Ст. 1896 г., февр., 222, 223. Гдѣ именно находился *замокъ*, укрѣпленный Вишневецкими и гдѣ жилъ Іеремія В-ій—сказать трудно, такъ какъ въ Лубнахъ собственно два мѣста, годныхъ для *городка* или замка—мѣсто гдѣ соборная церковь и такъ наз. *Валы*. По мнѣнію Лубенскихъ старожиловъ, замокъ В-ихъ находился на Валахъ, а мѣсто около собора было—старымъ *рынкомъ*, «*мѣстомъ*».

это видно изъ акта 1623 г.[1]). Подъ такою защитою гражданская жизнь въ Лубнахъ развивалась довольно успѣшно. Магдебургское право дано было этому городу при его начальномъ заселеніи, какъ указываетъ польскій изслѣдователь Заднѣпровья[2]), а въ 1623 г. видимъ здѣсь уже дѣйствующее городское самоуправленіе въ формѣ «ратуша Лубенского» съ засѣдающими въ немъ войтомъ съ его «коллегами»-бурмистрами[3]). Для развитія экономической жизни Лубновъ Іеремія В-ій утвердилъ за ремесленниками этого города то цеховое устройство, которое возникло у лѣвобережныхъ колонистовъ по образцамъ ихъ митрополіи. Объ этомъ утвержденіи мы имѣемъ указаніе самого В-аго въ «листѣ» его, данномъ въ 1635 г. Прилуцкимъ ремесленникамъ: «вѣдомо чиню тимъ моимъ листомъ, кому бы о томъ вѣдати надлежало, ижъ я хотячи въ якъ наилучшомъ порядку мѣста мои украинные имѣти, а именно цехи разные, при давнихъ обычаяхъ зоставляю, также права и вольности надаю, якъ *мѣсту моему столичному Лубнямъ*». Называя затѣмъ цехи: *кравецкій*, *шевцкій* (шевскій?), *кушнѣрскій* и *ковальскій*, В. пишетъ далѣе: «вольно имъ цехмистровъ изъ братіи своей, кого пожелаютъ избрать и оному во всемъ быть послушными, кануновъ два, какъ водится между ремесленниками, на годъ разсытитъ и на ихъ пожитокъ обратитъ...» Упомянутые здѣсь кануны состояли въ правѣ членовъ церковныхъ братствъ, которые тѣсно были связаны съ ремесленными цехами, варить медъ для распродажи его въ престольные и друг. праздники съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги употреблялись на нужды братскаго храма. Такое

---

[1]) Тамъ же, мартъ, 456.

[2]) Słown. Geogr. XIV, 228.

[3]) Пользуясь актами Мгарскаго м-ря (ркп. б-ки Кіевск. универс.) приводимъ здѣсь перечень Лубенскихъ воитовъ за XVII-е столѣтіе: Андрей Вышовецъ, 1623. Федоръ Лунь, 1628. Кондратъ Матвѣевичъ Парпура, 1645. Никонъ Моисеенко, 1654. Илиничъ, 1655. Прокопъ Васильевичъ, 1655. Иванъ Андреевичъ, 1660. Василій Дяченко, 1665. Климъ Коробка, 1666. Василій Торовецъ, 1667. Степанъ Борщаговецъ, 1668. Уласъ Довговязъ, 1670. Гаврило Кунченко, 1670, 1680, 1686, 1692. Григорій Куриленко, 1671, 1702. Филиппъ Танцовайло, 1675, 1678. Яковъ Петренко, 1680. Юрій Гаевскій, 1681. Петръ Андреевичъ, 1681, 1682. Петръ Мироненко или Шепеличъ, 1689. Андрей Солодкій, 1692. Михайло Рева, 1695. Ярема Васильевичъ, 1699, 1708. Корнѣй Григорьевичъ, 1700, 1704, 1706. Упоминаемый здѣсь Парпура (въ 1671 г. упоминается еще и Андрей Парпуренко — бурмистръ) происходилъ едвали не изъ Нѣжинскихъ грековъ, судя по его прозвищу, повидимому, взятому отъ греч. слова πορπορα = порфира.

церковное братство въ Лубнахъ учреждено было уже въ 1622 г. «при храмѣ—соборной братской церкви пресв. Троицы». Братство устроено было Исаіей Копинскимъ, тогдашнимъ блюстителемъ православія въ лѣвобережной Украинѣ, почему, вѣроятно, заботами Копинскаго же устроена и первая Лубенская церковь во имя пресв. Троицы [1]).

Въ такомъ состояніи находились Лубны въ тридцатыхъ годахъ XVII в. Есть извѣстіе, что въ 1637 г. Лубны были заняты отрядомъ возставшихъ козаковъ, при чемъ де былъ сожженъ и бернардинскій монастырь; но извѣстіе это сомнительно [2]). Затѣмъ, съ переселеніемъ Іереміи В. на лѣвый берегъ, что случилось около 1640 г., количество населенія Лубновъ должно было значительно увеличиться. Въ спискѣ Пшездѣцкаго находимъ, что въ Лубнахъ тогда было 2546 «господарей». Но цифра эта болѣе, чѣмъ сомнительна: трудно предполагать, чтобы въ это время въ Лубнахъ было до 10 тыс. жителей (полагая на семью «господаря» по четыре души), когда и въ 1766 г. населеніе этого города далеко не достигало этой цифры (см. ниже). Вѣроятнѣе всего, что въ цифрѣ Пшездѣцкаго заключается и населеніе Лубенскихъ селъ, которыя въ спискѣ вовсе не значатся [3]). Далѣе, извѣстно, что въ пол. 1648 г., послѣ ухода отсюда Іереміи В., Лубны были разорены возставшимъ противъ поляковъ народомъ, при чемъ, повидимому, пострадала только польская часть населенія [4]). Но въ 1659 г. Лубны было сожжены Ромодановскимъ «дощенту, кромѣ единой Троицкой церкви» (см. стр. 36).

Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія о Лубнахъ, которыя имѣются у насъ за XVII в.

Переходя засимъ къ XVIII в., мы имѣемъ свѣдѣнія о составѣ населенія Лубновъ за три момента: 1740, 1766 и 1782 гг.

---

[1]) Кіевск. Ст. 1896 г., мартъ, 355. По сообщенію почтеннаго Лубенскаго старожила М. Т. С., старая Троицкая церковь (*дубовая*) была стара лѣтъ 65 назадъ, а лѣтъ 80 назадъ она такъ уже стара стала, что при значительномъ вѣтрѣ паникадило даже качалось; ее разобрали тогда и уже на другомъ мѣстѣ. на рынкѣ, построили новую, Троицкую же, каменную. На одномъ изъ *сволоковъ* разобранной Троицкой церкви былъ вырѣзанъ *1734 г.*, — конечно, годъ ея основанія (*Со словъ Лубенскихъ старожиловъ*).

[2]) Кіевск. Ст. 1896 г., февр., 216.

[3]) Т. ж., мартъ, 348.

[4]) Тамъ же, мартъ, 352.

При ревизіи 1740 г., здѣсь показано слѣдующее населеніе: 1) *козаки*—88 дв. (92 семьи), 2) *подсосѣдки изъ козаковъ*—154 дв. (161 с.) [1]) и 3) *посполитые* (будущіе *мѣщане*)—110 дв. (113 с.). Такимъ образомъ, козаковъ, подсосѣдковъ и посполитыхъ было 352 двора, а въ нихъ показано 364 семьи; считая по четыре души на семью, все населеніе, козаковъ и крестьянъ, опредѣлится, примѣрно, въ 1500 душъ. Но кромѣ этихъ 352 двор., въ Лубнахъ было еще «вольныхъ» дворовъ—182. Это были дворы старшины, и разныхъ чиновъ и служителей», «людей наемныхъ разныхъ господъ», школъ, «шпиталей» и проч. При перечисленіи «вольныхъ» дворовъ старшины, дѣлается указаніе -- «въ которомъ (дворѣ) самъ живетъ», изъ чего можно думать, что старшина имѣла постоянное жительство въ городѣ, а въ села наѣзжала лишь для хозяйскихъ распоряженій. Старшинскіе дворы показаны слѣдующіе: полковника Апостола («въ которомъ самъ живетъ»), бунч. тов. Петра Кулябки, «въ которомъ живетъ съ сыномъ обозн. полков. Луб. Иваномъ», хоружаго полк. Род. Рвачевскаго, бунч. т-щей: Петра Петровича Кулябки (бывш. сотникъ, братъ обозного), Якима Троцкаго, Федора Кулябки, Василія Савича, Якова Васильевича и Петра Орѣховскаго; значк. т-щей: Павла и Петра Корнѣевичей, Михайла Орѣховскаго, Михайла Косинскаго, Федора Полунѣя, Ивана Кучера, Максима Мирця, Петра Пріймы. перв. полк. сотни сотника Михайла Скаржинскаго, сот. атамана Карпа Значка, втор. полк. сотни сотника Семена Пріймы, сот. атамана Леонтія Пріймы, войта Федора Жадана, дворы полков. канцеляристовъ въ числѣ шести, (изъ которыхъ у пяти прозвищъ непоказано, а указаны лишь отцовскія ихъ имена), дворы «писцовъ обрѣтаючихся при полковой канцеляріи» въ числѣ 9-ти, дворы «полковой музыки» («лѣтаврщикъ и три трембача»), дворы артилерійск. служителей--7, дворы «разныхъ чиновъ и служителей», (при чемъ между ними показаны: «писарь пакетъ-почты», «почтмейстеръ градской почты», полевыхъ сторожей (3), тюремныхъ сторожей (2), Калужскаго купца Петелина, Великорос. купца Ситникова, Опанаса Мищенка, «въ которомъ стоитъ почта градская», дворы пріѣзжіе—сотника Пирятинск. Григорія Корнѣевича, умерш. б. т. Григорія Ку-

[1]) Изъ числа 154 дв. подсосѣдковъ—93 дв. составляли подсосѣдковъ козаковъ же (т. е. подсосѣдковъ, жившихъ въ хатахъ, принадлежавшихъ козакамъ) а 61 дв. были подсосѣдки старшинскіе: Кулябокъ и друг. Наибольшее количество ихъ значилось за Якимомъ Троцкимъ, Петромъ Кулябкою и Родіономъ Рвачевскимъ.

лябки, дворы церк служителей («протопопа», его намѣстника, двухъ «поповъ», трехъ викаріевъ и двухъ діаконовъ и дьячка полковой походной церкви), дворы трехъ школъ (Троицкая, Пречистенская и Никольская, а въ нихъ живутъ «дьяки»), дворы «старцовъ изъ милостыни питающихся»—6. Засимъ слѣдуютъ *шинковые дворы* въ числѣ 16-ти, изъ нихъ полковника — 1, Петра Кулябки — 4, Мгарск. м-ря—3, у двухъ церквей—по одному и т. д. Наконецъ показаны «люде наемніе разнихъ господъ», при чемъ пять лицъ изъ нихъ—полковника Апостола—всѣ имѣютъ при себѣ поясненіе ихъ обязанностей: «господарь, кухмистръ, машталѣръ, бондарь, швецъ». У другой старшины показаны *наемные люди* безъ обозначенія ихъ должностей, при чемъ у б. т. Петра Кулябки показано ихъ 20, изъ общаго ихъ числа 53-хъ. Всѣ эти *наемные люди* показаны живущими въ *отдѣльныхъ дворахъ*, названныхъ *вольными*. Что же это были за *наемные люди?*—Конечно, это не подсосѣдки, потому что послѣдніе показаны отдѣльно (хотя показаны подсосѣдки только *козачьи)*. Можно думать, что въ числѣ этихъ «людей» часть была дѣйствительно *наемныхъ*, а другіе могли представлять посполитыхъ, поселенныхъ въ *скупленныхъ* посполитскихъ же хатахъ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы перечисленные наниматели нарочно устраивали особые дворы для каждой наемной семьи. При календарныхъ именахъ многихъ изъ этихъ «наемныхъ людей» значится: *римарь, солодовникъ, бондарь, кравецъ*, но такъ какъ при этомъ неуказывается другого прозвища, то быть можетъ въ приведенныхъ словахъ слѣдуетъ видѣть только прозвища...

Составленная въ 1766 г. (т. е. при *Румянцевской* описи) вѣдомость о населеніи Лубновъ даетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, особенно относительно тѣхъ промысловъ и ремеслъ, которыми занимались Лубенскіе горожане.

Въ вѣдомости 1766 г. показаны слѣдующіе дворы:

Владѣльческіе домы. Г. полковника Лубенскаго Ивана Петровича Кулябки, подкомораго Василія Кулябки, писаря полковаго Якова Корнѣевича, есаула полковаго Родіона Рвачевскаго, хоружаго полков. Степана Корнѣевича. Бунчук. товарищей: Якова Петровича Кулябки, Василія Петровича Кулябки, Василія Савича, Федора Діаковскаго, войск. канцеляриста Петра Назарскаго. Абшитованныхъ войск. товарищей: Михайла Орѣховскаго, Михайла Косинскаго, Ивана Корнѣевича, Леонтія Пріймы. Сотника полков. Карпа Значка, атам. город.

Павла Самойловскаго. (*Сей иногда ходитъ въ Шлезію съ волами*). Хоруж. сотеннаго Ефима Капусты. (*Въ сего дворъ содержится промыслъ шинковый*). Писаря сотеннаго Игната Щочки. (*Сей иногда посылаетъ въ Крымъ за солью*). Канцел. сотен. Прокопа Зайкевича. Значковыхъ товарищей: Федора Жадана, Александра Щитки, Лукьяна Гудимовича, Михайла Майбороды, (*сего жена бадается промысломъ крамарскимъ*), Григорія Иваненка, Якова Назарскаго (*сей иногда ходитъ въ Шлезію для продажи воловъ*), Іосифа Полянки, (*сей иногда ходитъ въ Крымскую дорогу за промысломъ купеческимъ*), Михайла Полунѣя, Ивана Павловскаго, (*сей ходитъ иногда въ Шлезію съ волами*). «Сверхъ указнаго числа значковыхъ товарищей» — Михайла Значка. Абшитованныхъ значков. товарищей: Степана Ющенка, Хомы Трембача, Константія Шулячевскаго, (*сіи содержатъ промыслъ шинковый*). Сотника второй Луб. сотни Ивана Огроновича, той сотни атамана Ивана Кучера, (*сего сынъ Семенъ бадается продажею бакальи*). Атамана сотни Снѣтинской Кондрата Яновскаго. Полковыхъ канцеляристовъ: Іосифа Семенова, Петра Любницкаго, (*сего отецъ имѣетъ ремесло котлярское*), Мойсея Назаріева и Григорія Онищенка. Судовой полковой канцеляріи концеляриста Герасима Сидорскаго. Артиллериста полков. Лубенск. артиллеріи Романа Рубана, (*сей имѣетъ ремесло ковальское*). Оной же артиллеріи майстеровыхъ людей: Корнѣя Брижахи, (*сей имѣетъ ремесло слюсарское*), Ильяша Карбана, (*сей имѣетъ ремесло римарское*). Полевыхъ сторожей: Кондрата Василенка (*сей дѣлаетъ ремесло котлярское*), Степана Яременка, (*сей содержитъ промыслъ крамарскій*). Полковыхъ музыкантовъ: трубача Михайла Михайловича, трубача Михайла Малечи, (*сей имѣетъ промыслъ шинковый*), волторнистовъ Ивана Андреева и Ивана Макаренка, (*оба имѣютъ промыслъ шинковый*), гобоистовъ Данила Крушталя, (*сей имѣетъ промыслъ крамарскій*) и Ивана Орловскаго. Гренадера полка Глуховскаго гренадерскаго Новинскаго жены Палагеи. Сторожа тюремнаго Леска Дубницкаго. Полковаго цирюльника Ивана Афанасьева. Дворъ Андрея Кулябки, въ которомъ квартируетъ аптекарь Ферменинъ; оной же аптеки вагенмейстра Матвѣя Игнатова, козачки Слюсаренковой, въ которомъ квартируетъ инструментальный мастеръ Несторъ Стефановъ, дьяка (?) бригадира Апостола, по имени Данила, въ коемъ квартируетъ онаго Стефанова ученикъ Никита, главной полевой аптеки, Хомы Трембача, писаря Сенчанскаго Павла Воро-

тиляка, въ которомъ квартируетъ писарь суда земскаго Булюбашъ. Умершихъ чиновъ: писаря полков. Андрея Стефанова, значк. тов. Ивана Сизона и Стефана Хведосѣенка. Духовныхъ чиновъ: умершаго Луб. протопопа Іоанна Орѣховскаго, намѣстника крестоваго Федора Барвинскаго, викарія троицкаго Федора Варламова, діакона троицкаго Іоанна, намѣстника соборн. Луб. церкви Іоанна Богдановича, той церкви викаріевъ: Іакова Чинча и Федора Левенца, діакона Іоанна Пирога, настоятеля Никольской церкви Алексѣя Александровича и его викарія Михаила.

Выборныхъ козаковъ—22 двора, а въ нихъ хатъ—43. Изъ нихъ: шинкарей—8, сапожниковъ—3, шапочниковъ—2, (изъ нихъ одинъ дѣлаетъ «шапки женскія»), чумаковъ («ходятъ въ Крымъ за солью»)—3 и мясникъ—1. *Козаковъ подпомощниковъ*—165 дв., а въ нихъ хатъ—175 и кромѣ того бездворн. хатъ—20. Въ числѣ ихъ по занятіямъ: сапожниковъ—21, портныхъ—19, мелкихъ торговцовъ—12, шинкарей—9, ткачей—6, рыболововъ—6, слесарей—6, музыкантовъ—4, мясниковъ—4, кузнецовъ—4, шорниковъ—2, плотниковъ—2, шапочниковъ, печниковъ, стекольщиковъ и чумаковъ—по одному.—Великороссійскихъ купцовъ: Кузьмы Петрова, Петра Петрова и Алексѣя Фалина. (*Имѣютъ промыслъ крамарскій*). Свободныхъ *посполитыхъ*—22 дв., въ нихъ хатъ—32 и кромѣ того, бездв. хатъ—22. Въ числѣ ихъ по занятіямъ: сапожниковъ—11, портныхъ—8, ткачей—4, мясниковъ—4, шорниковъ—2 и шинкарей, плотниковъ, печниковъ—по одному [1]).

«Показавшихъ себя званія козачьяго»—8 дв, 8 х. Изъ нихъ: сапожниковъ—4 дв. и ткачей, портныхъ, шорниковъ и печниковъ—по одному. Посполитые разныхъ владѣній. Бригадира Апостола—1 дв., 2 х. и бездв. х.—4. Подкомораго Василія Кулябки—бездв. х.—2.

---

[1]) Относительно Лубенскихъ ремесленниковъ мы встрѣтили рѣдкій случай, что нѣкоторые изъ нихъ (конечно изъ числа посполитыхъ) были отдаваемы гетманами въ особое послушенство полковниковъ, «для домовой потребы». Такъ, по универсалу 1715 г., Скоропадскій «оставилъ въ прежнемъ послушенствѣ до двора Савичевой (вдовы полковника Василія Савича) для домовой потребы универсалами опредѣленныхъ въ Лубняхъ кравцовъ двохъ, шевцовъ трохъ, бондаровъ и коноваловъ по два, рыбалокъ трохъ, гончаровъ двохъ, а въ с. Новакахъ и Калайденцахъ—стелмаховъ четырехъ человѣкъ». Этотъ случай характеренъ въ томъ отношеніи, что отдавались во владѣніе—*опредѣленныя лица*, терявшія слѣдовательно личную свободу.

Бунчук. тов. Василія Савича—1 дв., 7 х. («съ прочими»). Бунч. тов. Федора Діаковскаго жены Марьи—2 дв., 4 х. и бездв. х.—10. Бунч. тов. Якова Кулябки—4 дв., 4 х. и безд. х.—12. Бунч. тов. Василія Кулябки—12 дв., 24 х. и безд. х.—9. Писаря полк. Якова Корнѣевича—1 дв., 1 х. и безд. х.—4. Ес. полк. Род. Рвачевскаго—бездв. х.—1. Хоруж. полк. Степана Корнѣевича—бездв. х.—5. Обозн. полк. Гадяцк. Родзянки—2 дв., 3 х. Абшит. в. тов. Михайла Косинскаго—1 дв., 1 х. В. тов. Михайла Орѣховскаго—3 дв., 3 х. и бездв. х.—3. Сотн. полк. Карпа Значка—1 дв., 2 х. и бездв. х.—1. Сотника 2-й Луб. сотни Ивана Огроновича — безд. х. — 2. Сотника Снѣтинскаго Павла Кулябки — 2 дв., 3 х. и бездв. х. — 1. Сотника Воронежск. Андрея Холодовича—3 дв., 3 х. и бездв. х.—2. Полковника Григорія Любистока — 10 дв., 13 х. и бездв. х. — 3. Протопопа Луб. Іоанна Орѣховскаго — 1 дв., 1 х. и бездв. х. — 6. Намѣстника крестоваго Федора Барвинскаго — 1 дв., 2 х. Намѣстника Луб. Іоанна Богдановича—2 дв., 2 х. Атамана город. Луб. Павла Самойловскаго—2 дв., 3 х. и бездв. х.—4. Вдовы значк. тов. Анны Созіоновой - бездв. х.—4. Атам. полк. Луб. Павла Корнѣевича—1 дв., 2 х. Зн. тов. Максима Значка—1 дв., 1 х. и бездв. х.—1. Бывш. атам. Пирятинск. Никиты Синельника—бездв. х.—1. Зн. тов. Лукьяна Гудимовича—бездв. х.—2. Зн. тов. Констант. Шулячевскаго—бездв. х.—1. Атам. 2-й Луб. сотни Ивана Кучера — 1 дв., 1 х. Зн. тов. Федора Жадана — 2 дв., 3 х. Старш. канцел. Ивана Запорожскаго — 1 дв., 1 х. и бездв. х. — 1. Вдовы полк. Луб. писаря Ульяны Стефановой—2 дв., 2 х. и бездв. х.—4. Канцел. Петра Шушвала—1 бездв. х. Вдовы зн. тов. Петра Корнѣевича Зиновіи — 1 дв., 1 х. и бездв. х. — 2. Канцел. Мойсея Назарьева—1 дв., 1 х. Писаря сотеннаго Игната Щотки—2 дв., 2 х. и 3 бездв. х. Канцеляриста сотеннаго Прокопа Зайкевича—1 дв., 1 х. и бездв. х.—1. Бунч. тов. Корнилія Кобеляцкаго—1 дв., 1 х. Козака Луб. Андрея Бѣлаго—1 дв., 1 х. Войта Луб. Ивана Паненка—3 бездв. х. Хоруж. сотен. Ефима Капусты—2 бездв. х. Коз. Луб. Ивана Макаренка—1 дв., 1 х. Значк. товар. Якова Назарскаго—1 дв., 1 х. Зн. тов. Евтихія Величка—1 дв., 1 х. Абшит. зн. тов. Іосифа Полянки—1 дв., 1 х. Коз. Луб. Ивана Кропивки—1 дв., 1 х., Павла Ярошенка—1 дв., 1 х., Корнѣя Касянова—2 дв., 2 х., Максима Касянова—2 дв., 2 х. Умерш. Тимофея Шостика—2 дв., 2 х., вдовы Петрихи Ковалихи—1 дв., 1 х. Демьяна Фелипова—1 дв., 1 х. Сотника Жовнин-

-скаго Булюбаша—1 дв., 1 х. Ивана Звѣркевича—1 дв., 1 х., Савки Гобоиста — 1 дв., 1 х. Андрея Пріймы — 1 дв., 1 х. и 1 бездв. х. Умерш. викарія соборной церкви—1 дв., 1 х. Монастыря Густынскаго—1 дв., 1 х. Полков. цирюльника Ивана Афанасьева—1 дв., 2 х. Попа Засульскаго Максима Дѣжечки — 1 дв., 1 х. Значк. тов. Михайла Полунѣя—1 бездв. х. и монастыря Мгарскаго—1 дв., 1 х. и бездв. х.—1.—Изъ нихъ: сапожниковъ — 22, ткачей — 15, портныхъ — 11, шорниковъ — 6, плотниковъ, кузнецовъ и печниковъ — по 4, мясниковъ—3, шапочниковъ—2 и мелк. торговцовъ, рѣзчиковъ и винокуровъ—по одному.

Всего въ городѣ: старшины, священниковъ и «великороссійскихъ» купцовъ—60 двор., «низшихъ служителей»—18 двор., козак. выборн.—22 дв., 43 х., козаковъ «подпомощниковъ» (въ томъ числѣ и «показавшихъ себя званія козач.»)—175 дв., 183 х. и 20 бд. х. Посполит. свободн.—22 дв. и 22 бд. х., посполит. владѣльческихъ—87 дв., 133 х. и 88 бд. х. *Всего* коз. и посп. 306 дв., 391 х.[1]).

При сравненіи свѣдѣній о населеніи Лубновъ за 1740 и 1767 гг., прежде всего видимъ умаленіе посполитыхъ съ 94 двор. на 22 двора и 22 бездв. хаты и появленіе въ Лубнахъ въ 1766 г. посполитыхъ *владѣльческихъ* въ количествѣ 87 двор. и 88 бездв. хатъ. Такимъ образомъ, за четверть столѣтія большая часть посполитыхъ *свободныхъ* стала *владѣльческою*. По вѣдомости 1766 г. не видимъ мы и «наемныхъ людей», а лишь посполитыхъ, почему и слѣдуетъ думать, что и эти *наемные люди* мало по малу переходили въ состояніе *владѣльческихъ*... Козаковъ по вѣдомости 1766 г. является гораздо больше, чѣмъ ихъ было въ 1740 г., но за то изчезаютъ подсосѣдки *козачьи*; послѣдніе не показываются въ 1766 г., вѣроятно, потому что въ Румянцовской описи они показаны—просто козаками, такъ какъ *козачью скуплю* тогдашняя Малорусская центральная администрація не могла признать легальнымъ фактомъ и козаки, жившіе на «спроданныхъ» ими козакамъ же грунтахъ, открывая во время Румянцовской описи козачье свое происхожденіе, записывались уже не подсосѣдками, но козаками. Кромѣ того, увеличеніе козачьяго населенія въ Лубнахъ произошло частью и на счетъ тамошнихъ «посполитыхъ свободныхъ»,

[1]) Вѣдомость 1766 г. взята нами изъ Румянц. описи, которою мы пользовались въ Полтавской казен. пал. въ 1870—72 гг.

т. е. *мѣщанъ*, какъ ихъ начинаютъ называть и тогда уже. Въ гетманство Разумовскаго надъ этими мѣщанами поставленъ былъ особый «смотритель», которымъ былъ назначенъ в. тов. Петръ Назарскій. Когда въ Лубенскомъ полку стали производить генер. опись, то Назарскій донесъ въ Малорос. коллегію, что «при сочиненіи въ 1763 г. въ полку Лубенскомъ ревизіи, мѣщане Лубенскіе и посполитіе вѣдомства ратуши Лубенской (различія между тѣми и другими при этомъ не указывается) *вписаны въ козаки* безъ всякаго о козачествѣ ихъ слѣдствія, а нѣкоторые въ ревизію и вовсе не написаны, при чемъ многіе изъ нихъ полк. канцеляріей отъ всѣхъ общенародныхъ повинностей и государственныхъ податей увольнены». Вслѣдствіе этого донесенія коллегія поручила производившему въ Лубенскомъ полку генер. опись подполковнику Огареву—произвести слѣдствіе о неправильно вписанныхъ въ козаки мѣщанахъ. По слѣдствію оказалось, что большинство изъ показанныхъ въ вѣдомости Назарскаго—*мѣщанами*, было — люди «захожіе», происхожденія которыхъ изслѣдовать было нельзя; но такъ какъ многіе изъ этихъ сомнительныхъ мѣщанъ оказывались «ранговыми г. полковника рыбалками», «полковыми музыкантами» «полковыми цилюриками» и прочихъ *полковыхъ званій* людьми, то Огаревъ не рѣшился этихъ лицъ перечислять въ мѣщане и просилъ разрѣшенія коллегіи, представивъ о каждомъ изъ нихъ добытыя отъ старожиловъ свѣдѣнія. Такихъ сомнительныхъ лицъ Огаревъ показалъ—72. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Огаревъ—«присовокупилъ къ ратушѣ Лубенской несомнительныхъ» — 68 чел. и оставилъ въ козачествѣ,—значитъ, тоже *несомнительныхъ*,—59. Распоряженіе по донесенію Назарскаго сдѣлано было уже послѣ составленія вѣдомости 1766 г. [1]).

При составленіи Румянцовской описи, полковой городъ описанъ такъ: «Городъ Лубны лежитъ на большой горѣ, обнесенъ вокругъ землянымъ валомъ, который во многихъ мѣстахъ осыпался; имѣетъ восемъ воротъ; изъ числа тѣхъ воротъ Пирятинскіе и Бригадирскіе еще не обветшали, а прочія разсыпались. Валъ за бывшаго полковника Свѣчку подчинялся всѣмъ полкомъ; за Василія Савича—сотнями Лубенскими и Снѣтинскою; для подчинки желѣзо и проч. покупалось за арендовые и покуховные деньги, половина которыхъ шла тогда

---

[1]) Изъ дѣлъ Лубенск. полк. канцеляріи, хранящихся въ Кіевск. центр. архивѣ.

на ратушные расходы, а другая отсылалась въ войсковой скарбъ; да еще въ 1740 г. подчинялся валъ, тѣми же тремя сотнями» [1]). Подчинялся Лубенскій валъ еще и въ 1769 г., такъ какъ въ апрѣлѣ этого года Луб. полковою к-ріей сдѣлано было распоряженіе о присылкѣ въ Лубны изъ Первопирятинской сотни—142 пѣшихъ рабочихъ и 14-ти подводъ (совмѣстно изъ козаковъ и посполитыхъ) — «для подчинки обветшалого около полкового города Лубень валу въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ къ убѣжищу и охраненію народному отъ набѣговъ татарскихъ» [2])... Это распоряженіе было сдѣлано, слѣдуетъ думать, не столько по дѣйствительнымъ опасеніямъ, сколько по стародавнему примѣру, когда всякія съ татарами, даже и на пограничьяхъ, стычки тревожно отзывались и внутри Малороссіи.

При замѣнѣ полковаго управленія въ Малороссіи губернскими учрежденіями, въ 1781 г., Лубны назначены были уѣзднымъ городомъ Кіевскаго намѣстничества. При этомъ въ Лубнахъ показано слѣдующее населеніе: двórянъ и шляхетства—35, разночинцовъ—75, духовенства - 11 и церковниковъ—13 [3]). *Козак.* 109 дв., 166 хатъ и особо бд. х.—11. *Мѣщанъ*—91 дв., 137 х. и бд. х.—18; кр. ранг. 4 дв., 7 х. и подс. — 104 дв., 187 х. и бд. х. 128. Всего коз. и посп.—308 дв., 497 х. и 167 бд. х.

Полковыя сотни заключали въ себѣ ближайшія къ Лубнамъ села, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Сулы, при чемъ эти села расположены какъ по берегамъ послѣдней, такъ и по небольшимъ ея притокамъ, изъ которыхъ можно теперь назвать: *Слѣпородъ*, *Булатецъ*, *Ольшанку и Мгарь*, съ правой стороны, и съ лѣвой—*Солоница*... Въ составъ *первой полковой сотни* входили поселенія: *Мгарь*, *Лука*, *Хитцы*, *Клепачи*, *Енковцы*, *Губское*, *Тарандинцы*, *Высш. Булатецъ*,

[1]) Изъ Румянц. Описи. Въ это же время въ Лубнахъ еще хорошо сохранялась память и о *замкѣ*, т. е. о томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ Вишневецкій. Въ окт. 17(?)0 г. Луб. полк. к-рія доносила гетману, что Троицкой церкви дьячокъ Шулячевскій объявлялъ, что данною ему изъ духовнаго Луб. протополіи правленія инструкціей велѣно—«такъ самій г. Лубны, яко и находячійся близь оного пустій замокъ, въ длину и ширину змѣрить». Бум. Кіевск ц арх.

[2]) Изъ дѣлъ Луб. полк к-ріи въ Кіевск. центр. арх.

[3]) Въ вѣдомости 1781 г. не объяснено что̀ эти цифры обозначаютъ; — но вѣроятнѣе всего, что *дворы*. Вообще свѣдѣнія о населеніи 1782 г. внесенныя въ вѣдомость безъ всякихъ поясненій, въ томъ лишь видѣ, какъ помѣщаются и здѣсь.

Новаки, *Александровка*, *Шепелевка*... Къ составу *второй полковой сотни* принадлежали: *Низш. Булатецъ*, *Кононовка*, *Чудновцы*, *Ворониницы*, *Черевки*, *Хорошки*, *Пулинцы*, *Пятигорцы*, *Вязовецъ*, *Терны* (и на лѣвомъ берегу—) *Пески*, *Засулье*, *Солоница*, *Шершневка*, *Ерковцы*... Такое распредѣленіе селъ по сотнямъ существовало въ 1740 г. Позже были измѣненія, какъ уже говорено.

Полковые сотники. **Якимъ Устименко, 1654. Савва Кирилловичъ, 1671, 1695. Паско (Павелъ Яковлевичъ) Цюпченко, 1672, 1675, 1677**; въ сотники поставленъ изъ городовыхъ атамановъ, и затѣмъ, въ 1683 г., снова значится город. атаманомъ. **Леско Гладкій, 1672, 1673. Романъ Радченко, 1676, 1681—684. Захаръ Салогубъ, 1684—691. Андрей Яковлевичъ, 1687. Леонтій Скорикъ, 1688. Андрей Григорьевичъ Островный, 1688. Леонтій Герасименко, 1689. Василій Савичъ, 1698—701. Иванъ Прійма, 1699. Иванъ Карнѣевичъ, 1700. Григорій Ивановичъ Шкарупа, 1712. Григорій Федоровичъ Кулябка, 1715—731. Михайло Скаржинскій, 1737—750. Семенъ Прійма, 1740. Карпъ Значокъ, 1755—763. Михаилъ Михайловичъ Скаржинскій, 1765—773.**

Села первой полковой сотни. С. Мгарь, рч. Мгарь. Константинъ Вишневецкій, разрѣшая построеніе Мгарскаго монастыря, указываетъ при этомъ и участокъ земли—между рѣчками Ольшанкою и Мгарью, на которомъ позволилъ монахамъ устроить «*млинокъ*» [1]). Затѣмъ, по акту 1624 г., одинъ изъ Лубенскихъ урядниковъ кн. Вишневецкаго «пустилъ въ поссесію» епископу о. Исаіи *futor Mharski* z poddannemi, co na tym gruncie siedzą», а по акту 1628 г., мѣщанинъ Деревянченко продалъ тому же Исаіѣ Копинскому свой садъ на *sielie Mharu* [2]). Отсюда видно, что вмѣстѣ съ «млинкомъ» возникъ и *хуторъ*, который, по его близости къ м-рю, взятъ былъ Копинскимъ у Вишневецкихъ въ аренду. Засимъ хуторъ этотъ обратился въ село, которое Іеремія Вишневецкій подарилъ Мгарскому м-рю, какъ видно изъ слѣдующаго акта, писаннаго 17 февраля 1648 г. — «wiadomo czynie tym listem moim, iź ja, maiąc osobliwy respect na cercow monastura pod Łubniami Mharskiego, *ktorym już* z łaski moiey *nadalem do używania wioske moię* Mhar, preto teź ich cd dawania z tey wioski sosowego y szopowego w potomne czasy czynie wolnemi» [3])... Послѣ этого Мгарь оставалась исключительно принадлежащею Мгарскому м-рю, почему здѣсь

[1]) Кіевск. Ст., 1896 г., февр., 210.
[2]) Акты Мгарск. м-ря, л. 60.
[3]) Т. ж., л. 68.

козаковъ никогда и не было. **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Мгарск. м-ря, 33 дв., 33 х., 33 с. **Б. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Мгарск. м-ря, 52 дв., 89 х.

С. Лука, р. Сула. По универсалу Б. Хмельницкаго 29 іюня 1656 г., отдана Мгарскому м-рю: «видечи убозство братіи Мгарской, же поратунку нѣ откулъ не маютъ, теды тіе двѣ селца *Луку* и *Хицъ* подалисмо отцомъ Мгарскимъ, жеби до работизны былисте имъ помочниими, приказуемъ»... **А. Кз.** 7 дв., 9 х., 7 с. **Кр.** Мгар. м-ря 33 дв., 37 х., 39 с. **Б. Кз.** 10 дв., 16 х. **Кр.** Мгр. мр. 52 дв., 75 х.

С. Хитцы отданы въ 1656 г. Хмельницкимъ Мгарскому м-рю (см. выше). **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Мг. мр. 44 дв., 61 х., 58 с. **Б. Кз.** 33 дв., 96 х. **Кр.** 74 дв., 138 х. Пдс. 1 дв., 1 х., 7 бдв. х.

С. Клепачи, вмѣстѣ съ Новаками, отданы полковникомъ Савичемъ полков. писарю Григорію Федоровичу Кулябкѣ, за которымъ утверждены универсаломъ Скоропадскаго 1713 г. **А. Кз.** 17 дв., 23 х., 23 с. **Кр.** дѣтей умерш. Григ. Кулябки, 4 дв., 4 х., 4 с. Поспол. подс. 1 дв., 1 х., 1 с. **Б. Кз.** 45 дв., 95 х. Подс.[1]) 12 дв., 18 х.

С. Енковцы, рч. Ольшанка, извѣстны съ перв. пол. XVII в.; остались свободными до к. XVIII в. **А. Кз.** 32 дв., 38 х., 39 с. и коз. подс. 7 дв., 7 х., 7 с. **Б. Кз.** 67 дв., 118 х., 4 бдв. х.

С. Губское, рч. Ольшанка, извѣстно съ перв. пол. XVII в. Оставалось свободнымъ до 1752 г., когда отдано Разумовскимъ тогдашнему обозному Ивану Кулябкѣ, вмѣстѣ съ В. Булатцемъ, Засульемъ и Березняками. **А. Кз.** 38 дв., 69 х., 73 с. и коз. подс. 10 дв., 10 х., 10 с. **Б. Кз.** 69 дв., 192 х., 5 бдв. х. Подс. 10 дв , 16 х.

С. Тарандинцы,ррчч. Вязовица и Ламанка, извѣстны съ перв. пол. XVII в. Еще въ 1699 г. владѣла здѣсь землями по наслѣдію отъ поляка Станислава Яблонскаго дочь его Анна, какъ видно изъ слѣд. акта: «Ганна Яблонсковна, посполу изъ Григоріемъ Старосвѣтомъ, жители Тарандинскіе, межи собою малжонкове, сознане продажи своихъ кгрунтовъ отцевскихъ небожчика славной памяти *Станислава Яблонскаго*, чинила тими мовячи словы: мой ласкавый пане уряде, таковое сознане предъ милостями вашими чиню, ижъ найдуючися я во второмъ малженствѣ, а живучи на *отцевскихъ кгрунтахъ*, на мене самую спалихъ (мнѣ одной доставшихся), якіе одно, найдуются въ с. Тарандинцяхъ, такъ зъ лѣсовъ, садовъ, огородовъ, нивя, сѣно-

[1]) По вѣд. 1782 г. не указывается—чьи подсосѣдки.

жатей и зъ ставкомъ у селѣ, о которомъ усемъ кгрунтѣ, яксе въ собѣ положенемъ мѣстъ, о чомъ свѣдомъ добре Василій Федоровичъ Величко, зять нашъ, якій теди кгрунтъ не зъ якого примусу, але съ порадою Татяни Мусѣйчики Бурумской, дочки моей и сина ея Максима, продалисмо ему жъ Василію Величку, зятеви нашему, за таляровъ двадцать, кромъ толко паѣ (части) дочки моей Майбородихи Березотуцкой, на которой части я теперъ остаюся»... Тарандинскіе крестьяне оставаясь свободными, повидимому, перешли въ козачество и къ 1740 г. здѣсь остался всего одинъ крест. дворъ. **А. Кз.** 33 дв., 38 х., 39 с. Подс. коз. 7 дв., 7 х., 7с. **Кр.** своб. 1 дв., 1 х., 1 с. **Б. Кз.** 96 дв., 195 х., 2 бдв. х. **Кр.** корон. 1 дв., 3 х. Подс. 5 дв., 7 х.

С. Высшій Булатецъ, рч. Булатецъ, извѣстенъ съ перв. пол. XVII в. Крестьяне оставались свободными до пол. XVIII в., подвергаясь только скуплѣ, которую производили Кулябки уже въ нач. XVIII в. Въ купчей 1718 г. значится: «жители обоихъ сс. Булатцовъ попродали п. Данилу (Федоровичу) Кулябкѣ, къ его грунту, яко ниже у кого за що куплено, реестровне опѣваетъ, напродъ: Семенъ Замуленко— ниву продалъ за полталяра. Миронъ Худенко продалъ ниву за волотій (20 к.). Марчиха, Кондратенкова невѣстка, продала ниву за полталера. Денисъ Мандриченко Заханювскую ниву замѣнялъ. Нестеръ Бараненко тамъ же Заханювскую свою ниву попустилъ (т. е. даромъ отдалъ). Корнѣй Кобилченко продалъ ниву за полкопи (30 к.). Мусѣй и Евтухъ Сулименки, зъ маткою своею, ланъ свой продали за два таляра» и т. д., и т. д. По этой одной купчей Кулябка покупаетъ болѣе десятка земельныхъ участковъ, повидимому, для округленія своихъ земель и платитъ и для тогдашняго времени очень недорого... Кулябки въ Лубенщинѣ были люди вообще вліятельные, а въ это время родной дядя покупщика, Петръ Кулябка, былъ еще и мѣстнымъ сотникомъ... Въ 1752 г. В. Б-цъ отданъ Разумовскимъ тогдашнему Луб. обозному Ивану Кулябкѣ, вмѣстѣ съ с. Губскимъ и друг. сс. **А. Кз.** 47 дв., 67 х., 69 сем. и подс. коз. 1 дв., 2 х., 2 с. **Кр.** *своб.* 4 дв., 4 х., 4 с. Подс. б. тов. Ив. Коропця, 5 дв., 6 х., 10 с. Изъ этихъ цыфръ видно, что Кулябки скупали одни земли, такъ какъ за ними подсосѣдковъ здѣсь не значится. Незначитетьное количество послѣднихъ образовалъ здѣсь малозамѣтный человѣкъ, а затѣмъ большинство крестьянъ, пользуясь свободою, повидимому, переписалось въ козаки... **Б. Кз.** 109 дв., 206 х., 5 бдв. х. Подс. 17 дв., 25 х., 4 бдв. х.

С. Новаки, рч. Ольшанка, поселены, повидимому, выходцами изъ сѣверной части Кіевск. губ., гдѣ есть (въ Радомысл. у.) два села—Новаки и Шершни, при чемъ съ этими же самими названіями находятся два села и около Лубенъ (см. ниже—с. Шершневка). О Радомысльскомъ селѣ Новакахъ сохранилось преданіе, что оно когда то было разорено татарами, а о Шершняхъ,—что оно нѣкогда было значительнымъ укрѣпленнымъ поселеніемъ [1]). Можно думать, что вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ часть населенія изъ этихъ двухъ селъ перешла (разумѣется, въ перв. пол. XVII в.) на лѣвый берегъ и оселясь около Лубновъ, назвали новыя поселенія родными именами. Вмѣстѣ съ Клепачами (см. выше), Новаки отданы Савичемъ Григорію Кулябкѣ, передавшему его своимъ дѣтямъ. **А. Кз.** 78 дв., 93 х., 93 с. и подс. коз. 1 дв., 1 х., 1 с. **Кр.** дѣтей бунч. тов. Григорія Кулябки, 21 дв., 23 х., 24 с. **Б. Кз.** 176 дв., 348 х., 1 бдв. х. **Кр.** вдовы подкомор. Кулябки, 37 дв., 57 х. Подс. 6 дв, 9 х., 11 бдв. х.

Въ пол. XVIII в. Новаки достались (конечно, при раздѣлѣ сыновей Григорія) Василію Кулябкѣ, бывшему тогда полковымъ обозным. Пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, этотъ Кулябка, повидимому, позволялъ себѣ не мало своеволій по отношенію не только къ своимъ «подданнымъ», но и относительно козаковъ, жившихъ около его маетностей, при чемъ случалось, что захватывалъ и чужія земли. По случаю одного такого захвата, сдѣланнаго К-кою въ 1762 г., произошелъ характерный случай протеста со стороны Новаковскихъ и сосѣднихъ селянъ. Въ маѣ этого года, козаки Новаковъ, Тарандинцевъ и В. Булатца разорили постройки Василія Кулябки, которыя послѣдній началъ возводить на захваченной землѣ около с. Новаковъ. Уничтоженіе построекъ было сдѣлано съ предупрежденіемъ о томъ владѣльца, какъ доносилъ полковой Лубенской к-ріи потерпѣвшій: «на собственной моей землѣ, около с. Новаковъ, въ урочищѣ Пышнаго Колодца, началъ строить я шинокъ и «уѣздной» (т. е. заѣзжій) дворъ и выстроилъ уже двѣ хаты, а на другія постройки заготовилъ лѣсъ; въ это время, именно 26 мая, пришли ко мнѣ во дворъ два Тарандинскихъ козака Михайло Федоренко и Семенъ Костюченко и объявили мнѣ, что прислали ихъ сельскіе атаманы Тарандинскій да Вышебулатецкій объявить мнѣ, что намѣрены они то мое строеніе

---

[1]) Похилевичъ. Сказанія о насел. мѣстн. Кіевск. губ., 125, 126.

разорить, о чемъ заявляя въ Лубенскую полк. к-рію, прошу Тарандинскому и Высшобулатецкому громадамъ—запретить чинить мнѣ такой «гвалтъ». На другой день послѣ этого, тѣ же атаманы Тарандинскій, Новаковскій и В. Булатецкій съ козаками отправились къ полковнику (Ив. Кулябкѣ) и заявили ему словесную свою жалобу на обознаго, какъ видно изъ донесенія полковника въ генер. к-рію: «прошедшихъ зеленыхъ святъ, во время ярмарки Лубенской, на самой св. Троицы день, мая 27 дня, приходили ко мнѣ, оные Новаковскій, Тарандинскій и В. Булатецкій атаманы съ козаками въ немаломъ числѣ и словесную жалобу представляли мнѣ въ дому моемъ, яко обозный полковой Кулябка выстроилъ уѣздной домъ съ шинкомъ при урочищѣ у Пышнаго Колодезя и изъ того де имъ слѣдоватиметъ обида, и словесно просили у меня дозволенія имъ — тотъ дворъ роскидать, но я имъ того чинить не дозволилъ, а велѣлъ имъ, по прошествіи святочныхъ дней, въ Петровъ постъ, подать въ полковую канцелярію прошеніе на письмѣ; но они и предо мною самимъ оказуя противности, говорили мнѣ, что хотя всѣ «подъ плотомъ гдѣ ляжемъ», а то строеніе разоримъ...» Не получивъ отъ полковника разрѣшенія на «разореніе» шинка обознаго, тѣ же атаманы, «со всѣмъ товариствомъ», подали еще въ полковую канцелярію слѣд. жалобу: «сего 1762 г., мая среднихъ чиселъ, г. обозный полк. Василь Кулябка, невѣдомо почему, близь Пышного Колодезя началъ шинокъ строить, съ чего намъ немалая обида и разореніе слѣдуетъ, ибо еще и не достроилъ, а уже началъ немалыя грабительства дѣлать, а именно: началъ брать деньги за пастьбу скота на занятомъ мѣстѣ, въ селѣ жъ Новакахъ «головные шляхи» позагороживалъ и на выпускѣ мірскомъ устроилъ клуню, и тамъ же близъ шинку леваду закопалъ, которымъ закопомъ немалую часть и «стовпового шляху» занялъ, а нашимъ полемъ шляхъ справилъ...» Описавъ захватъ, козаки просили «повелѣть—шинокъ роскидать, закопъ засыпать, клуню разбросать». Прошеніе это было подано 28 мая, а 30 мая все козачье населеніе трехъ названныхъ селъ, подъ предводительствомъ «запрещеннаго попа» Бабича, напало на только что выстроенный обознымъ заѣзжій дворъ и разорило не только этотъ домъ, но и другія постройки, какъ описываетъ потерпѣвшій въ своей жалобѣ: «оные козаки сего мая 30-го дня, нашедъ на собственную мою землю въ урочищѣ Пышнаго колодезя, устроенный на оной шинокъ съ заѣзжимъ дворомъ вовсе разорили, хаты

раскидали и совсѣмъ разметали, дерево частью порубили, а частью сожгли, вырытую мною, около левады, канаву,—зарыли и все въ ничто обратили... И при этомъ разореніи еще и грозили, что если бы я при этомъ случился или кто изъ моей семьи, то несомнѣнно убили бы... И не довольствуясь тѣмъ разореніемъ, въ тотъ же день, въ отлучку мою изъ Новаковъ, «гвалтовно» напали на жилой мой тамъ домъ и грозя заряженными пистолетами и разнымъ другимъ оружіемъ, съ великой «фуріей» кричали и бранили меня «матерно», похваляясь меня убить, а домъ разорить и сжечь. Освѣдомившись же, что ни меня, ни домашнихъ моихъ нѣтъ дома, бросились на мою клуню, выстроенную мною на жалованной еще отцу моему землѣ, ее разорили, плетень около левады раскидали и порубили, а посѣянную на той левадѣ разную огородину и баштанъ уничтожили...» Получивъ эту жалобу, полковникъ распорядился арестовать зачинщиковъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ наказавъ, посадилъ въ тюрьму. Наказанные пожаловались генер. к-ріи, потребовавшей отъ полковника объясненія, которое тотъ и изложилъ, съ свойственною ему въ писаніи обстоятельностью. При этомъ полковникъ удостовѣрялъ, что нападеніе произведено было толпою, простиравшеюся до тысячи человѣкъ, «съ женами и дѣтьми», и что онъ арестовалъ атамановъ нападавшихъ трехъ селъ и главныхъ зачинщиковъ, объясняя далѣе, что «таково оныхъ козаковъ озорничество не терпѣло медлѣнія, почему тіе козаки и задержаны были—иные при полковой канцеляріи подъ карауломъ, а иные при сотенныхъ Лубенскихъ к-ріяхъ, а иные, первѣйшіе изъ зачинщиковъ (приводцы) въ острогѣ,—но безъ кандаловъ.... И понеже въ снятыхъ съ сихъ козаковъ допросахъ они сами не потаились тому своему смущенію и нападенію на строенія обознаго въ с. Новакахъ, при чемъ сознались, что разорили заѣзжій дворъ и клуню, почему полковой судъ не имѣя надобности въ дальнѣйшемъ слѣдствіи и постановилъ рѣшеніе» по силѣ указовъ и Малороссійскаго права «и привелъ его въ исполненіе, такъ какъ апелляціи по такимъ дѣламъ не допускаются». При этомъ полковникъ даетъ еще и такое объясненіе относительно немедленного исполненія рѣшенія: «при этомъ я имѣлъ въ виду, что въ указѣ императора Петра Перваго, напечатанномъ 17 апрѣля 1722 г., значится, что всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, а буде кто тотъ указъ преступитъ, слѣдуя правиламъ Гагариновымъ,

тотъ яко нарушитель правъ и противникъ власти, казненъ будетъ смертью,—для того по оному рѣшенію, съ вѣдома и согласія моего, полковая старшина, наблюдая монаршіе указы и права и свою присяжную должность, и исполненіе учинить опредѣлили, инако бо и учинить не слѣдовало». Далѣе полковникъ пишетъ, что «смутившіеся» козаки были наказаны, какъ за свое преступленіе, такъ и въ примѣръ другимъ, въ виду послѣдовавшихъ и въ другихъ мѣстахъ подобныхъ «своевольствъ». При этомъ К-ка называетъ слѣд. случаи: 1) въ Чорнухахъ—козаки толпою напали на людей подскарбія генеральнаго и приключили имъ бои, гвалты и грабительства, въ явную противность указамъ и правамъ и 2) въ Оржицѣ—«такожъ собравшись въ многолюдствѣ, и на слободку вдовствующей сотниковой Ирклѣевской Требинской напавъ, знатныя грабительства приключили и людей 11 семей гвалтовно забрали и гдѣ дѣвали—еще неизвѣстно...» Относительно жестокости наказанія, на которую указывали жалобщики, полковникъ объяснялъ, что «ни единаго изъ своевольниковъ кіями не наказывали, а только—ординарными плетьми, какія тогда имѣлись у караульныхъ козаковъ при шабляхъ, и не барбарами, и ударовъ всего только по 60-ти дано здоровымъ, а старѣйшимъ—смотря по лѣтамъ: по 15-ти и по 10-ти«. Мы не знаемъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ этого выдающагося эпизода въ исторіи отношеній державцевъ къ селянамъ, но это обстоятельство не мѣшаетъ видѣть какъ въ этомъ эпизодѣ, такъ и въ двухъ другихъ, указываемыхъ К-кою—факты едвали возможные въ это время въ сѣверныхъ полкахъ... Повидимому, населеніе южной степной Малороссіи сохраняло еще и въ пол. XVIII в. увѣренность въ возможности успѣшной самозащиты противъ *панскихъ* насилій.... [1]).

С. Ольшанка, рч. Ольшанка, возникла около водяныхъ мельницъ, устроенныхъ здѣсь разными лицами и затѣмъ скупленныхъ Мгарскими монахами. Много земельныхъ участковъ здѣсь и пожертвовано на м-рь; напр., по акту 1645 г., сыновья умершаго Лубенскаго войта Федора Луня, исполняя посмертную волю отца, отдали м-рю «островъ на рч. Ольшанкѣ, съ деревомъ садовымъ и дикимъ, вверху монастырскаго ставка». По универсалу Хмельницкаго 1655 г. утверждено за Мгарскимъ м-ремъ и все село, которое впрочемъ монахи считали и прежде своимъ. «Ознаймуемъ . . . . ижъ с. Олшанка до м-ра Мгар-

---

[1]) Бумаги Кіевск. центр. арх. См. также Кіевск. Стар. 1891 г., февр., 312—314.

ского, яко есть належно, которого мы не отдаваючи одъ того мѣста святого, такъ атамановѣ, яко и всѣмъ обывателемъ въ томъ селѣ будучимъ расказуемъ и срокго напоминаемъ, такъ въ вышшомъ яко и въ нижшомъ млинку, которіе до того жъ м-ра здавна належатъ, нихто найменшое кривди и перешкоды чинить абысь не важился»... **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Мгр. мон. 23 дв., 24 х., 24 с. **Б.** Мгр. м. 53 дв., 73 х., 3 бдв. х.

Д. **Шепелевка**, рч. Ольшанка, поселена въ к. XVII в., быть можетъ вдовою Лубенскаго войта Петра Шепеля (1689 г.), какъ видно изъ свидѣтельскаго показанія записаннаго въ к. XVII в., которое приводится вслѣдъ за симъ.

Д. **Александровка**, рч. Ольшанка. Судя по названію, поселеніе ея должно относиться къ к. XVI в., когда по имени Александра Вишневецкаго названы были возобновленные Лубны—*Александровомъ* и село на рч. Слѣпородѣ—*Александровкою*. Ольшанская Александровка упоминается въ одномъ земельномъ слѣдствіи к. XVII в., по спору Мгарскаго м-ря съ сосѣдями, какъ поселеніе уже старинное: «Федоръ Знакъ, житель Александровскій, *отъ сорока лѣтъ тамъ жіючій*, посвѣдчае, же Пирского [1]) небощика гди Радченко [2]) вигналъ зъ Александровки, (то) онъ, Пирскій, займаючи гребелку и лужокъ, занялъ (лужокъ) за Русиновича [3]), нижей гребелки, по самій Лубяный мостокъ, у которомъ лужку ни отъ кого, якъ самъ не узнавалъ перепоны Пирскій, такъ и *Шепеля отъ его купивши, спокойне владѣла;* тилко разъ подъ часъ уорваня (прорыва) гребелки Волшанской монастырской, нарубали були чернцѣ деревнѣ, и за тое хотѣла Шепеля до суду енералного удатися» [4])…. **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Луб. полковн. Апостола, 11 дв., 11 х., 11 с. **Б. Кр.** рангов. Луб. полковника 18 дв., 25 х., 1 бдв. х. подс. 5 дв., 7 х. Отсюда видно, что Александровскіе крестьяне и въ 1740 г. находились у Апостола лишь въ ранговомъ пользованіи.

Кромѣ перечисленныхъ селъ, по вѣдомости 1781 г. въ первой полк. сотнѣ показано *36 хуторовъ*, названіе коихъ обозначается лишь именами хозяевъ. Въ нихъ: 13 дв., 24 х., 60 бдв. х.

---

[1]) Мож. б. бывшаго полковника

[2]) Конечно—Романъ Радченко, бывшій полков. сотникомъ въ 1679—684 гг.

[3]) Макарій Русиновичъ, игум. Мгарскій, 1673—681 гг.

[4]) Акты Мгарск. м-ря, л. 821 об.

Села второй полковой сотни. Старѣйшія села этой сотни расположены были по рч. Слѣпороду, побережья котораго изстари привлекли вниманіе польскихъ пановъ. Въ 1590 г. Варшавскимъ сеймомъ была утверждена часть Посулья, заключавшая въ себѣ «Горошинъ и Слѣпородъ», за «тремя особами», изъ которыхъ впослѣдствіи объявился одинъ Станиславъ Жолкѣвскій.[1]). Въ то же время Вишневецкіе получивъ право на все Посулье, захватили и побережья Слѣпорода, которыя и начали заселять вмѣстѣ съ остальными здѣшними своими землями. По смерти Жолкѣвскаго, дочь его Софья (ж. Яна Даниловича, воеводы русскаго) вспомнила о пожалованномъ отцу Посульскомъ имѣніи и жаловалась Люблинскому трибуналу на Вишневецкихъ — «о посаженье и осягнене добръ, грунтовъ и урочискъ, т. е. *пустынь Горошина и Слѣпорода*, зо всими тихъ обойга урочищъ належностями и о *посажене на тыхъ грунтахъ* и *урочищахъ разныхъ мѣстъ, мѣстечекъ, селъ, футоровъ»*... При этомъ воеводина поясняла, что тѣ грунта—Горошинъ и Слѣпородъ—находятся—«*на шляху татарскомъ, при самой границѣ татарской* и *при рубежу Московскомъ*» [2])... Это любопытное поясненіе указываетъ, что татары при набѣгахъ на лѣво-бережную Украину «перелѣзали» Сулу гдѣ то между Слѣпородомъ и Горошинокомъ, слѣдуя при этомъ извычнымъ своимъ шляхомъ, оттого и получившимъ названіе *татарскаго*.

С. Низшій Булатецъ, рч. Булатецъ, поселенъ въ перв. пол. XVII в. По акту 1674 г., «п. Михайло Кулябка зъ с. Кононовки, продалъ луку въ лѣсомъ, надъ Булатцемъ рѣчкою, п. Ивану Кулябкѣ, за 10 копъ». По акту 1678 г., Семенъ Третякъ, житель Низшого Булатця, продалъ дуброву п. Ивану Кулябкѣ за 10 копъ. **А. Кз.** 32 дв., 35 х., 45 с. Подс. Кулябокъ, Рвачевскаго и Савича—12 дв., 12 х., 12 с. **Кр.** Показаны только подсосѣдки: мѣщан. Луб. Конст. Грека и «попа тамошнего» Романа Кротенка—2 дв., 2 х., 2 с. Тутъ же, около Н. Б-ца, показанъ «хуторъ» Лохвицк. сотника Ивана Огроновича («подсусѣдки на купленной его землѣ жіючіе»), 16 дв., 18 х., 18 с. Хуторъ этотъ долженъ быть теперешняя д. **Осовцы. Б. Кз.** 59 дв., 89 х., 2 бдв. х. **Кр.** 3 дв., 5 х., 5 бдв. х. подс. 8 дв., 13 х., 9 бдв. х. Въ **Осовцахъ** особо: **Кз.** 9 дв., 19 х. **Кр.** 4 дв., 5 х. подс. 5 дв., 7 х.,

---

[1]) Volum. legg., изд. 1859 г., II, 217.

[2]) Кіевск. Ц. Арх., книга гродск. житом.. № 14, л. 836 об.

1 бдв. Вѣроятно, подсосѣдки изъ козаковъ обнаружили свое сословіе во время составленія Румянцовск описи.

С. Кононовка, ок. рч. Булатца, поселена въ перв. пол. XVII в. **А. Кз.** 27 дв., 29 х., 29 с. подс. Петра Орѣховскаго, 1 дв., 1 х., 1 с. **Кр.** своб. 1 дв., 1 х., 1 с. **Б. Кз.** 53 дв., 107 х. Подс. 19 дв., 22 х., 11 бдв. х.

Д. Чудновцы, повидимому, выселокъ изъ Кононовки к. XVII в. **А. Кз.** 17 дв., 20 х., 20 с. Подс. 1 дв., 2 х., 2 с. **Кр.** своб. 7 дв., 7 х., 7 с. **Б. Кз.** 49 дв., 78 х. подс. 8 дв., 9 х., 2 бдв. х.

С. Воронинцы, рч. Слѣпородъ, поселеніе перв. пол. XVII в. Здѣсь Мгарскіе монахи въ 1654 г. купили у «жительки Воронинской *Христины Вороновны*» «луки, лѣсъ и поля», но затѣмъ, когда изъ этой покупки сосѣди стали прихватывать частицы къ своимъ участкамъ, то монахи просили продавицу—указать предъ урядомъ границы проданныхъ ею земель и Вороновна, въ 1678 г., предъ Лохвицкимъ урядомъ, показала:—«якъ Богу душу мою ховаю, такъ предъ вами сознаю: продаламъ до м-ра Мгарского въ *отчизнѣ моей*, въ с. Воронинцахъ, отцевскіе луки и поля и въ лузѣ лѣсъ; лѣсу тому въ лузѣ границя: отъ гори рѣчки (?) гатка, *которою уходилъ отецъ мой съ княжини въ кролевскій городъ Яблуневъ*»... На основаніи этого акта можно предполагать, что отецъ Христины—*Ворона* былъ полякъ и потому долженъ былъ бѣжать съ *княжины* (т. е. изъ владѣній князя Вишневецкаго?) во время козацкаго въ 1648 г. возстанія.... Можетъ быть, что этотъ же *Ворона* былъ и основателемъ *Воронинецъ*. **А. Кз.** 26 дв., 31 с., 31 дв. Подс. сотника Семена Пріймы и друг.— 9 дв., 15 х., 15 с. **Кр.** Показаны только подсосѣдки Мгарск. м-ря, 10 дв., 11 х., 11 с. **Б. Кз.** 53 дв., 107 х., 11 бдв. х. **Кр.** Мгарск. мон. 6 дв., 9 х., 4 бдв. х. Подс. 8 дв., 14 х., 11 бдв. х.

Д. Черевки, рч. Слѣпородъ, можетъ быть, козачій выселокъ изъ Хорошковъ. **А. Кз.** 34 дв., 44 х., 44 с. Подс. Ив. П. Кулябки, Мих. Скаржинскаго и друг.—6 дв., 6 х., 6 с. **Б. Кз.** 61 дв., 151 х., 18 бдв. х. Подс. 4 дв., 6 х., 12 бдв. х.

С. Хорошки, рч. Слѣпородъ, посел. перв. пол. XVII в. По сосѣдству съ Слѣпородскимъ м-ремъ, Хорошковцы постоянно спорили съ монахами за земельные захваты. Въ 1676 г. Мгарскій игуменъ жаловался Лубенскому полковнику, что житель г. Хорошковъ Савка Ганджуренко—чуть не на смерть избилъ эконома «Юсковскаго мо-

настырця» и что это нападеніе было слѣдствіемъ земельныхъ споровъ, такъ какъ Хорошковцы постоянно грозили Юсковскимъ монахамъ. Позванные предъ полковой урядъ Хорошковцы, «прозбу свою чинили, абы до той звады, якая сталася отъ Ганджуренка ихъ не притягали, вирѣкаючи, же вѣчними часи не чинячи заводу о грунта, обѣцуютъ зъ о. Діонисіемъ, намѣстникомъ м-рця Юсковского и при немъ зостоючою братіею, — ласково и лагодно оставати и жаднихъ перехвалокъ не чинити, каждий своего грунту пилнуючи, а до монастирскихъ грунтовъ интересоватися не мѣютъ»... Данное Хорошковцами обѣщаніе однакожъ скоро было нарушено, такъ какъ въ слѣдующемъ 1677 г. произведено было Хорошковцами новое «тиранское забойство» надъ экономомъ Слѣпородскаго м-ря. Случилось это, по разсказу Слѣпородскаго намѣстника, такимъ образомъ: былъ онъ, намѣстникъ, съ нѣкоторыми изъ братіи, на *канунѣ* (см. стр. 80) въ с. Пулинцахъ; вечеромъ онъ, намѣстникъ, вернулся въ монастырь, а братія осталась въ Пулинцахъ; въ томъ числѣ остался и «братъ Геласимъ», экономъ монастырскій; возвращался «братъ Геласимъ» въ м-рь уже поздно ночью; въ это время на него сдѣлано было кѣмъ то нападеніе и онъ былъ «тиранско» избитъ. Заявляя объ этомъ Лубенскому «уряду», Слѣпородскій намѣстникъ добавилъ, что потерпѣвшій не знаетъ, кто его избилъ, но онъ, намѣстникъ, подозрѣваетъ въ этомъ насиліи кого нибудь изъ Хорошковчанъ, которые тоже были въ Пулинцахъ на *канунѣ* и съ которыми м-рь имѣетъ «заводъ за луку и поля, которыя Хорошковчане гвалтомъ посѣдаютъ», почему Слѣпородскіе монахи «домниманіемъ (sic) доходятъ, ижъ тое забойство не одъ кого иншого только одъ Хорошковчанъ ся стало». Выслушавъ это заявленіе, полковой «урядъ» распорядился призвать къ себѣ Хорошковчанъ, «которіе любо барзо прѣлися (запирались) отъ таковаго учинку злого, але еднакъ зъ межи нихъ забойца знайшолся Прокопъ Ганджуленко (Ганджуренко?), до которого забойства и самъ передъ нами признался, якъ билъ до смерти обухомъ въ голову економа». Предупреждая подобное «своеволіе» на будущее время, «урядъ» «приказалъ было на горлѣ забойцу карати», но «велебные отцы» просили урядъ «даровать забойцу горломъ», вслѣдствіе чего даровавъ «забойцѣ» жизнь, урядъ приказалъ «въ два кій дать ему добрую хлосту, а на селянъ всѣхъ вину войсковую положити и абыся вѣчними часы селяне Хорошковчане гвалтомъ и уси-

ловне въ тіе добра монастырскіе жадною мѣрою не вттручали, своихъ толко грунтовъ заживаючи» [1])...

Хорошки были отданы полковникомъ (Свѣчкою?) Андрею Яковлеву, бывшему полковому сотнику, и затѣмъ въ 1689 г. утверждены за нимъ универсаломъ Мазепы 1689 г., при чемъ отданы были ему и Лубенскіе «подварки» Плютинцы. По смерти Яковлева имѣніе его досталось пасынку Савичу, передавшему ихъ своимъ сыновьямъ, (см. стр. 54), а послѣдніе продали Хорошки придворному бандуристу Григорію Любистоку, владѣвшему ими до своей смерти. Послѣ смерти Любистка Хорошки вмѣстѣ съ Пулинцами и Плютинцами (предм. Лубновъ) были проданы (вѣроятно, наслѣдниками Любостока), дѣйств. ст. сов. Марку Федоровичу Полторацкому [2]). **А. Кз.** 31 дв., 40 х., 40 с. Подс. Кулябокъ и друг. 6 дв., 6 х., 6 с. **Кр.** б. т. Петра Савича, 14 дв., 14 х., 14 с. **Б. Кз.** 41 дв., 83 х., 3 бдв. х. **Кр.** ст. сов. Полторацкаго, 34 дв., 56 х., 7 бдв. х. Подс. 5 дв., 6 х., 2 бдв. х.

С. Пулинцы, рч. Слѣпородъ, извѣстны съ перв. пол. XVII в., когда тогдашнимъ ихъ владѣльцемъ Іереміей Вишневецкимъ были заложены вдовѣ запорожскаго гетмана Ивана Сулимы [3]); вмѣстѣ съ Хорошками достались Савичамъ, проданы ими Любистоку, а затѣмъ перешли къ къ Полторацкимъ (см. Хорошки). **А. Кз.** 15 дв., 21 х., 21 с. Подс. Косинскихъ, 3 дв., 3 х., 3 с. **Кр.** б. т. Петра Савича, 8 дв., 8 х., 8 с. **Б. Кз.** 5 дв., 9 х. **Кр.** Мгр. мон. 76 дв., 119 х., 1 бдв. х. Подс. 1 бдв. х.

С. Пятигорцы, рч. Слѣпородъ, поселены въ перв. пол. XVII в. Поблизости къ Слѣпородскому м-рю, Мгарскіе монахи скупали здѣсь земли. Такъ, по акту 1671 г., «славетная Христина Хвесиха Майстренковая, а по первому мужу *Пятигорченковая*, посполу изъ сыномъ своимъ рожонимъ Никитиною Пятигорченкомъ, обиватели Пятигорскіе, греблю свою власную на рѣчцѣ Слѣпородѣ, межи Юсковцями и Пятигорцями лежачую, продали... мѣстцу святому м-ру Мгарскому.... за вигоду и добродѣйство намъ подъ часъ дорожнети освѣдчоное, збожамъ рознимъ бралисмо, а теперъ тую греблю продавши мѣстцу святому, взялисмо овецъ двое старихъ по пятиволо-

[1]) Акты Мгарск. мон., лл. 139—140.

[2]) Бывшій придворный пѣвчій, родомъ изъ г. Сосницы, (р. 1727 † 1795). См. Русск Родосл. книга, II, 148.

[3]) Сулим. Арх., 20.

тыхъ, а третюю ярку—въ таляру, що тоей всей сумми зраховалисмо золотыхъ шестдесять» [1])... Упоминаемый здѣсь *Пятигорченко* былъ, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ насельниковъ Пятигорцовъ... По акту 1700 г., житель с. Пятигорецъ Яско Стасенко «грунтъ свой зъ лѣсомъ, ивенъ и сѣножатю», купленный у іеромонаха Діонисія Стріевскаго, намѣстника Слѣпородскаго, за золот. 60, продалъ Мгарск. иг-ну и его братіи за золот. 500, изъ которыхъ взялъ готовыми деньгами 110 золот., а 390 зол. «за уписъ въ синодикъ або поминникъ монастирскій, такъ мене самого, яко и кревныхъ моихъ, аби за насъ Господа Бога молитвовали» [2])... **А.** Кз. 9 дв., 15 х., 15 с. Подс. зн. т. Ром. Калницкаго и коз. 8 дв., 8 х., 8 с. **Кр.** Своб. 1 дв., 3 х., 3 с. **Б.** Кз. 33 дв., 55 х., 1 бдв. х. **Кр.** 2 дв., 4 х. Подс. 5 дв., 9 х., 10 бдв. х.

С. Вязовокъ (Вязовецъ), долина р. Сулы, селился въ перв. пол. XVII в. и уже къ полов. этого вѣка былъ настолько населеннымъ пунктомъ, что былъ центромъ особой Вязовецкой сотни: актъ 1654 г. упоминаетъ «Дмитра Кулябченка, сотника Вязовецкого». Б. Хмельницкимъ отданъ Мгарскому м-рю, какъ видно изъ универсала Юрія Хмельницкаго 1659 г. — «яко небожчикъ панъ отецъ нашъ.... пустилъ села на обитель Мгарскую—с. Олшанку зъ вишимъ и нижнимъ млинкомъ, *село Вязовокъ* зъ принадлежностями своими» и т. д. Владѣя крестьянами этого села, монахи скупали здѣсь «грунта», какъ видно изъ купчихъ, при чемъ въ послѣднихъ званіе продавцовъ не обозначается («обыватель Вязовецкій»), изъ чего можно предположить, что таковыми были Вязовецкіе крестьяне, такъ какъ козаки обыкновенно званіе свое указывали. **А.** Кз. 41 дв., 44 х., 44 с. Подс. Петра Кулябки и друг. 6 дв., 6 х., 6 с. **Кр.** Мгарск. м. 61 дв., 66 х., 66 с. **Б.** Кз. 53 дв., 90 х., 1 бдв. х. **Кр.** Мгр. мон. 58 дв., 91 х., 1 бдв. х. Подс. 13 дв., 13 х., 5 бдв. х.

Д. Терны, рч. Булатецъ (?), поселены Мгарскими монахами на землѣ бывшихъ Лубенскихъ бернардиновъ, отданной м-рю Б. Хмельницкимъ. По акту 1660 г., козаки братья Науменки, продавая Мгарскому м-рю рыбную ловлю «въ озерахъ бернадинскихъ», пишутъ: «купилисмо били въ грунтахъ бернадинскихъ, на *врочищи прозывае-*

[1]) Акты Мгарск. м-ря, л. 187 об.

[2]) Т. ж., л. 143.

мыхъ Тернахъ, изовъ два увъ озерахъ бернадинскихъ, которихъ то изовъ уживалисмо по збуренню кляштора Лубенского отъ лѣтъ килка, яко славной памяти небовчикъ п. гетманъ В. З. Б. Хмелницкій тіе всѣ грунта кляшторніе на *урочищахъ, прозываемыхъ Тернахъ,* що предъ тимъ уживали бернадини кляштора Лубенского, т. е. поля до пахана хлѣба, сѣножатей, огородовъ, лѣсовъ, озеръ и випусти до паши коней и быдла, тое все надалъ велебнимъ отцамъ м-ра Мгарскаго»... Объ отдачѣ м-рю бернардинскихъ земель Б. Хмельницкимъ сохранилось два универсала: 1) 5 марта 1657 г.— «ознаймуемъ... даемъ моцъ симъ писаніемъ нашимъ до уживаня сеножатей тихъ, которіе передъ тимъ бернадини Лубенскіе держали, о. игуменовѣ и всей братіи м-ра Мгарского, посполу даючи въ моцъ и послушенство тихъ людей, которіе на тихъ сѣножатехъ поселилися»... 2) 21 іюля 1657 г.—«ознаймуемъ, ижъ якосмо зразъ (заразъ?) надали всѣ луки бернадинскіе на м-рь Мгарскій, такъ и теперъ въ томъ жадное не чинячи отмѣны конфѣрмуемъ, кождому сурово приказуючи, абы жаденъ зъ Лубенцовъ и околичнихъ, поблизу мешкаючихъ людей, до тихъ лукъ бернадинскихъ отъ насъ на м-рь Мгарскій наданнихъ, такъ же и до того лѣса, которій за вѣдомостю нашею того жъ м-ра отцове и братія заняли, такъ теперъ, яко и напотомъ втручатися не важилъ и жадное въ тихъ лукахъ, въономъ лѣсѣ, такъ же и въ перевозѣ на Лисой горѣ найдуючомся, шкоди не чинилъ»... Затимъ монахи *бернардинскія* земли увеличивали покупкою сосѣднихъ земель, напр., по акту 1659 г., «Василь Кравецъ Романенко» продалъ м-рю «грунтъ свой власній отцевскій, лежачій въ *Тернахъ, на Булатщи,* прозиваемий Щербиновскій» и проч. **А. Кн.** **нѣтъ. Кр.** Мгр. мон., 13 дв., 13 х., 13 с. **Б. Кр** Мг. мон. 25 дв., 30 х.

Поселенія лѣваго берега Сулы.

С. Пески, ок. р. Сулы, поселены въ перв. пол. XVII в.; по универсалу 1677 г. Самойловичемъ отданы Мгарскому м-рю, съ позволеніемъ—«такъ зъ людей тяглихъ тамошнихъ повинности, яко и зо всѣхъ до него належныхъ кгрунтовъ звичайніе на свое имъ вспарте отбирати пожитки». Изъ сохранившихся купчихъ, по которымъ пріобрѣталъ м-рь здѣсь земли въ нач. втор. полов. XVII в., отмѣчаемъ слѣдующія: 1) 1660 г., по которой «обыватель Пѣсковскій» Федоръ Толоченко, передавая м-рю «всѣ свои грунта власніе дѣдизніе и отцев-

скіе», пишетъ: «зоставши при боку отца Загоровского, игум. Мгарского, умислилемъ себѣ послужити Войску Запорозкому на Запорожю, а не маючи чимъ бы ся моглъ заратовати на борошно, яко и на иншіе потребы козацкіе, просилемъ его млти о. Загоровского, жебы мене въ потребѣ моей порятовалъ. Тѳди онъ.... вигодилъ, давши менѣ напередъ, коня въ шерсти вороного зъ кулбакою, возомъ, хомутомъ и борошномъ всякимъ, въ 150 золотихъ, казанъ курѣнный въ 8-ми копахъ, мушкетъ зъ рогомъ и шаблею въ 10-ти копахъ, сукенъ пара фалендишевыхъ— талярей 20, кожухъ въ 8-ми золот., кобенякъ въ 2-хъ талярехъ, пара шапокъ, една соболцевая, въ 2-хъ талярехъ, а другая—завійковая, въ 2-хъ золотыхъ, портки фалендишовие зол. 8, ботовъ паръ двѣ—4 золот. и грошей готовихъ на дорогу 20 таляр., што все чинитъ на золот. триста и тридцять...» За эту движимость Толоченко отдалъ м-рю все свое недвижимое имѣніе въ Пескахъ, составлявшее особый «кутъ, прозываемый Толочковскій»[1]. 2) 1675 г., въ которой читаемъ: «я Харко Мамотенко, атаманъ Пѣсковскій, и при мнѣ будучое товариство Андрѣй Родъ, Лазаръ Чорний, Василь Куликъ, Илко Манадиченко, яко жъ зъособна и всѣ притомъ будучіе старшіе и меншіе козаки, вѣдомо чинимъ симъ нашимъ доброволнимъ записомъ... ижъ згодне и добростайне порадившися себѣ, продалисмо островъ, лежачій промежду нашими сѣнокосами... о. Макарію Русѣновичевѣ, игум. м-ра Мгарского... за полщести копи литовской личби, никому не пенный, але здавна намъ, товариству войсковому, еще *отъ панства* наданний, а то учинилисмо умислне для того, жеби могли свой курѣнний казанъ купивши мѣти, яко сихъ часовъ того конечне войско по насъ потребуетъ...» **А. Кз.** 6 дв., 6 х., 6 с. **Кр.** Мгар. мон. 28 дв., 28 х., 28 с. **Б. Кз.** 5 дв., 9 х. **Кр.** Мгар. мон. 76 дв., 119 х., 1 бдв. х. Пдс. 1 бдв. х.

С. Засулье, рч. Солоница, выселокъ Лубенскій втор. пол. XVII в. Крестьяне оставались свободными до 1752 г., когда Засулье, вмѣстѣ съ Губскимъ и друг. селами, отдано было Разумовскимъ обозному Ивану Кулябкѣ **А. Кз.** 30 дв., 32 х., 32 с. Пдс. Корнѣевича, Пріймы и разн. козаковъ — 33 дв., 42 х., 42 с. **Кр.** своб. 4 дв, 4 х., 4 с. Пдс. Орѣховскаго и друг. 10 дв., 10 х., 10 с. **Б. Кз.** 65 дв., 137 х., 21 бдв. х. **Кр.** «коронныхъ» 17 дв., 38 х., 1 бдв. х. Мгар. мон. и

---

[1]) Въ числѣ свидѣтелей подписался между прочимъ «п. Стефанъ Красный Ваштa».

Кулябокъ, Андрея и Семена, 23 дв., 23 х., 4 бдв. х. Пдс. 33 дв., 54 х., 8 бдв. х.

Д. **Солоница**, рч. Солоница, указываетъ на урочище, извѣстное по сраженію Наливайка съ поляками. Настоящая С-ца образовалась изъ хуторовъ, которые Лубенцы устраивали себѣ «при рѣчкѣ Солоницѣ». Въ 1752 г., когда отдано было обозному Ивану Кулябкѣ с. Засулье, то онъ тѣмъ не довольствуясь, какъ жаловались Лубенцы гетману, присоединилъ къ Засульскимъ землямъ «искони принадлежащія Лубнамъ *толоки* при рѣкѣ называемой Солоницѣ, отъ г. Лубенъ и с. Засулья верстахъ въ 10, и *въ поселенныхъ тамъ хуторцахъ* началъ чинить разореніе...» А тѣ толоки и принадлежащія къ нимъ *дальніе Лубенскіе пологи*, говорится далѣе въ жалобѣ, служатъ единственнымъ мѣстомъ для пастьбы скота и лошадей Лубенскихъ обывателей и для заготовленія тамъ сѣна...» По спору Лубенцевъ Кулябка началъ противъ нихъ въ судѣ дѣло, но чувствуя свою неправоту, затягивалъ процессъ, «ежечастно, предъ старшиною полковою Лубенскою и другими персонами, выхваляясь, что по письмамъ къ нему отъ преосвящ. Петербургского Сильвестра, родного его брата, и сыновъ его жъ, можетъ получить отъ гетмана что̀ ни пожелаетъ», а потому надѣется получить какъ общую Лубенскую толоку, такъ и называемыя дальніе Лубенскіе жъ пологи... А тѣ пологи искони во владѣніи Лубенскихъ козаковъ находились, «еще по отбитіи Малой Россіи съ подъ депентенсіи полской». Кулябка возражалъ, что спорные *пологи* къ г. Лубнамъ никогда не принадлежали, а спорная толока «положеніе имѣетъ надъ рѣчк. Солоницею, которая посрединѣ самого села Засулья теченіе свое имѣетъ и въ единственномъ владѣніи была Засулцовъ, которыхъ бывшій полковникъ Лубенскій Зеленскій зогнавши, тогдашнею властію своею полковничею, устроилъ себѣ хуторъ и владѣлъ онымъ, не допуская Засулцовъ до случаю своего, поколь былъ полковникомъ; когда же оного не стало, то наки оные жъ Засулцѣ на той толокѣ отнятой начали пахать и сѣно косить, а старшина городовая, въ которой командѣ оное село, яко свободное, властію своею, первѣе, начали лошадей на пастбу пускать, *а потомъ единъ на другого смотря, хуторцы занимать...»* [1]). Этотъ споръ, кончившійся вѣроятно въ пользу Кулябки, указываетъ, что хутора̀ по Солоницѣ начали се-

---

[1]) Изъ бумагъ Кіевск. Ц. Арх.

литься съ нач. XVIII в., но слились въ одно поселеніе гораздо позже, такъ какъ и по вѣдомости 1782 г. значатся только *Солоницкіе хутора*. (См. ниже; *Хутора*).

С. Шершневка, р. Сула, по одноименности съ селомъ Кіевскаго полѣсья можно предполагать о поселеніи Лубенской Ш-ки выходцами изъ Радомысльскихъ Шершней (см. Новаки). Мазепою отдана зятю Апостола Петру Кулябкѣ, за которымъ утверждена царскою грамотою въ 1736 г. По купчей 1754 г., Ив. П. Кулябка продалъ доставшуюся ему отъ отца Ш-ку брату своему Василію за 1500 р.,—«по необходимости къ заплатѣ занятыхъ по векселямъ сыномъ Петромъ, въ иностранныхъ коллегіяхъ обрѣтаючимся, доброю своею волею и по письменнымъ того сына единого требованіямъ». Но и продавъ Ш-ку, Ив. К-ка обижалъ здѣшнихъ козаковъ, отнимая у нихъ земли. При составленіи генер. описи Малороссіи въ 1766 г., козаки Ш-ки между прочимъ показывали, что имѣли они при своемъ селѣ пахатной земли, издревле козачей, а именно Фесенко на 6 дн., Макаренко на 3 дня, Морозенко на 6 дн., Зѣнченко на 12 дн. и т. д., которымъ полемъ владѣли они чрезъ многіе годы спокойно, которое поле и въ нынѣшнюю генер. опись за собою показали, но полковникъ Лубенскій Ив. К-ка, усиливаясь всѣмъ тѣмъ клиномъ, гдѣ ихъ поле, завладѣть, первое, оный вокругъ самовольно заоралъ, а потомъ чрезъ посланныхъ своихъ—владѣть тѣмъ полемъ имъ, козакамъ, запрещалъ; сверхъ того, съ нихъ—у Макаренка и Морозенка, въ прошломъ 1764 г., по парѣ воловъ заграбилъ за то, что въ томъ году они свою землю выорали и засѣяли, и держалъ два дня, пока они, по приказу его, какой то ему, полковнику, подписки не дали; и хотя оные всѣ козаки и нынѣ тѣмъ полемъ владѣютъ, однако по чинимому отъ него, полковника, запрещенію, въ немалой опасности состоятъ...»[1]. **А. Кз.** 49 дв., 54 х., 54 с. Пдс. Фед. Кулябки и др. 3 дв., 3 х., 3 с. **Кр.** б. т. П. П. Кулябки 16 дв., 16 х., 16 с. **Б. Кз.** 120 дв., 206 х., 2 бдв. х. **Кр.** (Кулябокъ?) 19 дв., 25 х., 2 бдв. х. Пдс. 1 дв., 2 х., 1 бдв. х.

С. Ерковцы, р. Сула, поселены въ перв. пол. XVII в. До нач. XVIII в. были свободны; затѣмъ, отданы полковникомъ Марковичемъ б. т. Григорію Корнѣевичу, за которымъ утверждены Разумовскимъ въ 1752 г.,—«объявляемъ, абшит. б. т. Григорій К-чъ представлялъ:

---

[1]) Румянц. Опись.

имѣетъ де онъ во владѣніи своемъ въ полку Луб. с. Ерковцы и д. Леляки, наданніе ему за вѣрніе его службы въ 1717 и 1723 гг. отъ бившого полковника Луб. Марковича, гетманского же универсала за его частими въ военние походи отлучками получить онъ не могъ... И хотя то полковникомъ Луб. Марковичемъ ему, Корнѣевичу, с. Ерковецъ и д. Леляковъ надача есть несилна, яко Малороссійскихъ полковъ полковникамъ надачи маетностей чинить никакимъ указомъ, ниже по Малороссійскимъ правамъ, не дозволено, но понеже небеизвѣстно намъ, что онъ, К-чъ, за бытіе его еще сотникомъ Пирятинскимъ во всѣ военніе времена служилъ» вслѣдствіе чего гетманъ и далъ ему с. Ерковцы и д. Леляки и особо с. Кейбаловку, указавъ что по ревизіи 1751 г. значится въ Ерковцахъ—4 дв., въ Лелякахъ—12 дв. и 3 бд. х. и въ Кейбаловкѣ—3 дв. и 1 бд. х. А. Кз. 22 дв., 24 х., 24 с. Пдс. Григ. Кулябки 10 дв., 10 х., 10 с. Кр. сотн. Пир. Григ. Корнѣевича 16 дв., 17 х., 17 с. Б. Кз. 38 дв., 73 х., 73 бд. х. Кр. (Корнѣевичей) 3 дв., 5 х., 16 бд. х. Пдс. 9 бд. х. Трудно объяснить какимъ образомъ количество здѣшнихъ крестьянъ съ 1740 г. до 1752 г. умалилось съ 16 дворовъ на 4, какъ сказано въ универсалѣ Разумовскаго.

Кромѣ перечисленныхъ селъ, во второй полк. сотнѣ по ревизіи 1740 г. показана еще *д. Заудаи*, въ которой показано подсос. Мгарск. м. 11 дв., 11 х., 11 с. Деревня эта, не найденная нами на картѣ, по вѣдомости 1782 г. не значится. Но по сей послѣдней вѣдомости— значится принадлежащею ко 2-й полк. сотнѣ *с. Святопокровская Бочка*, принадлежащая надв. сов. Алексѣеву; въ ней показано Кр. 78 дв., 82 х. и 31 бд. х.

Хутора второй полковой сотни. Въ перв. полк. сотнѣ хуторовъ по ревизіи 1740 г. вовсе не значится, кромѣ Осовцовъ. Во второй же сотнѣ ихъ значится 41, съ указаніемъ хозяевъ и урочищъ. Урочища показаны слѣд.: *Мятяшовка*, *Бочки*, *Солоница*, *Хорольскіе Колодязи*, *за-Сѣпородомъ*, *на рч. Иржавецъ*, *Вовчіе Могилы*, *на Богацкъ*, *Сухой Вязовецъ и Сырой Вязовецъ.* Повидимому, первыя четыре урочища находятся на лѣвомъ берегу Сулы, а послѣднія—на правомъ. Болѣе всего хуторовъ было *на Солоницѣ* и почти исключительно—рядовыхъ Лубенскихъ козаковъ. По вѣдомости 1782 г. въ 2-й сотнѣ значится хуторовъ — 96, а въ нихъ 58 дв., 82 х. и 430 бд. х. Названія х.х. не указаны, а означены только ихъ хозяева.

Лукомская сотня занимала побережья Сулы отъ рч. Слѣпорода до устья рч. Оржицы. Первоначально Лукомская сотня включала въ себѣ побережья Сулы тянувшіяся и далѣе на югъ до Буромки, но въ 30-хъ гг. XVIII в. не была выдѣлена изъ нея сотня Горошинская. Изъ Лукомскихъ сотниковъ XVII в. извѣстны: **Семенъ Проскура** (1667—68), **Алексѣй Михайловичъ Бутенко** (1672), **Андрей Яковлевъ** (1686) и **Михайло Постомскій** (1699). Изъ нихъ только одинъ Яковлевъ замѣчателенъ? ляется тѣмъ, что впослѣдствіи сталъ полковымъ судьею и пріобрѣлъ значительныя маетности (см. с. Хорошки на Слѣпородѣ). Изъ сотниковъ XVIII в. извѣстны: **Василій Матвѣевичъ Пиковецъ** (1709—718), **Мартынъ Кодинецъ** (1727—728), братья **Иванъ и Степанъ Васильевичи Пиковцы** (1732—758), **Михайло Яковлевичъ Орѣховскій** (1763), **Иванъ Малеевскій** (1771—777) и **Антонъ Кодинецъ** (1781). Изъ нихъ наиболѣе слѣдовъ въ мѣстной исторіи оставили Пиковцы. Василій П-цъ былъ сынъ богатаго Лубенскаго козака Матяша П-ца и служилъ сначала полковымъ писаремъ въ «комонномъ» полку Ивана Рубана; въ это время онъ уже посылалъ въ *Гданскъ* (Данцигъ) воловъ на продажу. Затѣмъ, конечно разбогатѣвъ, сталъ въ Лукомлѣ сотникомъ. Во время сотничества, П-цъ устроилъ нѣсколько хуторовъ и посадилъ слободы Матвѣевку (Чигр. Дубр. сотни) и Музолѣевку. Умеръ П-цъ ок. 1718 г., оставивъ вдову съ двумя сыновьями Иваномъ и Степаномъ. Ставъ распорядительницею значительныхъ маетностей, вдова П-ца скоро вышла замужъ за серба Славуя Требинскаго, пришедшаго въ Малороссію вмѣстѣ съ другими сербами искать счастья и богатства. Женясь на вдовѣ П-ца, Требинскій видимо разсчитывалъ стать современемъ, въ виду малолѣтства пасынковъ, полнымъ собственникомъ ихъ наслѣдства. Съ этою цѣлью Требинскій выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ, которымъ всѣ имѣнія Василія П-ца утверждены были «Славую Требинскому съ женою его и оставшимися умершого Пѣковца дѣтми». Но разсчеты Славця не удались. Старшій пасынокъ Иванъ, женившись на дочери богатаго Конотопскаго сотника Лизогуба, обратился въ 1731 г. къ Апостолу съ ходатайствомъ объ отобраніи отцовскаго наслѣдства отъ вотчина на томъ основаніи, что онъ, Иванъ П-цъ, «воспріялъ станъ малженскій, а меньшій братъ Стефанъ обучается въ школахъ латинскихъ въ Кіевѣ и пришли они до возрасту», а жить имъ—нечѣмъ. Просьба Пиковцовъ была удовлетворена и всѣ отцовскія имѣнія были имъ возвращены. Вслѣдъ затѣмъ старшій Пиковецъ получилъ и сотничій урядъ въ Лу-

комлѣ и занималъ его около десяти лѣтъ. За это время онъ получилъ с. Лящовку, произвелъ значительную скуплю въ Мойсеевкѣ и Александровкѣ (на Слѣпородѣ) и поселилъ нѣсколько слободъ, изъ которыхъ значительнѣйшею была Ивановка. Затѣмъ Ив. П-цъ получилъ болѣе важный урядъ — писарства въ генер. судѣ и умеръ въ 1751 г.[1]). Послѣ Ив. П-ца Лукомское сотничество отдано было его

[1]) Приводимъ здѣсь часть духовнаго завѣщанія Ив. П-ца, съ перечисленіемъ его богатства.—«1750 года, декабря 20 дня. Понеже по волѣ вседѣйствующого Бога пришло мнѣ время въ нынѣшней моей болѣзни къ смерти, того ради пожелалъ я въ оставшомъ по мнѣ имѣніи учинить, между женою моею Еленою Андреевою дочерю Лизогубовною и дочерю моею малолѣтною Мареою, расположеніе слѣдующое: по смерти тестя моего б. т. Андрея Лизогуба и тещи моей Параскевіи Миклашевсковны, по роздѣлу съ прочими шваграми моими и зъ другими наслѣдники, принялъ я наслѣдственную часть на жену мою зъ денегъ — червонныхъ золотихъ 2600, талярей битихъ 1600, да рублей 2500, и того, исчисляя червонецъ по два рублѣ и по 20 копѣекъ, а талярь битій по рублю и пяти копѣекъ, (какъ оніе промѣнювани), виходитъ всѣхъ денегъ 9770 рублей; и яко таковіе денги не при видачи жени моей за мене давани, но уже по смерти тестя и тещи, по раздѣлу мнѣ достались, такъ и вѣновному реестру быть уже не довелось. Оніе же денги на покупку разнихъ грунтовъ и домашніе нужди издержанни; для того я найпервіе, удоволяя жену мою за ея денги, записую ей и утверждаю отческую свою маетность село Мозолювку, со всѣми принадлежащими къ нему угодіи и съ купленними мною грунти около оного жъ села состоящими, да на греблѣ Воинской, на р. Сулѣ, коло едно мучное, во вѣчное владѣніе; а ежелибы братъ мой или дочеръ, или хто другій зъ родственниковъ моихъ, похотѣлъ жену мою за оное село турбовать, то долженъ положить ей вишшеписанніе денги 9770 рублей. А дочерѣ моей Мареѣ записую во вѣчное ей и наслѣдниковъ ея владѣніе село Ивановку зъ хуторомъ Криворудскимъ и со всѣми угодіи, какъ мое владѣніе было, деревню Леляки, въ полку Переяславскомъ состоящую, со всѣми угодіи, половину зъ грунтовъ Лубенскихъ и Калайденскихъ, сколко по раздѣлу зъ братомъ моимъ достанется; луки Лящовскія, которіе по роздѣлу зъ братомъ моимъ мнѣ достались и которими я владѣлъ; да на греблѣ Воинской, на р. Сулѣ, полтретя кола. Что же принадлежитъ до купленнихъ мною грунтовъ, то съ онихъ опредѣляю дочерѣ моей всѣ въ сотнѣ Лукомской и около м. Лукомля состоящіе грунта, мельници, лѣси, пахатніе и сѣнокосніе и протчіе и всѣхъ подсусѣдковъ; а особливо за селомъ Мойсѣевкою хуторъ Вурбинскій зъ слободкою и сѣнокосы у Великихъ Лозъ, со всѣми принадлежащими угодіи; да въ сотнѣ Глуховской, на греблѣ Каменской, на речки Сейму, шесть колъ млива, купленние мною у Стожковъ, и тамошніе грунта, въ онихъ же Стожковъ купленніе, съ подсусѣдками; въ хуторѣ Рубановскомъ части купленніе у б т. Федора Ширая и у своячини моей Тетияни Войниковой, а по первому мужу Журавковой; а осталніе всѣ грунта, яко то: двори и комори въ г. Глуховѣ, мелницу Есманскую съ принадлежащими къ ней угодіи и протчіе всякіе грунта и угодія въ сотнѣ Глуховской состоящіе, такожъ коло едно млива на греблѣ Каменской въ клѣтцѣ, сполной съ п. Марковичемъ, а другую кола часть, которая на мене надлежала, кромѣ тѣхъ колъ, которіе наслѣдственно на оную жену мою принадлежатъ, а именно: шесть;

младшему брату Степану, женатому на младшей дочери Якова Марковича Пелагеѣ [1]). Ив. П-дъ пробылъ на Лукомскомъ сотничествѣ около 15-ти лѣтъ и продолжалъ скупать земли, строить мельницы и садить слободы; значительнѣйшею изъ послѣднихъ была Степановка. Пріобрѣтеніе земель происходило, повидимому, съ помощью сотничьей власти. (См. ниже, сс. Селецкія). Иванъ П-цъ оставилъ дочь Марфу, вышедшую замужъ за Андрея Родзянка, а у Степана П-ца была дочь Ульяна, которая выйдя замужъ за «ротмистра слободскихъ полковъ» Григорія Ив-ча Квитку, все отцовское свое наслѣдіе распродала «за неспособностью владѣнія по отдаленности отъ добръ мужа», въ томъ числѣ Лящовку и Матвѣевку—б. т. Вас. Степ. Родзянкѣ, за 7000 рублей.

Мѣст. Лукомль [2]), при впаденіи рч. Лукомки въ Сулу, по лѣтописи извѣстно съ 1174 г. подъ именемъ «городища Лукомля» [3]). Городище это отновлено было поселеніемъ въ к. XVI в., такъ какъ уже въ 1604 г. владѣлецъ Переяславскаго села Жеребятина жалуется за пріемъ Вишневецкими бѣжавшихъ его крестьянъ въ *Лукомль*. Въ 1628 г. въ немъ было: «дымовъ рыночныхъ—10, уличныхъ—25, предмѣстныхъ—24, убогихъ хижинъ—45». Были тутъ уже—священникъ, портной, рѣзчикъ, кузнецъ, «дудка»... По населенію Лукомль былъ въ это время вторымъ послѣ Лубновъ [4]). Указаніе въ спискѣ Пшездѣцкаго на 524 «господаря» въ Лукомлѣ, вѣроятно, относится не къ одному мѣстечку,

---

також купленніе грунта въ с. Хижкахъ и д. Лисогоровки, все то женѣ моей записую и утверждаю»... Перечисленныя здѣсь имѣнія, находившіяся въ Глуховской сотнѣ и около,—пріобрѣтены были П-цомъ во время его писарства въ генер. судѣ.

[1]) «Былъ у насъ приватній банкетъ и были сваты нові—Ирклѣевскій сотникъ зъ женою и асаулъ енер. Мануйловичъ зъ женою,—и сватанне учинилисмо за пасынка его Славуевого Стефана Пѣковця зъ дочерю нашею Пазею». (18 янв., 1736 г., съ рукописи *Дневника* Якова Марковича). Вѣнчанье произошло только въ сентябрѣ (Зап. Як. М-ча, изд. 1859 г., II, 12). Это была первая жена Ст. П-ца, которая въ 1744 г. умерла бездѣтною, такъ какъ П-цъ возвратилъ тестю ея приданое. (Зап. Як. Марк., изд. 1859 г. II, 203 и 225). Вторая жена П-ца, Елена, овдовѣвъ, вышла замужъ за бригадира Детилля.

[2]) «Мѣстечко Лукомля состоитъ надъ рр. Сулою и Лукомкою». Изъ прошенія Лукомцевъ 1777 г.—Слово Лукомль одного происхожденія съ *Прилукою;* оба эти городка первоначально возникли при *лу́кахъ*, низкихъ, поемныхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ; такіе сѣнокосы и теперь въ Малороссіи зовутся *лу́ками*. Такія *лу́ки* должны были находиться у Лукомля—въ долинѣ Сулы, а около Прилуки—въ долинѣ Удая.

[3]) О «Лукомльскомъ городищѣ» см. обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ г. В. Ляскоронскаго, Кіевск. Ст. 1893 г., сент., 426—437.

[4]) Кіевск. Стар. 1896 г., февр., 224.

не и къ его селамъ. Въ 1665 г. Л-мль показанъ разореннымъ отъ татарскихъ набѣговъ (А. Ю. З. Рос., VI, 20). По Румянцовской описи (1768 г.)—«городъ Лукомье лежитъ большею частью на горѣ, обнесенъ кругомъ земляннымъ валомъ, который подъ часъ турецкой войны (1736 г.) въ добромъ состояніи былъ, а по окончаніи той войны, за неподчинкою, весь почти осыпался; съ тремя воротами: замковыми, Лубенскими и Хорольскими. Отъ вала въ 60-ти саж. течетъ р. Сула»[1]). А. Кз. 112 дв., 139 х., 141 с. Пдс. 62 дв., 71 х., 73 с., разн. владѣльцевъ, б. т. П. Кулябки 5 дв., атам. город. Хильчевскаго — 8 дв., «попа» Ивана Левицкаго — 6 дв. и т. д. Кр. 65 дв., 71 х., 71 с., при чемъ о свободности или несвободности крестьянъ ничего не говорится, но такъ какъ ниже, въ другихъ поселеніяхъ показаны посполитые «владѣльческіе», то очевидно, что всѣ посполитые при коихъ не указывается ихъ зависимость, были свободные или такъ называемые *ратушные*[2]). Подсосѣдковъ изъ посполитыхъ вовсе не значится. Кромѣ показанныхъ выше 239 двор., въ Лукомлѣ было еще 50 дв. «вольныхъ», т. е. принадлежавшихъ сотенной старшинѣ (до «асаульцевъ» и «десятниковъ» включительно), священникамъ, «компанейцамъ» (8 дв.) и шинковые дворы. Послѣднихъ въ Л. было 12, изъ нихъ—одинъ «братерскій». Въ числѣ свободныхъ же дворовъ значится «школа» и «шпиталь».

Около Л-ля показано 12 хуторовъ тоже преимущественно изъ лицъ сотенной старшины, при чемъ въ этихъ хуторахъ показаны наемные «скотари» и «овчари»; въ одномъ хуторѣ сотника Пиковца показаны: стадникъ, ричичъ (=коровникъ), скотарь и два овчара, а въ другомъ — два «сусѣда пѣшихъ». Затѣмъ, ок. 1760 г., свободные Лукомскіе посполитые были отданы полковнику компанейскому Мойсею и брату его Городисскому сотнику Ивану Кодинцамъ, но дата универсала объ этомъ «пожалованіи» намъ неизвѣстна. Б. Кз. 115 дв., 205 х., 6 бд. х. Кр. сотника Антона Кодинца съ братьями 11 дв., 14 х. Подс. 77 дв., 107 х., 73 бд. х.

С. Юсковцы[3]), рч. Слѣпородъ, возникли, вѣроятно, одновременно съ устройствомъ здѣсь же въ 1621 г. монастыря *Слѣпородскаго* или

---

[1]) Румянц. Опись.

[2]) Это замѣчаніе относится и къ остальнымъ поселеніямъ описываемой сотни, въ коихъ были крестьяне.

[3]) Юсько=Осипъ.

Юсковскаго[1]). Въ актѣ 1665 г. читаемъ: «Я Марья Федоровая Худорбовна Бутиха, обивателка Юсковская, чиню вѣдомо... ижъ власній мой островъ по небощику мужу моемъ Федору мнѣ належачій на томъ селѣ Юсковцяхъ, весполъ зъ чернецкимъ (монашескимъ) надъ Слѣпородомъ рѣчкою стоячій... продала о. Калисту, на тотъ часъ игумену Мгарскому, за копъ 19 личби литовской... При которомъ моемъ записѣ были... обывателѣ Юсковскіе, меновите: при пану Грицку Новаку, атаману на той часъ Юсковскому, и при пану Охрѣму Федоренку, ктитору м-ря Слѣпородского, и при пану Данилу Коптевичу и при пану Скокодану...»[2]). Повидимому, всѣ эти лица именуются *панами* для обозначенія лишь одного ихъ почета... **А. Кз.** 63 дв., 82 х., 83 с. и пдс. 22 дв., 34 х., 34 с., въ числѣ ихъ: м-ря Юсковскаго—6 дв., полков. Лубенскаго *индутнаго*[3]) 3 дв., «Ганны Славинской»—3 дв. и проч. **Кр.** 14 дв., 15 х., 15 с. и 13 «свободн.» двор., въ томъ числѣ—школа и шпиталь, какъ и далѣе. **Б. Кз.** 84 дв., 160 х., 1 бд. х. **Кр.** Мгарск. м-ря 17 дв., 22 х., 8 бд. х. Пдс. 30 дв., 42 х., 10 бд. х.

С. Михновцы,[4]) рч. Слѣпородъ, возникли въ перв. пол. XVII в. **А. Кз.** 60 дв., 90 х., 93 с. подс. 7 дв., 7 х., 7 с., въ томъ числѣ «писаря аптечного» (аптека, разумѣется конечно, Лубенская). **Кр.** (своб.) 5 дв., 5 х., 5 с. «Свободныхъ дворовъ»—8, въ томъ числѣ школа и шпиталь. **Б. Кз.** 78 дв., 162 х. **Кр.** нѣтъ. подс. 17 дв., 21 х., 12 бд. х.

С. Александровка, рч. Слѣпородъ, поселена въ к. XVI в., вмѣстѣ съ Лубнами, и названа такъ по имени Александра Вишневецкаго. Для знакомства съ юридическою и бытовою стороною здѣшней сельской жизни во втор. пол. XVII в., приводимъ отрывокъ изъ акта 1682 г.—«учтивая панѣ Ивановая Кулябчина жалосній пропоновала протестъ на Антона Реву, жителя зъ села Александровки, въ той цель мовячи: милостивый пане уряде! южъ не разъ и не два, але чрезъ часъ немалій дѣялась намъ въ лѣсѣ нашомъ у Александровцѣ шкода, же хтось, потаемнымъ способомъ, въ лѣсѣ пашемъ деревню (дерево) рубаетъ, для которой

---

[1]) Упоминаемое въ 1628 г. поселеніе *Слѣпородъ* (Źródła Dziejowe, XX, 79), вѣроятно составлялъ тотъ хуторъ, около котораго находился Слѣпородскій м-рь. Кіевск. Ст. 1896 г., февр., 226.

[2]) Акты Мгарск. м-ря, л. 95.

[3]) Повидимому, сборника *интукты*.

[4]) Михно = Михаилъ.

шкоды Тишка Довгаленка, по прозвиску Колбаску, лѣса нашего стерегти уедналисмо; и оний Довгаленко Антона Реву въ нашомъ лѣсу деревню рубаючого засталъ»... Спрошенный урядомъ Довгаленко показалъ: «пане уряде! такъ есмо, оного Реву въ Кулябчиномъ засталъ лѣсу; ишолъ Рева изъ своего лѣса и увойшолъ у Кулябчинъ и тамъ у лѣсѣ — лѣщинъ три, берестину четвертую и вѣла пятый вырубалъ; але я не самъ, але съ Савкою Мищенкомъ засталъ (Реву) и заразъ атаману Александровскому Гуляеви освѣдчилъ и свѣдоцкого изъ себе сермягу положилемъ, до того и асаулови шапку далемъ, щобы по Реву пошолъ»... Допрошенный Рева признался въ похищеніи лѣса. «Судъ зась оному Антоновѣ наказалъ, абы такъ за учинене въ лѣсѣ шкоди, яко и за правніе спенса (судебныя издержки) п. Ивана Кулябку погодилъ и пополнилъ. Обжалованный зась Рева, видячи себе винного, а не могучи готовною (суммою) такъ за шкоду, яко и за правніе спенса видолити и заплатити, самъ доброволно лѣсъ свой власній въ Александровцѣ, надъ Слѣпородомъ, п. Ивану Кулябцѣ у вѣчную посесію пустилъ. Вправдѣ, Иванъ Кулябка *для несносного посполитыхъ промовиску* не хотѣлъ былъ у тихъ грошахъ приняти; еднакъ кгди Рева, подиявши людей зацныхъ Михайла Гуляся, Васила Кувалского, п. Ивана Кулябку, просилъ, абы тотъ лѣсъ его за вину т. е. за шкоду и за правніе спенса приняхъ, и такъ Иванъ, давшись на прозбу, при тихъ помененныхъ людяхъ, тотъ лѣсъ Антоновъ принялъ»... Указываемый въ этомъ актѣ Ив. Кулябка, конечно, есть родоначальникъ Кулябокъ, бывшій въ пол. XVII в. Лубенскимъ «арендаремъ». Сынъ его Петръ, былъ уже зятемъ Данила Апостола [1]). Въ приведенномъ актѣ интересенъ отказъ Кулябки отъ предлагаемаго ему Ревою лѣса «для несносного посполитыхъ промовиска», т. е. изъ нежеланія возбуждать противъ себя упреки селянъ, конечно, нарекавшихъ на богачей за легкое пріобрѣтеніе ими земель... Александровка находилась въ ранговомъ владѣніи уже у Зеленскаго, но затѣмъ крестьянское населеніе здѣсь исчезаетъ, такъ какъ по ревизіи 1740 г. оно не показано; вѣроятно, оно было скуплено сотникомъ В. Пивовцемъ, за которымъ по этому и значатся, по ревизіи 1740 г. подсосѣдки. А. Кз. 53 дв., 63 х., 64 с. подс. б. т. П. П. Кулябки (внука «арендаря») 6 дв.,

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1886 г., янв., 1—4.

6 х., 6 с. и сотника Ив. Пиковця 9 дв., 9 х., 9 с. **Кр.** нѣтъ. «Свободныхъ дворовъ»—14, въ числѣ ихъ 4 двора «старцивъ» (нищихъ) и школа. Шпиталя нѣтъ. **Б. Кз.** 70 дв., 124 х., 2 бд. х. **Кр.** нѣтъ. Подс. 21 дв., 24 х., 3 бд х.

С. Мацковцы, [1]) рч. Слѣпородъ, возникли въ перв. пол. XVII в. **А. Кз.** 57 дв., 79 х., 82 с. подс. 6 дв., 9 х., 9 с. **Кр.** *невладпльческихъ* 13 дв., 13 х., 13 с. «Своб. двор.»—10. **Б. Кз.** 82 дв., 124 х., 6 бд. х. **Кр.** сотника Кодинца съ братьями—4 дв., 10 х. подс. 26 дв., 38 х., 20 бд. х.

Д. Лучка Мацковская, р. Сула, повидимому, выселокъ изъ Мацковцовъ.—Какое первоначально тутъ было населеніе—неизвѣстно, вѣроятно—козачье, такъ какъ по ревизіи 1740 г. показано 21 дв., (28 х., 29 с.) исключительно подсосѣдковъ изъ козаковъ полковника П. Апостола. Кромѣ того, значится 8 «своб» двор. **Б. Кз.** нѣтъ. **Кр.** рангов. Луб. полковника 15 дв., 15 х., 3 бдв. х. Такимъ образомъ посаженные въ перв. пол. XVIII в. полковник. Апостоломъ подсосѣдки—къ к. XVIII в. стали крестьянами, принадлежащими на рангъ полковника.

С. Березняки, рч. Богачка и оз. Княжое, поселеніе перв. пол. XVII в., основанное м. б. выходцами изъ с. *Березняковъ* Каневск у. На Березняковскія земли стали нападать Кулябки уже съ нач. XVIII в., при чемъ здѣшнимъ селянамъ приходилось иногда дѣлать и невольныя уступки своихъ земель, какъ видно, напр., изъ слѣд. акта 1751 г.—«С. Б-ковъ презвитеръ Карпъ Евдокимовъ, атаманъ Грицко Шраменко и козаки Ничипоръ Семенченко *и др., въ числѣ 40 чел.*, симъ нашимъ уступнимъ писмомъ объявляемъ: имѣетъ мы подъ с. Б-ками пахатное и сѣнокосное поле (слѣдуетъ описаніе границъ), которымъ, какъ предки наши, такъ и мы сами многіе годы владѣли онымъ покойно... А когда, чему будетъ годовъ съ три, войск. канц. Андрей Кулябка возымѣлъ къ оному полю, невѣдомо почему, претенсію по смерти дѣда своего Федора К-ки и не поступая въ томъ, правно, самовластно, гвалтомъ тое наше поле заоралъ, тогда мы хотя подавали челобитье въ сотенное Лукомское правленіе, однакъ оный (К-ка) ни тому правленію, ниже полковой к-ріи будучи не подсуденъ,

---

[1]) Мацко = Матвѣй по бѣлорусскому говору; (на Украинѣ=Махно, Матьяшъ); отсюда можно думать, что село это селили выходцы изъ Бѣлоруссіи...

въ отвѣтъ не пошелъ... и насъ ко владѣнію тѣмъ полемъ началъ не допускать съ того времени. И тое наше отнятое поле постороннимъ селянамъ пахать съ-десятины, а сѣна косить съ-третины, для своей корысти, роздаетъ. Видя же мы такое насилное онымъ полемъ завладѣніе и не могучи что съ нимъ чинити... убѣгая судовой тяжбы и для оной далекой въ Глуховъ ѣзды, съ общого совѣту.... тое поле во вѣчное владѣніе обозному полк. Лубенскому п. Ивану Кулябцѣ уступили; а онъ, п. обозный, напротивъ того, имѣетъ строячойся вновь въ с. нашемъ Б-кахъ церкви, которой мы по нашему крайнему убожеству и что при той церквѣ нашей никакихъ денегъ и приходовъ нѣтъ, достроить не въ состояніи, собственною своею деревнею (деревомъ) достроить, келѣхъ визлоченній сребранній своимъ коштомъ, изъ своего сребра, въ тую жъ церковь сдѣлать и всякое что до оной церкви касатимется спомоществованіе чинить»...

Кромѣ того, Ив. К-ка скупалъ здѣсь земли и мелкими участками, чтобы садить на нихъ подсосѣдковъ, а въ 1752 г. выпросилъ у Разумовскаго универсалъ, по которому крестьяне Б-ковъ отданы были ему въ вѣчное владѣніе. **А. Кз.** 28 дв., 37 х., 82 с. подс. 7 дв., 7 х., 7 с. **Кр.** (ратушныхъ?) 20 дв., 21 х., 21 с. и кромѣ того 6 дв. «свободныхъ» въ 1740 г. при селѣ—*три хутора*. **Б. Кз.** 35 дв., 82 х., 14 бд. х. **Кр.** (Кулябокъ?) 9 дв., 11 х., 6 бд. х. подс. 16 дв., 31 х., 24 бд. х.

С. Мойсеевка, р. Сула, повидимому, выселокъ изъ Лукомля, такъ какъ находится на противоположномъ берегу отъ послѣдняго; такое происхожденіе М-ки подтверждается и малоземельемъ ея, что видно изъ акта 1703 г., въ которомъ «Ганна Барабашка» разсказываетъ, что доставшіяся ей поля («почавши отъ Худолѣевского поля по Кутоватое озеро и по Плоскую могилу») продала было п. полковнику Луб. Зеленскому,—«и толко-мъ мѣла отъ добродѣя грошей сто копъ отобрати, аже прибувши Мойсевчане громадою и добилися у его м. п. полковника, же имъ тіе всѣ поля и сѣножати отпустилъ, бо повѣдали, же *жадного угодія себѣ не маютъ, натѣску седячи,* и южъ его м. п. полковникъ тое усе угодіе имъ одпустивши, у ихъ казалъ и гроши отобрать»... Вообще М-ка земли имѣла очень мало и жители ея постоянно спорили съ Лукомцами за разныя угодья. М-ка оставалась свободною до тридцатыхъ годовъ XVIII в., пока Лукомскій сотникъ Иванъ Пиковецъ не началъ скупать здѣсь земли

и садить на нихъ подсосѣдковъ; такихъ дворовъ было имъ посажено за четыре года (1734—38) болѣе десяти, при чемъ одинаково садились какъ козаки, такъ и посполитые [1]). Затѣмъ, остававшіеся въ Мойсеевкѣ свободными—(7 двор. и 11 бездв. хатъ)—посполитые были отданы, въ 1751 г., Разумовскимъ извѣстному «войсковому экзактору Малороссійскихъ зборовъ», выкресту изъ евреевъ Антону Крыжановскому. Это былъ прежде всего алчный собиратель богатствъ въ разныхъ ихъ видахъ, хорошо умѣвшій при томъ узнавать людей и ихъ слабости. Ставъ главнымъ откупщикомъ въ Малороссіи разныхъ сборовъ, Кр-ій умѣлъ привлечь на свою сторону не только гетманскихъ совѣтниковъ, но добился расположенія и самого гетмана, угодливо исполняя его частныя порученія. Кромѣ «экзакторства», Кр-ій имѣлъ еще и урядъ въ Глинскѣ сотничества, почему и былъ хорошо знакомъ съ экономическимъ и соціальнымъ бытомъ селянъ. Хорошо онъ былъ знакомъ и со всѣми тѣми злоупотребленіями, посредствомъ которыхъ наживалась сотенная и полковая старшина. Поэтому, получивъ универсалъ на Мойсеевскихъ посполитыхъ, Кр. прежде всего потребовалъ послушанія и отъ подсосѣдковъ Ив. Пиковца,

[1]) Вотъ показанія нѣкоторыхъ изъ этихъ подсосѣдковъ, данныя ими въ 1752 г. «Удова *Настя Лукянчиха* показала, что она с. Мойсеевки мужичка, а мужъ ея Андрей зако̂жъ будучи, по понатю ея, не имѣя никакихъ грунтовъ, жилъ по сусѣдамъ; после же купивъ ниву у козака Лукомского Личка за таляръ, на оной посѣлили двѣ хати и стали жить зъ братомъ Несторомъ посполито, но не могучи тѣхъ хатъ издержать, продали оные умершому Пиковцю, за бытности его сотникомъ, за пять копъ. *Грицко Бабенко*—онъ мужикъ искони с. Мусѣевки, гдѣ живучи, купилъ былъ себѣ дворикъ у тамошнего козака Ситка за 2 рубли, чему дѣется ок. 30 л., и въ томъ дворѣ поживъ лѣтъ 10, продалъ, первіе, одну часть подданному умершого Пиковця Зимовцю, за 4 золотихъ, а после—и другую зъ хатою самому Пиковцю, за рубля денегъ. — *Димидъ Пинчукъ* — онъ испрежде мужикъ Мойсѣевскій, зайшлій зъ польской державы, при отцу своему и браттямъ, где купили были дворъ у козака Куня, за 2 рубли, и оный раздѣли на три части, на одной—жилъ онъ годовъ 10 и, не могучи того дворика здержать, доброволне продалъ умерш. П-цу за рубля. — *Климъ Ткачъ* — онъ мужикъ Мусѣевскій, зашедъ туда въ Шведчину, зъ Слободскихъ полковъ, поселился былъ на свободномъ (грунтѣ); по окончаніи же Крымскихъ походовъ, сталъ жить и нынѣ живетъ въ хатѣ изшедшого Мусѣевскаго мужика Грушки, которая хата была умерш. П-ца. — *Якимъ Николенко* — онъ званія козачого, живъ спрежде въ с. Мойсѣевцѣ на своихъ грунтахъ и отправлялъ службу козачую до Крымскихъ походовъ, а потомъ, пришедъ въ нищету, оставя свою службу, войшолъ въ пустую хату умерш. П-ця. — *Юско, Бебешчишинъ зять*,—слыхалъ, что тесть его Бебешко захожій, жилъ перве̂е въ м. Оржицѣ служа козачо, а после, перешедъ въ Мусѣевку, звойшолъ въ пустую избу на плецу умерш. П-ця стоячую» и т. д.

утверждая, что по универсалу ему принадлежать всѣ земли, кромѣ козачьихъ, и что *скупля* Пиковца была насильственна, а имѣющіяся у него купчія выданы безъ согласія продавцовъ; что, кромѣ того, подсосѣдки Пиковца, будучи Мойсеевскими посполитыми, тоже и поэтому должны входить въ число отданныхъ ему по универсалу. Требинскіе (вдова П-ца въ это время была уже замужемъ за Требинскимъ) защищались тѣмъ, «что тѣ посполитые во время пожалованія ему, Кр-му, с. Мойсеевки свободными не были и не точію ему, Кр-му, не жалованы, но и зъ того пожалованія явно выключены», такъ какъ по универсалу гетмана Кр-му отданы лишь 7 двор. и 11 бездв. хатъ свободныхъ посполитыхъ съ принадлежащими имъ грунтами и угодьями.. По жалобѣ Кр-го гетманъ поручилъ претензіи его разобрать Луб. полковому суду. Передъ судомъ Кр-ій продолжалъ утверждать, что скупля Пиковцомъ была произведена подъ давленіемъ сотничьей власти послѣдняго и что продавцы грунтовъ—купчихъ на нихъ не выдавали да и продавали ихъ по принужденію. Въ виду этихъ заявленій, полк. судъ произвелъ подробное слѣдствіе о подсосѣдкахъ Пиковца и о тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, при чемъ хотя и оказалось, что купчія у наслѣдниковъ П-ца имѣлись не на всѣ скупленныя усадьбы, но продажа послѣднихъ была подтверждена словесно бывшими ихъ владѣльцами. Относительно же самихъ подсосѣдковъ изъ посполитыхъ—Требинскіе возражали, что «хотя бы кто зъ оныхъ подсосѣдковъ, прежде скуплѣ П-цемъ, и былъ стану посполитого, но якó во время свободной всѣмъ чинамъ скуплѣ и продажи скуплени оны, (то) по непротивности правной должни за ними отвѣтчиками оставаться». Съ возраженіями Требинскихъ согласился и полковой судъ. На это рѣшеніе Кр-ій, повидимому, не жаловался... Не успѣвъ отобрать отъ Пиковцовъ ихъ Мойсеевскихъ подсосѣдковъ, Кр. началъ другими способами округлять свою Мойсеевскую маетность. Имѣлся въ Лукомской сотнѣ обширный войсковой сѣнокосъ, пространствомъ около 2-хъ кв. верстъ, доходъ съ котораго собирался, съ грѣхомъ пополамъ, сотенною старшиною и отсылался въ войсковой скарбъ. Сообразительный Кр. сейчасъ же замѣтилъ легкость пріобрѣтенія этого сѣнокоса при своихъ связяхъ въ гетманской канцеляріи, куда и обратился съ просьбою объ отдачѣ ему сѣнокоса. Въ отвѣтъ былъ выданъ, въ январѣ 1755 г., слѣдующій универсалъ: «сотникъ Глинскій Ант. Кр., поданнымъ намъ доношеніемъ представилъ, якó въ

сотнѣ Лукомской имѣется сѣнокосная лука свободная войсков... прозываемая *панская* [1]), поблизу наданного ему отъ насъ с. Ма... сеевки, не далѣе какъ въ одну версту, на которой укошуется сѣна до 20-ти скирдъ небольшихъ, а при той де маетности его, Кр-го, сѣнокосу вовся не имѣется, и просилъ объ опредѣленіи оной луки къ той его маетности и о надачѣ ему, Кр-му, во вѣчное владѣніе». Засимъ, гетманъ поручалъ Луб. полковой к-ріи представить ему по... дробныя данныя объ этой лукѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказа... лось, что *панская лука* находится подъ г. Лукомлемъ и до 750 г. «состояла подъ вѣдомствомъ комисіи экономіи, а отъ 750 г.— въ надсмотрѣніи сотенной Лукомской к-ріи, и ежегодно оная скошуется свободними посполитыми Лукомской сотни людми и сѣно тое продается, а деньги отсылаются въ к-рію Малороссійскихъ сборовъ», при чемъ въ 753 г. на ней накошено сѣна скирдъ 10 да «третини [2] взято двѣ скирдѣ и два стога». Затѣмъ произведено было измѣреніе луки, «въ которой имѣются сѣнокосы, лоза, болота и малое число рыболовныхъ озеръ», и оказалось, что въ длину она имѣетъ 1769 саж., а въ ширину — 392, 273 и 130 саж. Получивъ эти свѣдѣнія,— гетманъ «по данной ему власти», отдалъ *панскую луку* Кр-му «въ вѣчное и потомственное владѣніе». Фактическій отводъ луки Кр-му былъ сдѣланъ Городисскимъ сотникомъ Петровскимъ, при чемъ онъ долженъ былъ руководствоваться тѣми данными, которыя собраны были полк. к-ріею по распоряженію гетмана. Но и здѣсь Кр-ій съумѣлъ взять больше, чѣмъ ему было дано. Кр-ій успѣлъ склонить Петровскаго на свою сторону, — или, попросту, подкупить, — и тотъ произвелъ отводъ не по указаннымъ границамъ, а по своему усмотрѣнію и «по своей къ Кр-му чрезмѣрной дружбѣ», при чемъ было захвачено лишней земли въ длину 279, а въ ширину — 289 саж. Захвачены были земли разныхъ владѣльцевъ, какъ изъ Лукомля, такъ и изъ Матвѣевки (всего 23 хозяевъ), но больше всего—земель сотника Пиковца. Пиковецъ хотѣлъ было стать въ положеніе отвѣтчика и не

---

[1]) Вѣроятно, усвоившая это названіе послѣ поляковъ.

[2]) Повидимому, не вся лука была скошена «свободными посполитыми», а часть ея была отдана для косьбы желающимъ, которыя за трудъ взяли себѣ двѣ третьи укоса, а *третина* укоса отдана была хозяину, т. е. въ сотенную к-рію. Въ XVIII в. при отдачѣ земель за часть урожая для обработки, за пашню хозяинъ получалъ *десятину* (т. е. $^{1}/_{10}$ часть), а за сѣнокосъ—третью часть. См. с. *Березняки*.

смотря на отводъ, скосилъ сѣно на отнятой у него землѣ; Кр. пожаловался гетману за «нахалній выкосъ» и получилъ универсалъ (18 авг., 755 г., Спб.), которымъ приказано было съ Пиковца взыскать стоимость скошеннаго имъ сѣна и затѣмъ рекомендовать ему «права своего доходить судомъ»... Подчинившись этому распоряженію, П-цъ хотѣлъ было защитить хотя свои рыболовныя озера и прогналъ оттуда, осенью 755 г., Мойсеевскаго войта, рубившаго тамъ съ людьми дерево; но Кр. снова пожаловался гетману и снова получилъ универсалъ (9 янв., 1756 г., Спб.), который гласилъ слѣд.: «Первого охочокомонного полку компанейскій полковникъ Ант. Кр-ій . . . представилъ—освѣдомился де онъ . . . что г. бунчучного генер. Оболонского племянникъ, сотникъ Лукомскій Ст. Пиковецъ, собравши многолюдственную компанію на собственныхъ его, Кр-го, при с. его Мойсеевкѣ, рыболовныхъ мѣстахъ рыбу ловитъ насилно, а при томъ де . . . нохвалялся на убійство людей его, Кр-го, буде люди его будутъ тамъ рыбу ловить»... Съ своей стороны и Пиковецъ жаловался гетману на постоянныя обиды отъ Кр-го (напр. «о нагонѣ въ 1754 г. на его сѣнокосныя луки, лозы, вербы, луга и проч. угодія стада своего штукъ до 400, о выловлене рыбы» и проч.). По жалобѣ Кр-го гетманомъ предложено генер. к-ріи сдѣлать распоряженіе, чтобы во владѣніи «панскою лукою» и рыболовными озерами — никакого препятствія сотникъ Пиковецъ Кр-ому чинить не отваживался»... Въ *тотъ же день* выданъ былъ и другой универсалъ, въ отвѣтъ на жалобу П-ца; въ этомъ универсалѣ только предлагалось — «немедленно учинить надлежащіе разсмотрѣніе и рѣшеніе по силѣ правъ» и то рѣшеніе прислать къ гетману... Однимъ словомъ, Пиковца поставили въ положеніе истца, предоставляя ему добиваться правды въ канцеляріяхъ. П-цъ и началъ было дѣло, но, разумѣется, ничего не добился, основывая свое право не на «крѣпостяхъ», а на одномъ фактѣ...

Засимъ, интересный эпизодъ изъ отношеній Кр-го къ его Мойсеевскимъ сосѣдямъ составляетъ захватъ имъ паромнаго перевоза чрезъ Сулу, между Мойсеевкою и Лукомлемъ. Хотя тутъ и существовала чрезъ Сулу плотина, но она была и длинна (2 версты), и часто неисправна, почему сообщеніе производилось преимущественно водою. Увидѣвъ въ этомъ перевозѣ очень доходную статью, Кр. захватилъ его въ свое исключительное обладаніе, какъ только умеръ сотникъ

Степанъ Пиковецъ, который держалъ здѣсь паромъ. Преемнику Пиковца, сотнику Малкевскому, повидимому, стало завидно, что такая выгодная статья ускользаетъ отъ него и онъ подбилъ своихъ сотнянъ пожаловаться въ коллегію, что Кр-ій ихъ очень стѣсняетъ. Въ поданной, въ 1766 г., жалобѣ Лукомчане и Мойсеевцы разсказывали: съ давнихъ временъ обыватели Лукомля, имѣя на другомъ берегу Сулы свои хутора и поля, переѣзжали бывало туда черезъ рѣку своими дубами и лодками, такъ какъ плотина ихъ неудобна; и такъ продолжалось до 1746 г., когда, съ согласія всѣхъ обывателей Лукомской сотни, сдѣланъ былъ на общій коштъ паромъ, который перевозилъ всѣхъ мѣстныхъ жителей безплатно. Но когда Мойсеевка была отдана Кр-му, то послѣдній «невѣдомо по какимъ сдѣлкамъ, сойдясь съ умершимъ сотникомъ Пиковцемъ, завладѣлъ перевозомъ безправно, при чемъ не точію Лукомскихъ и Мойсеевскихъ и прочихъ обывателей безденежно попрежнему не приказалъ перевозить, но и въ кого имѣлись дубки и лодки для спѣшного чрезъ ту Сулу переѣзду, то и тѣмъ всѣмъ, какъ самимъ—не переѣзжать, такъ отнюдь никого, ни въ хутора, ни въ поля, перевозить—запретилъ». А кромѣ того, за перевозъ Кр-ій сталъ брать со всѣхъ, не исключая и тѣхъ даже козаковъ, которые отправлялись куда нибудь по службѣ, съ возовъ съ кладью—по 20 и 10 к., а съ порожнихъ—по 5, съ коня—по 2 и съ пѣшихъ людей—по одной коп. На запросъ суда о правахъ Кр-го на спорный перевозъ, послѣдній отвѣчалъ, что перевозъ принадлежитъ ему, п. ч. находится «при собственныхъ его берегахъ отъ стороны Мойсеевской, а отъ мѣстечка Лукомля—по уступкѣ отъ владѣльцовъ въ томъ мѣстечку полковника компанейскаго Мойсея и сотника Городисскаго Ивана Кодинцовъ. Далѣе, Кр-ій объяснялъ, что дубами и лодками онъ никому не запрещалъ переѣзжать Сулу и что свободной переправы паромомъ здѣсь и прежде не бывало, такъ какъ и прежде паромъ «содержалъ партикулярно умершій сотникъ Степанъ Пиковецъ, по своей власти, и бралъ за перевозъ плату по своему произволу»... Плату онъ, Кр-ій, бралъ по договору, никого не насилуя, тѣмъ болѣе, что въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ходитъ его паромъ «имѣется довольное количество дубовъ и лодокъ, разными охотниками издавна содержимыхъ для перевоза людей». Въ заключеніе Кр-ій указывалъ суду, что жалоба Лукомцевъ наполнена ложными свѣдѣніями. Разрѣшая это дѣло окончательно въ 1766 г., коллегія «дозволила козакамъ Лукомскимъ и

Моисеевскимъ имѣть перевозъ и собственные дубки и лодки—по прежнему, для переѣзду через Сулу». Не достигнувъ намѣченной цѣли—лишить Лукомскихъ обывателей права имѣть собственный перевоздъ, Кр-ій, во всякомъ случаѣ, съумѣлъ вырвать изъ рукъ послѣдующихъ Лукомскихъ сотниковъ очень доходную статью, которую сотникъ Маркевскій напрасно силился вернуть себѣ... Насильственныя дѣйствія Кр-го по отношенію къ сосѣдямъ—Матвѣевцамъ разсказаны будутъ ниже. По смерти Антона Кр-го, дослужившагося до бригадирскаго чина, Мойсеевка перешла къ его сыну, премьеръ-майору Антону же, который былъ такимъ же алчнымъ державцею, какъ и отецъ его. Это видно, между прочимъ, изъ продолженія эпизода о паромномъ перевозѣ между Лукомьемъ и Мойсеевкою. Послѣ признанія коллегіей въ 1766 г. за Лукомчанами права на переѣздъ чрезъ Сулу водою, ими былъ устроенъ, совмѣстно съ Мойсевчанами, паромъ, которымъ безпрепятственно и производилась здѣсь переправа до 1777 г., а въ этомъ году наслѣдникъ «экзактора» снова попробовалъ было лишить права Лукомчанъ имѣть свой паромъ. Для достиженія этой цѣли Кр-ій-сынъ употребилъ мѣру очень оригинальную: по его распоряженію общественный паромъ былъ «своронанъ» (27 іюня 1777 г.); заведенъ въ камыши и тамъ изломанъ; взяты были и дубы Лукомскіе и спрятаны въ одномъ изъ Сульскихъ заливовъ. Однакожъ Лукомчане паромъ свой нашли и исправивъ его, снова стали гонять по рѣкѣ. Но не прошло и недѣли какъ тотъ же Лукомскій паромъ снова ночью былъ уведенъ, а когда стали его розыскивать, то бывшіе на немъ паромщики разсказали, что ночью 5 іюля приказчикъ Кр-аго Кухта съ своими паромщиками и съ другими людьми, числомъ до 20-ти, явились къ нимъ ночью и забравъ паромъ, погнали его вверхъ по Сулѣ, а имъ Лукомскимъ паромщикамъ приказали молчать, «угрожая бывшимъ при ихъ орудіемъ». Призванные въ гродскій судъ паромщики Кр-го показали, что Лукомскій паромъ оба раза «своронанъ» былъ ими по приказу приказчика Кухты и съ вѣдома самого Кр-го, при чемъ въ послѣдній разъ—паромъ былъ отведенъ «разными озерами и рѣчками ко двору тестю своего Букала, отколь взявши на телѣги увезли въ жилой домъ Кр-го въ с. Мойсеевкѣ». Разсказавъ подробности этого «воровства», потерпѣвшіе далѣе поясняли, что вообще имъ житья нѣтъ отъ Кр-го, который не позволяетъ не только раковъ ловить, но и воду брать въ Сулѣ—запрещаетъ, а «оная рѣка

Сула ни почему ему не принадлежитъ»... Разобравъ жалобу Лукомчанъ, Луб. гродской судъ призналъ, какъ и коллегія въ 1766 г., за истцами полное право на содержаніе паромной переправы и кромѣ того обязалъ Кр-го возвратить «своровванный» имъ паромъ. Но когда гродскій судъ оказался безсиленъ исполнить послѣднюю часть своего рѣшенія, то Лукомчане обратились въ коллегію и просили—«на основаніи прежняго оной коллегіи опредѣленія, тотъ перевозъ черезъ р. Сулу позволить имѣть и паромъ свой содержать и чтобъ онъ, Кр-й, Лукомскій перевозъ возвратилъ и привелъ оной въ прежнее состояніе». И здѣсь просьба Лукомчанъ была удовлетворена, при чемъ было предписано тому же Луб. гродскому суду—привести это рѣшеніе въ исполненіе. Но Кр-ій и рѣшенію коллегіи одинаково не подчинялся, такъ какъ Лукомчане вслѣдъ затѣмъ писали въ коллегію, что «хотя отъ суда гродского, чрезъ нарочного, и требовано отъ Кр-го возращенія нашего парома, однакъ онъ, Кр., по могуществу своему, не возвратилъ оного и въ глаза намъ сказалъ, что въ семъ дѣлѣ никого слушать не будетъ и парома нашего не возвратитъ, о чемъ отъ суда гродского Луб. Малор. коллегіи и репортовано...» Что сдѣлала коллегія по сему новому обстоятельству — не извѣстно, но во всякомъ случаѣ видно, что и при Румянцовѣ Глуховская администрація не располагала средствами, которыя бы обезпечивали исполненіе ея распоряженій, такъ какъ и Румянцовъ, при всей его энергіи, не могъ искоренить того безправія, которое проявляли люди, чувствовавшіе «могущество свое», основанное конечно, на благопріятствѣ сильныхъ тогдашняго міра... Такимъ «могуществомъ» располагалъ, какъ видно, и премьеръ-майоръ Крыжановскій, а потому онъ и не стѣснялся въ своихъ насиліяхъ. Въ томъ же 1777 г., Мойсеевскіе козаки пожаловались въ Луб. подкоморскій (т. е. межевой) судъ на того же Кр-го «за самоправное закопанье общихъ козачьихъ левадъ». Судъ назначивъ истцамъ срокъ для выѣзда на мѣсто спора, самъ однако же туда не прибылъ, а послалъ имъ новое извѣщеніе, что выѣздъ суда не могъ состояться по той де причинѣ, что въ исковомъ прошеніи козаковъ помѣщены «доткливости», которыя и предлагалъ—предварительно исключить... Получивъ это извѣщеніе, Мойсевчане жаловались Малор. коллегіи на пристрастныя дѣйствія подкоморскаго суда, объясняя, что они, для избѣжанія медленности въ процессѣ, готовы немедленно исключить указываемыя «дотклвости» — («отецъ

его, отвѣтчика, силился насъ утѣснять и разорять, да и самъ онъ, Кр., тоже силится насъ обижать и разорять») — хотя эти слова въ виду множества поданныхъ ими жалобъ, какъ на Крыжановскаго-отца, такъ и на его сына,—составляютъ сущую правду.—Затѣмъ Мойсевчане объясняли, что указаніе на «доткливости» явилось по пристрастію Луб. подкоморія Федора Максимовича, выдумавшаго этотъ предлогъ лишь для того, чтобы Кр. могъ воспользоваться сеголѣтнимъ посѣвомъ, который имъ сдѣланъ на спорныхъ левадахъ... Поэтому Мойсевчане просили коллегію, чтобы въ виду дружбы Кр-го съ Максимовичемъ, дѣло ихъ передать на рѣшеніе Роменскаго подкоморія Столповскаго. Неизвѣстно — удовлетворена ли была эта просьба Мойсеевскихъ козаковъ... **А. Кз.** 63 дв., 89 х., 90 с. Пдс. 14 дв., 16 х., 18 с. **Кр.** своб. 15 дв., 17 х., 17 с. и 12 «свободн.» двор. При селѣ показано 11 хуторовъ. **Б. Кз.** 51 дв., 122 х., 7 бд. х. **Кр.** пр., майора Крыжановскаго 38 дв., 58 х., 24 бд. х. Пдс. 19 дв., 25 х., 28 бд. х.

Д. **Матвѣевка,** [1]) р. Сула, козачій выселокъ, вѣроятно, изъ Лукомля, потому что землй у Матвѣевцевъ было мало и имъ не откуда было ее взять. Особенную нужду въ землѣ стали они испытывать, когда Сульскій песокъ сталъ засыпать и ту, которая у нихъ имѣлась. И стали М-цы просить тогдашняго своего полковника Марковича — отвести имъ часть вольной степи, называвшейся Строкачами; но Марковичъ самъ интересовался этою степью, потому что поблизу садилъ свой хуторъ Жостеръ, для котораго тоже требовалась земля... Вслѣдствіе этого по распоряженію Марковича Матвѣевцамъ отведена была, въ 1719 г., часть другой вольной степи, находившейся недалеко отъ полей Худолѣевскихъ и Мойсеевскихъ. И владѣли М-цы этими землями болѣе 30-ти лѣтъ, лишь иногда ссорясь съ Худолѣевцами и Мойсеевцами, которые имѣли какое то притязаніе къ тому полю [2]).

---

[1]) Въ Луб. полку есть и другая Матвѣевка, въ Чигр.—Дубр. сотнѣ.

[2]) Земля Матвѣевцамъ отведена была по слѣдующему акту: «Року 1719, мѣсяця 24 дня. З волеценя благородного его мяти п-на Андрея Марковича, полковника о. ц. вр. в. з. Лубенского, зъѣхавшимъ намъ до Лукомля для помиркованя правъ разнихъ и розъѣзду спорнихъ полювъ, докладали доедна (поголовно) обыватели Матвѣевскіе, близко Лукомля будучіе, же имъ крайняя, за недостаткомъ подъ селомъ ихъ землѣ пахатной, дѣется нужда, що и сами граждане, Лукомскія и Мойсеевскіе жители, своимъ предложеніемъ подтвердили. Теды мы въ вѣдома его панской мяти, яко позволяемъ имъ противъ села своего за *кологами* волній степъ, къ полямъ Хорольскимъ лежачій, на ниве розробляти, такъ его жъ панскимъ указомъ прекладаемъ,

Но когда «экзакторъ» Крыжановскій получилъ, въ 1751 г., въ свое владѣніе Мойсеевское посполитое населеніе, то немедленно отобралъ отъ Матвѣевцевъ всю землю, которая была имъ отведена въ 1719 г... Все это М-цы разсказали въ поданной ими, въ к. 1752 г., жалобѣ въ Луб. полк. судъ. Судъ вызвалъ Кр-го для отвѣта. Но Кр-ій, понимая, что право его на спорную землю очень шатко и, повидимому, не ожидая отъ Лубенскихъ судей поблажки, рѣшилъ—пока затянуть процессъ. Поэтому вмѣсто личной явки, Кр. послалъ въ судъ такое извѣщеніе: «при всещасливомъ его ясн-ти гр. К. Г. Разумовского въ Москву выѣздѣ, приказано мнѣ якъ винъ разныхъ къ дому его ясн-ти купить, которіе вина въ привозѣ стали являться, и съ нихъ самому мнѣ надлежитъ выбрать годныхъ къ дому его ясн-ти, такъ и другіе многіе покупки исправить и отправить въ Москву къ его ясн-ти, за чимъ отлучатись въ судъ полк. Луб. для отвѣту крайне невозможно»... Судъ назначилъ новый срокъ, но Кр. и на этотъ вызовъ отвѣчалъ, что тоже не можетъ явиться, т. ч. ему для гетмана нужно покупать въ Москву «цуги лошадей» да и «откупную сумму» нужно собирать... Затѣмъ, видя, что все таки отъ суда ему не уйти и почему то боясь судиться въ Лубенскомъ судѣ, Кр-ій просилъ гетмана—перевести его дѣло съ Матвѣевцами въ Нѣжинъ. Удовлетворяя эту просьбу, Разумовскій въ универсалѣ писалъ: «поколь въ сотникомъ Глинскимъ и экзакторомъ Малороссійскимъ Ант. Кр-мъ заключенные контракты по индуктовому збору и по зборамъ въ скарбъ войсковой надлежащимъ силу свою имѣютъ и онъ, Кр-ій, потому жительствомъ своимъ въ Нѣжинѣ находится, по имѣючимся на него отъ полковой Луб. к-ріи и въ судѣ полковомъ искамъ—дѣла, *хотя бы оніе могли быть и о земляной расправѣ*, перенесть въ Нѣжинскую полк. к-рію, *не въ образецъ другимъ*, дабы онъ, сотникъ,

абы ихъ, Матвѣевцовъ, Худолѣевцѣ и другіе сусѣдственніи селяне отполь не вытискали, на чомъ и сіе наше писаніе имъ, Матвѣевцамъ, для лучшой певности видавши, власними нашими оное подписуемъ руками. Іванъ Павловичъ, асаулъ полку Лубенского. Іванъ Несторовичъ, дворянинъ панскій (т. е. Марковича).» По этому акту Матвѣевцамъ были отданы земли, повидимому, невполнѣ свободныя, такъ какъ въ 1735 г. «громады» Худолѣевская и Мойсеевская стали Матвѣевцевъ не допускать въ пользованію отведенными имъ по акту 1719 г. землями и «грабить»—отнятіемъ плуговъ. За этотъ грабежъ Худолѣевцы и Мойсеевцы вызывались въ Лубенск. полк. судъ съ предложеніемъ «представить крѣпости или другія доказательства» на спорныя поля. Повидимому, дѣло рѣшено было въ пользу Матвѣевцевъ, такъ какъ эти поля остались въ ихъ владѣніи.

въ разсужденіи положенныхъ на него стой важныхъ зборовъ, не могъ ни отъ кого чимъ воспрепятствованъ быть»... Вслѣдъ за переводомъ дѣла въ Нѣжинскій судъ, назначены были для производства слѣдствія по жалобѣ Матвѣевцевъ сотникъ (Кролевецкій) Григ. Огієвскій и зн. тов. Самойловичъ, на которыхъ обиженные жаловались, что они «несправедливо слѣдовали въ пользу Кр-го, а ихъ, Матвѣевцевъ, бранили, сказывая при томъ: «что вамъ — развѣ за два пальца благодѣяніе учинить» и съ оного слѣдствія прочь согнали; а сотникъ Огіевскій Кр-ому крайній доброхотъ, п. ч. въ его, Кр-го, двѣ сотнѣ, Кролевецкую и Глуховскую, перекупилъ въ откупъ...» У насъ нѣтъ свѣдѣній—чѣмъ кончилось дѣло Матвѣевцевъ съ Кр-мъ, но едва ли они могли его выиграть при тѣхъ поблажкахъ, которыя гетманская администрація видимо оказывала пронырливому откупщику... А. Кв. 1 дв., 25 ж., 26 с. Б. Кв. 43 дв., 70 х., 12 бд. х.

Се. Великая и Малая Селецкія, первая при деннаѣ ок. устья Оржицы, а вторая при Сулѣ. Названіе селъ происходить отъ слова *селище*, почему можно полагать, что В. Селецкая, если она возникла раньше Малой, поселена на мѣстѣ древняго городища или *селища*, которое естественно должно было возникнуть въ такомъ защитномъ мѣстѣ, какое представляетъ уголъ образуемый Оржицею при ея владѣніи въ Сулу. Оба эти села остались свободными по отсутствію крестьянъ, а отсутствіе послѣднихъ обусловлено, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что приволье въ угодьяхъ дало возможность первымъ насельникамъ настолько разбогатѣть, что они могли занять выгодное положеніе козаковъ [1]... Только въ пол. XVIII в. являются въ этихъ селахъ подсосѣдки, которыхъ посадили на скупленныхъ козачьихъ земляхъ сотники Пиковцы. При какихъ обстоятельствахъ производилась здѣсь скупля, указываетъ, напр., разсказъ 1767 г. козака В. Селецкой Черкащенка, какъ, ок. 1737 г., сотникъ Ив. Пиковецъ отнялъ у его бабки 12 дней поля за два рубля, «напитые» послѣднею въ долгъ въ шинкѣ сотника. Другой козакъ того же села, Зѣнецъ Пушкаренко, разсказывалъ, что было у него поля на 6 дней и сѣнокосный помѣрокъ съ лугомъ, поросшимъ лозою и ольхою; за

---

[1] Вспомнимъ преданіе объ образованіи козачьяго сословія въ гетманщинѣ: «какъ осѣли люде, тогда *можнѣйшіе вписались въ козаки*, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ». Опис. Ст. Малор. I, 381.

эту землю давалъ ему Великоселецкій попъ Иванъ Маеровичъ 60 р.; но около этой земли, на рч. Иржавцѣ, сотникъ Степанъ П-цъ устраивалъ хуторъ; желая къ послѣднему присоединить землю Пушкаренка, П-цъ поступилъ (1747 г.) такимъ образомъ: сначала приказалъ Пушкаренку взять у него, П-ца, верховую лошадь для козачьей службы, требуя за лошадь сѣнокосный «помѣрокъ». А когда П-ко той лошади брать не соглашался, то сотникъ приковалъ его къ пушкѣ на цѣлую недѣлю... И принудилъ сотникъ П-ка взять лошадь въ 25-ти рубляхъ, а ему отдать «помѣрокъ съ лугомъ, безъ поля», при чемъ купчей П-цу онъ, впрочемъ, не далъ. Когда же Пушкаренко ушелъ въ Прусскій походъ, то П-цъ принудилъ его жену на тотъ помѣрокъ и крѣпость выдать, подъ видомъ добровольной продажи, а пахатнымъ полемъ П-цъ завладѣлъ, потомъ, безденежно и владѣлъ имъ до смерти, а послѣ смерти П-ца, полемъ тѣмъ продолжала владѣть жена его, вышедшая замужъ за бригадира Детилли»... Третій примѣръ еще характернѣе: сотникъ не лично отнимаетъ у козака землю, а предоставляетъ возможность этого насилія—своему пріятелю. Козакъ Кирпань разсказывалъ, что въ 1748 г. сотникъ Степ. П-цъ приказалъ ему «для войсковой службы исправить выборную верховую лошадь. И хотя Кирпань и имѣлъ такую лошадь, цѣною рублей въ 17, но только сотникъ той его лошади къ выбору не принялъ, объявивъ, что хотя бы онъ купилъ и другую, то онъ все таки лошади этой не приметъ; а приказывалъ сотникъ К-ню купить лошадь у Городисскаго сотника Ивана Кодинца, съ которымъ былъ въ дружбѣ. А когда онъ, К-нь, лошади у Кодинца покупать не хотѣлъ, то П-цъ тѣснилъ его—«чрезъ цѣлую недѣлю, пушкою». И принужденъ былъ К-нь купить у Кодинца лошадь, но такъ какъ тотъ просилъ за нее 35 р., а денегъ не было, то К-нь долженъ былъ отдать К-цу вмѣсто денегъ: «леваду, съ садомъ вишневаго, сливнаго и грушеваго дерева, луку на 100 копицъ сѣна, поле пахатное дней на 15 и озеро». Земля эта находилась рядомъ съ хуторомъ Кодинца Ржавцомъ, почему послѣднему такъ и хотѣлось добыть себѣ эту землю. Впрочемъ, кромѣ лошади, К-цъ далъ К-ню еще и 15 р. деньгами. На отнятыхъ земляхъ Пиковцы заводили хутора и садили въ нихъ подсосѣдковъ, а населеніе В. и М. Селецкихъ осталось свободнымъ отъ закрѣпощенія, кромѣ незначительнаго числа подсосѣдковъ, которыхъ посадили на

своихъ земляхъ козаки же[1]). **А. Кз.** *В. Селецкая* — 70 дв., 99 х., 102 с. подс. сотен. есаула Юска Федоренка 3 дв., 3 х., 3 с. **Кр.** *нѣтъ*. «Своб. двор.» — 12, въ томъ числѣ школа. **Б. Кз.** 86 дв., 172 х., 2 бд. х. подс. 11 дв., 15 х., 32 бд. х. *М. Селецкая*. **А. Кз.** 12 дв., 17 х., 16 с. Подс. б. т. П. Кулябки, 4 дв , 4 х., 4 с. «Своб. дв.» 15, въ томъ числѣ школа. **Б. Кз.** 20 дв., 45 х., 1 бд. х. Подс. 9 дв., 9 х., 10 бд. х. **Кр.** *нѣтъ*.

С. Онушки (Онушковцы), рч. Оржица, по судьбѣ своей сходны съ Селецкими и возникли вмѣстѣ съ послѣдними. Впрочемъ, въ Онушкахъ были крестьяне, какъ это видно изъ универсала 1709 г., по которому здѣшніе посполитые были отданы въ послушаніе Лукомскому священнику Левицкому, который передъ тѣмъ устроилъ себѣ здѣсь водяную мельницу. Въ 1734 г. Онушковцы объ этомъ такъ разсказывали: «отъ текучой по-подъ селомъ нашимъ Онушками рѣчки Оржицы, что отошла тянка (рукавъ?) подъ онимъ же селомъ, зъ оной въ прошлыхъ, давнихъ годѣхъ, черезъ дорогу ишолъ поточокъ велми малъ; а когда осѣдлостію людей оное село размножалось, загатили мы на ономъ поточку гатку для переѣзду всѣмъ людямъ потребного... Когда же тую гатку начала вода портить и рвать, и затимъ не могли мы оную удержать, въ то время оставивши оную, загатили на иншомъ мѣстцу, выше къ прописанной тянцѣ, и въ прошлихъ же годѣхъ на оной, первіе нами гаченной гаткѣ, священникъ Лукомскій о. Петръ Левицкій построилъ млинъ о 3-хъ колахъ, съ согласного позволенія нашого и по позволителныхъ гетманскихъ универсалахъ»... Первый универсалъ Левицкому данъ былъ Мазепинъ, 1 авг. 1708 г., — «на засыпанне греблѣ и построене млинка, для пожитку своего, въ Онушкахъ, на р. Оржицѣ»; а черезъ годъ Скоропадскій позволилъ Левицкому — «отбирать послушенство отъ Онушковскихъ посполитыхъ»: «вамъ, войтови с. Онушокъ, зо всѣми тамошними посполитыми людми, чрезъ сіе наше универсалное писаніе нехай будетъ вѣдомо, ижъ яко прежде сего, зъ певныхъ респектовъ нашихъ ку пречестному о. Петру Петровичу, священнику Лукомскому, писали до васъ *приватнимъ на-*

---

[1]) Но и подсосѣдковъ было мало, такъ какъ къ 19 февр. 1861 г. въ В. Селецкой оказалось *крѣпостныхъ* всего 35 «ревизскихъ душъ», принадлежавшихъ семи владѣльцамъ — Позднякамъ, Пархоменкамъ, Тараненкамъ, Загребамъ и др. (*Списокъ миров. участк., волостей и обществъ Полтавск. губ. Полтава. 1868. Въ л.*). Всѣ эти «помѣщики» вышли, конечно, изъ козачьяго населенія того же села.

шимъ листомъ, приказуючи, абысте его честности во всякихъ рабе-тивнакъ чинили послушенство, такъ и теперъ тому же о. Петру перпїй нашъ респектъ являючи, симъ универсаломъ нашимъ пильно грозимъ, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ, абысте безъ жадной вымови и спреки, о. Петру тое жъ отдавали послушенство и въ належитыхъ приказаніяхъ его жъ доволными были»... Однакожъ владѣніе Левицкихъ было не продолжительно: по ревизіи 1740 г. у нихъ было здѣсь всего 3 дв. посполитыхъ, а потомъ и тѣ исчезаютъ, и въ Онушкахъ остаются одни подсосѣдки, которыхъ поселили на скупленныхъ грунтахъ Онушковскіе же козаки [1]. А. Кз. 43 дв., 68 х., 70 с. подс. 1 дв., 1 х., 1 с. Кр. попа Луки Ив. Левицкаго 3 дв., 3 х., 3 с. Б. Кз. 58 дв., 112 х., 1 бд. х. Кр. нѣтъ. Подс. 12 дв., 22 х., 18 бд. х.

Д. Трибка. А. подс. Андрея Марковича 7 дв., 7 х., 7 с. Б. (Трибовка) майора Кулябки 7 бд. х. [2]).

Д. Журавлевка. А. Кр. полковника Луб. Апостола 20 дв., 28 х., 32 с. Б. *не показана*.

Д. Самосѣдовка, поселена ок. Горошина (см. ниже) на рч. Кривой Рудѣ, Яковомъ Марковичемъ. А. Кр. б. т. Марковича 8 дв., 15 х.,

---

[1]) Приводимъ здѣсь характерный примѣръ изъ отношеній сотника Пиковца къ богатымъ Онушковскимъ козакамъ. «1767 г., мартъ 24. Козаки с. Онушокъ Омелько Кросніачій, Иванъ, Максимъ и Михайло Онушки—при сочиненіи въ ономъ селѣ генер. описи, въ комисіи показали, что имѣли де они при с. Онушкахъ... дѣдовскія и отческія добра (*слѣдуетъ перечисленіе*), да Ивана и Максима родной братъ Хведоръ Онушко имѣлъ жилой дворъ съ двома избами и комморою рубленними, лѣсъ липового и осиннового дерева и пустое ставище, и общое всѣхъ ихъ на рч. Оржицѣ рыболовню, въ длину въ 1 версту, а вширину 30 саж., коими добрами и владѣли... А годовъ тому въ 18, когда съ нихъ Хведоръ въ блудодѣяніи зобличился, то за тотъ его проступокъ показанный его дворъ и лѣсъ умершій сотникъ Стефанъ Пѣковецъ насилно и безденежно отнялъ, посему оной Хведоръ и безвѣстно сойтить принужденъ, а за тѣмъ его исходомъ, онъ же сотникъ насилно женѣ его Хведора Настѣ за показанное ставище 8 рублей, Омелку Красначому за помѣрокъ въ лозою 2 р., Ивану за помѣрокъ, лозу и лѣсъ—15 р. далъ, а показанною ихъ общою рыболовною рѣчкою безъ всякой куплѣ насилно и безденежно завладѣлъ и на ономъ пустомъ ставищи въ предписанныхъ лѣсовъ мелницю водяную выстроилъ и владѣлъ по свою смерть; по смерти же его Пѣковця всѣмъ тѣмъ завладѣла и понынѣ владѣетъ жена его, вышедшая взамужже за брегадира Детилли, Елена неправилно, а ихъ ко владѣнію не допускаетъ неправилно жъ». (*Изъ Румянц. описи*).

[2]) Названіе происходитъ, повидимому, отъ слова *tryb*=мельничное колесо. См. это слово у Линде. См. также, с. Лящовку (ниже), около которой показана вод. мельница, «зовемая *Трибъ*».

16 с. Б. не показана, п. ч. въ 1746 г. была отсуждена Оболонскому (Зап. Як. Марковича, II, 233), который, кажется, на этомъ мѣстѣ поселилъ свою слободу *Оболоновку*. (См. ниже).

С. Ивановка. А. Кр. Лукомск. сотника Ивана Пиковца, которымъ и поселена, 13 дв., 26 х., 26 с. **Б. Кр.** жены подкомор. Ивана Остроградскаго 74 дв., 104 х., 40 бд. х.

С. Степановка, А. Не показана, такъ какъ поселена (Степаномъ Пиковцомъ) позже. **Б. Кр.** Подком. Ивана Родзянки 53 дв., 71 х., 22 бд. х.

Кромѣ этихъ поселеній, по вѣдомости 1781 г. въ Лукомской сотнѣ показаны: 1) **с. Лящовка** (см. Горошинск. сотню), 2) **Слоб. Ровитка** — Кодинцовъ, **Кр.** 32 дв., 38 х., 13 бд. х. 3) **Слоб. Кривая Руда** — генерала Шамшева, **Кр.** 42 дв., 44 х., 33 бд. х.

По ревизіи 1740 г. въ Лук-ой сотнѣ значится всѣхъ хуторовъ — 44, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что составъ Лукомской сотни къ 1781 г. нѣсколько измѣнился сравнительно съ 1740 г., почему количество хх. 1740 и 1781 гг. точно сравниваемо не можетъ быть. По вѣдомости 1781 г. въ Лукомск. сотнѣ показано хуторовъ — 43, преимущественно полков. и сотенной старшины; въ нихъ: 14 дв., 20 х., 206 бд х. Наибольшіе хутора принадлежали в. т. Кодинцу (8 дв., 11 х., 9 бд. х.), писарю земск. и сотнику Хильчевскому (27 бд. х.), майору Крыжановскому (38 бд. х.) и друг.

Горошинская сотня была выдѣлена изъ Лукомской въ тридцатыхъ годахъ XVIII в., вѣроятно, при Румянцовѣ (А. И.), котораго Безбородко, правившій тогда должность генер. писаря, убѣдилъ нѣкоторыя сотни подѣлить пополамъ и тѣмъ создать новые уряды; замѣщеніе послѣднихъ, какъ говорили, приносило Б-ку хорошіе доходы...[1]) Въ 1764 г. лѣвобережная часть Горошинской сотни, повидимому, была перечислена въ составъ тогда же учрежденной Новороссійской губерніи, но въ слѣдующемъ году это отчисленіе было отмѣнено[2]). Горошинская сотня занимала оба берега Сулы, начиная отъ устья рч. Оржицы и оканчивая примѣрно устьемъ той рѣчки, которую впослѣдствіи стали называть Буромкою. Правый берегъ, какъ нагорный и кромѣ того орошаемый двумя-тремя притоками Сулы, заселился раньше. Лѣвый

---

[1]) Русск. Арх. 1875 г., I, 313.

[2]) Записки Як. Марк., изд. 1859 г., II. 395.

берегъ, какъ представлявшій почти одни низины, до XVIII в. былъ почти совсѣмъ пустъ; заселился же онъ, главнымъ образомъ, въ срединѣ XVIII в. Изъ Горошинскихъ сотниковъ извѣстны Григорій Довгій (1730—740) и Петръ Сахновскій (1756—763). Послѣдній, будучи уроженцемъ Черниговскаго полка, получилъ Горошинское сотничество, конечно, по свойству съ генер. писаремъ Безбородкомъ[1]). Близостью къ Безбородку слѣдуетъ объяснить и то особое участіе, которое Сахновскій принималъ въ дѣлѣ Клищинскихъ козаковъ. (См. с. Клищинцы въ Чигр.-Дубр. сотнѣ).

М. Горошинъ, р. Сула, извѣстенъ съ к. XI в.; въ лѣтописи подъ 1084 г. говорится: «гоникомъ Половцы за Хороль, иже Горошинъ взяли». Запустѣвшій послѣ татарскаго разоренія, Г. вспоминается затѣмъ лишь въ к. XVI в. (см. стр. 98). Отновленный Г. привлекъ къ себѣ первоначальное населеніе удобствомъ устройства здѣсь водяныхъ мельницъ, при Горошинской чрезъ Сулу плотинѣ. Въ 1618 г. Г. называется еще *новою осадою*[2]); по списку Пшездѣцкаго здѣсь значится 341 «господарей» и 15 мельничныхъ «колъ». Во втор. пол. XVII в. Г., благодаря своему мѣстоположенію, сталъ значительнымъ поселеніемъ; по ревизіи 1729 г. здѣсь было 170 крест. двор., кромѣ козаковъ; но черезъ 15-ть лѣтъ—ихъ осталось всего лишь 50. Убыль эта произошла, повидимому, отъ выселенія Горошинцовъ въ тѣ слободы и хутора, которыя стала здѣсь садить мѣстные сотники Пиковцы и друг. сотенная старшина. Свободными Горошинскіе крестьяне оставались до 1744 г., когда отданы были по именному указу императрицы Елисаветы, въ пріѣздъ ея въ Малороссію, генер. бунчучному Демьяну Оболонскому. Указъ гласилъ: «пожаловали мы генер. бунчучнаго Демьяна Оболонскаго за его службы въ Мал. Россіи... въ Лубенскомъ полку, въ сотнѣ Лукомльской, селомъ Горошиномъ, со всѣми принадлежностьми, кромѣ обрѣтающихся тамъ козаковъ и ихъ грунтовъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе...» Причиною необычайной милости императрицы, было, какъ говоритъ преданіе,—сходство въ лицахъ жены Оболонскаго съ матерью императрицы Екатериною I[3]).

[1]) Безбородко и Черниг. обозный Иванъ Сахновскій женаты были на родныхъ сестрахъ, а Горошинскій сотникъ былъ сыномъ этого обознаго.

[2]) Zródła Dziejowe, XXI, 283.

[3]) Дн. Записки Як. Марковича, изд. 1859 г., II, 218. За это сходство, кромѣ пожалованія маетностями, императрица еще крестила у Оболенского дочь, при чемъ подарила его женѣ 400 червонцевъ и полштуки штофу. Т. ж., 213.

Въ приведенномъ указѣ интересно, что Горошинъ названъ *селомъ Лукомльской сотни*, въ то время, какъ Горошинъ въ 1744 г. былъ *сотеннымъ мѣстечкомъ* и даже *городкомъ*, какъ иногда его называли въ дѣловыхъ бумагахъ. Повидимому, это обстоятельство преднамѣренно было скрыто прэдъ тогдашнимъ правителемъ Малороссіи Бибиковымъ, такъ какъ такой грубой ошибки не могла сдѣлать генер. канцелярія, изъ которой вѣроятно было взято это свѣдѣніе для написанія указа... Преднамѣренность ошибки тѣмъ правдоподобнѣе, что генер. бунчучный Оболонскій былъ человѣкъ вообще очень изворотливый... Былъ онъ сыномъ Сосницкаго сотника, женатаго на падчерицѣ Глуховскаго сотника Ялоцкаго, который умирая оставилъ значительныя свои маетности вдовѣ и пасынку Ивану Мануйловичу. Но кромѣ пасынка была еще и падчерица—мать Оболонскаго, о которой въ завѣщаніи отчима не было ничего сказано. Занимая видное положеніе въ Глуховской администраціи, Мануйловичъ, повидимому, проводилъ въ люди и родного своего племянника Оболонскаго. Это обстоятельство не помѣшало послѣднему начать противъ дяди судебный процессъ за наслѣдство Ялоцкаго. Процессъ Оболонскимъ былъ выигранъ уже послѣ смерти Мануйловича, при чемъ онъ получилъ бо̀льшую и лучшую часть имѣній Ялоцкаго [1]). Отсюда видно, какимъ практикомъ въ жизни былъ Оболонскій. Также точно онъ воспользовался и неожиданно полученнымъ Горошиномъ, поотнимавъ у сосѣдей земли изъ подъ ихъ слободъ на томъ основаніи, что ему отданы *всѣ Горошинскія земли*, кромѣ козачьихъ. Для этого Оболонскій, прежде всего, привелъ въ извѣстность границы принадлежавшихъ къ Горошину земель; границы эти, указанныя мѣстными старожилами, были слѣдующія: «по правую сторону внизъ по р. Сулѣ до урочища Оманчи, что надъ р. Сулою, *разстояніемъ отъ Горошина верстъ на 18-ть*, а отъ Оманчи, возвратясь чрезъ р. Сулу, на урочище Пришибъ, а отъ Пришиба на Робленую могилу да на Бикуновъ станъ, а отъ Бикунового стану на Острую могилу и на Маслачиху; а отъ Маслачихи на Ромодановскую дорогу; отъ Ромодановской же дороги на Чуйковъ крестъ и на Голыя могилы, на Жостѣръ и до саги, вверхъ р. Сулы, до старинного пере-

---

[1]) Опис. Стар. Малор. II, 423. — О выигрышѣ процесса съ Пироцкимъ, наслѣдникомъ Мануйловича, Марковичъ замѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: «Оболонскій надъ Пироцкимъ въ судѣ выигралъ *по честной своей претензіи.*» (29 мая, 1746 г.) Авторъ *Дневника* хочетъ сказать о безнравственности процесса со стороны Оболонскаго...

возу Горошинского, а оттоль внизъ р. Сулою паки до Горошина». Въ этомъ описаніи можно узнать теперешнее Посулье, простирающееся отъ с. Калкаева до с. Демьянки; заключало оно въ себѣ десятки верстъ... На этомъ пространствѣ мѣстною старшиною было поселено нѣсколько слободъ и хуторовъ, о снесеніи которыхъ Оболонскій и началъ въ генер. судѣ дѣла. Дѣла эти онъ выигралъ, такъ какъ даже и такой казуистъ, какъ Яковъ Марковичъ, и тотъ долженъ былъ снести свои—слободу Самосѣдовку и х. Криворудскій [1]). На мѣстахъ бывшихъ слободъ и хуторовъ, Оболонскій самъ началъ садить тѣ же слободы и хутора и садилъ ихъ, повидимому, очень успѣшно, такъ какъ наслѣдникамъ своимъ оставилъ вмѣсто Горошинскихъ степей—нѣсколько селъ. У Оболонскаго было два сына, Демьянъ и Александръ, и дочь Надежда. Главная часть наслѣдства генер. бунчучнаго почему то перешла къ одному сыну его Демьяну, который къ к. XVIII в. сталъ однимъ изъ видныхъ богачей въ Малороссіи [2]). **А. Кз.** 78 дв., 107 х., 117 с. Пдс. сотника Долгаго и друг. лицъ, въ томъ числѣ и козаковъ, 26 дв., 26 х., 26 с. **Кр.** *своб.* 35 дв., 35 х., 38 с. «Своб. двор.»—56, въ томъ числѣ «старцовъ»—12 дв., компанейцевъ—20 дв., шинковъ—2, школа, «шпиталь». Хуторовъ Горош.—7. **Б. Кз.** 111 дв., 167 х., 26 бд. х. **Кр.** пр.-майора Оболонскаго (Демьяна?) 77 дв., 108 х., 78 бд. х. Пдс. разн. лицъ 12 дв., 16 х., 36 бд. х.

Поселенія праваго берега Сулы.

М. Оржица, рч. Оржица, недалеко отъ ея впаденія въ Сулу. Оржица возникла не позже нач. XVII в., такъ какъ въ 1649 г. могла быть уже центромъ особой Оржицкой сотни, входившей въ составъ Крапивянскаго полка. Но дальнѣйшій ростъ этого поселенія былъ прер-

---

[1]) Дневн. Записки, II, 238.

[2]) У Демьяна Дем-ча Оболонскаго (въ 1767 г.—бунч. товар., а въ 1798 г.—колежск. совѣтникъ) въ к. XVIII в. было 7330 душъ крест. об. пола, въ слѣдующихъ имѣніяхъ: въ м. Горошинѣ—1509, с. Оболоньи—1895, с. Демьяновкѣ—952, д. Липнягахъ—645, д. Новоселицѣ—458, с. Степановкѣ—517, м. Еремѣевкѣ—1109, с. Калайденцахъ—44, г. Глуховѣ—55, с. Уздицѣ—20, с. Семеновкѣ (Глуховск.)—127, с. Бачевскѣ—295 и д. Степановкѣ (Глуховск.)—209. Женатъ Д. Д. Об. былъ на Надеждѣ Александровнѣ Якубовичъ, дочери Прилуцкаго полковника. Дочь Об-аго Надежда была замужемъ за сербомъ Родіономъ Степановичемъ Пламенацомъ, при чемъ въ приданое получила отъ отца Хорольское село Вишняки. Пламенацъ былъ Гадяцкимъ полковникомъ и имѣлъ (купленныхъ) болѣе 1700 д. крест. (Гадячъ, Ровбыщовка, Сватки, Лучка, Венславовка и х. Оксаковщина), всѣ эти имѣнія Пламенаца, за его бездѣтствомъ, впослѣдствіи перешли къ Оболонскимъ.

ванъ татарскими нападеніями во время козацкихъ междоусобій, начавшихся послѣ смерти Б. Хмельницкаго; въ это время Оржица, находясь на «шляху татарскомъ» (см. стр. 98), была разорена и почти запустѣла. Въ универсалѣ Дорошенка (іюнь 1668 г., подъ Срѣбнымъ) читаемъ: «видячи мы мѣстечко Оржицю зпустошенное и знищенное, обывателей тамошнихъ подъ нашу особливую беремо оборону, отъ вшелякихъ тяжаровъ уволняючи. Теди мѣти хочемъ и пилно приказуемъ, абы жаденъ зъ старшины, чернѣ войска Запорозского зъ высланнихъ нашихъ, и чатовниковъ, и ватажниковъ, купами и поединцемъ, чрезъ Оржицю ѣдучимъ, становисками, ночлѣгами, попасами, отпочивками, вымаганнемъ стацѣй и якихъ колвекъ датковъ, бранемъ подводъ, овшемъ шарпанинами и найменшими трудностями обывателей Оржицкихъ обтяжати и агравовати не важился, подъ срокгимъ войсковымъ каранемъ». Изъ другого Дорошенкового универсала 1669 г. видно, что при разореніи Оржицы разорена была и церковь: «поглядаючи на знищеніе людей Оржицкихъ, а зычачи хвалы божіей умноженя, якосмо прошлого року перевозъ човновій на рѣцѣ Оржици будучій на будоване церкви тамошное конферовали, такъ и теперъ, поневажъ еще въ будовли церковь не взяла скутку, тотъ же перевозъ надаемъ къ обивателемъ Оржицкимъ, аби доходъ приходячій зъ него отбирали, толко жъ не на свою, але на церковную потребу оборочали...» [1]).

Оправившись отъ разоренія, О-ца вошла въ составъ Лукомской сотни и до 1734 г. оставалась свободною, а въ этомъ году отдана была Требинскимъ. Это были сербы, вышедшіе въ Малороссію вмѣстѣ съ другими земляками, при Петрѣ В., за обѣщанными тутъ «деревнями на пропитаніе», за службу въ войну съ турками [2]). Требинскихъ вышло

---

[1]) Румянц. Опись.

[2]) О своемъ происхожденіи Славуй Требинскій разсказывалъ такъ: «Онъ, Славуй, былъ у венеціанъ воеводою въ Кощелновомъ (Кастель-ново) и въ 1711 г., во время бывшей съ салтаномъ турскимъ войны, ревностью по благочестіи пришелъ оттуду къ нимъ въ Монтенегрію, съ компаніею своею, для службы царского величества, остава тамъ всякую честь и получаемое жалованье, и служилъ противъ турковъ, всего христіанства неприятелей, вѣрно, платя на компанію деньги свою и былъ съ нимъ (?) въ совѣтѣхъ, за что домъ его и маетности венеціане разорили и сродники его странствуютъ въ чужихъ сторонахъ; того ради, желая остатца въ Россійскомъ государствѣ, и въ 1715 г. царское величество пожаловали его, воеводу Славуя, за тѣ его показанные службы, во знакъ нашея царского величества милости, нашимъ цар-

три брата, Славуй, Алексѣй и Максимъ; всѣ они поселились почему то въ Лубенскомъ полку и отсюда въ триддатыхъ годахъ, не дождавшись обѣщанныхъ деревень, обратились въ иностранную коллегію дѣлъ и просили по «убожеству» дать имъ два села—Круподеринцы и Савинки (Яблоновск. сотни). Коллегія нашла, что «за прежную и нынѣшную службу Требинскихъ и для предбудущаго таковаго потребнаго случая и лучшаго утвержденія и ласканія всего тамошняго (сербскаго) благочестиваго народа, потребно ихъ, Требинскихъ, не въ скудости, но въ пристойномъ довольствѣ содержать», почему именнымъ указомъ предписано было Шаховскому дать Требинскимъ въ Лубенскомъ полку 70 дворовъ. А когда дворы эти Шаховскимъ были даны въ Оржицѣ и въ Плеховѣ, то Требинскіе стали хлопотать о формальномъ отводѣ имъ пожалованныхъ маетностей, при чемъ настаивали, что поселенные вокругъ Оржицы хутора также должны войти въ составъ пожалованія. Послѣ долгихъ хлопотъ, въ 1743 г. изъ генер. к-ріи посланы были капитанъ Нѣмчиновъ, б. т. Иванъ Берло и в. тов. Ст. Холодовичъ, которые назначили слѣдующія границы пожалованнымъ землямъ: «начавъ отъ м. Оржицы, вгору, стрижнемъ рѣчкою Оржицею до лѣска, зовемого Верпетина-стѣнка, и тамо на дубѣ крестъ вырубленъ; тамъ же другого дуба порубленного пень виденъ, на которомъ былъ крестъ вирубленъ, по сказкамъ старожиловъ, асауломъ полк. Луб. Иваномъ Павловичемъ съ другими товарищи, когда ограниченіе чинено было между Оржицею и Денисовкою. А съ того лѣска Верпетиной стѣнки пошелъ плугомъ заоръ въ степъ на двѣ могилки; а съ тихъ могилокъ на третую могилу, которая лежитъ по семъ боку шляху, идучого зъ Оржицѣ до Денисовки; а съ той могилки чрезъ оный шляхъ до трохъ могилокъ, гдѣ и крестъ выкопанъ; а оттуда на могилку зовемую Товстую, а отъ той могилы чрезъ шляхъ, идучій изъ Оржицы до Золотоноши, а оттудова, чрезъ великій Злодѣйскій шляхъ, идучій зъ Веремѣевки до Савинецъ; а оттудова степомъ по-за озерами до степу Ирклѣевского и по край того степу до вершины балки Буромки, по тое мѣсто, гдѣ Злодѣйскій шляхъ чрезъ тую балку переходить; а по-надъ тою балкою Буромкою и по-надъ дорожкою, идучою изъ Буромки до шляху Злодѣйского и до шляху, идучого зъ

третомъ ещужъ воеводѣ Славую, за тѣ его показанніе службы и за утрату пожитковъ, повелѣно быть въ нашихъ Малороссійскихъ городѣхъ и дать на пропитаніе деревню». Арх. генер. канц., № 8768.

Оржицѣ до Ирклѣева; а отъ той дороги по-надъ тою дорожкою до могилъ Трохъ-Братовъ, а отъ тихъ могилъ на могилу стоячую при урочищи Троцкого, гдѣ крестъ викопанъ; а отъ могилы черезъ дорожку, идучую зъ Мохнача до Иржавця и чрезъ ярокъ къ шпилю окопу, лежачого коло левады атамана Оржицкого Антона Сеперенка, близъ его хутора, гдѣ внизу на болотѣ, отъ Сули рѣки зашедшомъ, стоять вербы, съ которихъ на одной крестъ вирубали; а тимъ болотомъ просто къ стрижню Сули рѣки; а тимъ стрижнемъ въ гору до того мѣста, гдѣ Оржица рѣчка въ Сулу впала, а тою рѣчкою Оржицею вгору стрижнемъ, по-узъ село Плеховъ къ мѣстечку Оржицѣ и тако на семъ боку рѣчки Оржицѣ ограниченіе мѣстечку Оржицѣ и селу Плехову окончилось...» Получивъ вмѣстѣ съ этими землями и Оржицкихъ крестьянъ въ свое владѣніе, Требинскіе почему нашли болѣе удобнымъ выселить ихъ изъ Оржицы въ особую слободу; это видно изъ того, что показанные по ревизіи 1740 г. 15 крест. дворовъ Требинскихъ въ Оржицѣ, по вѣдомости 1781 г.—уже незначатся, но вмѣстѣ у Требинскихъ является около Оржицы новая слобода—Чутовка, земли которой входили въ границы сдѣланнаго въ 1743 г. отвода. За то въ к. XVIII в. въ Оржицѣ, сравнительно съ 1740 г., увеличилось число подсосѣдковъ, которыхъ тутъ садила преимущественно мѣстная старшина, при помощи своего начальническаго вліянія. Напр., по купчей 1763 г., Оржицкій козакъ Голубъ продаетъ своему сотнику Петру Сахновскому ниву за 2 р. 40 к.—«для покупки къ войсковой службѣ шабли». **А. Кз.** 75 дв., 111 х., 123 с. Пдс. Оржицкихъ козаковъ—5 дв., 5 х., 5 с. **Кр.** Славуя Требинскаго 15 дв., 16 х., 16 с. Кромѣ того, «свободныхъ» двор.—33, изъ которыхъ 14 принадлежать «компанейцамъ». Хуторовъ ок. Оржицы—8. въ нихъ: **Б. Кз.** 108 дв., 182 х., 29 бд. х. **Кр.** «разн. влад.» 1 дв., 1 х., 5 бд. х. Пдс. разн. влад. 24 дв., 38 х., 55 бд. х.

С. Плеховъ, устье рч. Оржицы. Судя по названію, тождесгвенному съ старымъ Черниговскимъ селомъ (рч. Пакулька) можно предполагать, что Оржицкій Плеховъ поселенъ выходцами изъ-подъ Чернигова. Это могло случиться въ 1651 г., когда по свидѣтельству Самовидца, «козацтво, зостаючие въ городахъ (т. е. въ сѣверной Малороссіи) волно сходило зъ тихъ городовъ, кидаючи набытки свои у городѣ, къ Полтавѣ и тамъ слободы поосажовали...» Въ 1734 г. Плеховскіе крестьяне

[illegible] Требинскимъ[1]. (См. м. *Оржица*), за которыми и оставались до к. XVIII в. А. Нз. 26 дв., 44 х., 56 с. Пдс. 4 дв., 4 х., [illegible] Требинскаго 5 дв., 6 х., 5 с. Свободн. дв.—20, [illegible] 14. Хутора—1. Б. Нз. 27 дв., 82 х., 3 бд. х. [illegible] Требинскаго 15 дв., 23 х., 9 бд. х. Пдс. 1 дв. 1 [illegible]

[illegible] 1740 г., Требинскими [illegible] крестьяне [illegible] Требинскимъ [illegible]

[illegible]

такомъ переселеніи говоритъ актъ 1697 г. — «мы, обыватели бывшіе Буромскіе, а теперъ остаемъ Горошинскіе, Хведоръ Иваненко, атаманъ Горошинскій, и при мнѣ товариства версвтового: Ивана Иващенка, Матвѣя Лысого и т. д. и при томъ тожъ биттю Мойсея Рочка, ктитора Спасского изъ братіею того жъ храму церкви божой, Хведора Козулѣ и проч., и при многихъ тамъ товариства, яко и братства церковного, чинимъ всѣмъ вѣдомо такъ обывателемъ Горошинскимъ, тежъ и стороннимъ людямъ, ижъ по обрадѣ и позволенію выше помянутыхъ особъ, видячи п. Василя Леонтіевича, зятя Кулябчиного, обывателя Лубенского, же зъ нами посусѣдску отъ которихъ часовъ жіючи, и жадного человѣка зпромежку насъ, Горошинцовъ, нѣкого не оскорбивъ, а теперъ проситъ насъ, мешканцовъ, абысмо ему зъ ласки людей добрыхъ, подали луку волную на сѣножать у кгрунтѣ Буромскомъ. Теди мы давши мѣстце прозбѣ п. Василя, позволяемъ ему, п. Василю Леонтіевичу, зачавши верху Буромки, отъ крайнего лѣсу, хуторомъ ставши, усю Буромку угорѣ собѣ въ сѣножать изняти и сѣно косити для своего добра...»[1]). Изъ этого акта видно, что зятю Кулябки отдѣлено было значительное пространство побережій рч. Буромки въ ея верховьяхъ; значитъ, населеніе городка Буромки было невелико и въ землѣ не нуждалось. Здѣшнее посполитое населеніе, начиная уже съ Зеленскаго, находилось въ ранговомъ владѣніи мѣстныхъ полковниковъ, а послѣ упраздненія полковаго управленія было пожаловано Безбородку въ числѣ 2000 душъ[2]). Во время нахожденія ранговыхъ имѣній въ вѣдѣніи скарбовой канцеляріи, Требинскіе захватили часть Буромскихъ земель и Безбородку пришлось вести съ ними судебные процессы. Въ 1797 г. Б-ка писалъ къ Г. П. Милорадовичу:

---

[1]) Въ концѣ акта приписка: «Я тожъ Василь Леонтіевичъ, видячи ихъ такую любовь и склонность, и за тую ихъ ласку дарую на церковъ божію Спаскую бѣлого желѣза 150 аркушовъ, ризы, килимъ шліонскій, воздухъ табиновій зъ потребами едамашковими, воздушковъ два меншихъ едамашковіе, нараквицѣ двое, едни едомашковіе, а другіе лудановіе. А если мене Господь подержитъ, обѣцуюся церкви божой не запоминати. Еще и могоричу далемъ тимъ же Горошинцамъ вѣдерокъ три.—По всякихъ церемоніяхъ зволилемъ я Василій Л-чъ на прозбу обывателей Горошинскихъ обѣцовалемъ и даровалемъ на церковъ божію Горошинскую грошей готовихъ пять (?) до чого еще позволяю дворище Романовское, мнѣ зосталое по блаженной памяти отца моего второго Ивана Кулябки, и комурку, на томъ же мѣстцу въ дворѣ стоячую»...

[2]) «Кн. Безбородко», Н. Григоровича, I, 90.

«надѣяся на вашу ко мнѣ дружбу и на самую справедливость вашу, прошу васъ всепокорно охранять меня противъ вашихъ земляковъ (Милорадовичи по происхожденію—сербы) драгихъ юнаковъ: Эрцыговачей, Угричичевъ, Требинскихъ, а болѣе всѣхъ извѣстныхъ Новака и старого Данила (Требинскаго), которые по привычкѣ называть—наша земля, наше небо,—ищутъ присвоить и отъ дачъ моихъ Буромскихъ къ ихъ деревнямъ Мохначу, Чутову и Плехову...» [1]). **А. Кз.** 12 дв., 17 х., 20 с. Пдс. 2 дв., 2 х., 2 с. **Кр.** рангов. Луб. полковн. 87 дв., 109 х., 111 с. Своб. дв.—42, въ томъ числѣ *старцевъ* (нищихъ)—6 и компанейцевъ—15. **Б. Кз.** 32 дв., 56 х., 7 бд. х. **Б.** ранг. Луб. полк. 151 дв., 228 х., 65 бд. х. Пдс. 1 дв., 1 х., 2 бд. х.

С. Лящовка, двѣ рѣчки, называемыя въ бумагахъ Буромкою и Лящовкою. Поселеніе перв. пол. XVII в. По универсалу 1719 г. отдана Славую Требинскому, сотнику Ирклѣевскому, какъ «доставшаяся ему за женою Еленою Пиковцевою, бывшею въ замужьи за умершимъ сотникомъ Вас. Пиковцемъ, по универсаламъ прежнихъ гетмановъ...» Затѣмъ, Л-ка была возвращена сыновьямъ В. Пиковца и досталась Степану, дочерью котораго Ульяною была продана Вас. Родзянкѣ. (См. выше стр. 110) Лящовка представляла богатую маетность, какъ видно изъ описанія ея въ купчей 1762 г.—«при томъ же селѣ гребля на рѣчкѣ Буромкѣ и мельница о 2-хъ колахъ, да другая весняная мельница на той же рѣчкѣ, зовемая *Трибъ* [2]), при ономъ селѣ футоръ, прозыв. *Горбовка* съ мельницею лодейною, сѣнокосныя луки: Дубровна, Высока, Потапова, Нистулинъ Кутъ да хуторецъ противъ Горбовки поселенный». **А. Кз.** 45 дв., 64 х., 70 с. Пдс. 3 дв., 3 х., 3 с. **Кр.** канцеляриста суда генер. Ст. Пиковца, 41 дв., 52 х., 65 с. Своб. дв. — 28. **Б. Кз.** 51 дв., 115 х., 6 бд. х. **Кр.** б. т. Вас. Родзянки, 69 дв., 107 х., 22 бд. х. Пдс. 11 дв., 16 х., 24 бд. х.

С. Мал. Буромка, рч. Буромка, возникла изъ хутора, устроеннаго Василіемъ Леонтовичемъ на землѣ, подаренной ему Горошинцами въ 1697 г. (см. м. Буромка, стр. 137). Въ нач. XVIII в. возникли споры за земли, присоединенныя къ хутору Леонтовичемъ, вслѣдствіе чего сыновья Василія Леонтовича Федоръ и Яковъ *Базилевичи* (т. е. Васильевичи) обратились къ Апостолу, который и утвердилъ за ними

[1]) Тамъ же, II, 536.

[2]) См. выше стр. 128, гдѣ указана *д. Трибка*.

земли около ихъ хутора—«въ ширину, верстъ якбы четири, а вгору, до вершины (рѣчки Буромки) верстъ больше шести». Ни по ревизіи 1740 г., ни по вѣдомости 1781 г. м. Б-ка—не показана.

Сл. Скаржиновка (Крестителево), вершина рч. Буромки, поселена въ пол. XVIII в. Луб. полков. сотникомъ Михайломъ Скаржинскимъ. Первая церковь построена здѣсь, тѣмъ же Мих. Скаржинскимъ, въ 1779 г.[1]). **А. Кр.** сотника Скаржинскаго 11 дв., 11 х., 12 с. **Б. Кр.** Скаржинскихъ, 55 дв., 64 х., 56 бд. х.—Основатель слободы былъ Литовскій шляхтичъ Александръ Скаржинскій, который по окончаніи наукъ въ «Оршинской академіи», служилъ переводчикомъ латинскаго и польскаго языковъ при «генералитетѣ» русской арміи во время войны съ Польшею (1736 г.). Въ это время Ск-ій принялъ православіе, а по окончаніи войны просилъ у тогдашняго правителя Малороссіи награжденія. Вслѣдствіе этой просьбы Ск-ій, въ 1737 г., былъ назначенъ Лубенскимъ полк. сотникомъ, по предварительномъ представленіи отъ Кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго удостовѣренія, что Ск-ій «въ правилахъ кафолическаго исповѣданія вѣрѣ утвержденъ». Принявъ православіе, Ск-ій вмѣсто Александра сталъ зваться Михайломъ. Сотникомъ Ск-ій оставался до 1750 г. Во время своего сотничества Ск-ій и поселилъ настоящую слободу. Онъ оставилъ трехъ сыновей Петра, Михаила и Ивана; изъ нихъ Михаилъ былъ сотникомъ 2-й полк. сотни, а послѣ введенія губ. учрежденій—Лубенскимъ повѣтовымъ маршаломъ, а Иванъ — сначала Луб. полк. хоружимъ, а потомъ—Золотоношскимъ повѣтовымъ маршаломъ[2]).

Поселенія лѣваго берега Сулы.

С. Калкаевъ, р. Сула, возникъ не позже перв. пол. XVII в. Посполитые остались свободными, при чемъ, повидимому, значительная часть ихъ переписалась въ козаки. **А. Кз.** 22 дв., 36 х., 39 с. Пдс. *нѣтъ*. **Кр.** *свб.* 4 дв., 4 х., 4 с. Своб. дворовъ—6. **Б Кз.** 41 дв., 60 х., 16 бд. х. **Кр.** коронныхъ—3 дв., 4 .х. Пдс. 7 дв., 10 х., 1 бд. х.

Д. Нарожье, незнач. притокъ Сулы, возникло не позже полов. XVII в. **А. Кз.** 20 дв., 31 х., 31 с. **Кр.** свб. 2 дв., 2 х., 2 с. Свободн. двор.—3. **Б. Кз.** 35 дв., 51 х., 4 бд. х. **Кр.** *нѣтъ*. Пдс. 3 дв., 3 х.

---

[1]) Полтавск. губ. вѣд. 1874 г, № 19, стр. 771.
[2]) Кіевск. Стар. 1898 г., іюнь, 399.

С. Худолѣевка, оз. Синебоково, возникла не позже перв. пол. XVII в. По универсалу 1715 г. Скоропадскій подтвердилъ вдовѣ полковника В. Савича—с. Худолѣевку съ «степомъ» Строкачами; эти маетности пріобрѣтены были Савичемъ, какъ кажется, безъ всякаго участія гетманской власти, можетъ быть, по преемству отъ Зеленскаго. Предполагая, что владѣть Худолѣевкою Савичъ могъ только при наличности посполитаго населенія, слѣдуетъ допустить, что это послѣднее было переселено на степь Строкачи, такъ какъ уже въ 1740 г. въ Худолѣевкѣ крестьянъ не было, а на Строкачевской степи явилось довольно значительное поселеніе. Мы уже видѣли, что сыновья полковника Савича Худолѣевку и Строкачи продали Любистку, послѣ смерти котораго эти имѣнія перешли къ Полторацкимъ. **А. Кз.** 56 дв., 78 х., 90 с. Пдс. 10 дв., 10 х., 10 с. **Кр.** *нѣтъ.* Свободн. двор.—12. **Б. Кз.** 56 дв., 114 х., 3 бд. х. **Кр.** *нѣтъ.* Пдс. 20 дв., 37 х., 20 бд. х.

Д. Строкачи, поселены на степи того же имени Савичами, (повидимому, сыновьями полковника). Вмѣстѣ съ Худолѣевкою проданы Любистку. (См. выше). **А.** не показаны. **Б. Кр.** ст. сов. Полторацкаго, 37 дв., 56 х.

Д. Жостеръ[1]) (Нов. Калкаевъ) поселенъ сотникомъ Василіемъ Пиковцомъ ок. 1715 г., а когда П-цъ умеръ, то тогдашній полковникъ Марковичъ отнялъ этотъ хуторъ у его вдовы и впослѣдствіи передалъ его сыну Якову (см. стр. 123). Жостеръ не былъ отобранъ Оболонскимъ, можетъ быть, потому что устроенъ былъ, повидимому, на земляхъ Калкаева, почему впослѣдствіи и перемѣнилъ свое старое названіе Жостеръ на—Нов. Калкаевъ. Находясь по близу съ Строкачами, владѣльцы Жостера постоянно спорили съ владѣльцами послѣднихъ изъ за земельныхъ захватовъ. Въ маѣ 1750 г. въ *дневникѣ* Як. Марковича записано: «староста пишетъ, что Любистковѣ (люди) въ Жостерѣ воловъ взяли, скотъ со степу согнали и сбили, овецъ много побили й пастуховъ до полусмерти били». **А. Кр.** генер. подскарб. 11 дв., 11 х., 11 с. **Б. Кр.** подпоруч. (Михайла) Марковича 22 дв., 37 х., 7 бд. х.

Согнавъ съ Кривой-Руды слбботы и хутора, Оболонскій поселилъ свои три слободы — **Оболоновку, Новоселицу и Липняги.** Въ 1781 г. въ

---

[1]) Жостеръ=rhamnus cathartica.

Оболоновкѣ было: 151 дв., 168 х. и 11 бд. х., въ Новоселицѣ—39 дв., 49 х. и 10 бд. х. Населеніе Липняговъ не показано. Кромѣ этихъ Криворудскихъ слободъ, Оболонскій поселилъ еще одну—**Демьяновку**, при Сульскомъ заливѣ, на границѣ съ Чигр.-Дубр. сотнею; въ 1781 г. въ ней было 85 дв. и 100 х.—По вѣдомости 1781 г. въ Горошинской сотнѣ показано всѣхъ хуторовъ — 95, въ нихъ: 113 дв., 274 х. и 274 бд. х. Болѣе значительные хутора принадлежали козакамъ Крысамъ, Симонамъ, Крикунамъ и Слинкамъ; въ хут. коз. Крысы было:— 24 дв., 38 х. и 15 бд. х.

Чигриндубровская сотня занимала оба берега Сулы, при ея устьѣ. Мѣстность эта въ концѣ XVI в. находилась въ запустѣніи, но раньше тутъ были поселенія. Монахи Кіевскаго Пуст.-Никольскаго м-ря сохранили интересный документъ, по которому дворянинъ Михаилъ Павша въ 1512 г. завѣщалъ Никольскому м-рю «селище Климятинъ, у Черкаскомъ повѣтѣ, на Днѣпрѣ, ниже Черкасъ» со всѣми угодьями и «съ Сулскимъ входомъ, што въ Сулѣ рѣцѣ Климятинскіе входы» и совсѣмъ тѣмъ, «што изъ старины къ тому Климятину тягло и прислухало» [1]). Въ границы Климятинскихъ земель монахи включали, потомъ, побережье Днѣпра» отъ урочища Бѣлобережья до озера Дубка», на пространствѣ 25 верстъ, и—вверхъ по Сулѣ—правый ея берегъ на протяженіи 40-ка верстъ отъ Днѣпра. На земляхъ Климятинскаго селища монахи, въ томъ же XVI-мъ вѣкѣ, успѣли устроить, повидимому, одинъ только Пивскій монастырь. Дальнѣйшее заселеніе этихъ земель производилось уже помимо монаховъ, нахлынувшимъ сюда съ конца XVII-го вѣка населеніемъ праваго берега Днѣпра, которое заселяло эту пустыню сначала по своему произволу, а потомъ по позволенію захватившихъ Посулье Вишневецкихъ. Въ нач. XVII в. монахи попробовали было отнять у Вишневецкихъ Жовнинъ, какъ поселенный, по ихъ увѣренію, на самомъ Климятинскомъ селищѣ, и добились въ 1612 г. рѣшенія Люблинскаго трибунала въ свою пользу, но привести этого рѣшенія въ исполненіе не смогли... (см. ниже, м. Жовнинъ). Когда же поляки были удалены изъ лѣвобережной Украины, то Пустынно-Никольскіе монахи немедленно предъявили у новаго властителя—свои притязанія на Климятинскія земли, доказывая, что на этихъ земляхъ поселены: Жовнинъ, Еремѣевка, Чигриндуброва, Власовка...

[1]) Акты Ю. З. Россіи, I, 45.

Богданъ Хмельницкій, не провѣряя правъ монастыря, выдалъ универсалъ, подтверждавшій право на земли Климятинскаго сели без всякаго указанія границъ этихъ земель. Желая восполнить достатокъ универсала Хмельницкаго, монахи воспользовались та скимъ разореніемъ принадлежавшаго имъ Пивскаго монастыря и усп выпросить, въ 1670 году, другой гетманскій универсалъ, у Многогр наго, уже съ подробнымъ указаніемъ границъ тѣхъ земель, кото будто-бы принадлежали къ Климятинскому селищу. Въ универс Многогрѣшнаго читаемъ: «такъ какъ Пивскій м-рь, состоящій п властью монастыря св. Николая Пуст. Кіевскаго, разоренъ со вс своими маетностями, а между тѣмъ, желая, чтобы на томъ мѣстѣ с томъ Пивскомъ хвала божая отправовалася и помножене (яко за д нихъ часовъ прошлихъ) брала, позволяемъ—«монастиръ на Пивско мѣстцу, гдѣ и давно бывалъ, велебному въ Богу г. отцу Алекс Турови, игумену монастира св. Николая Пуст. Кіевского, будовати реставровати. Тудежъ, гдѣ колвекъ городищъ и селищъ здавна то мѣстцу святому служачихъ найдуется, слободи на нихъ обволива а людемъ всякимъ на тие городища и селища приходити, будовати и жити позволяемъ, а напередъ того нѣмъ на тие селища люде сх дитимутся, жебы братіи въ томъ монастиру мешкаючей выживле мѣло быти, всѣ грунта тому монастыреви, зъ давнихъ а вѣкопото ныхъ часовъ служачіе, отъ разнихъ побожнихъ фундаторовъ наданні нижей спецификованніе, оразъ зъ побожности нашое, приворочаем и вшелякихъ зъ тихъ грунтовъ угодій и пожитковъ, якося сами въ собѣ за писаніемъ побожнихъ фундаторовъ, маютъ одбирати и уж вати позволяемъ же; всѣ засъ листи на тіе мѣста, села, грунта и всякіе угодіи мѣючіе симъ нашимъ листомъ конфѣрмуемъ и апробуемъ. А то тіе суть городища, селища и грунта: Климятинъ, а нинѣ ся называетъ Жовнинъ, уходи Климетинскіе, або Жовнинскіе, около Сули—Бѣлобережа, Бражная лука, Домонтовская лука, Александрово озеро, Старецъ озеро и иніе озера, уступніе и запустніе, около тихъ урочищъ; противко Веремѣевки—уходи Чигриндубровскіе около Сули и Днѣпра ажъ до Пивовъ городища, Лапинцѣ, вишей Лапинецъ—озеро Золотое дно, Максимовка, перевозъ на Сулѣ, а зъ Сули черезъ Днѣпръ до Старой слободы, давнѣйшихъ Воронихъ Лузъ, противко Воронихъ Лузъ—Солонипця озеро; тамъ-же озеро около м-ря Пивского, до Іорданки, гдѣ упадаетъ у Днѣпръ, подъ Уласовкой, то есть—Дѣдъ,

Налистенъ, Бѣлобереже, а по туй сторонѣ Днѣпра—одъ Крилова озера, суть разніе по границу, которая называетъ озеро Дубокъ, всего уходу на сѣмь миль, почавши отъ Бѣлобережа ажъ до озера Дубк...» [1]). Такимъ образомъ Многогрѣшный утвердилъ за Пуст.-Никольскимъ м-ремъ мѣстность, заключавшую въ себѣ кромѣ южной части Чигриндубровской сотни, еще значительную часть и Кременчугской [2]). Земли эти введены были въ царскія грамоты, которыя выданы были м-рю въ к. XVII в. Но не смотря на эти акты, Никольскій монастырь не могъ осуществить своихъ правъ на Климятинскія земли, потому что людская память расходилась съ монастырскимъ притязаніемъ, не зная, чтобы монастырь когда либо владѣлъ землями, которыя присвоивалъ, основываясь на документѣ какого то Павши... Монахи молчали и ждали удобнаго времени для возобновленія своихъ притязаній.. Послѣднія были возобновлены лишь при императрицѣ Аннѣ, когда въ 1731 г. Никольскій м-рь началъ судебное дѣло о Климятинскихъ земляхъ, которыя послѣ двадцатилѣтняго процесса и были присуждены монастырю, при чемъ послѣднему присуждались и три главные центра сотни: Чигриндуброва, Жовнинъ и Еремѣевка. Такимъ образомъ монастырь осуществилъ свое право на даръ Павши лишь чрезъ *двѣсти сорокъ лѣтъ* послѣ самаго дара... Только благопріятныя для монаховъ времена могутъ объяснить такой успѣхъ ихъ въ этомъ дѣлѣ.

Изъ Чигриндубровскихъ сотниковъ намъ извѣстны: **Иванъ Луненко** (1672 г.), **Семенъ Пашкевичъ** (1690), **Ярема Илляшенко** (1695—1700), **Иванъ Булюбашъ** (1706—1737), **Александръ Бутовскій** (1737—1760) и сынъ его—**Данило Бутовскій** (1760—767), наслѣдовавшій урядъ отъ своего отца. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Иванъ Булюбашъ и Александръ Бутовскій, правившіе сотнею болѣе полувѣка и захватившіе за это время—на десятки верстъ земельныхъ угодій, которые тутъ же и заселяли слободами и хуторами. Особенно много земель захватилъ Булюбашъ, устройство слободъ и хуторовъ на которыхъ продолжалъ и сынъ его — Демьянъ. Преемникъ Булюбаша по уряду — Александръ

---

[1]) Румянц. Опись.

[2]) Прилагаемая здѣсь карта *Климятинскихъ земель*, составленная во втор. пол. XVIII в., заключаетъ въ себѣ указаніе всѣхъ перечисленныхъ въ универсалѣ Многогрѣшнаго урочищъ и представляетъ интересный документъ для исторіи топографіи южнаго Посулья. Карта эта взята нами изъ бумагъ Пуст. Никольскаго м-ря.

Бутовскій — по происхожденію былъ «волохъ», т. е. выходецъ изъ Молдавіи. И Булюбашъ, и Бутовскій замѣчательны еще тѣмъ, что, противъ обычаевъ своего времени, вели горячую борьбу съ полковникомъ Галаганомъ за Еремѣевскихъ и Липовскихъ козаковъ, которыхъ Галаганъ «подверталъ въ подданство». Борьбу эту не слѣдуетъ впрочемъ приписывать другимъ побужденіямъ, кромѣ личныхъ интересовъ этихъ двухъ сотниковъ. И Булюбашъ, и Бутовскій защищали козаковъ отъ Галагановскаго порабощенія, завидуя богатству Прилуцкаго полковника и находили, что на тѣхъ же самыхъ козаковъ, для обращенія ихъ въ «подсосѣдки» у нихъ—мѣстныхъ сотниковъ— было гораздо больше правъ, чѣмъ у полковника чужого полка да при томъ еще и богача...

Мѣстечко Чигриндуброва, на прав. берегу р. Сулы, при ея соединеніи съ Днѣпромъ—рѣчкою Переволочною[1]), судя по названію, можетъ быть выселкомъ изъ Чигирина, явившимся здѣсь не позже нач. XVII в., такъ какъ уже въ 1636 г. Чигриндуброва получила отъ Іереміи Вишневецкаго слѣдующій «листъ» «на права и вольности»: «мѣщане мои Чигриндубровскіе просили мене, чтобъ имъ права и волности такъ, якъ и инимъ городамъ моимъ, надать и ведлугъ листу и привилегія имъ данного, ассигновалъ, чтобы повинность высецѣвши двадцать лѣтъ на свободѣ, отдавать и отправовать имѣли, чего-для желанію и прошенію ихъ удовлетворяя, симъ листомъ и привиллегіемъ даннимъ обѣщалъ я—податей и повинностей никакихъ съ нихъ не взимать, поколь дастъ Господь Богъ, что мѣщане Чигриндубровскіе по силѣ листу моего 20 лѣтъ на свободѣ виседятъ. А выседѣвши свободу, мѣщане имѣютъ и должны будутъ давать чиншъ на всякій годъ, такъ богатшый, яко и убогшій, по сознатію намѣстника моего либо и того, который по повѣленію моему будетъ чиншъ вибѣрать. Къ тому жъ, дабы мѣщане вѣдали, что до ихъ майдебурского права надлежитъ, а что за приходъ намѣстниковѣ моему тамошнему имѣетъ быть: первое, всякій судъ намѣстнику моему оставляю, войта и бурмистра, яко и въ иныхъ городахъ моихъ, отъ суда не отдаляя, которимъ грошъ третій долженъ ити; тоже позволяю мѣщанамъ моимъ имѣть воскобойню съ ледовней и броваръ, всякіе одумерліе спадки на близкихъ кревнихъ надлежать имѣють, а урядъ мой

[1]) Какъ сказано въ Румянц. Оп.

никакого препятствія чинить имъ въ томъ не будетъ. Если бы которіе мѣщане къ городу поддатись, а праву майдебурскому не подлежать хотѣли—и тое въ ихъ волѣ будетъ. Во время ярмарки, отъ воза по два гроши бурмистрамъ и войту надлежать имѣетъ, а болѣе ничего. Что жъ надлежатиметь въ городѣ къ избѣранію войта и всякихъ урядниковъ, къ собѣранію поборовъ для градской нужди и къ висланію объ нихъ щетовъ, въ томъ мѣщане безъ намѣстника моего дабы ничего отправовать не важились; а кто бы тому противился, смертью казненъ быть имѣеть. Тожъ дозволяется имъ медъ ситить, пива на шинкъ варить, отдавши доходъ арендарскій, то есть капчизны (kapsczyzna) золотой полскій еденъ. А что принадлежитъ къ продажи горѣлокъ, то шинкаръ и на христини и весѣлля горѣлки простой кварту имѣетъ мѣщаномъ продавать по два гроши литовскіе, а двойной кварту по—грошей литовскихъ, а кварту и гарнецъ такой мѣры быть должни, какъ въ городѣ моемъ Лубняхъ. Греблѣ подчинять мѣщане всегда должни будутъ, а если бы убитокъ какой въ замедлѣніи млиновъ за ихъ нерадѣніемъ билъ, то наградить мнѣ повинни будуть. А хто би въ подчинки гребель, баркановъ, валовъ, въ защищеніи и караулѣ города и крѣпости, таковъ и въ иныхъ повинностяхъ, ослушнимъ билъ, на таковихъ 10 копъ литовскихъ полагаю. Къ оборонѣ города и крѣпости всѣ цеховіе надлежать имѣютъ, также и жиди. Смотрѣть тщателно имѣютъ, дабы покой такъ зъ сосѣди, яко и съ пограничними людми, а імянно зъ Москвою нарушимъ не былъ, такъ чтобъ никакимъ Московскимъ людемъ защиты не было [1]). Также, (чтобы) границы ихъ пустошени не были бъ, о чемъ зноситись имѣютъ зъ намѣстникомъ моимъ тамошнимъ. Наблюдать того, дабы козаки, бродящіе люди [2]) самоволно за границы общого владѣнія зъ маетности моей Чигриндуброви не входили [3]), безъ вѣдома намѣстника моего тамошнего. А кто би дерзнулъ за границу для нарушенія покой ввойти, а былъ бы пойманъ, таковый смертію казненъ быть имѣетъ. Позволяю тожъ, онимъ мѣщанамъ моимъ, канунъ два разы въ рокъ употреблять на свою ползу обратить, одинъ канунъ на Рождество Христово кадокъ три, другій канунъ на Кузму и Деміана—также кадокъ три, а воскъ

---

[1]) Въ подлинникѣ—zastępek żadnych, т. е. чтобы не было никакъ придирокъ.

[2]) «Kozacy, hultaię ludzie».

[3]) «nie wtargali».

до церкви отдавать имѣютъ. А что въ семъ листѣ моемъ выше и ниже написано и упомянуто, то все симъ листомъ и привилегіемъ моимъ подданнимъ моимъ Чигриндубровскимъ, имъ самимъ и ихъ потомкомъ вѣчними часы утверждаю. Для лучшой памяти сей мой листъ рукою власною подписанній съ приложенемъ печати моей, имъ дать повелѣлъ. Дѣялось въ Пѣратинѣ, 20 дня мѣсяца марта, 1636 году[1]).

Приведенный документъ указываетъ, что Вишневецкій почему то нашелъ нужнымъ населенію лишь недавно возникшей слободы дать право на городское устройство («какъ и инымъ городамъ моимъ»). Обстоятельство это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ Чигриндуброву пришло населеніе преимущественно городское, уже знакомое съ правами и обязанностями *мѣщанъ*, а потому и выпросившее у Вишневецкаго себѣ право на то устройство, которымъ оно пользовалось въ своей митрополіи, которою вѣроятно былъ Чигиринъ. Послѣдній былъ разоренъ въ 1611 г. и въ это время часть его населенія могла перейти на лѣвый берегъ[2]). По населенію Чигриндуброва, повидимому, не превосходила сосѣднихъ двухъ поселеній—Еремѣевки и Жовнина, которыя при образованіи полкового управленія въ 1649 г. были назначены сотенными центрами. Начавшіяся послѣ смерти Б. Хмельницкаго междоусобія въ Малороссіи повлекли за собою значительное перемѣщеніе населенія въ юго-западной ея части: явившіеся на Украину татары, въ качествѣ союзниковъ того или другого коновода партіи, разоряли попути села и заставляли ихъ жителей удаляться въ болѣе защитныя мѣста. Имѣется точное свѣдѣніе, что въ 1661 г. были такимъ образомъ разорены три Кременчугскія села: Власовка, Максимовка и Городище (Градижскъ[3]). По близости этихъ селъ къ южному Посулью, не могло при этомъ не пострадать и это послѣднее. И дѣйствительно мы видимъ, что назначенныя здѣсь въ 1649 г. два сотенныхъ центра, Еремѣевка и

---

[1]) Переводъ съ польскаго, вмѣстѣ съ копіей оригинала, былъ присланъ въ 1749 г. Лубенскимъ полковникомъ въ генеральную канцелярію, когда послѣдняя собирала свѣдѣнія о городахъ и мѣстечкахъ въ Малороссіи и о юридическомъ бытѣ ихъ населенія. «Листъ» Вишневицкаго былъ присланъ въ копіи польскаго оригинала съ русскимъ переводомъ, который здѣсь и приведенъ. «Матеріалы для истор. городск. посел. въ Малороссіи», ркп. наш. б-ки.

[2]) Słown. Geogr. I, 784.

[3]) Акты Ю. З. Россіи, V, 95.

Жовнинъ, въ это время перестаютъ быть центрами, а является новый центръ—Чигриндуброва. Въ 1672 г. видимъ перваго Чигриндубровскаго сотника—Ивана Луненка [1]). Чигриндубровское посполитое населеніе оставалось свободнымъ до пол. XVIII в., когда монахи Пуст.-Никольскаго м-ря поработили его на томъ основаніи, что мѣстечко это, вмѣсти съ Жовниномъ и Еремѣевкою, поселено на Климятинскихъ земляхъ. (См. ниже, Жовнинъ и Еремѣевка). Впрочемъ прежде, чѣмъ Чд-ва была отсужена монахамъ, въ ней уже было посажено достаточное количество подсосѣдковъ сотенною старшиною и преимущественно сотникомъ Бутовскимъ. Во время монашескаго владѣнія посполитое населеніе Чд-вы значительно уменьшилось; уменьшилось и число подсосѣдковъ. Слѣдуетъ думать, что и посполитые, и подсосѣдки расходились, убѣгая отъ тяжелаго монастырскаго «подданства». **А. Кз.** 114 дв., 123 х., 161 с. Подс. 62 дв., 62 х., 66 с., въ томъ числѣ сотника Александра Бутовскаго—17 дв., 17 х., 18 с. **Кр.** *своб.* 62 дв., 66 х., 83 с. Подс. посп. Чигрдубр. 7 дв., 7 х., 7 с. Свободн. дв. — 54, въ томъ числѣ: запорожск. коз. — 3, «служителей городовыхъ» — 10 («атаманъ почтовій»), «старческихъ хатъ» — 4, «мѣрочниковъ»—6 школъ—3, шпиталей—3. **Б.** Кз. 125 дв., 178 х. **Кр.** Пуст.-Ник. м-ря 37 дв., 53 х. Подс. 38 дв., 69 х., 8 бд. х.

М. Жовнинъ, р. Сула, поселенъ въ нач. XVII в. Вишневецкими, при чемъ, по утвержденію Пуст.-Никол-хъ монаховъ, занято было самое «Климятинское селище». Претендуя на это селище, монахи въ 1612 г. начали противъ Вишневецкихъ судебный процессъ, доказывая, что подъ Ж. занята монастырская земля. Вишневецкіе были «позваны» къ суду, какъ видно изъ слѣд. донесенія возного: «року теперъ идучого 1612, мѣсяца августа 30 дня, позвовъ (исковъ) два земскихъ Кіевскихъ, въ одно слово писанныхъ, отнеслемъ до мѣстечка Жовнина .... по ихъ милостей пановъ Юря, каштеляна Кіевского, и Михаила, старосту Овруцкого, княжатъ Вишневецкихъ; а то .... о посягнене добръ церковныхъ Климятинскихъ, которыя до церкви божое м-ра Николского К-го Пустынского належатъ, а черезъ княжатъ ихъ милостей гвалтовне посягнени (насильно заняты) сутъ .... и до показаня права, еслибъ якое на тые

---

[1]) Т. ж., IX, 910.

добра мѣли» [1].... Искъ Никольскихъ монаховъ былъ разрѣшенъ Люблинскимъ трибуналомъ въ ихъ пользу, какъ значится въ донесеніи вознаго Смоговскаго (1619 г.) — «былъ есми на справе и потребе велебного въ бозѣ его мил. отца Рафаила Непитущого, игумена м-ра Николского .... ѣздилъ есмы зъ декретомъ отъ суду головного трибуналу Любелского, выданнымъ до маетности велможного его мил. княжати Еремия Михайловича Корыбутовича Вишневецкого и матки его, яко опекунки, панее Раины Могилянки, кнежны Михайловое Вишневецкое место Климятина, прозываемое Жовнинъ, хотечи екзекуцыю учинити въ добра ихъ Климятичи, яко ихъ власные, за шкоды тисечу копъ грошей Литовскихъ и осовитость перепалую, взглядомъ забраня кгрунту Климятинского сказанную и присужоную; и кгдымъ до тое маетности приехалъ, тамъ самое кнежны ее мил. не засталъ, толко урядника ее мил. неякогось на тотъ часъ будучого Добку, которому декретъ головний трибуналный указавши, пыталемъ, еслижъ увезаня (ареста) и чиненя отправы (исполненіе рѣшенія) у тую маетность, яко ихъ власную, Климятичъ, прозываемое Жовнинъ, и за шкоды суму пенезей тисечу копъ грошей Литовскихъ, которая есть поводомъ на позваныхъ всказаная, допускаетъ? — на что мне поведилъ, же я деи, пане возный, жадного росказаня отъ кнежны ее мил. паніе своее на то не маю, для чого увязане не допускаю и бороню, якожъ не допустилъ и моцно заборонилъ, што я осведчивши ... ни съ чимъ прочъ отехалъ» [2]... Изъ этого донесенія видно, что рѣшеніе Люблинскаго трибунала, постановленное противъ Вишневецкихъ, не могло быть приведено въ исполненіе потому, что В-іе были слишкомъ сильные люди, чтобы подчиниться невыгодному для нихъ судебному приговору. Такимъ образомъ Жолнинъ, вопреки этому рѣшенію, остался во владѣніи Іереміи В-аго.

Названіе слободы Жовниномъ можетъ быть имѣетъ связь съ древнерусскимъ поселеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Жолнина или Желны, о которомъ упоминаетъ лѣтопись подъ 1116 годомъ. — По списку Пшездѣцкаго въ Жовнинѣ, въ к. XVII в. значится 312 господарей. Во всякомъ случаѣ въ 1649 г. Жолнинъ былъ настолько зна-

---

[1]) Выпись изъ кн. гродск. воев. Кіевскаго, 29 дек. 1612 г. Акты Пуст.-Ник. монаст. въ Церк.-Арх. Муз. Кіевск. Дух. Акад.

[2]) Тамъ же.

чительнымъ поселеніемъ, что сталъ центромъ особой сотни Чигиринскаго полка (Реестра, изд. Бод., 18). Но къ срединѣ втор. пол. XVII в. населеніе Ж-на настолько умалилось, что онъ пересталъ быть сотеннымъ центромъ и вошелъ въ составъ Чигриндубровской сотни. Притязанія Никольскаго м-ря на Ж., какъ сѣвшій на мѣстѣ Климятинскаго селища, возобновлены были со втор. пол. XVII в., но благопріятныя для монаховъ времена настали лишь къ пол. XVIII в., когда Жовнинское посполитое населеніе отдано было, вмѣстѣ съ Чигриндубровою и Еремѣевкою, во владѣніе Никольскому м-рю, согласно рѣшенію сената. (См. ниже, Еремѣевку). До этого времени здѣшніе посполитые оставались свободными. Только сотникъ Булюбашъ успѣлъ посадить здѣсь значительное количество подсосѣдковъ. Въ 1742 г., когда по мысли Безбородка, число сотенъ было увеличено, Жовнинская сотня вновь была образована, при чемъ ее составили села: Гусиное, Ляляинцы, Клищинцы, Липовое, Матвѣевка, Лебеховка, Галицкая, Кривая Руда, Святиловка, Горбы, Гринки, Сидоры, Кринкы, Столбоваха.... Изъ Жовнинскихъ сотниковъ втор. пол. XVIII в. извѣстны: **Иванъ Булюбашъ** (1762—768) и **Данило Булюбашъ** (1774). **А. Кз.** 140 дв., 174 х., 219 с. Подс. козачьихъ—13 дв., 13 х., 15 с. и Булюбаша 38 дв., 38 х., 38 с. **Кр.** своб. 57 дв., 60 х., 64 с. Свобод. двор.—24. **Б. Кз.** 204 дв., 284 х., 8 бд. х. **Кр.** Никольск. м-ря 35 дв., 51 х., 8 бд. х. Подс. (безъ обозн. влад.) 42 дв., 51 х., 22 бд. х.

М. Еремѣевка, рч. Свинотопъ, ок. Днѣпра, поселена, повидимому, Іереміей, Вишневецкимъ, назвавшимъ поселеніе въ свое имя. Въ 1649 г. Е-ка назначена была центромъ отдѣльной сотни Крапивянскаго полка. Смуты, продолжавшіяся въ Малороссіи въ первое десятилѣтіе послѣ смерти Б. Хмельницкаго, умалили населеніе Е-ки, она перестала быть сотеннымъ центромъ и вошла въ составъ Чигриндубровской сотни; но къ к. XVII в. Еремѣевка снова оправилась и стала богатымъ приднѣпровскимъ мѣстечкомъ.—Когда по Прутскому договору 1711 г.—правая сторона Днѣпра, принадлежавшая Россіи, отошла къ Польшѣ и тогдашній Чигиринскій полковникъ Игнатъ Галаганъ лишился и полковничества, и своихъ маетностей, то Скоропадскій въ возмѣщеніе послѣднихъ отдалъ Галагану Е-ку, около которой послѣдній уже владѣлъ с. Липовымъ. Получивъ Е-ку, Галаганъ не довольствуясь крестьянами, сталъ привлекать во свое «подданство»

и тамошнихъ козаковъ. Когда въ 1720 г. были высланы на строеніе Кіевской крѣпости козаки изъ ближайшихъ къ Кіеву полковъ, то Е-скіе козаки остались дома, потому что Галаганъ запретилъ имъ туда идти. Сохранился универсалъ Скоропадскаго Е-му атаману съ выговоромъ за непослушаніе: «донеслося намъ вѣдати, что вы указу нашему оказались противными, такъ какъ изъ Еремѣевки не высланы козаки на работу Кіевопечерской фортеціи, да и теперь отказываетесь отъ перевозки государевыхъ запасовъ отъ Днѣпра въ Полтаву; да кромѣ того, вообще не хотите слушаться полковыхъ и сотенныхъ распоряженій. Поэтому мы, такое ваше «глупство и ослушаніе» порицая, симъ нашимъ унѣверсаломъ строго напоминаемъ, сурово грозимъ и рейментарско приказуемъ, чтобы, не заглядаючися на власть пана Галагана, полковника Прилуцкаго, и не страхаючися его похвалокъ, нашихъ гетманскихъ указовъ слухали» и пану полковнику Лубенскому, какъ своему старшему, всякое должное послушенство въ войсковихъ услугахъ отдавали, попрежнему до полку къ сотнѣ Чигриндубровской «прислушая»... А если бы кто изъ васъ, товариства Е-скаго, и нынѣшнему универсалному указу нашему оказался противенъ, таковаго тогда велимъ, какъ «противника и бунтовника», насильно брать и, забивши въ колодки, въ Глуховъ подъ арестъ привозить, и тутъ непоблажно, безъ всякой пощады, карать» [1]).

По ревизіи 1723 г. въ Е-кѣ показано однихъ посполитскихъ дворовъ болѣе 400, не считая козачьихъ. Но Галаганъ не довольствовался этимъ количествомъ крестьянъ и рѣшилъ привлечь къ своему послушанію и козаковъ, обративъ ихъ на первое время въ своихъ «бояръ» и «куренчиковъ». А между тѣмъ и Никольскіе монахи нашли возможнымъ снова заявить свои притязанія на земли Климятинскаго селища и въ 1731 г. начали противъ Галагана судебный процессъ за Е-ку, требуя послѣднюю въ собственность. Процессъ этотъ, по тогдашнимъ порядкамъ, затянулся на многіе годы. Галаганъ, опираясь на царскую грамоту, которою Е-ка утверждена была за нимъ въ 1714 г., повидимому, не особенно безпокоился монашескими притязаніями. Его болѣе безпокоили тѣ событія, которыми сопровождались сначала устроеніе Украинской линіи, а потомъ походы

---

[1]) Полтавскія Губерн. Вѣдом. 1849 г., № 5. Здѣсь означенъ ошибочно 1709 г., но универсалъ долженъ относиться къ 1720 г., когда строилась Кіевская крѣпость.

Польскій и Крымскій (1730—1736). Для сооруженія первой, правительство — въ первый разъ потребовало высылки крестьянъ, а для походовъ — слѣдовали наряды за нарядами козаковъ. Событія эти отразились на Еремѣевскомъ населеніи слѣдующимъ образомъ: «по ревизіи 1731 г. въ Е-кѣ числилось дворовыхъ людей, бояръ и посполитыхъ—344 двора; а когда для работы Украинской линіи высланы были крестьяне, а потомъ настали противъ Поляковъ и Турокъ походы, да поставлены были въ Е-кѣ, какъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, армейскіе полки на винтерквартиры, да еще потребовались работники для полоненья льда на Днѣпрѣ, то Е-скіе подданные, оставя свои дворы впустѣ, въ другія мѣста сходить принуждены были; а въ 1741 г., когда свободный переходъ съ мѣста на мѣсто Малороссійскому народу дозволенъ былъ, и послѣдніе люди, оставшись въ убожествѣ, по своему желанію, кто куда захотѣлъ—разбрелись безвоспятительно, и гдѣ было въ слободахъ, къ Е-кѣ принадлежащихъ и на Е-ской землѣ Игнатіемъ Галаганомъ поселенныхъ до 40 дворовъ, тамъ черезъ военное время—ни единаго человѣка не осталось».—Такъ разсказывалъ сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, въ 1750 г. Къ этимъ общимъ невзгодамъ прибавилась еще одна мѣстная: когда для Крымскаго похода потребовался усиленный нарядъ козаковъ, тогда сотникъ Иванъ Булюбашъ донесъ въ Глуховъ, что въ Е-кѣ большинство козаковъ поверстано Галаганомъ въ свои «куренчики», вслѣдствіе чего и не откуда взять указанное число козаковъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Глухова пришелъ приказъ—отобрать у Галагана этихъ куренчиковъ подъ сотню, что Булюбашъ и поспѣшилъ исполнить въ 1734 г. По окончаніи Крымской войны, Галаганъ задумалъ убывшее крестьянское населеніе Е-ки пополнить тамошними козаками и сталъ ихъ тѣснить, заставляя переходитъ къ нему въ подданство. Но за козаковъ вступился преемникъ Булюбаша—Александръ Бутовскій. Галаганъ пожаловался въ Глуховъ, куда въ сентябрѣ 1745 г. писалъ: «въ маетности моей Е-кѣ козаки и другіе, назвавъ себя козаками, поселясь на жалованной мнѣ землѣ, не отбываютъ мнѣ надлежащихъ повинностей, безправно владѣя моею землею, и такихъ неправильно поселившихся на моей землѣ козаковъ сотникъ Бутовскій до надлежащихъ мнѣ повинностей не только что не допускаетъ, но и вновь приходящимъ не позволяетъ на той моей землѣ селиться и подъ сотню свою ихъ причисляетъ». Въ заключеніе Га-

лаганъ просилъ произвести слѣдствіе о поселившихся на его земляхъ козакахъ и затѣмъ приказать сотнику, чтобы онъ, какъ тѣхъ, которые живутъ уже на его, Галагана, землѣ, такъ и тѣхъ, которые вновь поселятся на его земляхъ, подъ сотню не привлекалъ. По этой жалобѣ изъ Глухова приказано было произвести слѣдствіе о томъ—кто изъ козаковъ живетъ на Галагановской землѣ. Слѣдствіе открыло, что многіе козаки, переселясь въ Е-ку уже послѣ 1711 г., и сами не знали — на чьей землѣ они живутъ, такъ какъ земли крестьянъ никогда не отдѣлялись отъ земель козачьихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ кончилось еще слѣдствіе, Галаганъ началъ усиленно тѣснить Е-скихъ козаковъ, желая, чтобы они «подписались быть его подданными»... Какія мѣры при этомъ употреблялъ Галаганъ, объ этомъ разсказываетъ Бутовскій: «въ бытность мою въ Еремѣевцѣ (осенью 1746 г.) усмотрѣлъ я въ ономъ мѣстечку чинимыя абшитованнымъ Прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ нестерпимыя козакамъ обиды, а именно: собравъ всѣхъ Е-скихъ куренчиковъ (которые предъ тѣмъ были, по указу, отобраны подъ сотню) съ оружіемъ, какъ надлежитъ воинскому человѣку, онъ посылаетъ ихъ по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ: въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и взятымъ скотомъ — лозу, колоды дерева, что̀ найдетъ во дворѣ и что ему понадобится, въ свой дворъ перевозить приказываетъ. А кто съ того принужденія, ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое возвращаетъ. Видя такое насиліе, многіе козаки подписались—въ подданство. Также сѣна̀, козаками заготовленныя на ихъ дѣдовскихъ и отцовскихъ грунтахъ, для своихъ лошадей, которыми службы нынѣ и всегда отправляютъ, Галаганъ приказываетъ забирать, рубитъ козачьи лѣса и поотнималъ у козаковъ всѣ ихъ рыболовли и плавни... А самихъ козаковъ, если только кто изъ нихъ природное свое козацтво или грунтъ, на которомъ живетъ, козачьимъ свидѣтельствуетъ, несмотря на это, принуждаетъ записываться въ число его подданныхъ. Не видалъ я нигдѣ, не только межъ христіанами, пишетъ Бутовскій, но и по чужимъ землямъ, чтобъ противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда, или — чтобы можно было насильно писать ихъ въ подданство... Такое разореніе здѣшнихъ козаковъ можетъ повести къ тому, что когда станетъ Днѣпръ, то козаки эти, по ихъ «древнему обыкновенію, яко побережные, могутъ не токмо въ иныя мѣста, но

и за Днѣпръ, въ Польскую область, учинить побѣгъ»... Такія же свѣдѣнія о насиліяхъ Галагана сообщалъ въ Глуховъ и Е-скій атаманъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Бутовскаго, завидовавшаго богатству Галагана. «Галаганъ послалъ своихъ куренчиковъ, писалъ атаманъ, по козачьимъ дворамъ грабить козаковъ, чтобы подвернуть ихъ себѣ въ подданство насильно, сказуючи: коли подданными моими будете, то и ваши статки (имущество) вамъ повертаю, а какъ не будете моими подданными, а станете подъ сотнею, то де ничего не отдамъ, да еще и остатки заберу!—И съ грунтовъ собственныхъ, козачьихъ, сгоняетъ и бьетъ нещадно, дабы съ грунтовъ сходили и ему въ подданство записывались»...

Между тѣмъ произведенное по просьбѣ Галагана слѣдствіе было разсмотрѣно въ Глуховѣ и тамъ было рѣшено: спросить Е-скихъ козаковъ—«желаютъ ли они, оставя имѣючіеся подъ оными козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за нимъ въ подданствѣ, и ежели покажутъ, что желаютъ, то тѣ всѣ козачьи грунта описать и спросить—кто у нихъ есть изъ свойственниковъ козачаго званія, коимъ бы можно по наслѣдству грунта эти, для отбыванія за нихъ козачьей службы, отдать... А онымъ боярамъ по переходѣ на грунта его, полковника, вольно за нимъ, полковникомъ, быть. Кто же своихъ грунтовъ козачьихъ оставить не пожелаетъ и на грунта полковника Галагана сойти не похочетъ, тотъ долженъ быть въ козачьей службѣ подъ сотнею»... Это необычайное распоряженіе Глуховскихъ властей, вѣроятно щедро задобренныхъ Галаганомъ, давало послѣднему полный просторъ забрать въ подданные всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не могли противиться его насиліямъ и уже фактически были его подданными. — Дѣйствительно, когда по этому указу генеральной канцеляріи были спрошены «бояре» Галагана—желаютъ ли оставаться подъ сотнею, т. е. въ козачествѣ, или—перейти въ подданство къ Галагану, то 23 домохозяина заявили, что «они желаютъ, оставя свои подъ ними имѣючіеся козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за онымъ въ подданствѣ». Такимъ образомъ Галаганово верстаніе Е-скихъ козаковъ въ крестьяне было узаконено тою властью, которая тутъ же рядомъ, въ другихъ случаяхъ, преслѣдовала переписку козаковъ въ крестьяне, дабы не умалялось количество служилыхъ людей. Несмотря на такое удачное разрѣшеніе домогательствъ Галагана, ему не приш-

лось воспользоваться добытыми результатами, такъ какъ почти вслѣдъ за указомъ генеральной канцеляріи послѣдовало въ 1749 г. сенатское рѣшеніе, по которому Е-скіе крестьяне были отсуждены отъ Галагана Никольскому монастырю. По описи отдатчиковъ (Миргор. полк. судья Федоръ Остроградскій и Переясловскій сотникъ Леонтовичъ) м-рю при этомъ было отдано въ Е-кѣ: 88 дворовъ, съ 112 хатами, и 41 пустыхъ дворовъ, съ 9 пустыми хатами. Такъ какъ по ревизіи 1723 года въ Е-кѣ числилось крестьянъ около 400 двор., то значитъ количество тамошнихъ крестьянъ—менѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ—уменьшилось вчетверо... На такую значительную убыль вліяли главнымъ образомъ двѣ причины: тяжесть повинностей державческихъ и общественныхъ и слободы, въ которыхъ крестьяне находили временныя льготы, ради которыхъ и покидали старыя свои жилища...

Засимъ Е-скіе крестьяне оставались въ монастырскомъ подданствѣ до 1764 г. Къ к. XVIII в., кромѣ монастырскаго, въ Е-кѣ является еще владѣніе и Оболонскаго; по крайней мѣрѣ оно значится по вѣдомости 1781 г., безъ точнаго его отдѣленія отъ монастырскаго. **А. Кз.** 163 дв., 237 х., 260 с. Подс. козаковъ куренныхъ Галагана—7 дв., 7 х., 7 с. Козаковъ куренныхъ Галагана — 38 дв., 52 х., 58 с. **Кр.** Прилуцк. полковн. Галагана — 66 дв., 72 х., 84 с. **Б. Кз.** 212 дв., 440 х., 51 бд. х. **Кр.** Никольск. м-ря и Оболонскаго—150 дв., 241 х. 43 бд. х. Подс. 38 дв., 69 х., 8 бд. х.

Д. Погорѣлая, при одномъ изъ Днѣпровскихъ рукавовъ, рядомъ съ Еремѣевкою, поселена Игнатомъ Галаганомъ ок. 1720 г. Козаковъ здѣсь, разумѣется, быть не могло. **А. Кр.** Галагана 22 дв., 30 х., 44 с. Своб. дв.—2. **Б. Кр.** Никольск. м-ря 18 дв., 39 х., 10 бд. х.

С. Ляливцы, Днѣпровскій заливъ [1]), поселены въ перв. пол. XVII в., а въ к. его — принадлежали охочекомонному полковнику Ивану Рубану, который владѣлъ имъ, пока не пошелъ въ монахи. Затѣмъ, въ 1701 г. Мазепа отдалъ Л-цы Переяславскому епископу Захарію Корниловичу, по слѣдующему универсалу: «Мѣючи по должности нашей рейментарской не только о цѣлости отчизны Малороссійской неусыпный промыслъ, лечъ и о благосостояніи церквей божіихъ—горливое и ревностное попеченіе, яко разъ коштомъ и старанемъ нашимъ запустѣлый, упалый и въ килко-сотнолѣтномъ забвеніи,

---

[1]) *См. карту Климятинскихъ земель.*

зъ неменшимъ православія святого жалемъ, зостаючій престолъ епископіи Переясловской—воздвигнулисмо, реставровалисмо и въ первобытное свое благолѣпіе привелисмо, такъ хотячи въ немъ ку препитанію самой превысокой особы архиерейской ясне въ Богу превелебнѣйшого его мл. отца Захарія Корниловича, первого на воздвигненномъ томъ отъ насъ престолѣ епископа Переяславского, и всѣхъ при немъ сослужащихъ належитое учинити доволство, надаемъ его м-ти, властію намъ отъ Бога врученною гетманскою, на монастырь той престолный Переяславскій .... село прозываемое Лялинецъ, которое то село некгдись, зъ ласки нашей войсковой, въ своей мѣлъ державѣ небожчикъ отецъ Іосифъ [1]) Рубанъ, будучи на урядѣ полковнитства охочекомонного»...

Получивъ это село и пользуясь отсутствіемъ точныхъ границъ Лялинскихъ земель, Переяславскіе монахи стали захватывать и земли сосѣднихъ поселеній. Лялинцы отданы были м-ремъ въ завѣдываніе особому монаху-городничему, который, повидимому, сразу не поладилъ съ сосѣдями и вызвалъ со стороны ихъ жалобы, которыя Мазепа разрѣшилъ, въ 1707 г., особымъ универсаломъ, очень интереснымъ для исторіи топографіи южнаго Посулья. Сначала Мазепа повторяетъ въ немъ указаніе на свои заботы «о помноженіи церквей святыхъ», а затѣмъ говоритъ о своихъ стараніяхъ—искоренить «сусѣдскіе споры и ссоры», по поводу возникшихъ несогласій у новыхъ Лялинскихъ владѣльцевъ съ ихъ сосѣдями. «Мы, гетманъ, по должности христіанской, къ болшой чести, хвалѣ и славѣ всемогущого Бога къ разширенію и помноженю церквей его святихъ, воздвигнувши старожитній, отъ килкохъ сотъ лѣтъ запустѣлій епископіи Переяславской престолъ особливимъ нашимъ стараніемъ, коштомъ и накладомъ, яко всяческое фундаторско о благосостояніи оного прилѣжное имѣемъ попеченіе, такъ хотячи, абы и межи подданными тоей же катедры Переясловской обывателми села Лялинецъ, зъ ласки нашой и войсковой наданного, въ заводѣ (спорѣ) ихъ о грунта чрезъ немалое время точившомся съ жителями мѣстечокъ Чигриндуброви, Жовнина, Бужина [2]), Веремѣевки и с. Гусиного—споры, ссоры, незгоды, турбаціи

---

[1]) Повидимому, Іосифомъ Рубанъ назывался въ монашествѣ.

[2]) С. Бужинъ, Чигиринск. у., находится *на правомъ* берегу Днѣпра. Участіе этого села въ спорахъ за лѣвобережныя земли указываетъ, что нѣкоторыя правобережныя поселенія отчасти пользовались угодьями на лѣвомъ берегу—еще и въ нач.

и заборы устали, впредъ не отновлялися и всеконечне были искоренены, а покой святій, згода и сусѣдская пріязнь утверждена была и въ потомній часъ моцно трвала, границу вновь тамъ учиненную и старую поновленную въ семъ 1707 году, умислне зсиланними отъ боку нашего коммисарами п. Алексѣемъ Туранскимъ, сотникомъ Глуховскимъ, и п. Елисеемъ Козловскимъ, канцел. войск., по жалобѣ всѣхъ козаковъ и посполитства сотнѣ Чигриндубровской передъ насъ, гетмана, занесенной на честного отца городничого Феофила катедри Переяславской Лялинского и жителей тамошнихъ всѣхъ обще, намъ на писмѣ обширне подданную, ствержаемъ»... Граница эта въ универсалѣ «спецѣфѣкуется» такъ: «Первая отъ м. Чигриндуброви, почавши отъ р. Сулы, выше гребли Воинской[1]) (гдѣ при той греблѣ для пріѣжжаючихъ всякихъ людей до млиновъ на волній випускъ конямъ попущено мѣсце) черезъ шляхъ, идучій отъ Чигр-вы до Лялинецъ просто на Холодное озеро, дорогою чрезъ Глушецъ озеро до стадницѣ небощика Рубана, гдѣ озеро Рѣзакъ найдуется, а отъ Рѣзаковъ до самого Днѣпра, прозываемого Три Днѣпры, и тамъ ниже Закутного озера, противъ Самойловаго острова; на урочищѣ Сокирянскомъ конецъ границы, якая вся вновь опредѣлена и тридцятма и трома копцами означена. Другая—отъ мѣстечка Жовнина, почавши отъ Шышового Горба, надъ самою Сулою рекою знайдуючогося, черезъ дубники на могылы Острую и Крутую, по надъ комишамы великыми, а отъ тыхъ могылъ чрезъ шляхъ, идучій до Жовнина отъ Лялинець кучугурами до самой речки Боброди Мокрой; тая зась рѣчка Мокрая Бобродь пополамъ раздѣлена: отъ Лялинець—Лялинцямъ, а отъ Жовнина—Жовнинцямъ до Левочкового луга. Сяя вся граница по старихъ концяхъ опредѣленна и вновъ свѣжыми копцами утвержденна. Третая, отъ м. Веремѣевкы и с. Гусиного—почавши отъ козацкого чилядского старинного окопу, отъ самого Бистрика рѣчкы, дорогою, по надъ рѣчкою Старцемъ (где правая сторона отъ Днѣпра Лялинцямъ, а лѣвая Веремѣевцямъ и Гусинцямъ), на урочище Погребище до Хвеніовского озера, чрезъ шляхъ Веремѣевскій до Чигринъ-Дуброви идучій, по близу рѣчкы Сухой Боброди, ажъ до Мокрой Боброди,

XVIII в., вѣроятно, продолжая это пользованіе съ того времени, когда правобережное населеніе владѣло здѣшними Сульскими „уходами“.

[1]) *Воинская Гребля*—теперь деревня, находящаяся между Чигриндубровою и Лялинцами.

где обохъ рѣчокъ вершини въ купу зойшлися, конецъ границѣ просто Горба Високого, вишше Кисличиного луга. Сяя граница вновъ учиненна и копцями узначенна. Особно три островы Днѣпровые, прозиваемие Печинскій, Старечій и Кривецкій, лозами зарослie, якіе, язко здавна не розраничены, але волны били до робляня сѣновъ и рубаня лозъ околичнимъ мѣстечкамъ Чигриндубровѣ, Веремѣевкѣ, Жовнину, Бужину и селамъ Гусиному и Лялинцямъ, такъ и теперъ безъ ограниченя вишъмененними нашими комиссарами узнани бити за волніе жъ и свободно общое тимже мѣстечкамъ и селамъ заживане позволенны». Впрочемъ самое точное обозначеніе границъ едва ли могло совсѣмъ прекратить земельные споры между перечисленными въ универсалѣ поселеніями, такъ какъ земли послѣднихъ находились въ той приднѣпровской полосѣ, которая постоянно мѣняла и мѣняетъ свой видъ—вмѣстѣ съ происходящими измѣненіями въ направленіи Днѣпровскаго русла.

Уже и по ревизіи 1740 г. въ Лялинцахъ козаковъ не значится; но такъ какъ поселеніе это было старое, то слѣдуетъ думать, что козаки здѣсь были, но изчезли подъ давленіемъ монастырскаго начало, которое, какъ и прочіе державцы,—старалось избавляться отъ козаковъ въ своихъ селахъ, чтобы стать полнымъ въ послѣднихъ владѣльцемъ. **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Переясл. м-ря 53 дв., 54 х., 57 с. **Б. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Переясл. м-ря 81 дв., 109 х., 59 бд. х.

С. Гусиное, рч. Каира, около Днѣпра, возникло не позже половины XVII в. Въ 1695 г. «селце» Гусиное было отдано Мазепою Чигриндубровскому сотнику Яремѣ Ильяшенку за службы, «которыя онъ, будучи въ порубежномъ городѣ, всегда тщателно и желателно творилъ». Гетманскій универсалъ въ томъ же году былъ подтвержденъ царскою грамотою. Ярема Ильяшенко въ народѣ звался Шолудькомъ. По смерти его Гусиное перешло къ сыну его Кириллу, котораго стали звать Шолудченкомъ. Подтверждая вдовѣ Кирилла право на Гусиное, Скоропадскій въ универсалѣ 1715 г. писалъ: «презентовала намъ Кирилова Шолудченкова монаршую... грамоту и унѣверсалъ антецессора нашего небожчику свекровѣ еи Яремѣ Илляшенку на село прозываемое Гусиное и просила нашего на тое потверженя», что гетманомъ и было исполнено. Сынъ Кирилла Федоръ, въ 1720 г., жаловался Скоропадскому, что Галаганъ получивъ Еремѣевку, началъ обижать его, Федора, съ братьями и вообще Гусинцевъ: одинъ дубовый

гай приказалъ на греблю свою Еремѣевскую срубить, а другой гай *такъ* захватилъ въ свое владѣніе, поотбиралъ отъ Гусинцевъ пахатныя ихъ поля и поотдавалъ ихъ Еремѣевскимъ своимъ подданнымъ. Гетманъ выслалъ своихъ чиновниковъ, которые и поновили границу, отдѣлявшую Гусинскія отъ Еремѣевскихъ земель, въ томъ видѣ, какъ она указана была Яремѣ Ильяшенку «зъ очевистого сознаня нѣякогось старинця Дениса», вѣроятно еще свидѣтеля заселенія Гусиного [1]).— Сыновья Кирилла Илляшенка стали писаться Кириловичами, а потомки ихъ усвоили себѣ двойное прозваніе — Кириловичей - Ильяшенковъ. **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** значк. тов. Семена Кирилóвича 8 дв., 8 х., 8 с. **Б. Кз.** нѣтъ. **Кр.** в. тов. Григорія Кириловича 16 дв., 27 х., 34 бд. х.

С. Клищинцы, р. Сула, поселены не позже перв. пол. XVII в.; въ 1690 г. Мазепою отданы, вмѣстѣ съ друг. имѣніями, Ильѣ Новицкому, послѣ смерти котораго перешли къ его сыновьямъ Ивану, Якову и Григорію, а когда послѣдній ушелъ за Мазепою, то часть его въ отцовскомъ наслѣдствѣ сдѣлалась какъ бы свободною... По этой причинѣ одна изъ маетностей Новицкихъ, с. Нехаевка (Сосниц. у.), была отдана въ 1715 г. Гаврилу Милорадовичу. Имѣя этой случай въ виду, генер. судья Лысенко сталъ просить придержащую тогда въ Малороссіи власть дать и ему изъ той же хитроизмышленной части Григорія Новицкаго два селá — Клищинцы и Галицкую. Для большей убѣдительности, что эти маетности, по своему количеству посполитыхъ, могутъ быть зачтены за часть Григорія Новицкаго, Лысенко представилъ свѣдѣнія о количествѣ числившихся по ревизіи 1735 г. въ принадлежащихъ Новицкимъ маетностяхъ—дворахъ. Удовлетворившись этими свѣдѣніями, кн. Шаховской представилъ въ Петербургъ о награжденіи Лысенка маетностями; отвѣтъ былъ полученъ утвердительный и въ 1737 г. Лысенку былъ выданъ, уже А. Румянцовымъ, универсалъ на сс. Клищинцы и Галицкую «съ угодіи, да на греблѣ на р. Сулѣ, шесть колъ помолныхъ, а едно ступное». По ревизіи 1735 г. въ Клищинцахъ состояло посполитыхъ 33 двора, а по ревизіи 1723 г. ихъ было—86 дв. («тяглыхъ—26, тяглоубогихъ—16, пѣшихъ крайнеубогихъ—39 и вдовъ—5»). Уменьшеніе крестьянскаго населенія происходило, конечно, вслѣдствіе возникновенію въ это время въ басейнѣ южной Сулы множества слободъ. Ковачьяго населенія въ К-цахъ въ 1737 г. было почти столько же, сколько и крестьянскаго.

[1]) Румянц. Опись.

Первою заботою Лысенка въ новой маетности было увеличеніе числа крестьянъ. Для этого было два пути: зазывать ихъ изъ числа «блукавшихъ»—обѣщаніемъ тѣхъ или другихъ льготъ и—перепискою мѣстныхъ козаковъ въ крестьяне. Но такъ какъ «верстаніе» козаковъ въ крестьяне было запрещено, то имъ пользовалась только старшина и при томъ вліятельная, которая могла отстоять новыхъ своихъ «подданныхъ» въ случаѣ протеста мѣстнаго сотника или полковника. Значеніе Лысенка, какъ члена центральной администраціи, было несомнѣнно. Поэтому Лысенко началъ съ переписки козаковъ въ крестьяне. Впослѣдствіи Кл-скіе козаки разсказывали, что генер. судья въ это время «поработилъ» ихъ болѣе 15-ти дворовъ. Жаль стало бывшимъ козакамъ своего козачества—только черезъ 20 лѣтъ, когда новый державца Кл-скій Федоръ Лысенко (сынъ ген. судьи) сталъ предъявлять ужъ очень большія требованія къ своимъ «подданнымъ». Поверстанные въ крестьяне козаки обратились, въ 1758 г., къ своему полковнику съ ходатайствомъ—изслѣдовать ихъ происхожденіе и затѣмъ обратить ихъ въ прежнее козачество. По этому прошенію полковникъ ничего не сдѣлалъ, разсказывали впослѣдствіе жалобщики, а державца Лысенко, служа въ Глуховскихъ канцеляріяхъ, пожаловался тамъ на «непослушаніе подданныхъ» и выпросилъ посылку въ Кл-цы войск. канцеляриста Фому Леонтовича, который долженъ былъ усмирить жалобщиковъ. Самимъ удобнымъ способомъ усмиренія «бунтовщиковъ»--въ старой Малороссіи считалось временное «закиданіе» ихъ въ погребъ...[1]). Этотъ способъ употребилъ и Леонтовичъ. «Сыскавши всѣхъ жаловавшихся», онъ «позакидалъ» ихъ въ погребъ, съ завязаными назадъ руками, и держалъ тамъ недѣль двѣ, а потомъ, «выводя изъ погреба, потрижды, покладая, билъ немилосердно»... Такимъ образомъ «бунтовщики» снова «подвернуты были подъ владѣніе» Лысенковъ [2])... Но этого Лысенкамъ показалось мало. Познакомившись съ исторіей Клищинскихъ козачьихъ семействъ, Лысенки нашли, что

[1]) Опис. Стар. Малор., II, 453.

[2]) Лысенки не ограничились однимъ усмиреніемъ своихъ крестьянъ, но воспользовавшись симъ случаемъ, поотнимали у нѣкоторыхъ изъ нихъ цѣнныя земельныя угодья; напр., у Тимка Радченка отобраны: «рыболовній изъ дѣдизній и лугъ, стоячій надъ Сулою, отнято чрезъ угроженіе, а деньги 13 р. 50 к. насилно дано»; у Степана Іовы—«луку отнято, еще отцемъ его занятую, за якую насилно у дворъ укинуто талярей два». Съ другихъ крестьянъ взято по 3 и по 4 рубля, «которыми деньгами Леонтовичъ подѣлился съ приказчиками».

многіе изъ этихъ козаковъ прежде были посполитыми и такъ какъ въ Кл-цахъ поселились на «владѣльческой» землѣ, то поэтому должны быть обращены въ крестьяне, и что другіе козаки, хотя и несомнѣнно принадлежатъ къ этому сословію, но тоже живутъ на владѣльческой землѣ, потому что переселились въ Кл-цы послѣ «пожалованія этой маетности» Новицкому, когда слѣдовательно свободныхъ земель тутъ уже не было... Отъ такихъ козаковъ слѣдовало, по мнѣнію Лысенковъ, отобрать всю владѣльческую землю. Прійдя къ такому заключенію, Лысенки поручили брату Осипу — подать отъ своего и «другихъ участниковъ» имени гетману просьбу о разслѣдованіи, кто въ Кл-цахъ имѣлъ право оставаться въ козачествѣ. Въ поданной въ 1761 г. просьбѣ, Осипъ Л-ко писалъ, что «козаки с. Кл-цъ, къ тому селу принадлежащое къ двору владѣльческому пахатное поле, которое и во владѣніи отца его по смерть было, самовольно завладѣли и между собою раздѣля, корыстуются... А особливо нѣкоторые изъ подданныхъ его, поселясь вновь близъ того жъ села Кл-цъ на владѣльческой его землѣ, изъ подданства его сами себе исключаютъ, а приняты въ козаки безправильно. И просилъ онъ, Лысенко, о вышеписанномъ отъ его ясн-ти разсмотрѣнія». «И велѣно его ясн-ти ордеромъ, дабы отъ полк. Лубенской к-ріи отправлено *нарочнихъ двухъ старшинъ* съ надлежащимъ имъ наставленіемъ, чтобъ они, съѣхавъ въ с. Кл-цы, изслѣдовали правнымъ порядкомъ, при доказательствѣ отъ стороны его, Лысенка, кто именно изъ козаковъ и чѣмъ изъ принадлежитостей къ тому селу Клищинцямъ завладѣлъ и буде найдется, что изъ надлежащого къ тому селу степу, пахатного поля, сѣнокосовъ и друг. угодій—неналежно завладѣнное козаками тамошними, тое отдать во владѣніе его Лысенка *съ другими къ тому селу соучастники*. Да и ежели заподлинно сыщется—кто изъ подданныхъ ихъ Лысенковъ, поселясь на землѣ ихъ же Лысенковъ, къ тому селу принадлежащой, и въ козаки вписанъ безъ должного о козачествѣ изслѣдованія, тѣмъ велѣть быть въ подданническомъ ихъ Лысенковъ послушаніи; однакожъ имъ козачества доходить, ежели они почему довесть имѣютъ, не возбранять»... Этотъ ордеръ указываетъ, что къ жалобѣ Лысенка гетманъ отнесся особенно внимательно, такъ какъ не смотря на неопредѣленность просьбы, въ которой не указывались ни тѣ земли, которыя захвачены козаками, ни тѣ «подданные», которые неправильно записаны въ козаки, было сдѣлано распоряженіе,

чтобы особо назначенные два чиновника все это разслѣдовали *на мѣстѣ*... Мы не ошибемся, если скажемъ, что причиною такого исключительнаго вниманія гетманской к-ріи къ просьбѣ Лысенка было ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ главнаго тогдашняго дѣльца въ той же к-ріи — Василія Туманскаго, который въ это время былъ «старшимъ канцеляристомъ» генер. к-ріи, т. е. главнымъ помощникомъ генер. писаря. Писаремъ же генеральнымъ былъ Безбородко, настолько уже въ это время устарѣвшій, что въ мартѣ 1762 г. онъ былъ замѣненъ тѣмъ же самимъ Туманскимъ. Послѣдній былъ женатъ на дочери генер. судьи Лысенка и послѣ его смерти купилъ часть Кл-ской маетности у своего шурина Федора Лысенка, почему и сталъ однимъ отъ тѣхъ «участниковъ», о которыхъ говоритъ «ордеръ» гетмана. Отсюда видно—какой вліятельный человѣкъ былъ заинтересованъ въ Клищинскомъ дѣлѣ. Но Туманскій почему то не находилъ нужнымъ открывать своего участія въ немъ.—Лубенская полк. к-рія Клищинскую «комиссію» поручила было сначала Пирятинскому сотнику Орѣховскому; но послѣдній былъ найденъ, повидимому, непригоднымъ для этого дѣла, почему сначала онъ *заболѣлъ*, а потомъ отправленъ былъ въ какую то «комендирацію». Его замѣнили Горошинскимъ сотникомъ Сахновскимъ, а «другимъ старшиною» былъ назначенъ Горошинскій же атаманъ Ильченко. Повидимому, Сахновскій для слѣдствія былъ *пригоднѣе* Орѣховского, такъ какъ это былъ *свой человѣкъ*, по свойству съ Безбородкомъ, котораго женѣ онъ былъ роднымъ племянникомъ...

Послѣ этого, въ іюнѣ 1761 г., повѣренный Осипа Л-ка, в. т. Герасимъ Завадскій представилъ Сахновскому списокъ 91-го человѣка безъ точнаго объясненія, что это за люди[1]). Можно догадаться, что это былъ списокъ тѣхъ «мужиковъ», которые неправильно, по мнѣнію Лысенка, записаны въ козаки, при чемъ указывался и захватъ ими

[1]) Всѣ эти люди были описаны, напр., такъ: «Павло Деревянка, въ отца захожій и поселился на владѣльческой землѣ. Былъ за прежде бывшими владѣльцами мужикомъ.—Компанѣецъ Андрей Масликъ, захожій, купилъ грунтъ Думнича и живучи на ономъ, завладѣлъ въ степи. — Олехвѣръ Забѣгайло, захожій зъ-за Ромна, степомъ владѣе.—Иванъ Палига, живетъ на Жовтенка дворѣ и болѣе того еще завладѣлъ.—Сергѣй Ворона мужикъ и живетъ на мужичомъ владѣльческомъ грунтѣ и съ оного козакуе.—Кирикъ Гречка, захожій зъ Оржицѣ, мужикъ, поселивсь дворомъ и занялъ леваду.—Иванъ Тригубенко занялъ для поселенія немало земли,» и т. д.

«владѣльческихъ угодій» (левадъ, степи...). Въ концѣ списка добавлено: «Сими вышеписанными, такожъ и особливо всѣми козаками Кл-скими, завладѣнно въ степи, яко то заоромъ отцемъ истца къ двору для пахання учиненнымъ, такъ подъ горою и Веремѣевскимъ шляхомъ, прозываемымъ цѣлиннымъ степомъ да и прочими въ окружности Клищинскомъ найдуючимися пахатными и сѣнокосными землями, а особливо лугами, лѣсами и луками сѣнокосными, *высшереестрованніе козаки* владѣютъ неналежно, а то залежитъ къ единственному владѣнію владѣльца по силѣ высочайшаго пожалованія». Эта приписка ясно обозначаетъ *земельныя* притязанія Кл-хъ «владѣльцевъ». Они говорятъ, что всѣ Кл-скія земли принадлежатъ имъ, за исключеніемъ козачьихъ. Но какія же земли должны были принадлежать козакамъ?—Видимо, что село К-цы было богато землею и здѣсь можно было еще и въ пол. XVIII в. занимать ихъ однимъ только «заоромъ», т. е. *по праву перваго займа*. Это право, по мнѣнію Лысенко и его «участниковъ», принадлежало только имъ и никакъ не принадлежало козакамъ.... До «луговъ, лѣсовъ и лукъ», которыя не были заняты козаками до 1737 г., послѣдніе затѣмъ не имѣли уже права касаться, утверждали державцы, хотя бы эти земли лежали и «впустѣ». Съ своей стороны генер. судья Лысенко, не имѣя возможности эксплоатировать всѣ Кл-скія земли, означалъ свое ими владѣніе одними *заорами*, т. е. одного только проведенною вокругъ бороздою... Отсюда становится яснымъ почему Осипъ Л-ко и его участники не могли предъявить опредѣленныхъ требованій. А отвѣтчики между тѣмъ не знали—о чемъ предъявленъ споръ и противъ чего имъ приходится возражать. Узнавъ о назначеніи «слѣдственной коммисіи», отвѣтчики просили полк. судъ разрѣшить имъ выставить своего повѣреннаго, а когда разрѣшеніе это было дано, то тѣ же отвѣтчики писали уже въ коммисію: «понеже о тѣхъ, якобы къ селу Кл-цямъ на оного г. Лысенка принадлежащихъ и нами будто завладѣнныхъ грунтахъ либо другихъ угодіяхъ мы нижайшіе отъ слѣдственной комисіи, а также и отъ исковой стороны—*никакова объясненія не имѣемъ*, безъ чего въ оной комисіи ни самимъ намъ виводится (оправдываться), ни повѣренного отъ себе выставить не можно...». Поэтому отвѣтчики просили комиисію дать имъ «письменное объясненіе»—«хто именно зъ насъ изъ угодій г. Лысенка чимъ точно, отъ которого времени—якобы завладѣлъ и какова оного г. Лысенка на кого изъ насъ въ чемъ именно претенсія состоитъ?..». Къ этому

отвѣтчики добавляли, что безъ этихъ «объясненій» нельзя ихъ требовать и «въ отвѣтъ». Но коммисія ничего не могла сдѣлать, потому что она находилась въ полномъ подчиненіи у «истцовъ» и главнымъ образомъ—у Туманскаго. Жовнинскій сотникъ Булюбашъ, узнавъ объ этой коммисіи, требовалъ у Сахновскаго—допущенія «депутата» для защиты козаковъ; объ этомъ сообщено было Туманскому, а Т-ій написалъ къ Луб. полковнику, жалуясь на вмѣшательство Булюбаша; Кулябка немедленно предложилъ сотнику—«о ничиненіи никакого въ той коммисіи препятствія и помѣшательства», при чемъ, чтобы «о бытіи при той коммисіи депутата онъ не затѣвалъ бы», ибо если нуженъ будетъ отъ которой стороны повѣренный, то онѣ сами могутъ того требовать». Засимъ коммисія Сахновскаго приступила къ слѣдствію. Процедура при этомъ была такая: вызывался каждый изъ записанныхъ въ «реестрѣ» и допрашивался—безъ какого либо указанія предмета допроса. Напр. «козакъ Кл-скій Андрей Масликъ, онъ же Компанѣецъ, допросомъ показалъ: оной Масликъ живетъ въ с. Кл-цахъ на купленномъ нимъ козачомъ Думническомъ грунтѣ, и съ того грунту козачую отбуваетъ службу; поля пахотного и сѣнокосного и другихъ грунтовъ—во окружности Кл-хъ дачъ—и найменше за собою не имѣетъ». На этотъ отвѣтъ повѣренный Лысенка «во улику показалъ, что отвѣтчикъ на козачомъ купленномъ нимъ Думническомъ грунтѣ живетъ—въ томъ истецъ, вѣдая про то, не споритъ; что жъ касалося до поля и другихъ грунтовъ, то яко отвѣтчикъ въ допросѣ своемъ показалъ, что за владѣніемъ своимъ въ окружности Кл-ой ничего не имѣетъ, такъ про то истецъ *съ доводомъ своимъ пріостановился.* Болѣе жъ ничего въ улику показать истецъ не имѣетъ». На этомъ допросъ такого безземельнаго козака и кончался. Другіе давали показанія обширныя, въ которыхъ разсказывали происхожденіе какъ свое, такъ и своей земли, при чемъ при указаніяхъ на прежнихъ собственниковъ этой земли, «истцы» справлялись съ ревизскою книгою 1723 г. и если находили, что прозваніе прежняго собственника имѣлось въ этой книгѣ, то считали, что земля должна принадлежать ему, а если сидѣвшій на ней «отвѣтчикъ» по происхожденію былъ крестьянинъ, а не козакъ, то требовали, чтобы такой владѣлецъ былъ «обращенъ въ подданство». Если же въ ревизской книгѣ между крестьянами имени прежняго собственника не находилось, а отвѣтчикъ указывалъ на козачье происхожденіе какъ своихъ предковъ, такъ и земли, то отъ допрашивае-

маго требовалась присяга, что онъ говоритъ правду...[1]) Такіе допросы Сахновскій производилъ въ іюлѣ 1761 г., за исключеніемъ нѣсколькихъ допросовъ, произведенныхъ въ мартѣ 1762 г. Всѣ показанія «отвѣтчиковъ» записаны почерками двухъ писцовъ, при чемъ за неграмотныхъ «отвѣтчиковъ» подписывался мѣстный «дячекъ» Андрей Григорьевъ. При всѣхъ допросахъ «улики» говорилъ повѣренный «истцовъ» Завадскій. Повѣреннаго у «отвѣтчиковъ» не было. Сколько человѣкъ допросилъ Сахновскій — нельзя сказать, такъ какъ не все «дѣло» сохранилось, но видно, что допросы были кончены въ іюлѣ 1761 г. а въ мартѣ 1762 г. допрошено было лишь нѣсколько душъ, можетъ быть прежде отсутствовавшихъ. Засимъ слѣдственная коммисія» остановила свои дѣйствія и ровно ничего не дѣлала до ноября 1763 г.. Только въ ноябрѣ и декабрѣ этого года Сахновскій и его товарищъ стали постановлять свои рѣшенія. По каждому допросу, гдѣ, послѣ показанія отвѣтчика, со стороны истцовъ заявлено было то или другое требованіе, — было постановлено рѣшеніе («по указу» и проч.), въ которомъ послѣ прописки обстоятельствъ дѣла, говорилось, напр.,—«и по выслушаніи вышеписанного дѣла. усмотрѣно, что отвѣтчикъ Павло Кобзаренко, самъ себе созналъ мужикомъ и что на владѣльческой землѣ поселился и оною владѣетъ—въ дѣлѣ показалъ, для того опредѣлено: по сознатю самого отвѣтчика, быть ему зъ владѣнною нимъ землею за истцемъ Лысенкомъ и участниками его въ подданствѣ»[2]).

---

[1]) «Азъ Семенъ и Филонъ Кириненки присягаемъ Господу Богу ... что отецъ нашъ никогда въ с. Клищинцяхъ *и нигде инде* не мужиковалъ, но козакъ былъ и что намъ толко тѣ добра, съ коихъ отецъ нашъ козаковалъ довелись, а мужичихъ какъ отецъ нашъ, такъ и сами мы не прихватили»..

[2]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніе тутъ же будто бы приводились и въ исполненіе, какъ видно изъ слѣд. приговора. „*Козакъ Клищинскій Федоръ Безлятко*. Будетъ тому годовъ зъ 8, какъ онъ зайшедши зъ-за Днѣпра въ с. К-цы, купилъ себѣ для поселенія въ козака Савинского огородецъ, на которомъ выстроивши хатку, началъ козаковать и нынѣ козакуетъ; почему жъ тотъ Савинскій проданнимъ отвѣтчику огородомъ владѣлъ—не знаетъ; козаковать же Б-ко сталъ самъ отъ себе, безъ всякого упису»... Истцы возразили: «Б-ко самъ призналъ, что имѣетъ грунтъ отъ Савинского, а Савинскій самъ въ К-цы былъ захожій человѣкъ *уже за пожалованіемъ того села К-цъ въ подданство Новицкихъ* и какъ самъ призналъ—свободную изъ К-скихъ дачъ землю къ поселенію своему занялъ ... а та земля, яко пожалованная, за Лысенкомъ быть должна». Поэтому Сахновскій постановилъ: «понеже Савинскій *по произведенному слѣдствію явился мужикъ* и отданъ въ подданство Лысенку, такъ и владѣемого

Почему же Сахновскій откладывалъ свои рѣшенія болѣе чѣмъ на два года? — Конечно не потому что у него не было времени постановить ихъ раньше, а потому что эта отсрочка нужна была—истцамъ... Изъ рѣшеній Сахновскаго видно, что они постановлены въ отсутствіи отвѣтчиковъ. Ниже мы увидимъ, что Туманскій утверждалъ что рѣшенія «всякому отвѣтчику того жъ года правнымъ порядкомъ объявлены» и «въ сохраненіе законовъ, въ сотенное Жовнинское правленіе—кому изъ козаковъ, отъ какихъ земель отказано—письменно дано знать»; однакожъ въ слѣдствіи Сахновскаго никакихъ слѣдовъ объявленія рѣшеній *каждому отвѣтчику* — нѣтъ, а имѣется, только копія распоряженія Жовнинской сот. к-ріи, которымъ послѣдняя, извѣщая одного изъ своихъ урядниковъ, что «*отъ в. тов. Герасима Завадскаго въ сотенной к-ріи объявлено*, что по иску Лысенка съ участниками, слѣдственною коммисіей отсуждены отъ козаковъ Артема и Ивана Іовенковъ и друг. (*имена ихъ перечислены*) грунта (*слѣдуетъ перечисленіе)*, вслѣдствіе чего сотенному уряднику поручается —*явиться къ в. т. Герасиму Завадскому и требовать отъ него нарочного и когда оній опредѣленъ будетъ — ходить до показанныхъ козаковъ и объявить имъ*, что оные, ежели пожелаютъ на тѣхъ владѣльческихъ грунтахъ жительствовать, то отправовали бы съ нихъ посполитскую должность, а буде не захотятъ въ посполитскомъ званіи быть, то оставили бъ оные грунта во владѣніи владѣльческомъ, а сами сошли на козачіе грунта. Сверхъ того объявить атаману Кл-му, чтобы онъ— отданныхъ въ подданство козаковъ, коихъ списокъ прилагается, *выключилъ съ числа козаковъ и никаково до нихъ дѣла не имѣлъ...*» (1763 г., 17 ноября).—Отсюда видно, что объявленіемъ рѣшеній распоряжался *тотъ самый повѣренный Лысенка и его участниковъ, который велъ это самое дѣло* въ коммисіи Сахновскаго... Едва ли Кл-іе козаки могли признать дѣйствительными тѣ судебныя рѣшенія, которыя объявлялись подобнымъ порядкомъ... Медлили же «истцы» съ постановленіемъ (Сахновскимъ) этихъ рѣшеній, потому что ждали ревизіи, которая начата была въ мартѣ 1763 г. и окончена въ нач. 1764 г.[1]).

отвѣтчиковъ двора за козачій признавать не для чего; къ тому жъ отвѣтчикъ, что зашедшій съ за Днѣпра въ К-ды и самъ сознаетъ, для того опредѣлено: прописанного В-ка, съ владѣемымъ имъ дворомъ, истцу Лысенку съ участники въ подданство отдать, и *отданъ*". (2 док., 1763 г.).

[1]) Шафонск., Черниг. Намѣстн. 97.

Туманскій, какъ дѣлецъ, конечно разсчитывалъ, что ревизскою запискою Кл-хъ козаковъ въ число ихъ подданныхъ все таки крѣпче затянетъ и безъ того запутанный уже узелъ.—Дѣйствительно, присужденные Сахновскимъ къ подданству козаки въ ревизію 1764 г. записаны были *подданными* Туманскаго и Лысенковъ. Послѣ этой записки «истцы» продолжали ожидать благопріятнаго момента, чтобы окончательно накрыть «отвѣтчиковъ» тою сѣтью, которая такъ терпѣливо и искусно исподоволь на нихъ набрасывалась... Исполненія рѣшеній Сахновскаго истцы потребовали отъ Кл-хъ козаковъ лишь весною 1765 г., такъ какъ только въ маѣ этого года Кл-цы подали объ этомъ Румянцову жалобу, въ которой писали, что коммисія по иску б. т. Осипа Лысенка «съ участниками» была учреждена въ Кл-цахъ, бывшимъ гетманомъ, «*по докладу генер. писаря Туманскаго въ закрытіе того, что онъ въ с. Кл-цахъ купивъ часть Федора Лысенка, совокупное съ Осипомъ Лысенкомъ (своимъ шваіромъ) имѣя владѣніе, и самъ былъ истцомъ по тому дѣлу*; что слѣдователи не потребовали отъ истцовъ объясненія—въ чемъ заключается ихъ искъ и не дозволили имъ, отвѣтчикамъ, выставить повѣреннаго, что слѣдствіе производилось въ «пріѣзжемъ домѣ» Лысенка въ с. Галицкой[1]), что при этомъ хотя они, отвѣтчики, и показывали о своемъ козачествѣ и о пріобрѣтеніи земельныхъ угодій отъ козаковъ, но ихъ показанія не провѣрялись—изъ «похлѣбства» къ Лысенку и Туманскому; что въ показанія ихъ записывалось—то что̀ желалось истцамъ, а затѣмъ показанія подписывались «будто по ихъ прошенію» Кл-скимъ дячкомъ; что когда они, отвѣтчики, заявляли въ коммисіи о неправильномъ веденіи слѣдствія, то ихъ съ бранью прочь отсылали, при чемъ случилось, что Лысенко тамъ же, въ коммисіи, Семена Реця по щекамъ билъ; что такими неправильными рѣшеніями слѣдователей у многихъ изъ нихъ жилые дворы и грунты отсуждены, а другихъ и самихъ въ подданство истцамъ отдано, что по тѣмъ рѣшеніямъ Лысенко, не давая имъ и малого срока, выгонялъ изъ дворовъ въ зимнее время; что кромѣ того, 23 марта (1765 г.), «дозорца» Туманскаго, съ старостами Кл-скимъ и Галицкимъ, собравъ мужиковъ болѣе ста и нашедши гвалтомъ, у Дениса Палиги овецъ старыхъ 62 и ягнятъ—40, у Власа, Мирюхниного зятя,—овецъ 25 и ягнятъ 20—забралъ; и то чинили старосты за пастьбу нашего скота

---

[1]) С. Галицкая отдѣляется отъ Кл-цовъ р. Сулою.

на общей козачьей толокѣ, которую Лысенко самовольно присвоиваетъ. Далѣе Кл-іе козаки говорятъ, что жаловались они за такія свои обиды въ Луб. полк. к-рію, но тамъ ничего не сдѣлано, а лишь только приказчикъ Туманскаго Власъ Чорный съ мужиками, напавъ на Леска Головка, избилъ и изувѣчилъ его, угрожая при томъ и другихъ насъ также бить, чтобы мы болѣе о козачествѣ своемъ и о разореніяхъ нигдѣ не искали. Въ заключеніе жалобщики просили—неправильныя рѣшенія Сахновскаго уничтожить и опредѣлить другихъ слѣдователей, на которыхъ бы зазрѣнія отъ обѣихъ сторонъ быть не могло [1]). Какъ только получена была эта жалоба въ Глуховской коллегіи, немедленно туда же подалъ и Туманскій свою жалобу, уже не скрывая своего участія въ этомъ дѣлѣ. Въ своей жалобѣ Туманскій указывалъ, что по гетманскому ордеру, *для облегченія отвѣтчиковъ*, слѣдствіе произведено было на мѣстѣ, чтобы не вызывать ихъ въ Лубны, и потому «противъ иску о всякомъ порознь и самомъ малѣйшемъ груптѣ, съ каждымъ порознь завладѣтелемъ—веденъ судной процессъ, а потому и на всякой же грунтъ порознь учинены рѣшенія прошлого еще 1763 г., *которыя рѣшенія всякому отвѣтчику того жъ года обълвлены*, и когда ни отъ кого изъ отвѣтчиковъ на тѣ рѣшенія апеляціи не объявлено, то, въ сохраненіе на то законовъ, какъ въ сотенное Жовнинское правленіе—кому изъ козаковъ отъ какихъ земель отказано, писменно дано знать, такъ и тѣ земли во владѣніе намъ поручены; что при этомъ нѣкоторые изъ козаковъ—не дожидаясь и рѣшенія, поданними персонально доношеніями, признавъ свое неналежное завладѣніе, сами отъ тѣхъ земель отступились. И съ того времени нонинѣ мы—тѣми присуженными и отданными намъ землями, а нѣкоторыми и съ доведшимись намъ въ подданство жителми на тѣхъ грунтахъ,—владѣли безспорно, при чемъ они, отвѣтчики, не только скоро по объявленіи имъ каждому учиненныхъ рѣшеній, но и послѣ, донынѣ, ни въ полк. Луб. к-рію, ни въ судъ генеральный апеляціи о недоволствѣ своемъ тѣми рѣшеніями не представляли, да кромѣ того, *при сочиненіи ревизіи въ прошедшемъ (1764) году*, чрезъ нарочныхъ ревизоровъ, *съ вѣдома ихъ самихъ* и показанія о ихъ дѣтяхъ, родственникахъ и работникахъ, *въ число посполитыхъ вписаны* и нынѣ состоятъ. Въ недавномъ же времени получилъ я отъ своего приказчика увѣдом-

---

[1]) Жалоба подписана 39-ю *козаками*.

леніе, что тѣ, отданные съ землями нашими тамошніе жители, доведшіеся посполитыми, ослушны вовся учинились, а какъ не безъизвѣстно, что изъ нихъ нѣкоторые—*въ поданномъ своемъ въ Малор. коллеїю доношеніи—клевещутъ на меня съ шуриномъ моимъ Лысенкомъ, будто мы ихъ изъ козаковъ самовольно привернули въ подданство*, утаевая, что состоявшіяся рѣшенія о нихъ имъ объявлены и они по тому объявленію апелляціи не показывали и нынѣ того, въ чемъ кому именно изъ нихъ несправедливымъ рѣшеніе кажется — не представляютъ»... Поэтому Туманскій просилъ коллегію, провѣривъ все то, что онъ написалъ, «таковое ихъ непослушаніе прекратить» и «подтвердить, куда надлежитъ, чтобы безпрепятственное владѣніе присужденными имъ землями сохранено было». Какъ видимъ, Туманскій излагаетъ дѣло совсѣмъ иначе, утверждая, что все было сдѣлано правильно, но не указывая однакожъ фактовъ, чтобы «отвѣтчики» знали о постановленныхъ противъ нихъ, болѣе чѣмъ черезъ два года позлѣ слѣдствія, рѣшеніяхъ и не объясняя почему между слѣдствіемъ и рѣшеніями слѣдовалъ такой долгій промежутокъ... Къ этому можно добавить, что давая такое, повидимому, удовлетворительное объясненіе противъ «клеветы» отвѣтчиковъ, Туманскій тѣмъ неменѣе совсѣмъ не былъ увѣренъ въ своей правотѣ и очень боялся, что вся произведенная «слѣдственною коммиссіей» махинація будетъ уничтожена... Это видно изъ записки, которую Туманскій написалъ 28 мая (1765 г.) къ своему старостѣ въ Кл-цы: «Отданныхъ намъ обще въ посполитіе, а теперь ..... себе козаками ... ничемъ отнюдь не отягощать и обидъ имъ никакихъ не чинить, и до присужденныхъ и отданныхъ намъ ..... т. е. пахатного поля и сѣнокосовъ, такъ же до лугу нашего владѣльческого они и прочіе вступатца имѣютъ *покуда крайнее о всемъ рѣшеніе воспослѣдуетъ*»[1]). Очевидно, что Туманскій *продолжалъ* дѣйствовать по отношенію къ своимъ «отвѣтчикамъ» уклончиво, ожидая «крайняго рѣшенія»... Такое рѣшеніе и должно было теперь послѣдовать изъ коллегіи... И тутъ-то Туманскій напрягъ всю свою канцелярскую мудрость, чтобы «крайнее рѣшеніе» послѣдовало въ его пользу... Какъ извѣстно, въ это время Румянцевъ только что сталъ во главѣ гетманщины, а устроенная подъ его

---

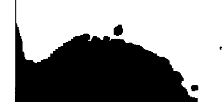
[1]) Копія этой записочки представлена Кл-скими козаками къ дѣлу и Туманскимъ не отвергалась. Точками означены мѣста истлѣвшей бумаги.

президентствомъ въ Глуховѣ Малороссійская коллегія—только что начинала свою дѣятельность «высшаго присутственнаго мѣста» въ краѣ. Коллегія состояла изъ восьми членовъ, изъ великороссіянъ и малороссіянъ поровну; въ числѣ послѣднихъ былъ членомъ коллегіи и Туманскій, въ товариществѣ С. Кочубея, Ив. Жоравки и Д. Апостола [1]. Какъ бывшій *генеральный писарь* Туманскій, конечно, первенствовалъ въ канцелярской дѣятельности коллегіи; очень вліятельнымъ членомъ былъ С. Кочубей, но это былъ Туманскому свой человѣкъ по совмѣстной ихъ службѣ при Разумовскомъ, а Жоравка и Апостолъ—дѣльцами вовсе не были.

По обѣимъ жалобамъ,—Кл-скихъ козаковъ и Тум-го,—коллегія постановила: вытребовать изъ Лубновъ слѣдствіе Сахновскаго, а пока оно будетъ разсмотрѣно, то «дабы называющіеся козаками, кои присуждены и отданы за истцовъ .... Туманскаго и Лысенка, были послушными и въ отбываніи надлежащихъ повинностей и во владѣніи отданныхъ земель — препятствія не чинили, о томъ отъ полк. Луб. к-ріи къ сотнику Жовнинскому, для притвержденія онымъ Кл-скимъ жителямъ, предложить». (22 авг., 1765 г.). Когда же слѣдствіе Сахновскаго въ Глуховѣ было получено, то коллегія отослала его, вмѣстѣ съ жалобами обѣихъ сторонъ, въ генер. судъ и — «велѣла учинить по онымъ надлежащее разсмотрѣніе и въ силѣ указовъ и Малороссійскихъ правъ рѣшеніе непродолжительно». При этомъ коллегія послала въ генер. судъ и новую жалобу Кл-хъ козаковъ, почти одинаковаго содержанія съ прежнею, но подписанную 41-мъ человѣкомъ и съ добавкою—«и всѣ обще». Въ тоже время и Лысенки, Осипъ и Павелъ, жаловались въ коллегію, что Кл-скіе козаки ихъ разоряютъ и «чинятъ похвалки». Пославъ всѣ жалобы истцовъ и отвѣтчиковъ въ генер. судъ, коллегія въ то же время предписала полк. Луб. к-ріи распорядиться, чтобы тѣ изъ Кл-хъ жителей, относительно которыхъ состоялись рѣшенія Сахновскаго, безпрекословно исполняли бы послѣднія впредь пока послѣдуетъ «крайнее рѣшеніе». Луб. к-рія исполнила этотъ указъ. Но засимъ Осипъ и Павелъ Лысенки подали новую въ Глуховѣ жалобу, въ которой писали, что ни присужденные имъ въ подданство козаки, ни тѣ, отъ которыхъ отсуждены имъ земли—не слушаютъ ихъ, нападаютъ на ихъ старость и грозятъ пожаромъ.

---

[1]) Шафонск., Черниг. Намѣстн., 98.



По этой жалобѣ коллегія послала въ Лубны новый указъ объ усмиреніи Кл-цевъ. На этотъ разъ Луб. гродскій судъ послалъ въ Кл-цы Лукомскаго сотника Малкевскаго съ приказомъ—привести Кл-цевъ въ повиновеніе. Это было уже въ мартѣ 1766 г.—Но Кл-цы въ это время были уже сильно возбуждены. Имъ конечно стало уже извѣстно нижеприводимое рѣшеніе генер. суда, постановленное въ декабрѣ 1765 г., въ которомъ вся процедура Сахновскаго найдена была противозаконною. Поэтому Кл-цы на приглашеніе Малкевскаго — слушать своихъ владѣльцевъ и подчиниться ихъ требованіямъ, отвѣчали, что «указного повелѣнія не слушаются и слушаться владѣльцевъ не будутъ». Когда же Малкевскій хотѣлъ было арестовать одного крикуна, то «они закричали съ великимъ шумомъ, что никакой обиды себѣ не допустятъ»... Малкевскій оставилъ Кл-цы ни съ чѣмъ, а Луб. гродскій судъ обо всемъ этомъ донесъ въ коллегію.

Получивъ это донесеніе, коллегія потребовала отъ генер. суда увѣдомленія — что имъ сдѣлано по жалобамъ Кл-цевъ и Туманскаго? Судъ отвѣчалъ присылкою своего рѣшенія, постановленнаго еще 15 декабря 1765 г. Изъ этого рѣшенія прежде всего видно, что генер. судъ отнесся къ дѣлу очень внимательно. Подробно разсмотрѣвъ всѣ его обстоятельства, судъ нашелъ, что относительно претензіи Туманскаго и Лысенковъ—за переписку крестьянъ въ козаки—Сахновскимъ слѣдствіе произведено неправильно, такъ какъ при этомъ не былъ принятъ въ руководство указъ 16 апрѣля 1723 г., а между тѣмъ «слѣдствія о напрасно покозачившихся слѣдуетъ чинить не инако, какъ по силѣ этого указа» [1]) и что такъ какъ Сахновскимъ этого сдѣлано не было, то и «о бытіи такимъ отвѣтчикамъ въ подданствѣ истцовъ оною коммиссіею учиненныя произвожденія и рѣшенія *за дѣйствительныя почтены не могутъ и по вышеписаннымъ обстоятельствамъ уничтожены быть должны*». Относительно другой части иска Туманскаго и Лысенковъ — о завладѣніи козаками посполитскихъ грунтовъ—генер. судъ нашелъ, что и здѣсь Сахновскій производилъ дѣло безъ соблюденія законныхъ формъ, такъ какъ «козаки сыскиваны въ ту коммиссію безъ надлежащихъ позвовъ и безъ дачи имъ

[1]) «По искамъ чіимъ либо о козачествѣ—надлежитъ справляться съ давними и тогдашними козачими реестрами о дѣдахъ и отцахъ, такожъ и самихъ истцовъ, а буде не сыщется давнихъ реестровъ. о такихъ свидѣтельствовать Малороссійскими жителями»...

правныхъ сроковъ и на прошеніе ихъ, отвѣтчиковъ, списку истцева—въ чемъ именно претенсія его на онихъ состоитъ, почему бы для отвѣту повѣренного отъ себе они поставить могли, списковъ не дано..[1]). Почему и тѣ—о завладѣнныхъ козаками посполитскихъ земляхъ—коммисійскія произвожденія и рѣшенія, яко не противу правъ, а къ тому еще и въ неподлежащомъ судѣ земскомъ учиненныя, также за недѣйствительныя почтены и оставлены быть должны...»[2]). Засимъ слѣдуетъ заключеніе суда: «и хотя по вышеписаннымъ резонамъ всѣ означ. коммисіи рѣшенія, коихъ по оному дѣлу является до 60-ти, яко непорядочно и не въ силѣ правъ учиненныя, нынѣ отставить слѣдовало, но яко нѣкоторые изъ отвѣтчиковъ, послѣ тѣхъ рѣшеній уже, истцу тое, о чемъ на нихъ искъ состоялъ.... добровольно уступили да и на поданныхъ въ недовольствѣ на оную коммисію двоихъ доношеніяхъ подписались только человѣкъ 39 (*слѣдуетъ перечень жалобщиковъ*).... того ради судъ генер. приговорили: оныя толко произвожденія и рѣшенія, коими присуждены отвѣтчики тѣ, которые на доношеніяхъ подписалися—истцамъ въ подданство, а въ нѣкоторыхъ съ нихъ—жилые домы и грунта въ отбору только приговорены, яко непорядочно и не въ силѣ правъ учиненныя, отставить *и отвѣтчикамъ и ихъ грунтамъ оставаться, какъ они до иску истцовъ были*; о которыхъ же, хотя рѣшенія при дѣлѣ имѣются, а они на доношеніяхъ не подписалися, о тѣхъ разсужденія, безъ жалобы ихъ, чинить нынѣ не доходить; а тѣмъ, которые какъ они, доискиванніе на нихъ истцемъ грунта, ему, истцу, поданными въ коммисію доношеніями, доброволно повступали, такъ посля того въ коллегію а ни въ судъ генералній за то прозби никакой не заносили,—быть, по той добровольной уступки ихъ, груптамъ ихъ уступленнимъ—за истцами[3]).

[1]) Тутъ же судъ приводитъ и статьи закона (Лит. стат.), указывающія нарушенія Сахновскимъ формъ процесса.

[2]) «А что въ истцовъ г. писарь Туманскій, въ подданномъ въ Малор. кол. доношеніи, показуетъ, что якобы отвѣтчикамъ оныя ком. рѣшенія правнимъ порядкомъ были объявливани и какъ отъ нихъ отвѣтчиковъ предъ коммисіею на оныя рѣшенія ни отъ кого апеляціи не обявливано, такъ по онымъ и надлежащее исполненіе учинено, да и по томъ де объявленіи понынѣ и въ полковую к-рію, а ни въ судъ генералній апеляціи не подавала, то яко на тѣхъ рѣшеніяхъ подпису доволства либо недоволства отвѣтчиковъ не имѣется и чтобъ признани былй либо объявливани—никакова вида нѣтъ»...

[3]) При этомъ ген. судъ замѣтилъ, что хотя на второй жалобѣ козаковъ и есть добавка—«и всѣ обще», «однакъ по сему терміну *всѣ обще*—заключить не прилично апелляціи отъ всѣхъ тѣхъ Кл-скихъ козаковъ»...

Истцы же Лысенко и *господинъ* Туманскій, ежели пожелають на оныхъ козакахъ, о которыхъ рѣшенія нынѣ генер. судомъ отставляются, искать, то о посполитствѣ чіемъ либо зъ оныхъ Клищинцовъ—должны подать искъ вновь въ судъ генер., почему противъ вышеписанного 1723 г. указа—подлежащое выизслѣдованіе и рѣшеніе учинено быть имѣеть, а о завладѣнныхъ ими, отвѣтчиками, посполитскихъ грунтахъ, на всякого порознь завладѣтеля, вновь же искать имѣють правнымъ порядкомъ въ надлежащемъ судѣ земскомъ...» [1]). Это рѣшеніе генер. суда обращаетъ на себя вниманіе своимъ безпристрастіемъ вообще и особенно по отношенію къ вліятельному Туманскому, котораго увѣреніе—о соблюденіи по отношенію къ «отвѣтчикамъ» всѣхъ процессуальныхъ формъ—такъ обстоятельно судомъ опровергнуто данными самого дѣла. За нарушеніе этихъ же формъ судъ и призналъ постановленія Сахновскаго—не могущими имѣть силы судебныхъ рѣшеній, при чемъ добавилъ, что это его заключеніе касается лишь тѣхъ 39-ти лицъ, которыя подписались на жалобѣ.—Приговоръ генер. суда объявленъ изъ отвѣтчиковъ одному Сергѣю Воронѣ, который «остался имъ недоволенъ». «Прочимъ же его, Вороны, товарищамъ и сторонѣ исковой (т. е. Туманскому и Ос. Лысенку) *за нехожденіемъ отъ нихъ по тому дѣлу, не объявливано*». Послѣднее замѣчаніе указываетъ, что Туманскій какъ будто не придавалъ рѣшенію генер. суда никакого значенія... Тѣмъ не менѣе коллегія потребовала (въ іюл. 1766 г.) это рѣшеніе и по полученіи, нашла нужнымъ разсмотрѣть его по существу, *безъ чьей либо жалобы*, а на томъ основаніи, что «оное генер. суда рѣшеніе должно быть подъ разсмотрѣніемъ коллегіи за искательствомъ Кл-скихъ жителей, кои по рѣшеніямъ коммисійскимъ присуждены въ подданство г. генер. писарю Туманскому и Лысенкамъ». Согласившись однакоже съ рѣшеніемъ суда, коллегія добавила, что такъ какъ изъ присужденныхъ истцамъ въ подданство 27-ми человѣкъ, на жалобѣ подписалось только 5 человѣкъ, то остальные 22 человѣка, Павелъ Деревянка, Яцко Чепецъ съ товарищи, подписей которыхъ на жалобахъ нѣтъ, и въ коллегію а ни въ судъ за то просьбы никакой не заносили, должны быть послушными показаннымъ ихъ владѣльцамъ, г. ген. писарю Туманскому и Лысенкамъ, не чиня противностей

---

[1]) Рѣшеніе подписали: Илья Журманъ, Александръ Дубянскій, Александръ Мокріевичъ, Дамьянъ Оболонскій, Иванъ Александровичъ, Дамьянъ Венковскій и Степанъ Илляшенко.

и ослушности, каковы отъ нихъ прежде слѣдовали, и не только имъ, (т. е. 22-мъ) не искавшимъ о козачествѣ, надлежитъ быть въ послушаніи, но и такимъ, кои ищутъ козачества (т. е. 5-ти, подписавшимъ жалобу?)—до крайнего о ихъ козачествѣ рѣшенія (?), слушаться своихъ владѣльцевъ, изъ за которыхъ они того козачества доходить желаютъ». Посему коллегія постановила: послать въ Луб. полк. к-рію указъ и велѣтъ ей означенныхъ Кл-хъ жителей, подписавшихся на доношеніяхъ 39-ти человѣкъ, оставить по рѣшенію генер. суда, какъ они до иску истцовъ были, *впредь до крайнего въ коллегіи ихъ дѣлъ разсмотрѣнія*. А чтобъ прочіе Кл-скіе жители, Павелъ Деревянка и Яцко Чепецъ съ товарищи, всего 22 челов., помянутымъ владѣльцамъ были послушны и продерзостей не оказывали, въ томъ для приведенія ихъ къ повиновенію и наказанія за прежде оказанныя отъ нихъ сотнику Малкевскому противности, — отправить изъ Малор. коллегіи по инструкціи сотеннаго компанейскаго старшину Хоменка, которому велѣть, забравъ оныхъ ослушниковъ подъ караулъ, въ страхъ другимъ, въ томъ же селѣ Кл-цахъ, наказать кіями и притвердить имъ съ подпискою—впредь таковыхъ продерзостей не чинить, а ежели кто съ нихъ намѣрены козачества искать, въ томъ должны они въ силѣ указа 1723 г. доходить по генеральному суду». Это постановленіе коллегіи при совопоставленіи его съ рѣшеніемъ генер. суда—непонятно. Судъ сказалъ, что всѣ рѣшенія Сахновскаго—незаконны, а слѣдовательно и тѣ, которыми козаки присуждены въ подданство, но такъ какъ на эти послѣднія рѣшенія пожаловались только пять человѣкъ, то судъ отмѣнилъ рѣшенія Сахновскаго только по отношенію этихъ пяти лицъ, а относительно остальныхъ, присужденныхъ къ «подданству», но жалобы не подавшихъ (коллегія число ихъ опредѣляетъ въ 22 чел.), судъ говоритъ, что относительно ихъ рѣшенія Сахновскаго не могутъ быть отмѣнены безъ подачи жалобы, при чемъ срокъ на послѣднюю не могъ быть потерянъ, потому что рѣшенія Сахновскаго не были объявлены въ формѣ требуемой закономъ. Коллегія, *соглашаясь съ рѣшеніемъ суда*, говоритъ однако жъ совсѣмъ другое. Она называетъ 22 лица, отъ которыхъ жалоба не была подана—«неискавшими о своемъ козачествѣ», а 5 лицъ, подавшихъ жалобу — «ищущими козачества», рекомендуя и тѣмъ, и другимъ—слушаться *своихъ владѣльцевъ* впредь «до крайнего ихъ дѣлъ въ коллегіи разсмотрѣнія» и указывая, что если кто хочетъ искать козачества, то пусть того ищетъ по закону...

Такимъ образомъ коллегія, (такъ, кажется, слѣдуетъ понимать)—приказала ждать своего «крайняго разсмотрѣнія» и тѣмъ пяти лицамъ, относительно которыхъ генер. судъ сказалъ, что — «оставаться имъ, какъ они до иску истцовъ были» (стр. 171), т. е. коллегія и этихъ пяти лицъ не освобождала отъ послушанія владѣльцамъ, оставляя, значитъ, въ силѣ уже отмѣненные генер. судомъ относительно ихъ приговоры Сахновского... А 22-мъ лицамъ, которыя, согласно рѣшенію генер. суда, должны были только подать жалобу на рѣшеніе Сахновскаго, чтобы стать въ то положеніе, въ которомъ «находились до иску», коллегія разрѣшала отыскивать то ихъ козачество, котораго они были лишены незаконнымъ приговоромъ Сахновскаго....

Такое постановленіе коллегіи, явившееся при томъ безъ чьей либо жалобы на рѣшеніе ген. суда, конечно, должно было поставить въ недоумѣніе Кл-хъ козаковъ.... Отсутствіе логической послѣдовательности въ этомъ постановленіи послѣ рѣшенія генер. суда, само собою бросалось въ глаза и заставляло предполагать, что «членъ коллегіи» Туманскій долженъ былъ принимать въ сочиненіи этого постановленія немалое участіе...

И тѣмъ не менѣе постановленіе коллегіи должно было быть исполнено.

Вмѣсто назначеннаго Хоменка въ Кл-цы былъ посланъ почему то другой—«сотенный компанейскій писарь» Емчевскій. Онъ оказался расторопнѣе Малкевскаго и въ пол. сентября донесъ коллегіи, что прибывъ въ Кл-цы и забравши указанныхъ ему лицъ подъ караулъ, онъ тутъ же, въ страхъ другимъ, наказалъ ихъ кіями, а чтобъ они и впредь слушались своихъ «владѣльцевъ», отобралъ отъ нихъ въ томъ подписку. При этомъ Емчевскій добавлялъ слѣдующее: «при заборѣ мною тѣхъ ослушниковъ подъ караулъ, оного села Кл-цъ *козаки*, человѣкъ до 40-ка, напившись пьяные, сами собою, съ дручьемъ и кіями, нашедъ въ мою квартиру, кричали необычайно и намѣревали мене бить и забратихъ мною подъ караулъ—отбить, но сотникъ Жовнинскій Булюбашъ прислалъ своихъ козаковъ и они уже усмирили бунтовщиковъ» [1]).

---

[1]) Кл-скіе козаки, жалуясь на Емчевскаго за отнятіе имущества, говорятъ, что при этомъ усмиреніи онъ забралъ: у Гаврила Пикули коровъ двѣ съ телятами, а овецъ—14, у Д. Максименка—овецъ 9, у Д Орленка—овецъ 11, «да денегъ со всѣхъ насъ взято и уплачено за напитокъ у дворцѣ (въ усадьбѣ), компанейцемъ съ при-

Напуганные Кл-цы притихли. Притихли они вѣроятно еще и въ ожиданіи—«крайняго разсмотрѣнія ихъ дѣлъ въ коллегіи»... Молчали Кл-цы до весны 1767 г., когда, съ началомъ полевыхъ работъ, Туманскій и Лысенко стали попрежнему требовать отъ Кл-цевъ послушанія на основаніи приговоровъ Сахновскаго... Видя несомнѣнное пристрастіе коллегіи къ Туманскому, Кл-цы снова заволновались, какъ видно изъ слѣдующей жалобы Кл-скихъ «владѣльцевъ», поданной въ коллегію въ маѣ 1767 г.—«коллегіи изъ прежнихъ нашихъ жалобъ извѣстно о происходившихъ въ маетности нашей въ с. Кл-цахъ отъ жителей тамошнихъ, *ищущихъ козачества*, немалыхъ намъ обидахъ и что оніе искатели козачества и *нигдѣ нечелобитствующіе о козачествѣ*, подданныхъ нашихъ подговорили къ непослушанію... И нынѣ получили мы отъ приказчиковъ своихъ репорты, яко тѣ жъ ищущіе козачества, съ другими того жъ села козаками, подговоря и изъ подданныхъ нашихъ и собравшись человѣкъ до ста, напали съ великимъ стремительствомъ, гвалтовно, на домъ изъ насъ генер. писаря въ селѣ и имѣючійся при ономъ домѣ садъ, окопанный и огороженный, разломавъ огорожу и ровъ засыпавъ, разорили и опустошили вовсе, такъ что все фруктовое дерево, однихъ прищепъ болѣе 200, а особливо сливы и виноградъ, вовся сламали, до основанія повредили и для крайнего истребленія—скотъ пустили, при чемъ и овощный огородъ весь опустошили... Сверхъ того, изъ тамошнихъ подданныхъ нашихъ, *кои о козачествѣ иску нигдѣ не имѣютъ*, смотря на такіе отъ сосѣдовъ своихъ происходимія безстрашія и самоволія... пришли въ такую дерзость, что болѣе 30-ти человѣкъ сдѣлались ослушными и обявили приказчикамъ—ежели кто къ нимъ придетъ для требованія ихъ къ обыкновенной подданической повинности, то они того въ смерть убьютъ»...

Изъ этой жалобы видно, что центромъ неповиновенія владѣльцамъ были тѣ приговоренные Сахновскимъ къ «подданству» козаки, которыхъ Туманскій называетъ по этому своими «подданными», «нигдѣ нечелобитствующими о козачествѣ», но которые сами себя продолжали разумѣть козаками... «Крайнее разсмотрѣніе коллегіей» дѣла ихъ—оставалось, попрежнему, пустымъ словомъ.

казчиками выпитой, у М. Головка—6 гривенъ, у А. Довбищенка—7 гривенъ и т. д. О томъ, какъ приводилъ Емчевскій въ повиновеніе Кл-цевъ см. ниже—показаніе Григорія Иващенка.

Въ отвѣтъ на жалобу Т-го коллегія приказала Луб. полк. к-ріи распорядиться объ усмиреніи бунтовщиковъ, вслѣдствіе чего въ Кл-цы былъ посланъ полк. хоружій Михайло Булюбашъ съ сотниками Малкевскимъ (Лукомскимъ) и Бутовскимъ (Чигриндубровскимъ). Въ началѣ іюля 1767 г. Булюбашъ донесъ въ Лубны, что исполнить порученія онъ не могъ, такъ какъ встрѣтилъ со стороны бунтовщиковъ сильное сопротивленіе, при чемъ писалъ: взявъ пристойное число команды изъ сотни Чигр-ской, пріѣхали мы въ Кл-цы и когда начали было производить слѣдствіе о неповиновеніи подданныхъ, то всѣ того села жители, козаки и мужики, явясь къ намъ, объявили, что они какъ на квартиру Емчевскаго хотѣли нападеніе учинить, дабы арестованныхъ имъ своихъ товарищей отнять, такъ и садъ Туманскаго они же разорили, потому что подъ тотъ садъ общой земли нѣкоторую часть принято... Что вслѣдъ засимъ онъ, Булюбашъ, съ товарищами приступилъ было къ наказанію оныхъ гвалтовщиковъ, для чего и послана была команда при Чигр-скомъ хоружему Синеокому для арестованія, но они, собравшись въ числѣ до 200 человѣкъ, съ приготовленнымъ къ бою разнымъ оружіемъ, взять себе не допустили, говоря, что они никогда бить себя не позволятъ и будутъ въ томъ до послѣднихъ мѣръ защищаться. Видя такое отчаянное свирѣпство, пробовали было мы словесно ихъ уговаривать—повиноваться «указному велѣнію», но они держа въ рукахъ приготовленное оружіе, отвѣчали, что пусть всѣхъ насъ сошлютъ въ Сибирь, но мы сами не отдадимся!— Избѣгая «смертнаго убійства», Булюбашъ донесъ обо всемъ этомъ въ Лубны, а Лубны донесли въ Глуховъ. Видя, что сопротивленіе властямъ Кл-цевъ принимаетъ тревожный характеръ, коллегія распорядилась сама послать въ Кл-цы изъ стоявшаго въ Лубнахъ Ряжскаго полка премьеръ-майора Беклера — «для учиненія слѣдствія о послѣдовавшихъ отъ жителей Кл-кихъ продерзостяхъ и озарничествахъ» Вмѣстѣ съ этимъ приказано было выслать въ Кл-цы 200 козаковъ изъ сосѣднихъ сотенъ, подъ начальствомъ Бутовскаго.—Уже въ концѣ августа Беклеръ донесъ Румянцову о полномъ неуспѣхѣ своего порученія. Прибывъ въ Кл-цы, пишетъ Б., я объявилъ жителямъ о цѣли моего прибытія, т. е. что я прибылъ для разслѣдованія о разореніи дому г. Туманскаго и для наказанія виновныхъ. На это я получилъ отвѣтъ, «что то разореніе сдѣлано ими для того, чтобы не было между ними никакого владѣльца, а чтобъ были всѣ козаками!

что ни одного подданнаго подъ владѣніе они не дадутъ и будутъ за одно стоять до послѣдняго человѣка». Къ этому Б-ръ добавлялъ, что ему удалось, впрочемъ, арестовать «съ подманомъ» двухъ «самыхъ первоначальниковъ»—атамана Афанасія Ворону и Григорія Билима, а остальныхъ въ томъ дѣлѣ сообщниковъ, писалъ Б-ръ, не предвижу никакова способу переловить, потому что они никогда въ своихъ домахъ не ночуютъ, а находятся денно и ночно, со всякими орудіями и по большой части съ заряженнымъ ружьемъ, въ собраніи около 200 человѣкъ, почему опасаюсь отвѣта за учиненіе на нихъ сильнаго нападенія, такъ какъ они, по своей отчаянности, напали на посланныхъ для провѣдыванія ихъ собраній—сотенныхъ есаула Бѣлаша и хоружаго Мироненка, вязали ихъ, били и убить хотѣли, а двухъ козаковъ изъ ихъ команды прибили... Боясь, чтобы при нападеніи на бунтовщиковъ не случилось убійства, Б-ръ спрашивалъ у Румянцова дальнѣйшихъ распоряженій. Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ, Ворону и Билима Б-ръ отправилъ въ Лубны для заключенія въ тюрьму. Въ Лубны явился впрочемъ одинъ только Билимъ, а Ворона бѣжалъ [1]. На донесеніе Б-ра Румянцовъ отвѣчалъ: «неожидаемо мнѣ объявляете о событіяхъ, произшедшихъ во время вашего бытія въ с. Кл-цахъ, по ордеру моему, для слѣдствія... Едва вѣрить могу, что жители с. Кл-цъ нашлись дерзостными казать знаки безумнаго воспротивленія и причинить бои сотеннымъ старшинамъ и козакамъ, при васъ находящимся...» Затѣмъ Румянцовъ приказалъ Б-ру объявить Кл-цамъ «его повелѣніе—немедленно отвѣтствовать, въ чемъ до нихъ касается слѣдственное дѣло. А если бы, паче чаянія, говорится далѣе въ приказѣ

---

[1]) Позже (въ декабрѣ 1767 г.) Кл-скіе козаки разсказывали, что и при Беклерѣ Лысенко принималъ немалое участіе въ ихъ усмиреніи. Такъ, когда Б-ръ, имѣвшій квартиру въ с. Галицкой, въ дворѣ Лысенка, потребовалъ къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ изъ Кл-скихъ козаковъ, то къ нему туда пошли атаманъ Афанасій Ворона и Григорій Билимъ. У послѣдняго при этомъ въ рукахъ были письменные документы (о козачествѣ?); увидѣвъ эти бумаги, Лысенко вырвалъ ихъ изъ рукъ Билима и «подралъ на малые лоскутки». Повидимому, Лысенкомъ же былъ и арестованъ Билимъ: «а въ томъ случаѣ, когда г. майоръ заболѣлъ, онъ, Лысенко, съ сотникомъ Чигрдбр-мъ взяли подъ караулъ, забили въ колодки и отправили козака Билима въ секвестръ Лубенскій, гдѣ оной, содержась между ворами и разбойниками, подъ карауломъ и умре»... Далѣе козаки говорятъ, что будучи окружены командою въ рабочее время, они были лишены возможности снять хлѣбъ, котораго сгнило до 10 тыс. копъ, а «иную пашню, на пнѣ стоящую, и сѣнокосы—означенный Лысенко, ѣздя съ командою, будто за охотою, нарочито повыбивалъ»...

Румянцова, они и засимъ препятствовали производить оное, то въ такомъ случаѣ тѣхъ, кои упорствуютъ оправдатся предъ вами и идутъ противъ владѣльцевъ, обовязать всѣхъ подписками, дабы они съ своими доказательствами явились ко мнѣ въ Глуховъ. Наконецъ, то ихъ самовольство до того уже дошло, что и власти своей команды не хотѣли повиноваться и дать роспискокъ, чего хотя и воображать не могу, но тогда имѣете отъ Ряжскаго пѣхотнаго полка потребовавъ команды, *а въ случаѣ надобности хотя и весь полкъ*,—расположить оную въ томъ селѣ и всѣхъ ослушниковъ забравъ, выслать ко мнѣ, съ которыми поступлено будетъ по всей строгости законовъ...» Черезъ двѣ недѣли Б-ръ отвѣчалъ Румянцову: «полученный ордеръ мною—въ с. Кл-цахъ обывателемъ объявленъ, но какъ они предъ симъ, такъ и нынѣ въ ослушности находятся и ничѣмъ склонить ихъ неможно, не токмо чтобъ они шли въ коммисію, но и роспискокъ отъ себе не даютъ, объявляя, что мы сего не слушаемъ, потому что мы—всѣ козаки, а между нами подданныхъ не имѣется...» Одновременно съ донесеніемъ Б-ра Румянцову, пять человѣкъ изъ числа Кл-хъ козаковъ подали на имя императрицы прошеніе, въ которомъ писали, что вслѣдствіе подданныхъ ими, въ разные годы, жалобъ на Туманскаго и Лысенка за разореніе,--насылаемыми по ихъ просьбамъ командами,—велѣно не единожды суду генер. о козачествѣ предковъ нашихъ и насъ самихъ слѣдовать, почему о нѣкоторыхъ изъ насъ въ ономъ судѣ генер. уже взяты изъясненія (?), хотя же большею частью изъ насъ такіе, которые какъ прежде были козаками, такъ и нынѣ въ службѣ находятся и по рѣшенію генер. суда 1765 г., по иску Туманскаго, *изъ козачества не исключены и отправляютъ козачью службу*, точію оные писарь генер. Туманскій и Лысенко грунтами нашими напрасно завладѣли, не дожидаясь крайняго окончанія тому дѣлу и не довольствуясь тѣмъ, что уже пользовались и приворочали нахално насъ въ подданническую повинность безъ дозволенія высшей власти...» Затѣмъ разсказавъ о пребываніи въ Кл-цахъ Беклера, [1]) козаки пишутъ: «если же Лысенко имѣетъ на насъ какую правную претензію, то пусть вѣдается судомъ, а не наводитъ на насъ командъ, почему, ежели что и нынѣ касается до нашей виновности, то мы сами себя въ коллегію пред-

---

[1]) Тутъ же говорится, что Григорій Билимъ былъ арестованъ, безъ всякой причины, когда былъ позванъ въ коммисію для объясненій См. стр. 177.

ставляемъ, подвергая себя какому хотя съ нами поступленію, но не ему (Лысенку) насъ въ его домѣ бить и мучить.... Слѣдовательно, и помянутой коммисіи (Беклера), наровя сторонѣ его, Лысенка, въ дворѣ его станцію имѣть не доводилось бы, яко же коммисія находится въ дворѣ Лысенка въ с. Галицкой, за $2^1/_2$ версты отъ с. Кл-цъ». Это прошеніе уясняетъ намъ пониманіе козаками своего положенія. Они разумѣли, что рѣшеніе генер. суда освободило ихъ отъ приговоровъ Сахновскаго, предоставляя право Туманскому и Лысенку, *и безъ жалобы 22-хъ*, начать противъ нихъ новое дѣло *правнымъ* порядкомъ....

Поданное на имя императрицы прошеніе передано было Румянцову и имѣло послѣдствіемъ выговоръ отъ послѣдняго Б-ру, что онъ, «не нашедъ еще виновныхъ, уже взялъ подъ караулъ атамана Ворону и козака Билима и вмѣсто спокойнаго веденія дѣла,—устрашалъ Кл-цевъ разными угрозами». Поэтому Румянцовъ предлагалъ Б-ру произвести слѣдствіе во всемъ согласно его ордеру, при чемъ поручилъ ему разслѣдовать и о поведеніи Булюбаша съ Малкевскимъ и Бутовскимъ, во время ихъ пребыванія въ Кл-цахъ. Октябрь и ноябрь Б-ръ производилъ слѣдствіе, которое и представилъ въ Глуховъ въ декабрѣ 1767 г. Слѣдствіе Б-ра состояло изъ двухъ частей. Прежде всего были допрошены тѣ лица, которые разоряли садъ Туманскаго; ихъ оказалось 43 человѣка; они разсказали, что 9 мая, въ день св. Николая, пошли они въ церковь, но когда оказалось, что, по отсутствію священника, «службы» не будетъ, то они, взявъ лопаты, пошли въ садъ Туманскаго и разломавъ огорожу тамъ, гдѣ Туманскій захватилъ подъ садъ часть большой дороги, засыпали тутъ же выкопанную имъ же, Туманскимъ, канаву, при чемъ вырвали посаженный тамъ сливнякъ и кромѣ того, пускали въ садъ и скотъ.

Вторая часть слѣдствія заключалась въ допросѣ 22 человѣкъ (см. стр. 172), отказывавшихся отъ подданства Туманскому и Лысенку. Всѣмъ имъ былъ предложенъ одинъ вопросъ: «находился ли ты въ подданствѣ у г. ген. пис. Туманскаго, съ котораго мѣсяца и числа, такожъ предки твои или ты—владѣльческимъ строеніемъ или землею владѣли ли?—На этотъ вопросъ всѣ 22 лица показали, что были они прежде козаками, пока Сахновскій въ 1763 г. не приказалъ имъ «слушаться» Лысенка; что затѣмъ, въ 1765 г., они перестали отбывать послушаніе, пока снова не принудилъ ихъ къ тому послушанію Емчевскій, послѣ чего оставались они въ подданствѣ до 9 мая 1767 г.,

когда разорили садъ Туманскаго и рѣшили отказаться отъ подданства [1]). Вмѣстѣ съ слѣдствіемъ, Б—ръ представилъ и подписку допрошенныхъ лицъ о томъ, что они будучи изобижены отъ владѣльцевъ, не могутъ отдать имъ себя въ послушаніе до дальшей графской резолюціи, для выслушанія которой должны явиться въ Глуховъ 1 декабря (1767 г.).

Къ этой подпискѣ *всѣ* Кл-скіе козаки прибавляли просьбу, чтобы Румянцевъ обратилъ свое вниманіе на несчастную судьбу тѣхъ козаковъ, которыхъ Туманскій и Лысенко желаютъ обратить въ крестьянъ.

Давшіе подписку явиться въ Глуховъ 1 декабря, повидимому, исполнили это обязательство. Покрайней мѣрѣ, 7 декабря «покодная к-рія» Румянцева потребовала отъ коллегіи свѣдѣній—какія имѣются въ ней дѣла объ ищущихъ козачества жителяхъ с. Кл-цъ—Иванѣ Лихошерстѣ, Грицкѣ Михаленкѣ и друг. (всѣхъ 14), а также—предки оныхъ или они сами—въ какихъ званіяхъ состоятъ по прежнимъ и по послѣдней ревизіи?—Коллегія дала справку (18 дек.), что дѣло о козачествѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ *имѣется подъ разсмо-*

---

[1]) Приводимъ здѣсь одно изъ такихъ показаній, добавляя, что въ главномъ—всѣ они тождественны. «Грицко Иващенко показалъ: отецъ мой родной прозывался Савченко, состоялъ козакомъ и находился въ Крымскихъ походахъ, гдѣ и померъ тому лѣтъ 30, а жительство имѣлъ на своей старинной землѣ; а по смерти его, мать моя родная тую землю продала, ибо я еще въ малыхъ лѣтахъ былъ и жилъ у брата своего родного Екима Савченка, который грунтъ себѣ купилъ у козака Яковенка, гдѣ и воспитанъ; и жилъ съ нимъ, съ братомъ, до 763 г.; но, по прибытіи Горошинской сотни сотника Сахновскаго, забрали у насъ худобу и протчое и приказали слушаться и подданническую повинность ему, г. подсудку Лысенку, отбувать; и по тому притѣсненію отбували полтора года, а послѣ того, по имѣющимся нашимъ правамъ, отказались и жили свободно одинъ годъ или болѣе, а потомъ отъ брата своего перешелъ въ оставшуюся пустую хату Якова Кравченка, по отходѣ его въ Польшу, а имъ куплена у козака Семена Киришинки, которую мнѣ атаманъ Никифоръ Головченко показалъ въ 766 г.; а пахатного поля и сѣнокосовъ, какъ купленныхъ такъ и владѣльческихъ, не имѣю; а пропитаніе имѣю—единственно что выработаю въ людяхъ. И того жъ году, прибывъ компанейской писарь Емчевской, но небытности меня въ домѣ, взялъ брата моего въ дворъ г. ген. пис. Туманскаго, посадилъ въ погребъ и содержался одни сутки, а по прибытіи моемъ, его брата выпустили, а меня въ томъ погребѣ содержали до двухъ недѣль, и вынувъ оттоль, кіями били, отъ какова страху принужденъ отдаться въ подданство, которое отправлялъ сего году мая по 9-е число, и въ то время мое званіе переименовали Иващенкомъ. И о вышеписанномъ свидѣтельствуюсь старинными козакомъ Никифоромъ Головкою».

трѣніемъ коллегіи, но еще не рѣшено, а дѣлается къ докладу съ онаго экстрактъ... Были доставлены въ коллегію и выписки изъ ревизскихъ книгъ. Но получивъ эти свѣдѣнія, Румянцовъ 22-го декабря передалъ Беклеровское слѣдствіе въ коллегію—«къ разсмотрѣнію по законамъ». Въ тотъ же день и ищущіе козачества жители Кл-скіе дали въ походную к-рію Румянцева подписку «въ томъ, что по имѣющемуся въ коллегіи доношенію Туманскаго и Лысенка, якобы о починенныхъ ими гвалтахъ дѣлу, они имѣютъ явиться въ коллегію къ 20-му января 1768 г...»

Но въ коллегію Кл-скіе козаки уже не явились. Видимо, что не повѣрили они въ безпристрастное разбирательство своего дѣла тѣмъ учрежденіемъ, въ которомъ игралъ такую вліятельную роль Кл-скій «владѣлецъ» Туманскій, измыслившій судъ Сахновскаго, откуда и начались ихъ бѣдствія.... Затѣмъ, пришла весна 1768 г. и въ Кл-цахъ снова «оказалось неповиновеніе владѣльцамъ», такъ какъ въ маѣ коллегія послала указъ полковнику Кулябкѣ, въ которомъ указывая, что въ Кл-цахъ снова возникло волненіе и неповиновеніе, при чемъ то и другое приписывается («владѣльцами»?) 43-мъ казакамъ и 14-ти «отложившимся» подданнымъ», приказывала узнать зачинщиковъ и предводителей и таковыхъ наказать публично плетьми; если же Кл-цы зачинщиковъ не покажутъ, то всѣхъ по реестру [1]) наказать и взявъ десять важнѣйшихъ, отправить въ Глуховъ на городовую работу, а подданныхъ отдать въ подданство владѣльцамъ». Вслѣдъ за написаніемъ этого указа, Туманскій подалъ (12 мая) въ коллегію новую жалобу въ которой писалъ: «при другихъ многихъ дерзновенныхъ поступкахъ, происшедшихъ отъ жительствующихъ въ с. Кл—цахъ козаковъ, довольно уже извѣстныхъ млр. коллегіи, атаманъ того села съ козаками, взволновавши весь народъ, сталъ, по безстрашію своему, не допускать меня съ соучастниками къ владѣнію полевыми землями, коими тесть мой судія генер. Федоръ Лысенко, а по смерти его — сыны, а также и я владѣли, причемъ заняли всѣ тѣ поля, не оставивъ намъ и малѣйшей части; да при этомъ ни сами земель тѣхъ не обработываютъ, ни подданныхъ моихъ къ нимъ не допускаютъ... А какъ нынѣ отъ млр. коллегіи повелѣно г. полковнику Луб. Кулябкѣ съѣхать въ то село для усмиренія предпомянутыхъ Кл-скихъ козаковъ

[1]) Реестра при дѣлѣ нѣтъ.

и приведенія отложившихся тамошнихъ подданныхъ къ должному послушанію, то при семъ случаѣ млр. коллегіи прошу ему жъ г. полк. Кулябкѣ препоручить, дабы онъ, въ бытность свою въ Кл-цахъ, подтвердилъ атаману съ козаками, чтобы они болѣе мнѣ во владѣніи пахатною и сѣнокосною землями никакого препятствія чинить не дерзали...» Просьбу эту коллегія передала Кулябкѣ.

Засимъ, въ началѣ іюля, Кулябка донесъ коллегіи, что взявъ съ собою 300 козаковъ, онъ отправился въ Кл-цы и потребовалъ повиновенія, но «то мое требованіе они презирая, явились ослушны и окопавсь, позаставлялись возами, землею понасыпанными, до 300 и болѣе, съ кіями, списами и косами на правецъ споряженными...» [1]) Кулябка потребовалъ, чтобы Кл-цы явились къ нему и выслушали бы, покрайней мѣрѣ, указъ коллегіи, но получилъ отвѣтъ, что тѣ не явятся, а предлагаютъ прислать указъ къ нимъ. Указъ былъ посланъ. Прочтя его, «осажденные» отвѣчали, что «указовъ коллегіи, сената и графскаго ордера—слушать не будутъ и себя взять, безъ кровопролитія, не допустятъ». Не зная, чтó дальше дѣлать, К-ка послалъ къ «возмутившимся» священника—для увѣщанія. Послѣдній донесъ, что «возмутившіеся» дали ему такой отвѣтъ: «прійди ты, отче, къ намъ съ евангеліемъ и всѣхъ насъ выисповѣдай! — А мы нынѣ, пришедшихъ къ намъ пушекъ, гранатъ и другой стрѣльбы—не боимось и въ руки ихъ не поддамось, а на своей землѣ желаемъ и умерти! И пусть та скурва старшина, полковникъ и сотникъ Булюбашъ, да въ томъ числѣ и Іосифъ Лысенко, напередъ предъ командою идутъ къ намъ, ибо намъ де того и хочется, такъ какъ додому здоровы уже не имѣютъ пойти,—всмерть побьемо!» [2]). Послѣ этого К—ка приказалъ сотникамъ Булюбашу и Малкевскому—отправиться въ Кл-цы и занять квартирами дворы «возмутившихся» 43-хъ козаковъ и 12-ти крестьянъ. Но сотники не смогли исполнить этого приказанія, какъ видно изъ ихъ «рапорта», въ которомъ писали, что они нашли Кл-цевъ окопавшимися и вооруженныхъ, и что когда стали было они ихъ увѣщевать, но тѣ въ отвѣтъ — «коллегію и всѣхъ ея членовъ такими ругательскими словами бранили, какихъ здѣсь и описывать не смѣемъ...» А когда сотники стали было разставлять для

---

[1]) Т. е. прикрѣпленными къ прямымъ палкамъ, въ видѣ ножей.

[2]) Въ такихъ словахъ отвѣтъ «возмутившихся» записанъ въ «репортѣ» священника Василія Комарецкаго Кулябкѣ.

экзекуціи козачью команду по дворамъ отказавшихся отъ подданничества, то «бунтовщики, выскочивши изъ своего окопа въ числѣ болѣе 200 человѣкъ, напали на нихъ, стали бить козаковъ безъ пощады, ружья и списы поотнимали.... И если бы мы съ командою хотя малый сдѣлали отпоръ, то неминуемо произошло бы смертоубійство и кровопролитіе... Не имѣя же приказанія вступать въ бой, мы оставили Кл-цы». О неудачныхъ своихъ дѣйствіяхъ К-ка донесъ (4 іюля 1768 г.) въ коллегію и просилъ дальнѣйшихъ распоряженій. Къ этому донесенію К-ка нашелъ нужнымъ послать, на другой же день, дополненіе, въ которомъ, какъ бы оправдываясь въ неуспѣхѣ своего порученія, писалъ, что онъ продолжалъ уговаривать Кл-цевъ, но что тѣ ничего не слушаютъ и «содержа при себѣ двѣ куфи горѣлки, выбѣгаютъ изъ своего *городка* съ разнымъ оружіемъ, почему я въ защиту себя и находящейся при мнѣ команды и для устрашенія бунтовщиковъ, нашелъ нужнымъ сыскать двѣ пушки, которыя и содержу при себѣ. Но и того они не уважая, чинятъ похвалки—отбить тѣ пушки и какъ меня съ старшиною, такъ и команду—переколоть и перерубить»... Тутъ же К-ка добавляетъ, что «онъ болѣе способу не находитъ къ усмиренію бунтовщиковъ, и кромѣ развѣ бы гранатами (которыхъ въ Лубенской артиллеріи нѣтъ) выгнать ихъ за городъ и въ ту пору выловить и перевязать...»

Изъ этихъ донесеній Румянцовъ долженъ былъ убѣдиться, что расчитывать на К-ку нечего, почему тогда же распорядился послать въ Кл-цы Лютенскаго сотника съ его командою, приказавъ взять еще и изъ отряда К-ки сто человѣкъ. Объ увольненіи послѣдняго отъ Кл-скаго порученія ничего впрочемъ при этомъ не говорилось. Лютенскій сотникъ прибылъ въ Кл-цы въ томъ же іюлѣ и—только что К-ка отдѣлилъ ему изъ своего отряда сто человѣкъ, какъ вслѣдъ засимъ изъ оставшихся у К-ки козаковъ — 77 человѣкъ «возмутились и не слушаясь приказа, запрягли возы и отъѣхали въ домы свои самовольно»... Донося объ этомъ случаѣ, К-ка прибавляетъ: «и потому я здѣсь быть съ малымъ числомъ козаковъ весьма опасенъ... И хотя я и въ другомъ селѣ нахожусь, отъ Кл-цъ черезъ рѣку (т. е. въ с. Галицкой), но какъ показанные бунтовщики имѣютъ похвалки перебраться лодками и учинить на меня нападеніе, *то мнѣ нечего ожидать больше, какъ безвременной смерти*... Изъ находящихся при мнѣ козаковъ многіе, тайнымъ образомъ, отлучаются отъ команды,

ходятъ къ бунтовщикамъ и съ ними пьянствуютъ»... Послѣ этого трусливаго донесенія, К-ка, повидимому, былъ отпущенъ изъ Кл-цъ. Вернувшись въ Лубны, онъ занялся розысканіемъ самовольно ушедшихъ изъ его отряда козаковъ [1]). Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Лютенскаго сотника въ Кл-цахъ—изъ «дѣла» утрачены, но видно, что какое то «усмиреніе» тамъ послѣдовало, причемъ, Румянцовъ, повидимому, посылалъ въ Кл-цы кого то для увѣщанія «бунтовшиковъ» отъ своего имени. Эта мѣра кажется и имѣла успѣхъ. Покрайней мѣрѣ, въ своемъ ордерѣ, посланномъ въ коллегію, въ сентябрѣ, Румянцовъ извѣщая послѣднюю, что «извѣстные бунтовщики жители с. Кл-цъ, по его увѣщаніямъ, сами отложили теперь свой мятежъ и повинуясь послѣднему его приказанію, имѣютъ явиться въ Глуховъ къ суду», предложилъ коллегіи «дать указъ» генеральному суду, чтобы ихъ судить не только за прежнія преступленія, но и за нынѣшнія явныя возмущенія противъ начальства, что они дерзнули нападать противъ посланной съ полковникомъ Лубенскимъ Кулябкою команды... Ежели же они заразъ бы не явились въ Глуховъ, то призвать ихъ на срокъ указомъ и вышеписанное исполнить. Туда же сыскать и взятыхъ при возмущеніи изъ сихъ жителей посланными на нихъ командами, которые въ полковой Луб. к-ріи содержатся, и отдать ихъ до окончанія дѣла на городовую работу». По этому распоряженію коллегія отослала Клищинское дѣло въ генер. судъ, гдѣ оно и было получено въ концѣ сентября. А вслѣдъ затѣмъ изъ Лубновъ прислано въ Глуховъ—«бунтовщиковъ жителей с. Кл-цъ 9 человѣкъ да двѣ жен-

---

[1]) Бѣжавшіе изъ отряда Кулябки были переловлены осенью того же года и по распоряженію Румянцова были отосланы въ Глуховъ, гдѣ «всѣхъ таковыхъ, совершившихъ важное преступленіе противъ порядка военной службы, до данной о нихъ резолюціи приказано употреблять на городовую работу». По этому распоряженію полковникъ К-ка прислалъ въ Глуховъ 70 человѣкъ бѣглецовъ, которые и употреблялись на городовыя работы. Но затѣмъ, когда оказалось, что въ острогѣ не достало денегъ на кормъ «бѣглецовъ», то въ пол. ноября 1768 г. они были освобождены: «козаковъ полку Лубенскаго, которые по моему приказу содержатся въ Глуховѣ, что они отлучились безъ позволенія изъ команды полк-ка К-ки, — освободить съ подкараулу, вмѣнивъ въ наказаніе употребленіе ихъ къ городовой работѣ; и хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большему истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ униніи (sic!), рождающемусь отъ утраченнаго мужества и всякого военнаго порядка, упущается строгость наказанія ими заслуженнаго»... Такъ писалъ Румянцовъ въ своемъ ордерѣ объ освобожденіи бѣглецовъ.

щины», которыхъ коллегія приказала содержать въ острогѣ, съ прочими колодниками, до окончанія о нихъ въ ґенер. судѣ дѣла, съ употребленіемъ ихъ на ежедневную городовую работу.

На этотъ разъ ґенер. суду нужно было разрѣшить уже уголовное дѣло—о неповиновеніи и сопротивленіи Клищинскихъ жителей властямъ, не касаясь споровъ ихъ съ Туманскимъ за козачество и Кл-скія земли. Повидимому, Кл-цы поняли, что ихъ дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, потому что поспѣшили послать въ Петербургъ своего атамана (Трофима Билима) для подачи жалобы самой императрицѣ. Жалоба была подана, но за ея подачу Билимъ былъ арестованъ и отосланъ въ Глуховъ для суда вмѣстѣ съ другими, а поданная жалоба была отослано въ сенатъ; сенатъ, познакомившись изъ ея содержанія съ Кл-мъ дѣломъ, написалъ въ млр. коллегію (въ мартѣ 1769 г.), чтобы «оная по рѣшеніи дѣла, виновнымъ наказанія не чинила, но прежде въ сенатъ репортовала и когда они (Кл—цы) по дѣлу усмотрятся (сенатомъ) виновными, то за ихъ дерзновенія безъ наказанія не останутся...» Это распоряженіе указываетъ какъ будто на сомнѣніе со стороны сената въ безпристрастіе коллегіи....

Въ концѣ 1769 г. ґенер. судъ рѣшилъ Кл-ское дѣло, причемъ пять козаковъ—главныхъ зачинщиковъ—приговорены были къ смертной казни, а остальные козаки, за неявку ихъ къ суду—«къ выволанью» (т. е. къ изгнанію изъ государства). Рѣшеніе это было пересмотрѣно коллегіей, причемъ послѣдняя смертную казнь замѣнил а «вѣчною ссылкою» къ Нерчинскъ [1]). Затѣмъ, дѣло было отослано въ сенатъ, который только, кажется, отвергнулъ заключеніе коллегіи о гражданскомъ искѣ Туманскаго и Лысенка и отчасти измѣнилъ мѣру тѣлеснаго наказанія козаковъ. Перечисливъ въ своемъ рѣшеніи подробно всѣ преступленія Кл-хъ жителей, козаковъ и крестьянъ [2]),

---

[1]) Рѣшенія ґенер. суда и коллегіи—не сохранились и лишь части ихъ видны изъ рѣшенія сената. Замѣна *выволанья* — перечисленіемъ козаковъ въ «коронные подданные» принадлежитъ тоже, кажется, коллегіи.

[2]) При этомъ сенатъ, между прочимъ, говоритъ, что Кл-цы «дерзнули вооруженною рукою не токмо ополчаться и сопротивляться, но и *пушки отняли...*» Изъ сохранившагося «дѣла» о Клищинскомъ бунтѣ не видно, чтобы фактъ отнятія «бунтовщиками» пушекъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Сколько видно изъ этого «дѣла», пушки были только въ отрядѣ Кулябки, но послѣдній въ своихъ «рапортахъ» объ отнятіи у него пушекъ—не говоритъ... Впрочемъ, мож. быть, свѣдѣніе объ отнятіи пушекъ находилось въ бумагахъ, изъ «дѣла» теперь утраченныхъ.

и согласившись съ заключеніемъ коллегіи о ссылкѣ пяти зачинщиковъ въ Нерчинскъ, сенатъ далѣе говоритъ: «прочихъ же всѣхъ числомъ 120 человѣкъ, кои изъ козаковъ, вступившихъ въ столь дерзостный бунтъ и козачей службы неотправляющихъ, лиша ихъ козачего званія и выключа изъ списковъ козачихъ, яко бунтовщиковъ и недостойныхъ пользоватся козачими вольностями, написать въ мужики и отдать ихъ въ острогъ, въ городовую работу, на два года, а потомъ учиня, вмѣсто шпицрутены, въ томъ же с. Кл-цахъ, публичное имъ наказаніе плетми, причислить къ коронным имѣніямъ, въ равныя съ прочими подати и повинности. А подданныхъ, собою назвавшихся козаками и противящихся въ послушаніи владѣльцамъ своимъ, (написанныхъ въ ревизіи 1764 г., числомъ 185 челов., за владѣльцами ген. пис. Туманскимъ и б. тов. Лысенкомъ), кои изъ нихъ, подъ видомъ иску о козачествѣ, вступили въ бунтъ, въ силѣ сенатскаго указа 1762 г., сентября 2, бить кнутомъ, съ подтвержденіемъ, чтобъ они владѣльцамъ своимъ должную повинность отдавали и впредь отъ нихъ о козачествѣ иску не принимать...» [1]). Тутъ-же сенатъ отмѣнилъ часть рѣшенія коллегіи, которою Туманскому и Лысенку присуждался гражданскій искъ въ суммѣ 5563 р., за невладѣніе землями съ 1765 г., на томъ основаніи, что «такое взысканіе приговорено безъ доказательства, по одному только тѣхъ владѣльцевъ показанію». Рѣшеніе сената было представлено императрицѣ, которая приказала: «учинить по мнѣнію сената». Затѣмъ, рѣшеніе для исполненія было

---

[1]) Въ этомъ рѣшеніи для насъ остаются непонятными цифры осужденныхъ козаковъ (120) и крестьянъ (185), такъ какъ въ Кл-цахъ, повидимому, не могло быть такого количества *домохозяевъ*, а ихъ только, конечно, и разумѣетъ рѣшеніе. По ревизіи 1740 г. въ Кл-цахъ значилось: козаковъ—47 и крестьянъ—54 семействъ, а по вѣдом. 1781 г.—крестьянъ владѣльческихъ 138 хатъ и *коронныхъ* (т. е. бывш. козаковъ)—35 хатъ.—Впрочемъ, въ порученномъ Требинскому спискѣ—козаки значились и *ненаписанные* въ ревизіи, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста даннаго ему ордера: «что же касается до ненаписанныхъ въ ревизіи въ томъ же списку поименованнихъ, кои на поданномъ г. генер. фелдмаршалу.... Румянцову доношеніи *подписались козаками* и заслуживаютъ равное жъ съ протчими наказаніе, объ оныхъ долженъ онъ, Треб., въ сотенним Жовнинскимъ правленіемъ, также и съ ревизіей (*конечно, прежнею*) учинить виправку и кто съ тѣхъ, ненаписаннихъ въ ревизіи, явится бившіе козаками и мужиками, объ онихъ онъ, Треб., поступилъ бы равно такъ, какъ выше сего о козакахъ и мужикахъ предписано». Относительно крестьянъ—остается думать, что число крестьянъ, записанныхъ по ревизіи 1764 г. было значительно больше того числа ихъ, которое значится по ревизіи 1740 г. и по вѣдомости 1781 г.

препровождено въ коллегію, а послѣдняя (6-го іюля) постановила: «къ забратію показанныхъ жителей Кл-скихъ, приговоренныхъ къ вѣчной ссылкѣ и къ сидѣнію чрезъ два года въ острогѣ, а предъ тѣмъ къ учиненію экзекуціи, нарядить бунч. тов. Данила Требинскаго, съ приложеніемъ именнаго объ оныхъ Кл-скихъ жителяхъ, козакахъ и мужикахъ, по ревизіи 1764 г. списка». При этомъ коллегія командировала въ распоряженіе Требинскаго сто козаковъ изъ Ирклѣевской и Каневской сотенъ, «при самихъ сотникахъ», да компанейскаго сотника Ярошкевича съ десятью компанейцами. Съ этою командою Требинскій долженъ былъ ѣхать, по распоряженію коллегіи, въ Кл-цы и прежде всего—«забрать суженныхъ въ ссылку Сергѣя и Афанасія Воронъ, Трофима и Прокопа Билимовъ и Дмитра Режепу и, заковавъ, прислать ихъ въ Глуховъ». А затѣмъ, прочихъ козаковъ, приговоренныхъ къ заключенію въ острогѣ, съ употребленіемъ въ городовую работу, Требичскій долженъ былъ—раздѣлить на двѣ части и, забивъ въ ручныя и ножныя колодки, отправить одну половину въ Полтаву, а другую—въ Лубны, для употребленія въ работы при подчинкѣ тамошнихъ крѣпостей. «Владѣльческимъ же мужикамъ, означеннымъ въ спискѣ, долженъ онъ, Требинскій, тамъ же въ с. К-цахъ, при себѣ, учинить наказаніе кнутомъ, дла чего и заплечнаго мастера при сотнику Ярошкевичу изъ Глухова отправить...». Всѣ эти распоряженія легко было писать, но трудно было ихъ исполнить Въ к. іюля Тр-ій доносилъ въ Глуховъ, что собравъ команду около Ирклѣева, онъ «секретно» послалъ въ Кл-цы нарочныхъ, чтобы тѣ «провѣдали о состояніи оныхъ бунтовщиковъ». Нарочные возвратившись, сообщили, что тѣ бунтовщики въ готовности къ оборонѣ находятся, въ полевую работу никто изъ нихъ, кромѣ женъ, не ходитъ, и содержатъ они «отводные каралуы.» Тѣ же нарочные сообщили, что Кл-скіе бунтовщики, чрезъ своихъ «шпіоновъ», внимательно слѣдятъ за командою Требинскаго и приготовились къ оборонѣ, чтобъ «себе крайне въ руки не допустить живыми....». Эти свѣдѣнія смутили Требинскаго и онъ донесъ въ коллегію, что въ виду малочисленности его команды, едва ли онъ справится съ бунтовщиками. Коллегія отвѣчала, что страхи его преждевременны и приказывала исполнить «все повелѣнное указомъ безотговорочно.» Повинуясь приказу, Требинскій доносилъ въ августѣ, что по прибытіи его въ Кл-цы съ командою, на него напали бунтующіе, вооруженные ружьями, на-

правецъ набитыми косами и другими орудіи, и хотя онъ ихъ отбилъ, но они удалясь въ раньше устроенное укрѣпленіе, бранили его оттуда и стрѣляли въ команду, при чемъ ранили двухъ казаковъ... Однакожъ Тр-ій употребивъ нѣкоторыя хитрости, заставилъ ихъ бросить то укрѣпленіе и занять новое—въ селитренномъ «майданѣ,—гдѣ они обставили себя бочками и возами, насыпанными землею. И какъ примѣчать можно, говоритъ Тр-ій, въ томъ укрѣпленіи бунтующихъ до 200 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей... Въ заключеніе, Тр-ій просилъ—«о прибавленіи команды изъ способнѣйшихъ сотенъ при командирахъ, для взятія бунтовщиковъ...». По этому донесенію коллегія прибавила Требинскому еще 50 козаковъ и повторила приказаніе поскорѣе окончить порученіе.

Пока Тр-ій готовился засимъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Кл-цевъ, послѣдніе рѣшили еще разъ пожаловаться въ Петербургъ и для этого послали туда Афанасія Ворону. Свѣдѣніе объ этой посылкѣ было получено въ коллегіи изъ сената, въ указѣ котораго говорилось, что Ворона подалъ челобитье съ прописаніемъ, что коллегія, по происку владѣльцевъ—генер. пис. Туманскаго и его шурина б. т. Лысенка, несправедливо представила императрицѣ, яко бы о сопротивленіи ихъ, природныхъ козаковъ с. Кл-цъ, при чемъ приговорила къ наказанію 180 челов. кнутомъ, и хотя де къ тому безвинному кровопролитію отъ коллегіи и присланъ былъ «профосъ», однако оные товарищи его себя до того не допустили, положась всѣ твердо въ томъ—хотя до единой души, всѣ за правду умереть, а пока совершенно о томъ, нанесенномъ на нихъ несправедливомъ дѣлѣ, изслѣдованно будетъ, не допустить (присланной команды?); что поэтому Ворона просилъ, чтобы какъ о семъ дѣлѣ, такъ и о природномъ товарищей его козачествѣ и земли той, на которой они сидятъ, чрезъ нарочныхъ изслѣдовать, а до того товарищамъ его никакого наказанія не чинить...». Несомнѣнно, что Кл-цы глубоко были убѣждены въ своей правотѣ и всячески пробовали обратить на свое дѣло вниманіе высшей власти, свободной отъ вліянія мѣстныхъ происковъ. Убѣжденіе въ своей правотѣ поддерживало у Кл-цевъ ту энергію, которую не сразу удалось сломить и энергическому Требинскому. Но сила сдѣлала наконецъ свое дѣло... Въ ноябрѣ Тр-ій прислалъ въ коллегію подробное описаніе своихъ дѣйствій—противъ «осажденныхъ». Получивъ подмогу, Требинскій пошелъ (21 сентября) съ командою въ Кл-цы, къ сели-

тренному «майдану», гдѣ засѣли бунтовщики и какъ только приблизился къ нимъ, то они, «не слушая увѣщаній, начали въ его команду стрѣлять изъ ружей пулями. И какъ то ихъ укрѣпленіе представляло добрый редутъ (ибо окопано было кругомъ рвомъ, вглубь и вширъ по сажени, и высыпано валомъ выше человѣка, почему ихъ и видѣть было трудно), то онъ, Тр-ій, раздѣлилъ свою команду на двѣ части, изъ которыхъ одну послалъ на противоположную сторону ихъ укрѣпленія; бунтовщики попробовали было дѣлать вылазки, но онъ, Тр-ій,— отъ своей стороны,—лично отбивалъ эти вылазки, а съ другой—успѣшно штурмовалъ бунтовщиковъ Ирклѣевскій козакъ Матвѣй Драй, который одного изъ бунтовщиковъ и живымъ поймалъ, при чемъ впрочемъ и бунтовщики одного козака захватили и тутъ же въ смерть замучили, а другого опасно ранили. Но въ это время онъ, Тр-ій, успѣлъ зажечь около «майдана» хату, а потомъ приказалъ туда бросать солому и благодаря вѣтру, огонь отъ загорѣвшейся хаты вытѣснилъ бунтовщиковъ изъ майдана и они бросились бѣжать...» Хотѣлъ было Тр-ій не пустить бѣжавшихъ изъ майдана, но «ватажокъ» ихъ Прокопъ Билимъ, взявъ съ собою человѣкъ десять, напалъ на Тр-аго, чтобы дать возможность своимъ уйти отъ огня, и напалъ такъ «азартно», что бывшіе при немъ, Тр-омъ, козаки, человѣкъ до 30-ти, оставя его самаго, съ старшинами своими, бѣжали, почему Тр-ій принужденъ былъ отъ Кл-цевъ спасаться обороною, при чемъ хотя нѣсколькихъ и ранилъ, въ томъ числѣ и самаго ватажка, но остальные пять человѣкъ изъ нападавшихъ—до тѣхъ поръ не отступали, пока его, Тр-аго съ ногъ не сбили и больно ранили... Козаки же его, Тр-аго, находясь отъ него въ 10-ти сажняхъ, никакой помочи ему не дали... Однакожъ, остальная «команда» овладѣла укрѣпленіемъ бунтовщиковъ и послѣдніе были арестованы. Посчитавъ ихъ, оказалось, что «по списку въ бунтѣ состояло 176 чел., изъ нихъ взято въ укрѣпленіи 53 чел., да оказалось убитыхъ 7 чел., а прочіе всѣ бѣжали». Арестованный при этомъ «ватажокъ» Прокопъ Билимъ показалъ, что Дмитро Режепа уѣхалъ съ Афанасіемъ Вороною въ Петербургъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ...

Получивъ донесеніе Тр-аго, коллегія распорядилась о повсемѣстной поимкѣ бѣглецовъ, поручивъ ему же, Тр-ому, наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія. Но поимка, повидимому, шла неуспѣшно; бѣжавшіе, большею частью, являлись домой сами и преимущественно—крестьяне. Къ пол. 1771 г. отослано было въ Лубны, по наказаніи

плетьми, козаковъ, подлежавшихъ заключенію съ употребленіемъ на работы—32 человѣка да отдано «владѣльцамъ», по наказаніи кнутомъ, болѣе 60-ти крестьянъ. Затѣмъ, Тр-ій долгое время собиралъ справки относительно тѣхъ козаковъ, имена которыхъ не значились въ ревизіи 1764 г. Сколько было отдано владѣльцамъ—ихъ «подданныхъ», въ дѣлѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, а относительно козаковъ Луб. к-рія позже доносила, что ею принято въ «коронное вѣдомство»—31 чел. да бѣжало и умерло—29 чел.

«Возмущеніе бунтовщиковъ» при взятіи ихъ Тр-мъ, родило новое дѣло—«объ учиненномъ ими вновь сопротивленіи б. т. Требинскому». Произведено было слѣдствіе и по рѣшенію коллегіи (15 дек. 1774 г.) новые бунтовщики осуждены были въ трехлѣтнюю ссылку въ Таганрогъ, съ употребленіемъ на общественныя работы. И такъ, какъ сопротивленіе Тр-му было оказано исключительно козаками, то послѣ отбытія срока ссылки, они должны были быть перечислены въ «коронные подданные». Изъ осужденныхъ рѣшеніемъ 1774 г. — на лице оказалось четыре человѣка да поймано было позже три человѣка. Приговоръ коллегіи о ссылкѣ ихъ въ Таганрогъ, вскорѣ затѣмъ, замѣненъ ею же — тюремнымъ заключеніемъ и городскими работами въ Лубнахъ, т. е. «новые бунтовщики» были приговорены къ тому же наказанію, которое было назначено и старымъ.

Засимъ, скажемъ нѣсколько словъ о пяти «главныхъ зачинщикахъ» Кл-скаго «бунта». Они были: Сергѣй и Афанасій Вороны, Дмитро Режепа, Прокопъ и Трофимъ Билимы. Всѣ они дѣйствительно были коноводами въ Кл-скомъ дѣлѣ. Мы видѣли, что на рѣшеніи генер. суда 15 дек. 1765г. росписался одинъ только Сергѣй Ворона, слѣд. онъ только одинъ и рѣшился ближе познакомиться съ судебнымъ дѣломъ, при чемъ познакомившись, смѣло заявилъ свое недовольство. Афанасій Ворона съ Режепою, узнавъ о сущности сенатскаго рѣшенія 1770 г., тогда же, лѣтомъ, отправились въ Петербургъ для послѣдней попытки—обратить на свое дѣло вниманіе высшей власти. Прокопъ Билимъ руководилъ въ качествѣ «ватажка» отпоромъ противъ «команды» Требинскаго и, наконецъ, Трофимъ Билимъ ѣздилъ въ нач. 1769 г., въ Петербургъ, гдѣ поданная имъ просьба императрицѣ, повела къ тому, что Кл-ское дѣло было пересмотрѣно сенатомъ, при чемъ этимъ рѣшеніемъ былъ отвергнутъ громадный для того времени гражданскій искъ Туманскаго и Лысенка... У всѣхъ у пяти «за-

чинщиковъ», повидимому, было достаточно энергіи, но едва ли не наибольшею энергіею отличался Трофимъ Билимъ. Это былъ сынъ того Григорія Билима, который безосновательно былъ арестованъ въ 1767 г., посаженъ въ Лубенскій острогъ и тамъ тогда же умеръ. (См. стр. 177). Послѣ присылки Тр. Б-ма изъ Петербурга въ Глуховъ, онъ отсюда, въ маѣ, 1769 г., бѣжалъ, но былъ скоро пойманъ; въ 1770 г. онъ снова бѣжалъ и снова былъ пойманъ, но при отправленіи его послѣ этой поимки въ Глуховъ, онъ снова бѣжалъ съ дороги. Пойманный въ 1772 г., онъ былъ снова отправленъ въ Глуховъ и снова бѣжалъ.. Дальнѣйшихъ затѣмъ свѣдѣній о Трофимѣ Б-мѣ въ дѣлѣ нѣтъ. Изъ пяти зачинщиковъ наказаніе понесли, повидимому, только двое—*ватажокъ* Прокопъ Билимъ, взятый Тр-мъ въ Кл-цахъ, да Афанасій Ворона, задержанный въ Петербургѣ лѣтомъ 1770 г. и оттуда присланный въ Глуховъ. Остальные трое гдѣ то затерялись...

«Клищинскій бунтъ» представляетъ собою любопытный эпизодъ изъ общественной жизни старой Малороссіи к. XVIII в. Породившія его причины наглядно показываютъ—какъ недостаточно обезпеченъ былъ народъ въ пользованіи насущными своими правами, когда съ послѣдними сталкивались личные интересы даже некрупныхъ лицъ, но умѣлыхъ канцелярскихъ дѣльцовъ. Судъ Сахновскаго былъ измышленъ однимъ изъ такихъ дѣльцовъ; призванные имъ «подсудимые» не вѣрили въ дѣйствительность такого *домашняго* суда; негоднымъ судомъ признало послѣдній и высшее въ краѣ судебное учрежденіе и— тѣмъ не менѣе приговоры Сахновскаго возымѣли свою силу и населеніе цѣлаго села, невѣрившее и тогда въ возможность такого безправія, было разорено и уничтожено... Для насъ въ высшей степени интересна роль, которую въ этомъ дѣлѣ играла Глуховская коллегія. Какъ видно, не смотря на присутствіе въ ней лицъ, которыя, казалось, могли гарантировать населенію правый судъ, въ коллегіи царилъ тотъ канцеляризмъ, при которомъ совсѣмъ трудно было народу добиваться правды.... Ни Румянцовъ, ни *прокуроръ* — не могли защитить народъ, когда дѣло касалось той старшины, которая при Разумовскомъ была вконецъ деморализована произволомъ, царившимъ въ ея общественной дѣятельности. **А. Кз.** 36 дв., 44 х., 47 с. **Кр.** генер. судьи Лысенка 41 дв., 46 х., 54 с. Пдс. Лысенка «въ скупленныхъ хатахъ живучихъ» 7 дв., 7 х. 7 с. Своб. двор. 15. **Б. Кз.** 1 дв., 2 х. **Кр.** «коронныхъ» 26 дв.,

32 х., 3 бд. х. «Владѣльческихъ» (Туманскаго и Лысенковъ?) 94 дв., 120 х., 18 бд. х. Пдс. 2 дв., 2 х., 2 бд. х.

С. Матвѣевка, р. Сула, выше Клищинецъ, поселена въ нач. XVIII в., Лукомскимъ сотникомъ Василіемъ Пиковцемъ и названа Матвѣевкою по имени отца основателя. По наслѣдству, М. перешла къ сыновьямъ Василія, сначала Ивану, а потомъ Степану; отъ Степана М. досталась его дочери Ульянѣ, бывшей замужемъ за Квиткою, а Ульяна продала М-ку, вмѣстѣ съ Лящовкою, въ 1762 г., Василію Родзянкѣ. (См. стр. 110). Нахожденіе въ этомъ селѣ козаковъ и при томъ въ такомъ значительномъ количествѣ, сравнительно съ крестьянами, можетъ родить сомнѣніе въ возникновеніи этого села только въ началѣ XVIII в., но свѣдѣніе это вѣрно [1]), при чемъ наличность козачьяго здѣсь населенія должна быть объяснена особыми условіями при заселеніи М., можетъ быть тѣми же самими, которыя имѣли мѣсто въ Мозолѣевкѣ. (См. ниже). **А. Кз.** 29 дв., 41 х., 51 с. **Кр.** Лук. сотн. Ивана Пиковца 11 дв., 12 х., 14 с. Своб. дв.—11. **Б. Кз.** 71 дв., 134 х., 4 бд. х. **Кр.** б. тов. Василія Родзянки 11 дв., 36 х., 4 бд. х. Пдс. 2 дв., 2 х., 7 бд. х.

С. Липовое, лѣв. бер. Сулы, поселено не позже нач. втор. пол. XVII в. Первоначально Л. находилось у самаго берега Сулы, но побережный песокъ, надвинутый вѣтрами на село, заставилъ послѣднее отодвинуться отъ рѣки. Липовскій козакъ Никита Сёмакъ разсказывалъ въ 1745 г., что *дѣдъ и отецъ* его издревле жили въ Л-мъ, на урочищѣ Сёмаковкѣ; а потомъ, когда за умножившимся тамъ пескомъ, все село стало переселяться на пахатныя нивы, то переселился и онъ.... Л. было свободно до 1710 г., когда Скоропадскимъ было отдано Галагану, въ то время Чигиринскому полковнику; а когда, вслѣдствіе Прутскаго договора, Чигиринскій полкъ уничтожился, то Галаганъ, оставивъ правый берегъ Днѣпра, задумалъ было поселиться въ Л-мъ. Тамошній козакъ Цыбуля разсказывалъ въ томъ-же 1745 г., что «когда Галаганъ съ той стороны пришолъ въ Липовое, то поселился, на первое время, въ дворѣ отца его, Цыбули, а потомъ приказалъ дворъ Цыбули занять себѣ подъ дворецъ (т. е. усадьбу)...». Сначала Галаганъ встрѣтилъ тутъ соперника въ лицѣ полковника Мар-

---

[1]) Извѣстіе о поселеніи Матвѣевки Василіемъ Пиковцемъ встрѣчается неразъ при перечисленіи имѣній Пиковцовъ.

ковича, который задумавъ строить—себѣ гдѣ то около Липоваго—хуторъ, выпросилъ у гетмана присылку его чиновниковъ для отграниченія земель, будто бы принадлежавшихъ къ Горошину и слѣдовательно свободныхъ для занятія подъ поселеніе [1]). Жалуясь на неправильное проведеніе этими чиновниками границы, Галаганъ въ 1721 г. писалъ Скоропадскому: «панове висланніи (Петръ Уманецъ, Семенъ Чуйкевичъ и Парфенъ Пекалицкій) прибувши въ селце Липовое, мою маетность, отъездили тамъ поле робочое поузъ самое село, привертаючи до мѣстечка Горошина оное. А тамъ Липовское поле было здавна по шляхъ, що идеть на Рясную могилу и по нивя Горошинское, що противъ Рясной могилы знайдуется; а болшей тамъ не було жадной границы, кромѣ, якъ вижу теперъ, кгди замислилъ полковникъ Лубенскій—футоръ тамъ подъ селомъ Липовимъ строити, въ томъ почалъ въ полю утискъ тимъ бѣднимъ людемъ чинитися для простору хуторовъ, що если бы могло, якъ панове висланніе разсмотрували, собитися, то вси люде тіе бѣдніе Липовскіе принуждены будуть, любъ нехотя, врознь зъ села Липового розийтися, того ради, же не мѣтимуть на томъ жити, поневажъ тамъ поле и такъ толко въ одну руку знайдуется...» [2]). Письмо это очень интересно, показывая, что Марковичъ облюбовавъ себѣ мѣсто для хутора недалеко отъ села, тѣснитъ послѣднее, не смотря на то, что тутъ же рядомъ, на лѣвомъ берегу Сулы, къ сѣверу отъ Липоваго,—пустовали въ это время огромныя пространства, на которыхъ современемъ возникло нѣсколько селъ. Очень можеть быть, что тутъ были и личные счеты гетманскаго зятя съ Галаганомъ, который часто досаждалъ Скоропадскому своимъ произволомъ. Въ приведеномъ письмѣ Г-нъ защищалъ конечно не «бѣдныхъ людей», а свои интересы. Въ Липовомъ, какъ въ Еремѣевкѣ, Г-нъ, вмѣстѣ съ крестьянами, завладѣлъ частью и козаковъ, обративъ ихъ въ «бояръ» и въ «куренчиковъ». Болѣе 30-ти лѣтъ мирились Липовскіе козаки съ такимъ своимъ похоженіемъ, но когда сотникъ Бутовскій возбудилъ дѣло о Еремѣевскихъ козакахъ (стр. 151), то стали жаловаться и Л-скіе. Такъ, въ 1745 г., они писали: «прадѣды, дѣды и отцы наши, поселясь въ с. Л-мъ, когда оно только что

---

[1]) На этихъ земляхъ Оболонскій впослѣдствіи садилъ свои слободы. См. стр.

[2]) Изъ семейнаго архива Галагановъ въ с. Сокиренцахъ, Прилуцк. уѣзда. Этимъ архивомъ мы пользовались при жизни Г. П. Галагана.

садилось, свободно пользовались затѣмъ нивами, ими же разработанными изъ цѣлинныхъ земель. Потомъ стали къ намъ въ село переселяться козаки и изъ другихъ мѣстъ, покупая грунты у старинныхъ Л-хъ козаковъ, и владѣли тѣми грунтами также свободно до пожалованія Л-ихъ «мужиковъ» во владѣніе Г-ну. И сначала владѣнія Г-номъ тѣми Л-ми мужиками, которыхъ въ то время—и знать было нечего, мы, козаки, ни отъ Г-на, ни отъ его приказчиковъ—не знали никакихъ обидъ; такъ продолжалось до прошлаго 1745 г., а въ семъ 1746 г. Г-нъ, наѣхавъ въ с. Л., сталъ чинить намъ несносныя и нестерпимыя обиды: бьетъ, принуждаетъ «робить панщины», выгоняетъ изъ хатъ, утверждая, что мы живемъ на его землѣ и совсѣмъ хочетъ повернуть насъ себѣ въ подданство.... А нѣкоторые изъ насъ уже и «поподвертались» къ нему въ подданство, со страху, что «весьма бьетъ». Жалоба эта была написана 7 сентября, а 29-го того же мѣсяца Л-іе козаки снова писали, что Г-нъ, узнавъ о первой ихъ жалобѣ, «наслалъ гвалтомъ бояръ и служителей своихъ на домы нѣкоторыхъ изъ насъ, окна, лавы и двери изъ хатъ къ себѣ во дворецъ позабиралъ, нивъ нашихъ собственныхъ на зябль орать не позволяетъ, накошенное нами сѣно забрать приказалъ, рыбы ловить въ нашихъ рыболовляхъ не позволяетъ, хутора наши разоряетъ...» Въ этой жалобѣ Л-іе козаки скрываютъ, что будто бы до 1745 г. Галаганъ ихъ не трогалъ; они боялись обнаружить, что фактически они давно уже стали въ положеніе крестьянъ. Дѣйствительно, по распросамъ высланнаго въ Л. полковникомъ Апостоломъ слѣдователя, оказалось, что многіе изъ Л-хъ козаковъ уже болѣе 30-ти служили у Г-на «боярами», а изъ бояръ естественный былъ переходъ въ крестьяне, чего Г-нъ и требовалъ, опираясь на многолѣтній фактъ... Но бывшіе Л-іе козаки думали было вернуть себѣ козачество, смотря на Еремѣевскихъ сосѣдей, которымъ такая же попытка, при энергической поддержкѣ ихъ сотника, отчасти удалась. **А. Кз.** 25 дв., 40 х., 44 с. Пдс. 2 дв., 2 х., 2 с. «Козаки куренные» Галагана 10 дв., 15 х., 17 с. Пдс. ихъ—1 дв., 1 х., 1 с. **Кр.** Галагана 24 дв., 28 х., 31 с. Своб. дв.—16. **Б. Кз.** 39 дв., 70 х., 12 бд. х. **Кр.** Галагана 72 дв., 112 х.

С. Галицкая, лѣв. бер. Сулы, поселена не позже пол. XVII в.; вмѣстѣ съ Клищинцами отдана была Мазепою Ильѣ Новицкому, а потомъ, въ 1737 г.,—Лысенку, вмѣстѣ съ тѣми же Клищинцами **А. Кз.** 3 дв., 7 х., 7 с. **Кр.** ген. судьи Лысенка 41 дв., 45 х., 48 с. Своб. дв. 9. **Б. Кз.** нѣтъ. **Кр.** б. т. Лысенка и Магденка 75 дв., 114 х.

С. Мозолѣевка, образовалась изъ Чигриндубровскаго выселка во втор. пол. XVII в. Мѣстные старожилы разсказывали въ 1729 г., что «прошлыхъ, давнихъ годовъ Чигр-дубр-ій обыватель Мозуль, осѣвши верстъ за три отъ Чигриндубровы надъ рѣкою, пасѣкою, занялъ тамъ себѣ ставокъ и дубины часть; а дорогого году, тотъ ставокъ и дубину, купивши у него, Мозуля, за 100 золотыхъ, полковникъ Иванъ Рубанъ назвалъ тотъ грунтъ по первому владѣльцу, Мозулю—Мозолевкою и устроилъ на немъ шинокъ и завелъ небольшое хозяйство. Умирая, Рубанъ Мозолевку завѣщалъ своему родичу Саливоненку, отъ котораго этотъ хуторъ по куплѣ перешелъ къ Лукомскому сотнику Василію Пиковцу. А впослѣдствіи, когда часть Чигр-дубр-хъ жителей должна была выселиться, частью отъ весеннихъ Днѣпровскихъ наводненій, а частью «отъ умноженія песковъ», то для новаго поселенія были выбраны пахатныя поля, окружавшія Мозолевку». Это уже было при Скоропадскомъ. Такимъ образомъ Мозолѣевка превратилась въ значительный поселокъ и въ ней появилось козачье населеніе. Пиковецъ видя, что тѣ земли, которыя онъ считалъ своими, стали захватывать чужіе люди, обратился къ гетману, отъ котораго и получилъ универсалъ на Мозолѣевку. По смерти Пиковца, вдова его пошла замужъ за Требинскаго, который выхлопоталъ на Мозолѣевку и царскую грамоту. Имѣя послѣднюю въ рукахъ, Тр-ій сталъ требовать отъ переселившихся въ Мозолѣевку Чигриндубровцевъ—«подданства». Между тѣмъ наводненія и песчаные заносы продолжали выгонять изъ Чигр-дубр-вы ея жителей. Послѣдніе, видя, что переселяясь на собственныя свои поля къ Мозолѣевкѣ, они идутъ въ видимую неволю къ Требинскому, обратились къ Скоропадскому и «просили того позволенія, чтобъ всѣмъ городомъ (Чигриндубровою) туда, къ Мозолевцѣ, перейти и тамъ новый городъ устроить, а женѣ Требинскаго—данныя за тотъ грунтъ первымъ ея мужемъ—деньги отложить (возвратить), ибо иначе,—если она всѣхъ жителей Чигриндубровы подвернетъ себѣ въ подданство, то не только городъ, но и вся сотня и названіе свое стратитъ [1])».—На такое наивное предложеніе—получить обратно заплаченныя Пиковцомъ деньги за хуторъ—Требинскій конечно не согласился, а пользуясь царскою грамотою и расположеніемъ гетмана, старался всѣхъ новыхъ Мозолѣевскихъ по-

[1]) Арх. генер. к-ріи (по Черниг. описи), № 4676.

селенцевъ обращать въ свое «подданство», какъ это видно изъ слѣдующаго распоряженія гетмана Скоропадскаго, обращеннаго къ сотнику Чигр-дубровскому: «Пане сотнику Чигр-дубровскій. Панъ Славуй Требинскій, сотникъ Ирклѣевскій, доносилъ намъ жалосне, же нѣкоторые люде въ слободцѣ Мозулювцѣ, на купленныхъ первымъ жены его мужемъ осаженной, поселившися и отзываючися козаками, не хотятъ его слухати, но подъ сотню до вашмости усиловуются належати; прето, якo вящe то есть, ижъ хто на чиемъ купленомъ грунтѣ живетъ, то до того и належати маетъ, такъ мы засилаючи вашмости, симъ листомъ нашимъ приказуемъ, абы таковыхъ людей, на купленомъ отъ Пиковца грунтѣ мешкаючихъ, до сотни не притягалъ, лечъ оные зоставали бы подъ послушаниемъ его, п. сотника Ирклѣевского; а ежели хто козакъ и козаковати схочетъ, то уступивши съ купленого тамошнего грунту, повиненъ иншего себѣ искати помѣста» [1]). Однакожъ это распоряженіе не имѣло тѣхъ послѣдствій, на которыя, повидимому, разсчитывалъ Требинскій, такъ какъ переселившіеся въ Мозолѣевку козаки продолжали владѣть землями и оставаться козаками. Повидимому, распоряженіе Скоропадскаго было парализованно распоряженіями Андрея Марковича, во время его полковничества. Такъ можно думать, судя по прошенію Ивана Пиковца, поданному въ 1749 г. въ генер. к-рію и объясняющему дальнѣйшую исторію Мозолѣевки: «Имѣю я во владѣніи своемъ слободку Мозолювку, на купленныхъ грунтахъ умершимъ отцемъ моимъ сотникомъ Лукомскимъ Вас. Пиковцомъ поселенную, которая со всѣми принадлежащими къ оней угодіами высочайшою грамотою и гетманскими универсалами утверждена; въ прошедшихъ же годѣхъ, во время малолѣтства моего, *а наче во время гоненія на домъ нашъ* бывшого Лубенского полковника Андрея Марковича, (которій и оную слободку, за высочайшою уже жалованною грамотою, дерзнулъ былъ, въ бытность отчима моего Славуя Требинского въ Персидскомъ походѣ, отнять насилно, но отъ Малорос. бившой коллегіи паки оная слободка во владѣніе отдана), козаки Чигр-дубр-ие и протчихъ селъ жители начали при оной слободки поле пахать и цѣлинное розроблять, а послѣ и хуторѣ, многимъ числомъ, вкругъ поселили, между самимъ пахатнимъ полемъ, и съ тѣхъ хуторовъ скотомъ немалие въ хлѣбѣ дѣлаютъ шкоди и

[1]) Изъ Глухова, 1720 г., 7 сентября. Арх. генер. к-ріи, № 8768.

крайное въ полѣ утѣсненіе; зачимъ подданніе мои въ такомъ утѣсненіе будучи, *принуждены были поступить далѣе въ свободній степъ* и тамо на хлѣбъ орать, и отъ того крайній послѣдовалъ непорядокъ,—что Чигр-дубровци и протчіе селяне содержать и нынѣ упорно нивя свои подъ слободкою моею, а мои подданніе—принуждени содержать подъ другими селами, въ свободномъ степу»... Поэтому Пиковецъ просилъ — «учинить къ означенной слободки надлежащое, какъ въ пахатномъ полѣ, такъ и въ сѣнокосахъ, въ Днѣпровскихъ плавляхъ, отмежованіе». Изъ этого прошенія видимъ, что около Мозолѣевки много пахатныхъ земель было занято *козаками*, которыхъ въ это время было въ этомъ селѣ около 70-ти дворовъ, и Пиковецъ никакъ не могъ помириться съ мыслью, что его «подданные» для заимки новыхъ полей должны подвигаться въ *свободную степь*, вмѣсто того, чтобы отбирать ближайшія къ селу нивы отъ козаковъ... Какое «отмежеваніе» думалъ произвести Пиковецъ въ Мозолѣевскихъ земляхъ — понять трудно, такъ какъ не полагалъ же онъ, вѣроятно, возможнымъ выдѣлить козачьи земли изъ своихъ, т. е. уничтожить черезполосицу.—Къ к. XVIII в. Мозолѣевка почему то перешла къ Требинскимъ [1]). **А. Кз.** 43 дв., 69 х., 74 с. **Кр.** сотника Лук. Ивана Пиковца 43 дв., 54 х., 60 с. Своб. дв. 15. **Б. Кз.** 50 дв., 77 х. **Кр.** Требинскихъ 20 дв , 26 х. Пдс. 10. бд. х.

С. Шушваловка, «сага» Лебеховка, образовалась изъ Чигриндубровскихъ выселковъ, занявшихъ на ложбинѣ, носившей названіе «саги» Лебеховки (теперь уроч. *Рудка*)—значительное пространство земель, лежавшихъ тогда впустѣ. Селились тутъ преимущественно козаки, но были и крестьяне. Въ нач. XVIII в. началъ занимать тутъ земли и сотникъ Ив. Булюбашъ и сталъ садить на нихъ своихъ подсосѣдковъ. Незначительное количество здѣшняго крестьянскаго поселенія отдано было въ 30-хъ годахъ на «рангъ» Гадяцкому полковнику Галецкому,

[1]) Интересно, что по прошенію Пиковца генер. к-рія однакожъ послала Дубенскому полковнику указъ — «дабы онъ, опредѣля кого пристойно, велѣлъ его, Пиковца, земли въ грунтами прочихъ помежниковъ, *отъ которыхъ никакова не будетъ въ томъ спору*, отмежеваніе учинить»... Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Иванъ Пиковецъ въ это время былъ писаремъ (т. е. секретаремъ) генеральнаго суда, значитъ лицомъ влиятельнымъ; можетъ быть, только поэтому генер. к-рія и написала приведенный «указъ», котораго исполнить, повидимому, нельзя было. «Дѣло» по прошенію Пиковца указомъ генер. к-ріи и закончилось, такъ какъ никакихъ бумагъ полк. Луб. к-ріи объ исполненіи указа въ немъ нѣтъ.

отъ котораго потомъ перешло въ ранговое же владѣніе генер. бунчучн. Якова Тарновскаго. **А.** **Кз.** 28 дв, 36 х., 46 с. **Кр.** Гадяцк. полковн. Галецкаго (ранговыхъ) 7 дв., 7 х., 8 с. Пдс., его же Галецкаго, 2 дв., 2 х., 2 с. Пдс. Булюбаша 12 дв., 12 х., 12 с. Своб. дв.—13. **Б.** **Кз.** 73 дв., 107 х., 8 бд. х. **Кр.** (коронныхъ?) 6 дв., 8 х. Пдс. разн. влад. 21 дв., 34 х., 25 бд. х.

Поселеніе Шушваловки было началомъ возникновенія по Лебеховкѣ и сосѣднимъ ложбинамъ—значительнаго числа хуторовъ, изъ которыхъ многіе превратились затѣмъ въ слободы и села. Заселеніе этихъ мѣстъ производилось главнымъ образомъ сотниками Булюбашами и Бутовскими, при чемъ они сначала пріобрѣтали незначительные участки, садили на нихъ крестьянъ, а затѣмъ уже присоединяли къ устроеннымъ хуторамъ сосѣднія земли, которыя только номинально считались принадлежащими тому или другому ближайшему поселенію.

С. Лебеховка, «сага» Лебеховка, поселена сотникомъ Ив. Булюбашемъ въ нач. XVIII в., на земляхъ, скупленныхъ у окрестныхъ, преимущественно Чигриндубровскихъ, жителей. По имѣющимся у насъ купчимъ Б-ша видно, что эта скупля продолжалась во все время его сотничества, а сотничество Б-ша продолжалось болѣе 30-ти лѣтъ [1]) **А.** **Кз.** нѣтъ. **Кр.** «посполитіе на купленнихъ сотникомъ Ив.

[1]) Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ купчихъ. 1) 1709 г. Овсѣй Стачій продалъ «дубину, стоячую въ Лебековцѣ, которая уже между покупкою п. сотника Чигр-дубр. Ив. Булюбаша знайдуется. .... ему Ив. Булюбашу ... за 4 рублѣ». 2) 1714 г., «Товариство Чигр-дубр., именно Василь Невинний, дякъ, Іванъ Бѣлашъ, Стефанъ Магда .... и много на той часъ згодившогося чинимъ вѣдомо ... ижъ въ любвѣ нашей, якъ первей былъ сотникомъ его мл. п. Вулюбашъ у насъ, полецили ему въ Лебековцѣ дубину Сергѣенковскую и Войтовскую, теди и теперъ тое же потверждаючи, полецаемъ тую помянутую дубину его мл. п. Ив. Вулюбашу, сотниковѣ нашому Чигр-дубр., а онъ, п. сотникъ, за той ґрунтикъ отъ насъ вмѣсто купленимъ способомъ пріймуетъ, поневажъ на церкви божіи, на милост. Спаса и на вликмуч. Георгія—по таляру отдалъ...» 3) 1729 г. «Михайло Пустовуйтъ, житель Веремѣевскій продалъ ... Ив Вулюбашу, сотниковѣ Чигр дубр. ... дубину въ Лебеховцѣ съ полями, которіе подпималъ я цѣлиною, а именно: отъ шляху Жовнинского на Лебедеву могилу идучого, долиною на Рокитнее озеро, на облоги, лежачіе узбоччю отъ пурѣ (?) горою и долиною на ругъ Свѣтайловой могилы .... за тое поле принялъ я денегъ два рублѣ и шкапу» .. 4) 1730 г «Значк. тов. полку Луб., сотнѣ Чигр дубр., державца села Гусиного» Семенъ Кириловичъ «свою дубину, стоячую отъ Шушваловки къ дубинкамъ Лебековскимъ, п. Ив. Булюбашу, сотн. Чигр-дубр., продалъ за копъ осмъ»... 5) 1736 г. «Старинній обиватель Чигр-дубр. Кирило Протасъ .... поле свое власное ...

Булюбашевъ грунтахъ живучіе»—33 дв., 35 х., 39 с. Своб. дв.—11. Б. Кр. Булюбаша 41 дв., 51 х., 9 бд. х.

О поселеніи другихъ хуторовъ и слободъ около Шушваловки, козаки Чигриндубровскіе и Шушваловскіе, претендовавшіе на эти земли, въ 1767 г., при составленіи генеральной описи, расказывали слѣдующее: «абшитованный судья полковой Демьянъ Ивановичъ Булюбашъ—прадѣдовскими, дѣдовскими и отческими общими нашими козачьими грунтами завладѣлъ и съ оныхъ витискъ, чрезъ единыя грабительства и побои, чинитъ, а самъ неналежно корыстуется, а именно: отъ рѣчки Полной—всѣми кутами по Лебеховку и къ тѣмъ кутамъ пахотною землею, по Мамичивъ бродъ да по Хилькову гребельку, въ длину верстъ 4, а въ ширину верстъ 3, по Михнову могилу, тако жъ по могилу Мандриделину, подъ самое село Шушваловку, а отъ Свѣтайловой могилы до Стовбовахи, а отъ Стовбовахи по Лебедишину могилу, въ длину 6, а въ ширину 4 версты, помежно съ козаками Жовнинскими, и на той нашей козачьей землѣ построилъ слободки: Стовбоваху, Крынки и Марченкову, надъ Мамичевымъ бродомъ и сагою, называемою Лебеховкою, на которой только для переѣзда зъ хутора отецъ его Булюбаша, Иванъ Булюбашъ, на вольныхъ козачьихъ берегахъ гребелку устроилъ, а потомъ и мелницу; а во времени, при той же гребелки и слободку въ будущое время населилъ, и въ той сазѣ Лебеховки намъ—для огрѣваня домовъ нашихъ—очерету косить возбраняетъ и къ водопойлу скота до воды наповать не допускаетъ; а за укошеня очерету, скотъ забираетъ, а протчихъ бьетъ и немалой искупъ чорними смушками беретъ, а въ кого оныхъ нѣтъ, то обовязуетъ копенъ по 25, отъ едной, хаты ему, Булюбашу, безденежно сѣна скосить и въ тѣ поры свободно велитъ очеретъ косить; да въ той же сазѣ, какъ издревле было волно, рыбу ловить не допускаетъ....» Такимъ образомъ около Шушваловки, возникло нѣсколько слободъ и хуторовъ. Здѣсь отмѣчаемъ наиболѣе крупныя изъ нихъ.

именно кутъ, зачавши отъ гребелки Бугаевой по Малкувскіе облоги да облоги съ подметомъ, якъ Стецкіи Бугайки на зворотахъ загороди на томъ же облозѣ въ другихъ зворотахъ, въ концѣ колодезь Хилковскій да облоговъ два и къ Жовнинскому полю якъ Стасовская могилка, по надъ великимъ лиманцемъ . . . уступилемъ его мл. п. Ив Булюб., сотникові Чигр-дубр. за десять золотихъ»..

С. Столбоваха, уроч. Мамичевъ Бродъ, поселена въ перв. пол. XVIII в. Иваномъ Булюбашемъ и сыномъ его Демьяномъ на землѣ, которую Шушваловскіе козаки называли своею, но которая передъ тѣмъ пустовала. **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Пдс. Ив. Булюбаша 10 дв., 13 х., 13 с. **Б. Кз.** нѣтъ. **Кр.** Булюбаша 15 дв., 26 х.

Сл. Слюзовка, (иначе **Крынки**), уроч. Крынки, поселена Ив. Булюбашемъ на мѣстѣ козачьяго хутора, который Булюбашъ, будучи сотниковъ, «отобралъ у козачки Татьяны Брусихи за нѣкое прегрѣшеніе». Несомнѣнно, что прегрѣшеніе заключалось въ «блудодѣяніи», которымъ мелкая старшина очень пользовалась и извлекала изъ него хорошія выгоды. Отнятый у Брусихи хуторъ Булюбашъ подарилъ своему зятю Семену Слюзу, причемъ къ этому хутору было присоединено, какъ жаловались Шушваловскіе козаки, земли въ длину на пять, а въ ширину—на четыре версты». **А. Кз.** нѣтъ. **Кр.** полков. Луб. есаула Семена Слюза 12 дв., 12 х., 12 с. **Б.** непоказана.

Сл. Крынки, уроч. Крынки, поселены Демьяномъ Булюбашемъ, причемъ по ревизіи 1740 г. она еще не значится. **Б. Кр.** судьи полк. Булюбаша 8 дв., 21 х.

Сл. Святиловка значится по вѣдомости 1781 г., съ козачьимъ населеніемъ: 104 дв., 165 х., 37 бд. х. и пдс.—59 бд. х.

Д. Кривая Руда, уроч. тогоже имени, возникла изъ хутора, устроеннаго въ к. XVIII в. охочекомонным полковникомъ Рубаномъ (см. стр 195), который постригшись въ монахи, передалъ этотъ хуторъ сестрѣ своей Евдокіи «Тюпчихѣ», а Тюпчиха, умирая въ 1714 г., завѣщала хуторъ «Лялинскому монастырю», какъ сказано въ завѣщаніи. [1]) Лялинскаго м-ря не было, но такъ какъ Лялинцы принад-

---

[1]) Завѣщаніе это приводимъ здѣсь полностью. «Я раба Божія Евдокія Саливоновна Михайлиха, жителка Чигриндубровская, будучи отъ Бога тяжкою хоробою взята, а видячи себе ближше ко смерти, нежели ко животу, душу мою вручаю въ руцѣ Богу, а тѣло мое грѣшное по закону христіанскому землѣ отдано мѣетъ бути, отъ нея же взято бысть. Чиню вѣдомо симъ моимъ остатной волѣ тестаментомъ, иже за душу легкую преосвященному архіерею Переяславскому, а монастырю Лялинскому, футоръ на Кривой Рудѣ и до него въ луками належачими и на Воинскомъ мѣсце футорное, зо всемъ нивемъ, а се якъ за мою душу, такъ и за небожчика Іосифа Рубана, блаженной памяти полковника бившого охочокомонного, понеже онимъ небожчикомъ сие вижемененніе грунта и набитие. Для лучшого теди увѣренія, легуючи сие грунта вижепомянутому монастырю варуючи тое, абы дѣти мои, близкіе и далекіе кревние не важились у оніе мененніе грунта интересу имѣти, понеже у вѣчность легую, въ доброй волѣ моей и при бытности рожоной дочери моей Оринѣ Ми-

лежали Переяславскому м-рю и въ селѣ этомъ жилъ особій «городничій»-монахъ, то Ялинская церковь и слыла въ народѣ—монастыремъ.—Получивъ Кривую Руду въ 1714 г., Переяславскіе монахи, желая распространить хуторскія поля, стали захватывать окрестныя земли, называя ихъ Криворудскими. Чигриндубровскіе и Шушваловскіе козаки стали спорить съ монахами; возникъ судебный процессъ, для веденія котораго козаки выбрали повѣренными своихъ козаковъ Дмитрія Салогуба и Якова Самуся. Повѣренные предпочли кончить дѣло миромъ и въ 1747 г. согласились отдать монахамъ часть Криворудской степи, а монахи, въ свою очередь, признали за истцами право на тѣ козачьи хутора, которые были поселены до спора—по ложбинѣ Кривой Руды. Значительнѣйшими хуторами въ это время здѣсь были. Торяники и Самусевка. Послѣдій хуторъ былъ заведенъ матерью Якова Самуся. Подписавши мировую, Чигриндубровскіе Шушваловскіе козаки впослѣдствіи разсказывали, что отъ такого окончанія дѣла выиграли только Салогубъ и Самусь, изъ которыхъ первый захватилъ прилегавшую къ Торяникамъ полосу земли длиною въ четыре, а шириною въ полторы версты, и сталъ селить тутъ слободу, сохранившую названіе Торяниковъ. Самусь къ хутору матери прихватилъ земли еще больше: круглый участокъ—длиною и шириною по 3 версты. И здѣсь изъ хутора выросла слобода Самусевка.—Монахи, съ своей стороны, изъ хутора образовали большую слободу съ именемъ Кривой Руды, которая сохраняя память о монашескомъ владѣніи, называется и Чернетчиною. Населеніе въ Кривой Рудѣ и Самусевкѣ по ревизіи 1740 г. показано слѣдующее: въ *Кривой Рудѣ*, пдс. Переясловскаго м-ря, 6 дв., 6 х., 6 с. и своб. дв. 5 и въ *Самусевкѣ*, пдс. значк. тов. Якова Самуся, 8 дв., 8 х., 8 с. и своб. дв. 4.—*Торяники* по ревизіи 1740г. не значатся.—По вѣдомости 1781 г. *Кривая Руда* значится уже селомъ, а въ немъ—только крестьяне Переяславск. м-ря—

хайловнѣ Зарудной. А при семъ данномъ тестаментѣ были люди, устне упрошенные въ домѣ панѣ Евдокіи задле подпису именъ. Именно: честного господина отца Марка Ѳѣнкевича, пресвитеру Чигриндубровскому Святоспаскому, и Павлу Торянику и Васку Шушвалу, и многихъ згодившихся на той часъ. Дѣялось въ Чигриндубровѣ, року 1714, ноемврія 25 дня. И повторе потвержаючи, варую симъ тестаментомъ, ежели бы зъ дѣтей моихъ албо кревнихъ, близкихъ и далекихъ, хто бы мѣлъ касовати сей тестаментъ, таковій проклятъ да буде, анафема, и съ 318 отецъ, иже во Никеи. Калениикъ Дубовикъ, писаръ Чигриндубровскій рукою». (*Изъ Румянц. Описи*).

100 дв., 102 х. и 16 бд. х. [1]) *Торяники* значатся слободою, въ ней: кз. 10 дв., 16 х. и пдс. 24 дв., 33 х. и 20 бд. х. Въ слободѣ *Самусевкѣ* только подсосѣдки, безъ показанія чьи,—22 дв, 34 х. и 26 бд. х. Южнѣе Кривой Руды и Торяниковъ—находится ложбина, изстари носившая названіе *Кагамлыка*. Это урочище привлекло къ себѣ населеніе, повидимому, уже съ к. XVII в., какъ видно изъ слѣдующаго «листа» полковника Савича: «Вамъ, панамъ старшинѣ городовой Чигириндубровской, при узичеию доброго здоровья, ознаймуемъ, якъ яко за бувшого полковника (Зеленскаго) поддегліе зоставили *поселяне Кагамлычане* п. Ивану Булюбашу, бувшому сотнику вашему, и теперъ мы, респектуючи на заслуги п. Б-ша, вимст. приказуемъ, абысте тихъ поселянъ до города въ жадныхъ дѣлехъ не чепали, варуемъ! А тому *села Кагамлыка* войту, зо всѣми посполитими тамошними жителми, грозимъ и приказуемъ, жебы п. Б-шу по прежней обыклости, а барзѣй разоренному дому [2]), о чемъ прислушатимеггъ потреба, всякое послушенство отдавали, такъ мѣти хочемъ». (22 іюля, 1709 г.) Указываемое здѣсь село Кагамлыкъ было общимъ названіемъ трехъ хуторовъ, которые поселилъ здѣсь, повидимому, тотъ же Ив. Булюбашъ и на которые выпросилъ онъ «листъ» у полковника Зеленскаго въ 1707 г., что видно изъ послѣдующей исторіи Кагамлыка, когда послѣдній перешелъ было отъ Булюбаша къ его преемнику по уряду.—Бутовскій выпросилъ себѣ Кагамлыкъ въ 1738 г., въ Петербургѣ (въ иностранной коллегіи?), съ помощью предстательства фельдмаршала Ласси, на томъ основаніи, что это поселеніе принадлежало на рангъ Чигриндубровскихъ сотниковъ. На это распоряженіе Булюбашъ пожаловался въ сенатъ, по распоряженію котораго сдѣлано было разслѣдованіе, при чемъ оказалось, что еще въ 1707 г. отданы были Булюбашу полковникомъ Зеленскимъ—три хутора, называемые *Горбы*, *Сидоры* и *Гринки* и что въ этихъ хуторахъ, и на прикупленныхъ къ нимъ земляхъ, Б-шъ поселилъ вольныхъ людей и тѣ хутора назвалъ селомъ Кагамлыкомъ. Сенатъ рѣшилъ, что Кагамлыкъ отданъ Бутовскому неправильно и въ 1742 г. возвратилъ его Б—шу. Съ увеличеніемъ населенія въ Кагамлыцкихъ хуторахъ, послѣдніе

---

[1]) По вѣдом. 1781 г. значится еще и *слобода Кривorудская*, принадлежавшая Галагану, а въ ней—19 бд. х.

[2]) Указываемое разореніе вѣроятно имѣло связь съ нашествіемъ шведовъ.

обратились въ значительныя поселенія, въ которыхъ наряду съ крестьянами явились и козаки, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ Кагамлыцкихъ хуторахъ были земли и непринадлежавшія Булюбашу. Населеніе въ нихъ указано слѣдующее:

Д. Горбы, А. Кз. 13 дв., 18 дв., 21 х. Кр. сотника Бутовскаго 24 дв., 27 х., 35 с. Б. Кз. 30 дв., 79 х. Кр. Булюбаша 24 дв. 60 х.

Д. Сидоры А. Кз. 6 дв., 9 х. 11 с. Кр. сотника Бутовскаго 13 дв., 16 х., 14 с. Б. Кз. 23 дв., 46 х. Кр. Булюбаша 8 дв., 29 х.

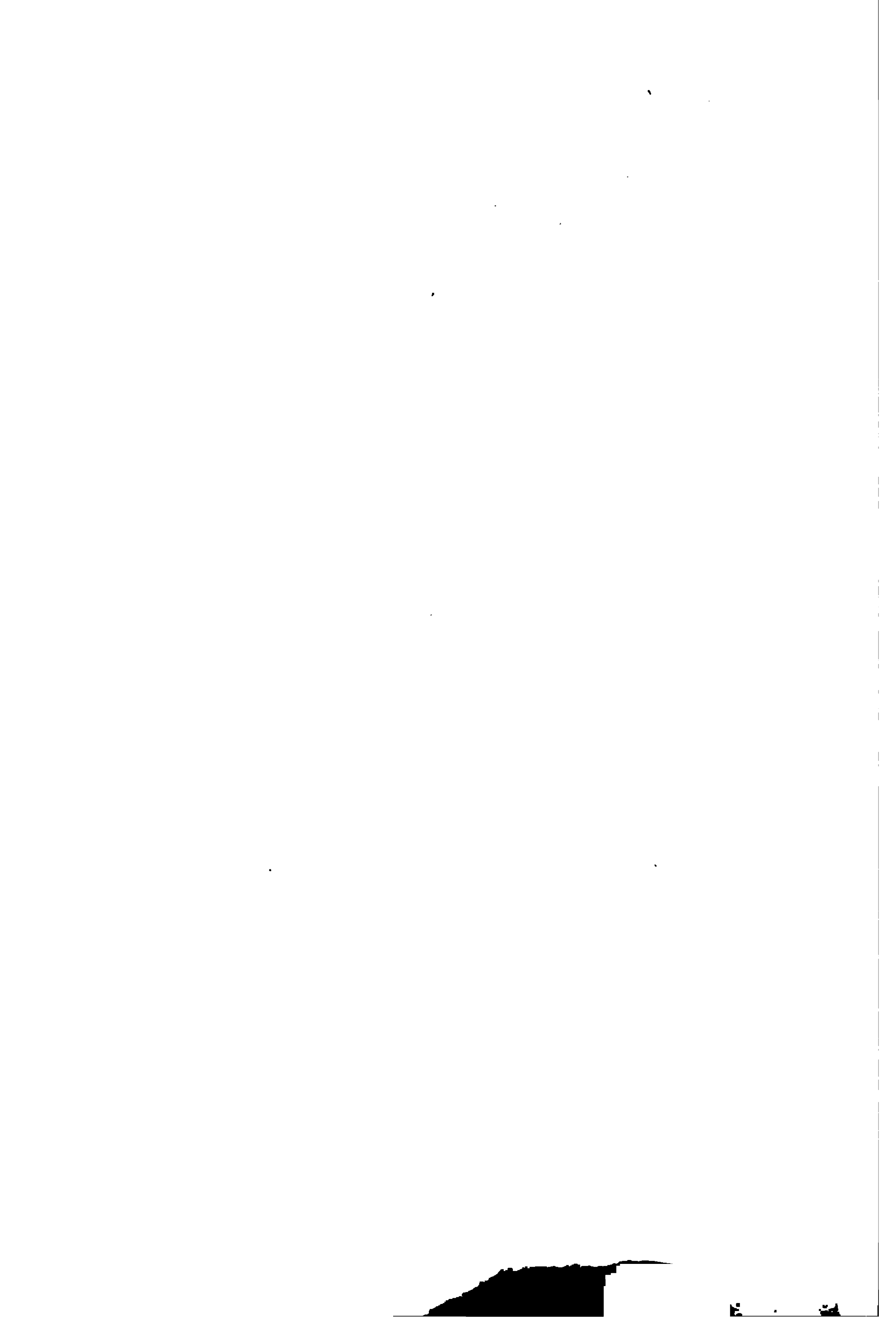
Д. Гринки. А. Кз. 10 дв., 16 х., 19 с. Кр. сотн. Бутовскаго 13 дв., 16 х., 17 с. Б. Кз. 31 дв., 48 х. Кр. Булюбаша 32 дв., 41 х., 12 бд. х. Пдс. 2 бд. х.

Кромѣ перечисленныхъ поселеній, по вѣдомости 1781 г. въ Чигриндубровской сотнѣ показаны еще д. Митлашевка и с. Великій Узвозъ (иначе Пронозовка). Первая находится около с. Гусинаго и въ ней значатся (1781 г.) только крестьяне Пуст.-Никол. м-ря, (13 дв.. 13 х. и 6 бд. х.), изъ чего слѣдуетъ заключить, что Митлашевка и поселена этимъ монастыремъ.—Великій Узвозъ, недалеко отъ Мозолѣевки и при той же ложбинѣ, поселенъ Чигр.-дубровскими козаками во втор. пол. XVIII в., при чемъ Александръ Бутовскій посадилъ здѣсь и своихъ подсосѣдковъ. По описи 1781 г. здѣсь Кз. 41 дв., 98 х. Пдс. (Бутовскаго?) 14 дв., 24 х. и 20 бд. х.

Хуторовъ въ сотняхъ *Чигриндубровской* и *Жовнинской*, по вѣдомости 1781 г., значится всѣхъ—120, а въ нихъ: 6 дв. съ 20 х. и 484 бд. х. Отдѣльно: въ Чигр.-дубр. сотнѣ—69 хуторовъ, въ нихъ 3 дв., 12 х. и 391 бд. х. и въ Жовнинской [1]) 41 хуторъ, въ нихъ 3 дв., 8 х. и 93 бд. х.

---

[1]) По вѣдомости 1781 г. Жовнинскую сотню составляли слѣдующія поселенія: Жовнинъ, Гусиное, Ляликцы, Клищинцы, Матвѣевка, Липовое, Галицкая, Святиловка, Кривая Руда, Гринки, Горбы, Сидоры, Крынки, Столбоваха и Лебеховка.



Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка (1729—1731 гг.).

«Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ», составленное въ Малороссіи при гетманѣ Даніилѣ Апостолѣ и являющееся, по массѣ и точности своихъ свѣдѣній, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи малорусскаго землевладѣнія въ періодъ времени, охватываемый 1654—1730 гг., въ значительной своей части явилось уже въ печати. До сихъ поръ именно были уже изданы генеральныя слѣдствія по полкамъ Черниговскому, Кіевскому, Гадяцкому и Переяславскому. Поэтому, предлагая на страницы «Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца» такое же слѣдствіе по Прилуцкому полку, мы не видимъ нужды оправдывать появленіе даннаго памятника въ печати соображеніями о степени его значенія, какъ источника, которая и безъ того уже могла быть оцѣнена по достоинству спеціалистами-историками. Предъидущими издателями были уже выяснены какъ общее значеніе «генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ», такъ и поводъ его возникновенія, и порядокъ составленія; произведена была ими въ общихъ чертахъ и оцѣнка показаній даннаго памятника въ разныхъ его частяхъ; по нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ имѣлъ случай высказаться раньше и пишущій эти строки [1]).

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. Черниговъ. 1892. Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, Кіевъ. 1893 и Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка. Полтава. 1893. В. Мякотинъ. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка. Харьковскій Сборникъ Историко-филологическаго Общества, 1895, и отдѣльно, Харьковъ 1896. См. также мои рецензіи на первыя три изданія, К. Старина, 1893, № 8 и 1894, № 4.

Не останавливаясь уже на этихъ вопросахъ и не повторяя сказаннаго ранѣе въ другомъ мѣстѣ, мы постараемся здѣсь только отмѣтить важнѣйшія отличія издаваемаго теперь памятника отъ другихъ, ему подобныхъ. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ полномъ своемъ видѣ состояло изъ трехъ частей: 1) извлеченія изъ произведенной въ 1726 г. великорусскими офицерами ревизіи имѣній и помѣщавшихся параллельно съ этимъ извлеченіемъ свѣдѣній, собранныхъ по порученію гетмана въ 1729—30 гг. полковой старшиной, 2) приговора, постановленнаго относительно зачисленія маетностей въ тотъ или другой разрядъ генеральной и полковой старшиной въ 1731 г. и 3) копій съ представленныхъ державцами документовъ на право владѣнія имѣніями. Въ такомъ видѣ книги генеральнаго слѣдствія хранились въ генеральной войсковой канцеляріи, изъ архива которой онѣ и дошли до насъ. Но книга слѣдствія по Прилуцкому полку была затеряна въ этомъ архивѣ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія и на мѣсто ея была вытребована въ 1758 г. копія со списка слѣдствія, хранившагося въ полковомъ Прилуцкомъ архивѣ [1]). Весьма возможно, что именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется неполнота Прилуцкаго слѣдствія, отъ котораго сохранилась только одна первая часть: въ полковомъ архивѣ могли и не храниться вторая и третья части, одна, какъ составлявшаяся не въ полку, другая, какъ слишкомъ громоздкая и не особенно нужная для полковой канцеляріи. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ отъ Прилуцкаго слѣдствія только первую часть, раздѣленную обычнымъ порядкомъ на двѣ графы, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія офицерской ревизіи 1726 г., вторая—свѣдѣнія, собранныя полковой старшиной въ 1729—30 гг. Въ нашемъ изданіи первая графа печатается болѣе крупнымъ, вторая — болѣе мелкимъ шрифтомъ. Отмѣтимъ кстати, что всѣ заголовки (о родѣ имѣній и мѣстности, въ которой они находятся) принадлежатъ первой графѣ; исключеніе составляютъ только два первые (общіе) заголовка, отмѣченные въ нашемъ изданіи цифрами, соотвѣтствующими тѣмъ графамъ, въ которыхъ они помѣщены въ подлинникѣ. Взаимное отношеніе свѣдѣній этихъ графъ въ Прилуцкомъ слѣдствіи такое же, какъ и въ слѣдствіяхъ другихъ полковъ. Великорусскіе офицеры, составлявшіе ревизію 1726 г., благодаря своему незнакомству съ

[1]) См. ниже, документъ № I.

мѣстными условіями землевладѣнія, надѣлали немало ошибокъ, исправлять и распутывать которыя пришлось три года спустя полковой старшинѣ путемъ опроса старожиловъ и справки съ документами. Въ виду этого данныя первой графы въ большинствѣ не имѣютъ никакого серьезнаго значенія, и если мы удерживаемъ тѣмъ не менѣе эту графу въ нашемъ изданіи, то потому, что не всѣ вѣрныя ея данныя перенесены во вторую графу, и для того еще, чтобы наглядно представить несостоятельность большей части заключающихся въ ней свѣдѣній. Прилуцкая старшина не ограничилась исправленіемъ частныхъ ошибокъ офицеровъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, но и сдѣлала гетману одно очень важное указаніе на общую невѣрность, допущенную ими, въ видѣ смѣшенія ратушныхъ маетностей съ свободными войсковыми,—указаніе, позволяющее точнѣе выяснить характеръ послѣднихъ имѣній, чѣмъ это сдѣлано было до сихъ поръ въ литературѣ [1]).

Обращаясь къ самому содержанію памятника, мы можемъ сказать, что онъ вскрываетъ передъ нами въ исторіи имѣній Прилуцкаго полка тѣ же общія условія, какія дѣйствовали и на территоріи другихъ полковъ, но этотъ общій ходъ исторіи не привелъ къ совершенно одинаковымъ количественно результатамъ. Позволимъ себѣ остановиться лишь на самыхъ общихъ итогахъ исторіи имѣній даннаго полка. По даннымъ слѣдствія, въ Прилуцкомъ полку считалось къ 1730 г. 108 маетностей (105 поселеній) и въ нихъ 5510 посполитскихъ дворовъ. Изъ этого общаго числа на долю частно-владѣльческихъ приходилось 51 маетность съ 2995 дв., монастырскихъ—12 маетн. съ 618 дв., ранговыхъ—8 маетн. съ 278 дв., отписныхъ на государыню—6 маетн. съ 164 дв. и свободныхъ войсковыхъ—31 маетн. и въ нихъ 1455 посп. дворовъ. Иначе, во владѣльческихъ имѣніяхъ, вмѣстѣ съ монастырскими, число дворовъ составляло 65,6% общаго числа ихъ въ полку, въ свободныхъ—26,4%, въ ранговыхъ—5% и въ отписныхъ—3%. Цифры эти оказываются наиболѣе близкими къ подобнымъ же цифрамъ по Переяславскому полку, свидѣтельствуя о томъ, что вообще на югѣ Малороссіи свободныя имѣнія сохранились къ 1730 г. въ большемъ количествѣ, нежели въ сѣверныхъ полкахъ.

---

[1]) См. ниже, документъ № II. Подробнѣе см. въ моей рецензіи на книгу А. М. Лазаревскаго «Описаніе старой Малороссіи, т. II, Нѣжинскій полкъ», Отчетъ о XXXVII присужденіи наградъ имени гр. Уварова, стр. 102 и слѣд.

Слѣдствіе печатается нами съ рукописи, хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго Румянцевскаго Музея, подъ № 1164. При печатаніи мы старались вполнѣ сохранить орѳографію подлинника. Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить искреннюю признательность администраціи Моск. Рум. Музея, благодаря готовности которой облегчить наши занятія въ этомъ учрежденіи мы получили возможность приготовить къ печати издаваемый памятникъ.

В. Мякотинъ.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка.

I.

Ясневелможному высокоповелителному г҃пдну г҃пдну Малия Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра войскъ Запорожскихъ гетману, Ея Императорского Величества дѣйствителному камергеру, Императорской Санктъ Пѣтербургской Академѣи Наукъ президенту, лейбъ-гвардіи Ізмайловского полку подполковнику и обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ святихъ Апостола Андрея и Александра Невского, такожъ полского Бѣлого Орла і голстинского Святія Анни кавалеру, Россійской Имперіи графу, Кирилу Григориевичу его сиятелству Разумовскому

в генералную войсковую канцелярию нижайшій репортъ.

В ордерѣ вашея ясневелможности генералной канцеляріи, прошлого марта 29 дня в полковой Прилуцкой канцеляріи полученномъ, изображенно: докладомъ де генералной войсковой канцеляріи представленно, что книги слѣдствія генералного 730-го году о маетностяхъ полку Прилуцкого в архивѣ генералной канцеляріи по умертвѣи канцеляриста войскового Закревецкого, содержавшого архиву, не сискалось, а яко такое слѣдствие или экстрактъ из оного упователно имѣется в полковой Прилуцкой канцеляріи, для того веленно тѣмъ ордеромъ, списавъ чисто в полковой канцеляріи с оного слѣдствия генералного или экстракта о маетностехъ сего полку копѣю и за скрепою прислать при репортѣ в генералную войсковую канцелярию, в силѣ которого генералной вашея ясневелможности канцеляріи ордера по полковой канцеляріи по архивѣ справка чинена, а каковое сискалось по унѣверсалу покойного г҃пдна гетмана Даниила Апостола, прошлого 1729 году мая 28 дня в полкъ Прилуцкій присланному, полковникомъ

Прилуцкимъ тогда бившимъ, полковою старшиною и сотниками сего полку учиненіе зарученное о маетностяхъ в полку Прилуцкомъ, такъ под ратушами, яко и во владѣніи находячимись, опредѣленіе, а притомъ экстракта в минѣстерской канцеляріи состоявшогось по ревизіи въ копѣя 1726 году Глуховского гарнизона чрезъ оберъ-афицера, от бившой Малороссійской Коллегіи посиланного, учиненной, противъ которого экстракту по учиненному от всего полку слѣдствию объ онихъ же маетностяхъ состоялась отмѣтка, с оного опредѣленія, такожъ при немъ имѣючогось экстракта и противъ оного по слѣдствию учиненнихъ отмѣтокъ списавъ вѣрние копѣи и скрепя ония, при семъ репортѣ вашей ясневелможности генералной канцеляріи полковая Прилуцкая канцелярия нижайше влагаетъ.

Полковникъ Григорій Galaganъ. Обозній полковій Өедоръ Галенковскій. Судія полковій Яковъ Огроновичъ. Асаулъ полковій Яковъ Велецкий.

Априля 22 дня 1758 году. Прилука.

II.

Сего 1729 году прошлого мая 28 дня, присланъ у полкъ Прилуцкій унѣверсалъ ясневелможного его милости пана Даніила Апостола, войскъ Его Императорского Величества Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра гетмана, з таковимъ ізображениемъ: по указу Его Императорского Величества, состоявшомся в Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, данномъ его ясневелможности рѣшеніи по десятому пункту велено маетности, принадлежащие к чинамъ енералной старшини, полковниковъ, полковой старшини і сотниковъ, которие напередъ сего во владѣніи той старшини били на уряди іхъ, такъ же і ратушамъ, возвратить к тимъ урядомъ, а ратушние к ратушамъ; а понеже прошлого 1726 году по имянному блаженния і вѣчно достойния памяти Ея Императорского Величества указу Глуковского гварнѣзона чрезъ оберъ-афѣцера, от бившой Малороссійской Коллегіи посиланного, хочай в полку Прилуцкомъ чиненно било о тѣхъ маетностяхъ слѣдствие, кто і по якимъ крепостямъ владѣетъ, а на якие уряди оние маетности прежде нинѣшнихъ владѣлцовъ надлежали і кто іми владѣлъ і почему, о томъ при той ревизіи било не вслѣдованно, того ради по вишозначенному 10 пункту надлежитъ вѣдать, оние маетности, мѣстечка,

села і деревни, напредъ нинѣшнихъ владѣлцовъ на якие уряди били і з якого определения і по якимъ дачамъ і хто тими маетностми владѣлъ; чего ради з оного слѣдствия о маетностехъ полку Прилуцкого экстрактъ от его сиятелства, гпдна генерала маіора, ордина свтаго Александра Невского кавалера, князя Алексѣя Івановича Шаховского к его ясневелможности присланній, а от его ясневелможности к намъ; того ради бъ ми учинили о семъ праведное і подлинное следствие і что по тому следствию явится, подписали бъ імена на помянутомъ экстрактѣ противъ каждой статтѣ. І ми ниже подписанние чинили о помянутихъ мѣстечкахъ, селахъ і деревняхъ по показаннимъ крепостямъ в самую правду слѣдствие, по которому явилось, что оного жъ Прилуцкого полку якие мѣстечка, села і деревни в мененномъ экстрактѣ написанни бить ратушними в роздаче, то оные никогда во владѣніи ратушномъ не бивали і нинѣ не найдуются, ібо на ратуши нѣ от кого не определенни і на оние при ратушахъ нѣякихъ крѣпостей не имѣется, а тие мѣстечка, села і деревни за владѣния лядского били шляхетские, а за изгнаниемъ от гетмана Богдана Хмелницкого і войска Запорожского ляховъ стали бить войсковие свободние, в волѣ і диспозиціи его Хмелницкого і протчіихъ по немъ бившихъ гетмановъ, которие бивало знатному товариству за ихъ вѣрние служби к Его Императорскому Величеству села і деревни такъ по дачы от полковниковъ своими унѣверсалами подтвержають, яко і сами, усмотрѣвши заслуги чии вѣрніи к Его Императорскому Величеству, тому своими ж гетманскими унѣверсалами без препятствия оние определяють, і на тие іхъ гетмановъ унѣверсали многие владѣлци получали в болшое подтвержение премощнѣйшие жалованние монаршие грамоти, а что вишеозначенние мѣстечка, села і деревни названни ратушними і прежде сего в бившую Малороссійскую Коллегію з невидѣния ратушними прописанни, то такое название произійшло ради тихъ причинъ, что по указамъ гетманскимъ бивало з помянутихъ мѣстечокъ, селъ і деревень войсковихъ збирается в ратуши на компанѣйцовъ мѣсячная плата, не обходя селъ і владѣлческихъ, также на служителей войсковихъ, армашовъ, пушкаровъ і трембачовъ, взималось в тие жъ ратуши годовая належитость з самихъ тихъ мѣстечокъ, селъ і деревень войсковихъ, которие от отдачи владѣлцамъ ноосталися, да и подводи, кому надлежитъ по указамъ, з онихъ виставляются, і оная плата компанѣйцамъ і годовая належитость слу-

жителемъ била по указамъ гетманскимъ в вѣдомомъ полковничимъ і старшини полковой видается, да с тих же мѣстечокъ, селъ і деревень войсковихъ люде по указу гетмановъ і полковниковъ в ратушахъ судятся старшиною полковою і сотенною в своихъ обидахъ. А оние мѣстечка, села і деревни, якъ вишше показанно, не били в ратушномъ владѣніи і нѣ от кого не определенни, ібо ратуши на оное жаднихъ крѣпостей не имѣли і теперъ не имѣютъ, но хто тими маетности владѣлъ прежде, і чи урядовие оние били, і по якимъ дачамъ, о томъ і о всемъ вишеписанномъ імянно подписанно ниже под каждою сего жъ экстракту статтею.

В подленномъ тако: Его Императорского Величества войска Запорожского полковникъ Прилуцкій Ігнатій Galaganъ, во мѣсто его полковій Прилуцкій писаръ Федоръ Галенковскій по его велѣнию подписался. Михайло Отроновичъ, обозній полковій Прилуцкій. Михайло Ягелнѣцкій, судия полковій Прилуцкій. Полковій Прилуцкій писаръ Федоръ Галенковскій. Михайло Мовчанъ, асаулъ полковій Прилуцкій, а во мѣсто его я, Стефанъ Евстафиевъ, писаръ сотенній Срѣбранскій, по его прошению подписался. Сотникъ полковій Прилуцкій Петръ Носенко. Сотникъ Сребранскій Антонъ Троцина. Сотникъ Ічевскій Григорій Стороженко. Сотникъ Варвинскій Михайло Тарновскій. Сотникъ Краснолядинскій Марко Ангеліовскій. Сотникъ Монастириский Іванъ Романовичъ.

Сия копия с подленного определения списана вѣрно і во вѣрность того подписались: Полковникъ Григорий Galaganъ. Обозній полковій Ѳедоръ Галенковскій. Судія полковій Яковъ Огроновичъ. Асаулъ полковій Яковъ Велецкий.

Старшій канцеляристъ Ѳедоръ Марковскій. Полковій канцеляристъ Михайло Грудина.

С копіи копія.

1. По справке в Канцеляріи министерского правления с ревѣзорскими книгами, которая ревизія во всей Малой Россіи чиненна въ 1726 году по имянному блаженния і вѣчнодостойния памяти Ея Императорскаго Величества указу Глуховскаго гарнизона обер-афицерами, посланними із бившой Малороссійской Коллегіи, какие в Малой Россіи обрѣтаются маетности, сели и деревни, хутори, званиями, каждая

порознь, і что в тѣхъ маетностяхъ дворового числа і кто іми і по какимъ крепостямъ владѣетъ, значить нижей.

2. Подписать под каждою статею, оние мѣстечка, сели, деревни напредъ нинѣшнихъ владѣлцовъ на какие уряди надлежали і кто теми маетностми владѣли і почему.

В Прилуцкомъ полку на урядъ полковничій в Прилуцкой полковой сотнѣ.

Село **Переводъ**—50 дворовъ; владѣеть Нежинской полковникъ Толстой по жалованой грамоте, даной в 1719 году на урядъ полковничества.

Село, прописанное Переводъ, ібо оное над рѣчкою Переводомъ населилось, іменуемое Погреби; і послѣ державы полской і по спустошенію татарами лежала тая земля впустѣ, а била под видѣниемъ сотнѣ полковой Прилуцкой, а в ратуши Прилуцкой во владѣніи не било, понеже на тое і крѣпостей жаднихъ не имѣеть, і когда тамъ населились люде, в тотъ часъ досталось во владѣние Обидовскому, полковнику Нѣжинскому, а по немъ женѣ его по унѣверсалу Димитрия Горленка, полковника Прилуцкого, і унѣверсалу Мазепиномъ. А по змѣнѣ Мазепиной покойній Лукянъ Жураковскій, полковникъ же Нѣжинскій, тим же селомъ по грамотѣ монаршой владѣлъ. А по немъ Жураковскомъ Нежинскій полковникъ Толстой онимъ селомъ владѣлъ, тожъ по грамотѣ монаршой, а нн̃ѣ владѣетъ помянутимъ селомъ синъ его Жураковского.

В роздаче із ратушнихъ селъ в той же сотни.

Село **Олшаное** — 210 дворовъ. Владѣетъ гп̃жа фелтмаршалова Шереметова, которое далъ із владѣния своего гетманъ Скоропадской въ 1713 году покойному гп̃дну генералу фелтмаршалу Шереметову. Мелница вешнякъ об одномъ камени.

Село Олшаная здавна било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало. А що прежде сего прописанно в вѣдомостяхъ нашихъ, посланнихъ в бившую Малороссійскую Коллегию і в войсковую енералную канцелярию, что оное найдовалось во владѣніи ратуша Прилуцкого і протчие нижей показанние села, то прописанно потому, же якие бивало прикажуть прежние гетмани і полковники вибрать с посполитихъ людей полку Прилуцкого належитости на служителей войсковихъ, іменно на армашѣ, пушкарѣ трембачи і на протчие потребства, если случай пока-

жетъ до походу, то с ратуши бивало тіе належитости собираются і по указу полковничомъ з совѣту старшини полковой помянутие належитости роздаются било на тие жъ войсковие служители і на протчие потребства, а ратушъ Прилуцкая на оное село Олшаную і на ниже, якъ номянулось, показанние села жаднихъ крѣпостей не имѣла и теперъ не имѣетъ. Но року от создания мира 7174 монаршою грамотою Лазору Горленку, тогдашнему полковнику Прилуцкому, во владѣние створженно, а по умертвіи Лазора женѣ его грамотою жъ монаршою лѣта отъ создания мира 7198 потверженно. По смерти же Лазорки гетманъ Скоропадскій одибралъ билъ на себе, а потомъ в року 1713 покойному фелтмаршалу гп҃дну Шереметову отдалъ во владѣние і нинѣ онимъ селомъ сини его фелтмаршала владѣютъ.

Д. **Линовичи** — 30 дворовъ. Владѣетъ гп҃жа гетманша Скоропадская по жалованной грамоти, данной мужу ея і ей въ 1718 году в вотчину в вѣчное владѣние.

Деревня **Линовиця** била прежде по державѣ полской пустое селище, где покойній отецъ протопопъ Прилуцкій Іванъ Мозеровскій купилъ в томъ селищи футоръ і при томъ своемъ футорѣ пред Казикерменскимъ походомъ осадилъ слободу, которая унѣверсаломъ Димитрия Горленка, тогдашнего полковника Прилуцкого, отданна ему во владѣние, а по змѣнѣ Мазепиной гетманъ Скоропадской ствердилъ билъ унѣверсаломъ своимъ, а потомъ на свою особу одибралъ і грамотою Его И. В-ва, въ 1718 году данной, во вѣчное владѣние ствердилъ, по которой грамотѣ і нинѣ панѣ Скоропадская, гетманша удовствующая, помянутою деревнею Линовицею владѣетъ.

С. **Калюжинцѣ** — 48 дворовъ. Владѣетъ полковникъ сербинъ Гаврило Милорадовичъ по жалованной грамоте, данной 1718 году за верние служби в свободное владѣние.

Село **Калюжинцѣ** здавна било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, которимъ завладѣлъ перве Лазоръ Горленко, тогдашній полковникъ Прилуцкій, а въ 1705 году по унѣверсалу гетмана Мазепи сину его, Димитрию Горленку, бившому полковнику Прилуцкому, во владѣние отданно. По змѣнѣ тежъ Мазепиной въ 1710 году от гетмана Скоропадского Горленковому сину Андрѣю било наданно, а потомъ в року 1712 гетманъ Скоропадскій, от оного Андрея одибравши, надалъ волоскому маршалку бану по указу Его И. В-ва, а нинѣ тимъ селомъ Гаврило Милорадовичъ владѣетъ по жалованной грамотѣ, въ 1718 году данной, а ратушъ Прилуцкая на оное село никакихъ крѣпостей не имѣла і нинѣ не имѣетъ.

С. **Гулубовка**—32 двора. Владѣетъ бившого есаула вдова Іванова жена Еремеева с҃на Носенкова Маря, данное 7200 году мужу

ея Івану по жалованной грамоте за служби его полкового асаулства во вѣчное владѣние.

Село **Голубовка** прежде било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, которое в 1679 Івану Носу, респектуючи на услуги его, Димитрій Чернявскій, тогдашній полковникъ Прилуцкій, надалъ во владѣние, а в року от создания мира 7200 ему жъ Івану Носу, тогдашнему асаулу полковому Прилуцкому, монаршою грамотою во владѣние стверженно, которимъ селомъ по смерти оного Носа і нинѣ по той грамотѣ невѣстка его, Марія Носенкова, з своими дѣтми мужеска полу владѣетъ, а ратуша Прилуцкая на тое село жаднихъ крѣпостей не имѣла і теперь не имѣетъ.

С. **Дѣдовцѣ**—20 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкого полку значковой козакъ Антонъ Маценко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1710 году до войсковихъ услугъ.

Село **Дѣдовцѣ** здавна било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, а в року 1690 по унѣверсалу змѣнника Мазепи Остапу Маценку, товаришу полку Прилуцкого, во владѣние отдано, а по змѣнѣ Мазепиной 1710 году гетманъ Скоропадскій женѣ Маценковой з сином ей унѣверсаломъ своимъ ствердилъ і нинѣ по тому унѣверсалу онимъ селомъ помянутой Антонъ Маценко владѣетъ, а ратушъ Прилуцкая на оное село нѣкакихъ крѣпостей не имѣла и не имѣетъ.

С. **Туровка** — 22 двори. Владѣетъ Прилуцкого полку бунчуковой товаришъ Федоръ Марковичъ по жалованной грамоте, данной 1718 году за войскови услуги в полное і спокойное владѣние.

Деревня **Туровка** здавна била под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належала, а въ року 1709 по унѣверсалу бившого полковника Прилуцкого Носа Якиму Горленку, товаришу бунчуковому, во владѣние отдано, а гетманъ Скоропадскій, от его Горленка одибравши, надалъ в року 1716 Федору Марковичу, товаришу бунчуковому жъ, которую деревню в року 1718 грамотою блаженния і вѣчнодостойния памяти Его И. В-ва оному Марковичу ствержено, і нинѣ тою деревнею онъ Марковичъ владѣетъ, а ратушъ Прилуцкая на тую деревню жаднихъ крѣпостей не имѣла і теперь не имѣетъ.

С. **Ювковцѣ** — 17 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкой протопопъ Ігнатій Лисаневичъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1710 году за услугу его, будучи в урадѣ полкового писарства.

Село **Ювковцѣ** прежде било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, а в року 1767 (sic. 1707?) опредѣлилъ оное унѣ-

версаломъ своимъ бившій полковникъ Прилуцкій Димитрій Горленко до услуги войсковой нинѣшнему протопопѣ Прилуцкому отцу Ігнатию Лисаневичу, тогдашнему писаревѣ полковому Прилуцкому, а в року 1709 гетманъ Скоропадскій ему отцу Лисаневичу унѣверсаломъ своимъ потвердилъ, по якомъ унѣверсалу і н҃нѣ онимъ селомъ Ювковцями протопопъ Прилуцкій отецъ Лисаневичъ владѣетъ. А до ратуши тое село не належало, ібо і крѣпостей жаднихъ в оной ратуши на тое не имѣется.

В с. Сорочинцяхъ—15 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкого полку значковой козакъ Романъ Березинскій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1715 году до войсковихъ услугъ.

Деревня Сорочинцѣ здавна била под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належала, а в року 1685 от гетмана Самойловича надана била Григорию Чернявскому, обозному полковому Прилуцкому, по умертвіи тежъ его досталось сину его Стефану, асауломъ полковимъ Прилуцкимъ бившому, а по смерти оного Стефана наданно во владѣние по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в року 1715 виданномъ, Роману Березинскому, товаришевѣ полку Прилуцкого, до услуги і нинѣ по смерти оного Березинского жена его з синомъ своимъ тоею деревнею владѣетъ. А ратушъ Прилуцкая на оную деревню жаднихъ крѣпостей не имѣла і не имѣетъ.

В д. Рудовки — 16 дворовъ. Владѣетъ полковой Прилуцкой сотникъ Петръ Носенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1709 году до войсковой услуги.

Деревня Рудовка іздавна била под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належала. А когда орди на Украину виходили, того часу била тими ордами спустошенна; а потомъ, кгди із иныхъ сѣлъ посходилось малое число людей тамъ і сѣло, такъ тогдашній полковникъ Прилуцкій, Димитрій Горленко, далъ билъ перве тихъ людей Дамяну Якубовичу для укошения ему сѣна; а потимъ он же Горленко надалъ Михаилу Григориевичу, товаришевѣ значковому, а въ року 1709 покойній Іванъ Носъ тогдашнему хоружому, а н҃нѣшнему сотниковѣ полковому Прилуцкому, Петру Носенку, во владѣние отдалъ і в том же году гетманъ Скоропадскій унѣверсаломъ своимъ ствердилъ, по которомъ унѣверсалу помянутой Носенко і нинѣ оною деревнею Рудовкою владѣетъ; а ратушъ Прилуцкая нѣякихъ крѣпостей на тую деревню не имѣла і н҃нѣ не имѣетъ.

С. Обѣчевъ—42 двора. Владѣетъ Прилуцкой полковой обозной Михайло Григориевъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1721 году на урядъ полкового обозного.

Село Обѣчевъ прежде било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, а в року 1691 по унѣверсалу змѣнника Мазепи

Семену Федорову, тогдашнему асаулу полковому Прилуцкому, на врядъ асаулства во владѣние отдано, а по умертвіи оного в 1721 году гетманъ Скоропадскій нинѣшнему обозному полковому Прилуцкому, Михаилу Григориеву, тое село надалъ.

С. **Заиздъ** — 61 дворъ. Владѣетъ бунчуковой товаришъ Якимъ Горленко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1718 году до войсковой услуги.

Село Заиздъ било здавна под видѣниемъ вѡйсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, а въ року 1716 по унѣверсалу гетмана Скоропадского Якиму Горленку, товаришу бунчуковому, во владѣние отданно, по якомъ унѣверсалу і нинѣ онимъ селомъ Якимъ Горленко владѣетъ.

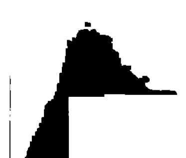
Д. **Слободка**—8, в с. **Обѣчевѣ**—12, ітого 20 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкого полку бунчуковой товаришъ Захарій Прокоповичъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1721 году до войсковихъ услугъ.

Половинная часть вишепоказанного села Обѣчева, в якомъ числѣ і слободка била здавна войсковая свободная і нѣкому на урядъ і к ратуши не надлежала, кромѣ вишепрописанного владѣлца Семена Федоровича, тогда на урядѣ асаулства, а потомъ на урядѣ обозничества полкового Прилуцкого бившого, которій, якъ помянулось, всѣмъ селомъ Обѣчевомъ владѣлъ, а в року 1721 гетманъ Скоропадскій оную половинную часть села надалъ во владѣние Захарию Прокоповичу, бунчуковому товаришу, і унѣверсаломъ своимъ ствердилъ, по которому онъ Прокоповичъ і по сюю пору тоею частию села владѣетъ, опрочъ оного владѣния.

С. **Пироговцѣ**—17, **Стрѣлники**—22, ітого 39 дворовъ. Владѣетъ полковой асаулъ Григорій Панченко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1713 і 1719 годовъ на урядъ полкового асаулства.

Деревня Пироговцѣ і Стрѣлники здавна била во владѣніи войсковомъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належала, которую деревню 1716 году нинѣшній полковникъ Прилуцкій, Ігнатій Ѳаладанъ, Григорию Панкевичу, асаулу полковому Прилуцкому, во владѣние отдалъ, а в року 1719 і унѣверсаломъ гетмана Скоропадского стверженни і нинѣ оною деревнею асаулъ полковій Григорій Панкевичъ владѣетъ, а при ратушу Прилуцкомъ оное не било і жаднихъ крѣпостей на тое не мѣла и не імѣетъ.

Д. **Манжосовка**—35 дворовъ. Владѣетъ бившой войсковой канцеляристъ Стефанъ Тернавской по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1709 году до войсковой услуги.



Деревня Манжосовка била здавна под видениемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належала, которою по унѣверсалу Димитрия Горленка, бившого полковника Прилуцкого, Мартинъ Рижій, подасаулій полковій Прилуцкій, а по немъ Семенъ Портянка, подасаулій полковій, такожъ по унѣверсалу Горленка мѣлъ во владѣніи. А в року 1707 по его жъ Горленковомъ унѣверсалу одійшла во владѣние отцу Игнатию Лисаневичу, тогдашнему писару полковому Прилуцкому. По змѣнѣ тежъ 1709 году гетманъ Скоропадскій отдалъ Стефану Тарновскому, бунчуковому товаришевѣ, і унѣверсаломъ своимъ ствердилъ, почему і нинѣ онъ Тарновскій тоею деревнею владѣетъ, а ратушъ Прилуцкая жадних крѣпостей на оную не имѣла и не имѣетъ.

Д. **Мулки**—16 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкой полковой писаръ Федоръ Галенковскій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1716 году на урядъ полкового писарства.

Деревня Мулки била здавна под видениемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належала, а в року 1710 по указу гетмана Скоропадского отдана била во владѣние Петру Носенку, тогдашнему хоружому полковому Прилуцкому, а потомъ в року 1716 оній гетманъ Скоропадскій, от Петра Носенка одибравши, надалъ Федору Галенковскому, нинѣшнему писару полковому Прилуцкому, і оной писаръ по томъ унѣверсалу помянутою деревнею і нинѣ владѣетъ.

С. **Колесниковъ** — 71 и в м. **Переволочной** — 30, итого 101 дворъ. Владѣетъ бившого судіи, Івана Маркова, жена его вдова София Маркова по жалованной грамоте, данной 1718 году до услугъ войсковихъ мужу ея, помянутому Івану Маркову.

Село Колесники прежде било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, а когда Якова Золотаренка полковимъ Прилуцкимъ сотникомъ обобрано, то заразъ на врядъ сотничества і оное село Колесники дано во владѣние, а въ 1709 году Івану Марковичу, сотникомъ полковимъ Прилуцкимъ ставшому, на тот же врядъ сотничества оное жъ село Колесники унѣверсаломъ гетмана Скоропадского во владѣние отдано, а в мѣстечку Переволочной, якое и теперъ под видениемъ войсковимъ и полковой же Прилуцкой сотни зостаетъ, гетманъ Скоропадскій в року 1714 ему жъ Івану Марковичу, сотникомъ будучому, человѣка десять надалъ во владѣние, а онъ Марковичъ при тихъ людяхъ еще на купленной землѣ осадилъ человѣка двадцять, якое село Колесники и тридцять человѣка в Переволочной будучихъ людей і грамотою блаженния і вѣчнодостойния памяти Его И. В-ва отвержено, которимъ селомъ і людми жена его ж Марковича по той грамотѣ владѣетъ.

С. **Сезки**—12, **Буди**—13, ітого 25 дворовъ. Владѣетъ бившого значкового товариша Якова Золотаренка жена его вдова Маря Семенова дочь по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1709 году мужу ея, Якову Золотаренку, на урядъ сотничества полкового Прилуцкого.

Деревня **Сезки** и **Буди** здавна била под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належала, а в року от создания мира 7174, когда вишепрописанное село Олшаная оному Лазору Горленку по грамотѣ монаршой одійшло во владѣние, онъ Горленко означенною деревнею Сезками самоволно, будучи полковникомъ, завладѣлъ, а по смерти его жена его тоею деревнею, держачи Олшаную, владѣла. По змѣнѣ тежъ Мазепиной в року 1711 гетманъ Скоропадскій, одибравши от ей, надалъ Якову Золотаренку, тогдашному сотниковѣ полковому Прилуцкому, на врядъ сотничества. А деревня жъ **Буди** тожъ здавна била под видѣниемъ войсковимъ і до сотнѣ полковой Прилуцкой належала і в року 1690 змѣнникъ Мазепа надалъ помянутому бившому сотнику Золотаренку на врядъ сотничества, которими деревнями онъ Золотаренко по смертъ свою владѣлъ, а жена его, будучи бездѣтна, і н҃нѣ владѣетъ.

В Ічанской сотнѣ:

С. **Гмировка** — 160 дворовъ. Владѣетъ гп҃жа фелтмаршалова по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1713 году мужу ей, гп҃дну фелтмаршалу Шереметеву. Мелница вешняная на речкѣ Чмировке об одномъ каменѣ да коло ступное.

Село **Гмировка** войсковое било і до сотнѣ Ічанской належало, а когда Димитрій Горленко Прилуцкимъ сталъ полковникомъ, онимъ селомъ завладѣлъ, а по какимъ крѣпостямъ, о томъ в сотнѣ Ічанской нѣхто не извѣстенъ. А по Горленку тимъ селомъ покойній гетманъ Скоропадскій завладѣлъ, а потомъ покойному фелтмаршалу гп҃дну Шереметову надалъ, которое і по сей часъ на домъ его жъ покойного фелтмаршала належитъ; а надано оное село в 1713 году.

С. **Парафѣевка**—60 дворовъ. Владѣетъ графъ Сава Владиславичъ Рагузинскій по жалованной грамоте. К тому селу Парафѣевки мелница вешнякъ об одномъ каменѣ да коло ступное.

Село **Парафѣевка** войсковое било і в вѣдомствѣ сотнѣ Ічанской найдовалось, а потомъ Ломиковскому, асаулѣ енералному, наданно, а по Ломиковскомъ покойній гетманъ Скоропадскій онимъ селомъ владѣлъ, а потомъ сиятелному графу і тайному совѣтнику гп҃дну Савѣ Владиславичу Ра-

гозинскому во владѣние отданно і грамотою блаженния і вѣчнодостойния памяти Его И. В-ва стверженно, которимъ селомъ его графское сиятелство і по сюю пору владѣетъ.

С. **Ржавци**—184 двора. Владѣетъ Ічѳнской сотникъ Григорий Стороженко по унѣверсаламъ гетмана Скоропадского 1715 и 1719 годовъ отцу его і ему Григорию з братомъ за войсковие службы.

Село Ржавецъ нѣ за которимъ прежде сего владѣния не було і нѣ на какие вради не надлежало, а було в вѣдомствѣ сотнѣ Ічанской, а въ 1690 году за службы войсковие надано Івану Стороженку респектомъ купленного в ономъ селѣ хутора і унѣверсаломъ гетмана Мазепи стверженo, а по смерти Івана Стороженка женѣ его з синомъ, Андреемъ Стороженкомъ, по унѣверсалу жъ гетмана Мазепи отдано 1695, а послѣ того ему жъ Андрею Стороженку і гетмана Скоропадского унѣверсаломъ сконфѣрмованно в 1709. По змертвіи же Андрея Стороженка женѣ его з синами Григориемъ да Иваномъ Стороженками по унѣверсалу гетмана Скоропадского во владѣние одійшло 1715, которимъ селомъ Григорій Стороженко, сотникъ Ічанскій, з позосталими умершого брата его Івана Стороженка дѣтми і по сюю пору по унѣверсалахъ гетманскихъ владѣетъ.

С. **Томашовка** — 30 дворовъ. Ічѳнской же сотникъ Григорій Стороженко по унѣверсаломъ гетмана Скоропадскаго, даннимъ 1715 і 1719 годовъ отцу ево і ему Григорию з братомъ за войсковие службы.

Деревня Томашовка прежде сего нѣ за якимъ владѣниемъ не була, но войсковая била і в вѣдомствѣ сотнѣ Ічанской найдовалась [1]). А по немъ (sic) брату его Андрѣю Стороженку отданно в 1705 году, а по Андрѣю Стороженку женѣ его з синами Григориемъ да Иваномъ Стороженками і по унѣверсалахъ гетманскихъ во владѣние одійшло 1715 і 719, которою деревнею Григорій Стороженко, сотникъ Ічанскій, з дѣтми помершого брата его Івана Стороженка і по сюю пору владѣетъ.

В Монастириской сотни:

С. **Петровка** з слободкою **Поповкою**—160 дворовъ. Владѣетъ бившого полкового писаря Семена Раковича жена его вдова Агафия Раковичева з синомъ своимъ по жалованной грамоте, данной 203 году за войсковие службы мужу ея писарства полкового Прилуцкого.

---

[1]) Очевидный пробѣлъ въ этомъ мѣстѣ ничѣмъ не отмѣченъ въ оригиналѣ, такъ что онъ вызванъ, вѣроятно, простымъ пропускомъ писца.

Село Петровка з слободкою Поповкою прежде сего войсковое било и никому во владѣние нѣ на якие уряди не належало, но за знатние служби войсковие з давнихъ временъ отдано во владѣние пану Семену Раковичу, тогдашнему писаревѣ полковому Прилуцкому, року 203 жалованною грамотою конфѣрмованно. По якой данной жалованной грамотѣ с҃нъ его, п҃нъ Павелъ Раковичъ, бунчуковій товаришъ, помянутимъ селомъ Петровкою і слободкою Поповкою нинѣ владѣетъ.

С. **Хаенки**—20 дворовъ. Владѣетъ бунчуковій товаришъ Андрѣй Горленко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1710 году до войсковой услуги.

Село Хаенки прежде било войсковое, под видѣниемъ сотни Монастириской, а за гетманства Мазепиного отданно во владѣние бившому полковнику Прилуцкому Димитрию Горленку, а потомъ сину его Андрѣю покойній гетманъ Скоропадскій тое жъ село въ 1710 году надалъ і унѣверсаломъ ствердилъ і по той дачи онъ Андрей Горленко помянутимъ селомъ Хаенками и теперъ владѣетъ.

С. **Воронки**—12 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкого полку Журавской сотникъ Михайло Ягелнѣцкій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1717 году до войсковой услуги.

Деревня Воронувка прежде било войсковое у вѣдомствѣ сотнѣ Монастириской, а потомъ покойній гетманъ Скоропадскій надалъ билъ во владѣние до ласкы войсковой охочокомонному полковнику Федяю, а по смерти Федяя онъ же гетманъ Скоропадскій оную деревню Воронувку за услуги войсковие в 1717 году надалъ на тотъ часъ будучому сотниковѣ Журавскому, а нинѣшнему судѣ полковому Прилуцкому Михайлу Ягелнѣцкому і унѣверсаломъ ствердилъ, і потому онъ, судя, тоею деревнею и теперъ владѣетъ.

В Красноколядинской сотнѣ:

С. **Крапивное**—60 дворовъ. Владѣетъ Нѣжинского полку бунчуковой товаришъ Андрѣй Лизогубъ по жалованной грамоте, данной 1708 году за службы ево.

Село Кропивная здавна било войсковое под видѣниемъ сотеннимъ, которое до сотнѣ Красноколядинской всякую по прежнимъ опредѣлениямъ отдавало для служителей войсковихъ належитость, і оное село под ратушемъ не било, понеже ратушъ нѣякихъ на него писменнихъ не имѣетъ крѣпостей. А за Мазепи гетмана под часъ войскового походу, якъ Озовъ взято, онъ Мазепа надалъ покойному Ефиму Лизогубу, бунчучному енералному,

по якой дачи для свободнѣйшого владѣния і премощнѣйшую грамоту монаршую в потвержение в 1708 году виправилъ, по которой грамотѣ самъ онъ, а по немъ дѣти его, Андрѣй Лизогубъ, бунчуковій товаришъ, владѣетъ. А прежде тое село нѣ под якимъ владѣлцемъ, опрочъ помянутого Лизогуба, не било в подданствѣ.

Д. **Григоровка** — 65 дворовъ. Владѣетъ Чернѣговского полку обозной Василей Скоропадскій по жалованной грамоте, данной 1718 году на урядъ обозничества полкового Чернѣговского.

Деревня **Григоровка** до сотнѣ Красноколядинской не надлежала, а такимъ порядкомъ она тамъ осѣла: села Гайворона атаманъ сотнѣ Красноколядинской Корнѣй Салогубъ в Гайворонского ж козака Германа Чорниша купилъ хатку пустую к своему кгрунту, а, купивши, загатилъ греблю и устроилъ млинъ і футорецъ, которій зо всѣми угодиями за Мазепи гетмана продалъ Григорию канцеляристѣ і якъ достался тотъ футорецъ по куплѣ Григорому, то нѣсколко хатокъ около футорца поселилось. Потомъ, якъ сталъ гетманомъ Скоропадскій, надалъ билъ тотъ футорецъ з малимъ числомъ хатками Петру Корецкому на малое время. Послѣ Корецкого владѣлъ онимъ Чернишъ, судия енералній, такожъ малое время, а якъ достался тотъ футорецъ Василю Скоропадскому, обозному полковому Чернѣговскому, то, прикупивши онъ в разнихъ помѣщиковъ доволное число землѣ, осадилъ на купленной своей землѣ і слободку і въ 1718 году монаршою жалованною грамотою оную подтвердилъ; а нинѣ владѣютъ дѣти его Михайло і Иванъ Скоропадские, бунчуковие товарищи. А зверхъ показаннихъ владѣлцовъ оная деревня нѣ до ратуши, нѣ на чини нѣ на якие не надлежала.

С. **Куриловка**—38 дворовъ. Владѣетъ Нѣжинского полку бунчуковой товаришъ Андрѣй Кандиба по жалованной грамоте, данной 7198 году за верние ево служби в вотчину неподвижно.

Село **Куриловка** здавна войсковое било і до сотнѣ Красноколядинской належало, а за Поповича гетмана покойному сотниковѣ Конотопскому Федору Кандибѣ на урядъ сотниства надано, по которой дачѣ на оное селце виправилъ себѣ премощнѣйшую монаршую жалованную грамоту, от создания мира 7198 году данную, і од тихъ часъ самъ онъ по смерть свою владѣлъ, а по немъ синъ его Андрѣй Кандиба, бунчуковій товаришъ, понинѣ владѣетъ.

С. **Пекари**—24 двора. Владѣютъ Чернѣговского полку бунчуковие товарищи Василій Дорошенко, Андрѣй Стаховичъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1713 году до войсковихъ услугъ.

Село **Пекарѣ** войсковое било под видѣниемъ сотеннимъ, которое до сотнѣ Красноколядинской всякую по опредѣлению прежнему отдавало для

служителей войсковихъ належитость, і оное село под ратушемъ не било, понеже ратушъ нѣкакихъ на него писменнихъ не имѣетъ крѣпостей, а за Поповича гетмана наданно Івану Лисици, полковниковѣ охочепѣхотному, во владѣние, по которого змертвіи затѣ (sic) его Василій Дорошенко і Андрѣй Стаховичъ, бунчуковие товарищи, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, в 1713 году данномъ до услугъ войсковихъ, і по сюю пору владѣютъ. А прежде тое село нѣ под якимъ державцемъ, кромѣ вишеписаннихъ, в подданствѣ не било.

С. **Липовое**—40 дворовъ. Владѣетъ бунчучній енералній Яковъ Лизогубъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1715 году на урядъ бунчуцства.

Село Липовое от давнихъ часъ войсковое било под видѣниемъ сотенннимъ, которое до сотнѣ Красноколядинской всякую по определениямъ прежнимъ отдавало для служителей войсковихъ належитость, і оное село под ратушею не било, понеже ратушъ на него нѣякихъ писменнихъ крѣпостей не имѣетъ. А по шведской баталіи гетманъ Скоропадскій Івану Носу по отставки от полковничества, якъ сталъ билъ вторимъ судею енералнимъ, на урядъ наданно било (sic), которимъ всего с полтора года владѣлъ; а по шведской руинѣ тот же гетманъ Скоропадскій тое село сотенное надалъ Якову Лизогубу, бившому бунчучному енералному, а н̃нѣшнему обозному енералному ж, в 1715 году і по унѣверсалу гетмана Скоропадского по сюю пору владѣетъ.

С. **Талалаевка**—116 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкой полковой асаулъ Михайло Мовчанъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1711 году до услугъ асаулства.

Село Талалаевка здавна войсковое било і до сотнѣ Красноколядинской надлежало, которое всякую по определениямъ прежнимъ отдавало для служителей войсковихъ належитость. А за Мазепи гетмана, якъ в походъ войсковій ходили, то послѣ походу за услуги войсковие надано било на урядъ сотниковѣ Красноколядинскому, Тимофѣю Андрѣевичу, которій владѣлъ тимъ селомъ до измертвия по унѣверсалу гетмана Мазепи. А по смерти его, якъ сталъ Іоанъ Скоропадскій гетманомъ, отнявши в жени і дѣтей помянутого сотника, надалъ н̃нѣшнему полковому Прилуцкому асауловѣ Михайлу Мовчану до услугъ асаулства, якій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, въ 1711 году виданномъ, по сюю пору владѣетъ.

С. **Ярошовка** — 85 дворовъ. Владѣетъ бунчуковой товаришъ Андрей Горленко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1709 году до войсковой услуги.

Село **Ярошовка** било здавна войсковое под видѣниемъ сотнѣ Срѣбранской, до которой по прежнимъ обнкновениямъ всякую служителемъ войсковимъ належную отдавало повинность, а под ратушемъ не било, потому что ратушъ на него не имѣла і теперъ не имѣетъ жаднихъ крѣпостей. А за гетманства Мазепиного отдано било тое село в подданство дворанину гетманскому Роману Висоцкому, которій когда в попи освятился і пошолъ в Рому на мешкание, то въ 1701 году юня 10 от его гетмана Мазепи наданно в подданство помянутое село Андрѣю Горленку, товаришу бунчуковому. Потомъ покойній гетманъ Скоропадскій тое село Ярошовку ему жъ Андрѣю Горленку въ 1709 году мая 29 дня в подданство привернулъ і унѣверсаломъ своимъ ствердилъ, которимъ селомъ онъ Горленко по тимъ унѣверсаломъ і теперъ владѣетъ. А болшъ, опрочъ вижей виражениихъ владѣлцовъ, нѣ под кимъ оное село не било в подданствѣ.

Д. **Понори**—47 дворовъ. Владѣетъ Красноколядинской сотникъ Марко Анgеліовскій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1718 году до ласки войсковой.

Деревня **Понори** здавна войсковая била под видѣниемъ сотенннмъ, а за Мазепиного гетманства опредѣлена тая деревня во владѣние на урядъ сотницства сотниковѣ Красноколядинскому Павлу Заgурскому, а по измертвіи его за того жъ гетмана Мазепи, якъ обобрано Корнѣя Салогуба сотникомъ, то тихъ временъ бившій полковникъ Прилуцкій Димитрій Горленко на малое время завладѣлъ билъ, потомъ, якъ сталъ гетманомъ Скоропадскій, по шведской баталіи знову тую деревню на урядъ сотницства сотнику Леонтию Лащинскому надалъ, а по немъ нѣнѣшнему сотнику Марку Анgеліовскому тая деревня во владѣние опредѣленна, і по унѣверсалу гетмана Скоропадского, въ 1718 году данномъ, по сію пору владѣетъ.

С. **Гиравка** — 44 двора. Владѣетъ бившого сотника Леонтия Лащинского жена ево вдова Маря Радичиева по жалованной грамоте 199 году отцу ея, бунчуковому товарищу, Тимофѣю Радичю за войсковие услуги в вотчину.

Село **Гиравка** здавна било войсковое под видѣниемъ сотеннимъ, которое до сотнѣ Красноколядинской всякую, якъ і протчие села, по опредѣлениямъ прежнимъ отдавало для служителей войсковихъ належитость, і оное село под ратушемъ не било, понеже ратушъ на него нѣкакихъ писменнихъ не имѣетъ крѣпостей, а якъ взято покойного гетмана Поповича, Мазепа, ставши гетманомъ і отнявши от сотнѣ тое село, надалъ Тимофѣю Радичу, бунчуковому товаришу, на которое виправивши премощнѣйшую монаршую грамоту в вотчину в року от создания мира 7199, владѣлъ до смерти, а по смерти зять его, Леонтій Лащинскій, сотникъ Красноколядин-

скій, владѣл же, по которого змертвіи жена его з дѣтми владѣла, а н̃нѣ тая маетность з рожоними сестрами ей зостала роздѣленна на пять частей во владѣние, которое село прежде вижей означенних владѣлцовъ не било в подданствѣ.

С. **Фесювка**—60 дворовъ. Владѣетъ Нежинского полку Конотопской сотникъ Григорій Костенецкій по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1713 году за войсковие услуги.

Село Хвесювка от давнихъ часъ войсковое било под видѣниемъ сотенним і всякую по опредѣлениямъ прежнѣмъ отдавало для служителей войсковихъ належитость, і оное село под ратушомъ не било, понеже ратушъ на него нѣякихъ писменнихъ крѣпостей не имѣетъ. А якъ сталъ Мазепа гетманомъ, то до дворца Великосамбурского гетманского на малое время привернулъ билъ в послушание. Потомъ онъ же Мазепа надалъ билъ Тимофѣю Радичу, бунчуковому товаришевѣ, которимъ нѣсколько годъ малое время (sic) і по немъ жена его владѣли. А якъ сталъ Иванъ Скоропадскій гетманомъ, то в нѣсколко годъ, одобравши в жени его Радичевой тое село, надалъ Григорию Костенецкому, сотниковѣ Конотопскому, которимъ селомъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, въ 1713 году данномъ, н̃нѣ, зостаючи на сотничествѣ, владѣетъ, а прежде вишшеписанних владѣлцовъ тое село в подданствѣ ие било, но к сотнѣ Красноколядинской прислушало.

В Иваницкой сотнѣ:

С. **Щуровка**—52 двора. Владѣетъ полковой Прилуцкой сотникъ Петръ Носенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1720 году до услуги войсковой.

Село Щуровка здавна било войсковое, в диспозиціи гетманской і полковничой, под видѣниемъ сотеннимъ, а ратушъ Іваницкая оним не владѣла, понеже не тилко крѣпостей жадних оная ратушъ не имѣла і не имѣетъ на тое село, но в мѣстечку Іваницѣ і ратуша не било і теперъ нѣтъ. Якое село в року 1692 за Мазепи гетмана перве полковничимъ, а послѣ гетманскимъ унѣверсалами наданно Івану Носу, в ту пору товаришевѣ бунчуковому, і жалованною монаршою грамотою утвержденно, і тимъ селомъ онъ Носъ за гетмана Скоропадского, будучи в Прилуцѣ полковникомъ і судею енералнимъ, владѣлъ по смерть свою. А по смерти его пасинокъ Петро Носенко, сотникъ теперешний полковій Прилуцкій, содержитъ себѣ в подданствѣ по унѣверсалу гетмана Скоропадского 1720, данному в ту пору на урядъ хоружества полкового.

С. **Вережовка**—40 дворовъ. Владѣетъ бившой Іваницкой сотникъ Григорій Івановичъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1715 году на урядъ сотничества до войсковой ласки.

Село Бережовка войсковое било, в диспозиціи гетманской і полковничой, под видѣниемъ сотеннимъ, которое значала сотникамъ Іваницкимъ прислушало едному по другому на урядъ сотницкий, а въ року 1715 за гетмана Скоропадского унѣверсаломъ его гетманскимъ надано Григорию Волошину, в ту пору сотниковѣ Іваницкому, і хочай ему Григорашу за нѣкоторое его преступление іменною монаршою блаженния і вѣчно достойния памяти Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссійского, грамотою 1721 году юня 10 дня, до его гетмана Скоропадского присланною, отказанно вовся од уряду сотнического і впредь нѣкогда нѣ в якихъ чинахъ ему бить не веленно, однакъ особливимъ его гетманскимъ респектомъ ради сватовства з его домомъ оное село Бережувка од того времени і до днесь во владѣніи Грегорашевомъ імѣется.

С. **Ступаковка**—50 дворовъ. Владѣютъ Ічевской сотникъ Григорій Стороженко з братомъ по унѣверсаломъ гетмана Скоропацкого, даннимъ 1715 і 719 годовъ за войсковие услуги.

Село Ступаковка войсковое било, в диспозиціи гетманской і полковничой, под видѣниемъ сотеннимъ. Якое село за Мазепи гетмана, полковниковавши тогда в Прилуцѣ, Димитрій Горленко надалъ своимъ унѣверсаломъ Андрѣю Стороженку, в ту пору жадного ураду еще не имѣючому, по которому і от гетмана Скоропацкого в потвержение на оное село унѣверсалъ ему Стороженку, сотникомъ Ічанскимъ уже будучому, а по смерти его Стороженка женѣ его жъ в року 1715 і дѣтямъ Григорию, Ічанскому, да Ивану, Іваницкому сотникамъ, од того жъ гетмана Скоропадского вторителній данъ унѣверсалъ в року 1719, і по онимъ унѣверсаломъ онъ Григорій, сотникъ Ічанскій, з маткою своею да небожчика Івана Стороженка жъ, сотника Іваницкого, дѣти владѣютъ доселѣ.

В Сребранской сотнѣ:

С. **Сокѣринцѣ**—192 двори. Владѣетъ Прилуцкій полковникъ Ігнатий Галаганъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1719 году до войсковой услуги.

Село Сокѣринцѣ от того время, когда Хмелницкій с под ига ляцкого вибивъ, належало до сотнѣ Срѣбранской, которое било не ратушное, поневажъ ратушъ жадной на него не имѣла и нинѣ не имѣетъ крѣпости, але войсковое і било под сотеннимъ видѣниемъ, а въ 1716 году покойной гет-

манъ Скоропадский надалъ оное село Сокиринцѣ в подданство нинѣшному полковниковѣ Прилуцкому пану Iгнатию Өаладану i ствердилъ своимъ рейментарскимъ унѣверсаломъ, которий i теперъ тимъ селомъ владѣеть, а болщъ, кромѣ пана полковника нинѣшнего Прилуцкого, в подданствѣ нѣкому прежде сего оное село не било.

С. **Березовиця** — 80 дворовъ. Владѣетъ бившого Прилуцкого протопопи Трифановского жена ево вдова Агафѣя Шкуратовна по жалованной грамоте, данной 1722 году мужу ея, протопопу Трифановскому, в вѣчное владѣние.

Село **Березовиця** било давнимъ временемъ войсковое, под Сребранской сотнѣ видѣниемъ i отдавало до оной для служителей войсковихъ всякую по давнимъ обикновениямъ належитую повинность, а не до ратуша, для того, же ратушъ не имѣеть крѣпостей писменнихъ жаднихъ на оное, которое i ни под якимъ владѣлцемъ прежде не било в подданствѣ, а 1710 году покойний протопопъ Прылуцкий, тогда еще намѣсникомъ Срѣбранскимъ бывший, Михайло Трифановский, первей виприсилъ в покойного гетмана Скоропадского унѣверсалъ на десять человѣка, менуючихъ подсуседками будто на его землѣ купленой, а на трохъ человѣка, на своихъ мужичихъ грунтахъ живучихъ, себѣ в послушание, другимъ разомъ, 1716, на половину оного села в того жъ гетмана Скоропадского другий унѣверсалъ випросилъ, а потомъ 1722 году, будучи в Москвѣ, и на все село Березовицю и на всѣ кгрунта, движимие i недвижимие, третий унѣверсалъ в оного жъ гетмана Скоропадского по инстанции князя Александра Даниловича Меншикова виправилъ. По якихъ унѣверсалахъ и по инстанции того жъ князя Меншикова i премощнѣйшую монаршую грамоту ему, Трифановскому, тамже в Москвѣ будучому, того жъ 1722 году виданно на означеное село Березовицю, которимъ по умертвiи оного i его жени от прошлого сего 1728 году по сее время сини Трифановского владѣютъ.

С. **Охонки**—74 двора. Владѣетъ Срѣбранской сотникъ Антонъ Троцина по жалованой грамоте, данной 204 году, которая данна отцу его, бившому сотнику, Трофиму Василиеву до войсковой услуги.

Село **Охонки** здавна било татарами забранное i спустошеное, i когда сотникъ Срѣбранский Антонъ Троцина, еще не будши сотникомъ, при двору монаршомъ Ея В—ва блаженния i вѣчно достойния памяти Софѣи Алексѣевни служилъ, тогда получилъ до гетмана Мазепи в первихъ его жъ гетманства годахъ указъ, даби отцу его сотниковому волно било тое пустое селищо Охонки осадити, по якомъ указу оний гетманъ, отцу его тое село осадить позволивши, i унѣверсалъ свой для спокойнѣйшого владѣния видалъ, которое село i премощнѣйшою монаршою грамотою стверженно, а

под ратушемъ Срѣбранскимъ, который жаднихъ писменнихъ на него не имѣетъ крѣпостей, такожъ і под инимъ владѣлцемъ, опрочъ помянутого сотника Срѣблянского (sic), в подданствѣ не било село оное.

С. **Карпиловка**—86 дворовъ. Владѣетъ Срѣбрянской же сотникъ Антонъ Троцина по унѣверсалу гетмана Скоропацкого, данному 1709 году до войсковой услуги.

Село Карпиловка такожъ татарами, когда еще по Украинѣ кграсовали, било забранно і спостошенное селище, которое ваковало болшъ сорока лѣтъ, сотникъ Срѣбранский Антонъ Троцина, тогда сотникомъ не бувшій, за позволениемъ бившого полковника Прилуцкого Димитрия Горленка не толко на спустошенномъ ономъ селищи, но и на власной своей купленной землѣ осадилъ, чому болшъ двадцять годовъ дѣется. Которое село і унѣверсаломъ покойного гетмана Скоропадского стверженно, якимъ і нинѣ онъ сотникъ Срѣбранскій владѣетъ; а под ратушемъ оное, понеже на него жаднихъ не имѣетъ крѣпостей, і под сотеннимъ видѣниемъ, такожъ і под инимъ владѣлцемъ, кромѣ помянутого сотника Срѣбранского, не било в подданствѣ.

С. **Грицовка** — 70 дворовъ. Владѣетъ Прилуцкого полку бунчуковой товаришъ Іванъ Себастияновичъ по унѣверсалу гетмана Скоропацкого, данному 1718 году до войсковихъ услугъ.

Село Грицювка било здавна войсковое под видѣниемъ сотнѣ Срѣбранской і отдавало до сотнѣ всякую по давнему обикновению і опредѣлениямъ належную служителемъ войсковимъ повинность, а под ратушемъ не било, что оная ратушъ жаднихъ на него не имѣла і теперъ не имѣетъ крѣпостей. Которое село за гетманства Мазепиного дано било в подданство небожчику Аѳанасию Мокиевскому, яко своему племеннику, тогда в Срѣбномъ атамановавшому, і унѣверсаломъ стверженно. А потомъ в первихъ годахъ гетманства своего покойній Скоропадскій тое село, у Мокиевского одобравши, надалъ в подданство небожчику писаревѣ полковому Прилуцкому Андрею Себастиановичу, уже потомъ і судиею полковимъ Прилуцкимъ же будучому, по которого смерти жена его з дѣтми тимъ селомъ до нинѣ владѣетъ, і болшъ оное село Грицювка (кромѣ?) прежде означеннихъ владѣлцовъ нѣ под кимъ в подданствѣ не било.

Варвинской сотнѣ:

Хуторъ, прозиваемой **Озерки** — 154 двора. Владѣетъ Прилуцкой полковникъ Ігнатій Галаганъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1716 году.

Село Озеряне прежнихъ временъ било войсковое и под видѣниемъ сотни Варвинской зоставало, а за гетмана Самойловича надано било тое село во владѣнне Яремѣ Моренцевѣ, бившему тогда сотниковѣ Варвинскому, а по умертвіи его знову приверненно било под видѣние сотнѣ Варвинской, якое под сотнею найдовалось ажъ до настатія н҃нѣшного полковника Прилуцкого, Ігнатия Gаладана, а когда онъ устроенъ в полку Прилуцкомъ полковникомъ, то в минувшомъ 1716 году тимъ селомъ владѣлъ і унѣверсалъ бившого покойного гетмана Скоропадского на тамошній футоръ і на нѣсколько хатъ виданъ ему полковнику, по которому і нинѣ онъ полковникъ тимъ футоромъ і нѣсколко хатъ людми владѣетъ.

С. **Свѣтличное**—25 дворовъ. Владѣетъ гетманши Скоропацкой служитель ея Андрей Gонзеровской по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1719 году до услуги войсковой.

Село Свѣтличное, которое прежде прозивалось футоромъ Свѣтличанскимъ, понеже нѣякійсь козакъ Варвинскій, прозиваемій Свѣтличній, футоромъ тамъ жилъ а около его і иние футорѣ разнихъ козаковъ и посполитихъ найдовались, а потомъ, когда тамъ доволно футорей умножилось, то іние люде, козаки і посполитие, на своихъ грунтахъ стали мешкати, якие люде под видѣниемъ сотеннимъ найдовались, і тогда бившій полковникъ Прилуцкій Іванъ Стороженко покойному сотнику Варвинскому Петру Патоцѣ, того времени при немъ писаремъ полковимъ будучому, тое село во владѣние надалъ і унѣверсаломъ ствердилъ, по якому унѣверсалу бившій гетманъ Мазепа на тое село подтвердытелній унѣверсалъ видалъ. Когда же онъ Патока змеръ, то знову тое село под видѣниемъ сотнѣ Варвинской найдовалось, а в року 1719 покойній гетманъ Скоропадскій швагровѣ своему, Андрѣю Gондзаровскому во владѣние надалъ, якимъ і теперъ онъ Gонзаровскій по унѣверсалу гетманскомъ владѣетъ.

С. **Гурбинци**—54 двора. Владѣетъ Прилуцкого полку бунчуковій товаришъ Григорий Себастияновичъ по жалованной грамоте, данной 7023 году дѣду его, Прилуцкого полку полковому писарю, Івану Василиеву, за служби ево войсковие.

Село Гурбинцѣ здавна било войсковое і под сотеннимъ видѣниемъ зоставало, которое за гетманства покойного Самойловича отданно било в подданство небожчику, обозному полковому Прилуцкому, Василию Себастияновичу за его служби і унѣверсаломъ гетманскимъ стверженно, по якомъ обозній і премощнѣйшую грамоту виправилъ По умертвіи же Василя Себастияновича досталось во владѣние старшому с҃новѣ его Івановѣ, писаревѣ полковому Прилуцкому, а когда оній змеръ, то досталось во владѣние с҃новѣ его Григорию Себастияновичу, которимъ селомъ і теперъ по унѣ-

версалу гетманскомъ і по монаршой грамотѣ владѣетъ. А под ратушомъ Варвинскимъ оное не било, поневажъ ратушъ жаднихъ на тое не имѣетъ писменнихъ крѣпостей.

Д. **Ігнатовка**—26 дворовъ. Владѣетъ бившого Прилуцкого полкового суди Андрея Себастияновича жена ево вдова, Федора Андрѣева дочь, з детми по жалованной грамоте, данной 7183 году бившого Прилуцкого полку полковому обозному Василию Себастияновичу, свекру ея, за многую ево верную службу.

Деревня Ігнатовка здавна била войсковая жъ і под сотенникмъ видѣниемъ зоставала, которая за гетманства покойного Самойловича отданна била в подданство небожчику обозному полковому Прилуцкому, Василию Себастияновичу за ево служби і унѣверсаломъ гетманскимъ стверженна, по якомъ обозній і премощнѣйшую грамоту виправилъ. По умертвіи же его Василия досталось во владѣние сину его меншому, Андрею Себастияновичу, судѣ тогдашному полковому Прилуцкому, а когда онъ померъ, то завладѣлъ уже синъ его, Матвѣй Себастияновичъ, которою деревнею оній Матвѣй і нинѣ по унѣверсалу гетманскомъ і по монаршой грамотѣ владѣетъ.

В с. **Гурбинцяхъ**—12 дворовъ. Владѣетъ она жъ Себастияновичева з детми по жалованной грамоте, данной 7183 году свекру ея, бившому Прилуцкого полку полковому обозному, Василию Себастияновичу за многую ево верную службу.

Сими дванадцятма дворами, на грунтахъ, купленнихъ Василиемъ Себастияновичемъ, обознимъ полковимъ Прилуцкимъ, і синомъ его Андрѣяномъ Себастияновичемъ, судиею полковимъ Прилуцкимъ[1]), в селѣ Гурбинцяхъ осѣлими, первѣе владѣли по грамотѣ, в року 7183 данной, онъ обозний, а потомъ означенний синъ его по унѣверсалу покойного гетмана Скоропадского, 1715 данимъ, оними жъ владѣлъ, а теперъ жена его Андрияна з синами по той же грамотѣ і унѣверсалу означеними дворами владѣетъ.

С. **Гнѣдинцѣ**—52 двори. Владѣетъ Варвинской сотникъ Михайло Тернавский по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1714 году на урядъ сотничества.

Село Гнѣдинцѣ здавна било войсковое, а под видѣниемъ сотнѣ Варвинской найдовалось і в минувшомъ 1709 году тогдашний полковникъ Прилуцкий Іванъ Носъ за прислуги войсковие дѣда і отца сотника Варвинского, Михайла Тернавского, і за его знатную службу реченое село Гнѣдинцѣ еще до вряду сотництва во владѣние ему надалъ і унѣверсаломъ своимъ

---

[1]) Въ подлинникѣ: «судии полкового Прилуцкого».

ствердилъ, а потомъ за покойного гетмана Скоропадского і унѣверсаломъ гетманскимъ ствержено, по которихъ унѣверсалахъ и нинѣ он же сотникъ владѣеть, а до ратуши Варвинской оное село не присутствовало, понеже ратушъ Варвинская жаднихъ писменнихъ крѣпостей не имѣеть.

Д. **Леляки** — 20 дворовъ. Владѣеть значковой козакъ Матвѣй Кисленко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1716 году до ласки войсковой.

Здавна била войсковая, под видѣниемъ сотенимъ і до сотнѣ всякие належитости отбувала, а за покойного гетмана Скоропадского въ 1716 году надана во владѣние значковому товаришевѣ Матвѣю Есипову, жителевѣ Варвинскому, который и нинѣ по тому наданню і по унѣверсалу гетмана Скоропадского оною деревнею владѣеть, да тотъ же владѣлца тамже в деревнѣ, в разнихъ обивателей тамошнихъ купивши землѣ, посадилъ нѣсколько хатъ, то и тими людми он же владѣеть.

В Жоравской сотнѣ:

В д. **Кулешовки**—6, в д. **Мокиевки**—15, ітого 21 дворъ. Владѣеть бившого Журавского сотника Демяна Якубовича жена его вдова Парасковия Маркова по унѣверсалу гетмана Скоропацкого, данному въ 1712 году мужу ея, Демяну Якубовичу, до войсковой услуги.

Село Мокиевка и деревня Кулешовка прежде били войсковие под видѣниемъ сотнѣ Журавской, которие в року 1712 покойний гетманъ Скоропадский надалъ шваgровѣ своему Демяну Якубовичу, тогдашному сотниковѣ Журавскому, і унѣверсаломъ своимъ ствердилъ, по якомъ означеного Якубовича жена по смерти его тими селомъ Мокиевкою і деревнею Кулешовкою і до сихъ временъ владѣеть. А под ратушемъ оное не било, для того, же ратушъ не имѣеть на него жаднихъ крѣпостей.

С. **Антоновка**—30 дворовъ. Владѣеть Прилуцкого полку бунчукового товариша Іліи Александровича жена его Домна Василиева з братомъ своимъ роднимъ Іваномъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1720 году, которое данно отцу іхъ за войсковие услуги.

Село Антоновка прежде било войсковое под видѣниемъ сотнѣ Жоравской, которое гетманъ Мазепа Леонтию Свѣчцѣ, тогдашнему полковниковѣ Лубенскому, по другомъ Перекопъскомъ походѣ надалъ во владѣние, якое і грамотою монаршою ствержено і по той монаршой грамотѣ тимъ селомъ

покойного Свѣчки синъ Іванъ і теперъ владѣетъ. А под ратушемъ оное не било, потому что ратушъ жаднихъ на него писменнихъ крѣпостей не имѣетъ.

В томъ же Прилуцкомъ полку в роздаче із надлежащихъ на гетмана в Красноколядинской сотнѣ:

С. **Самборъ Великий** — 30, в с. **Маломъ Самборе** — 15, в с. **Голюнкахъ**—20, в с. **Карабутовѣ**—26, в с. **Дептовки**—7, ітого 98 дворовъ. По указу, іс кабинета данномъ в 1726 году, князю Меншикову. К селу Самбору Великому мелница на реки Самборе о двухъ каменяхъ мучнихъ, да коло ступное; в селѣ Маломъ Самборе мелница на речке жъ Самборе об одномъ каменѣ; в селе Карабутовѣ мелница на речке Ромне о дву каменяхъ мучнихъ, да коло ступное. А нинѣ оние села отписанни на Его Императорское Величество с протчими Меншикова маетностми.

Села: **Самборъ Великій, Самборъ Малій** і **Карабутовъ** здавна били войсковие, под видѣниемъ сотнѣ Красноколядинской і всякую по опредѣлению прежномъ отдавали для служителей войсковихъ належитость, і оние села под ратушею не били, понеже ратушъ на нихъ нѣякихъ писменнихъ не имѣетъ крѣпостей. А якъ сталъ Поповичъ гетманомъ, тими селами завладѣлъ, а по немъ Поповичу, ставши гетманомъ же, Мазепа опредѣлилъ еще для прислушания до дворца Самборского села **Голюнку** и **Дептовку** посполитихъ людей, якие такожъ до того били под видѣниемъ войсковимъ, і владѣлъ оними. По Мазепѣ тожъ і гетманъ Скоропадскій тими всѣми селами владѣлъ же; а по ізмертвіи его Скоропадского, не вѣдати по якимъ указамъ, завладѣлъ билъ оними селами князь Менщиковъ, а послѣ Менщикового владѣния всѣ вишо означенние села отписани на Его Императорское Величество, якие і теперъ в той отписѣ зостаютъ.

Із отписнихъ маетностей в роздаче жъ: в полковой сотнѣ:

С. **Мамаевка**—40 дворовъ. Владѣетъ гп҃днъ генералъ де Вейзбахъ по указу, из Сената данному 1722 году. Мелница под Прилуками на реке Удаи об одномъ камени; дворъ в Прилукахъ с хоромнимъ строениемъ ізменника полковника Горленка.

Село **Мамаевка** здавна било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, а в року 1689 от змѣнника Мазепи Т[illegible]

Кондратову, тогдашному судѣ полковому Прилуцкому, на врядъ судейства отданно во владѣние, а по умертвіи его от того жъ змѣнника Мазепи в року 1705 Дмитрию Горленку, бившому полковнику Прилуцкому, отдано било. По змѣнѣ тежъ въ 1709 году унѣверсаломъ гетмана Скоропадского Михаилу Григориеву, тогдашнему судѣ полковому Прилуцкому, а нинѣшнему обозному, било надано. А нинѣ онимъ селомъ господинъ генералъ фон-Вейзбахъ владѣетъ по указу, із Сената данному въ 1722 году.

В Иваницкой сотни:

С. **Раски**—191 дворъ. Владѣетъ гпднъ генералъ де Вейзбахъ по указу, із сената данному 1722 году.

Село **Раски** било здавна войсковое, в диспозиціи гетманской і полковничой, под видѣниемъ сотенцимъ, якое село в року 1679 за Самойловича гетмана унѣверсаломъ наданно Димитрию Чернявскому на урядъ полковничества Прилуцкого. А послѣ гетманскимъ же унѣверсаломъ определенно Лазора, полковника Прилуцкого, сну, Димитрию Горленку, которій до ізмѣни Мазепиной владѣлъ тимъ селомъ. А по змѣнѣ полковники Прилуцкие, прежній Іванъ Носъ, а по Носу нинѣшній Ігнатій Galagанъ, владѣли. Перед смертю же гетмана Скоропадского его превосходителство генералъ аншеѳъ гпднъ де Вейзбахъ по монаршому указу между протчіими маетностями ізмѣнничими і тимъ селомъ Расками завладѣлъ і доселѣ владѣетъ.

В Сребранской сотнѣ:

С. **Васковци** — 66 дворовъ. Отданно за гетманство Мазепино по унѣверсалу бившому князю Четвертенскому, данному 700 году; в томъ же селѣ мелница вешнякъ об одномъ каменѣ да коло ступное, а въ 723 году по указу із Малороссійской Коллегіи вишпоказанное село отписанно на Его Императорское Величество.

Село **Васковцѣ** давнихъ временъ било войсковое, под сотенимъ видѣниемъ і до сотнѣ Срѣбранской по опредѣлению тогдашнему всякую служителемъ войсковимъ отдавало належитость, а под ратушемъ не било і ратушъ не мѣетъ на оное жаднихъ писменнихъ крѣпостей. Когда же Казикерменъ въ 1695 году достали, в той часъ князь Юрей Червертенскій попалъ билъ в неприятелскую татарскую неволю, з которой у колка годъ якъ свободилъся, в тотъ часъ оному князю Четвертенскому за гетманства Мазепиного наданно в подданство, на якое село Васковцѣ тогда і унѣверсалъ гетманскій билъ ему виданъ, а прошлого 1723 году августа 12 уже тое село отписано на Его Императорское Величество, в якой отписѣ і донинѣ оное

імѣется, которое пред тимъ в подданствѣ болшъ, кроме князя Четвертенского, нѣ под какимъ не било владѣлцемъ.

Нинѣ при ратушскомъ ведомствѣ:
в полковой Прилуцкой сотнѣ:

М. **Переволочная** — 134 двора, сели **Товкачовка** — 203, **Боршная**—40, **Валки**—80, **Високое**—28, **Смошъ**—74, **Лѣски**—19, **Красняни**—18, **Подища**—50, **Полонки**—19, д. **Рибецъ**—7, ітого 672 двора. Оние мѣстечко, села і деревнѣ іздавна ратушние, а по сказке тамошной городовой старщини на вишепоказанние мѣстечко, сели і деревнѣ жалованной грамоте і гетманского унѣверсалу при той ратуши нѣтъ.

Мѣстечко **Переволочная**, села **Товкачовка**, **Боршная**, **Валки**, **Високое**, **Смошъ**, **Лѣски**, **Красняне**, **Подища**, **Полонки** і деревня **Рибецъ**, якъ здавна, такъ и теперъ под видѣниемъ сотнѣ полковой Прилуцкой зостаютъ, поневажъ ратушъ Прилуцкая на ихъ жаднихъ не имѣетъ писменнихъ крѣпостей.

В Иченской сотнѣ:

С. **Гужовка** — 42 двори. А по скаске тамошной городовой старшини на вишепоказанное село жалованной грамоте і гетманскихъ унѣверсаловъ при оной ратуши не имѣется.

Село **Гужовка** нѣ под какими владѣлцами не било, а в вѣдомствѣ сотнѣ Іченской найдовалось і оного села посполитие люде з мѣскими людми повинность войсковую отбуваютъ, на войсковие артиллерійские конѣ сѣно косять і возять і на служителей войсковихъ по опредѣлению датокъ взимается і во всякихъ нуждахъ до мѣста чинять помоществование. А ратушъ Ічанская на оное село крѣпостей жаднихъ не мѣла і не имѣетъ.

В Монастириской сотни:

Сели **Заудайка**—46, **Андрѣевка**—4, ітого 50 дворовъ. А по скаске тамошной городовой старшини на вишепоказанние сели грамоти і гетманскихъ унѣверсаловъ не имѣется.

Село **Заудайка** есть войсковое і нѣ в якихъ дачахъ не било, кроме того, что з давнихъ временъ на рангъ сотничій Монастирискій прислушаетъ. Село **Андрѣевка** такожъ есть войсковое і з давнихъ временъ под вѣдомствомъ сотнѣ Монастириской зостаетъ, а в дачахъ нѣякихъ не било, на якие вишпрописанние села в сотнѣ Монастириской жалованнихъ грамотъ і унѣверсаловъ гетманскихъ не имѣется.

В Красноколядинской сотнѣ:

Сели **Дмитровка** — 30, **Рабуха** — 32, **Гайворонъ** — 73, **Галки**—41, **Коренецкая**—9, ітого 185 дворовъ. А по скаске тамошней городовой старшини на вишепоказанние сели жалованнихъ грамотъ і гетманскихъ унѣверсаловъ не имѣется.

Сели **Дмитровка, Рабухи, Гайворонъ, Галка** і **Коренецкая**, якъ здавна били войсковие і под жаднимы владѣлцами не найдовались, такожъ і нѣ на какие уряды не определенни били, такъ і нинѣ под видѣниемъ сотнѣ Красноколядинской обрѣтаются. А ратушъ Красноколядинская жаднихъ на означенние села грамотъ і унѣверсаловъ не имѣла і теперъ не имѣетъ.

В Иваницкой сотнѣ:

С. **Городня** — 56 дворовъ. А по сказке тамошней городовой старшини на вишепоказанное село жалованной грамоты і гетманского унѣверсалу не имѣется.

Село **Городня** войсковое било і есть, в диспозиціи гетманской і полковничой, под видѣниемъ сотеннимъ, належитъ до мѣстечка Іваницѣ, а ратушъ тамошная тимъ селомъ не владѣла, понеже не тилко нѣякихъ крѣпостей оная ратушъ не имѣла і не имѣетъ на то село, но в мѣстечку Іваницѣ не било і ратуша, і теперъ нѣтъ, а державца жаденъ не мѣвъ оного в своемъ владѣніи і доселѣ.

В Сребранской сотни:

Сели **Харитоновка**—98, **Алексинцѣ**—99, **Никоновка**—37, **Юрковцѣ** — 48, **Блотниця** — 52, **Довгалювка** — 45, ітого 379 дворовъ. А по скаске тамошной городовой старшины на вишпоказанние села жалованнихъ грамотъ і гетманскихъ унѣверсаловъ нѣтъ.

Сели **Харитоновка, Алексинцѣ, Никоновка, Довгалювка, Блотниця** і **Юрковцѣ**, якъ здавна, такъ и теперъ под сотнѣ Срѣбранской зостаютъ видѣниемъ, поневажъ ратушъ Срѣбранская на ихъ жаднихъ не имѣетъ писменнихъ крѣпостей.

Варвинской сотни:

Сели **Дегтярувка**—6, **Іваковци**—11, **Савинцѣ**—38, **Оробиювка**—5, **Остаповка**—11, ітого 71 дворовъ. По скаске тамошной городовой старшини на вишпоказанние села жалованнихъ грамотъ і гетманскихъ унѣверсаловъ при ратуши не имѣется.

Села **Дегтяри, Іванковцѣ, Савинцѣ, Оробювка** і **Остаповка**, якъ здавна били войсковие і нѣ под какими владѣлцами не найдовались, також і нѣ на якие уряди не належали, такъ і нинѣ под видѣниемъ сотнѣ Варвинской обрѣтаются, а ратушъ Варвинская жаднихъ на означенние села грамотъ і унѣверсаловъ не имѣетъ.

Монастирскіе:
в Прилуцкой полковой сотнѣ:

Д. **Мацѣевка** — 102, в д. **Левкахъ** — 17, ітого 119 дворовъ. Владѣютъ Прилуцкого Густинского монастира монахи по жалованной грамоте, данной 168 году.

Деревня **Мацѣевка** прежде за державы полской била ксіонженца Вишневецкого Михаила Корибутова, при которой деревнѣ і футоръ монастира Густинского найдовался і теперъ найдуется, а в року 1619 януария 11 помянутую деревню Мацѣевку к оному хутору монастирскому ксенжна Вишневецкая Раина Могилянка Михайлова Корибутова до монастира Густинского надала і привелеемъ своимъ в вѣчность ствердила, а в року от создания мира 7168 грамотою блаженния і вѣчно достойния памяти великого гс҃дра ц҃ра Алексѣя Михайловича потверженна, по якой грамотѣ монаршой і нинѣ законники монастира Густинского оною деревнею владѣютъ. А деревня **Левки** здавна на кгрунтахъ монастирскихъ осадилась, якую деревню прежде бившій войтъ Прилуцкій Кость Никифоровичъ привернулъ билъ до ратуша Прилуцкого, а въ 1657 году Ѳеодосій Лаврѣновичъ і Петро Дорошенко, зосланние в полкъ Прилуцкій, отнявши от оного войта, до монастира Густинского во владѣние надали, а в року от создания мира 7168 і грамотою монаршою ствerженно, по якой грамотѣ монаршой помянутие законники монастира Густинского і н҃нѣ владѣютъ.

С. **Ковтуновка**—12 дворовъ. Владѣютъ Харлампиева девича монастира монахини по жалованной грамоте, данной въ 718 году в вѣчное владѣние.

Деревня **Ковтуновка** било здавна войсковое под видѣниемъ сотнѣ полковой Прилуцкой, а не ратушное, ібо ратушъ на оное жаднихъ крѣпостей не имѣла і теперъ не имѣетъ. А въ року 1694 по унѣверсалу Мазепи Димитрию Горленку, бившому полковнику Прилуцкому, во владѣние отданно і грамотою монаршою в року от создания мира 7203 ему Горленку ствержённо, которое синовѣ уже его, Андрѣю Горленку, бунчуковому товаришу, в року 1709 по унѣверсалу гетмана Скоропадского отдано било, а потомъ гетманъ Скоропадскій одибралъ на свою особу і из своею женою, нинѣшною удовствующою гетманшою, владѣлъ.

С. **Яблуновка**—43 двора. Владѣютъ Харлампиева девича монастира монахинѣ по жалованной грамоте, данной 1714 году во вѣчное владѣние.

Деревня прежде бившая, а нинѣ село **Яблуновиця** здавна била войсковая, под видѣниемъ сотнѣ полковой Прилуцкой, а не ратушнимъ, ібо ратушъ на оную жаднихъ крѣпостей не имѣла і теперъ не имѣетъ. А в року 1694 бывшій полковникъ Прилуцкій Димитрій Горленко, по унѣверсалу Мазепи одержавши себѣ во владѣние помянутие села Сергѣевку, Бѣлошапки і деревню Ковтуновку, завладѣлъ оною Яблуновицею, которую по змѣнѣ Мазепиной гетманъ Скоропадскій одобралъ на свою особу і н͠нѣ п͠нѣ Скоропадская, удовствуючая гетманша, оною деревнею владѣетъ.

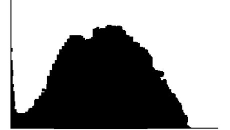
С. **Бѣлошапки**—39 дворовъ. Владѣютъ Харлампиева девича монастира монахини по жалованной грамоте, данной 1714 году во вѣчное владѣние.

Село **Бѣлошапки** било здавна войсковое, под видѣниемъ сотнѣ полковой Прилуцкой, а не ратушнимъ, ібо ратушъ на оное жаднихъ крѣпостей не имѣла і теперъ не имѣетъ, а въ року 1699 по унѣверсалу Мазепи Димитрию Горленку, бившому полковнику Прилуцкому, во владѣние отданно і грамотою монаршою в року от создания мира 7203 ему, Горленку, стверженно, которое синовѣ уже его, Андрѣю Горленку, бунчуковому товаришу, в року 1709 по унѣверсалу гетмана Скоропадского отдани били, а потимъ гетманъ Скоропадскій одобралъ на свою особу, якою п͠нѣ Скоропадская, удовствующая гетманша, владѣетъ нинѣ.

В с. **Сергѣевцѣ**—48 дворовъ. Владѣютъ Харлампиева девича монастира монахини по жалованной грамоте 1714 году во вѣчное владѣние.

Село **Сергѣевка** здавна било под видѣниемъ сотнѣ полковой Прилуцкой, а не ратушное, ібо ратушъ на оное жаднихъ крѣпостей не имѣла і теперъ не имѣетъ. А в року 1694 по унѣверсалу Мазепи Димитрию Горленку, бившому полковнику Прилуцкому, во владѣние отданни і грамотою монаршою в року от создания мира 7203 ему, Горленку, стверженни, которие синовѣ уже его, Андрею Горленку, бунчуковому товаришу, в року 1709 по унѣверсалу гетмана Скоропадского отданни билы, а потимъ гетманъ Скоропадскій одобралъ на свою особу оную, якимъ п͠нѣ Скоропадская, удовствующая гетманша, владѣетъ н͠нѣ.

В с. **Малой Дѣвицѣ**—51 дворъ. Владѣютъ Харлампиева девича монастира монахини по жалованной грамоте, данной 1714 году во вѣчное владѣние; в томъ же селѣ вешняная мелница на речки Мокрице об одномъ каменѣ.



Село **Малая Девиця** било здавна под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, которое от Димитрия Горленка, тогдашнего полковника Прилуцкого, наданно во владѣние бившому хоружому полковому Прилуцкому Семену Даценку, а потимъ онъ Горленко, одобравши тое село на себе, держалъ до змѣни, а по змѣнѣ Мазепиной гетманъ Скоропадскій в року 1709 надалъ во владѣние тестевѣ своему, Марку Аврамову, а когда Марко померъ, то онъ, гетманъ Скоропадскій, на свою одибралъ билъ особу, а потимъ отдалъ во владѣние Харлампиевому девичу монастиру, якое въ 714 году і жалованною грамотою в вѣчность ствержено, почему монахинѣ оного монастира і н нѣ помянутимъ селомъ Малою Дѣвицею владѣютъ.

В с. **Великой Девицѣ**—27 дворовъ. Владѣютъ Харлампиева девича монастира монахини по жалованной грамотѣ, данной 1714 году во вѣчное владѣние.

Село **Велика Девица** іздавна било под видѣниемъ войсковимъ, до сотнѣ полковой Прилуцкой належало, а в року 1690 от змѣнника Мазепи тогдашнему судѣ полковому Прилуцкому Кгрену во владѣние било наданно, а по смерти его онъ же змѣнникъ Мазепа 1707 году надалъ Андрѣю Горленку, товаришевѣ бунчуковому, которое гетманъ Скоропадскій по змѣнѣ Мазепиной в року 1709 надалъ помянутому тестевѣ своему Марку, а по смерти его Марка онъ Скоропадскій одобралъ билъ на свою особу, а потомъ отдалъ во владѣние Харлампиеву дѣвичу монастиру, которое въ 1714 году жалованною грамотою ствердженно в вѣчность і нинѣ по тому монастира Харлампиева монахинѣ онимъ селомъ Великою Девицею владѣютъ.

В сотнѣ Ічанской:

С. **Вурумка** — 95 дворовъ. Владѣетъ Киево-Печерского монастира архимандритъ з братиею по жалованной грамоте, токмо оной при ревизіи не обявленно.

Село **Буромка** войсковое било і в вѣдомствѣ сотнѣ Ічанской найдовалось, а когда Вуяхевичъ сталъ судею енералнимъ, тими селами завладѣлъ і, принявши габитъ іноческій в обители Киево-Печерской, тое село на обитель Киево-Печерскую жъ легговалъ, которое і понинѣ до обители належитъ і грамотою блаженния і вѣчно достойния памяти Его И. В-ва ствержено.

С. **Шиловичи**—15 дворовъ. Владѣетъ оного жъ Киево-Печерского монастира архимандритъ з братиею по жалованной грамоте, токмо оной при ревѣзіи не обявленно.

Село **Шиловичи** прежде било войсковое і под видѣниемъ сотнѣ Ічанской найдовалось, а когда Вуяхевичъ сталъ билъ судею енералнимъ, тими селами завладѣлъ; потимъ, принявши габитъ іноческій в обители Киево-Печерской, оное село на тую жъ обитель Киево-Печерскую отдалъ во владѣние, якое і нонинѣ до обители належитъ і грамотою блаженния і вѣчно достойния памяти Его И. В-ва стверженo.

В Сребранской сотни:

С. **Деймановка**—50 дворовъ. Владѣютъ Прилуцкого Густинского монастира чернци по жалованной грамоте зъ 202 году; в том же селѣ куплена мельница на реке Лисогорке об одномъ каменѣ, да ступное коло.

Село **Деймановка** здавна било войсковое под видѣниемъ сотеннимъ, которое до сотнѣ Срѣбранской всякую по определениямъ прежнимъ отдавало для служителей войсковихъ належитость, і оное село под ратушемъ не било, понеже ратушъ нѣякихъ на него писменнихъ не имѣетъ крѣпостей, а за покойного гетмана Дамияна Ігнатовича отданно оное монастира Густинского Прилуцкого законникамъ в подданство, которимъ для свободнѣйшого владѣния и унѣверсалъ рейментарскій въ 1670 году виданъ, по якомъ означенние законники і премощнѣйшую монаршую грамоту в потвержение виправили в року от создания мира 7202, по якимъ крепостямъ і донинѣ владѣютъ. А прежде тое село Деймановка нѣ за якимъ владѣлцемъ, опрочъ помянутого монастира, не било в подданствѣ.

В Жоравской сотны:

С. **Ладинъ**—119 дворовъ. Владѣетъ девича Ладинского монастира ігумения Александра з сестрами, і в томъ селѣ построенъ монастиръ, і оное село дано от полскихъ королей княгини Ірини Могилянки Корибутовой, на которое имѣли они от оной княгинѣ привилеи і в битность ізменника Мазепи в прошломъ 1709 году оние привилегіи от швецкого неприятелского нахождения похороненни били в яму і в оной ямѣ оние привилеи за печатми все погнили, і на то село жалованной грамоти і гетманского унѣверсалу она ігумения з сестрами не имѣетъ.

А на предъ сего вишеписанния монастирския сели и деревни на какие уряди принадлежали, о томъ не показанно.

Село Ладинъ іздавна ратушнее не било і до сотенного вѣдомства не належало, поневажъ оное здавна еще в року 1619 януарія 18 от Раини Могилянки княгинѣ Вишневецкой данно монастиру дѣвичому Ладинскому і писмомѣ стверженно, по якомъ писму і по унѣверсалу гетманскому оного монастира законници і теперъ владѣютъ онимъ селомъ Ладиномъ, а кромѣ того нѣ под какимъ болшъ владѣлцемъ оное не било.

Сия копия списанна вѣрно і во увѣреніе того подписались: Полковникъ Григорий Галаганъ. Обозній полковій Федоръ Галенковскій. Судія полковій Яковъ Огроновичъ. Асаулъ полковий Яковъ Велецкий.

Полковій старшій канцелярыстъ Ѳедоръ Марковскій. Полковій канцеляристъ Михайло Грудина.

Панегирикъ 1728 года.

Помѣщая подробное описаніе вновь найденнаго малороссійскаго панегирика, Редакція считаетъ умѣстнымъ предпослать нѣсколько пояснительныхъ къ нему примѣчаній. Не повторяя здѣсь того, что изложено въ специальномъ докладѣ, посвященномъ вопросу о малороссійскихъ панегирикахъ XVII—XVIII ст. и читанномъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора [1]), напомнимъ лишь, что главнымъ разсадникомъ этого рода литературы служила въ то время Кіево-Могилянская коллегія. Ея питомцы потратили не мало дарованій на составленіе панегириковъ разнымъ сановнымъ людямъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Даже корифеи учености и лавроносные поэты, въ родѣ знаменитаго Стефана Яворскаго и другихъ, не стыдились тѣшить панское и старшинское тщеславіе, воспѣвая небывалыя доблести козацкой старшины и «шляхетную зацность» ихъ «рожаю». Многія изъ этихъ диковинныхъ произведеній школьной «поэтицкой музы» представляютъ неподражаемые образцы словесной виртуозности; но этотъ холодный, риторическій, стекляный блескъ ума и слова страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ живого, искренняго одушевленія, а слѣдовательно и истинной поэзіи. Менѣе талантливые панегиристы не достигали, конечно, и такого искусства; ихъ жалкое «риѳмичество» служило имъ легкимъ ремесломъ, съ помощью котораго они добивались расположенія сильныхъ міра и извлекали изъ

[1]) Разумѣемъ докладъ д. чл. Общества О. И. Левицкаго, читанный въ засѣданіи 25 февр. 1896 г. и напечатанный въ мартовск. книгѣ «Кіев. Старины» за текущій 1896 годъ.

этого матеріальныя выгоды. Вотъ почему большая часть панегириковъ осталась не напечатанной въ свое время, да она и не предназначалась для печати. Обыкновенно авторъ старательно переписывалъ свое произведеніе, преукрашалъ рукопись множествомъ рисунковъ и каллиграфическихъ орнаментовъ и въ такомъ видѣ подносилъ ее своему «меценату».

Въ такомъ именно видѣ сохранился и панегирикъ 1728 года. Авторомъ его былъ ученикъ «Кіевскихъ славено-латинскихъ училищъ» Яковъ Галяховскій, о личности котораго не сохранилось никакихъ извѣстій. Предметъ панегирика — прославленіе императора Петра II, милостиво дозволившаго малороссіянамъ вновь избрать гетмана и отмѣнившаго столь не нравившіяся имъ нѣкоторыя распоряженія предшествовавшихъ царствованій. Какъ извѣстно, по смерти гетмана Скоропадскаго (3 іюля 1722 г.) Петръ I не дозволилъ избрать ему преемника, а управленіе Малороссіей поручилъ особой коллегіи, члены которой состояли изъ великороссійскихъ чиновниковъ, равно какъ и ея президентъ бригадиръ Вельяминовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ введены были въ Малороссіи новые налоги и сборы. Когда въ слѣдующемъ году генеральные старшины, съ наказнымъ гетманомъ Полуботкомъ, были вызваны въ Петербургъ за домогательство объ отмѣнѣ этихъ нововведеній, Петръ приказалъ арестовать просителей; Полуботокъ и двое другихъ старшинъ умерли въ крѣпости; вступившая на престолъ императрица Екатерина I освободила остальныхъ, но оставила въ силѣ всѣ другія распоряженія Петра I, касавшіяся Малороссіи. Затѣмъ послѣдовало воцареніе Петра II,—и политика по отношенію къ Малороссіи рѣзко измѣнилась; рѣшено было: быть въ Малороссіи гетману по прежнему, малороссійскую коллегію закрыть, сборы ею наложенные отмѣнить, а впредь собирать лишь тѣ, кои были собираны по статьямъ Б. Хмельницкаго и его преемниковъ.

1-го октября 1727 г. былъ избранъ въ гетманы Даніилъ Апостоль, а весною 1728 г. онъ, во главѣ депутаціи изъ козацкихъ старшинъ, отправился въ Москву, чтобы присутствовать при коронаціи новаго императора и принести ему отъ лица всего Малороссійскаго народа благодареніе за пожалованныя милости. Къ этому именно времени былъ составленъ Галяховскимъ широковѣщательный панегирикъ: «Эхо радости, привѣтство и благодареніе изъ Малыя Россіи».

Нахожденіе подлинной рукописи этого панегирика въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ (бывшей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, къ вѣдомству которой относились и малороссійскія сношенія) свидѣтельствуетъ о томъ, что она была поднесена императору, но кѣмъ — самимъ ли авторомъ, или кѣмъ-либо изъ членовъ малороссійской депутаціи—не извѣстно.

Ред.

Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ владѣетъ интересною рукописью—Панегирикомъ въ честь императора Петра II. Эта рукопись, судя по письму, рисункамъ и переплету,—подлинникъ, поднесенный этому государю.

Лице перваго листа представляетъ заглавіе, помѣщенное въ отлично исполненной перомъ рамкѣ, на подобіе гравированныхъ рамокъ южно-русскихъ изданій XVII вѣка[1]):

«Ехо радости привѣтства и благодаренія на превожделѣнный, преславный, и всемилостивѣйшій гласъ Богомъ данного, Богомъ вѣнчанного, и Богомъ превознесенного, благовѣрного, и благочестивого, и христолюбивого, Всепресвѣтлѣйшого и Державнѣйшого Великого Государя нашего Петра Втораго Імператора и Самодержца Всероссійского, тако обще всему Россійскому народу новымъ монархою Всероссійскія імперіи престола імператорской короны и священного помазанія воспріятіе объявившый, яко и собственно Малороссійскому народу, ко удоволствованію своему, по прежнему обыкновенію имѣти гетмана повелѣвшій изъ Малія Россіи: чрезъ всенайпослѣднѣйшого раба, и всенижайшее подножіе, зъ училищъ Кіевскихъ славенолатинскихъ ученика, Якова Галяховскаго, въ достодолжный даръ, яко Всемилостивѣйшому Государю своему: Его Імператорскому Величеству: произнесеся: Лѣта царя царствующихъ: 1728, мѣсяца марта 10 дня».

На оборотѣ перваго листа находится сдѣланное перомъ изображеніе двуглаваго орла съ надписью на верху:

«Знаменіе преславныя, превысочайшія и всепресвѣтлѣйшія Імператорскія породы».

---

[1]) Въ этой рамкѣ изображенія: самого Петра II, Петра I и Владимира св., съ разными эмблемами и надписями.

А подъ орломъ цитата изъ пророка Іезекіиля и стихи:

«Се благополучіе—намъ усугубися!
«Егда Россійска орла—юность обновися:
«Орелъ другій: по первомъ—Вторый Петръ отъ Бога
«Поданъ монархъ Россіи,—о радость премнога!

Лице втораго листа заключаетъ въ себѣ полный императорскій титулъ, а оборотъ—исполненныя перомъ изображенія Петра II на престолѣ и стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ, съ молитвенно прижатыми къ груди руками юноши (автора?). Подъ рисункомъ четверостишіе.

Листы 3—6: предисловіе, въ которомъ авторъ объясняетъ, что его трудъ, «общій Россіи Малой гласъ»,—эхо на гласъ Петра II, возстановившій гетманство.

Листы 6 об.—8:

«Стыхи предгласителныи на предслѣдствующее тройственное ехо по сему краегранесію (=акростиху): ехо Малія Россіи монарха гласу достодолжно принесеся».

Начало:

«Егда истинну—долженствуемъ пѣти,
«И приличныя—издати привѣти
«Хотяще: тогда—истинны цѣвници да станутъ въ лици.
«Орфей днесь баснми—да молчитъ явленный,
«И Ярпократу—да будетъ врученный,
«И с нимъ Аполлинъ—со своими музы и вси ихъ друзы
«Здѣ днесь истинныхъ,—здѣ неложныхъ требѣ
«Пѣсненныхъ устенъ:—иже живутъ въ небѣ:
«Маріамъ буди—пѣснь намъ начиная
въ тѵмпанъ въдарая
«А съ нею Давидъ—и Захарій полный
«Духа святаго—горный же и долный
«Ликъ, радость, привѣтъ,—пѣснь благодарственну
творятъ явственну...

Лице 9-го листа занято цитатами изъ Свящ. Писанія, а на оборотѣ его находится рисованное перомъ изображеніе Петра II, вѣнчаемаго ангелами, съ приличными надписями, и подъ нимъ четверостишіе.

Листы 10—18: прозаическая половина первой части Панегирика.

Листы 19—21:

«Панегѵріконъ: си есть, стыхи похвалныи всероссійской радости, по сему краегранесію: Віватъ Россіи радость, Петръ Второй, на многая лѣта».

Начало:

«Воспой нынѣ Россіе,—пѣснь нову, и съ нами
«Весь міръ днесь да восплещетъ—радостно руками;
«Ибо радость многа—отъ Вышняго Бога
«Намъ изліяся:
«Исполныхомся—сладчайшаго свѣта,
«Возвратишася—намъ златіи лѣта;
«Ихъ суть знаки:—Монархъ Петръ паки
«Намъ даровася.
«Воскликнѣмъ убо гласомъ—радости къ Богу,
«Благодаряще милость—Его премногу,
«Яко царь всесилный—гласъ насъ всѣхъ умылный
«Услышавъ горѣ...

Лице листа 22-го заключаетъ въ себѣ новый рядъ цитатъ изъ Свящ. Писанія, а на оборотѣ находится рисованное перомъ изображеніе креста съ короною надъ нимъ, съ приличными надписями и четверостишіемъ.

Листы 23—33: прозаическая половина второй части Панегирика.

Листы 34—36:

«Сѵнхаристіконъ: си естъ, стыхи привѣтствителныи Всероссійскому свѣтилу, по сему краегранесію: Віватъ Россіи свѣтило Петръ Алексіевичъ на многыя лѣта».

Начало:

«Вознеси гласъ Россіе,—аки трубу гласну
«Прости во вся предѣлы—твоя днесъ рѣчъ ясну:
«да всякъ услишитъ,—сѣмо поспѣшитъ.
«Іже въ тебѣ суть—умомъ знаменыты,
«Въ рѣчехъ искусны,—въ словѣ именыты,
«Собери; съ нами—да предстанутъ нынѣ вси во единѣ.
«Вы убо превѣйшіи—уста богогласна;
«Отригнѣть мудрѣ ваша—бесѣды прекрасна
«разумомъ чистимъ,—и словомъ истимъ;
«А съшедше купно—отъ круга высока
«Мудрости, своя—да ліютъ глубока
«Еврипы рѣчей—глубокость имуща, быстротекуща...

Лице л. 37-го: новый рядъ цитатъ изъ свящ. Писанія. На оборотѣ этого листа рисованный перомъ рисунокъ; на немъ: солнце, которое «на вся равно зритъ», дождь падающій съ неба и растекающійся по землѣ

потоками, и «Россія Малая», въ вооруженіи, принимающая въ сосудъ воду. На рисункѣ приличныя надписи, подъ нимъ—четверостишіе.

Листы 38—47: прозаическая половина третьей части Панегирика. Въ ней идетъ рѣчь о возстановленіи гетманства. Два наиболѣе интересныхъ мѣста:

«Намъ убо, малороссіяномъ, егда всемилостивѣйшій государъ нашъ по собственному благоволенію своему благопотребнаго вожда Даніила Апостола подати изволилъ, не токмо неудобопостижнимъ благополучіемъ, но и превеличайшою ползою всѣхъ насъ облагодѣтелствовалъ есть»...

«Болѣзноваше доселѣ великою болѣзнію Россія Малая и зѣло разорашеся, егда себе аки тѣло безъ глави, лишенна бывши обычного вождa, и чада своя аки овци безъ пастира расточаемая зряше»...

Листы 47 об.—50:

«Евхаристіконъ: си естъ стыхи благодарственныи всероссійскому благополучію, по сему краегранесію: Віватъ Россіи благополучіе, імператоръ всемилостивѣйшій, на многая лѣта».

Начало:

«Воздаждъ Россіе—малая, великій
«Гласъ благодарствій—за даръ ти толикій;
«Ізлияся бо милость—намъ нынѣ премнога
«Дара—драгаго
«Петра—Втораго
«Добраго намъ монарха—отъ благаго Бога
«Всѣмъ дарованна:—аще и никто же
«По достоинству—что рещи возможе
«Аще бы и тысящу—возимѣлъ языковъ
«Слова—высока
«Ума—глубока
«Никакоже можетъ развѣ—Самъ о Творче вѣковъ...

Панегирикъ заключается прозаическимъ «концомъ», находящимся на оборотѣ послѣдняго 50-го листа.

Авторъ наполнилъ текстъ цитатами изъ Свящ. Писанія и разсказами объ историческихъ лицахъ; классическая миѳологія не играетъ у него никакой роли. Это отличаетъ Панегирикъ Галяховскаго отъ другихъ кіевскихъ панегириковъ конца XVII и начала XVIII вѣковъ, между прочими—отъ

панегирика Стефана Залѣсскаго, «auditor'a rhetorices», въ честь извѣстнаго Василія Кочубея, 1696 года, который весь наполненъ классическими богами и героями [1]).

Сообщилъ А. И. Соболевскій.

---

[1]) Панегирикъ Залѣсскаго—на польскомъ языкѣ; подлинникъ находится въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, въ собраніи рукописей кн. Оболенскаго; онъ прежде принадлежалъ извѣстному Самуилу Величку.

Записка Г. А. Полетики о началѣ Кіевской Академіи.

О настоящемъ литературномъ трудѣ Г. А. Полетики первое печатное извѣстіе сообщено акад. Пекарскимъ въ его *Исторіи Академіи Наукъ*. Во время своей службы въ Синодѣ [1]), говорится въ этой книгѣ, Полетика написалъ статью — *О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи;* статью эту авторъ предложилъ напечатать въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* и она уже была набрана въ корректурныхъ листахъ, но Ломоносовъ не разрѣшилъ ее печатать, «потому что Полетика въ древней Россіи нестолько нашелъ училищъ, сколько слѣдовало ихъ быть, по мнѣнію Ломоносова». Къ этому Пекарскій добавилъ, что произведеніе Полетики для своего времени очень замѣчательно по обстоятельности заключавшихся въ немъ свѣдѣній о Петрѣ Могилѣ [2]).—Заинтересовавшись симъ отзывомъ, мы обратились къ почетному члену Общества Нестора Л. Н. Майкову съ просьбою—сообщить копію статьи Полетики и, благодаря обязательности его, копію эту получили. Къ сожалѣнію, въ академическомъ архивѣ статьи этой найдено только начало (въ корректурныхъ листахъ), которое мы здѣсь и печатаемъ, исключивъ изъ примѣчаній двѣ грамоты іерусалимскаго патріарха Феофана, 1620 г., какъ уже печатно извѣстныя. Изъ предлагаемаго отрывка статьи Полетики можно заключить какъ объ ученой пытливости автора, такъ и о его способности къ такого рода литературнымъ работамъ.—Заинтересовавшись исторіей Кіевской Академіи, въ которой Полетика и самъ учился, онъ отправился въ

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Г. А. Полетикѣ см. въ «Кіев. Стар.» 1891 г., апрѣль.

[2]) Исторія Академіи Наукъ. II, 116 и 610.

Кіевъ съ цѣлію ближе познакомиться съ рукописными источниками (печатныхъ почти не было) этой исторіи. О поѣздкѣ въ Кіевъ и объ исканіи тамъ матеріаловъ свидѣтельствуетъ нижепечатаемое письмо Полетики къ тогдашнему печерскому архимандриту Зосимѣ Валькевичу. Какъ видно, въ академическомъ архивѣ Полетика нашелъ не все изъ того, чего искалъ; но это не помѣшало Полетикѣ начать задуманную работу. Была ли она окончена — не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, и печатаемый отрывокъ является новымъ замѣтнымъ памятникомъ литературной дѣятельности предполагаемаго автора *Исторіи Русовъ*, который несомнѣнно заслуживаетъ подробной монографіи.

Ал. Лазаревскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо Г. А. Полетики къ печерскому архимандриту Зосимѣ Валькевичу. — 19 февраля 1758 года.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ, милостивый мой государь и благодѣтель!

За должность мою почитаю принесть вашему высокопреподобію нижайшее мое благодареніе за всѣ тѣ милости и благопріятства, которыя дозналъ я во время моего пребыванія въ святой обители вашей. При томъ же, помня милостивое вашего высокопреподобія обѣщаніе, смѣю трудить нижайшею моею прозбою о присылкѣ мнѣ, ежели отыскались или отыскатся могутъ (о чемъ покорнѣйше вашего высокопреподобія прошу употребить всеможнаго старанія), слѣдующихъ извѣстій: 1) привилегію королей польскихъ, данную Петру Могилѣ на заведеніе школъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ; 2) не сыщется ли какихъ либо ингибицій или запрещеній школамъ кіевскимъ отъ тѣхъ же королей, чтó учинено было по старательству езуитовъ; 3) о началѣ Кіево-Печерской типографіи; ибо хотя и извѣстно, что архимандритъ Плетенецкій оную первый завелъ, однако не можно подлинно знать, какимъ образомъ то происходило, а именно: откуду взяты литеры, какіе къ тому употребляемы были; какая была первая книга, которая въ ней напечатана; правда-ли то, что князь Острожскій Константинъ подарилъ свою типографію Кіево-Печерской лаврѣ; 4) книгу Трифологій, печатанную въ оной же лаврѣ въ 1618 и 1619 году, которую ваше высокопреподобіе по милости своей мнѣ прислать обѣщали и съ которой можетъ быть можно будетъ усмотрѣть всѣ вышеписанныя обстоятельства;

такихъ ежели еще какіе куріозные старинные сыщутся книги, то прошу вашего высокопреподобія оные пожаловать—ко мнѣ сообщить; а напротивъ того—приказать мнѣ, чемъ взаимно изъ Петербурга служить; 5) ваше жъ высокопреподобіе изволили мнѣ обѣщать прислать списокъ митрополитамъ кіевскимъ, который находится въ одной рукописной книжкѣ вашей библіотеки; а понеже въ той самой книжкѣ описаны и всѣ патріархи цариградскіе, а церковная россійская исторія очень мнѣ занужна съ исторіею цариградскою, того ради вашего высокопреподобія нижайше прошу и то описаніе велѣть мнѣ списать, а къ сему еще прибавить обстоятельный списокъ всѣмъ игуменамъ и архимандритамъ печерскимъ. Я же, напротивъ того, обѣщаюсь вашему высокопреподобію сообщить нѣкоторые куріозные и нужные до Кіево-Печерской лавры касающіеся извѣстія. Я вашему высокопреподобію безъ ласкательства могу сказать, что вы по природѣ любите всѣ хорошія предпріятія и науки. И такъ, несумнѣнно надѣюсь, что вы мнѣ и во всѣхъ выше писанныхъ нужныхъ мнѣ дѣлахъ милостивую и скорую помощь здѣлать не откажете, а таковое вашего высокопреподобія въ моихъ предпріятіяхъ вспоможеніе, уповаю на Бога, что со временемъ къ немалой вашей и обители святой похвалѣ служить можетъ, а меня обяжете къ безотрицательному исполненію повелѣній вашихъ и къ тому непремѣнно высокопочитанію благодарнымъ я всегда семъ,

Вашего высокопреподобія, милостиваго моего государя и благодѣтеля вѣрнопокорнѣйшій слуга

Григорій Полѣтика[1]).

Глуховъ. Февраля 19 дня, 1758 года.

---

[1]) Настоящее письмо получено нами отъ И. М. Каманина, списавшаго его съ подлинника, находящагося въ б-кѣ Кіево-Печерской лавры.

О началѣ возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи, и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи.

Письмо первое къ пріятелю.

Нельзя ни мало удивляться тому, государь мой, что иностранные, можно сказать, всѣ вообще писатели, либо ничего, либо весьма мало имѣя надежныхъ и доказательныхъ извѣстій какъ о нынѣшнемъ, такъ еще больше о древнемъ состояніи отечества нашего, когда случится что ни будь писать, о какихъ бы то ни было приключеніяхъ Россіи, такъ странныя о нихъ имѣютъ понятія, и такъ невѣроятныя, а намъ часто смѣшныя, но притомъ предосудительныя сообщаютъ свѣту извѣстія. Таковымъ ихъ заблужденіямъ мы можемъ быть болѣе виновны, нежели они, по тому что не сообщаемъ имъ никакихъ подлинностей о россійской исторіи; однако и они правы быть не могутъ, для того что предпринимаютъ писать о вещахъ имъ мало или вовсе не извѣстныхъ и тѣмъ стараются свѣтъ увѣрить. Сіе большаго достойно удивленія, что нѣкоторые изъ находящихся здѣсь иностранныхъ ученыхъ людей (а можетъ быть таковые сыщутся и изъ природныхъ россійскихъ), имѣя всегда хорошій случай ближайшими дорогами притти къ правдѣ, послѣдуютъ чужестраннымъ объявленіямъ, и тѣмъ сами себя обманываютъ, и другихъ къ своему мнѣнію склонить тщатся.

Кто совершеннѣе знаетъ россійскую исторію, и кто лучше доказалъ, или доказать можетъ, коль неправы чужестранныя о дѣлахъ россійскихъ мнѣнія, какъ вы, государь мой? И для того я, не приводя другихъ примѣровъ, спѣшу къ предложенію моего намѣренія, которое яснымъ тому будетъ доказательствомъ.

Общее у всѣхъ чужестранныхъ мнѣніе, что въ Россійской имперіи до временъ великаго ея просвѣтителя, блаженныя и вѣчнодостойныя

памяти государя императора Петра Великаго, никакихъ училищъ и ученій не было, и что нашъ народъ былъ такъ грубъ и невѣдущъ, что, кромѣ своего природнаго, ни на которомъ иностранномъ языкѣ не умѣлъ читать и писать, тѣмъ меньше о наукахъ имѣлъ понятія. Всѣ ихъ исторіи таковыми извѣстіями наполнены. Правда, что науки и художества въ Россіи наилучшее свое учрежденіе и распространеніе великому сему монарху должны; при немъ старыя училища исправлены, новыя и лучшія заведены, и знатное получили приращеніе, и про него одного справедливѣе всѣхъ сказать можно, что онъ первый ввелъ Россію въ храмъ мудрости; однако изъ того не слѣдуетъ, чтобъ россіяне для того, что въ его время науки возрасли, и о заведеніи училищъ стали вѣдать въ другихъ государствахъ, прежде того никакимъ наукамъ не обучались, и понятія объ нихъ не имѣли, и что пресвѣтлѣйшіе его предки никакой ревности и старанія о обученіи своего народа не употребляли.

Думали они тоже и про воинскую нашу силу, будто она прежде временъ Петра Великаго никакой не имѣла стройности и управлялась одними непорядками, но мы напротивъ того знаемъ, и имъ доказали, что основаніе регулярному войску положилъ премудрый его родитель, которое когда послѣ смерти его перевелось, то подражатель родительскихъ намѣреній, великій его сынъ, которому судьбою предоставлено толь славною и страшною сдѣлать Россію, по воспріятіи наслѣднаго ему престола, оное паки возобновилъ, умножилъ и въ порядочнѣйшее привелъ состояніе.

Сему жъ подобное было и произхожденіе россійскаго флота, какъ противное тому ни думаютъ иностранцы.

Я не сомнѣваюсь, что имъ странно покажется, когда я скажу, что у насъ еще въ десятомъ вѣкѣ, то есть, при самомъ началѣ воспріятія христіанской вѣры науки начались; однако мы имъ то доказать можемъ изъ нашихъ лѣтописей. Ибо древній и достовѣрнѣйшій нашъ лѣтописатель *преподобный Несторъ* упоминаетъ, [1]) что *великій князь*

---

[1]) *Преподобный Несторъ* въ лѣтописи своей объявляетъ слѣдующее: «Лѣта 6497 (отъ Рождества Христова 989) пойде Володимеръ съ отцемъ своимъ Михаиломъ митрополитомъ въ Кіевъ.... и повелѣ воздвизати церкви, и ставляти честныя монастыря.... такъ по семъ преосвященный Михаилъ митрополитъ кіевскій и всея Руси, свѣщась съ сыномъ своимъ

Володимеръ и бывшій при немъ *митрополитъ Михаилъ* учредили въ Кіевѣ многія училища, изъ которыхъ произошло немалое число людей разумныхъ. Может же кто-нибудь во опроверженіе сказать, что таковыя училища заведены были для обученія одной россійской грамотѣ, но я на то отвѣчаю, что преподобный Несторъ пишетъ не о россійской грамотѣ, но точно о философіи, которой обучать на россійскомъ языкѣ еще было нѣкогда; хотя бы положить, что подъ именемъ философіи разумѣются тѣ части наукъ, изъ которыхъ собственно она состоитъ, или по общему ученыхъ людей разумѣнію всѣ прочія науки. Притомъ же и тѣ ученые люди, которые изъ Греціи присланы были къ Владиміру, не думаю, чтобъ къ другому чему употребляемы были, какъ къ обученію греческаго языка и наукъ, чему доказательствомъ суть переводы Священнаго Писанія [1]) и прочихъ книгъ, учиненные при Владимірѣ съ онаго языка.

Отцу своему подражая, *великій князь Ярославъ Владиміровичъ* [2]) учредилъ также школу въ Новѣ-городѣ, состоящую изъ трехъ сотъ

княземъ Володимеромъ, какъ наипаче утвердити православную вѣру, и начаша отъ отцевъ и отъ матерей взимать младыя дѣти, и давати во училище учитися грамотѣ, и бысть множество училищъ книжныхъ. Тѣхже всѣхъ учителей грамотныхъ призываше къ себѣ митрополитъ, и наказываше православіе и благочестіе крѣпко соблюдати, и безумныхъ рѣчей и неподобныхъ ошаятися. И бысть отъ сихъ множество любомудрыхъ философовъ, яко збытися пророчеству глаголющему: въ земли Рустей во оны дни услышатъ словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Сіи бо никогда не слышали словесъ божественныхъ писаній, нынѣ же благодатію Хріста Бога быша дивни философи, якоже рече пророкъ: помилую, егоже аще хощу. Велій еси Господи, и чудная дѣла твоя, и ни единоже слово довольно есть къ похваленію чудесъ твоихъ. О глубина богатства и премудрости разума Божія, яко не испытаны судьбы его, и не изслѣдованы пути его! кто бо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ ему бысть? Яко сіи убо человѣцы преже быша яко звѣри, идолослужебницы, безумни, кровопроливи, нынѣ же благодатію Хрістовою просвѣщени, и евангельски живуще, и на небеса восходяще, и быша философи любомудры и дивни».

[1]) Предисловіе князя Константина Острожскаго на библію Острожской печати.

[2]) *Преподобный Несторъ* въ тойже лѣтописи лѣта 6538, (1030): «Родися Ярославу четвертый сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Иде Яро-

учениковъ; но для одного ли россійскаго или и для другихъ иностранныхъ языковъ и наукъ, и принесла ли та таковой же плодъ, какъ кіевскія училища, о томъ помянутой писатель не упоминаетъ.

Я сего здѣсь, не имѣя изъ исторіи нашей доказательствъ, и утверждать не хочу, чтобъ вышеупомянутыя училища процвѣтали чрезъ послѣдующіе вѣки. Съ большимъ основаніемъ думать можно, что нестроенія, ненависть, междоусобныя брани, произшедшія между наслѣдниками Владимира, какъ къ раззоренію и опровержденію правленія отечества нашего способствовали, такъ послужили и къ истребленію проникающихъ наукъ.

Разныя перемѣны и нещастія, которыя послѣ того претерпѣла Россія, а особливо тяжестное порабощеніе варварскому и просвѣщенія ненавидящему роду и думать ей о наукахъ не допускали; а по освобожденіи отъ онаго какія были препятствующія притчины, что науки по прежнему не введены, о томъ слѣдовать не надлежитъ до моего намѣренія и не достанетъ времени. Довольно съ меня будетъ, ежели докажу, что въ Россіи съ начала седмагонадесять вѣка паки возобновлены науки и заведены порядочныя училища, а не такъ, какъ многіе думаютъ, будто до осьмагонадесять вѣка о томъ въ ней и не слыхали.

Мѣсто, въ которомъ положено начало христіанской вѣрѣ и ученіямъ, послужило также и къ возобновленію оныхъ. Я думаю, что всякъ чрезъ оное разумѣетъ городъ Кіевъ, въ которомъ въ началѣ прошедшаго вѣка учреждено было первое училище. Хотя въ то время Малая Россія не была еще подъ державною рукою великихъ государей россійскихъ, но принадлежала королямъ польскимъ, а слѣдовательно можетъ кто-нибудь сказать, что и ученія въ польской, а не въ россійской державѣ начало свое приняли. Однако я всегда отвѣчать могу, что оно учреждено для россійскаго народа, хотя подъ другимъ владѣніемъ, въ княжествѣ тѣмъ же именемъ называемомъ и по праву издревле Россіи принадлежащемъ, и что скоро послѣ учрежденія онаго, какъ городъ Кіевъ, такъ и вся Малая Россія польское иго свергла и поддалась россійскому скипетру, а слѣдовательно

славъ на Бѣлзы и взя я, и Чудь повоева, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ, и пріиде къ Нову-городу и собравъ отъ старостъ и отъ пресвитеровъ дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ».

и науки какъ начало, такъ и расиространеніе свое болѣе долженствуютъ Россіи, нежели Польшѣ.

1620 годъ назначенъ былъ для сего славнаго и полезнаго предпріятія. Въ ономъ всѣ обстоятельства способствовали къ возстановленію отверженныхъ наукъ. Польскимъ королемъ былъ тогда *Сигизмундъ Третій*, особливый любитель и защититель россійскаго народа и козаковъ, что являютъ многіе его данные имъ привилегіи, а въ Малой Россіи два славнѣйшіе начальники были къ сему предводителями: первый—гетманъ *Петръ Конашевичъ Сагайдачный*[1]), который не меньше

[1]) Сей славный мужъ въ гетманы произведенъ въ 1606 году, и премногіе знаки своей храбрости показалъ, на морѣ и на землѣ получивши знатныя побѣды надъ турками и татарами. А особливо прославился онъ завоеваніемъ почти всего Крыма и взятіемъ знатныхъ турецкихъ въ Европѣ и въ Азіи приморскихъ и прочихъ городовъ, какъ то: Кафы, Козлова, Очакова, Бѣлгорода, Бендеръ, Варны, Синопа и Трапезонта, къ которымъ онъ подходилъ на лодкахъ Чернымъ моремъ, одерживая частыя побѣды надъ турецкимъ флотомъ; и напослѣдокъ такъ далеко произвелъ свои завоеванія, что пришелъ подъ Константинополь, и около лежащія мѣста разграбилъ и опустошилъ, чѣмъ Оттоманскую Порту привелъ въ крайній страхъ, и освободивъ множество христіанскихъ невольниковъ съ богатою добычею назадъ возвратился. Онъ также немалую честь получилъ за освобожденіе Владислава, сына короля польскаго Сигизмунда третьяго, отъ осады турецкаго султана Османа подъ Хотимомъ, куда онъ пришелъ съ крайнимъ поспѣшеніемъ и, пробившись сквозь турецкую армію, не токмо сильную ему далъ помочь, но и совершенную бы надъ непріятелемъ одержалъ побѣду, ежелибъ, при двоекратномъ его нападеніи, разбитіи и почти уже овладѣніи турецкой арміи, отъ поляковъ вспоможеніе ему учинено было, чѣмъ султана понудилъ къ миру, а отъ короля польского и республики немалое получилъ награжденіе, и для малороссійскаго народа исправилъ многія вольности. По самовольству запорожскихъ козаковъ, за содержаніе между ними строгой дисциплины, хотя онъ отъ гетманскаго достоинства часто отставливанъ, однако вскорѣ послѣ того съ честію на оное возвращаемъ былъ, въ которомъ и умеръ въ 1622 году, и погребенъ въ Кіевѣ въ Братскомъ монастырѣ. *Пясецкій*—въ Лѣтописи достопамятныхъ дѣйствій въ Европѣ, стран. 46, 287, 297, 340, 346. *Коберѫицкій*—въ Исторіи Владислава, королевича польскаго и шведскаго, кн. 9, стран. 655, 656, 738, 743, 744, кн. 10, стран. 759, 775, 788 и 789. *Симонъ Старовольскій*—О храбрыхъ вождяхъ сарматскихъ въ трактатѣ 2, стран. 155, 156. *Лѣтопись рукописная малороссійская.*

разумомъ, какъ храбрыми своими и великими дѣлами въ исторіи себя прославилъ; другой—кіевскій митрополитъ *Петръ Могила*,[1]) мужъ ученіемъ, святостію житія и изданными въ пользу церькви сочиненіями и книгами столько же извѣстенъ, сколько и знатностію рода, послѣдуя правамъ и вольностямъ россійскаго народа, который по силѣ узаконеній королевства Польскаго во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ имѣлъ тѣже преимущества и свободу, что и народъ польскій, а сверхъ того, получивши дозволеніе отъ короля, они первые основатели находящемуся въ Кіевѣ на Подолѣ *Братскому монастырю* и учрежденнымъ

---

[1]) Сей преосвященный митрополитъ произшелъ изъ фамиліи князей волоскихъ и молдавскихъ Могилъ, внукъ волоскаго князя Іоанна и сынъ молдавскаго князя Симеона. Съ молодыхъ лѣтъ обучался греческому и латинскому языкамъ, такожъ словеснымъ наукамъ и благословіи; однако неизвѣстно, въ которыхъ училищахъ. Отъ нѣкоторыхъ мнѣ слышать случилось, будто онъ отъ отца своего посыланъ былъ для обученія въ парижской и въ другіе чужестранные университеты; но сего я, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ, утверждать не могу. Довольно, что онъ совершенные знаки своего искусства показалъ сочиненіемъ на обоихъ тѣхъ языкахъ книги называемой *Православное исповѣданіе вѣры* (которое по аппробаціи всѣхъ вседенскихъ патріарховъ, какъ на тѣхъ языкахъ, въ Амстердамѣ и въ Лейпцигѣ, такъ и на славенскомъ въ Кіевѣ, въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ въ разныхъ годѣхъ напечатано) и изданіемъ *Евхологіона* или *Требника*, выправленнаго противъ греческаго и напечатаннаго въ Кіевѣ, въ 1646 году. Въ молодыхъ лѣтахъ служилъ онъ въ воинской службѣ, и полякамъ какъ въ другихъ случаяхъ, такъ особливо подъ Хотиномъ, показалъ знатныя услуги, а послѣ принялъ монашескій чинъ и былъ сперва архимандритомъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ (гдѣ уповательно и постригся), а потомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Россіи митрополитомъ, ексархомъ патріаршаго константинопольскаго престола и того же монастыря архимандритомъ. Онъ же возобновилъ Кіевскій Софійскій монастырь, и исправилъ духовной чинъ въ Малой Россіи. Преставился декабря 31 дня 1647 года, и погребенъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ. *Окольскій* въ книгѣ называемой *Свѣтъ Польскій*, томъ 2, стран. 231 и 232. *Несѣцкій*— въ книгѣ, называемой *Корона Польская*, томъ 3, стран. 290 Святѣйшихъ *патріарховъ константинопольскаго Пареенія соборное дѣяніе и предисловіе* іерусалимскаго *Некторія* и московскаго *Адріана*, напечатанныя при православномъ исповѣданіи вѣры. Предмова (предисловіе) *Петра Могилы* на книгу Требникъ. Духовная онаго жъ.

при ономъ школамъ, употребивъ на то свои труды и иждивеніе и исправивъ на содержаніе оныхъ королевскую привилегію[1]), а имъ послѣдовали уже и другіе. И отъ сего то произошло названіе помянутаго монастыря *Братскимъ*, ибо при заведеніи онаго многіе доброжелатели согласились, чтобъ произведенію толь полезнаго дѣла спомоществовать всякими образы, и учредили между собою *братство*, по примѣру бывшихъ тогда и нынѣ находящихся въ Польшѣ при разныхъ монастыряхъ и церьквахъ братствъ, которыхъ должность состоитъ втомъ, чтобъ стараться о строеніи церковномъ, о учрежденіи добрыхъ порядковъ, о пропитаніи тѣхъ монастырей монаховъ или причетниковъ церьковныхъ, о страннопріимствѣ, словомъ сказать, о всякихъ нуждахъ до церькви принадлежащихъ. А сіе исполняютъ они или отъ подаянія христіанъ, или отъ имѣющихся при церьквахъ и монастыряхъ разныхъ доходовъ, которые они имѣютъ въ своемъ смотрѣніи. Помянутыя братства имѣютъ сверхъ того особливые свои учрежденія и законы, которыхъ я здѣсь описывать не буду, стараясь не наскучить вамъ, государь мой, лишними удаленіями отъ матеріи. Всѣ оныя касаются по большой части до исправленія нѣкоторыхъ къ благочестію служащихъ и между ими уставленныхъ обрядовъ.

Въ вышеписанномъ году, при владѣніи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя, царя и великаго князя Михаила Θеодоровича, пріѣзжалъ въ Великую Россію за нѣкоторыми престола своего нуждами Θеофанъ[2]), патріархъ іерусалимскій, откуда возвращаясь чрезъ Малую

---

[1]) Оной привилегіи сочинителю ни откуда получить не можно было, но токмо въ духовной Петра Могилы, учиненной декабря 22 дня 1647 года, (которая для обширности здѣсь не пріобщается), точно упомянуто, что кіевскія школы, будучи по правамъ и вольностямъ русскаго народа заведены, отъ короля польскаго дозволены и привилегію получили, но то дозволеніе и привилегія отъ Сигизмунда ли Третьяго, или отъ сына его Владислава Четвертаго, королей польскихъ, и на учрежденіе ли оныхъ школъ, или на свободное впредь содержаніе даны, того въ той духовной не значится, а заключать можно одно и другое; и для того до полученія о семъ надежнѣйшихъ извѣстій сочинитель публики точно увѣрять не смѣетъ.

[2]) Сей патріархъ, будучи въ Москвѣ, по соизволенію государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича и по избранію всего духовнаго и гражданскаго чина, посвятилъ вмѣстѣ съ прочими россійскими архіереи патріархомъ всея Россіи отца его царскаго величества, блаженныя памяти

Россію прибылъ въ Кіевъ; и будучи увѣдомленъ о начатіи толь полезнаго дѣла, весьма обрадовался и сталъ въ гостинномъ домѣ помянутаго братства. Онъ благословилъ данною отъ себя маія 17 дня, тогожъ году, грамотою,[1]) утверждая новозаведенное братство въ вѣчные роды, а сверьхъ того по прошенію онагожъ учредилъ другое *младенческое братство*[2]) старѣйшему (чтобъ сказать точными его словами) братству единомысленное и повинующееся. Въ десятый день послѣ того, то есть маія 26 дня, изданною отъ себя другою грамотою[3]) благословилъ онъ, какъ всѣхъ православныхъ города Кіева жителей, такъ и вышепомянутое братство, и двѣ новозаложенныя приономъ церьквы, Богоявленія Господня и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, такожъ страннопріимный дворъ, а особливо новоучрежденную школу, для обученія въ ней православнаго греко-россійскаго исповѣданія дѣтей еллинскому, славянскому, латинскому и польскому языкамъ и наукамъ; а въ знакъ своей самобытности при вышепомянутыхъ церьквахъ поставилъ крестъ, и оное братство почтилъ имянемъ *патріаршескаго ставропигіона*, что значитъ крестоводруженіе и дѣлается въ

преосвященнѣйшаго Филарета Никитича, митрополита ростовскаго и ярославскаго, іюня 23 дня 1619 году. Онъ же и *Петра Могилу* посвятилъ въ митрополиты кіевскіе, однако не извѣстно, въ которомъ году, а уповательно, что въ 1620 или въ 1621 годѣхъ, во время бытности своей въ Кіевѣ. *Степенная книга*, часть 3, гл. 15. *Предисловіе Некторія* патріарха іерусалимскаго на книгу *Православное Исповѣданіе Вѣры.*

[1]) Здѣсь приведена грамота іерусалимск. патріарха Феофана, писанная 17 мая 1620 г Она напечатана въ Памяти. Кіев. Археогр. Коммиссіи, II, отд, 1, стр. 49. *Ред.*

[2]) Таковыя два братства между учащимися въ кіевскихъ школахъ имѣются и донынѣ и называются братья большаго и малаго собранія. (*Sodales congregationis maioris et minoris*). Въ большое братство вписываются только тѣ, которые обучаются богословіи и философіи, а въ малое — обучающіеся риторикѣ, поэзіи и грамматикѣ. Каждое братство имѣетъ свои особливые чины. Старшій у нихъ называется префектъ, по немъ слѣдуютъ два ассистента, секретарь и прочіе многіе чины, которыхъ всѣхъ здѣсь вычислять за ненужно признается.

[3]) Здѣсь приведена вторая грамота патріарха Феофана, писанная 26 мая 1620 г. См. Памятники Кіев. Арх. Ком., II, отд. 1, стр. 59 и слѣд. *Ред.*

знакъ того, что монастырь тотъ, въ которомъ патріархъ сіе здѣлалъ, уже никакой духовной власти, кромѣ патріаршеской, не подверженъ, съ тѣмъ подтвержденіемъ, чтобъ какъ кіевской митрополитъ, такъ и прочіе архіереи, и никоторая духовная власть до него дѣла не имѣла, и онъ бы никому подсуденъ не былъ, кромѣ вселенскаго патріаршескаго константинопольскаго престола; но содержалъ бы себя на основаніи общежительныхъ монастырей, учрежденныхъ по правиламъ Василія Великаго, и въ немъ бы обучались молодые, не токмо духовнаго, но и свѣтскаго чина люди. На всѣхъ же тѣхъ, которые новоучрежденнымъ монастырю, школамъ и страннопріимницѣ обиды и помѣшательства чинить станутъ, положилъ анаѳему и вѣчное непрощеніе. Есть еще и третія грамота, данная отъ него же, патріарха, на утвержденіе помянутаго братства, генваря 3 дня, 1621 году, въ которой тоже, что и въ прочихъ двухъ содержится. Все сіе помянутой патріархъ, по его самаго въ тойже грамотѣ объявленію, дѣлалъ не одною своею властію, но будучи уполномоченъ отъ патріарха константинопольскаго Тимоѳея (ибо кіевская и прочія россійскія греческаго исповѣданія епархіи, состоящія подъ польскимъ владѣніемъ, по духовнымъ дѣламъ подлежали тогда суду патріарховъ константинопольскихъ), имѣя при себѣ ексарха, или намѣстника его, Арсенія архимандрита великія константинопольскія церькви, и съ согласія другихъ патріарховъ, то есть александрійскаго Кирилла и антіохійскаго Аѳанасія.

Я не могу вамъ, государь мой, увѣрительно донести, по какимъ обстоятельствамъ сей на основаніи ставрапигіона учрежденный монастырь вмѣстѣ съ школами въ послѣдующія времена пришелъ подъ власть митрополитовъ кіевскихъ, ибо преосвященный митрополитъ Петръ Могила въ духовной о томъ монастырѣ, такъ какъ о подчиненномъ себѣ, упоминаетъ, а школы называетъ собственнымъ своимъ пріобрѣтеніемъ, и завѣщаетъ учителямъ и старцамъ онаго монастыря жить во обществѣ, по регуламъ отъ него даннымъ. Посему то уже и жалованную 7194 (1685) году декабря 15 дня государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича и святѣйшихъ патріарховъ московскихъ Іоакима и Адріана грамотами[1]), дан-

[1]) *Въ жалованной грамотѣ* изображено слѣдующими словами: «Епископіямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, церьквамъ, которыя издавна належали ко оной митрополіи непремѣнно, и нынѣ

Матеріалы для исторіи общественнаго и частнаго быта въ Малороссіи XVIII вѣка.

Нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Кіевскаго губернскаго правленія была передана въ Кіевскій центральный архивъ (при университетѣ) цѣлая груда старыхъ «дѣлъ». Значительная часть ихъ находилась уже въ полуистлѣвшемъ состояніи и нѣкоторыхъ связокъ читать уже нельзя было, такъ какъ листы не отдѣляются одинъ отъ одного: другія связки сохранились лучше, ихъ можно еще прочесть разъ, много два, а затѣмъ—куски листовъ начинаютъ отпадать... А между тѣмъ въ этой грудѣ «дѣлъ» заключаются большею частью цѣнные матеріалы для исторіи общественнаго и частнаго быта въ Малороссіи XVII и XVIII вв. — Изъ ближайшаго ознакомленія съ содержаніемъ этихъ бумагъ оказывается, что это—остатки «дѣлъ», переданныхъ изъ генеральной канцеляріи, генеральнаго суда и Малороссійской коллегіи—въ Кіевское намѣстническое правленіе при открытіи его въ 1781 г.—Кіевское намѣстничество составляли слѣдующіе уѣзды: Кіевскій (правый берегъ Днѣпра), Остерскій, Козелецкій. Переяславскій, Пирятинскій, Лубенскій, Миргородскій, Голтвянскій, Городисскій (Градижскій) и Золотоношскій. Поэтому, только дѣла, касавшіяся этихъ мѣстностей и были при этомъ переданы изъ Глухова въ Кіевъ. Болѣе ста лѣтъ лежали они здѣсь, повидимому, въ сырыхъ хранилищахъ, а теперь—хотя и перенесены въ помѣщеніе сухое, но сдѣлано это было тогда, когда сырость превратила бумагу въ тлѣнь... И сколько цѣннаго матеріала погибло здѣсь! Достаточно сказать, напр., что въ этихъ полуистлѣвшихъ связкахъ И. М. Каманинъ нашелъ рисунки козацкихъ знаменъ, которыхъ и описаній не сохранилось [1]). На осно-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1890 г., октябрь, 153.

ваніи этихъ же дѣлъ В. А. Мякотинъ представилъ любопытныя черты изъ исторіи крестьянъ [1]).

Полагаемъ, что и печатаемые ниже документы будутъ оцѣнены специалистами, какъ интересные матеріалы для исторіи общественнаго и частнаго быта въ Малороссіи прошлаго вѣка. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что съ опубликованіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ «дѣлъ» бывшаго Кіевскаго намѣстническаго правленія—положительно нужно спѣшить, чтобы сохранить ихъ отъ окончательнаго превращенія въ груду истлѣвшей бумаги...

Ал. Лазаревскій.

I. Споръ дочерей Переяславскаго полковника Степана Томары съ бунчуковымъ товарищемъ Степаномъ Васильевичемъ Томарою о правѣ его на Томаринское наслѣдство. (1749—1752 гг.).

1. Прошеніе женъ—Сумскаго есаула Софьи Степановны Кондратьевой и Переяславскаго полкового судьи Настасьи Степановны Лѣсеневичъ.

Бьютъ-челомъ Малороссійского Переяславского полку умершого полковника Стефана Тамары дочери Софія Кондратьева, асаулина Сумская, да Анастасія, судѣна Переясловская Лѣсеневичева, Томаровны, на бунчукового товарища Стефана, называючогось Томара, а въ чемъ челобите тому слѣдуютъ пункты:

1. Покойный отецъ нашъ, бывшій полковникъ Переясловскій Стефанъ Томара старшихъ съ насъ сестеръ, а своихъ дочерей, а именно Евдокію за Петра Кулябку, Софію за Миргородского сотника Мойсея Зарудного, Екатерину за сотника Прилуцкого Федора Марковича самъ, за жизни своей, отдавая въ супружество, снабдѣлъ ихъ приданнимъ, яко то маетностями, денгами и протчиими вещами весма доволно.

2. А когда по волѣ божеской послѣдовало отцу нашему ко прикращенію жизни, то онъ при смерти своей, прошлого 1715, іюля 1 дня, видя насъ оставленнихъ въ сиротствѣ малолѣтнихъ, по своему отеческому благоутробію, ради того, дабы и мы примеромъ старшихъ нашихъ сестеръ безъ надлежащого снабдѣнія не могли остатся, завѣщая

[1]) Т. ж., 1891 г., февраль.

духовною записью всѣ свои движимие и недвижимие имѣния, зъ маткою нашею нажитіе, покойной нашей матцѣ Пелагіи Лизогубовнѣ и намъ нижайшимъ отписалъ, въ которой точно прописано, что дѣдичные наши покойного дѣда нашего полковника Чернѣговского Якова Лизогуба, умершому отцу нашему за маткою нашею Пелагиею Лизогубовною, въ посазѣ наданние, а намъ по матцѣ належніе добра, а имянно: въ ключу Переясловскомъ, въ Гелмязовской сотнѣ, на мѣской Гелмязовской греблѣ, колъ десять млива, и до оного въ Гелмязовѣ дворовъ три, садовъ два, зъ лѣсами, гаями, луками, полями пахатними и сѣнокосними, хуторъ на Кавраю, гдѣ нине Каврай зъ людми называется, съ полями, гаями, лѣсами, луками и протчими угодіями; на тимъ боку Днѣпра: въ Сахновцѣ, колъ десять на рѣцѣ Росѣ; въ Межиричу, на томъ боку Днѣпра, на рѣцѣ жь Росѣ, полгреблѣ и подварокъ подъ боромъ; въ Лебядинѣ, на томъ боку Днѣпра, пасѣкъ три: Швайковская, зъ Долгенкимъ, другая Тулѣпинская, третая подо Ржавцомъ, зъ байракомъ и садкомъ, межи Стеблевомъ и Медвиномъ, рѣчка Чоботарка, зъ лѣсомъ и лукою, а другой ставочокъ зъ гребелкою въ тую жъ Чоботарку впалъ; въ Онацкахъ лѣсъ съ пасѣкою, межи Ходорковомъ и межи Грушовомъ криниця; въ Каневѣ плецъ, гдѣ самъ Лизогубъ дѣдъ нашъ жилъ, плецъ шинковній, грунта, поля и лѣса; на Росавѣ рѣцѣ, подъ Степанцями, гребля зъ лукою належачіе, купленние за матчини денги да набутие зъ маткою нашею, (ибо до понятія матки нашей въ покойнаго отца нашего, тогда бывшого сотника Домонтовскаго, немного било маетностей), особливіе грунта и вислуженніе отцемъ нашимъ маетности, а именно: дворъ въ самомъ городѣ Переяславлѣ, млинъ на греблѣ мѣской Переяславской о трохъ колахъ, а четвертое на той же скринѣ, зъ другого боку, купленное у Василія Томари, дядѣ нашего, и лѣсъ купленной въ Комаровцѣ, другой дворъ за рѣкою Трубажемъ, съ полями, луками, окопомъ, ведле Лебединской греблѣ, и лѣсъ купленной въ Комаровцѣ, дворъ въ Домонтовѣ, зъ млиномъ вишнякомъ, и островъ надъ Днѣпромъ, у громади купленной; въ сотнѣ Бубновской, въ селѣ Прохоровцѣ, дворъ и виниця съ казанами, лѣсами, палями, гаями и сѣножатми купленними; въ томъ же селѣ Прохоровцѣ, дворъ шинковній зъ разными плецями; село Подставки зъ грунтами, полями, садами, гаями, плецями, сѣножатми и другими грунтами купленними; низше Пѣщаной, а выше Домонтова, греблю занятую съ полями, гаями, лѣсами и сѣножатми купленними;

вишше Пѣщаной гребля, на рѣцѣ Кавраи, зъ лукою; вишше Золотоношѣ, на Байдаковцѣ гребля о чотирохъ колахъ, а пятая яловимъ ставидломъ; выше Дрябового лѣса, на Золотоношѣ, ставъ зъ луками и млиномъ; хуторъ на Чумгаку зъ лѣсами, гаями, полями, сѣножатми и двома напойними ставами; маетность Богушкова-Слободка зъ угодіями; хуторъ Безугловской, купленій въ громади Яготинской; въ Яготинѣ—гребля, въ Полуботка купленная, съ плецемъ; тамъ же лѣса, гаи надъ рѣчкою Супоемъ; маетность село Войтовцѣ и Нехайки зъ угодиями; волость Быковская зъ селами и прочіе добра и всѣ движимости матерѣ нашей, какъ вишше показано съ позосталими нами детми отписалъ; а осталось било всѣхъ насъ шесть дочерей, три замужъ при отцу виданнихъ, а насъ малолѣтнихъ три, да братъ одинъ Василь Томара, которой прошлого 1736 году въ Крымскомъ походѣ отъ татаръ убитъ.

3. И потому покойная мать наша всѣми тѣми угодиями посмертъ свою владѣла и користовалась спокойно, а когда оная по волѣ божеской, тогожъ 1715 году, слѣдуючи въ Глуховъ, къ покойному гетману г. Скоропадскому, въ Прилуки умре, то за силу вышшепомянутой отческой духовной, которою на насъ всѣхъ позосталихъ и малолѣтнихъ отказани и отдани всѣ его движимие и недвижимие добра, должно било тогда въ тѣхъ нажитихъ доброхъ промежду нами зделать равную раздѣлку, и до раздѣлки принадлежало было всѣ оставшіися по матерѣ нашей Лизогубовнѣ движимие нажитки отъ мала до велика, яко то: стадо конское, рогатой товаръ и овци, спрятъ домовій, полотна, коверцѣ и всѣ запаси и посуди, описать урядовне для надлежащого намъ распредѣленія во всѣхъ вещахъ, за силу правного наставленія, но по причинѣ насъ малолѣтнихъ и весма безпомощнихъ, тогда бившій старшій братъ нашъ, покойный Василь Томара, не точію надлежащого по духовной отца нашего исполненія и описѣ пожиткамъ не учинилъ и намъ нѣчего и малѣйшого не опредѣлилъ, но всѣми движимими и недвижими имѣніи, яко старшій братъ, самоволно завладѣлъ, а насъ отъ всего отческого и материстого имѣнія отрѣшилъ, почему старшие наши сестри, видя послѣдное наше разореніе, по нестерпимости крове, принуждени о томъ бить челомъ покойному гетману Скоропадскому, которому, помирая отецъ нашъ тестаментомъ своимъ въ защиту и патронство зъ маткою нашею поручилъ, съ прошеніемъ надлежащого на насъ, сиротъ, опредѣленія и

хотя отъ показанного гетмана Скоропадского ту роздѣлку учинить и велѣно было покойному дядѣ нашему судіі полковому Чернѣговскому Василю Томарѣ да сотнику тогда бившому полковому Прилуцкому шваgру нашему Федору Марковичу и другимъ, почему они дѣйствіемъ ту роздѣлку въ нѣкоторихъ движимихъ вещахъ, яко то: въ скотѣ, золотѣ, сребрѣ и сосудахъ медниxъ и ценовихъ, въ горѣлцѣ, маслахъ, салахъ и другихъ многихъ вещахъ, чинить и начали були, но показанній братъ нашъ Василь Томара, ища себѣ ко отдаленію насъ отъ нашихъ наслѣдственнихъ частей способовъ, умислилъ отдатся въ службу генералу Рену, которой тогда въ силѣ состоялъ въ Малой Россіи зъ войскомъ и жилъ въ Переяславлѣ, и тогда уже упросивши у оного генерала Рена немалое число драгунъ въ отческіе наши маетности на залоги, не точію вишшеупомянутой роздѣлки окончить не допустилъ, но и тѣ вещи, которие по роздѣлки намъ довелись були, а именно: намъ двоимъ по 70 лошадей, рогатого товару по 100, овецъ по 400, свиней по 100, горѣлки по 20 бочокъ, салъ по 150, масла по 50 фастокъ, риби и соли по пять мажъ, оловяная и мѣдная посуда и винокурніе казани по нѣсколко пудъ въ хлѣбѣ и въ протчихъ спадкахъ, колянскахъ, конскихъ уборахъ и денги за воли въ Шліонскѣ родителми нашими тогда отправленние и проданние, которихъ било у дозорци по смерти родителей 1000 червонихъ, самоизволно поодбѣралъ. Словомъ сказать, всю движимую субстанцію, на насъ належную, которой било въ денгахъ готовихъ, по матерѣ нашей оставшихся, до 60000 золотихъ, братъ нашъ въ чужихъ сторонахъ и Враславѣ задолжившись на себе и росплачуючись, а иние живучи роскошно и доходячи въ генерала Рена въ армейскихъ полкахъ чина (которій уже до прапорщика булъ и получилъ) ростерялъ, а насъ нижайшихъ безъ доволствія оставилъ и изъ имѣнія отческого много распродалъ и тѣмъ насъ, сестеръ своихъ, во отческихъ и материстыхъ нашихъ добрахъ обѣдилъ, а скотъ увесь, который на нашу часть спалъ, яко уже отдѣленъ и въ отческой нашъ Безугловской хуторъ согналъ булъ, лошадѣ, товаръ и овци, за неопредѣленіемъ отъ его корму, совсѣмъ пропалъ, а ежели бы тогда тотъ видѣленній скотъ билъ проданъ, то би, покрайней мѣрѣ, за оной пришлобъ намъ двоимъ три тисячи рублей.

4. За протчіе же вишшеупомянутые видѣленние намъ пожитки, братомъ нашимъ на себе употребленние, сколко принадлежитъ намъ

нинѣ взискать за всѣ года денегъ, при семъ нашемъ челобитти прилагаемъ особливій реестръ. Да и самихъ насъ, какъ би чуждихъ, не содержая въ дому отческому, безъ всякого опредѣленія поровгонялъ, ибо когда старшіе наши сестри съехались били въ домъ отческой, по смерти матчиной, для поминовенія родителей, то покойній братъ нашъ, будучи при генералу Рену, всѣхъ изъ дому отческого розогналъ, что видя сестри наши таково разореніе и яко намъ ужить въ дому отческомъ невозможно, порознь насъ къ себѣ били разобрали по своимъ домамъ, а опосля при старшой нашей сестрѣ Екатеринѣ Марковичевой, въ Прилуки, ми нижайшіе отъ малолѣтства до совершенного возраста, на собственномъ ея коштѣ, обрѣтались и въ супружество повидавани всѣмъ ея сестрѣ трудомъ, а не зъ дому отческого. Братъ же нашъ, помянутій Василій, никакого старателства о видачѣ насъ въ супружество и о снабдѣніи клейнотами и протчіимъ женскимъ уборомъ, какъ, по натуралному обичаю и по силѣ правъ, должно било насъ надлежаще зъ дому отческого видать, не имѣлъ и ми видани, якъ послѣдние сироти, не противъ старшихъ сестеръ нашихъ и при видачѣ насъ что касаітся къ випосаженю въ перстняхъ, сергахъ и протчиихъ уборахъ, ми нѣчего того не получили, кромѣ что по исканію старшой сестри нашой Екатерини у покойного гетмана г. Скоропадского распораженія насъ двоіхъ, прислалъ онъ къ сестрѣ по семисотъ рублей, которие на свадбу, покупая медъ, горѣлку, вино, пиво, такожъ весма мѣлкую одежу и белое платя да на музиканты, розійшлись, а то все должно било ему делать въ дому отческомъ, ибо отческой домъ со всѣмъ доволствомъ, маетностми и набитки онъ завладѣлъ.

5. Оной же братъ нашъ, будучи при генералу Рену на коштѣ родителей нашихъ, державъ по всѣмъ дворамъ и маетностямъ драгунъ на залоги, а самъ же ѣздилъ невѣдомо зачимъ по приказу помянутого генерала Рена (будучи прапорщикомъ) въ нѣмецкіе сторони и оттудова вывезъ булъ къ генералу Рену нѣякую лютеранку, а по прибытіи своемъ зъ нѣмецкой землѣ, егда не засталъ генерала Рена, (что уже умре), оную лютеранку державъ братъ нашъ при себѣ, ни зъ оною по закону божію и по преданію святыхъ апостолъ и богоносних отецъ здѣсь, въ благочестивой православной церквѣ, законнимъ бракомъ не вѣнчался и нихто зъ старшихъ нашихъ сестеръ и со всѣхъ свойственниковъ и мы не известни, и жилъ съ нею не по-

закону. И хочай о своемъ, на насъ принадлежащомъ отческомъ добрѣ и маетностяхъ, ежечастно у брата нашего упоминались ми нижайшие и по той нашей претенсіи многажди же насъ не оставить и удоволствовать обовязовался, обаче его нечаянная смерть исполненіе пересѣкла и ми осталися и до нинѣ остаемся безъ всякого и малѣйшого участія и награжденія. Мы же въ той состоя надеждѣ, что по кровѣ и по отеческому тестаменту насъ по своему обовязательству, на что и документы имѣемъ, не оставитъ удоволствіемъ, принуждени были ему, брату, терпѣть и сносить.

6. А по смерти его, брата нашего, родившійся зъ лютеранки выше прописанній Стефанъ, которой пишется Томарою, не имѣючи до тихъ отческихъ и материстихъ нашихъ добръ нѣкакого излитого права, ибо покойній братъ нашъ диспозиціи ему надъ отческими и материстими нашими добрами не препоручалъ и насъ не отрѣшилъ, да и отрѣшить ему не слѣдовало, для того, что родитель нашъ, примѣряясь Малороссійскимъ правамъ, тестаментомъ своимъ всѣ свои нажитіе зъ маткою нашею Лизогубовною и взятіе за маткою нашею прабаби нашей добра и маетности, отписалъ матерѣ нашей со всѣми нами дѣтми, а не ему самому, что и высочайшою блаженнія и вѣчной славы достойния памяти вседражайшого вашего императорского величества государя родителя Петра Первого, імператора и самодержца Всероссійского, грамотою отцу нашему, женѣ, дѣтямъ и наслѣдникамъ нашимъ подтверждено тѣми нашими отческими и материстими добрами, до которихъ ми, по отческому тестаменту и по матерѣ нашей да и по височайшей жалованной грамотѣ отцу нашему, за маткою нашею и нами имѣючойся, сущіе и законорождение наслѣдници, безъ всякого опредѣленія, отчудилъ насъ собою и завладѣлъ неналежне, а исъ тихъ добръ иние заставилъ, другие раздарилъ, а задолжился булъ на нѣсколко тисячъ рублевъ, поступая марнотратно и роспустно, отчего крайняя гибель отческому и материстому имѣнію нашему, а намъ нижайшимъ несносная обида и напрасное отъ отческихъ и материстихъ имѣній озлобленіе послѣдовало, о чемъ изъ прошлого 1742 года, генваря 18 дня, въ полковую Переяславскую канцелярію явочное челобитте на него, Стефана, подано, понеже за службою мужей нашихъ и за военнимъ временемъ и за крайнимъ нашимъ разореніемъ, отъ 736 года по 742 года, иску имѣть времени не било.

7. И хочай ми нижайшие, по христіанской совѣсти, за свойство не входя въ судъ, но сожалѣя о крове брата нашего, даби нанесть (не нанесть?) ему стидѣнія, яко показанній Стефанъ родился отъ лютеранки не сшлюбной по закону нашему жени, желали съ нимъ обойтись снисходително и давъ ему время прийти въ совершенной возрастъ, требовали, дабы онъ очувствовался, такъ какъ принаймнѣй отца нашего тестаментъ велитъ, съ нами роздѣлался и возвратилъ упомянутие, забратие покойнимъ братомъ нашимъ удержанние и ростерянние пожитки и наградилъ совершенно въ отческихъ нашихъ принадлежащихъ имѣніяхъ притенсію, точию онъ не токмо въ принадлежащихъ намъ наслѣдствиныхъ отческихъ и материстыхъ добрахъ по всѣмъ правамъ надлежащого распредѣленія не дѣлаетъ, но и паче гнушается съ насъ и во мѣсто повиновения родителей нашихъ, не боясь Бога и не очувствовался, яко живетъ въ Кавраи, на добрахъ матерѣ нашей, имѣя доволство отъ ея трудовъ и обогащается, бранитъ матеръ нашу завсегда и насъ нижайшихъ—матерно и дѣлаетъ ругателства, чрезъ что ми, яко правие и законорожденние по отцѣ нашемъ и матерѣ до тѣхъ добръ наслѣдницѣ, крайнюю узнаемъ обиду, паче же для того, что его Стефана за правилного къ нашимъ отческимъ и материстимъ добрамъ, для вышепомянутого о его прижитіи резону, и признавать сумнително. И даби височайшимъ вашего императорского величества указомъ повелѣно било сіе наше челобитье въ судѣ войсковомъ генералномъ принять и въ показанной обидѣ нашей, яко мы чрезъ самовластное показаннимъ Стефаномъ Томарою отъ отческихъ и материстихъ имѣній совсѣмъ разорени, оного бунчукового Стефана, називаючогось Томару, въ судъ войсковой генералной сискать и дать судъ по указамъ вашего императорскаго величества и правамъ Малороссійскимъ, даби ми чрезъ напрасное нашихъ отческихъ и материстихъ имѣній показаннимъ Стефаномъ завладѣное и въ неотдачѣ намъ наслѣдственнихъ видѣленнихъ пожитковъ не были обидими. А что онъ, Стефанъ, насилно всѣми движимими и недвижимими отческими и материстими нашими завладѣлъ добрами, на которіе кромѣ отца нашего и матки да и насъ нижайшихъ, никакихъ крѣпостей не имѣетъ и имѣть не должно, отъ всѣхъ тѣхъ вышепрописанныхъ отческихъ и материстихъ имѣній ему, Степану, отказать, и до тѣхъ поръ покамѣстъ то дѣло можетъ къ рѣшенію прійти, вышеупомянутіе наши отческіе и материстіе добра и на оние, имѣючіися при отческомъ

домѣ къ наслѣдію нашему принадлежащіе отца нашего и матерѣ крѣпости, унѣверсали и жалованную височайшую грамоту, обаристовать и переписать, и поручить въ досмотръ, кому судъ войсковой генералной за благо усмотритъ, а его изъ материстой нашей маетности Кавраю вислать прочь, даби онъ, Степанъ, болѣе надъ тѣми нашими отческими и материстими добрами владѣнія не имѣлъ и усмотря нинѣ, что оніе ему по указамъ вашего императорского величества и правамъ Малороссійскимъ по наслѣдству не доводятся, не моглъ бы потерять и людей поразгонить, и тако ми, яко на немъ, за добра отческія и материстіе, якъ и за завладеніе братомъ нашимъ въ собственнихъ, уже видѣленнихъ вещахъ, имѣемъ до нѣсколко десятъ тисячъ притенсію, о чемъ ясно въ дѣлѣ доказано будетъ, не могли бъ остатся, за неимѣніемъ и съ чего на немъ взискать, безъ удоволства въ обидѣ, понеже по вишшепрописанному самоволству какъ умершій братъ нашъ Василь Томара, такъ и прижитій зъ невѣнчаной лютеранки Стефанъ, владѣючи чрезъ многіе года собственно належними по родителяхъ нашихъ нашими маетностми, хуторами и мелницями и всѣми движимостями, намъ поссессиве спадаючими, обогатились, а мы въ крайнее за неполученіемъ по родителяхъ нашихъ надлежащихъ частей и въ движимостяхъ спадкахъ, прійшли разорение. Всемилостивѣйшая государиня! просимъ вашего императорского величества о семъ нашемъ челобитьи рѣшение учинитъ. Къ поданию надлежитъ въ судъ войсковой генералной. Писалъ сіе челобите Слободского Сумского полку подпрапорщикъ Иванъ Ивановъ сынъ Кондратьевъ. 1749 году іюня дня.

Къ сему челобитю, вместо матушки своей Софіи Степановой дочери Томаровны, Ивановой Кондратевой, асаулини Сумской, по повелѣнію ея, сынъ ея того жъ Слободского Сумекого полку подпрапорный Іванъ Івановъ сынъ Кондратевъ руку приложилъ.

Къ сему челобитю, по прошенію жени моей Анастасіи Степановой дочери Томаровны, во мѣсто ея, мужъ ея судіа полковий Переяславскій Константинъ Лѣсеневичъ руку приложилъ.

«1749 году, юня 20 дня. Записавъ, отдать къ дѣлу, а до Стефана Томары послать указъ и велѣть ему явится въ судъ енералний прийдучого сентября на 20 число и по сему челобитю дать судъ по указу. Алексѣй Семеновъ. Даміанъ Оболонскій. Стефанъ Миклашевскій».

2. Списокъ спорной движимости.

Реестръ, сколко по смерти родителей нашихъ оставшихся движимостей по роздѣлу довелось намъ двоимъ, какихъ вещей покойнимъ братомъ нашимъ удержаннихъ и неотданнихъ, которие должно било тогда жъ продать и денги за оние отдать съ проценту до нашего возраста, а нынѣ той не отдалъ, что яко истинній долгъ взискать надлежитъ за 34 года съ надлежащимъ процентомъ. А именно: свиней двѣстѣ, да 34 года съ надлежащимъ процентомъ. — Горѣлки сорокъ бочокъ, всякая бочка по 20 рубл. Салъ триста, всякое сало по рублю.— Масла фастокъ сто, каждая фастка по два рубля. — Двадцать мажъ соли и риби, всякая мажа по 30-ти рублевъ.—Оловяной посуди десять пудъ.—Мелкой посуди десять пудъ.—Хлѣба въ Биковщинѣ оставшагося на четире тисячи рублевъ.—Коляски, фурмани, сундуки шліонскіе и погребцѣ, тавалнѣ (!), рукомейки и протчие посуди и всякіе вещи и разніе мѣха. *(Подписанъ тѣми же—Кондратьевымъ и Лѣсеневичемъ).*

3. Жалоба бунч. тов. Степана Томары на тетокъ, за безчестіе.

Ясневелможному *и проч.* (полный титулъ) графу Кирилу Григорьевичу его сіятелству Разумовскому.

Всенижайшее доношеніе.

Дѣдъ мой Стефанъ Томара за вѣрніе и безпорочніе свои Всероссійскому імператорскаго величества престолу отправленніе служби, такъ чиномъ полковничества Переяславского, яко и деревнями пожалованъ, и въ томъ чину будучи во всѣхъ походахъ до старости своей, честно и безпорочно служилъ до окончанія его жизни. А по немъ остался наслѣдникомъ отецъ мой Василь Томара, кой будучи въ званіи бунчуковыхъ товарищей, чрезъ многія года содержалъ правленіе полку Переясловского за полковника, и исъ тѣмъ полкомъ прошлого 1736 года, въ Кримскомъ походѣ будучи, онъ, отецъ мой, отъ непріятелей убитъ. И такъ оніе мои предки при всякой вѣрности, безподозрително по жизнь ихъ служили, а по смерти ихъ я остался наслѣдникомъ, по покойного родителя моего сестри, а мои родніе тетки, асаулина Слободского Сумского полку полковая Софія Кондратева да Переяславского полку судіина полковая жъ Анастасія Лисеневичева зъ единой зависти за держимое мною отческое и дѣдизное по правилности наслѣдство, по безсовѣстію своему, умислили повредить честь родителей

моихъ и мою нарочно, какъ бы тѣ наслѣдственніе мои добра похитить къ ненадлежащему своему владѣнію, и прошлого 1750 года подали отъ себя въ генералную войсковую канцелярію челобитіе, въ которомъ брата своего въ гробѣ сущого, а моего родителя, невинно оклеветали, будто ѣздилъ онъ по приказу умершого генерала Рена въ нѣмецкіе сторони, невѣдомо зачимъ, и оттудова вывезъ билъ къ генералу Рену нѣякуюсь лютеранку, но когда его, генерала Рена, въ живихъ не засталъ, то де оную при себѣ содержалъ, (наводя для единого моего безчестія несправедливостію, якоби за матрессу) и съ нею де по закону божію и по преданію свят. апостолъ и богоносныхъ отецъ здѣсь, въ благочестивой православной церкви, законнимъ бракомъ не вѣнчался, но жилъ де съ нею не по закону, и мене нижайшого съ нею, матерью моею, прижилъ; якобы я пишусь Томарою неправилно и до тихъ отческихъ и дѣдизныхъ добръ никакого излитого права не имѣю, и признавать де мене наслѣдникомъ правилнимъ тѣмъ добрамъ сумнително, чрезъ что едино къ дѣдизнимъ и отческимъ моимъ добрамъ (которими я по справедливости наслѣдственно владѣю) неправилную затѣяли претенсію и таковыми фалшиво вимишленними ругателстви оніе тетки мене нижайшого такожъ природную и заслуженную родителей моихъ честь безсовѣстно повредили, а особливо матки моей, которая была знатныхъ зъ Курляндіи шляхетскихъ фамилій, зъ дому фонъ Бринкеновъ, родная племянница служившого тогда въ Россійской Імперіи генерала аншефа Рена, а не нѣкая къ нему вивозимая лютеранка, какъ оніе тетки мои написали неправо. И такъ, отъ того мнѣ лживо нанесенного порока я нестерпимо обидимъ и обезчещенъ, что и при честныхъ компанѣяхъ бить мнѣ не безъ зазору. А понеже о таковомъ чести опороченіи въ правѣ Малороссійскомъ, въ роздѣлѣ I, артикулѣ 28, напечатано: кому би ишло о честь—дѣлать скорую и безволокитную справедливость на первомъ близкомъ имѣючомъ бить великомъ сеймѣ и зъ господами сенаторами великого княженія Литовскаго, безъ всякаго отлагателства, того ради вашей ясневелможности всенижайше прошу за таковое родителей моихъ и мое нестерпимое безчестіе, по силѣ оного Малороссійского права, милостивое учинить разсмотрѣніе и рѣшеніе, даби я и наслѣдники мои отъ такова зловомишленного порока отмщенни и справленни бить могли и болѣе такова несносного безчестія не претерпѣвали. Бунчуковый товарищъ Стефанъ Томара.

4. Универсалъ гетмана Разумовскаго генеральной старшинѣ о представленіи мнѣнія по жалобѣ Степана Томары.

Графъ Кириллъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ.

Господамъ генералной Малороссійской старшинѣ. — Каково подалъ намъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Томара доношеніе съ представленіемъ о нанесенномъ отъ тетокъ его Слободского Сумского полку асаулинѣ полковой Софьи Кондратиевой да судіиной полковой Переясловской Анастасіи Лѣсеневичевой, чрезъ поданное челобите на него, безчестіи, якоби отецъ его Томара, вивезши къ генералу Рену нѣякуюсь лютеранку, не заставъ его въ живыхъ, при себѣ содержалъ за матрессу и съ нею де его прижилъ, оное при семъ къ вамъ (препровождая?) сообща повелѣваемъ по тому его Томари доношенію разсмотрѣть и въ силѣ правъ Малороссійскихъ приложа мнѣніе, намъ представитъ неукоснително. 1752 году, февраля 5 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій.

Вслѣдствіе сего «ордера» генеральная малороссійская старшина (Семенъ Кочубей, Михайло Скоропадскій, Андрей Безбородко, Петръ Валкевичъ, Николай Ханенко и Дамьянъ Оболонскій) 26 февраля постановили: «предложить полковнику Переяславскому Сулимѣ и полковнику Слободскаго Сумского полка ордерами, дабы они обявленнихъ асаулину Кондратіеву и судіину Лѣсеневичеву, по предписанному касающемуся до нихъ дѣлу, выслали въ Глуховъ безъ замедленія».

Засимъ, какъ тетки, такъ и Степанъ Томара поручили веденіе этого дѣла своимъ повѣреннымъ: Софья Кондратьева [1])—сыну своему Ивану Кондратьеву, Настасья Лѣсеневичъ [2])—мужу своему Лѣсеневичу и Томара—писарю Глуховской ратуши Семену Евсееву.

5. Вопросы «теткамъ», по поданному ими прошенію, и ихъ отвѣты.

По опредѣленію, состоявшому сего априля 23 д. 1752 г., въ силѣ ордера его ясневелможности высокоповелителного господина гетмана и многихъ орденовъ кавалера противо ниже значащихъ вопроснихъ пунктовъ, асаулина полковая Слободского Сумского полку

---

[1]) Неграмотна, такъ какъ за ее подписался «духовной отецъ ея».

[2]) Подписалась сама: «Анастасія Степанова дочь Томаровна Лѣсеневичова, судѣина Переяславская».

Софѣя Кондратіева да Переяславского полку судіина полковая жъ Анастасія Лисеневичова чрезъ повѣренныхъ своихъ *(ихъ имена)* порознь допрашивани будучи, сказали:

Вопросъ 1-й (*Софьѣ Кондратьевой*). Въ челобытѣ своемъ 750 году въ генералную канцелярію подаванномъ, писала ль ти зъ сестрою своею Анастасіей, что братъ вашъ умершій б. тов. Василій Томара ѣздилъ по приказу умершого генерала Рена въ нѣмецкія стороны невѣдомо за чѣмъ и оттуда вывезъ былъ къ нему, генералу, нѣякую лютеранку, но какъ де его генерала Рена въ живихъ не засталъ, то де оную при себѣ держалъ и съ нею по закону Божію и по преданію св. апостолъ и богоноснихъ отецъ здѣсь, въ благочестивой православной церквѣ, законнимъ бракомъ не вѣнчался, но жилъ съ нею не по закону и съ оною сина Стефана Томару (кой нинѣ бунчуковимъ товарищемъ) прижилъ и якоби онъ Стафанъ пишется Томарою неправилно и до тихъ отческихъ и дѣдичнихъ добръ никакого излитого права не имѣетъ и признавать его Стефана наслѣдникомъ правилнимъ тѣмъ добрамъ сумнително?

Отвѣтъ. Асаулиной полковой Сумской Софѣи Кондратіевой, синъ ей Іванъ Кондратьевъ въ отвѣтъ показалъ, на 1-й пунктъ: Въ челобитѣ не 750, но 749 году въ генералную канцелярію подаванному, она, Софѣя, зъ сестрою своею Анастасіею, судіиною полковою Переяславскою, писала, что братъ еи умершій Василь Томара ѣздилъ по приказу умершого генерала Рена въ нѣмецкія сторони не вѣдомо зачимъ и оттуду вивезъ билъ къ нему, генералу, нѣякую лютеранку, но какъ его, генерала Рена въ живихъ не засталъ, то оную при себѣ держалъ и съ нею по закону Божію и по преданию св. апостолъ и богоноснихъ отецъ здѣсь, въ благочестивой православной церквѣ, законнимъ бракомъ не вѣнчался, но жилъ съ нею не по закону нашему и съ оною сина Стефана прижилъ, и потомъ до содержимихъ имъ добръ никакого излитого права не имѣетъ и признаватъ его Стефана наслѣдникомъ правилнимъ тѣмъ добрамъ сумнително.

2-й вопросъ. Если тое въ челобитѣ написано, то почему и какъ именно ти признаешъ тое—не по закону будто онъ умершого Василя Томари зъ женою его житіе, и если онъ Василій Томара зъ женою своею въ православной церквѣ законнимъ бракомъ не вѣнчался, то гдѣ въ какой именно націи съ нею вѣнчался ти знаешъ ли и въ доказателство и въ документъ, яко направилно пишется Томарою синъ

оный Василя Стефанъ и до отческихъ и дѣдичнихъ добръ никакого права не имѣетъ, что ты представить имѣешъ и по разсужденію твоему для чего есть сумнително признавать оного Стефана Томару, коего отцу къ тѣмъ добрамъ наслѣдникомъ?

Отвѣтъ на 2-й вопросъ. Она, Софѣя Кондратіева, признаетъ тое: не по закону оного умершого Василя Томары зъ женою его житіе, потому яко умершій отецъ его помянутій Василій Томара вивезенную имъ зъ нѣмецкихъ сторонъ лютеранку держалъ при себѣ, якъ и више значитъ, и жоною по закону Божію и по преданію св. апостолъ и богоноснихъ отецъ здѣсь, въ благочестивой православной церквѣ, законнимъ бракомъ не вѣнчавшись, прижилъ его Стефана, которого де имъ за законного наслѣдника отческихъ ихъ и материстихъ добръ признавать сумнително, а Стефанъ Томара, приклѣплюя отвѣтчицъ, тетокъ своихъ, въ нынѣшномъ своемъ прошеніи написалъ напрасно, что будто они отвѣтчици въ челобитѣ своемъ въ 1749 годѣ наводятъ матерь его матрессою, а въ документъ и доказателство сего, яко неправилно пишется Томарою синъ оный Василя Стефанъ и до отческихъ и материстихъ ихъ отвѣтчицъ добръ никакого излитого права не имѣетъ, представляетъ она сіе, что отецъ его Стефана зъ маткою его Стефана законнимъ бракомъ здѣсь въ православной церквѣ не сочетался, а въ другой какой націи онъ, Василъ Томара, съ тою женою вѣнчалъ ли или нѣтъ, не знаетъ, и потому его, Стефана, отвѣтчицамъ отческихъ и материстихъ добръ наслѣдникомъ признавать сумнително, а что оная истца Стефана Томары мать не названа женою отца его Стефанова и преосвященнимъ Переяславскимъ, умершимъ Верломъ, на то въ документъ представляетъ она, Софѣя; имѣючуюсь въ ней копій указа въ 1734 году, генваря 16-го, къ протопопѣ Новацкому писанного [1]).

Въ такой же точно формѣ предложены были вопросы, первый и второй, и Настасьѣ Лѣсеневичъ. На первый вопросъ данъ былъ отвѣтъ тождественный съ отвѣтомъ Кондратьевой, а на второй вопросъ отвѣтъ былъ слѣдующій: «она, Анастасья, тое въ челобитѣ написанное не по закону божію Стефанова отца Василя съ женою его житіе признаетъ потому, что отецъ его Стефана Томари зде, въ православной церквѣ, законнимъ бракомъ зъ маткою его не соче-

[1]) Документа этого при дѣлѣ нѣтъ.

тывался, для чего отвѣтчицѣ онъ, Стефанъ, отческихъ и материстихъ имѣній наслѣдникъ въ челобитѣ прописанъ сумнителний. А что въ церквѣ православной зде братъ отвѣтчицы Василій зъ маткою его Стефана не вѣнчался и мать его Стефана можетъ ли женой отца его или какъ онъ самъ приклѣпляя отвѣтчицу, матерь свою обличивъ прописуетъ матрессою назватися, сіе касается къ надлежащему разсмотрѣнію, а въ доводъ вышепрописанного сумнителства зсилается на бившую отъ покойного епископа Переяславского Арсенія Берла во всей епархіи тамошней, по смерти матки его Стефана, публѣкацію, въ которой она, мать его, по осужденію оного епископа женою брата отвѣтчици, а его отца, неназивается, а называется однимъ безіменнимъ лютеранскимъ трупомъ, съ которой публѣкаціи точная копія приложена къ сему производимому дѣлу, а что подлѣнніи такови и другіи, особливіе по рѣшенію произведенного по смерти матки его Стефана въ консисторіи Переяславской бывшого и о лишеніи чина протопопи Золотоноского Новацкого дѣла, по всей епархіи въ церквахъ публѣкаціи были, и зсилается на оное, по смерти матки его Томари произведенное дѣло въ духовной епископіи Переяславской консисторіи, съ которого и вишеписаніе публѣкаціи чинени, а въ случаѣ погорѣнія при бывшемъ монастиру Переяславскому пожарѣ и на святѣйшій правителствующій синодъ, а чтоби покойній братъ отвѣтчицы гдѣ, въ какихъ сторонахъ, имѣлъ брачное сочетаніе, того по многократнимъ старшихъ сестеръ запросамъ, по жизнь свою не являлъ и какъ оніе сестри его, такъ и она отвѣтчица не ізвѣстны, почему сумнителство воспріяли, а онъ, Стефанъ Томара, до означенныхъ отческихъ и материстихъ имѣній излитого права не имѣетъ, потому что отъ покойного родителя отвѣтчицы и матки никакими здаточними крѣпостми ему не утверждено.

6. «Улики» Степана Томары на отвѣты тетокъ.

1752 года, мая—дня. Бунч. тов. Стефанъ Томара противъ допросовъ... въ улѣки показалъ:

На 1-й пунктъ. Написано въ доношении челобитчика подачу челобитной отвѣтчицъ въ войсковую генералную канцелярию 1750 года—прапискою писца того доношенія,—что есть ни въ какую силу, а что въ ономъ доношеніи съ челобитія ихъ отъ челобитчика показано тое, яко они написали и сами въ допросахъ признали, что съ

нихъ Анастасія не призная того, что въ челобитѣ ихъ не написано *пишется челобитчикъ Томарою неправилно*, то хотя сего термѣна неправилно точно не написано, однако что въ томъ челобытѣ ихъ по 6-му пункту написано тако, яко пишется Томарою, не имѣючи никакого налитого права, то сіе въ челобытѣ написаніе единоежъ, какъ то съ нихъ же самихъ отвѣтчицъ Софѣя въ допросѣ тое признала тѣмъ, что и въ доводъ того челобитчикъ, что челобитчикъ неправилнымъ якобы наслѣдникомъ пишется, уступила она и сее.

На 2-й. Отвѣтчицъ нризнаніе тое, что челобитчикова отца житіе изъ женою его не по закону божію, потому, яко зде въ православной церквѣ законнимъ бракомъ не сочетался—неправилное для того, что по какимъ правымъ доводамъ бракосочетаніе не зде въ православной церквѣ состоитъ не по закону Божію онихъ доводовъ не показали, а когда не показали, то тѣмъ непоказаніемъ доводовъ такова своего признанія правимъ быть не доказали. Хотя же челобитчиковъ отецъ не зде въ церквѣ бракосочетанъ, однако по единому тому такова бракосочетанія отцу его челобитчика противнымъ закону божию признавать не подлежитъ, для того что таковихъ бракосочетаній въ законѣ божіемъ противними быть тому закону не показано, какъ то возможно усмотрѣть изъ состоявшогося о бракахъ правовѣрнихъ лицъ съ иновѣрними въ святѣйшемъ правит. синодѣ разсужденія, 1721 году августа 18 числа, въ Санктпѣтербурге напечатанного; чтобъ же отецъ челобитчиковъ бракомъ не сочитанъ, того и сами отвѣтчици не показали; въ которой же іменно церквѣ бракосочетаніе отецъ челобитчиковь імѣлъ—самому челобитчику, яко будучи тогда ему не рожденному, вѣдать не возможно, и доводитъ того ему челобитчику не слѣдуетъ затѣмъ, что отвѣтчици, какъ обявлено—не бракосочетаніе не показали, а показали о томъ бракосочетаніи невидѣніе, а показаніе невидѣнія не есть точности показаніе, далшого слѣдствія нетребующое и имъ же самимъ въ неосноватолномъ показаніи ізобличеніемъ; что жъ іяъ онихъ отвѣтчицъ Анастасія обявыла: по многократнимъ будто запросамъ старшихъ сестеръ отецъ челобитчиковъ о бракосочетаніи имъ не обявлялъ, то и на то никакова доказателства она не представила, а Софѣя о тихъ запросахъ и ничего не сказала, а что *Софѣя* не сказала, то ісъ того видно и показаніе Настасіи *неправое, хотя* бъ же тѣ запроси и были къ отцу челобитчикову и на оніе не отвѣтствовалъ; однакожъ тое небрако-

сочетаніе доказателствомъ, какъ мнить Анастасія, быть не могло; если бъ же отъ челобитчика о бракосочетаніи отца съ маткою его челобитчика доказателства обстоятелство дѣла требовало, можетъ быть о томъ живое свидѣтелство съ Курляндіи и Лифляндіи отъ фамилѣи фонъ Бринкеновъ, которой фамилѣи сама мать челобитчикова и той фамилѣи отъ свойственниковъ якихъ фамилѣй и свойства о персонахъ имянное видѣніе, подлинное писанное собственною рукою матки челобитчиковой, нѣмецкымъ писмомъ, при семъ челобитчикъ представляетъ [1]); такожъ отъ г. генерала маіора барона фонъ Кейзерлинга, отъ г. генералъ маіора фонъ Витина, г. полковника Шилинга, г. полковника Тоболского полку тоей же матери челобитчиковой фамилѣи фонъ Бринкена; а кромѣ того г. почтъ-директора Аша, г. полковника Зотова Федора Івановича, родомъ сербянина, обрѣтаючихся нынѣ въ Санктпитербурхи, которого домъ въ Малой Россіи, Нѣжинского полку, первой полковой сотнѣ, въ селѣ майстратовомъ Синякахъ. Свидѣтелства о не инномъ какомъ, но какъ толко о законномъ ихъ отца и матери челобитчиковыхъ сожитіи достаточное доказателство и сіе: 1) оніе отецъ и матка челобытчикова здѣ въ Малой Россіи немалолѣтно жили, но ни одъ кого, какъ то и отъ самихъ отвѣтчицъ, нигдѣ никогда во всю ихъ жизнь, никоего пореченія, касаючого до чести супружества ихъ, не было; 2) жителство ихъ въ томъ супружествѣ имѣли публѣчное, таково, каково и всѣ честного супружества люде имѣютъ, что и здѣшніе жителѣ и знатніе персони могутъ засвѣдителствовать, а именно: полковникъ Переяславскій Семенъ Сулима и титка челобитчикова Агафія Бутовичова Тиханова, докторъ Бокъ, обозной полковый Переяславскій Безбородко, войтъ Нѣжинскій Петръ Стеріевичъ и протчіи многіи; 3) что таково супружество между отцемъ и маткою челобитчикова сожитіе было безъ всякого зазрѣнія, то когда рожденъ отъ нихъ челобитчикъ въ 1719-мъ году, августа 2 дня, тогда въ собраніи многихъ знатныхъ персонъ, въ числѣ которыхъ былъ и г. ген.-лейт. Лѣвинъ, самъ пастиръ Переясловской епархіи, покойній епископъ Кирилъ Шумлянскій, нарочно зъ Переясловля въ домъ въ Каврай прибылъ и отъ крещенія его челобытчика воспріймалъ, которій яко духовная персона, а паче тамошній пастиръ, не токмо собственною

---

[1]) При дѣлѣ этого письма нѣтъ.

персоною воспріймать, но ниже присутствовать при томъ, еслибъ почему зазорное и закону противное сожитіе было, не моглъ бы; а что присутствовалъ оной епископъ—живіе свѣдителѣ, вѣдающіе про тое: Переясловского полку сотникъ Терехтемировскій Гриневичъ, двоюродній челобитчиковъ братъ, значковой товаришъ Леонтій Базилевичъ и реченній г. генер.-лейт. Лѣвинъ, и проч. имѣются. Да и опослѣ рожденіи челобитчикова, когда отъ тѣхъ же отца и матери челобитчикова рождена дочь Анна, то и тогда самъ Переясловскій епископъ Якимовичъ и оную дочь, а челобитчикову сестру, отъ свят. крещенія воспріймалъ, о чемъ такожъ многіе живіе свѣдителѣ имѣются, которихъ именно, ежели потрѣбно будетъ, челобитчикъ показать можетъ; 4) къ тому жъ и самъ отецъ челобитчиковъ, въ закладномъ своемъ писмѣ, писанномъ 725 года марта 13 дня, на урядѣ магистрата Переясловского, супружницею его, то есть законною женою, мать челобитчикову Елисавету Бринковну написалъ; 5) и кромѣ того сыскались у челобитчика писмо отъ родной сестри челобитчикова и отвѣтчицъ умершой Екатеринѣ Маркевичовой, къ самой матери челобитчиковой писанное рукою мужа другой родной же сестри отца челобитчикова и отвѣтчицъ, умершого хоружого полк. Черниговского Леонтовича, которой и самъ въ томъ же писмѣ къ матери челобитчиковой писалъ своею рукою, да цедула по смерти оной матки челобитчиковой къ отцу челобитчикову отъ швагра его умершого б. тов. Федора Маркевича писанная, съ которихъ писма и цедули есть видимое почитаніе матки челобитчиковой за законную отцу челобитчикову жену, а чтобъ оная мать челобитчикова нѣякаясь была, и вивезши ея къ генералу Рену не заставъ его въ живыхъ, при себѣ держалъ отецъ челобитчиковъ, что изъ отвѣтчицъ Софія въ допросѣ еи подтверждаетъ, на то доказателства отъ нихъ отвѣтчицъ не представлено. Что же въ доношеніи челобитчиковомъ показано, яко матка его челобитчикова шляхетной фамилѣи фонъ Бринкеновъ родная племянниця служившого прежде въ Россійской имперіи генерала аншефа Рена, ничимъ того не оспорено, и тѣмъ самими ими признато тое челобитчиковъ въ доношеніи показаніе правамы; что такожъ отвѣтчицѣ челобитчика сумнителнимъ наслѣдникомъ признали потому, что здѣ въ церквѣ бракомъ не сочетался, тое же есть сумнителство неоснователное для того, что какъ въ челобитчика висше показано отъ нихъ отвѣтчицъ на то почему бъ бракосочетаніе не въ здешней

церквѣ не по закону божію никакихъ доводовъ не представлено, кромѣ голословного и напрасного ихъ показанія; что жъ въ доводъ представляютъ копію писма покойного Переясловского епископа Берла, то тое писмо изявляетъ единое толко погребеніе матки челобитчиковой, и съ того, что иной была она реліи (sic), а о законномъ сожитіи и еи съ отцемъ челобитчиковимъ сочетаніи бракомъ, которого разности християнской релѣи не разрушаетъ, ничего въ ономъ писмѣ не упомянуто. Что же и женою отца челобитчикова, какъ Софія показала въ томъ же писмѣ, не названа, то яко и того, чтобы не жена, въ томъ писмѣ не написано; тако кромѣ необстоятелства, что того не доложено изъ сего писма ничого къ сумнителству не видится; для чого, какъ означенное епископа писмо, такъ и все показуемое въ допросѣ Анастасіи дѣло къ сему челобитчика съ отвѣтчиками дѣлу некасаючоесь, постороннее; а и самъ реченный епископъ Берло, когда въ живихъ былъ, матки челобитчиковое жъ въ сожитіи супружескомъ зъ отцемъ челобитчиковимъ никакова препятствія не чинилъ, а когдабъ оное сожитіе противнимъ было закону божію, то что паче въ ссорѣ съ отцемъ челобитчиковимъ онъ епископъ находился, и къ тому сожитію препятствовать и не допущать моглбы, но чтобъ таково въ супружескомъ отца съ маткою челобитчика сожитіи воспященіе отъ него епископа Берла имѣлось бы, то и сами ответчицы не показали. По тѣмъ же всѣмъ висшепредставленнимъ отъ челобитчика правимъ и доказателнимъ резонамъ, и въ документъ отъ ответчицѣ Софіи на то, что челобитчикъ пишется Томарою неправилно, якобы представленіе еи единое тое жъ, что отецъ челобитчиковъ здѣ въ церкви бракомъ не сочетался тому, чтобъ челобитчикъ въ законѣ отъ Томари рожденной—Томарою писался неправилно, никакимъ доказателствомъ (не подтверждено?). Что оніе отвѣтчицы въ нижеслѣдуючей силѣ показали, а имянно: Софія въ допросѣ по 1-му пункту, между протчіимъ, что челобитчикъ до содержимихъ имъ, а по 2-му, до отческихъ и материстихъ ихъ ответчицъ добръ, никакого излитого права не имѣетъ, а Анастасія—по 1-му пункту еи допроса, между протчіимъ же, показала неимѣющимъ челобитчика излитого права до отческихъ и дѣдизнихъ добръ, а по 2-му и.—поминаетъ и материстіе добра и доказуетъ неимѣніе излитого права тѣмъ, что де отъ родителей и матери еи ответчицѣ даточними крепостми челобитчику не утверждено, то на таковіи ихъ отвѣтчицъ разногласнія показанія для ухищренія представляетъ

челобитчикъ единое до его дѣла надлежащое сіе, что онъ, челобитчикъ, яко законно отъ отца своего рожденъ, тако до тѣхъ добръ, которіе послѣ смерти отца его ему остались, по отцу не какое инное, но природное право имѣетъ; что же показуютъ отъ челобитчика поклепъ, въ томъ что они наводятъ матку челобитчикову матересою— и въ томъ челобитчикова приклепу не признается для того, что когда они въ своемъ челобити, какъ и сами признались, матку челобитчикову нѣякоюсь лютеранкою, вивезеною къ генералу, а содержанною при отцу челобитчикову и отъ нея прижитимъ челобитчика, не по закону божію, и потому его, челобитчика, не наслѣдникомъ написали, то изъ сихъ писменнихъ рѣчей ихъ не иное что разумѣется, но какъ толко тое, что матку челобитчикову матересою, а челобитчика незаконнимъ синомъ—хитримъ ихъ наводомъ обявляютъ быти; да кромѣ того, изъ допроснихъ ихъ же рѣчей и яснѣй видимо тое изъ самихъ онихъ рѣчей, и съ того, что не толко написанное въ челобити и тѣми допросами утверждаютъ, но и въ точной доводъ всего того писмомъ епископа Берла дерзнули вступить; толковать же тѣ рѣчи свои и инымъ содержаніемъ въ нихъ силы принуждены они ответчици для того, чтобъ за недоказателствомъ по своимъ рѣчамъ избѣгнуть по винѣ осужденія, и что Анастасія въ допросѣ показала: челобытчикъ де обличилъ матку свою матересою прописуетъ, то какъ зъ доношенія, такъ и зъ сей улики челобитчика видить возможно, что во обличеніе матки своей матересою отъ челобитчика ничего не показано, посему яко въ сей неправедной рѣчи еи она отвѣтчица осталась, такъ по силѣ правъ проситъ челобитчикъ зъ еи Анастасіи сатисфакціи; что же она Анастасія отъ себе въ допросѣ сказала въ силу сего, что матересою-ли или женою челобитчиковому отцу мать его челобитчика можетъ называтись—разсмотренію надлежитъ, то и симъ сказаніемъ еи за жену матки челобитчиковой Анастасія не почла, а когда за жену не почла, то стало быть за матересу вминила, и якожъ на то никакихъ, какъ висше доводніе, отъ челобитчика представленніе резоны доводу отъ нихъ ответчицъ не представлено, тако и симъ сказаніемъ въ допросъ о чести челобитчика Анастасія тяжко изобыдила.

Засимъ на улики обиженнаго—тетки его должны были «говорить оправданіе», но вмѣсто послѣдняго тетки, вмѣстѣ съ племянникомъ, просили гетмана дѣло прекратить вслѣдствіе примиренія, при чемъ было представлено слѣдующее «мировое письмо» тетокъ.

7. «Мировое письмо» Софьи Кондратьевой и Настасьи Лѣсеневичъ, выданное бунч. тов. Степану Томарѣ.

1752 году, мая 16 дня. Отъ насъ, дочерей умершого полковника Переясловского Стефана Томари, а женъ Сумского Слободского полку асаула полкового Ивана Кондратьева Софіи да Переясловского полку судіи полкового Константина Лѣсеневича Анастасіи, родного брата нашего умершого б. тов. Василія Томари сину его, а нашему племяннику б. тов. Стефану Томарѣ, дано сіе писмо въ нижеслѣдующихъ обстоятелствахъ: прошедшего 1749 году, въ судъ войсковій генералній подано отъ насъ ...... на его, племѣнника нашего, Стефана Томару челобите въ иску добръ отца и матери нашихъ, и о томъ, что помянутій братъ нашъ, а его Стефана Томари отецъ, вивезъ былъ изъ нѣмецкихъ сторонъ нѣякуюсь лютеранку икъ умершому генералу Рену, но какъ оного генерала Рена въ живихъ не засталъ, то держалъ онъ, братъ нашъ, при себѣ и съ нею по закону божію и по преданію св. апостолъ и богоносних отецъ здесь, въ благочестивой православной церквѣ, законнимъ бракомъ не вѣнчался, но жилъ съ нею не по закону нашему, — и съ нею сина Стефана прижилъ, и потому до отческихъ и материстихъ добръ никакого излитого права оной его, брата нашего, синъ не имѣетъ и признавать его Стефана правилнимъ наслѣдникомъ тѣхъ добръ сумнително—и тѣмъ нашимъ челобитьемъ просили мы суда. И по тому челобитю изъ генералного суда посланъ былъ къ нему Стефану Томарѣ позовній указъ явится къ суду. Но что мы сами затѣмъ позвомъ того суда не искали, то онъ Стефанъ Томара сего году подалъ на насъ явневелможному ...... гетману .... графу Кириллу Григоріевичу его сіятелству Разумовскому, отъ себе доношеніе съ представленіемъ того, что вишеозначенными въ нашемъ челобити прописанними до отца и матери его Стефана Томари касаючимися термѣны навели по разумѣнію таково, что мать его Стефана Томари незаконною женою отцу его Томари была, какъ въ томъ доношеніи пространно показано, — почему онъ, племянникъ нашъ, за таково безчестіе тѣмъ доношеніемъ своимъ просимъ съ насъ суда.—По которому доношенію, по силѣ высокоповелителного его ясн-ти ордера состоявшогось ко всѣмъ гг. генералной старшинѣ о разсмотреніи сего дѣла, — мы позваны будучи въ войсковую генералную канцелярію,

что сами, яко жоны у суда отвѣчать немогущіе, повѣрили отъ себе онимъ же Софія сину своему Ивану Кондратьеву, а Анастасія мужу своему судіи Лисеневичу, и въ томъ отъ Анастасіи вѣрующое правное писмо представлено отъ насъ его ясневелможности въ генералную канцелярію, которыми доношеніемъ и писмомъ обовязали себе тако, что они повѣренніе наши учинять, тому мы прекословить не будемъ.—Почему чрезъ нихъ повѣренныхъ нашихъ противо доношенія Томари сказаны отвѣты и на оніе имъ Томарою сказана жъ улика,— и хотя на оную улику слѣдовало отъ насъ говорить оправданіе,— однако понеже по вислушаніи въ оной улики, о которой разсуждая представленную отъ него зсылку на свѣдителей и писма въ той же улики показаніе, мы, Анастасія—персонално, а Софія, не могучи сама зде быть за болѣзнію ея, чрезъ реченного сина и повѣренного своего Ивана Кондратьева, не вступая во оправданіе, упросивъ его, примирились въ такой силѣ, дабы онъ за предписанной порокъ, что послѣдовало по единой ссорѣ, суда не поисковалъ на насъ, а мы напротивъ вишепоказанныхъ въ нашемъ челобитіи прописанныхъ касающихся до пореченія чести родителей его Стефана Томари и его жъ самого терменовъ, чрезъ сіе наше писмо съ подтверженіемъ чести ихъ обявляемъ: 1-е, матка оного племянника нашего не нѣкаясь, но фамиліи фонъ Бринкеновъ, и не къ генералу Рену отцемъ его Стефана Томари, а нашимъ братомъ привезена была: 2-е, оной матки Стефановой отецъ его Стефана Томари не такъ, чтобъ при себѣ держалъ, но имѣлъ ея себѣ законную жену: 3-е, что оная матка и отецъ Стефана Томари законнимъ бракомъ сочетаны были, о томъ и сами мы подлинно извѣстни и тако бракосочетаніе ихъ отца и матки Стефана Томари противнымъ закону божію не состояло: 4-е, яко супружеское сожитіе оныхъ матки и отца его Стефана Томари было по закону божію, тако и его Стефана Томару рожденнимъ отъ нихъ союзомъ законнимъ и потому правдивимъ наслѣдникомъ оставшихся по отцу его Стефана добрамъ, которіе по наслѣдію и по правамъ [illegible] по отцу его достались. [illegible] не отмѣнно и [illegible] мы [illegible] и справедливо. [illegible] вѣчніе [illegible] какъ мы сами, такъ и потомки наши [illegible] сему писмѣ, ни [illegible] судахъ въ [illegible] и [illegible] не должни и не сильни будемъ: а естьли бы мы или потомки наши [illegible] какимъ нибудь образомъ на семъ не устали и [illegible]

противное сему гдѣ либо когда дерзнули представлять, тому представленію нигдѣ вѣра дана быть не должна, и представляющій тое сему отмѣнное всегда ревоковать повиненъ, чего во утвержденіе къ сему писму, какъ сама я, Анастасія, такъ во вящшую твердость помянутій и мужъ мой, якожъ по сему дѣлу по вишепоказанному повѣренной своеручно подписалъ, а за мене Софію реченній синъ и повѣренній мой, по волѣ моей, руку приложилъ и печати наши приложены, и о подписъ и приложеніе печатей свѣдителы намы Анастасіею а Софіи онимъ синомъ и повѣреннимъ упрошены.—Къ сему мыровому писму Слободского Сумского полку вместо матери своей Софіи Томаровны асаулиной Сумской Івановой Кондратьевой, по повеленію сынъ ея і повѣренной подпрапорной Іванъ Кондратьевъ руку приложилъ. (М. П.).

Къ сему мировому пѣсму Анастасия Стефанова дочь Томаровна, судѣна Переясловская Лѣсеневичова, своеручно подписалася. (М. П.).

Къ сему мировому писму судія полку Переясловского Константинъ Лѣсеневичъ руку приложылъ. (М. П.).

Къ сему мировому писму по прошенію Софии, чрезъ сина еи, а Анастасии персонално, во свѣдителство подписался и печать свою приложилъ б. т. Григорий Борозднa. (М. П.).

Къ сему мировому писму по прошенію Софіи Томаровны, чрезъ сина ея, а Анастасіи персонално, во свѣдителство и печать свою приложилъ Іакимъ Максимовичъ. (М. П.).

Къ сему мировому писму по пърошенію Софѣіи чрезъ сина ея, а Анастасіи перъсонално во съвѣдителство подъписалъся и печать свою приложилъ б. т. Димитрій Борозднa. (М. П.).

Къ сему мировому писму по прошенію Софіи чрезъ сина еи, а Анастасіи персонално, во свѣдителство подписался и печать свою приложилъ б. т. Петръ Новицкій. (М. П.).

Къ сему мировому писму по персоналному прошенію судѣной Переясловской Анастасіи, а Софіи чрезъ сина еи, во свѣдителство подписался Слободского Ахтирского полку подпрапорній Поликарпъ Новосѣльскій і печать приложилъ. (М. П.).

II. Споръ вдовы Переяславскаго полковаго есаула Григорія Лукашевича съ его братомъ Михайломъ Лукашевичемъ за вдовью часть. (1752—1756 гг.).

1. Жалоба гетману вдовы Григорія Лукашевича Евдокіи Васильевны на дѣверя за захвать мужнинаго имѣнія.

Ясневелможному, високоповелителному.... гетману..... Разумовскому.

Всенижайшое доношеніе.

Мужъ мой асаулъ полковій Переясловскій Григорій Лукашевичъ, оставшися по первой женѣ своей бездѣтенъ, прошлого 749-го году одружился на мнѣ нижайшей вторимъ обополно бракосочетаніемъ, и после того пославъ въ Глуховъ свой поездъ по сына моего войскового канцеляриста Ивана Максимовича съ темъ требованіемъ, чтобъ вь домъ его пріехалъ, и когда за прибитіемъ своимъ, сынъ мой прожилъ месяцей чрезъ три, то оной мужъ мой асаулъ Лукашевичъ обнадеживалъ, за неимѣніемъ дѣтей, всиновать (sic) и дарилъ ему ладовницю сребромъ оправную, рондъ і протчое; по якой надеждѣ отчисляя бъ заедино зъ мелницъ отческихъ сына моего, состоящихъ въ полку Переясловскомъ, яко и зъ другихъ грунтовъ, на домъ мужа моего Лукашевича и на винокурню жъ его розмѣрніе пашенніе приходи ішли, и такъ по причинѣ розмѣрного упомянутого зъ мелницъ хлеба собралось съ поля мужа моего, съ тѣхъ поръ до сего времени, всякаго хлѣба скиртъ до двадцяти. Таножъ сынъ мой Максимовичъ, будучи при немъ, не толко въ дому и по хуторамъ прилѣжателное старателство къ господарству имѣлъ, но и въ поверенниxъ по верующимъ его жъ въ генералной войсковой і полковой Лубенской канцеляріяхъ не единожди хожденіе имѣлъ, і во всемъ ему сыновско служилъ. Во время же болезни, послѣдовавшей ему, мужеви моему, въ 1750-мъ году, саморучно духовницю мнѣ написалъ и ствердилъ мнѣ все движимое имущество: лошадѣ, скотъ и овци и всякія зъ суконъ, медѣ, ценѣ и протчего рухомость, и съ того движимого имущества, записанного мнѣ во вечность, велѣлъ по всемъ церквамъ Переясловскимъ объ немъ поминовеніе чинитъ, такожъ роднимъ его сестрамъ и служителевѣ Якову татарину съ того жъ опредѣливъ, а недвижиміе

его отческіе, яко нимъ самимъ нажитіе и купленніе грунта, по смерти моей, наслѣдникамъ его. Настоящого же сего 752 года реченній мужъ мой Григорій Лукашевичъ, прошло(го) генвара 14, волею божіею въ городе Глухове нечаянно умре, а братъ его родній, меншій, а мой дѣверъ, хоружій полковій Переясловскій Михайло Лукашевичъ, здеся въ Глуховѣ при смерти брата своего будучи, випровадивъ тѣло умершого въ полкъ Переясловскій для погребенія, а самъ умисливъ, оставя тѣло на пути, мене нижайшую ограбить, напередъ побежалъ въ Переясловъ і взявъ жену свою, того генвара 18 дня, наехалъ на домъ покойного мужа моего Григорія Лукашевича въ село Дамянцѣ, самоправно, кричалъ на мене бранними словами и насилно заразъ же ключи отъ скринь и отъ амбаровъ въ мене поотбералъ и одимкнувши, самъ всѣ скринѣ перетруся, зъ женою своею, повибиралъ, вишозначенную духовницю, учиненную мужемъ моимъ саморучную, купчіе записа, облѣки і протчіе потребніе пѣсма и реестръ; такожъ похватнѣйшіе вещи зъ скринъ позахватовалъ, штучку сребную съ камѣннемъ називаемымъ опаломъ, а числомъ каменцей было семъ, отъ покойной свекрухи Василіевой Максимовичевой мнѣ доставшуюсь, ланцузокъ золотій, перелъ, перениженныхъ червонцами, 10 шнуровъ на манистѣ, и на означенныхъ перлахъ било червонцовъ двадцять семъ, персней чтирѣ съ камушками, два золотихъ, а два сребло позлоченнихъ, ягнусокъ (?) съ камѣннемъ, запечатанній въ пушетцѣ и заставній удовою Погарною, и денегъ готовихъ шестдесятъ рублей, сколко сискавъ въ скриняхъ. Тогда жъ и буту вина кримского, на полтора корха не повную, зъ дому мужа моего въ свой домъ випровадилъ, а протчое все позамикавъ и во свое владѣніе взялъ. Сколко же і чего іменно зъ имущества, такъ мною внесенного и съ мужемъ моимъ набитого, яко и зъ вещей домовихъ и господарскихъ, онъ, дѣверъ мой, хоружій Лукашевичъ, при тогдашнемъ нахалствѣ, гвалтовно и безправно самъ собою забралъ, о томъ особливо въ высокое вашей ясневелможности благоразсмотреніе при семъ моемъ доношеніи сообщаю реестръ. При томже будучи мнѣ, отъ всего отказалъ, въ якомъ одѣяніи засталъ, въ такомъ мене зъ дому мужа моего, самимъ имъ устроенного, въ ночъ, какбы нечестную жену, випроводилъ, а надъ дворомъ і подданними и надъ всѣмъ имуществомъ поставилъ отъ себе смотрителей. Почему я, нижайшая, не токмо къ добрамъ и спокойному моему владѣнію не допущена, но сверхъ того подъ полѣтичнимъ береже-

ніемъ до погребенія моего мужа состояла, а по погребеніи къ такой бедности приведена, что не точію одежди, но и по чужимъ домамъ скитатся въ сосѣдахъ принуждена. Я же внесла въ домъ второго мужа моего пятьсотъ рублей готовихъ денегъ, кроме другихъ движимостей; о чемъ на томъ же реестрѣ особливо означенно. Въ прикритіе же своего гвалту, въ четири уже дни после того, онъ, дѣверъ мой, умисливъ просить отъ полковой Переясловской канцеляріи тому имуществу описѣ. Между тѣмъ, увѣдомлясь я, что онъ зъ дому мужа моего въ свой домъ перевозку ежеденно позосталому имуществу чинитъ, съ прописаніемъ всей моей обиди, въ ту жъ полковую канцелярію подала протестъ и просила, дабы ему того чинить не допущено. Того ради вашей ясневелможности всенижайше прошу повелѣть съ помянутимъ хоружимъ полковимъ Лукашевичемъ, за гвалтовное и безправное на мене нижайшую нападеніе і за захваченіе показанниxъ въ реестрѣ пожитковъ, яко и в(и)правленіе мене зъ спокойного владѣнія, учинить въ силѣ Малороссійскихъ правъ разсмотреніе и решеніе. Къ сему доношенію умершого асаули полкового Переясловского Григорія Лукашевича жена Евдокія Василіевна, а во место ей, неграмотной, по повелѣнію ей сынъ ея войсковій канцеляристъ Іванъ Максимовичъ руку приложилъ. 1752 году, февраля 3 дня.[1]).

2. Реестръ захваченной Михайломъ Лукашевичемъ движимости.

Реестръ, сколко чего іменно съ имущества, такъ мною внесенного и съ мужемъ моимъ набитого, яко изъ вещей домовихъ и господарскихъ хоружій полковій Переясловскій Михайло Лукашевичъ нахално забралъ и во свое владѣніе взялъ, объ томъ ниже сего явствуетъ. Денегъ готовихъ—рублей шестдесятъ сѣмъ. Ланцузокъ золотій, въ одинадцять червонихъ, мною дѣланній въ Нѣжинѣ. Перелъ перенизанниxъ червонцями шнуровъ десять, на манистѣ, и на означенниxъ перлахъ червонцовъ двадцять семъ. Штучка срѣбная, съ камѣннямъ називаемимъ опаломъ, а каменцей было сѣмъ, отъ свекрухи Василевой Максимовичевой минѣ доставшаясь.—Ягнусокъ съ каменнемъ, въ пушечцѣ припечатанній, а заставній удовою Погарною. — Персней съ камѣннемъ четирѣ: два золотихъ, а два сребро позлоченниxъ.—Крес-

[1]) Первый мужъ Евдокія Васильевны былъ Леонтій Васильевичъ Максимовичъ. умершій въ 1715 г. См. *Сочин. Максимовича*, *I*, *807*.

тикъ асписовій.—Сагайдакъ и стрѣлница, оправніе сребромъ.—Вѣнокъ, перенизанный перлами.—Поесъ сребній, заставній.—Чарокъ сребнихъ шесть, зъ которихъ одна зъ ручкою.—Енчарка, сребромъ оправная.—Обухъ, сребромъ оправній. — Пистолетъ двѣ пари. — Всего оружа до тридцяти штукъ.—Зъ суконь женскихъ, мужемъ моимъ мнѣ справленнихъ і покойной первой жени его: кунтуши штофній, лисями подшитій, гернѣтуровій, подшитій черними сибѣрками, дуклевій—зайцями; кунтуши женскіе легкіе, голевій и штофній; суконнихъ, легкихъ же, доброго сукна, четирѣ.—Сподницъ матерянних читирѣ.—Шнуровокъ, матеріанних двѣ, а оксамитнихъ двѣ.—Конецъ золотомъ шитій одинъ, карунокъ сребной. Ложокъ шесть.—Шубка женская, куницями подшитая, суконная. — Чепцовъ золотихъ шитихъ три; баволницъ три; плахотъ шелковыхъ двѣ а простая една.

Покойного мужа моего Григорія Лукашевича сукнѣ: шуба зеленого сукна, подшитая лисями, а другая волчая.—Кунтуши суконніе: еденъ подшитій лисями, а другій рисями; легкихъ кунтушей, сукна тонкого, четирѣ; кафтановъ два: еденъ штофній, а другій канавацовій; полушубокъ подъ чорними баранами. — Поясъ шалевій и перстень золотій съ камушкомъ, съ умершого на пути онъ, дѣверъ мой, снялъ.—Опанча суконная, да покойного первого мужа моего—шуба сукна зеленого, волчая.—Шапокъ женскихъ куничныхъ двѣ, а соболяя одна; вершокъ на шапку женскую, золотомъ тканій. — Мужескихъ шапокъ оксамитнихъ двѣ и спалня сребромъ шитая, съ карунками.—Постель золотомъ шитая, постель заполочная, постель сѣтковая. Простирадѣлъ зайвихъ, кромѣ означеннихъ постелей, чтирѣ. Запона вибойчаная одна, а шитихъ двѣ. Пологъ полосатый одинъ. Малихъ наволочекъ на подушки 30.—Ковдра матерялная одна, а вибойчаныхъ три.—Кошуль женскихъ 50, а мужескихъ паръ 18; полотна зъ обрусами, ручниками и хустками, тканого, трубокъ сорокъ; ручниковъ шитихъ десять; обрусовъ рѣзаннихъ 13, серветъ 40, мотковъ кужиінихъ нитянихъ 47, мотковъ суконнихъ и въ клубкахъ 60.—Подушокъ малихъ і великихъ съ пуховиками 15. — Килимовъ новихъ два а старихъ 4; коверецъ одинъ.—Шкуръ медвежихъ двѣ.—Полатокъ двѣ.—Подносовъ три, два мосенжніе, а еденъ ценованій.—Чайниковъ четирѣ: два мѣднихъ і мосенжній, і цѣнованій. Чайнихъ серветъ двѣ, една швабская, а другая безовая. Фаерка мосенжная. Чашокъ паръ восемъ.—Хрусталныхъ пукаловъ три, кубковъ малихъ и великихъ тридцять, чарокъ двадцятъ

и румокъ девять.—Лихтарей малихъ і великихъ 6. Кухенній казанъ мѣдній одинъ, горщокъ мѣдній болшей одинъ; пановокъ великихъ двѣ, а малая одна; кастроль мѣдныхъ четирѣ; рукомійка, корецъ и кандѣйка мѣдніе.—Ножей новихъ паръ дванадцять, а старихъ восемъ; казановъ медныхъ винокурнихъ три, до которихъ девять трубъ.— Ценѣ: полумисковъ 18, тарѣлокъ цѣнованнихъ 33; фляша цѣнованная; мѣдній алембикъ; можчерей на корѣнне два, еденъ мосенжній, а другій спижовій. — Пуздерокъ два, едно хрусталное, а другое простого шкла, въ которомъ срѣбній колпачокъ былъ.—Бута вина кримского, на полтора корха неповная, на которое вино полковникъ Стародубовскій г. Максимовичъ вручилъ мужевѣ моему денегъ, спустивъ по своей цене, 24 рублѣ.—Горѣлки простой, въ едной куфи, болшая половина, а въ другой на три корхи.—Желѣза плугового на три плути, желѣза млинового на три сади, доброго зелѣза на полтори штаби. Сира бочокъ двѣ, масла дежокъ двѣ, съ которихъ одна неповна. Меду, сирцу, две дѣжки, а патоки полдѣжечки; воску 40 фунтовъ. Салъ свинихъ 13, мяса кабанного и гусиного бочка. Шкуръ яловихъ и конскихъ 15; хомутовъ ремѣннихъ шесть, шоръ двѣ пари, сѣделъ и ленчиковъ четирѣ. Вовни великихъ овецъ и малихъ полторѣ тисячи. Будокъ на коловоротѣ и пасахъ—три; колясокъ легкихъ двѣ; санки маліованіе.

Да съ книгъ латинскихъ сына моего: Кнапіушъ, Лексиконъ, Градусъ Парнассусъ, Библѣя, Схоля куріозитатисъ Пія Дезидерія, Алваръ и Синонѣма. Да зъ рускихъ книгъ: Тестаментъ, Алфавитъ духовній, Полуставъ, чвертковій.

Такожъ съ Криму два вози соли на пути оставлено. Лошадей старихъ і молодихъ до осмидесятъ; товару рогатого, яко і воловъ робочихъ 150, овецъ 1300, козъ старихъ і молодихъ сорокъ; свиней старихъ и молодихъ 80, кромѣ поросятъ, и протчое чего спомнить не могу. Тако жъ куплено нами прошлого года 500 колодъ дерева. Особливо же о унесеннѣ моемъ, что іменно я, идучи въ замуже за покойного асаула Лукашевича, въ домъ его внесла, съ того жъ реестра вимѣчаю: денегъ готовихъ пятъсотъ рублей отдала ему въ сохраненіе, когда ездили въ полкъ Стародубовскій; ланцужокъ золотый въ одиннадцять червонихъ, дѣлала въ Нѣжинѣ; лошадей шестеро; штучка сребная съ камѣннемъ, називаемимъ опаломъ, крестикъ асписовій; чарокъ сребнихъ дванадцять; сагайдакъ и стрелниця [1]), оправленіе

[1]) Стрѣльница=колчанъ, хранище для стрѣлъ, а сагайдакъ=лукъ

сребромъ; цѣнованихъ полумисковъ 8, а тарѣлокъ 11; винокурній казанъ мѣдній зъ трема трубами, одинъ; пановокъ медныхъ двѣ, казанковъ малихъ два; чайниковъ два: еденъ мѣдній, а другій мосенжній; можчиръ на корѣнне, мосенжній, одинъ; подносъ мосенжній одинъ; кунтушовъ: суконній, подшитый лисями, другій штофній легкій, а третій суконній легкій же; запаски: штофная, гренѣтурная и полуборковая, итого 3; шапокъ двѣ, одна соболяя, а другая куничная; сподницъ матеряныхъ двѣ, кошуль женскихъ 20; обрусовъ восемъ, ручниковъ дванадцятъ, серветъ 20; полотна штукъ 13; постѣль кар. унковая, новая, одна. Зелѣза млинового два сады; фузѣя и мушкетъ гвинтовній. Коляска на коловоротѣ и пасахъ одна, санки маліованіе и легкая коляска.

Къ сему доношенію умершого асаула полкового Переясловского Григорія Лукашевича жена Евдокія Василіевна, а вместо еи неграмотной, по повелѣнію ея, синъ ея войсковій канцеляристъ Іванъ Максимовичъ руку приложилъ.

3. Донесеніе Переяславскаго полковника Семена Сулимы гетману о своихъ распоряженіяхъ въ защиту вдовы умершаго Михайла Лукашевича.

Ясневелможному господину... *(слѣдуетъ полный титулъ)* графу Кириллу Григориевнчу его сиятелству Разумовскому.

Доношеніе.

Вашей ясн-ти високий ордеръ зъ сообщеніемъ поднесенного вашей ясн-ти умершого асаули полк. Переясловского Григорія Лукашевича отъ жени его Евдокіи доношенія о наездѣ хоружимъ полк. Переясловскимъ Михайломъ Лукашевичемъ, зъ женою его, на домъ оного еи мужа, въ селѣ Демянцяхъ находящийся, и тамо о приключеніи ей бранѣ и самоволного у нея отъ всѣхъ скринъ и амбаровъ ключей отнятія, и о забратіи—учиненной онимъ мужемъ еи асауломъ духовной, облѣковъ, денегъ и протчего имущества ее, внесенного и съ мужемъ набитого, а послѣднего о запечатаніи и випроваженіи ея истицу съ жилого двора прочъ і о захваченіи всехъ движимихъ и недвижимихъ добръ, зъ скотомъ и разною хазяйскою рухомостію, въ свое владѣніе, и о протчемъ, коимъ повелѣно по оному доношенію надлежащое въ силѣ правъ Малороссийских разсмотреніе и рѣшеніе учинить, я сего 1752 году, февраля 6 дня, получилъ и въ силѣ

оного вашей ясн-ти високого ордера, примѣняясь къ Малороссийскимъ правамъ, по оному жалобливому доношенію зъ полковою старшиною общое разсужденіе имѣлъ, и что по правамъ въ своей претенсѣи никто себѣ самъ судиею быть и нѣ въ чемъ, какъ оной хоружий полк. Михайло Лукащевичъ, хотябы всему тому движимому и недвижимому и протчому имуществу по умертвии оного брата своего асаула Лукашевича оставшомуся, одинъ токмо онъ наслѣдникъ билъ, мимо учрежденніе на то уряди, самоволно управлятся не долженъ. Онъ же, хоружий, показанную истицу по смерти мужа ея, асаула брата его, хоружого, первѣе, не учинилъ надъ тѣломъ умершого мужа еи, по християнскому обичаю, погреба и поминовенія, напавъ на нее гвалтовно и зъ спокойного еи владѣнія вибивъ и въ свое владѣніе не токмо братное, но и собственное еи истицино добро захватилъ и ея истицу изъ жилого дому вислалъ, и то онъ, хоружий, учинилъ весма въ противность правъ Малороссийскихъ, для того и особливо, что полку здешнего мѣстечка Воронкова жители Петро и Яковъ Рустановичи, по иннымъ мнѣ доношеніямъ, представили, яко за владѣния якоби предпоказаннимъ асауломъ Лукашевичемъ прадѣдизніе ихъ грунта, о коихъ отъ нихъ Рустановичевъ явочніе челобитніе и протести за жизни оного произойшли, да и въ недавномъ времени полку Полтавского сотнѣ Переволочанской козакъ, прозиваемий Щуровский, по нѣякомусь наслѣдству искъ восприялъ, и дѣло въ полковой Переясловской канцелярии и судѣ полковомъ имѣлось, но оное къ рѣшенію, по тогдашней моей зъ старшиною полковою въ доносѣ ссорѣ, въ силѣ указа генер. войск. канцелярии, въ полковую Лубенскую канцелярию отправлено; а тѣ де добра, занеже де оніе въ посаге за первою оного асаула женою Рустановичовною въ его асаула Лукашевича владѣнии находились, по причинѣ въ оной Рустановичевны потомства неимѣнія, по правилной линѣи родства и по имѣючимся крѣпостямъ имъ, Рустановичамъ, во владѣніе принадлежатъ, дабы братъ оного асаула хоружий Лукашевичъ поссесиве ко владѣнію своему не привлекъ и оних не разорилъ, просили учинить имъ арестъ и отдачу въ посторонное смотрение, до рѣшенія объ онихъ грунтахъ въ полковой Лубенской к-ріи по иску Щуровского имѣющогося дѣла, съ общого согласия учиненнимъ опредѣленіемъ велено— пока по доношенію истици удовствующой Лукашевичевой имѣющоеся дѣло рѣшено будетъ, оной истицѣ въ домѣ умершого мужа еи (:съ коего хоружий Лукашевичъ самоволно

истицу вигналъ прочъ:) на всемъ того дому доволствіи жить дозволить и чтобъ онъ, хоружий, въ томъ спору не имѣлъ, ордеръ послать (:и посланъ:). Рустановичевскіе же добра, къ коимъ онъ, хоружий Лукашевичъ, не токмо наслѣдства, но и малѣйшой претенсѣи не имѣетъ, и во свое владѣніе, равно какъ и отмершіе по брату своемъ предпоказаннимъ асаулу добра умершими родителями ихъ обще набитіе, до коихъ не токмо онъ, хоружий, но и кромѣ его сестри родніе къ равному по дѣлу имѣютъ участіе, и уже чрезъ явочное челобитє отъ едной сестри его, судіи полкового Киевского жени его, въ полковой судъ и протестацѣя зайшла, гвалтовно захватилъ, и пустошъ чинитъ вивозкою зъ лѣсовъ дерева началъ, описавъ и приарестовавъ, отдать въ досмотръ сотеннихъ урядниковъ, а чтобъ онъ, хоружий, о томъ вѣдалъ и тѣхъ грунтовъ къ владѣнію и пустоши не вступалъ, ордеромъ предложить и предложено. А сего марта 13 дня воспоминаемий хоружий Лукашевичъ пришедъ въ домъ мой, гдѣ при битности г. полковника Танского, съ крайною неучтивостию кричалъ, предосуждалъ мене и старшину яко предпоказанное опредѣленіе о дозволеніи братовой его истицы въ домѣ его умершого брата, а ея мужа, на всемъ доволствіи до рѣшенія дѣла жить и о приарестованіи Рустановичевскихъ добръ, будто не въ силѣ правъ учинено, похваляясь о томъ вашей ясн-ти поднесть доношеніе, и о уничтоженіи оного неякогось своего старателства приложить, чимъ мене непомалу изобидилъ, по единой своей заобиклой продерзости, весма напрасно, того ради вашей ясн-ти принося на споминаемого хоружого полкового Лукашевича о причиненной мнѣ отъ его обидѣ жалобу, вишшеписанное опредѣленіе въ високую аппробацѣю вашей ясн-ти подвергаю и притомъ нижайше прошу, яко оное опредѣленіе нѣ по какому моему либо кого другого и старшини полковой на его хоружого Лукашевича посягателству, но по самой чистой совѣсти и по присяжной должности, на основаніи правъ Малороссийскихъ состоялось, которое дабы при своей силѣ ненарушенно до рѣшенія исковихъ дѣлъ остатся могло по високому своему благоразсмотрителству, не имѣя на представленіи оного хоружого полкового Лукашевича (:буди вашей ясн-ти поднесть имѣетъ:) увѣренія, конфѣрмовать, и чтобъ упомянутое по иску Щуровского о Рустановичевскихъ добрахъ дѣло по показаннимъ обстоятелствамъ въ полковую Лубенскую к-рію перенесенное паки сюда, гдѣ тѣмъ грунтамъ и положеніе состоитъ, къ рѣшенію возвращено было въ полко-

вую Лубенскую к-рію и ко мнѣ за извѣстіе високими своими ордерами предложить—вашей ясн-ти нижайше прошу. Вашей ясн-ти всенижайший слуга полковникъ Переясловский Семенъ Сулима. 1752 году, марта 15 дня. Переясловъ.

4. Жалоба гетману вдовы Михайла Лукашевича на дѣвера Григорія Лукашевича за неотдачу вдовьей части.

Ясневелможному... *(слѣдуетъ полный титулъ)* графу Кириллу Григоріевичу его с-ству Разумовскому, въ войсковую генералную канцелярію.

Нижайшое доношеніе.

По высокоповелителному вашей ясн-ти, на поданное отъ мене нижайшой вашей ясн-ти доношеніе, ордеру, въ судѣ полковомъ Переясловскомъ состоялось прошлого 1752 года, марта 15, опредѣленіе, чтобъ мнѣ въ домѣ покойного мужа моего асаула полк. Переясловского Григорія Лукашевича, до рѣшенія въ судѣ полковомъ Переясловскомъ имѣючогось по иску моему дѣла, зъ дѣверомъ моимъ, нинѣшнимъ асауломъ полковимъ Михайломъ Лукашевичемъ заводного, о гвалтовномъ и нагломъ имъ, дѣверомъ моимъ, забраню духовницѣ мужа моего, купчихъ записей и протчихъ писемъ и реестровъ и всего имущества, такожъ многихъ собственнихъ моихъ не намалую сумму вещей и внесенныхъ мною першаго мужа моего пятисотъ рублей денегъ и о протчемъ, жить свободно и съ того дому себе во всемъ доволствовать а онъ бы дѣверъ мой Михайло Лукашевичъ въ томъ прожитіи и въ протчемъ никакого воспященія мнѣ не чинилъ. По якому опредѣленію зъ оного полкового суда значк. тов. Иванъ Мосцѣцкій и сотнѣ первой полковой писарь Леонтій Сѣбѣревичъ, зъ даннимъ имъ наставленіемъ, отводъ чинили, но жена оного дѣвера моего Лукашевича въ домъ покойного мужа моего, въ селѣ Демянцяхъ находячийся, онимъ нарочнимъ мнѣ отводу учинить не допустила, хочай же во исполненіе высокоповелителного ясн-ти вашей ордера на поднесенніе ясн-ти вашей одъ полковника Переясловского Сулими и отъ оного дѣвера моего Лукашевича доношенія, априля 17, въ судѣ полковомъ Переясловскомъ получено, коимъ велѣно оное по иску моемъ дѣло и вишь означенное въ судѣ полковомъ Переясловскомъ о житіи мнѣ въ домѣ мужнемъ и о доволствіи себе во всемъ зъ оного дому опредѣленіе, мимо г. полковника Переясловскаго Сулимы, полковой Переясловской

старшинѣ разсмотрѣть, въ согласіель правъ Малороссійскихъ тое опредѣленіе учинено, зъ оного Переясловского суда и повторно, яко то опредѣленіе въ силѣ правъ учинено, нарочніе значк. тов. Михайло Гавриловь и канцеляристъ полковій Иванъ Матвѣевскій по инструкціи посилани для порученія мнѣ въ вѣдомство мое, въ означенномъ мужа моего Демянковскомъ домѣ имѣвшихся, до препитанія мнѣ хлѣба и живностей и другихъ запасовъ по описѣ за роспискою и для приказу, находячимся въ томъ дому служителямъ и людемъ, кои по описѣ до оного дому принадлежатимуть, чтобъ они во всемъ мене слушались до рѣшенія дѣла, и въ прожитіи бъ мнѣ (:якое онимъ же нарочнимъ велено въ томъ дому мужа моего мнѣ учредить:) утѣсненія никакова не било, и для притверждения оному дѣверу моему Лукашевичу о непремѣнномъ по тому опредѣленію исполненіи и чтобъ онъ въ томъ воспящения не чинилъ. Точію онихъ нарочнихъ надлежащого, за силу данной имъ зъ оного полкового суда Переясловского инструкціи исполненія учинить онъ, дѣверъ мой Михайло Лукашевичъ, за своимъ оному суду полковому Переясловскому упрямствомъ и противностію, не допустилъ. Хотя жъ я безъ всякой ими нарочними описѣ и притверждения о слушаніи мене служителямъ и протчгимъ до того дому принадлежащимъ людемъ, даби мнѣ не явится суду полк. Переясловскому ослушною, стала была въ ономъ покойного мужа моего Демянковскомъ домѣ жить, точію, якъ за недопущеніемъ мнѣ чрезъ учрежденнихъ отъ него, дѣвера моего, ключниковъ и господарей къ припитанію запасовъ, и за тѣсностію отъ наведеннихъ имъ же, дѣверомъ моимъ, въ едину мнѣ обѣду, няніокъ и мамокъ и инспекторнѣ (sic), такъ и для часто случившихся по допущенію его, дѣвера моего, отъ служителей нахалнихъ ругателствъ и безчестій и къ вреду здоровія моего касаючихся случаевъ (:о чемъ я многими въ судъ полк. Переясловскій доношеніями обстоятелно представляла:) принуждена зъ оного дому виступить и по чужихъ домахъ скитатся и, будучи отъ него, дѣвера, крайне разоренною, въ препитанію и протчемъ крайнюю скудость и бѣдствіе претерпѣвать, того ради, ясн-ти вашей, о вышеписанномъ донося, нижайше прошу повелѣть, ради предписанного резона, что означенній дѣверъ мой Михайло Лукашевичъ явно суда полкового Переясловского ослушается и показуетъ противное, послать зъ войсковой енералной к-ріи нарочного, кого пристойно, по инструкціи для врученя, за силу состоявщогося съ судѣ полк. Переясловскомъ опредѣленія, мнѣ озна-

ченного дому мужа моего покойного асаула полк. Григорія Лукашевича къ прожитію, имѣвшихся въ ономъ дому, по смерти мужа моего поосталихъ, такожъ якіе и нынѣ імѣются, всѣхъ запасовъ хлѣба, скота и протчего для моего препитанія, такожъ и лошадей для поѣздокъ, по описѣ въ полное мое вѣдомство, до рѣшенія означенного моего зъ онимъ дѣверомъ моимъ заводного дѣла, и для притвержденія находячимся въ томъ дому служителямъ и людямъ, кои до того двора принадлежатъ, чтобъ до такова дѣла рѣшенія во всемъ мене слушались, особливо же и къ оному дѣверу моему Лукашевичу зъ войсковой енералной к-ріи чрезъ ордеръ предложить, даби онъ въ отдачи мнѣ того мужа моего двора, со всѣми до него принадлежитости, для моего прожитія и содержанія себе, жадного препятствія и въ прожитіи мнѣ утесненія и ни въ чемъ никакихъ наглостей, нападковъ и разореній, до рѣшенія означенного дѣла, не чинилъ, а въ полковій Переясловскій судъ о скорѣйшомъ на положенній по высокоблагоусмотренію вашей ясн-ти срокъ означенного по иску моемъ дѣла разсмотрѣніи и решеніи; и и о поступленіи съ нимъ, дѣверомъ моимъ, за его суду полк. Переясловскому противности и учиненное мнѣ гвалтовное грабителство, въ силѣ правъ Малороссійскихъ, чрезъ ордеръ предложить и о томъ всемъ учинить милостивое опредѣленіе.

Къ сему доношенію, по прошенію Евдокіи Васильевны, жены умершого полк. асаула Григорія Лукашевича Переясловского, во мѣсто ей войск. товар. Михайло Словинскій руку приложилъ. (Мартъ, 1752 года).

5. Жалоба Григорія Лукашевича гетману на Переяславскаго полковника Сулиму за незаконныя его распоряженія по оставшемуся послѣ Михайла Лукашевича имѣнію.

Ясневелможному... *(слѣдуетъ полный титулъ)* графу Кириллу Григоріевичу Разумовскому.

Нижайшое доношеніе

Средствующого марта 1 числа, въ полученномъ мною отъ г. полковника Семена Сулимы ордеромъ по доношенію Петра и Якова Рустановичовъ, жителей Воронковскихъ, съ прошеніемъ о приарестованіи владѣемихъ при жизни брата моего асаула Лукашевича до смерти его въ Переясловлѣ, въ селѣ Демянцяхъ и въ мѣстечку Гелмязовѣ нахо-

дячихся грунтовъ, по первой женѣ его Рустановичовнѣ, ему доставшихся, написано: яко де отъ него, г. полковника, повелѣно уже ассигнововавъ нарочнихъ, чрезъ онихъ, при битности ищущихъ Петра и Якова Рустановичовъ такожъ и сотеннихъ урядниковъ, тѣхъ въ коихъ Рустановичевскіе грунта положеніе имѣютъ, оніе грунта, безъ малѣйшого упущенія, описать и по описѣ сотенним урядникамъ, какимъ якіе грунта положеніямъ ихъ приличествуютъ, въ смотреніе за роспискою, что они тѣхъ грунтовъ ни сами, нѣ на что употребять и мене до уступу въ оніе допускать не будутъ поручить, и тѣмъ грунтамъ опись въ полковую к-рію представить. А мнѣ прописаннимъ ордеромъ предложено: во владѣніе обявленнихъ грунтовъ не вступать до имѣющогося отъ онихъ судного дѣла и рѣшенія. А понеже объ онихъ грунтахъ, какъ самому г. полковнику доволно извѣстно, прежде одзову упомянутихъ Рустановичовъ, імѣется споръ отъ козака Тихона Щуровского, по коего челобитю и дѣло совершенно въ полковомъ Переясловскомъ судѣ произведено, для некоторихъ же обстоятелствъ и за подозрѣніемъ въ полковую Лубенскую канцелярію перенесенное, а нынѣ уже тамъ къ рѣшенію зготовлено імѣется, и потому до рѣшенія оного дѣла ихъ Рустановичовъ подступки приносимыхъ прошеній въ дѣйство поставлять не доводится, яко жъ Малороссійскіе права объ одномъ дѣлѣ двоихъ судовъ начинать точію запрещаютъ, паче же что они, Рустановичи, кромѣ едних одзовнихъ прошеній никакова такъ зъ умершимъ братомъ моимъ, яко и со мною, по причинѣ неоконченного зъ Щуровскимъ дѣла судного процесса, не имѣли и о правости иску признавать еще нѣ почему, для того арестовать пеняемыхъ (sic) Рустановича грунтовъ, равно съ другими по умершомъ брату моему наслѣдно и правилно во владѣніе мое вшедшихъ, не слѣдуетъ; якожъ Малороссійскіе права никакихъ спорнихъ грунтовъ, кромѣ на спорной землѣ хлѣба и сѣна (:какъ о томъ книги статута раздѣлу 9, артикула 22 гласитъ:), арестовать не позволяютъ, но оний прописанний отъ г. полковника ко мнѣ присланный ордеръ видимо за свойство къ нимъ Рустановичовъ[1]) съ неправого къ нему г. полковнику представленія, безъ справки съ Малороссійскими правами, учиненъ, да и не токмо по правамъ, но и ни съ какихъ примѣровъ,

---

[1]) Яковъ Рустановичъ былъ женатъ на Епистиміи Александровнѣ Сулимѣ, родственницѣ полковника Семена Сулимы.

чтобъ по еднимъ одзовнимъ прошеніямъ грунта арестовались (:сугубо-жъ мнѣ Рустановичами претендуеміе, о коихъ уже дѣло по посторонному иску, какъ више донесено, къ рѣшенію дойшло:) никогда доселѣ не слихано било. При томъ же вашей панской ясн-ти нижайше доношу, что отъ многихъ лѣтъ умершимъ братомъ моимъ владѣемие, нынѣ же одъ Рустановичовъ пеняеміе грунта, бабою ихъ Рустановичовъ и отцемъ, зъ засвидителствованіемъ посторонних людей, уступлени Якову Рустановичу, а оного брата моего тестю за немалую захваченную дѣдомъ ихъ новопроискуючихся Рустановичовъ сумму умершому брату моему и потому уже судомъ полковимъ Переясловскимъ декретовими до обиску еще оной уступки, которая подленная нынѣ въ мене імѣется. И отъ того времяни, такъ отецъ ихъ Рустановичовъ, яко и сами просителѣ доселѣ безъ апеляціи промолчали, до коихъ уже имъ, Рустановичамъ, и претенсій імѣть нынѣ не безпоносно. И тако упоминаеміе Рустановичи прошеніями своими затрудняютъ напрасно и бездѣлно, и хотя о всемъ томъ ему, г. полковнику, обстоятелно отъ мене представлено было, но за углубленную къ онимъ Рустановичамъ отъ г. полковника свойственную приязнь, по коей и нынѣ помяненніе Рустановичи въ жиломъ домѣ его г. полковника квартерою съ харчевимъ издержаніемъ содержатся, по представляемимъ прошеніямъ моимъ никакой резолюции не учинено. За последовавшимъ же приарестованіемъ добръ владѣемихъ умершимъ братомъ моимъ, я нынѣ вишпомянованій собственнимъ моимъ иждивеніемъ крайную поношу обиду и разореніе; да сверхъ сего изображенного дѣла, по представленному къ вашей панской ясн-ти отъ удовствующой нынѣ бывшой второбрачной умершого брата моего жени Евдокіи Василіевни, предъ умертвіемъ оного брата моего недавно въ замуже съ нимъ посягшей, оставшейся по немъ брату моему бездѣтной прошенію, по которому ордеромъ вашей панской ясн-ти къ г. полковнику Сулимѣ состоявшимся, повелѣно въ силѣ Малороссійскихъ правъ учинить разсмотреніе и рѣшеніе, онъ, г. полковникъ Сулима, тожъ за свойство съ оною братовою моею, по первому мужу еи називаючогось Максимовичевою, не призывая мене, по ордеру вашей панской ясн-ти, въ силѣ Малороссійскихъ правъ, по однимъ оной братовой моей вновь подносимимъ прошеніямъ, объ оставшихся по умершемъ братѣ моемъ движимихъ и недвижимихъ отческихъ моихъ, владѣемихъ при жизни оного брата моего, добръ отказываетъ, и ей, братовой моей, безъ малѣйшаго разсмотрѣнія ор-

деромъ вашей панской ясн-ти, въ силѣ Малороссійских правъ, повелѣннимъ жилле дому и всего оставшогось імѣнія чинитъ отдачу, съ такимъ мене въ конецъ разореніемъ, что всѣ оставшіесь отческіе по братѣ моемъ движиміе и недвижиміе добра неотменно растаскани, попустошени отъ нея истици будутъ, потому яко въ вѣчное сукцессивое владѣніе ей поручены бить не могутъ, при томъ же истицѣ Василіевнѣ (sic) по чинимой нынѣ отъ г. полковника отдачи жилого въ селѣ Демянцяхъ дому, жить въ ономъ домѣ съ явнимъ слѣдуетъ подозрѣніемъ, для того, что она, истица, поданнимъ въ полковую Переясловскую канцелярію доношеніемъ о схороненнихъ въ томъ домѣ, якобы мужемъ еи, а моимъ умершимъ братомъ, внесеннихъ собственнихъ еи пятистахъ рублей денгахъ, съ первимъ мужемъ оной набитихъ, просила, даби съ показанія ею места, гдѣ оніе денги схоронени, при нарочнихъ отъ полковой канцеляріи вынять, почему отъ оной полковой к-ріи посиланніе съ показанія истицею разнихъ местъ сискивали по обиску такъ денги, яко и приличія къ схороненію онихъ не явилось, съ чего извѣстно признается, что она, истица, надеясь о показуемихъ будто внесенних ею денгахъ, ничимъ доказать (:ибо онихъ никогда въ нея не бивало, о чемъ отъ мене по дѣлу зъ явнимъ изобличеніемъ и доказано ей будетъ:) обманно пустіе места показивала съ тѣмъ умышленіемъ, даби встаскавшись въ означенний домъ собственніе мужа еи, моего же умершого брата, отческіе и самимъ прижитіе денги, знаючи подленно объ онихъ, тайнимъ образомъ изять; и хотя тако жъ о всемъ обстоятелно многократно отъ мене ему, г. полковнику, подавани были прошенія съ ожиданіемъ отъ него г. полков ника правого въ томъ разсмотренія и опредѣленія, но понеже доселѣ не токмо і малѣйшого превращенія къ надлежащой правости его г. полковника не показуется, паче же непрестаеміе, за согласіемъ во всемъ съ нимъ г. полковникомъ писара Каневского, чинятся мнѣ безпокойства. Того ради вашей панской ясн-ти нижайше прошу для предъявленнихъ отъ г. полковника Сулими въ прежнихъ копияхъ недоброхотствъ повелѣть, такъ по вишъімянованнимъ, яко і впредъ получаючимся дѣламъ моимъ, мимо г. полковника Сулиму, присутствовать съ первенствующей полковой старшинѣ при двоихъ полку Переясловского сотникахъ, коихъ заблагоусмотрено будетъ; его же г. полковника съ протчими старшинами отъ присутствія по моимъ дѣламъ отрешить и опредѣленніе неправилно арести отставить, а для усмо-

тренія вашей панской ясн-ти по сему моему представленію правости, повелено бъ тѣмъ опредѣленнимъ къ присутствію по моимъ дѣламъ членамъ, донесеннимъ отъ г. полковника Сулими на мене посягателствамъ учиня экстрактъ, поднесть вашей панской ясн-ти къ високому благоусмотренію.

О семъ нижайше проситъ полковий Переясловский хоружий Михайло Лукашевичъ. 1752 году, марта—дня.

6. Жалоба вдовы Михайла Лукашевича гетману на дѣверя за противодѣйствіе при выдѣлѣ вдовьей части.

Ясневелможному господину *(слѣдуетъ полный титулъ)* графу Кириллу Григоріевичу его сіятелству Разумовскому. Въ генералную войсковую канцелярію.

Всенижайшое доношеніе.

Вашей ясн-ти въ генералную войсковую к-рію минувшого 1753 году, октябра—дня, я нижайшая, чрезъ доношеніе свое по крайней моей нетерпимости, доносила, что дѣверь мой асаулъ полк. Переясловский Михайло Лукашевичъ явно ослушаясь учиненному въ согласіе правъ Малороссійскихъ въ полковомъ Переясловскомъ суде опредѣленію, нарочнихъ двоикратно отъ оного полкового суда отправляемыхъ къ порученію мнѣ для прожития по умертвіи мужа моего асаула полк. Григорія Лукашевича оставшогось въ селѣ Демянцяхъ состоящого жилого дому, и при томъ домѣ імѣвшихся до препитанія моего хлѣба, живностей и другихъ запасовъ, всего по описѣ и для приказу находячимся въ томъ домѣ служителямъ и людямъ, кои по оной описѣ до оного дому принадлежатимуть, чтобъ они во всемъ мене, до рѣшенія по претенсіи моихъ (моей?) дѣла, слушались, не допустилъ, и что когда я нижайшая безъ всякой оними нарочними учиненія описѣ і притверждѳнія въ слушаніи мене служителемъ и людемъ до оного дому приналежнимъ, дабы мнѣ учиненному въ полковомъ суде (ордеру) не явится ослушною, стала была въ томъ домѣ жить, но........ отъ реченного жъ дѣвера моего учрежденними къ препитанію моему.... и протчего, и чрезъ послѣдовавшіе мнѣ нижайшой, по наущению сказанного жъ обидителя моего и жени его, отъ служителей въ томъ дому находящихся разноличние нахалства, безчестия и крайне несносніе богопротивние іздѣвателства къ вреду здоровя моего многие

слѣдовавшие случаи, о чемъ отъ мене суду полковому тогда жъ обстоятелно донесено. Убѣгая онихъ нахалствъ и неприличествующихъ надо мною бедною, при удовствѣ остаючоюсь, оказиваемихъ іздѣвателствъ и дабы мнѣ при старости лѣтъ моихъ нечаяннимъ образомъ житя не лишится, я нижайшая съ того дому принуждена была выступить и по чужихъ домахъ скитатся, и онимъ доношеніемъ вашеи ясн-ти въ генералной войск. к-ріи обо всемъ томъ просила высокого разсмотренія и опредѣленія. По которому моему доношенію посланнимъ отъ вашей ясн-ти зъ генералной войсковой к-ріи въ полковую Переясловскую к-рію ордеромъ повелѣно—по жалобѣ моей учинить въ немедленности по правамъ Малороссійскимъ надлежащое исполненіе. И по тому вашей ясн-ти выс-повел-му ордеру, въ полковомъ Переясловскомъ судѣ состоявшімся опредѣленіемъ, велено взять отъ мене обо всѣхъ движимихъ и недвижимихъ по мужу моему реченному асаулѣ полковому Лукашевичу оставшихся добрахъ обстоятелную вѣдомость, по оной, за силу правъ Малороссійскихъ, третую часть видѣлить мнѣ во владѣніе, по смерть мою, за роспискою поручить, и по окончанію той роздѣлки за внесенное мною імущество и пятосотную сумму денегъ і о протчомъ по иску моемъ дело суднимъ порядкомъ проізвесть; къ которой видѣлки отъ оного полкового суда, по інструкціи, послани были сотники: Яготинскій Стефанъ Лукомскій и Лѣплявскій Іванъ Левицкій; и когда оніе нарочние при вступленіи въ ту роздѣлку отъ оного Лукашевича, по сообщенной къ нему зъ данной отъ мене въ судѣ полковомъ объ онихъ добрахъ вѣдомости, при писмѣ своемъ точной копіи, тѣхъ всѣхъ добръ къ роздѣлки представленія потребовали, то оной Лукашевичъ по той вѣдомости, не представляя ничего і чиня противо всякой вещи недѣлние, къ едной моей волокитѣ и крайнему разоренію, умисломъ его предпринятие отмѣтки, ту вѣдомость съ отмѣтками паки къ нимъ нарочнимъ прислалъ, показуя въ онихъ отмѣткахъ, что якобы некоторихъ вещей не явилось, а нѣкоторие вещи, яко то оного мужа моего і первой жены его суккѣ, кои уже на мене нижайшую, съ приказу оного мужа моего, перешити были, и протчое, хочай де имѣются, токмо де будто къ оной роздѣлки не подлежатъ, упоминая при томъ і о лошадяхъ, рогатомъ скотѣ и овцахъ, что осталось де по умертвіи оного мужа моего и імъ Лукашевичемъ забрато жъ якобы не толикое число, какъ я нижайшая въ вѣдомости своей показала и съ того де принятого имъ числа, неко-

торое число . . . . . спродавъ, тѣ деньги якобы на поминовеніе оного мужа употребленни. И тако я нижайшая по оной вѣдомости ізъ движимостей тако жъ ізъ недвижимостей, въ разныхъ мѣстахъ находячихся, леснихъ и степнихъ угодій, хуторей і съ мелницъ гребелнихъ троихъ, а четвертой на мѣской Переясловской греблѣ, едного кола и едного жъ вѣтрака, и особо того съ людей въ разнихъ мѣстахъ жителствующихъ и съ лошадей, рогатого скота и овецъ, ценѣ, медѣ, суконъ, какъ мужескихъ і женскихъ і протчого, нѣчого не получила, а получила толко съ онихъ мужа моего добръ, а именно: въ селѣ Демянцяхъ хатокъ пять съ людми, съ хлѣба—жита, съ числа двадцяти скиртъ, скирту едну, да жита молоченого десять четвертей, пшеницѣ—четирѣ четверти, і на едное мнѣ при. . . . . подсвинка не противъ. . . . . . . отдать. И тако онъ Лукашевичь . . . . . тѣмъ всѣмъ и понынѣ доволствуясь мужа моего імуществомъ . . . . . себѣ въ немалой пожитокъ, я же нижайшая по ономъ же дѣлу черезъ три . . . . за неполученіемъ съ онихъ мужа моего добръ надлежащой части, в . . . . . . обидѣ и разореніи остаюсь, і за неімѣніемъ хлѣба, крайно бѣдственное препитаніе імѣю, якожъ і сего года іюля 25 дня, по прошенію моему реченного асаули Лукашевича къ женѣ его посланнимъ съ полкового суда указомъ хочай і велѣно, дабы она за снятій мужемъ еи, по умертвіи моего мужа, оставшійся съ поля хлѣбъ, кромѣ того, что въ скиртахъ состояло, именно: жита пятсотъ, пшеницѣ озимой двѣстѣ копъ, съ которой пашнѣ я ни единого снопа тогда не получила съ посѣянного на землѣ, къ селу Демянцямъ принадлежащей и въ общой роздѣлъ доводячойся—хлѣба и съ лукъ сѣна всего не снимала, но толко сняла себѣ двѣ части, а третую часть мнѣ нижайшой къ препитанию оставила толко она Лукашевичева и оного указа не слушаясь, ввесь хлѣбъ сняла и сѣнокосніе луки скосила, я же нижайшая съ сеголѣтного хлѣба въ одворотъ належного и зъ сѣнокосныхъ лукъ сѣна—ничего не получила. А понеже предреченний Лукашевичъ и жена его въ показанной отмѣточной вѣдомости о лошадяхъ, рогатомъ скотѣ и овцахъ и о протчемъ показали противо моего показанія меншое число, весма несправедливо, якожъ я не сама отъ себе, но по поданному хутора Чумгацкого отъ господара Михаила Василиева, въ коего тотъ скотъ въ смотреніи, какъ за жизни мужа моего, такъ і по смерти находился, отъ которого дѣверь мой тотъ ввесь скотъ и отобралъ, саморучному реестру показанное въ вѣдомості число означила, такожъ

и о показанномъ въ ямахъ находячомся хлѣбѣ, что якоби объ ономъ не знаетъ, въ той же вѣдомости заперся напрасно, занеже сего года въ юнѣ месяцѣ, середнихъ чиселъ, совершенно хлѣбъ оного Лукашевича женою съ ямъ винятъ; мнѣ же нижайшой не толко третой правной части, но и малѣйшого числа не дано. Того ради съ показанной отмѣточной, при писмѣ его Лукашевича, саморучной вѣдомости на коей его писарь Лукашевича домовий подписался, и реестра о скотѣ отъ показанного господара Васильева мнѣ данного, точние копіи високому усмотренію его Лукашевича напраснихъ показаній вашей ясн-ти при семъ представляя, падши къ стопи ногъ вашей ясн-ти, слезне и всенижайше прошу во прекращеніе всѣхъ его, Лукашевича, и жени его напраснихъ затѣекъ і послѣдовавшой мнѣ волокиты, даби мнѣ нижайшой при старости лѣтъ моихъ, болѣе напрасно не волочится и до крайнѣйшого у́итка не приходить, высокомилостиво повелѣть отъ генералной канцеляріи нарочними ту роздѣлку окончить, і чтобъ по оной вѣдомости все безъ остатка онимъ Лукашевичемъ къ той роздѣлкѣ представлено было—къ нему Лукашевичу и о произвожденіи і рѣшеніи по претенсіи моей о унесеннѣ и о протчомъ дѣла, на срокъ въ оний полковий судъ чрезъ ордеръ предложить и о томъ высокомилостивое опредѣленіе учинить.

Къ сему доношенію удовствующая Евдокія Григориева Лукашевичова, а вмѣсто неграмотной по повелѣнію еи, синъ еи сотникъ Бубновский Іванъ Максимовичъ своеручно подписался. 1754 году, октября—дня [1]).

6. Донесеніе Переяславскаго полковаго суда о положеніи дѣла по выдѣлу женѣ умершаго Михайла Лукашевича вдовьей части.

Въ Генералную войсковую канцелярію

Репортъ.

Прошедшого сентября 28 дня сего 754 году, въ полученномъ зъ войсковой генер. к-ріи ордерѣ, по поданному въ оную войсковую генер. к-рію отъ удовствующой асаули полкового Григория Лукашевича жени его Евдокіи Василиевны (доношенію?) состоявшомся, изображенно: показанная де истица въ оную генер. войсковую к-рію доноше-

[1]) Точками обозначены мѣста истлѣвшей бумаги.

ниемъ, между протчіимъ, представляла, что въ силѣ ордеровъ его ясн-ти високоповел-го г. г. Малія Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетмана..... графа Кирилла Григориевича его с-ва Разумовского, въ полковой Переясловской к-ріи состоявшимся опредѣлениемъ велѣнно взять отъ ней истицы обо всѣхъ движимихъ и недвижимихъ, по мужу ее реченному асаулу полковому Лукашевичу объ оставшихся добрахъ обстоятелную вѣдомость, и по той вѣдомости въ силѣ правъ, третую часть видѣлить и ей во владѣніе по смерть еи поручить, и когда де опредѣленние къ той роздѣлки сотники Яготинский—Стефанъ Лукомскій, да Лѣплявскій—Лѣвицкій отъ оного Лукашевича по сообщенной къ нему зъ взятой отъ ней истици вишъпоказанной объ онихъ добрахъ ведомости, при писмѣ своемъ........... тѣхъ всѣхъ добръ къ роздѣлки представления потребовали и .... Лукашевичъ по той вѣдомости не представляя ничего, учинивъ противъ всякой вещи недѣлние отмѣтки, ту вѣдомость паки къ нимъ прислалъ, показуя, якоби некоторихъ вещей не явилось, а инние де къ роздѣлки не подлежатъ, скота-жъ де не толикимъ числомъ, какъ въ вѣдомости показанно, по смерти мужа еи асаула Григория Лукашевича осталось, и такъ де съ тѣхъ добръ ничего она не получила, кромѣ въ селѣ Демянцяхъ хатокъ пять съ людми, хлѣба съ числа 24-хъ—едну скирту да жита молоченого 10 четвертей, пшеницѣ 4 четверти, свиней двое и два подсвинковъ; да прошлого де юля 25 дня, по прошению еи истици, показанного асаула къ женѣ посланъ зъ оного полкового суда указъ, даби она за снятий мужемъ еи, по умертвіи еи истици мужа, оставшійся съ поля хлѣбъ, кромѣ того что въ скиртахъ состояло, имено: жита 500, пшеницѣ озимой 200 копъ, съ которого де она ни единого снопа не получила, съ посѣянного на землѣ къ Демянцямъ принадлежащой хлѣба, съ лукъ сѣна, всего не снимала, а сняла бъ двѣ части, а третую еи истици оставила; токмо де она Лукашевичева, того указа не слушаясь, ввесь хлѣбъ и сѣно сняла, чрезъ что де она въ крайнемъ бѣдствіи состоитъ. И тѣмъ генералной войсковой к-ріи ордеромъ предложенно прислать въ оную генералную войсковую к-рію безотложно отвѣтъ, какъ де и прежде сего велѣно, для чего понинѣ оному дѣлу въ силѣ прежнихъ его ясн-ти ордеровъ надлежащого окончания не учинено, а между де тѣмъ по онимъ его ясн-ти ордерамъ такъ же и генер. войсковой к-ріи предложеніямъ (велѣно?) учинить неотмѣнное исполненіе съ удовол-

ствомъ обидимой сторони. На которій генер. войсковой к-ріи орд... полковая Переясловская канцелярия ..... рности отвѣтствуя донос... что прошедшого 752 году февраля 14 дня, по поднесенному от ... Лукашевичевой къ его ясн-ти доношенію о наездѣ онимъ Михайл... Лукашевичомъ зъ женою его на домъ еи истицы умершого мужа в селѣ Демянцяхъ состоящій, и о забратіи учиненной мужемъ ея жи-ломъ духовной, облѣковъ, денегъ и протчего имущества ею внесенн... и съ мужемъ еи набитого, и другихъ вещей, чему при томъ до-шеніи сообщенъ реестръ, присланнимъ от его ясн-ти, зъ сообщенн... того еи истицы доношения, въ полковую к-рію високимъ ордером велѣно по оному доношенію учинить надлежащое въ силѣ Малорос-сійскихъ правъ разсмотрение и рѣшение, даби предъ о томъ его ясн-т... жалоби не происходило, и за силу оного его ясн-ти високоповел-... ордера, по состоявшомусь въ суде полковомъ того-жъ 752 года ию... 9 дня определению, указомъ зъ оного полкового суда къ отвѣтчику асаулѣ полковому Михайлу Лукашевичу предлагаемо било, даби он... забратие истици собственние еи пожитки, къ умершому мужу вне... внесенние, всѣ къ описѣ и отдачи за росписокою ищущой сторонѣ в судѣ полковий представилъ и въ домъ умершого брата его жить истици воспящения никакова не чинилъ; которая въ томъ домѣ живучи, съ того жъ дому должна доволствоватись. А особливо того, къ оному-жъ Лукашевичу о явки его въ судъ полковій, на правній срокъ къ отвѣту, позовній листъ посиланъ, по которому предложению реченной отвѣт-чикъ Лукашевичъ тѣ внесенние истицею къ брату его отвѣтчика, а своему мужу, пожитки, при доношеніи въ судъ полковій по описѣ и представилъ, кои по описѣ за роспискою истицы отданны, и того жъ числа по поданному отъ реченой истицы Лукашевичевой въ полковую к-рію доношению съ представленіемъ, якоби о невозвращеніи всѣхъ сполна отвѣтчикомъ, внесенних нею къ мужу своему пожитковъ (и протчего), и что тотъ умершого мужа еи домъ въ коемъ жить еи с...... занятъ по приказу отвѣтчика коверями, такъ что и жить ей съ немалимъ утѣсненіемъ будетъ, просила какъ для отводу еи истицы въ оній домъ, такъ ко очищению и висилки онихъ коверенъ, съ полкового суда нарочних определения. По которому еи истицы прошению, нарочние отъ полкового суда значк. тов. Иванъ Мосцѣцкій, да писаръ сотнѣ первой полковой Леонтій Сѣбиревичъ, по инструкціи, въ означенное село Демянцѣ, въ домъ умершого мужа истицы, поси-

лани били съ такимъ наставленіемъ, даби они въ показанному домѣ имѣющойся къ препитанию истицы хлѣбъ и живности, описавъ, оной истицы за роспискою поручили, и тамо находячимся служителямъ и людямъ, кои по описѣ до оного дому принадлежатимутъ, еи истицы во всемъ слушатись приказалибъ, и имѣючиесь въ томъ дому отвѣтчикови ковернѣ, даби оной истицы въ прожитіи утѣсненія не било, перенесть, и по оному исполнивъ и взявъ тую ими отъ оной истицы въ принятіи того дому зъ наличными пожитками росписку и учиненную опись, оние нарочние за возвращениемъ своимъ при доездѣ своемъ въ судъ полковій представили. Кои нарочно посиланние, за возвращениемъ своимъ, доездомъ между протчимъ обявили, что имъ отвѣтчика Лукашевича жена по данной инструкціи исполнения учинить не допустила, и сисканного ими тамошнего войта для показания живности, хлѣба и другихъ запасовъ, зъ глазъ ихъ согнала, запрещая даби оной войтъ нѣчего не показивалъ и нѣ въ чемъ истици показанному войту слушатись запретила, и притомъ сказивала: я де полковника не слушаю, яко оной истици дѣверъ. Напротиву чего оние нарочние отвѣтчиковой женѣ........ не самъ г. полковникъ на даной имъ инструкціи подписался, но и другие полковая старшина, и между тѣмъ отвѣтчикова жена присматриваясь на инструкціи подпису старшинскихъ рукъ, оную инструкцию зъ рукъ съ нихъ писара Сѣбиревича вирвала и оную въ себе удержала, сказуя: уже де три инструкціи имѣетъ, а то нею взята четвертая, и оние де всѣ мужъ еи имѣетъ въ Глуховъ отвезть; а потомъ, по неодступному истици прошению, яко оная правуючись зъ отвѣтчикомъ Лукашевичемъ, къ прожитию своему места не имѣетъ, по прежде учиненному опредѣлению другой разъ чрезъ нарочнихъ значк. тов. Михаила Гаврилова и канц-сту полковой к-ріи Матвѣевского отводъ, къ прожитию оной истицы въ поосталомъ по умершомъ мужу еи домѣ, того жъ 752 году іюня дня 2, учиненъ съ такимъ наставлениемъ, даби тѣ нарочно посилаемие при томъ домѣ—хлѣбъ, живности и другие запаси, въ присутствіи отвѣтной сторони, описавъ, къ препитанию оной за роспискою поручили, и находячимся въ томъ домѣ служителямъ и людямъ, кои по описѣ до оного дому принадлежатимуть, ей, истици, во всемъ до рѣшения дѣла слушатся прыказалы. И буди тотъ домъ занятъ ковернями, чтобъ оной истици въ прожитіи утѣснения не било, оние ковернѣ оттоль винесть прыказали. Кои нарочно посиланние доездомъ представили, что отвѣт-

чикъ Лукашевичъ обявилъ имъ, яко онъ—что прописанного Демянчицкого братного его дому принадлежить,—хлѣба, людей и протчого, описать имъ не допуститъ, жить же въ томъ домѣ оной истици и хлѣбомъ, за требованиемъ отъ тамошнего ключника, доволствоватся, кромѣ чтобъ на сторону ничего не вивозила, не возбраняетъ. И такъ де они истицу оставя въ означенномъ дому ...., оттоль одехали, и хочай за наступлениемъ правной ..... вало по иску часто упоминаемой истици производить суднимъ порядкомъ дѣло, токмо первие, за отлучкою отвѣтчика асаули Лукашевича къ сочинению въ томъ 752 году о дворовомъ числѣ ревизій, а потомъ за непредставлениемъ отъ истици по тому дѣлу повѣренного, показанное дѣло чрезъ немалое время произвождениемъ умедлѣло, а напослѣдокъ, тогожъ году ноябра 30 дня, реченная истица Лукашевичева, чрезъ поданное свое доношение, между протчимъ представляла происходящие ей въ дому умершого мужа еи отъ людей отвѣтчиковихъ разнообразние здѣвкй и ругателства, такожъ и нимъ, самимъ отвѣтчикомъ, приключаемие ей въ заборѣ съ оного дому отвѣтчикомъ хлѣба, живности и другихъ пожитковъ—обиди; зачимъ она, охраняя жизнь свою, тотъ домъ намѣрена оставить и странствовать по сусѣдамъ попрежнему, и покамисть де ей забратого отвѣтчикомъ имущества возвращенно не будеть, потоль она не должна въ судъ вступить, просила разсмотрѣния. И яко за недопущениемъ реченнимъ отвѣтчикомъ Лукашевичемъ, по опредѣлениямъ полкового суда, истици въ поосталомъ мужа еи домѣ жить и недачу до рѣшения того дела зъ оставшихся по брату своему, а еи истици мужу, добръ въ снабдѣние оной, такожъ и къ дневному препитанию хлѣба, употребляя завременно все тое въ иждивение свое, по многократнимъ оной истици жалобамъ, не могучи болѣе средства завзять, къ удоволству истицы въ судѣ полковомъ минувшого 753 году ноябра 26 дня опредѣлено въ оной истици взявъ именную .... какими именно грунтами, людми и другими угодіи умершій мужъ еи, асаулъ полковій Григорій Лукашевичъ, за жизни, по смерть свою, владѣлъ, и во пресѣчение далшой, происходящой по тому дѣлу волокити, съ того мужемъ еи владѣемого имѣния, за силу правъ Малороссійскихъ книги статутъ раздѣла 5, артикула 16, третую часть ей видѣлить и по оной видѣлки, по иску еи, Лукашевичевой, суднимъ процессомъ попрежнему опредѣлению дѣло производить. И за силу того полкового суда опредѣления, къ той видѣлки били от-

правлени сотники: Яготинскій — Стефанъ Лукомскій и Лѣплявскій Иванъ Лиевицкій, кои сотники присланнимъ отъ себе въ судъ полко вій, сего году марта 23 дня, репортомъ, между протчимъ представляли, яко де они, по силѣ данной имъ инструкціи, въ селѣ Демянцяхъ, въ оставшихся по мужу истициному движимихъ и недвижимихъ безспорнихъ добрахъ, учинили на три части роздѣлку, по которой де ихъ роздѣлки обѣ стороны—истица Евдокія Василиевна и отвѣтчикъ асаулъ полковій Михайло Лукашевичъ доволними росписались, и что между ними подлежало безъпорочного дворового грунту, такожъ хлѣба и протчего, оние что застали въ наличности, третую часть оной истици во владѣние по смерть еи вручили; а въ земляхъ пахатнихъ и сѣнокоснихъ, такожъ и другихъ угодияхъ между ними того времени, за нескритиемъ зъ онихъ земель снѣгу, не чиненно; для того они, сотники, тую роздѣлку до способнѣйшого времени, по ихъ обоихъ же сторонъ согласию, отсрочили; а потомъ, зъ онихъ сотниковъ Яго тинскій Стефанъ Лукомскій, присланнимъ отъ себе въ судъ полковій сего жъ году сентября 7 дня доношениемъ представилъ, яко онъ за силу генер. войсковой к-ріи ...... по искамъ магистрата Киевского надъ тамошними сотника Гудима и его подчиненнихъ занесеннимъ, въ Киевъ отехалъ; имѣючоеся жъ де въ него о роздѣлки той движимихъ и недвижимихъ, по умертвіи реченного асаула Лукашевича оставшихся добръ, дѣло все подлѣнное отправилъ къ товаришу своему сотнику Лѣплявскому Ивану Ліевицкому. Итако за всѣми више прописанними обстоятелстви и что какъ више упомянуто сотникъ Лукомскій въ Киевъ отехалъ, а отвѣтчикъ Лукашевичъ въ Глуховъ взятъ, гдѣ и нинѣ обрѣтается, потому состоявшомусь въ роздѣлки тѣхъ поосталихъ по умершомъ истици мужу добръ въ суде полковомъ опредѣлению не исполнено. Нинѣ же, хочай и должно по тому всему учинить исполнение, токмо, яко какъ выше упомянуто, отвѣтчика Лукашевича и жени его въ дому не имѣется, безъ присутствия онихъ отвѣтной сторони, той роздѣлки учинить такожъ и дѣла суднимъ процессомъ производить никакъ (не?) можно. Того ради объ ономъ всемъ вишеписанномъ полковая Переясловская к-рія подъ милостивое войсковой генер. к-ріи благоразсмотрение, что за вишеобявленними резонамы въ силѣ его ясн-ти високихъ ордеровъ упомянутому просителки Лукашевичевой дѣлу, доселѣ надлежащого окончания полковая здешная к-рія учинить не могла, всенижайше

представляетъ, и какъ о томъ повеленно будетъ покорнѣйше просить и имѣетъ должность ожидать милостивой резолюціи.—Судя полковой Константинъ Лѣсеневичъ. — Писарь полковый Якимъ Каневскый.— Полковый хоружій Іванъ Андрѣевскій. 1754 году, ноября 19 дня. Переясловль [1]).

7. Жалоба вдовы полк. есаула Михайла Лукашевича на дѣверя Григорія Лукашевича за недопущеніе къ пользованію вдовьей части и за присвоеніе ея собственныхъ денегъ.

Въ войсковую генералную канцелярію.

Всепокорнѣйшое доношеніе.

Первая половина жалобы заключаетъ въ себѣ почти дословное повтореніе приведенной выше жалобы ея же вдовы Михаила Лукашевича, а затѣмъ слѣдуютъ новыя обстоятельства, которыя здѣсь и приводятся........ о чемъ всемъ обстоятелно въ прошломъ 1754 годѣ, сентября среднихъ чиселъ, въ генер. войсковую к-рію съ приложеніемъ показанниxъ отмѣтокъ нижайше доносила; по якому моему доношенію, хотя ордеромъ зъ войсковой генер. к-ріи къ полковнику Переясловскому г. Сулимѣ о исполненіи въ силѣ правъ Малороссійскихъ того года сентября 24 дня и притверждено, точію жъ полковникъ Переяслопскій Сулима високоповелителнимъ его ясн-ти ордеромъ отъ дѣлъ его асаула Лукашевича отрѣшенъ, о чемъ онъ, г. полковникъ, въ генералную войсковую к-рію репортомъ представилъ, и тако прописаній ордеръ безъ дѣйствія і остался. Прошлогожъ 1752 г., марта дня, скоро по умертвіи мужа моего, когда я нижайшая въ полковую Переясловскую к-рію о внесенниxъ мною къ мужу моему 500 рублей денегъ, якии имъ, умершимъ мужемъ моимъ Лукашевичемъ, во время отлучки моей въ полкъ Стародубовскій, схованы били съ его собственними денгами въ пашеной ямѣ, въ житѣ, для винятія доношеніемъ объ опредѣленіи отъ полковой Переясловской к-ріи нарочнихъ просила; по якому доношенію отъ полковой Переясловской к-ріи хотя нарочніе асаулъ полковой артилеріи Грѣгорій Рубанъ зъ атаманомъ сотеннимъ били і опредѣлени, толко жъ уже прописанниxъ денегъ въ оной ямѣ не нашли, ибо частоупоминаемій дѣверь

[1]) Точками обозначены мѣста истлѣвшей бумаги.

мой Лукашевичъ прежде прибитія ихъ нарочнихъ, съ служителемъ своимъ полской націи человѣкомъ Юзефомъ, откопа́въ оную яму, знатную сумму денегъ, въ коемъ числѣ і мои били, винявъ; оной же его Лукашевича служитель Юзефъ, при винятѣ тѣхъ зъ ями и себѣ нѣкоторое число денегъ уворовалъ, и зъ своею скринкою въ домѣ значк. тов. Щербини въ сохраненіе, безъ обявленія объ онихъ ему Щербинѣ, поставивъ; когдажъ Щербина объ онихъ уворванних і въ его комнатѣ імѣючихся денгахъ провѣдавъ, то не видавая ему Юзефу зъ дому скринки, доношеніемъ въ полковую Переясловскую к-рію представивъ; о якомъ представленіи жена́ дѣвера моего увѣдомлясь, наѣхавъ въ домъ оного Щербини и насилно отбивъ комнату, оную Юзефову скринку себѣ взяла; сколко жъ онихъ денегъ било никому не обявляла. Оной же воръ хотя после по вышеписанному Щербининому, такожъ и моему после поданному доношеніямъ, въ полк. Переясловской к-ріи и допрашиванъ, толкожъ безъ всякого пристрастія, въ коемъ допросѣ показалъ, что вворовалъ при виняти зъ ями 136 рублей, 30 червонцовъ, да талярей битихъ четири. О винятіи жъ имъ, Юзефомъ, зъ деверомъ моимъ мужнихъ денегъ, такожъ моихъ 500 рублехъ, хотя должно било въ полковой Переясловской к-ріи обстоятелно распросить, толкожъ не роспрашивано, а после его вора Юзефа онъ, дѣверъ мой, съ подъ караулу самъ освободя, къ себѣ во услуженіе взялъ; а гдѣ нынѣ оной воръ находится я неизвѣстна. И тако всѣми денгами, якъ мужскими, такъ и моими собственними онъ, дѣверъ мой, користуется і понинѣ напрасно, я же нижайшая волочась понапрасно (отъ?) учиненной мнѣ отъ его, Лукашевича, несносной обидѣ, чрезъ полчварта года, пришла въ крайнее убожество, такъ что і препитанія съ чего имѣть не имѣю. Того ради войск. генералной к-ріи слезно въ покорности моей прошу во прекращеніе всѣхъ его, Лукашевича, и жени его напраснихъ затѣекъ и чинимой мнѣ волокити, даби мнѣ при старости лѣтъ болѣе не волочится, въ вишеписанномъ милостивое опредѣленіе учинить. Къ сему доношению вомѣсто асаулиной полк. Переясловской Евдокіи Лукашевичевой неграмотной, по еи прошенію Семенъ Воронковъ подписался. 1755 году, ... дня.

8. Донесеніе Переясловскаго полковника Сулимы о примиреніи вдовы Михайла Лукашевича съ ея дѣверемъ.

Въ генералную войсковую канцелярію.

Репортъ.

Прошедшого 1752 году, февраля 6 дня, при ордерѣ его ясн-ти вскповел-го г. *(полный титулъ)*. графа Кирилла Григориввича Разумовского, поданное отъ удовствуючой умершого асаула полк. Переясловского Григорія Лукашевича жени его Ѐвдокіи Василиевни на дѣвера своего асаула полк. Переясловского Михайла Лукашевича за поосталие по оному еи истици мужу, такожъ і внесенние нею пожитки, доношение въ полк. Переяславскую к-рію прислано съ предложеніемъ учинить по оному въ полковой к-ріи надлежащое разсмотрение и рѣшеніе; а сего 756 году, марта 22 дня, прописанние истица Евдокия Василиевна и отвѣтчикъ асаулъ Михайло Лукашевичъ поданимъ отъ себе въ судъ полковій доношениемъ представили, что де они по тому дѣлу, поговоря между собою, полюбовно примирились, а на какомъ основаніи тое примирие імы учинено, въ томъ они особливо между собою росписками обовязались. Того ради о вишписанномъ въ войсковую генералную к-рію репортую.—Полковникъ Переяславскій Семенъ Сулима.—1756 году, апрѣля 5 дня.

III. Объясненіе Лубенскаго полковника Ивана Кулябки гетману по жалобѣ войсковаго товарища Ивана Марковича за обиды съ изложеніемъ обстоятельствъ объ убійствѣ послѣднимъ своего крестьянина.

Ясневелможному высокоповелительному господину господину Маліа Россіи обоихъ сторонъ Днепра и войскъ запорожскихъ гетману (*слѣдуетъ полный титулъ*) графу Кирилу Григориевичу его сиятелству Разумовскому.

Покорнѣйшое доношеніе.

Въ указѣ ея императорскаго величества самодержицы Всероссійской, изъ суда войск. генералного въ полковой Лубенской к-ріи сего іюня 20 дня полученномъ, изображено: войск. де тов. Іванъ Марковичъ, прошлого мая, въ судъ войск. генер. подданнимъ доношениемъ представилъ, что имѣетъ онъ, Марковичъ, наслѣдственние

добра, на которыхъ и самъ живетъ, полку Лубенкого, сотнѣ Пирятинской, а зъ насъ де нижеподписавшійся полковникъ съ полковою старшиною, імѣя къ нему Марковичу недоброхотство по причинамъ темъ, якобы первоначално полковникъ въ тяжбѣ съ нимъ Марковичемъ за грунта находится и старшина полковая зъ нѣкоторыхъ такъже, а иние по показанному отъ него по дѣламъ імѣючимся зазрѣнию, не доволствуясь ему приключаемими различними обидами и разорениями, какъ де зъ многихъ его, Марковича, жалобъ то суду генералному видимо есть, но сверхъ того, желая его въ конецъ разорить, умислили отнять дворовыхъ его служителой, кои де и должники его, подъ видомъ темъ, якоби они надобни къ производимому въ полковой Лубенской к-ріи по доносному делу о последовавшомъ отъ него, Марковича, въ служителми его жъ, надъ служителемъ же его, Марковича, пасѣчникомъ смертномъ убійствѣ и проэктомъ (sic) будто полковника командами подхватили первѣе, служителя его Івана Мазуна (кой де и господарскую службу правилъ), потомъ Григорія Орла, всадивъ ихъ въ секвестръ Лубенскій, набивъ на ихъ ножные кладѣ (sic), держали въ томъ вязенѣ чрезъ многое время, а потомъ стращая оныя боемъ, полковникъ къ себѣ въ службу звалъ; когда жъ съ тѣхъ служителей еденъ, Орелъ, убѣгая боя и не отслугивая ему, Марковичу, виноватихъ денегъ, за страсть въ службу пожелалъ, то заразъ его изъ острога освобождено и принято въ дворовую полковничую службу, кой де и поднесь въ службѣ той находится. Другой же служитель оного Марковича, Мазунъ, когда не похотѣлъ къ полковнику жъ итить въ службу, то набито еще и на руки скрипицѣ, и притомъ де якеби всѣ свои мѣри употребляеть оного Мазуна въ дѣло доносное вмѣстить и боемъ обезувѣчить, а оныхъ де служителей его, Марковичевыхъ, Орла и Мазуна, по всему доносному дѣлу не показано, да и доносчика умершого служителя его жъ Марковича женъ зъ детми (коя за покражу нѣкоторихъ зъ домовихъ вещей его Марковича одолжилась ему, Марковичу, 20 рублей денегъ отслуговувать и уже дѣйствително служила) увезено зъ села его Короваевъ къ полковнику жъ, которая де и понынѣ передержуется; и съ того забирая де поводъ и сотенное Пирятинское правление насилаемими комендами, гвалтовно, другихъ людей его Марковича, первѣе, стадника Зеленского—зъ дойва овецъ, другимъ разомъ, войта егожъ Марковича села Кулаженецъ Стукала съ синомъ оного въ полѣ—отъ жнивихъ пашень, третий,—ко-

нюха его прозивоемого Кощѣя, оставшогось отъ него Марковича зъ лошадю на пути, на доброволной дорогѣ, посхвачувавъ, въ тѳмъ сотенномъ правленіи чрезъ многое время въ вязенѣ содерживано, а наконецъ реченного стадника егожъ Марковича два рази лозою бивъ до полусмерти, а войта устрашено похвалками, ежели въпредъ будутъ въ его Марковича жить, то де и всѣмъ подданнимъ его будетъ тое що и стаднику, и збраня доволно, съ того сотенного Пирятинского правления свободно отпущены, а показанного де конюха Кощѣя отправлено въ Лубнѣ къ полковнику жъ, которого де и осадить въ острогъ подъ вязене приказано и работать де онымъ, какъ и протчими колодниками черезъ три мѣсяцы, тогда въ силу освобождено. А по правамъ де Малороссійскимъ, яко надлежитъ зъ людей его Марковича, буди хто имѣлъ до ныхъ правилную претенсию въ него, Марковича, за какову либо обиду удоволства просить; но то де какъ отъ полковой к-ріи, такъ и отъ сотенного правления въ нарушение оныхъ правъ чинится, или какъ бы подъ невѣдениемъ тѣ права обойдены бываютъ, и толко де зъ голови держится одна мнимая власть и самомнителное преимущество въ томъ, будто козаки должны быть во всемъ (какъ вышеписано и въ худомъ дѣлѣ) послушни; якожъ отъ того сотенного правления къ виполнению надъ показанним войтомъ его, Марковича, похвалокъ, чтобъ людей его, Марковича, переловливать, вязенемъ и боемъ мучить, днемъ и ноччю, ежечасно, владѣния его Марковича по селамъ, слободамъ, хуторамъ—коменди насилаются, и толко люде его, Марковича, принуждени отъ таковыхъ гвалтовнихъ наездовъ на добра его Марковича иние побегомъ, а иние скритиемъ себе, иние же обороною спасатся. Однако жъ де чрезъ таковы непорядки, ежели де оной Марковичъ указомъ охраненъ не будетъ, то люде его Марковича принуждены будуть, на крайное его Марковича разорение, въ другіе мѣста (спросивъ отпуску отъ того Пирятинского уряду, которой урядъ самъ нынѣ поводъ тому давать будеть) разойтись. И просилъ де онъ, Марковичъ, о томъ въ судѣ генер. разсмотрения, и велено онимъ суда войск. генер. указомъ прислать репортъ—показанные жалобщикови люде Іванъ Мазунъ и Григорій Орелъ почему іменно въ полковую канцелярию взяти? Съ онихъ Орелъ отпущенъ-ли къ полковнику въ службу, а Мазунъ содержится ль подъ карауломъ, и по дѣлу доносному касается ль что до ныхъ и что іменно?—И на оній суда войск. генер. указъ, полковая Лубенская

к-рія, какъ вашей ясн-ти въ покорности нижеписанное доноситъ, такъ и въ оній ген. судъ чрезъ доношение представила: хотя полковникъ съ нимъ, Маркевичемъ, за грунтикъ, іменно о владѣніи его Марковича неналежномъ млиномъ на рѣчки Бочкахъ и землею къ жалованному селу Березнякамъ принадлежащихъ, и імѣетъ дѣло, но ему, Марковичу, самъ и полковая старшина за то и нѣ за что другое жаднихъ обидъ и разореній по своимъ прихотямъ не чинили и не чинять, какъ то онъ, Марковичъ, (кромѣ служителей его по дѣлу убійства неминуемо потребнихъ), іменно тихъ обидъ не показалъ и показать не можетъ, точию, закривая то свое убійственное дѣло десператски въ едной своей неправости, дерзаетъ оболгивать насъ предъ вишшею командою невинно, якожъ по дѣлу за млинокъ правнимъ порядкомъ отъ полковника взнесена аппеляція, и зъ того ему, Марковичу, признавать обиди и разорения, а найпаче въ свободномъ своемъ владѣніи тотъ млинокъ (хотя по всему неналежно и нынѣ держащому) не слѣдуеть. Что же касается взятия его Марковича людей, тое изъ нижезначащихся дѣла его обстоятельствъ учинилося: прошлого 759 году, августа 14 дня, егда сотенная Пирятинская старшина, при доношеніи своемъ прислала въ полковую Лубенскую к-рію бывшого служителя его Марковичевого Іосифа Лвова, (кой отъ него Марковича за учиненные якобы нимъ на его, Марковича, похвалки, на урадъ Пирятинскій отъ него самоге Марковича отданъ), и при томъ доношеніи сообщила допросное того Лвова на томъ урадѣ Пирятинском показание, въ коемъ онъ, Лвовъ, по сказиванию ему другимъ служителемъ Марковичевимъ Грицкомъ Орломъ, донеслъ сотенному Пирятинскому уряду, что оной Марковичъ пасѣчника своего, козака сотнѣ Пирятинской села Усовки, Кирила Минжаренка, зъ служителями своими, реченнимъ Орломъ, братомъ его Кириломъ да жителемъ Короваювскимъ Кондратомъ Цюкаломъ, за найденние якоби нимъ Минжаренкомъ деньги, разнообразно мучили терновимъ батожжемъ, и жгучи роспаленнимъ кордикомъ, саморучно замучили въ смертъ, и въ пасѣцѣ, въ хатѣ, тѣло прикривши свитою, закопать велѣлъ; то полковая Лубенская к-рія не зъ посягательства какова и не къ причинению ему, Марковичу, разоренія, какъ онъ неразсудно то себѣ за обиду и будто по партикулярной злобѣ причиняемую вмѣняеть, но въ разсужденіи сего немалого криминалу, по коимъ, имѣя многые укази и въ силѣ онихъ высокие ордеры вашей ясн-ти, къ томужъ

и Малороссійскйе права, силна была и сама таковыя злодѣяния искоренять, но предвидя быть имѣющие отъ него Марковича (кои нынѣ лживо и происходятъ уже) на ту полковую к-рію порицания и клеветные доноси, зъ сообщениемъ оного допроса въ оригиналѣ въ войсковую генералную к-рію чрезъ доношение представила; присланний же зъ оной генер. войск. к-ріи того 759 году, октября 5 дня, ордеромъ, когда повелено сискать самого его Маркволча въ полковую к-рію и объ показиваемомъ на него и служителей его криминалѣ выизслѣдовать и по выизслѣдованіи, чему виновние подлежатимуть въ силѣ указовъ и правъ, учинить мнѣние і въ судъ генер. къ разсмотрению прислать. Тогда оная полковая к-рія, исполняя тотъ генер. к-ріи ордеръ, октября 7 дня, при указѣ значк. полк. Лубенского тов. Омеляна Івахненка опредѣливъ, велѣла, дабы онъ силою того указа востребовавъ отъ старшини Пирятинской опредѣления къ себѣ одного какого урядника и двохъ человѣкъ достойнихъ козаковъ, да писца и пристойного числа коменды, вмѣстѣ съ ними и съ присланнимъ до того отъ старшини Пирятинской служителемъ Марковичевимъ Кондратомъ Цюкаломъ, (кой самъ созналъ, что убитого Минжаренка пасѣчника въ пасѣчной хатѣ закопувалъ), и съехалъ прямо въ пасѣку Марковичеву, мѣсто, кое онъ Цюкало покажетъ, откривъ, освидѣтелствовать—имѣются ли тамъ человѣческие кости либо еще не согнилие свиты, и земля на томъ мѣстѣ рушиная ль или ни? И что явится, все то по самой сущой християнской справедливости обстоятелно описать, ту опись и самого колодника Цюкала обратно при доношеніи своемъ, за карауломъ, въ полковую к-рію представилъ, а притомъ и объ Марковичевихъ служителяхъ онимъ Цюкаломъ и Львовимъ показаннихъ къ тому убійству, якоби приличившихся, Грицку Орлу и брату его Кириллу, Герасиму Вовненку Василю Рубану, Марку, Мажараковому зятю, и Івану Мазуну, яко они люде неосѣдліе, вездѣ обискъ учинилъ, и гдѣ бъ сискани быть могли, оныхъ силою уряду і правъ, взявъ и забывъ въ колодки, за карауломъ въ судъ полк. представилъ; самъ же онъ, Марковичъ, чтобы къ отвѣту на правній четверонедѣлній срокъ явился, о томъ и къ нему Марковичу особливо предложено. И за поворотомъ своимъ означенній Івахненко поданнимъ доношениемъ представилъ, что онъ съ опредѣленними отъ уряду Пирятинского въ бывшую Марковичеву пасѣку ездилъ, и по показанию служителя Цюкала, мѣстце тое, где умерщвленній пасѣч-

никъ Минжаренко лежитъ, розрили, всѣ человѣческіе кости, тамо лежащые еще цѣлие, и свиты потлѣлие видѣли; зъ служителей же его Марковичевыхъ—Василя Рубана, Грицка Орла и Герасима Вовненка одискавъ, комендою за карауломъ въмѣстѣ съ онимъ Цюкаломъ въ полк. Лубенскую к-рію представилъ, которие какъ въ допросахъ своихъ, такъ и за сискомъ самого Марковича, будучи съ нимъ на очнихъ ставкахъ, въ присутствіи опредѣленныхъ отъ генер. воск. к-ріи б. тов. Василия Григоріевича Кулябки и в. тов. Евстафія Ходоровского, кои нынѣ уже отъ присутствія по сему і прочіимъ дѣламъ уволнены, между протчіимъ показали, что съ ныхъ Цюкало, Рубанъ и Вовненко, съ бывшим при немъ, Марковичу, войск. к-стомъ Павловскимъ и служителми Демяномъ Орломъ, Маркомъ Мажараковимъ зятемъ и Кирилломъ Баранникомъ, кои и понынѣ въ бѣгахъ находятся, по приказу Марковичевому и при бытности самого его, допитиваясь, якобы знайденнихъ тѣмъ пасѣчникомъ Минжаренкомъ денегъ, оного Минжаренка лозовимъ батожжемъ, розками березовыми и терновими дубцями нѣсколко разъ, чрезъ два днѣ, по спинѣ и по животу били, а напослѣдокъ, другого дня, самъ онъ, Марковичъ, скричоватимъ арапникомъ билъ, и винявши съ ноженъ кордикъ и роспаливъ на огнѣ, двожди литки того жъ пасѣчника жеглъ, и какъ оной пасѣчникъ близъ смерти находился, то съ показаннимъ Павловскимъ онъ, Марковичъ, отехалъ, а его Цюкала зъ Баранниченкомъ, въ бѣгахъ находячимся, оставилъ при тому пасѣчнику, который егда тоя жъ ночи умре, то зъ приказу его, Марковича, прибѣгшого самого туда съ Павловскимъ, викопавъ оной Цюкало зъ Баранниченкомъ посередь изби на тѣло мертвое яму, а онъ, Марковичъ, покропивъ водою святою и постлавъ едну свиту въ ямки, а другою накривъ, тѣло закопали и землею зровняли и попиломъ позасипали, а осталную землю въ вовковню повыносили. И по приказу егожъ, Марковича, обявляли, якоби тотъ пасѣчникъ зъ ихъ недосмотру отехалъ; каковъ же вмѣстѣ съ ними, Марковичевими людми, Грицко Орелъ присланъ, тотъ по допросамъ самого его и другыхъ при мученіи пасѣчника и въ службѣ въ Марковича тогда не находился, и для того за усмотрениемъ, что его содержовать въ острогѣ далѣ не для чего было, заразъ зъ подъ того караулу по опредѣлению свободно отпущенъ; а по томъ отпускѣ, не желая самъ онъ болѣе къ Марковичу въ службу итить, по желанию своему, присталъ въ годовую службу не къ пол-

ковнику, но къ сину его б. тов. Івану Кулябкѣ, и какъ зъ снятой зъ него сказки, (о коей при семъ точная копія къ усмотренію прилагается), значится ему, Марковичу, не чего не долженъ, еще самъ онъ, Марковичъ, за бывшую въ него пятогодную службу, за всякій годъ по два рублѣ и по два днѣ присѣвку жита, да за три года по парѣ рубашокъ зъ портками ему, Орлу, долженъ, и двохъ де заслуженнихъ кожуховъ не далъ; къ тому же де онъ, Марковичъ, взявъ жену его, Параскеву, въ службу, зъ собою завезлъ въ Журавку, а по той увозки оставшоеся въ дворѣ его, Марковича, отъ грудей полугодное дитя мужеска полу собаками егожъ Марковича въ смерть удавлено, о чемъ де отъ него Орла імѣеть быть особо на него Марковича подано доношеніе. И для того онъ, Орелъ, по освобожденіи своемъ зъ острога къ нему, Марковичу, не пошолъ де въ службу, а сталъ служить зъ своей волѣ свободно при воспомянутому б. тов. Кулябкѣ. Другій же служитель тогожъ Марковича Мазунъ, боемъ (:какъ Марковичъ ложно показуеть:) не изувѣчиванъ и въ службу къ полковнику званъ не былъ и не требуется, а держится зъ опредѣления полк. к-ріи между прочими по тому жъ убійственному дѣлу, еще, за утекомъ изъ Лубенъ Марковичевимъ, совершенно недоконному. Подкреплѣнъ же арестомъ зъ тѣхъ обстоятелствъ, что онъ, Марковичъ, не точию служокъ своихъ подъ острогъ подсилаетъ бывало, но и самъ не одиножди подхоживалъ, видимо не съ инимъ какимъ намѣрениемъ, но чтобъ ихъ каковимъ либо ухищрениемъ освободить, и не одиножди на свои поруки требовалъ, но отъ полковой канцеляріи яко самъ зъ всѣхъ ихъ допроснихъ показаніи и очнихъ ставокъ, явился дѣйствителній убійца, сего не учинено. Третого-жъ служки, доносителя Львова жени зъ дѣтми ея, какъ къ полковнику зъ села Короваевъ не увоживано, такъ и въ дворѣ никогда не было и не передержуется, и гдѣ она находится неизвѣстно. А самъ тотъ мужъ ея Львовъ, по освобожденіи его зъ острога, съ опредѣления полк. к-ріи по сему резону, яко доносъ его Львова въ замученіи часто упоминаемого пасѣчника, зъ показанія и признания другихъ предпоказанныхъ служителей самихъ, зъ приказу того жъ Марковича дѣйцовъ, (sic) явился быть праведній, въ 759 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, хотя присталъ было въ дворовую къ полковнику службу, но зъ пожития его малого, егда усмотрено по немъ неспособность, тотъчасъ зъ двора и отказано; кой после жилъ въ зн. тов. Іосифа Полянки, гдѣ и умре.

Конюхъ же Марковичовъ Никита Кощѣенко за присилкою отъ старшини Пирятинской держанъ былъ, потому что онъ, Марковичъ, взялъ было тайно зъ села Мойсовки владѣнія его свѣтл. князя Трубецкого вышеупомянутого служителя своего Мазуна, при конюшнѣ тамо находячогось, и самого посадя на коляски зъ собою увезлъ, а реченній Кощѣенко, за усталлю лошади, конпанѣйцами изъ того села Мойсовки, отъ кол. ассессора и полковника компанѣйского Крижановского посланними, на пути изиманъ, и замѣсто Мазуна въ Мойсовку представленъ, а по усмотренію, что не Мазунъ, въ Пирятинъ присланъ, зъ Пирятина жъ въ Лубнѣ, откудова такожъ, что на него Кощѣя приличія къ убійству пасѣчника нѣтъ, зъ определения отпущенъ. Другихъ же его Марковичовыхъ людей, кои къ убійству не прилични переловливать, вязениемъ и боемъ мучить днемъ и ноччю ежечасно владѣнія его Марковича по селамъ, слободамъ и хуторамъ комендъ насилать никогда не велено, но то все онъ, Марковичъ, лжетъ и неправедно полковника и полковую канцелярію съ партизантомъ своимъ, безъ всякаго званія и службы шатаючимся, а називаючимъ себе и пишущимъ значковимъ Переясловского полку товарищемъ Костемъ Шулячевскимъ, въ самомъ же существѣ дѣла однимъ пакостнимъ человѣкомъ, мараетъ напрасно. Велено же толко старшинѣ Пирятинской самихъ приличившихся къ убійству пасѣчника и до сего въ бѣгахъ находячихся людей его и другихъ удобовозможними способы вездѣ по хуторамъ и другимъ скритимъ мѣстамъ сискивать, почему невиннимъ Марковичевимъ людемъ, хотя бы во владѣние его, Марковича, и коммендн посилани были для обиску оныхъ приличившихся къ убійству, побѣговъ чинить и скриватся не для чего было. Что же онъ, Марковичъ, въ своемъ представленіи и сие еще показалъ, якоби чрезъ непорядкн наши и сотенного Пирятинского уряду, ежели онъ охраненъ не будетъ, то принуждени будутъ люде его въ другие мѣста розойтись, тѣмъ онъ, Мартовичъ, зъ поводу тогожъ товариша своего Шулячевского предъ кеммендою всекрайнѣйшую намъ причиняетъ невинно обиду, якожъ по всему вишеписанному, что никакихъ непорядковъ не слѣдовало и не слѣдуетъ, но чинится все то за судное правное повелѣние, по присяжной должности, и во исполнение высокихъ вашей ясн-ти и войсковой генер. к-ріи ордеровъ, какъ то и прошедшого априля 20 дня полученнимъ отъ вашей ясн-ти въ полковой к-ріи высокимъ ордеромъ повелено самого его,

Марковича, гдѣбы онъ ни былъ, чрезъ нарочнихъ сыскавъ, не смотря ни на какие его отговорки въ докончении повеленного слѣдствія поступить съ нимъ въ силѣ указов и Малороссійскихъ правъ, и виновній чему будеть подлежать, учиня мнѣние въ генер. судъ при рапортѣ прислать не закосня. И во исполнение оного вашей ясн-ти высокого ордера, хотя уже двократно нарочними искано его, Марковича, но онъ отъ докончанія слѣдствія избѣгая, мимо генер. войсков. к-рію, крючись по суду генералному, на полк. Лубенскую к-рію невинно клевещеть, о томъ сами ваша ясн-ть зъ представления сего заблагоусмотрѣть можете. Въ случаи же каковыхъ и непорядковъ не ему, Марковичу, столь самому порочному человѣку, пашквиліовать и честь нашу поносить, но коммандѣ могло бъ быть усмотрение. И для того вашей ясн-ти полк. Лубенская к-рія обо всемъ вышеписанномъ репортуя, пок. просить, дабы повелено было на таковыхъ его, Марковича, лживихъ представленияхъ не увѣряясь, отъ суда генер. самого его къ докончанию оного слѣдствія за конвоемъ въ полк. к-рію выслать, чтобъ за недоконченние до сего оного слѣдствія предъ вашею ясн-тию не подпасть отвѣту; а что онъ же, Марковичъ, насъ невинно предъ судомъ генер. оболгиваеть и чрезъ таковы напрасние обноси и стязания отъ суда генер. чинятся, за то ему Марковичу безъ штрафа не оставить, дабы и другимъ на то смотря, чинить сего было неповадно.—Полковникъ Лубенский Іванъ Кулябка. Писарь полковый Андрей Стефановичъ. 1760 года, іюня 30 дня.

Цѣна 2 руб., съ пересылкой.

Цѣна II-й книги **„Чтеній въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца"** 3 р., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й	книгъ	по 2 р. 50 коп. (каждой)	съ пересылкой
„ VI-й	„	„ 3 р. 50 коп.	
„ VII-й	„	„ 3 р.	
„ VIII-й	„	„ 2 р.	
„ IX-й	„	„ 3 р.	
„ X-й	„	„ 2 р.	

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси"**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда", два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878. Цѣна 15 руб. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).